ПИСЬМА ШОПЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕКТОР
МОСКВА 1929

150

Ф. ШОПЕН

ПИСЬМА

Перевод АННЫ ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

Под редакцией А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕКТОР
Москва — 1929

MUZEUM INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA
Zbiory Stowarzyszenia
1052
B/5a/116
sygn. 1052
akc. Cz. I/52

Главлит А—41930. Москва, 1929. Тираж 2000 экз.

Нотопечатня Гиза, Колпачный пер., 13. Тел. 2-91-77. Зак. 144.

Неизвестный художник. Портрет Шопена (гравюра).

Анна Алексеевна Гольденвейзер.

4 ноября скончалась переводчица настоящей книги, Анна Алексеевна Гольденвейзер (урожд. Софиано).

А. А. родилась 9 декабря (ст. ст.) 1881 г. По окончании среднего учебного заведения А. А. поступила в Московскую консерваторию, которую окончила по классу В. И. Сафонова в 1905 году с большой серебряной медалью. Отказавшись, благодаря преувеличено-строгому отношению к себе, от концертных выступлений, А. А. работала, как педагог, в Московской народной консерватории, а после ее ликвидации в техникуме имени Линевой; позже, до самой смерти, — в техникуме имени бр. Рубинштейн в Москве. Среди ее многочисленных учеников — немало выдающихся, напр. В. В. Нечаев, братья Григорий и Яков Гинзбурги и др.

Мысль перевести на русский язык письма Шопена явилась у Анны Алексеевны года 4-5 тому назад. А. А. собрала их из различных изданий перевела с оригинала (за исключением немногих писем, оригинал которых остался ей неизвестен). Все собрания писем Шопена, издававшиеся до настоящего времени за границей, — далеко не полны. Летом 1928 г., когда настоящая книга уже подготовлялась к печати, в Мюнхене вышло на немецком языке наиболее полное собрание писем Шопена в переводе А. Гуттри; но и в этом собрании писем несколько меньше, чем в собрании А. А-ны.

А. А. работала над переводом писем Шопена с большой любовью, и сознавая приближение неизбежного конца, с грустью говорила, что не доживет до их выхода в свет. Она не ошиблась ..

Пусть эта книга останется памятником над ее преждевременной могилой...

ОТ РЕДАКТОРА.

Восемьдесят лет прошло со дня смерти Шопена. Большинство современных нам композиторов далеко ушло от того музыкального языка, на котором творил Шопен. Тем не менее, его сочинения, давно ставшие классическими, попрежнему волнуют и захватывают слушателей и остаются одними из наиболее ценных в репертуаре пианистов и любителей.

Свежесть произведений Шопена, не говоря уже об его несравненном творческом даре, обусловлена также их живой связью с народной музыкой Польши; народному же творчеству всегда присущи неувядаемость и свежесть. В музыке Шопена сочетаются печаль и радость, мягкая меланхолия с торжественной бодростью, безысходный пессимизм с светлым юмором.

Существует не мало книг о Шопене на главнейших европейских языках, в которых рассказываются факты из его жизни и разбираются его творения; но в биографии его — все-таки немало невыясненных вопросов, и его личность во многом остается загадочной.

Больше чем все рассуждения и рассказы биографов приближает нас к живому Шопену знакомство с его письмами. Обладая несомненным эпистолярным талантом, Шопен в своих письмах, особенно в письмах к родным и к некоторым близким друзьям, раскрывается перед читателем со своей прекрасной душой, тонко-деликатной, любящей, целомудренно-сдержанной.

Разумеется не все в мировоззрении Шопена и в его взглядах на современные ему события окажется близким и понятным читателю наших дней. Нам далек, например, его польский национализм, вполне однако об'яснимый пережитыми им в молодости впечатлениями польского восстания 1830-31 г.г., оторванностью от родины и близких, а главное—тем гнетом, который Польша испытывала под тяжелой пятой русского царизма. Но если и есть во взглядах Шопена кое-что мало нам теперь понятное и чуждое, то все это блекнет перед обаянием его чуткой артистической натуры, — его удивительной искренностью, мягким юмором и тонким пониманием людей. Читая письма Шопена, начинаешь любить его, как дорогого, близкого человека.

Тяжелая драма разрыва с Жорж Санд и последовавшая за этим предсмертная поездка Шопена в Англию и Шотландию—эта мучительная агония Шопена-человека и художника—производит сильное, волнующее впечатление.

Если естественно и законно желание ближе узнать личность любимого художника, то знакомство с письмами Шопена как нельзя лучше удовлетворяет этому желанию. В России Шопен давно уже стал одним из самых любимых композиторов, и издание на русском языке его писем несомненно должно встретить живой отклик у нашего читателя.

А. Гольденвейзер.

Москва, 21 мая, 1929 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

В основу настоящего издания положены следующие источники:

1) Ferdynand Hoesick: Chopiniana, Tom I. Korespondencya Chopina, Warszawa, 1912.

2) M. Karłowicz: Pamiątki po Chopinie, Warszawa, 1904.

3) H. Opieński: Chopin, Lwow-Warszawa, 1925.

4) St. Pereświet-Soltan: Listy Fryderyka Chopina do Jana Bialoblockiego, Warszawa, 1926.

5) B. Scharlitt: Friedrich Chopins gesammelte Briefe, Leipzig, 1911.

6) Dr. A. v. Guttry: Chopins gesammelte Briefe, München, 1928.

7) W. Karénine: George Sand, sa vie et ses oeuvres, Paris, 2-me édit. 1899—1912.

8) Русская Музыкальная Газета, 1910, № 9/10.

Предлагаемые 313 писем расположены в хронологическом порядке. 305 из них и два отрывка из дневника 1831 года принадлежат Шопену, а 6 написаны другими лицами и только адресованы ему. Они включены в настоящую книгу, так как дополняют и уясняют многое в письмах самого Шопена.

Большинство писем Шопена (196) и один отрывок из дневника переведены с польского оригинала: 170 из книги Гёзика, 14 писем к родным—из книги Карловича и 13 писем к товарищу юности Яну Бялоблоцкому — из книги Пересвет-Солтана. Остальные 20 писем к родным, а также 18 писем к различным адресатам переведены с немецкого перевода (Б. Шарлит и А. Гуттри), так как переводчику к сожалению неизвестно, где находятся и изданы ли их польские оригиналы. Девять из этих писем к родным опубликованы в 1869 г. Карасовским в «Oddruk z Biblioteki Warszawskiéj, 1869 roku, Warszawa», однако точность этого текста оспаривается исследователями.

Письма Шопена к Жорж Санд и ее дочери Соланж Клезанже переведены с французского оригинала. Также по-французски написаны письма к ученице Шопена Марии де-Розьер, несколько писем к его издателям Плейелю, Брейткопфу и Гертелю и некоторым другим лицам. Часть писем к Брейткопфу и Гертелю написана по-немецки. Два письма заимствованы из «Русской Музыкальной Газеты» и известны переводчику только в русском переводе. В оглавлении около каждого письма помечен язык, с которого оно переведено.

Многие письма Шопена к сожалению пропали. Уцелевшие распределены по годам очень неравномерно. Больше всего писем (34) сохранилось за 1848 г., время пребывания Шопена в Англии, и меньше всего—от первых лет жизни в Париже (начало тридцатых годов). Так, например, от 1834—1835 г.г. уцелело только по одному письму, а от 1833 г. всего два.

Письмам Шопена вообще не везло: значительная их часть, и как раз самая интересная в биографическом отношении, погибла, как известно, во время польского восстания 1863 года от пожара. Это были письма к родным очень длинные и подробные, представлявшие собою нечто в роде дневника. Повидимому их было очень много, но сохранилось всего 34, причем с 1836 г. по сентябрь 1844 г. не уцелело, к сожалению, ни одного письма. Та же печальная участь постигла и переписку Жорж Санд с Шопеном, с тою разницей, что письма к родным погибли от стихийного бедствия, а переписка с Жорж Санд была сожжена самой писательницей. Из писем Шопена к ней случайно уцелело 17, которые ниже и приводятся.

Погиб также дневник Шопена, сгоревший в имении Чарторижских Юстовой Воле вместе со многими письмами Шопена к Гржимале. Пропали почти все письма к самому близкому, рано умершему другу Шопена, Яну Матушинскому, писанные с Майорки, из Марселя и Ногана. Бесследно исчезло целое собрание писем к Томашу Нидецкому и много писем к друзьям юности Войцеховскому и Дзевановскому, относившихся к первым годам парижской жизни Шопена. Письма к Гладковской (первая любовь Шопена) были сожжены самой адресаткой. Словом, пропало так много, что трудно решить каких больше — пропавших или уцелевших.

Многие письма уцелели совершенно случайно. Так, опубликованные в 1926 году письма к Яну Бялоблоцкому неожиданно нашлись во время последней войны при эвакуации варшавских архивов в Москву и потом обратно в Варшаву. По имеющимся сведениям часть писем Шопена (напр., письма к гр. Потоцкой) до сих пор находится в частных архивах, но не опубликовывается владельцами.

Из сохранившихся писем наибольшее количество (56) адресовано очень близкому другу Шопена гр. Альберту Гржимале. Второе место по количеству (53) занимают письма к Юлиану Фонтане, с которым Шопена в течение всей его жизни связывала самая тесная дружба. После смерти Шопена Фонтана редактировал посмертное издание его сочинений.

В настоящем издании собраны все до сих пор опубликованные письма Шопена, причем многие из них датированы иначе, чем в других изданиях,

что всегда оговорено и мотивировано в примечаниях. Переводчиком установлен также день отъезда Шопена из Лондона (23/XI—1848 г.), который биографы относили к январю 1849 г., а некоторые (Гёзик) даже к марту 1849 г.

В приложении помещено письмо Гржималы к парижскому банкиру Августу Лео о последних минутах Шопена, а также заметка о портретах и внешности Шопена. В конце книги дан указатель имен и оглавление писем по адресатам в алфавитном и в хронологическом порядке. Текст, не принадлежащий Шопену, взят в прямые [ ] скобки.

Анна Гольденвейзер.

27 декабря 1928 г.

---

1. Шопен своему отцу.

6 декабря 1818.

Милый папа!

Хотя мне было бы легче выразить свои чувства, переложив их в звуки, но даже наилучший концерт не может выразить моей привязанности к тебе, милый папа, и я должен поэтому призвать на помощь простые слова моего сердца, чтобы с сыновней почтительностью и любовью принести тебе свою искреннюю благодарность.

Ф. Шопен.

2. Шопен Евстафию Марильскому [1]).

[Варшава, сентябрь 1823].

Дорогой Марильский!

Я сам был у пана Забелевича, чтобы узнать, когда начинаются занятия с начинающими, а не экзамены. Он мне ответил, что занятия начнутся шестнадцатого или семнадцатого этого месяца, потому что комиссия еще не установила, будет ли открытое заседание академии пятнадцатого или шестнадцатого. Кроме того, он мне сказал, что лекции будут утром, а испытания, напротив, после обеда, и что, начиная с 15-го, он никого более записывать не будет. Извини, я пишу так дурно оттого, что спешу.

Итак, передай Вельцу [2]) то, что я тебе написал, и кланяйся очень от меня ему и Титу [3]). Бялоблоцкий [4]) в субботу приехал в Варшаву, во вторник должен записаться, только в среду уехать и потом вернуться к началу занятий.

---

[1]) Школьный товарищ 13-летнего в то время Шопена, один из пансионеров Николая Шопена (отца композитора).

[2]) Кароль Вельц, побочный брат Тита Войцеховского, и также как и Войцеховский товарищ Шопена.

[3]) [4]) Ян Бялоблоцкий, товарищ Шопена по лицею, родился в 1805 г., умер 31 марта 1823 года.

Папа и мама шлют поклон чете Марильских, а Людвика [1]) твоей сестре. Сердечно обнимаю тебя вместе с твоими братьями.

Ф. Шопен.

Г.г. Куликовский, Карвовский, Вильчинский и Кржвицкий уволены, а вместо Куликовского кафедру занял тот профессор из Калиша. Пан Доброноки шлет тебе поклон. До свидания!

Никому не показывай этого письма, потому что всякий скажет, что я совсем не умею писать и недостаточно политичен.

(9) **3. Шопен Вильгельму фон-Колобржег-Кольбергу.**

Шафарня [2]), 19 августа 1824.

Милый Вилюсь!

Благодарю тебя, что ты меня вспомнил, но все же я тебя бранил за то, что ты такой скверный, дурной и т. д. и пишешь мне второпях. Неужели тебе жаль бумаги, пера и чернил? Или может быть у тебя не было времени, что ты только приписал? Да, да,— ездишь верхом, болтаешь и совсем не помнишь обо мне... Но оставим это—поцелуй меня и—мир!

Я очень рад, что ты хорошо себя чувствуешь и весел, — это необходимо в деревне. И мне также приятно тебе написать. И я также чувствую себя здесь совсем не плохо, и не один ты только ездишь верхом, так как я тоже могу—сидеть на лошади. Не спрашивай, хорошо ли, но по крайней мере так, что лошадь медленно трусит, куда ей вздумается, а я сижу на ней, об'ятый страхом, как обезьяна на медведе. До сих пор я еще не слетел, потому что лошадь меня не сбросила, но все-таки вероятно когда-нибудь полечу, если ей это взбредет на ум.

Я не буду тебе морочить голову своими разговорами, потому что знаю, что это не принесет тебе никакой пользы. Мухи часто садятся на мой торчащий нос, но это не беда — такова уж привычка этих назойливых созданий. Меня кусают и комары, но это однако не имеет такого значения, так как они кусают не за нос. Я много бегаю по саду, иногда, впрочем, и хожу там. Хожу или езжу я и в лес, *nota bene* — не на лошади, а в повозке, карете или коляске, однако с таким почетом, что сижу всегда на запятках.

Может быть я тебе уж надоел, но что-же мне делать! В случае же если нет, — напиши мне с ближайшей почтой, и я сейчас-же буду продолжать свои litteralia.

---

[1]) Старшая сестра Шопена (1807 — 1855), с 1832 г. жена Каласанти Едржеевича, больше всех похожая на брата и внешностью и характером. Он любил бывать в ее обществе и часто играл с нею в 4 руки, потому что она была самая музыкальная в его семье.

[2]) Имение родителей Доминика Дзевановского, школьного товарища Шопена, где он проводил летние каникулы.

Во всяком случае, заканчиваю свое послание без комплиментов, но все-таки по-дружески: прощай, милый Вилюсь, и пожалуйста *пиши* мне не только в приписках к чужим письмам. Через 4 недели мы увидимся.

Сердечно обнимаю тебя. Твой верный друг

Ф. Шопен.

Передай мое почтение твоей маме и твоему папе и обними своих братьев.

(14) **4. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Соколово, конец лета 1824 или 25 г. [1]].

Дорогой, любимый Яльку!

Завтра очень рано мы выезжаем. Я обещал еще вчера быть у тебя, но только нынче мог приехать в Соколово. Мне очень досадно, что уж не увижу тебя больше в течение этих каникул, поэтому я должен проститься с тобой, хоть на этой бумажке и отдать тебе письмо к панне Констанции [2]), присланное Людвикой с этой почтой в письме ко мне. Желаю тебе наилучшего здоровья. Желаю тебе, чтобы нога твоя окончательно выздоровела. Поцелуй от меня твоего отца и поблагодари за отвар [3]), за тот отвар, которому я так многим обязан. Передай, что я никогда этого не забуду.

Итак, милый Ясь, мы должны расстаться, не попрощавшись настоящим образом. Целую тебя сердечно. Помни обо мне, как и я помню о тебе.

Ф. Ф. Шопен.

Поклоны панне Флорентине [4]).

Я хотел бы ехать в Радомин [5]) за вами, но это невозможно. Хотел бы ждать — невозможно, потому что панна Людвика [6]), ох, уж эта панна Людвика! ждет меня. Я вернусь живо, так как она хочет сейчас укладываться. Поцелуй меня!

[На обратной стороне:]

Ты не поверишь, как мне досадно, как мне досадно!.. И как мне не хочется уезжать! Зачем же я столько трясся в бричке, если никого не застал? Но ты по крайней мере будешь знать, что я был тут. Я был здесь, чтобы сердечно проститься с тобой и с твоим отцом.

Сам не знаю, о чем написал,—я в таком состоянии, в каком еще никогда не был.

---

[1]) В оригинале письмо не датировано. Оно могло быть написано в конце лета 1824 или 1825 г.г., когда Шопен проводил летние каникулы у Дзевановских в Шафарне.

[2]) Сестра Яна Бялоблоцкого.

[3]) Настойка из жженных жолудей, рекомендованная Шопену врачем.

[4]) Флорентина Выбранецка, кузина Антона Выбранецкого, отчима Яна Бялоблоцкого.

[5]) Местечко, соседнее с Шафарней и Соколовым.

[6]) Людвика Дзевановска, сестра Юльюша Дзевановского, владельца Шафарни.

(17)

5. Шопен своим родным в Варшаву [1]).

Ковалёво, пятница (1825).

Милые родители и вы, любимые сестрички!

Так как здоровье служит мне, как дрессированный пес, а пан Збоинский [2]) опускает желтые глазки [3]), и так как мы едем в Плоцк, то с моей стороны было бы безумием не сообщить вам об этом. Значит, нынче в Плоцке, завтра в Розичеве, после завтра в Киколе, дня два в Тужине, дня два в Козлове и сейчас же в Данциг и обратно. Может быть мне кто-нибудь скажет: „видно, что он торопится домой, если о нем вспоминает“. Нет, нет, совсем нет, ваша милость очень ошибается, потому что я написал это только для возбуждения того приятного чувства, которое мы обычно испытываем при свидании. И кто стал бы тосковать? Я — ни в каком случае. Может быть кто-нибудь другой и тоскует, но не я... А из Варшавы все-таки нет письма; нынче в Плоцке я переверну вверх дном всю почту, чтобы найти там хоть что-нибудь для себя. Как вам там живется на новой квартире? Готовятся ли уже к экзаменам? Вздыхает ли Тит по деревенскому житью? И Прушак [4]) тоже? Как там пан Скарбек с'ел свой обед, который был в проекте 3-го числа, когда я собирался вместе с ним ехать в деревню? Мне все любопытно, как бабе. Но что же делать? Если псу не дают мяса, то он постится; что-ж ему остается делать, как не бегать во все стороны, чтобы поискать себе добычу? Я тоже еду в Плоцк за мясом, так как предполагаю, что вы, господа, не знали, что последняя почтовая станция в Лете. Теперь опять наступит долгое отсутствие писем. Я не буду поэтому беспокоиться, так как трудно знать, где меня найти; я же буду писать регулярно и дам знать, куда адресовать, чтобы до меня что-нибудь дошло. Как утверждает пан Збоинский, в Козлов можно писать через Торн и Швец, чтобы мы, приехавши туда, застали уже письмецо. Недурная идея; я надеюсь, что оно будет адоптировано (это для Изабеллы!) [5]).

Вам, сестры, я хотел послать свой вальсик, но у меня нет времени писать, потому что сейчас мы садимся в экипаж; теперь утро, 8 часов (раньше семи мы никогда не встаем), воздух свежий, солнце светит чудесно, пташки чирикают, ручейка здесь нет, а то бы и он журчал, зато тут есть пруд, и лягушки квакают прелестно! Но самое интересное это черный дрозд, который старается под окнами изо всех

[1]) Адрес на конверте: Г-ну профессору Шопену в Варшаве, дворец Казимира, в правом флигеле.

[2]) Друг семьи Шопена, у которого гостил Фредерик во время школьных каникул.

[3]) Непонятно, на что намекает Шопен.

[4]) Семья Прушаков—близкие знакомые Шопенов.

[5]) Вероятно словом „адоптировано“ Шопен хотел подразнить свою сестру Изабеллу за ее неправильное употребление иностранных слов.

сил, а после дрозда—самая младшая дочка пана Збоинского, Камилка, которой еще нет двух лет; она меня полюбила и лепечет: „Кагила“ пана „юбит“. Как она „юбит“ меня, так я в биллион раз больше папу и маму. Папу и маму любит, почитает и целует им ручки

преданнейший *Ф. Шопен.*

Сестричек целую, целую, целую.
Всем: Титу, Пруш., Барток. [1]), Иг. всего наилучшего.

(18)

6. Шопен Яну Матушинскому [2]).

Шафарня, 1825.

Милый, дорогой Ясь!

Ах! М-м Севинье была бы не в состоянии описать тебе мою радость от твоего так неожиданно полученного письма, потому что скорее я мог ожидать смерти, чем такого сюрприза; никогда не пришло бы мне даже в голову, что этот отчаянный книгоед, этот филолог, который копается только в Шиллере, мог бы взять в руки перо с намерением написать письмо такому растрепанному как дедовский кнут цимбалисту, до сих пор не прочитавшему ни одной латинской строчки, этакому поросенку, толстеющему на пойле и вздумавшему нагнать хоть десятую долю твоего жиру. Это действительно большое счастье, или вернее большая милость моего Яся, которая мне никогда не могла быть так дорога, как теперь, и я не простил бы себе, если бы оскорбил сало панского высокоблагородия тем, что не потрудился взять перо в руки.

Все, что я до сих пор написал, было вступлением, теперь я обращаюсь собственно к делу, и если ты со своими Пулавами и зайцем хотел нагнать на меня страху, то я имею намерение со своим Торном и своим зайцем, который наверное покрупнее твоего, и с четырьмя куропатками, которых я когда-то принес с поля, уничтожить некоего неопытного охотника.

Что же ты видел в Пулавах? Что же? Видел ли ты хотя бы крошечную частичку того, что видели мои очи? В Сибилле ты верно видел только кирпич, вынутый из дома, где родился Коперник. А я видел весь этот дом, все это место, хотя теперь и несколько профанированное. Представь себе, милый Ясь, что в том углу комнаты, где появился на свет божий знаменитый астроном, стоит кровать какого-то немца, который, об'евшись картофелем, наверное довольно часто пускает зефиры, а по тем кирпичам, один из которых с большими

[1]) Антон Феликс Барцинский (1803 — 1878), в то время гувернер в пансионе Николая Шопена, студент-математик варшавского университета, сердечный друг Шопена и всей его семьи, впоследствии муж его сестры Изабеллы.

[2]) Один из самых близких друзей Шопена.

церемониями был послан в Пулавы, ползает не один клопик. Да, брат, немец не обращает внимания на то, кто жил в этом доме и проделывает такое на целой стене, чего княгиня Чарторижская не сделала бы и на одном кирпиче.

Но оставив Коперника, я начну о Торнских пряниках [1]). Нельзя сказать, чтобы ты не знал их хорошо, а может быть и лучше, чем Коперника. Но все же я сделаю тебе о них важное сообщение, которое может быть тебе пригодится для какой-нибудь шпаргалки. Сообщение это следующее. По обычаю здешних пряничников лавки, где продают пряники это — сени, уставленные хорошо запирающимися на ключ ящиками, в которых почивают пряники, рассортированные и уложенные дюжинами. Ты конечно не найдешь этого в Иллиаде, однако я, зная твою любознательность в столь важных вещах, сообщаю это тебе, чтобы при переводе Горация ты смог помочь себе в сомнительных и запутанных местах. Вот и все, что я в состоянии написать тебе о Торне; может быть узнаю больше, но пишу тебе только, что самое большое и сильное впечатление произвели на меня пряники. Правда, я видел всю крепость со всех сторон города с различными подробностями, видел знаменитую машину для перевозки песку с одного места на другое, машину чрезвычайно простого устройства, но весьма интересную, которую тамошние немцы называют „песочной машиной“ (Sandmaschine), кроме этого — готические костелы, построенные и основанные крестоносцами, один из которых построен в 1231 году. Видел я наклонную башню и знаменитую ратушу, как снаружи так и внутри; величайшая особенность ее заключается в том, что в ней столько окон, сколько в году дней, столько зал, сколько месяцев и столько комнат, сколько недель, и вся она построена в великолепном готическом стиле. Однако все это не превосходит пряников. Ах, пряники! один из них я послал в Варшаву.

Но что я вижу? Едва присел, а уж передо мной последняя страница. Мне кажется, что я только что принялся за писание, что я только что начал с тобой болтать, а уже надо кончать! Дорогой, милый Ясь, я в состоянии только сердечно обнять тебя. Уже 10 часов, все идут спать, приходит и мой черед. В Варшаве, 22-го сентября (так как раньше я там не буду) я докончу на словах и горячо тебя обниму, дорогой Ясь. Теперь за 20 миль прижимаю тебя к своим губам и сердечно говорю до свидания!

Твой самый верный, преданнейший друг

Ф. Шопен.

Как я жажду тебя видеть! я бы пожертвовал и не играл две недели, лишь бы увидеть тебя в действительности; в воображении же

[1]) По-польски здесь игра слов: Kopernik и Piernik (пряник).

NÁRODNÝ INŠTITÚT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA

я тебя вижу ежедневно. Никому не показывай этого письма, потому что мне стыдно. Я сам не знаю, есть ли в нем смысл, потому что я не перечитал его.

7. Шопен Яну Бялоблоцкому.

(Варшава), пятница 8 июля 1825.

Милый Ясь!

Хорошо, что случилась такая благоприятная оказия написать тебе. Во-первых, сообщаю, что мы все довольно здоровы; во-вторых, что экзамен близок, уж на носу (за поясом, как в старину говорили поляки, но так как я пояса не ношу, а только большой нос, то для тебя причина ясна, почему я тебе пишу, что экзамен на носу). Не надейся, что я тебе много напишу, потому что я очень занят, а пан, отдавший письмецо от панны Констанции, обещал быть у нас нынче вечером; завтра утром он уезжает.

Креснер с пани Бианки [1]) дают в понедельник концерт, но не в театре, а в зале у Элерта, в немецком отеле. Это закрытый концерт вроде Крогульского [2]). Креснер дал мне 12 билетов, но я продал только 3, потому что они по 6 злотых.

Досадно мне, что тебя нет, так как иногда с вашей милостью было бы очень хорошо поболтать, пошутить, попеть, поплакать, посмеяться, подраться и т. д.

В будущем письме по почте я тебе напишу более подробно о том, когда мы увидимся, потому что у нас слышно, что экзамен будет 26-го этого месяца. Я пишу уже впотьмах. Завтра я должен рано встать, а нынче долго сидеть и сидеть, сидеть, еще сидеть, а может быть еще и целую ночь сидеть.

Прощай друг! Мне больше нечего тебе писать, кроме того, что еще не получил от тебя письма из Сохачева. Если ты не написал, то в будущем письме тебя ждет жестокий нагоняй. Здесь на этой стороне я должен еще кое-что тебе написать, а именно, чтобы ты написал, не лучше ли твоей ноге и кроме того — благополучно ли доехал.

Это письмо — как поле, в котором перемешаны горох с капустой. Нет логики, że si kil mank de lożyk, me ke fer, ą sechat kar ą n'apa, de tan pur ekrir onetman. — Si se komsa [3]), прости меня, с почтой я напишу тебе больше и лучше, теперь же обнимаю тебя сердечно.

[1]) Креснер — флейтист, Бианки — итальянская певица — артисты, с которыми Шопен участвовал в концерте 10-го июля 1825 г., прошедшем с большим успехом.

[2]) Иосиф Крогульский (1815—1842), пианист и композитор, ученик Эльснера и Курпинского, много и с большим успехом концертировавший в 1825 году.

[3]) Je sais, qu'il manque de logique, mais que faire, on se hâte, car on n'a pas de temps pour écrire honnêtement.—Si c'est comme ça...

Перевод: Я знаю, что в нем нет логики, но что делать—спешишь, потому что нет времени, чтобы писать прилично. Если это так...

Живный [1]), пани Декерт здоровы и не знают, что я тебе пишу, а то бы они тебе кланялись. Мое почтение твоему папе.

(16) **8. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Варшава, среда 27 июля 1825 [2])]

Mą szer!

La letr ke wu mave zekryt [3]), обрадовало меня, хотя я из него узнал, Kom że wȯa [4]), печальные новости. Wotr żamb wu fe mal [5]), это меня опечалило, а не то, ke wu zet ase ge [6]), как видно из письма, sa ma done dla sos [7]) и приводит в лучшее настроение. Demę nu finisą [8]) наши экзамены. Je ne prandrepa de pry, kar le lawman le pren [9]). Когда я буду у тебя, то разгадаю тебе эту загадку;... es posible ką don ę pry a ę lawman? [10]). Долго бы мне пришлось тебе об'яснять, чтобы ты мог отгадать это в письме, тогда как одно словечко, сказанное устно, даст тебе понять всю тонкость этого выражения.

В понедельник, как уже решила панна Людвика, мы выезжаем и таким образом в среду будем в Шафарне; si wu wule me wuar, wene le premie, kar otrman [11]) моя добрая опекунша не позволит мне ехать к тебе первому.

Завтра в это время, kėl boner! kiplezy [12])! как лягу, то уж в пятницу так скоро не встану. У меня новые штаны из великолепной материи...[13]), хорошо сшитые (хотя это последнее неправда), новый платок на шее, или по иной терминологии,—так как ты, может быть, этого не понял—галстук за... злотых że ne me suwię pliu kąbię że le peie awec larżan e la mę de ma szer ser Luis [14]).

---

[1]) Войцех Живный (1756—1840), родом чех, первый учитель музыки Шопена, весьма им любимый и высоко ценимый,—сердечный приятель всей семьи Шопенов.

[2]) Дата письма опирается на следующие данные: а) в 1825 г. на публичном акте в лицее Шопен не получил награды, а только одобрительный отзыв, в) экзамены в 1825 г. кончились в четверг, 28-го июля и с) после окончания экзаменов, в пятницу 29-го, Шопен собирался поздно встать.

[3]) «Mon cher, la lettre que vous m'avez écrite»... Мой милый, письмо, которое ты мне написал.

[4]) Comme je vois—как я вижу.

[5]) Votre jambe vous fait mal—у тебя болит нога.

[6]) Que vous êtes assez gai—что ты довольно весел.

[7]) Ça m'a donné de la sauce.

[8]) Demain nous finissons—завтра мы кончаем.

[9]) Je ne prendrai pas de prix, car les lavements le prennent.

[10]) Est-ce possible qu'on donne un prix à un lavement?

[11]) Si vous voulez me voir, venez le premier, car autrement—если хочешь меня видеть, приезжай первым, потому что иначе...

[12]) Quel bonheur! quel plaisir!—какое счастье, какая радость!

[13]) Неразобранные слова, вследствие порчи края страницы.

[14]) Je ne me souviens plus combien je le payai avec l'argent et la main de ma chère soeur Louise—я не помню, сколько я за него заплатил с помощью денег и руки моей дорогой сестры, Луизы.

Ekute, ekute mamsel Dorote! Adolf Szydlowski w roli służacego [1]).

Ekute, так я начинаю заключение или конец письма к тебе. Мы увидимся скоро. Ты знаешь, что я не люблю много марать, разве только в 4 руки, поэтому прости, что уж заканчиваю.—Мы все здоровы, я уж получил от тебя три письма. Завтра экзамен. Панна Лещинска тебе кланяется. Пан Домович был в Варшаве. Живный всегда в старом, парике. Пани Декерт обнимает тебя. Барцинский целует. Я привезу тебе книжку для Окуня. Все, весь наш дом тебе кланяется. Передай тоже самое твоему папе. Поцелуй меня; люблю тебя.

Ф. Ф. Шопен.

Ах! на меня повеяло Соколовым!

[на обратной стороне]:

A. Monsieur, Monsieur Jean Bialoblocki à Sokolowo,—par bonté.

(19) **9. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Варшава], четверг [8] сентября [1825] [2]).

Дорогой и милый Ясь!

Extro, extra, extrissime обрадовало меня твое письмо, потому что, прочитав его, я сейчас же представил себе Соколово, то воскресенье, фортепиано, яблочки и тому подобные приятно проведенные мгновенья. Но extro, extra, extrissime мне досадно, когда подумаю, как тебя удивило такое долгое мое молчание, и что ты не получил письма с возвращавшейся в Шафарню коляской.—Не удивляйся, а припомни, когда я начал писать это письмо! и кроме того сколько полок, шкапов, ящиков, сколько сотен экземпляров нот, лежащих в беспорядке на фортепиано, как горох с капустой, ждут меня (это даже оскорбительно Гуммелям [3]), Рисам [4]), Калькбреннерам [5]), которые в столь обширной республике по воле судьбы очутились на ряду с Плейелем [6]), Гемерлейном [7]) и Гофмейстером [8]).—А что еще говорят Мацейовский, Ясинский,

---

[1]) Ecoutez, écoutez, mademoiselle Dorothée—Слушайте, слушайте, мадемуазель Доротея—Адольф Шидловский в роли слуги.—Вероятно слова из какой-нибудь сценки любительского спектакля, игранной в семье Шопена.

[2]) В оригинале письма написано: „четверг ..... сентября, а вместо цифры какое-то однозначное число: 3, 5 или 8. Судя по началу, это письмо было написано вскоре по возвращении из Шафарни. За 1825 г. говорит упоминание: „Этот будущий аттестат зрелости"; Шопен окончил лицей в июле 1826 г., а в учебном 1825/26 году был в последнем, VI классе лицея. Кроме того, в 1825 году 8 сентября приходилось в четверг.

[3]) Иоганн-Непомук Гуммель (1778—1837), известный немецкий пианист и композитор, ученик Моцарта.

[4]) Фердинанд Рис (1784—1838), ученик Бетховена, пианист и композитор.

[5]) Фредерик-Вильгельм Калькбреннер (1788—1849), пианист и композитор.

[6]) Игнац Плейель (1757—1831), композитор и известный фортепианный фабрикант.

[7]) Кто был Гемерлейн выяснить не удалось.

[8]) Фредерик Гофмейстер—лейпцигский издатель, у которого Шопен печатал некоторые свои сочинения.

Матушевский, Концевич, Дзеконский [1])! О, эта будущая Maturitas! Я надеюсь, что уж отдал тебе отчет за время, проведенное в эти две недели, сделав тебе только некоторые напоминания, и надеюсь, что в письме из Соколова меня не ожидает никакой нагоняй!

Итак, сбросив с себя самую большую тяжесть и даже тяжесть двойную, так как не только окончены извинения, но кроме того и вступление и начало письма, что меня всегда приводит в затруднение (прости что я впихнул немножко вермишели), я приступаю к реальной, буквальной, т. е. письменной корреспонденции, сообщая тебе, во-первых, что мы все здоровы. Во-вторых, что у нас новый „студент", сын брата Теклы Чаховской [2]) и наш племянник — Юльюш Чаховский, который непрерывно зовет сестер: тетя Зузя, тетя Людвися, тетя Изабелька, тетя Эмилька, а меня—дядя Фрицио, и наполняет смехом весь дом. В-третьих,— что в Варшаве открываются выставки в ратуше и в залах университета. Я не пишу тебе, что̀ и где есть, потому что еще нечего смотреть, и я ничего не видел. Скоро однако мои глаза узрят какие-нибудь żoli tablo, żoli portre, żoli maszyn, bą piano, bą dra, вообще kekszos dexcelan [3]), ручка моя тебе начертит, а посланный из Добржина принесет.— Что касается новостей музыкальных, то слышно только о том, что в Варшаву приедет некий пан Гордон, сын той купчихи, у которой в Варшаве магазин (sic!) минеральных вод, ученик пражской консерватории, игра которого мне также любопытна, как Еве яблоко. И об этом я тебе сообщу позже, потому что уж конец новостей, а вместе с ними должен быть конец письма, так как иначе был бы конец четверговой корреспонденции, потому что уж 4 часа [4]).

Затем, поручив себя милости государя и благодетеля моего, остаюсь тем, чем был, и даже еще лучшим, нежели был, потому что более длинным.

Ф. Ф. Шопен.

Передай наше почтение папе и сообщи ему, что Вилуцка давно уж собиралась сама написать. Сестры целуют пани Констанцию и пани Флорентину, а я целую ручки.

Мой привет Шафарне, также как Плонному, Гульбинам, Угоще и т. д.[5]).

Мама, папа и дети очень тебе кланяются, и пиши.

---

[1]) Учителя лицея: Вацлав-Александр Мацейовский (латынь и греческий), Францишек Ясинский (математика), Михаил Матушевский (физика), Людвик Концевич (история и география) и Томаш Дзеконский (польский язык).

[2]) Дальний родственник Шопена по матери.

[3]) Jolis tableaux, jolis portraits, jolies machines, bon piano, bon drap—вообще quelque chose d'excellent;—красивые картины, красивые портреты, прекрасные машины, хорошее фортепиано, хорошие материи, вообще нечто великолепное.

[4]) Почта из Варшавы отходила по понедельникам и четвергам в 6 часов вечера, поэтому письма надо было сдавать не позже 5 часов, чтобы они ушли в тот же день.

[5]) Окрестные имения.

Пани Декерт, Барцинский и Живный кланяются тебе низко.

[На обратной стороне:]

Так спешу, что даже конверта не делаю, а присваиваю себе только что снятый с письма Опица.

Хотел взять этот конверт, но к несчастью он слишком короток; я обрезал письмо, но ничего не помогло.

(20)

10. Шопен Яну Бялоблоцкому.

Варшава [воскресенье] 30 окт[ября] 1825 г.

Любимый Ясь!

Любимый Яльку!.. еще раз любимый Яську! Вероятно ты удивляешься, что я тебе так давно не писал; не удивляйся; сначала прочитай прошлое письмо, а потом то, что нижеследует:

Три дня тому назад, сидя возле стола с пером в руке, я уж написал: „Дорогой Ясь!" и первый период письма, который, как звучавший музыкально, я с величайшей торжественностью прочел Живному, сидевшему над засыпавшим у фортепиано Гурским [1]). Живный, похлопав руками, утерев нос, свернув платок в трубку и воткнув его в карман своего зеленого из грубого сукна сюртука и поправляя парик, начал расспрашивать: „А кому вы пишете это письмо?" Я ответил: „Бялоблоцкому". „Гм, гм, пану Бялоблоцкому. „Ну, да, Бялоблоцкому". „Ну, а куда адресуете?" „Куда? в Соколово, туда—куда всегда". „А не знаете ли, как поживает пан Бялоблоцкий?" „Довольно хорошо, ноге его уже лучше". „Что? лучше? гм, гм,—это хорошо. А писал ли он вам, пан Фридрих?" „Писал, но уж давно",—ответил я. „А как давно?" „Отчего вы так допытываетесь?" „Хе, хе, хе, хе, хе" (смеется Живный). Удивленный, я спрашиваю: „Не знаете ли вы чего-нибудь об нем?" „Хе, хе, хе, хе, хе" (он смеется еще больше, кивая головкой). „Писал ли он вам"? спрашиваю я. „Конечно писал", отвечает Живный, и огорчил нас злополучной новостью, что ноге не лучше и что ты уехал лечиться в старую Пруссию [2]). „А где, а куда?" „В Бишовсвертер" [3]). В первый раз услыхал я об этом месте из уст человеческих, и хотя в ином случае я бы фыркнул от этого Бишовсвертера, теперь же мне стало грустно, тем более, что ты мне ничего об этом не сообщил и особенно, что была твоя очередь писать мне. Итак, я прервал тогда свою корреспонденцию и, не зная, что писать, как писать, куда писать, так опоздал с письмом, что совсем не пошел на почту.

Итак, рассуди, как слово за слово—и дело дошло до такой важной для меня новости. Я надеюсь, что ты простишь меня, что я не

---

[1]) Каетан Гурский, воспитанник пансиона Николая Шопена.

[2]) Теперешняя восточная Пруссия.

[3]) Бискупец, немецкий Bischofswerder, местечко в Восточной Пруссии.

написал тебе с прошлой почтой. Хотел бы сообщить тебе что-нибудь новенькое, зная, что это могло бы тебя позабавить, но кроме следующих новостей я ничего не знаю. Мне очень понравился „Севильский Цирульник“ (Le barbier de Séville) [1]), дававшийся в субботу в театре, находящемся теперь под управлением Дмушевского [2]), Кудлича [3]), и Здановича [4]). Хорошо играли Зданович, Щуровский [5]), Польковский, также как и Ашпергер [6]) и еще две особы: одна непрерывно сморкающаяся и чихающая, другая—заплаканная, худая, в туфлях и халате, беспрестанно в такт зевающая. Кроме того, в Варшаву приехал из Парижа некий пан Рембелинский [7]), племянник президента, который шесть лет сидел в Париже, и я еще никого не слыхал, кто бы так играл на фортепиано. Ты можешь себе представить, какая это для нас радость, когда мы тут ничего совершенного не слышали. Он не артист, а любитель. Я не буду распространяться, описывая его быструю, ровную, закругленную игру, скажу тебе только, что его левая рука также сильна, как правая, что совершенно необыкновенно у одного человека. Итак, мне не хватило бы целого листа, если бы я захотел описать его прекрасный талант. Пани Декерт немного нездорова, а мы все здоровы. Прощай, моя жизнь, я должен кончать, потому что меня ждут занятия с Мацеком. Пиши мне, моя жизнь, так как я желал бы, чтобы наши письма мчались, как синкопы.

Поцелуй меня. Обнимаю тебя сердечно.

Ф. Ф. Шопен.
Серд[ечный] приятель.

Веньямин спрашивал меня о тебе и удивлялся, что ты ему ничего не писал.

Твоему папе привет от всех нас.

Весь наш дом тебя обнимает, а дети желают тебе улучшения здоровья. Мама и папа ждут письма, из которого надеются узнать что-нибудь о твоем здоровье и обнимают тебя сердечно.

[На странице письма, где разговор с Живным, находится следующая приписка на полях]:

NB. Когда мы спросили Живного, почему он раньше ничего нам о тебе не говорил, он нам ответил, что ты ему в письме ничего не написал о том, чтобы нам кланяться, потому он ничего и не говорил. Он получил за это от мамы большой нагоняй.

Пани Декерт и Цежинска кланяются тебе.

[1]) Опера Россини „Севильский Цирульник“ шла в первый раз в Варшаве 29 октября 1825 года, и таким образом здесь идет речь о первом представлении.

[2]) Людвиг-Адам Дмушевский (1777—1847), драматург, актер, певец, позднее редактор и издатель „Курьера Варшавского“.

[3]) Бонавентура Кудлич, драматический артист (ум. 1848).

[4]) Иосиф Зданович (1786—1889), певец и выдающийся артист.

[5]) Ян-Непомук Щуровский (1771—1850), известный польский певец—бас.

[6]) Екатерина Ашпергер, драматическая артистка и певица, любимица публики, умерла в 1835 году.

[7]) Александр Рембелинский, даровитый пианист, преждевременно умерший.

(21)

11. Шопен Яну Бялоблоцкому.

Варшава [ноябрь 1825] [1]).

Любимый Ясь!

Костуся в Варшаве, и следовательно невозможно, чтобы я удержался и не нацарапал тебе хоть несколько строк. Несмотря на очень малое количество новостей, которое я насобирал для тебя за это время, я вынужден однако доложить тебе их, начиная все-таки прежде всего со следующего: сначала я очень огорчился, когда узнал, что тебе хуже, но сейчас совершенно доволен, потому что скоро тебя увижу совсем здоровым. Я не очень завидую твоему горячему лечению; если бы я знал однако, что ты от этого скорее выздоровеешь, то сам бы, также как и ты, почти два месяца не брился. Вероятно ты не получил того письма [2]), но пустяки, ты его получишь. Я не мог писать тебе в твой Бишофсвердер, потому что не знал, как адресовать. Но Костуся так добра, что если еще не переслала, то перешлет то письмо вместе с этим.

Вот каково положение дел; как ты уже знаешь из прошлого письма, со всех сторон хвалят „Цирульника“ в Варшавском театре и говорят, что скоро пойдет „Фрейшюц“ [3]), к которому уж так давно готовятся. Я тоже сделал новый полонез из „Цирульника“, который довольно удачен. Завтра думаю отдать его литографировать. Людвика [4]) сочинила превосходную мазурку, какой Варшава давно не танцовала. Это не только ее „non plus ultra“, но и действительно один из non plus ultr'ов своего рода: быстрая, красивая, словом для танца, не хвастаясь, редкого качества. Как приедешь, я тебе ее сыграю. Я сделался лицейским органистом, следовательно моя жена, также как и все дети, должны вдвойне почитать меня. Ах, государь мой, что я за персона! Первая особа во всем лицее после пробста!

Каждую неделю в воскресенье я играю на органе у „Визитек“ [5]), а остальные поют. Трудно, жизнь моя, написать тебе на этот раз что-нибудь больше, я должен лететь к Четвертинским [6]), а кроме того

[1]) В оригинале нет даты. Вероятнее всего письмо написано в ноябре 1825 г., что подтверждается следующими данными: 1-е представление „Севильского Цирульника“, бывшее 29-го октября 1825 г., и упоминание о письме в Бискупец, где Бялоблоцкий лечился осенью 1825 года, следовательно о письме от 30-го октября 1825 года.

[2]) Повидимому письмо от 30-го октября 1825 года.

[3]) „Волшебный Стрелок“—опера знаменитого немецкого композитора Карла-Марии Вебера (1786—1826), первое представление которой было в Варшаве 3-го июля 1826 года.

[4]) Сестра Шопена.

[5]) Монахини ордена Визитации.

[6]) Вероятно здесь говорится о кн. Людвике Четвертинской, которую за ее любовь к композитору называли „второй матерью Шопена“.

Костуся уходит. С почтой напишу тебе больше, а теперь--мы здоровы и обнимаем тебя, и в особенности я, твой самый искренний

друг *Ф. Ф. Шопен.*

Пани Декерт, Живный, Барц. [1]), Лещинск, все тебя целуют.
[Последняя фраза мало разборчива.]

[На обратной стороне, по немецки:]

Милостивый государь!

Согласно обещанию, жду вас через 8 дней после Нового года. Остаюсь с почтением ваш друг и слуга.

Адальберт Живный.

(22) **12. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Желязова Воля, суббота 24 декабря 1825 г.] [2]).

Любимый Ясь!

Никогда бы ты не догадался, откуда идет это письмо!—Ты подумаешь, что из второго под'езда флигеля Казимировского дворца?.. Нет. Но оно может быть из, из... Не думай откуда, потому что это напрасно, оно из Желязовой Воли. Один вопрос уже решен, но угадай, когда пишу, когда? И этого не отгадаешь; поэтому я должен тебе сказать, что пишу, высадившись из брички и садясь за ужин, в сочельник. Хотя мама очень не хотела позволить, чтобы я ехал, однако ничего не помогло, и судьбе было угодно, чтобы я и Людвика [3]) были в Желязовой Воле. Приближается Новый год, и нужно поэтому пожелать тебе, но чего? У тебя все есть, и потому я тебе ничего не желаю кроме здоровья, которое ты должен теперь вернуть. Я надеюсь, что в этом году, т. е. в 1826, мы увидимся. Я пишу тебе очень мало, потому что нечего; я здоров, все мы здоровы, я получил твое, очень меня обрадовавшее, письмо, но я прошу о большем.

Теперь ты уж знаешь, когда я пишу, поэтому не удивляйся, что так коротко и так сухо, ибо я еще голоден, чтобы написать тебе что-нибудь пожирнее. Non est plenus venter itaque non scribit libenter, nisi ad te, cujus litteras quotidie expecto [4]). Вот доказательство, что я еще не забыл латыни. Но, если бы не этот ужин у Явурека [5]), то я бы уж

[1]) Антон Барцинский.

[2]) Определить дату этого письма очень легко по его содержанию: „пишу... в сочельник... Новый год приближается... надеюсь, что в этом, т. е. в 1826 году...“.

[3]) Сестра композитора.

[4]) Желудок не полон, поэтому нет охоты писать даже тебе, чьи письма я ожидаю ежедневно.

[5]) Иосиф Явурек (1756—1840), чех, преподаватель фортепиано в варшавской консерватории, друг семьи Шопенов.

окончил письмо; третьего дня я был приглашен к нему вместе с папой на „laxa“ [1]) (но не на „laxans“) [2]). После первого приглашения Явурека я подумал, что у него понос, и что он и меня для этого приглашает, но позже, когда мне вынесли этого „laxa“ и показали, как его много и как много людей могут его есть, я убедился, что это лососина, по немецки „Lachs“, которую ему прислали из Данцига (Гданска). Там было много народу и между прочим пан Чапек, некий чех, пианист, приехавший с пани Ржевуской [3]) из Вены, об игре которого мало могу тебе написать, и некий пан Жак, но не польский „жак“ [4]), а чешский из пражской консерватории, который играет на кларнете так, как я еще не слыхал; с тебя довольно будет, если я тебе напишу, что он сразу одним духом издает два звука.

Итак, поцелуй меня, жизнь моя. Ничего тебе не желаю кроме здоровья. Надеюсь, что с каждым днем тебе лучше, чего желают тебе все, весь наш дом, а в особенности

Я

Твой самый искренний друг.

Тебе кланялись бы все, весь дом наш, если бы знали, что я тебе напишу. Ожидаю письма.

NB. В четверг я уж буду в Варшаве.

(23) **13. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

Варшава, [воскресенье] 12 февраля 1826.

Любимый Ясь!

Мне чрезвычайно грустно, что так давно не имею от тебя известий. Я писал тебе еще в 1825 году, а теперь уж 1826, а я не получаю ни одного письма! Панна Констанция, т. е. Костуся, иногда только в письмах к Людвике, которые бывают всетаки чаще чем наши, пробормочет о твоем здоровье, о здоровье, которое ты знаешь—как интересует всех нас. Каждый Briefträger [5]) (*nota bene* — не пани Вышинска), входящий на тот голубой двор, возбуждает радость; но как же раздражает его особа, когда не слышно на лестнице его сапог, или если на письме не Добржин, а стоит красными буквами какой нибудь Люблин или Радом. Но правда, это вина не Briefträger'a, а скорее Briefschreiber'a, который вероятно только по той причине и не пишет писем, чтобы не утруждать бедного толстяка, которому приходится когда нужно поневоле лазить так высоко [6]). На это однако

[1]) и [2]) Игра слов: laxans—слабительное, lachs—лососина.

[3]) Вероятно Александра-Розалия (1791—1865) из кн. Любомирских-Ржевуских.

[4]) Игра слов: „żak“ по польски значит ученик и ученый дурак, педант.

[5]) Почтальон.

[6]) Шопены жили в то время на втором этаже правого флигеля Казимировского дворца (теперь здание варшавского университета).

можно сделать такое замечание: ведь теперь довольно холодно и никто не жалуется на жару. Слышно о людях, жалующихся на стужу, а потому ничуть не будет вредно, если милый Ясь заставит его еще раза два перед Пасхой пошевелиться. После такого замечания я надеюсь, что уж обеспечил себе ответ на это письмо. Хотел бы я получить ответ и на другое, писанное перед этим письмо, но это уж предается на твою милость; поэтому, зная великодушие короля (некогда) [1]), я не сомневаюсь в исполнении моих просьб.

Я не пишу тебе о Сташице, потому что знаю, что ты имеешь из газет и от курьеров достаточно известий со всеми подробностями о его пышно-убогих похоронах. Упомяну только о том, что академики несли его от св. креста до самых Белян, где он хотел быть погребенным, что Скарбек [2]) говорил речь у могилы, что гроб его ободрали от любви и энтузиазма и что и у меня есть на память кусочек крепа, которым были покрыты носилки, и наконец, что 20 тысяч народу провожало тело до самого места. По дороге произошло несколько удалых рукопашных стычек, то с купцами, которые добивались нести останки достопочтенного мужа, то с другими штатскими особами, которые хотели взять гроб у столь же мужественно сопротивлявшихся академиков. Не могу себе представить, чтобы я тебе не сообщил также о смерти Дыбека [3]); говорят, что Немцевич слабеет. Все расхварываются, и я тоже. Может быть ты думаешь, что все, что я до сих пор нацарапал, я писал на столе? нет все это из под одеяла, со стиснутой чепцом головой, которая неизвестно отчего болит у меня вот уже четвертый день. Мне ставили на горло пиявки, потому что у меня распухли железы, а наш Рёмер [4]) говорит, что эта болезнь простудная. Правда и то, что на Масляной с субботы до четверга я каждый вечер до двух часов не бывал дома, но это не потому, так как я на следующий день всегда зато высыпался. Я надоел бы тебе, больному, и гораздо хуже больному, если бы вздумал тебе писать еще больше о таком нездоровье, поэтому я хочу исписать чем нибудь другим этот остаток бумаги. Итак, твой папа был в Варшаве, был у нас, был у Бруннера и заказал карильон [5]) для ко-

[1]) Вероятно здесь говорится о какой-то роли в любительском спектакле, которые часто устраивались в доме Шопена и в которых принимал участие и Бялоблоцкий.

[2]) Граф Фредерик Скарбек (1792—1866), ученик Николая Шопена, крестный отец композитора, известный профессор экономии варшавского университета.

[3]) Андрей-Франциск Дыбек (1783 — 1826), известный хирург, профессор варшавского университета.

[4]) Вероятно Фредерик - Адольф Рёмер (1775—1829), доктор медицины, главный врач больницы св. Лазаря.

[5]) Механический музыкальный инструмент, изобретенный Яковом - Фредериком Гофманом, профессором ботаники варшавского университета и выполненный Бруннером по его замыслу для Выбранецкого, который пожертвовал его в выстроенный им костел в г. Добрыне над Дрвенцою.

стела. Я хотел тебе писать с ним, но он уехал, а наши письма остались в Варшаве. Прощай, милый Ясь, и пиши же наконец твоему искреннему

Ф. Ф. Шопену.

Мама и папа, все дети и Зузя желают, чтобы ты поскорее был здоров. Ксендз Вениамин был у меня, велел тебе кланяться и в среду начнет уже давать уроки.

Пан Живный, пани Декерт, Барцинский, пан Лещинск. и все [кланяются].

NB. Барцинский уже не у нас; близок магистерский экзамен, а он не имел бы спокойствия для писания диссертации, а у нас другой—академик, люблинец [1]), довольно достойный заместитель славного Антося. За поздравление папа желает тебе доброго здоровья тысячу раз, чтобы ты поскорее поправился. Марильский давно уж принес письмо, но уйдет оно только нынче.

[Последние три слова неразборчивы.]

(24) **14. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Варшава], Духов день... [понедельник 15 мая 1826] [2].)

Дорогой, милый Ясь!

Как мне стыдно право, что я так поздно отвечаю на твое письмо; однако разные обстоятельства, вечно мне сопутствующие (ты можешь ведь представить себе мой образ жизни в нынешнем году, ибо когда то и ты должен был его испытать), [3]) не позволили мне до сих пор поступить согласно давнему моему желанию.

Часть поручений исполнена: я купил тебе ноты, которые, насколько я могу судить по своему вкусу, доставят и тебе удовольствие дома. Что же касается Глюксберга [4]), то папа сам был у него. Он об'явил однако папе, что принимает абонемент только на месяц, что каталога еще нет, и что сразу он не может дать больше двух

[1]) Вероятно Феликс Жоховский (1802—1868), в марте 1828 г. получивший степень магистра словесных наук варшавского университета.

[2]) На месте даты в оригинале стоит: „Второй день троицы". Остального нельзя прочитать, так как край страницы оторван. Несомненно, что это письмо было написано в духов день, и если в 1826 г., то 15 мая в понедельник. За 1826 г. говорят следующие соображения: 1) упоминание о выезде Бялоблоцкого из Бискупца, где он был осенью 1825 г., 2) о „несчастьи" Подбельского, о котором Шопен говорит также в письме от июня 1826 г. и 3) о Гутковском, который умер 1-го мая 1826 г.

[3]) Шопен очевидно подразумевает здесь приготовление к окончательным экзаменам в лицее, который он окончил в июле 1826 г.; Бялоблоцкий же проделал это в 1823 г., когда кончал лицей.

[4]) Натан Глюксберг, известный издатель.

Zbiory Stowarzyszenia I.F.C.

произведений. Это может быть куда бы ни шло, так как он требует талер в месяц, но хуже всего то, что не знаешь какую пару произведений выбрать, когда нет еще их списка. Хотя я купил эти ноты, однако Высоцкому я их еще не отдал. Там сама Эвтерпа [1]), т. е. сборник арий и других отрывков из Россини [2]), очень хорошо переложенных для одного фортепиано Диабелли [3]) в Вене (это сочинение соответствует Филомеле [4]) для пения) и полонез Качковского [5]), очень хороший, красивый. Словом, слушай и наслаждайся (он хорош и для разминания пальчиков, наверное уж заржавевших, если мне позволительно так сказать); сверх того, согласно твоему желанию, несколько моих пустяков. Все это будет у Высоцкого непременно на этой неделе.

Ты не поверишь, как меня обрадовало то, что ты уж наконец вырвался из этого Бискупца. Я говорю—обрадовало... это с одной стороны, с другой же, многое меня опечалило. Как я вижу, государь мой Ян, ты слишком упился немецкой добродетелью; ты как то приглашал меня прежде к себе, а теперь советуешь, чтобы я не ездил. Чтож, разве это не проклятая скупость! Дай бог, чтобы после подобной науки ты бы никогда не ездил в Бишофсвертер; все мои намерения, наилучшие проекты и планы, все уж теперь разрушены, а тот, про кого я думал, что на него можно будет положиться, делается вдруг экономно-скупым. Действительно, я не в состоянии тебя выбранить так, как следует; но чему быть, того не миновать: не теперь, так после я сумею потребовать удовлетворения, *nota bene*, не при помощи пистолета, потому что ты бы выиграл, так как свой я отдал Рогозинскому [6]), который немножко умеет им владеть. После Рогозинского вспомнился мне Подбельский [7]), несчастье которого я должен тебе описать. Месяца три тому назад, когда он был где-то [8])... занесло его снегом так, что его разбил паралич. Он не владеет ни ногой, ни рукой, хотя Забелло [9]) прилагает все усилия; надо надеяться однако, что из этого что-нибудь выйдет, так как ему уж несколько лучше; ему помогла немного электризация. Рембелинского [1]), того, о котором я тебе как-то писал, вижу довольно часто ты не поверишь, как он великолепно играет. Он был у меня недавно, что меня чрезвычайно обрадовало. Что касается варшавских новостей, то у тебя есть „Курьер“. Что же касается частных, то я могу только довести до твоего сведения, что полковник Гутковский [2]), у которого я ушиб себе ножку [3]), умер; что у Зубелевича [4]) дочка; что Яроцкий [5]) женился на Подоле и привез к себе жену сейчас же после свадьбы; что в воскресенье на этой неделе я был у Замойских [6]), где почти весь вечер восхищались „эолипанталионом“ Длугоша [7]). Длугош продал один эолипанталион некоему Мневскому, который теперь женится, а когда-то был у пани Пруски [8]) и ходил во фризовом сюртуке. Что умер Косинский, что у Вёлке [9]) дочка; что Домович был недавно в Варшаве и велел тебе кланяться; что Закржевский в Варшаве; что у меня шкапчик для нот и наконец, что у меня дырявые сапоги и поэтому я хожу в башмаках. Можно подумать, что я ходил на Беляны, как наш сторож, который как раз пришел просить разрешения у мамы. ..... [10]) что Беляны..... [Неразборчивое слово] будут часто в этом году. Мой ботанический сад [11]), тот старый, что за дворцом, комиссия [12]) велела привести в очень хороший порядок. Там нет уж теперь ни моркови, которую мы когда-то с наслаждением с'едали у источника, ни скамеек, ни беседок, ни салату, ни капусты, ни дурных запахов и т. п., а имеются клумбы „à la manière anglaise“ [13]). Я уж все написал, что только могло прийти мне в голову за эти четверть часа, поэтому мне ничего не остается, как только уверить тебя, что я в отношении тебя всегда я и, пока жить буду, буду всегда Я.

Мама, папа, также как и я, шлем твоему папе наше почтение, тебе же поклоны, потому что ты еще не имеешь права на уважение.

---

[1]) Муза лирической поэзии и музыки.

[2]) Джоакино Россини (1792—1868), знаменитый итальянский композитор.

[3]) Антоний Диабелли (1781—1858), салонный композитор, издатель и владелец музыкального магазина в Вене.

[4]) Филомела—дочь мифического афинского короля Пандиона и Зевксиппы — согласно греческой легенде была превращена в соловья; отсюда—название соловья Филомелой. Шопен подразумевает здесь очевидно какой-то сборник арий.

[5]) Иозеф Качковский, польский композитор и скрипач.

[6]) Вероятно Антоний Рогозинский, студент факультета изящных искусств варшав. унив., бывавший в Соколове.

[7]) Георгий Подбельский, студент тогоже факультета.

[8]) Край страницы оборван, вследствие чего нескольких слов нельзя прочесть.

[9]) Франциск Забелло, доктор медицины, окончил курс в Вильно в 1823 году.

[1]) См. примечание к письму от 30-го октября 1825 г.

[2]) Войцех Гутковский (1775—1826), подполковник корпуса инженеров.

[3]) Об этом „ушибе ножки“ Шопен написал комическое произведение в прозе и стихах (Ф. Гезик, т. I стр. 89—90).

[4]) Адам Зубелевич (1781—1831), профессор философии варшав. универ.

[5]) Феликс Яроцкий (1790—1864), профессор зоологии варшав. универ.

[6]) Вероятно у Станислава Замойского в так называемом „Лазурном дворце“, знаменитом салоне Варшавы того времени.

[7]) Длугош, столярный мастер, соорудивший инструмент, под названием „эолипанталион“ и упросивший Шопена импровизировать на нем в концертах 27 мая и 10 июня 1825 г., где Шопен имел большой успех.

[8]) Юстина Пруска, крестная мать сестры Шопена Изабеллы.

[9]) Вероятно Франциск Вёлке (1788—1862), профессор классической филологии В. У.

[10]) Непрочтенные слова—оторван край страницы.

[11]) Ботанический сад, расположенный за дворцом Казимирского со стороны Вислы, основанный в 1811 году проф. Гофманом и называемый попросту „Ботаника“, был любимым местом прогулок Шопена.

[12]) Государственная комиссия религиозных исповеданий и народного просвещения.

[13]) На английский лад.

Панне Констанции от всех детей поцелуй губки, а от меня ручки. Пани Декерт, Живный, Барц., и т. д., и т. д. все тебе кланяются.

Ты может быть не разберешь меня, так как давно не читал моего почерка, тогда прости, ибо я так спешу на почту, что не имею времени перечитать.

Ф. Ф. Шопен.

(25) **15. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

[Варшава, июнь 1826 г.] [1]).

Дорогой Ясь!

Не надейся найти и обнаружить в этом письме обычных именинных комплиментов, восклицаний, апострофов, патетических слов и других тому подобных вздоров, пустяков, чепухи и бредней. Это хорошо для таких голов, которые из-за недостатка привязанности нуждаются в тривиальных выражениях; но кого связывает одиннадцатилетняя дружба, кто 132 раза сообща сосчитал месяцы, начинал 468 недель, 3960 — дней, 95.040 — часов, 5.702.400 — минут и продышал вместе 342.144.000 секунд, тем не нужно даже напоминать о себе, не нужно будет писем с комплиментами, потому что никогда не напишешь того, что хотел бы.

Итак, приступая ad rem [2]), начинаю рассказывать о деле и прежде всего извергну то, чего не могу переварить, то есть, что милость ваша не писала мне уже несколько месяцев. Почему? Отчего? Cur? [3]) Warum? [4]) Pourquoi? [5]). Это очень меня злит, и если не наступит исправление, то нам будет плохо. Жаль, что я не могу так часто писать. Ты знаешь, как я стараюсь и добиваюсь диплома, а ведь это не для пса колбаса [6]); говорят, что я буду одногодником [7]). Operam et oleum perdidi [8]), если ты припоминаешь „Tyrocinium“ [9]). Но воркотня повидимому ничему не

[1]) Дата этого письма основывается на следующих данных: а) именины Яна Бялоблоцкого, бывшие вероятнее всего 24/VI (что было лето, показывает упоминание о дипломе, о ботаническом саде и о вакациях); в) упоминание о том, что через 2 или 3 недели дадут Фрейшюца, первое представление которого в Варшаве было 3-го июля 1826 г.; с) упоминание о дипломе—Шопен окончил лицей в июле 1826 года.

[2]) К делу.

[3]), [4]) и [5]) Почему?

[6]) Польская поговорка.

[7]) По правилам лицея нормальный курс VI класса продолжался два года, но для способных и прилежных учеников он сокращался до одного. Шопен, как „одногодний“, участвовал в публичных испытаниях лицея, бывших 27—29 июля 1826 г., но не держал экзамена на „аттестат зрелости“, дававший право на поступление в университет, а сейчас же после публичных испытаний еще в июле уехал в Рейнерц. Тот же экзамен был только 31 июля.

[8]) Латинская поговорка—аналогичная—„я потерял и время и труды“.

[9]) «Tyrocinium», латинская книжка для начинающих.

поможет, лучше не портить бумаги, и вместо неприятных написать тебе приятные новости. Ecce homo—вот и человек вчера появился на свет. Линде, Линде [1]) получил наследника. Нас всех это обрадовало; надеюсь, что и ты разделишь нашу радость. В наших казармах [2]) что-то часто слышны подобные новости, как ты это хорошо знаешь из прошлого письма.

Упорно говорят, что через две или три недели дадут Фрейшюца. Как мне кажется, Фрейшюц наделает много шуму в Варшаве. Вероятно представления будут многочисленны, и это справедливо. И то уже много, если наша опера сумеет поставить знаменитое произведение Вебера. Однако, принимая во внимание цель, к которой Вебер стремился во Фрейшюце, его немецкую сущность, этот удивительный романтизм, чрезвычайно изысканную гармонию, особенно пришедшуюся по вкусу немцам, можно заключить, что варшавская публика, приученная к легким напевам Россини, с первых шагов не столько по убеждению, сколько идя за голосом знатоков, будет хвалить только потому, что Вебера всюду хвалят... [неразобранное слово]. Ecce femina, non homo—у ректора дочка. Ей-богу, вчера говорили, что сын, нынче, что дочка; последние известия, однако, более верные. Вчера нас посетил почтенный муж, пан Козицкий; он ставил пьявки одному из мальчиков и очень много наговорил о каналах проходящих, жевательных, гортанных, об адамовом яблоке, так как он делал операцию около горла. Он был в цветных чулочках, башмаки et cetera грязные, как всегда, обычный жилет, но шляпа новая, или скорее подновленная. Будь добр, сообщи мне также, получил ли ты ноты. Правда, я не послал тебе своих вздоров, но зато вальсы Александра Рембелинского должны тебе понравиться, а если какой-нибудь покажется тебе сразу слишком трудным, ты только начни двигать, и хорошенько, своими заржавевшими пальцами (потому что ты наверное ничего в Бишофсвердере не играл), и увидишь, что они достойны твоей особы, т. е. также хороши, как ты. Не подумай, что я подобно Плинию [3]) ставлю здесь точку; привычка много значит, и пес иногда кажется красивым своему пану... Ха, ха, ха, какая метаморфоза: пан псом, а пес паном! но это только на минуту, потому что нет пса вернее, чем я. Подбельскому лучше, хотя после своего несчастья ему еще раз пришлось пережить неменьший страх: однажды, приблизительно с месяц тому назад, идя по Козьей улице, я заметил опрокинувшийся извощичий экипаж; прибегаю и нахожу на земле Подбельского, который в первый раз выехал из дому,

[1]) Самуил-Богумил Линде (1771—1847), ректор варшавского лицея, автор известного словаря польского языка.

[2]) „Кадетскими казармами“ называлось здание дворца Казимирского (при Станиславе Августе там помещалась школа кадетов).

[3]) Плиний Младший, римский писатель, писавший в эпистолярной форме, живший в конце I и в начале II века по Р. Х.

чтобы подышать свежим воздухом; к счастью кто-то был с ним в экипаже и насилу посадил его, наконец, в другой.

Если бы ты знал, какие перемены в нашем Ботаническом саду, то ты бы схватился за голову. Таких понаделали клумб, дорожек, плантаций, кустарников и т. п., что приятно войти; особенно хорошо, что у нас есть от него ключ. Если тебе покажется мое письмо несколько диким, то не удивляйся, потому что я болен. Если не найдешь ничего о вакациях, то не удивляйся, так как я тебе напишу в будущем письме. Если не посылаю тебе своих клавицимбаловых бредней, не удивляйся, ибо это на меня похоже. Если ждешь, наконец, какого-нибудь привета из дому, то читай, что ниже следует. Мама, также как и папа, также как и сестры и знакомые велят мне передать тебе искренний привет. Только Людвика ничего тебе не желает, потому что она уже около двух недель сидит в деревне у пани Скарбек [1]). Ждем ее нынче, либо завтра. Домович был третьего дня в Варшаве. Живный здоров. Пани Декерт нездорова. Барцинский особенно тебе кланяется. Итак, будь счастлив, дорогой, милый Ясь; я жду письма. Обнимаю сердечно.

Ф. Ф. Шопен.

Твоему папе почтение от всего дома.

Панну Констанцию поцелуй от детей в губки, а от меня в ручки. Если увидишь Шафарню, Плонне, Гульбины, Радомин, Орнувек [2]) вспомни мое имя, взгляни на картофель и произнеси печально: „сюда некогда отважный вступал со своим конем, здесь и Krapocka (?) пришла ему на помощь".

(26)

16. Шопен Вильгельму Кольбергу в Варшаву.

Рейнерц [3]), 18 августа [1826].

Милый Вилюсь!

Проехав через Блоню, Сохачев, Лович, Кутно, Клодаву, Коло, Турек, Калиш, Остров, Медзибуж, Олесницу, Бреславль, Нимш, Франкенштейн, Варту и Глатц, мы приехали в Рейнерц, где находимся до сих пор. Уже две недели, как я пью сыворотку и здешние воды, и, как говорят, имею несколько лучший вид; должен поправиться, якобы потолстеть, а следовательно и обленившись; этому ты может быть припишешь также столь долгое бездействие моего пера. Но поверь мне, что узнав о моем здешнем времяпрепровождении, ты согласишься со мной, что трудно найти минуту, чтобы сидеть дома. Утром, самое

[1]) Гр. Людвика Скарбек, владетельница Желязовой Воли, крестная мать Людвики Шопен.

[2]) Соседние имения.

[3]) Рейнерц—по-польски Душники—курорт, где летом 26-го года жил Шопен с матерью и сестрами Людвикой и Эмилией.

позднее в 6 часов, все больные уже у источника; здесь играет плохой духовой оркестр (состоящий из каррикатур разного рода во главе с тощим фаготистом, наводящим страх своим седлообразным и протабаченным носом на всех дам, которые боятся лошадей) для медленно прогуливающихся вокруг „Kurgästen" [1]). Здесь бывает род бала, или скорее маскарада, потому что хотя и не все в масках, однако, таких меньшинство, и состоит оно из тех, которые только за компанию дали себя повесить [2]). Такая прогулка по великолепной аллее, соединяющей „Anstalt" с городом, продолжается обычно часов до 8 в зависимости от числа кружек, которое каждый должен утром выпить. После этого отправляются домой завтракать. После завтрака я обычно иду пройтись. Хожу до 12 часов, когда нужно обедать, а после обеда надо опять идти к „Brunnen". После обеда маскарад, обычно еще больший, чем утром, потому что каждый расфрантился и показывается в другом костюме, чем утром. Опять пакостит музыка, и так проходит уж до самого вечера. Я во всяком случае во время иду домой ужинать, так как после обеда пью только две кружки воды (Laubrunn). После ужина—спать. Итак, когда же писать письмо?

Вот тебе и весь день, как они проходят один за другим. Они проходят, и так быстро, что хотя я и давно уже здесь живу, но видел еще не все. Правда, я хожу по горам, которыми окружен Рейнерц; часто, очарованный видом здешних долин, я неохотно сползаю вниз, иногда на четвереньках, но все же еще не был там, куда все ездят, потому что мне это запрещено. Недалеко от Рейнерца есть гора со скалами под названием „Heuscheuer", место откуда открываются поразительные виды, но вершина горы, благодаря нездоровому воздуху, доступна не для всех, и я к несчастью один из тех пациентов, которым запрещено туда подниматься.

Но это не важно. Я был уже на горе, которая называется „Einsiedelei", потому что там живет отшельник. Взобравшись на одну из самых высоких гор Рейнерца, подымаются на сто и еще на несколько десятков ступеней, выбитых в камне по прямой, почти отвесной линии наверх до самого отшельника, откуда особенно великолепный вид на весь Рейнерц. Мы собираемся на какую-то „Hohemenze"; это тоже гора в особенно прекрасной местности; я надеюсь, что поездка состоится.

Но я напрасно надоедаю тебе этими описаниями, по которым ты можешь себе составить только незначительное понятие о вещах, потому что не все, что хочется, удается описать. Что же касается обычаев, то я уж к ним так привык, что теперь мне уже больше ничто не режет глаз. Сначала меня удивляло, что вообще в Силезии женщины больше

[1]) Так пишет Шопен в оригинале.

[2]) Здесь Шопен повидимому подразумевает евреев.

работают чем мужчины, но теперь, когда я сам ничего не делаю, мне становится легко с этим примириться.

В Рейнерце было много поляков, однако, в данный момент их круг поредел; почти все, что были здесь, мои знакомые. Местные жители живут довольно весело; даже выдающиеся немецкие семейства принимают участие в салонных развлечениях. В доме, где мы живем, живет также одна дама из Бреславля. Ее дети, живые бойкие мальчики говорят немного по-французски. Им захотелось говорить по-польски; один из них, мой приятель, начал, обращаясь ко мне: „Zien dobry“ [1]). Я ответил: „Dobry dzien“ [2]), и так как мальчик мне понравился, то я его научил как выговаривается „dobry wieczór“ [3]). На следующий день он все это так перепутал, что сказал мне вместо „dobry dzien“—„zien wieczór“ [4]). Я не сообразил, откуда эта ошибка и едва мог об'яснить ему, что говорится не „zien wieczór“, а „dobry wieczór“.

Напрасно я намарал тебе столько лишнего; может быть ты хотел бы заняться чем-нибудь другим в это время. Но уж я кончаю и иду к источнику за двумя стаканами воды и пряничком, с которым остаюсь навсегда

все тот же *Фр. Шопен.*

Дзевановский мне написал; я думаю ему завтра ответить. Он пишет мне, что написал и тебе. Славный он парень, что не забыл об этом. Был тут Альфред Курнатовский со своими родителями и сестрами; кажется это знакомые Фонтаны [5]); скажи ему, что он третьего дня уехал.

Мое почтение твоему папе и твоей маме. Я даже не знаю, что я там написал; вижу, что много, но мне не хочется перечитывать.

(28) **17. Шопен Иосифу Эльснеру [6]) в Варшаву.**

Рейнерц, август (1826).

Милостивый Государь!

С самого нашего прибытия в Рейнерц я намеревался доставить себе удовольствие написать Вам. Но так как мое время совершенно занято лечением, то я до сих пор не имел возможности этого сделать, и только нынче мне удалось улучить минутку и посвятить ее удовольствию поговорить с вами и одновременно дать вам отчет в том, как

[1]) Правильно: «Dzien dobry», что значит: доброе утро.
[2]) То же, что [1]).
[3]) „Добрый вечер“.
[4]) „День—вечер“.
[5]) Юлиан Фонтана—очень близкий друг Шопена.
[6]) Иосиф Эльснер (1769—1854), ректор Главной школы музыки, известный польский композитор, учитель и друг Шопена.

я исполнил поручения, которые вы были добры мне дать. Я постарался исполнить их как можно лучше,—отдал Латцелю адресованное ему письмо, которое его очень обрадовало. Что касается г.г. Шнабеля и Брейера, то они получат свои письма только при моем возвращении в Бреславль. Ваша доброта и живой интерес, выраженный вами по отношению ко мне, заставляют меня предположить, что вам будет несовсем безразлично, если я вам сообщу, каково состояние моего здоровья. Свежий воздух и усердно потребляемая мною сыворотка до такой степени меня восстановили, что я стал совершенно другой, чем был в Варшаве. Чудные виды, которыми изобилует прекрасная Силезия, очаровывают и приводят меня в восторг, хотя мне кое-чего не хватает,—того, чего красóты Рейнерца не в состоянии мне заменить, а именно—хорошего инструмента.

Представьте себе, здесь нет ни одного хорошего фортепиано, а все те, которые я видел, оказались инструментами, доставившими мне больше злости, чем удовольствия; к счастью эти муки не будут долго продолжаться. Время нашего прощанья с Рейнерцом приближается, и 11-го следующего месяца мы предполагаем пуститься в путь; однако, прежде чем я буду иметь удовольствие вас увидеть, позвольте, милостивый государь, уверить вас в совершенном моем почтении.

Ф. Ф. Шопен.

Мама свидетельствует вам свое почтение. Соблаговолите напомнить обо мне вашей супруге [1]).

[На обратной стороне:]

A Monsieur, Monsieur Elsner à Varsovie par bonté.

(29) **18. Шопен Яну Бялоблоцкому.**

Варшава, [суббота] 2 ноября [1826] [2]).

Дорогой Ясь!

Я не успел оглянуться, как пролетели у меня эти три месяца; мне кажется, что я недавно прислал тебе письмецо, а между тем это вздор; сам признаю свою вину, сам сознаю, что с того времени постарел на четверть года. Ты проявишь божеское милосердие, если

[1]) Оригинал написан по-французски.
[2]) За 1826-й год говорят следующие данные: а) Упоминание о хоралеоне, который по договору между Выбранецким и Бруннером должен был быть готов к 30 июня 1826 г., но еще в декабре не был доставлен в Добрынь; в) „В лицей не хожу“. Окончив в июле лицей, Шопен с осени 1826 года посещал Главную школу музыки; с) Упоминание о Рейнерце, где, как известно, Шопен провел летние вакации 1826 года. Противоречия между датой оригинала „2 ноября“ и почтовым штемпелем „2 октября“ об'ясняются, вероятно, опиской Шопена, а не ошибкой почтового ведомства.

соблаговолишь простить мне это. Его великодушие простирается до облаков... Что же касается моего, то тут дело обстоит иначе. Я возвещаю гнев... гнев ничем неудержимый, разве только одним кусочком бумаги, которого жду как дурак до нынешнего дня. Письмецо из Соколова, слава богу, написано 20-го, нынче второе, а другого письма нет. Разве ты не знаешь, что больше всего меня интересуют твой хлеб, картофель и лошади? Поразмысли! Преодолей себя! Прибегни к спасительному средству, указанному выше: petenti veniam dabo [1]).

Что касается Бруннера, то следующие строки об'яснят дело: так как уже месяц, что хоралеон вполне окончен, а он не имел от твоего папы никаких вестей, то он его разобрал, и только теперь, когда я ему сказал, что был бы рад его видеть, соберет его снова. Говорят, что твой папа должен быть доволен, что хоралеон до сих пор находится еще здесь, так как Бруннер вероятно изобретет еще усовершенствование (о котором он мне много говорил), которое повидимому туда включит. Я его еще не видал и поэтому не могу тебе точно описать, но скоро увижу и сообщу тебе по почте. Что касается следуемых ему денег, то он сам сообщит свое мнение в письме, которое пошлет по почте твоему папе (так как он получил письмо, написанное 20-го). Следовательно, что же следовательно? вот то и следовательно, что следовательно ты видишь, что заказ, т. е. это поручение исполнено совершеннейшим образом. Спроси же—откуда явилась у меня такая активность (activitas)? Ответ короток: из Соколова, так как я в самом деле так разжирел и так обленился, что мне ровно ничего не хочется делать. Узнай же, жизнь моя, по этому случаю, что я не хожу в лицей [2]), так как было бы глупостью ежедневно сидеть шесть часов по принуждению, тогда как немецкие и немецко-польские доктора велели мне как можно больше ходить, и было бы глупостью слушать во второй раз тоже самое, между тем как за этот год можно научиться чему-нибудь другому. С этой целью я хожу на контрапункт к Эльснеру строго 6 часов в неделю; слушаю Бродзинского [3]), Бентковского [4]) и другие предметы, имеющие какую бы то ни было связь с музыкой. В 9 часов иду спать. Все чаи, вечера, балы посланы к чорту. Я пью эметичную воду [5]) по приказанию Мальца [6]) и питаюсь овсянкой, как лошадь. Однако, здешний воздух помогает мне не так, как в Рейнерце. Мне твердят,

[1]) Просящему дам прощение.

[2]) С осени 1826 года Шопен посещал Главную школу музыки, бывшую под управлением Иосифа Эльснера.

[3]) Казимир Бродзинский, поэт, читал в то время в варшавском университете историю польской литературы, стилистику и эстетику.

[4]) Феликс-Ян Бентковский (1781—1852), профессор всеобщей истории и декан факультета изящных искусств.

[5]) В то время широко применявшееся лекарственное средство.

[6]) Вильгельм Мальц (1795—1852), домашний врач Шопенов.

что может быть на будущий год мне придется повторить „Laubrunn“ [1]), хотя бы для церемонии; однако, до этого еще далеко, и кажется лучше было бы в Париже, нежели на чешской границе. Барцинский еще в этом году поедет, а я... может быть, лет через 50 [2]). Что бог даст. Поцелуй меня, дорогой Ясь, с почтой получишь больше.

Ф. Ф. Шопен.

Бумага, на которой пишу тебе, из Рейнерца.
Пан Живный, пани Декерт, словом, все знакомые тебе [кланяются].
Папе наши поклоны, а я благодарю за милую приписку.
Панам Дзевановским [3]), Бялобло [4]), Циссов. [5]) и т. д. [привет].
Панне Констанции от Людвики и всех я напишу по почте.
[На оборотной стороне штемпель]: Варшава 2 octobra.

[1]) Горячий источник.

[2]) Впоследствии, 13-го апреля 1829 года, Николай Шопен подал просьбу министру религиозных исповеданий и народного просвещения о выдаче его сыну пособия на путешествие за границу для усовершенствования. Приводим любопытную оффициальную переписку по этому поводу.

„В административный совет Королевства
Государственная комиссия внутренних дел и полиции
в Варшаве дня 19 мая 1829.

Сообщенное в отношении заявление Его Пр Министра Президента государственной комиссии религиозных исповеданий и Народного Просвещения от 14-го апреля сего года на предмет обеспечения сыну профессора Шоппена (sic!) 5.000 злотых ежегодно для путешествия за границу на два года с целью усовершенствования таланта игры на фортепиано, которым он отличается, государственная комиссия внутренних дел и полиции имеет честь возвратить с замечанием, что она не может разделить мнение, чтобы суммы государственного казначейства были предназначаемы [в черновике этой бумаги было первоначально написано: „расточаемы“, а после исправлено на „предназначаемы“] на поощрение артистов такого рода.

Министр президент Т. Мостовский.
Генеральный секретарь А. Карский“.

На оригинале этой бумаги сверху написано карандашем:

„Просителю отказать“.

Черновик этой бумаги находится в актах государственной комиссии внутренних дел (Wol. Nr. arch. 17.375, K. 20, Archivum A. D.).

Пану Николаю Шопену, профессору варшавского лицея.
Секретарь, статский советник.

На просьбу ясновельможного пана Николая Шопена, поданную дня 13-го апреля на предмет обеспечения его сыну государственного пособия для заграничного путешествия с целью усовершенствования таланта игры на фортепиано, по поручению Его Превосходительства Председательствующего в Административном Совете об'является, что совет, осведомившись о мнении министра внутренних дел и полиции, не нашел себя склонным согласиться с ходатайством просящего [первоначально было сказано так: „что таковые просьбы о недостатке средств не могут иметь последствий“,—но после было исправлено, как выше].

Дивизионный генерал Коссецкий.

Дня 10-го июня 1829 года.

[3]) Вероятно семья Юлия Дзевановского, владельца Шафарни.

[4]) Вероятно Лука-Исидор Бялоблоцкий, двоюродный брат Яна, арендовавший соседнее с Соколовым имение Циссовских „Радомин“.

[5]) Вероятно Циссовским.

(30)

19. Шопен Яну Бялоблоцкому.

Варшава, [понедельник] 8 [января 1827 г.] [1]).

Милостивый государь Ян!

Ты не стоишь, бездельник! прости, но я должен, возмутившись, употребить так справедливо заслуженный тобою эпитет! Ты не стоишь, чтобы я взялся для тебя за перо. Такова-то благодарность за кровавый пот чела моей милости, за взятые на себя труды при покупке Мицкевича или этих билетов! Такова твоя признательность за поздравление к Новому Году! Действительно, поразмысли и ты признаешь, что я говорю справедливо, что ты не стоишь, чтобы я протянул тебе руку.

Единственным побуждением написать нынче может служить желание оправдаться в подозрении, которое могло на меня пасть из-за оставшихся у меня денег. Может быть ты думаешь, что во время карнавала я употребил их на какую-нибудь приятельскую вечеринку, или обратил их на достойное сына Аполлона чествование Бахуса? — Ложные выводы! Мерзкие мысли! Кукиш!—Я тебе же купил на них две арии из Фрейшюца, которыми ты должен быть доволен. Они, правда, для женского голоса, поют их Купинская и Ашпергер, но я же знаю, или по крайней мере представляю себе, жизнь моя дорогая, как ты должно быть тонко поешь, когда у тебя заболит нога (о которой ничего не знаю), а потому они будут для тебя как раз хороши. Транспонируй для себя октавой ниже самую мелодию, и будет как раз теноровый голос, такой, как у тебя, насколько я припоминаю. Они обе стоят два злотых, следовательно сколько еще осталось у меня? Нужно сделать арифметическое действие: например, некто (представь себе Тарчинского [2]) на экзамене первого класса) имел три злотых, истратил два. Сколько у него осталось?—Хе?—Два вычесть из трех, остается один, следовательно остался злотый, или 30 грошей, или 90 шелегов [3]).

Я хотел бы купить тебе на него что-нибудь интересное, и это вероятно будет из „Итальянцев“ [4]), чтобы у тебя было что-нибудь модное. До сих пор еще не было ничего награвированного [5]), не знаю, что будет завтра, потому что я уж 4 дня, как не был у Бржезины [6]),

[1]) Дата этого письма (в оригинале стоит только цифра 8) определяется следующими данными: упоминанием—a) об опере Фрейшюц, первое представление которой было 3 июля 1826 г., b) об опере „Итальянцы в Алжире“, первое представление которой было 7 декабря 1826 г. и c) о концерте Шимановской, бывшем в Варшаве в понедельник 15 января 1827 года.

[2]) Тадеуш Тарчинский, учитель лицея.

[3]) Самая мелкая польская монета.

[4]) Вероятно „Итальянцы в Алжире“, опера Россини, шедшая в первый раз в Варшаве 7 декабря 1826 г. и имевшая большой успех.

[5]) Гравировать—печатать ноты.

[6]) Владелец музыкального магазина, куда часто ходил Шопен проигрывать и просматривать музыкальные новости.

может быть еще достану и если удастся, то постараюсь, чтобы пан Дзевановский мог еще взять их с собою. Хорошее намерение! если оно осуществится, то ты скоро развернешь ноты; тебе теперь должно быть также любопытно прошлое, как мне сейчас будущее!—Кроме того, посылаю тебе мою мазурку, о которой ты знаешь; другую можешь получить позже, иначе было бы слишком много удовольствия сразу. Она уже выпущена в свет, а между тем, то мое рондо, которое я хотел дать литографировать, более раннее и потому имеющее больше прав на странствование, задыхается в бумагах. С ним делается то же, что и со мной!

Санный путь довольно хорош, и по Варшаве уж 4 дня летают с бубенцами; было уж даже несколько несчастных случаев, время от времени обычно сопутствующих этому. Например: дышлом ударило в головую какую-то даму и убило ее; лошади помчались, сани сломались и т. п. Накануне Нового года был весьма многолюдный маскарад. Я еще никогда не был на таком увеселении, поэтому мне хочется, и я надеюсь, что мы с Барцинским отправимся в нынешнем году. Пани Шимановская [1]) дает на этой неделе концерт. Это состоится в пятницу, и цены повышены; партер, кажется, пол дуката, кресла дукат и тому подобное. Я буду непременно и дам тебе знать об успехе и об игре.

Пиши мне!—Поцелуй меня, жизнь моя.

Ф. Ф. Шопен.

У нас больна мама, четыре дня лежит, сильно страдает от ревматизма; теперь ей немного лучше, надеемся, что, бог даст, будет вполне хорошо.

Наше почтение твоему папе.

(31)

20. Шопен Яну Бялоблоцкому.

Варшава, понедельник 14 марта [1827] [2]).

Любимый Ясь!

Жив ты? Или нет? Слава богу, минуло уже больше трех месяцев, как ты мне ни словечка не пишешь. Прошли мои благородные именины [3]), а письма я не получил. Все это, кажется, подтверждает то, что о тебе болтают в Варшаве с плачем и сожалением. А знаешь, что говорят? Говорят, что ты умер! Уж мы все неистово поревели (напрасно),

[1]) Мария Шимановская (1795—1832), мать Целины Шимановской, жены Адама Мицкевича, очень известная в то время в Европе пианистка и композитор.

[2]) За 1827 год говорят следующие упоминания в письме: a) о болезни Эмилии, сестры Шопена, которая умерла 10-го апреля 1827 года; в) о хоралеоне, который по договору, заключенному между Выбранецким и Бруннером, должен был быть доставлен в Добрынь в первой трети 1827 года, вероятно во второй половине марта.

[3]) Именины Шопена—5-го марта.

уж Едржеевич писал в „Курьере“ панегирик, когда снова неожиданно грянула весть, что ты жив! Так и есть—жив! Так как радостные вести легче находят доступ к сердцу жаждущих утешения, то нам и показалось действительно похожим на правду то, о чем болтают люди. Осушив затем распухшие от слез вежды, я взялся за перо, чтобы узнать у тебя, жив ты, или умер! Если умер, то уведоми меня; я скажу кухарке, потому что она с тех пор, как узнала об этом, непрерывно читает молитвы. Что значит, однако, стрела Купидона! Хоть она и старая баба, наша Иозефовна, однако, ты так ее пронзил, будучи в Варшаве, что она (узнав о твоей смерти), долгое время повторяла: „Какой это был паныч! красивей всех панычей, что тут бывают! Так не красив ни пан Войцеховский [1]), ни пан Едржеевич, ни один, ни один!—Боже мой! как он раз из шалости с'ел у меня капусту из кастрюльки!...“

Ха, ха, ха, ха! Хороша элегия! Жаль, что нет Мицкевича, может быть он написал бы балладу „Кухарка“. Но оставив все это, я приступаю к делу: у нас в доме болезнь. Уж четыре недели, как Эмилия [2]) лежит; получила кашель, начала плевать кровью; мама испугалась. Мальц велел пустить кровь. Пустили раз... другой; пьявок без числа, мушки, горчичники, волчий перец [3]) и без конца возни. За все это время она ничего не ела, похудела до неузнаваемости, и только теперь начинает мало-мальски приходить в себя.—Можешь себе представить, что у нас было. Представь же себе, потому что описать тебе я не в силах. Теперь о чем-нибудь другом.

Карнавал кончился, и это грустно. Старый Беник [4]) умер, а из этого ты можешь заключить, чего стоило это папе!—Дочь его Клементина, что вышла за Долбышева, умерла, не прожив с ним даже девяти месяцев. Словом, такие, самые прискорбные события огорчили наш дом. И тот последний удар—видимо из преисподней, иначе не знаю откуда—известие о твоей смерти, которое стоило мне не только слез, но и денег.—Естественно, узнав об этом (представь себе, что ты узнаешь о моей смерти) — (NB я жив) — от большого рева я получил головную боль, а так как это было в 8 часов утра, а в 11 приходит итальянец [5]), то я пропустил урок,—это уж несколько злотых. (Войцеховский, Вельц [6]) огорчены). На другой день, чтобы развеселиться, мне велено было итти в театр. Вот опять несколько злотых!—за это ты

[1]) Вероятно Тит Войцеховский, очень близкий друг Шопена.

[2]) Младшая сестра Шопена (1813—1827), умершая 10-го апреля от чахотки, необыкновенно даровитая.

[3]) Растение, кора которого употреблялась для натягивания пузырей на коже.

[4]) Яков Беник, управляющий Варшавским монетным двором, крестный отец Изабеллы, сестры Шопена.

[5]) Ринальди (?), учитель итальянского языка в Главной школе музыки.

[6]) Вероятно Карл Вельц, побочный брат Тита Войцеховского, ученик пансиона Шопенов, коллега Бялоблоцкого по лицею.

тоже мог бы мне написать — умер ли ты; я жду письма, так как сам больше писать не могу, потому что 4 часа.

Поцелуй меня, дорогой Яль! *Ф. Ф. Шопен.*

Бруннер думает вскоре отослать хоралеон по Висле; напиши, нужно ли задержать, или еще что, потому что немец не знает, что делать. Было бы лучше всего, если бы твой папа написал ему.

Все тебя обнимают после [твоего] воскресения.

Папе мое почтение.

(32)

21. Шопен Яну Матушинскому в Варшаву.

Варшава (1827).

Милый Ясь!

Что же случилось, что мы так давно не видались? я жду тебя всякий день, но вижу, что ты как нарочно не приходишь, а у меня как раз к тебе вот какая просьба: так как теперь плохая погода, то я бы очень хотел переписать начисто фортепианную партию варьяций. Для этого мне нужен твой экземпляр. Поэтому будь так любезен, принеси мне его завтра, а послезавтра ты получишь и тот и другой.

Твой *Ф. Ф. Шопен.*

(33)

22. Шопен Титу Войцеховскому [1]) в Потуржин.

Варшава, 9 сентября 1828.

Дражайший Тит!

Ты не поверишь, с каким нетерпением я ждал известий от тебя и твоей матери; можешь поэтому себе представить, как я был рад, получив твое письмо. Я находился тогда в Санниках у Прушаков. Я провел там все лето. О тамошнем времяпрепровождении я тебе ничего не пишу, так как ты сам бывал в Санниках. Я не мог тебе сейчас же ответить, потому что со дня на день собирался ехать домой. Теперь же я пишу тебе, как сумасшедший, так как в сущности не знаю, что со мной происходит. Еду нынче в Берлин, послушать оперу Спонтини; еду с дилижансом, чтобы испытать свои силы. Однако причиной всего этого являются обезьяны изо всех (естественно - исторических) кабинетов Европы. Прусский король уполномочил свой университет, по образцу конгрессов в Швейцарских кантонах и позже в Мюнхене, пригласить значительнейших европейских ученых на заседания естествоиспытателей, которые будут происходить под председательством

[1]) Один из самых близких друзей Шопена.

знаменитого Гумбольда [1]). Яроцкий, как бывший студент Берлинской академии, позже там же получивший докторский диплом, также приглашен, как зоолог. В Берлине приготовлено 200 помещений для приезжающих натуралистов с общим столом и т. д.—со всеми подобными немецкими распорядками; приглашения, напечатанные на веленевой бумаге, возвещают нечто необыкновенное, а также, что и Спонтини выступит со своим „Кортецом“ или „Олимпией“. Надо тебе сказать, что приятель и учитель Яроцкого Лихтенштейн—секретарь этого собрания; он связан тесной дружбой с Вебером, является членом певческой Академии и находится в хороших отношениях с Зельтером, председателем этого музыкального с'езда. Люди, хорошо знающие Берлин, говорили мне, что зная Лихтенштейна, я узнаю значительнейших музыкантов Берлина за исключением Спонтини, с которым он будто бы не в ладах. Я был бы рад, если бы застал там познанского Радзивилла [2]) (в чем люди добрые сомневаются), который со Спонтини за панибрата. Я пробуду там с Яроцким только две недели; но хорошо и раз послушать превосходную оперу; при этом можно уже получить представление о выдающемся исполнении. Арнольд, Мендельсон и Ханк—тамошние пианисты. Последний—ученик Гуммеля. О том, что я увижу, я тебе напишу возвратившись; теперь же, согласно твоему желанию, сообщу тебе варшавские новости. Во-первых, пан Колли и пани Tusaint выступали (недели две назад) в „Цирульнике“. Как раз случилось, что я тогда с Костусем [3]) приезжал дня на два в Варшаву из Санников. Очень было мне любопытно послушать по-итальянски первый акт (так как давали только первый); весь день я потирал себе руки. Но вечером, если бы не Tusaint, то я исколотил бы Колли до смерти. Он был таким Arlechino italiano, так фальшивил, что страх! Достаточно сказать, что он раз упал, убегая. Представь себе Колли в коротких панталонах и круглой белой шляпе, лежащим на земле с гитарой в руках. О ужас! „Цирульник“ шел мерзко. Лучше всего Зданович спел „Kalumni“'ю. Шла опера „Телемак“, или скорее должна была итти, новинка, которой я не видал; знаю, что репетиции были, но я ни на одной не был и поэтому ничего тебе о ней сообщить не могу. Мне кажется, что ты еще не видал „Отелло“ [4]), но ты хвалил Польковского, который в этой опере лучше всех. Мейер поет, как всегда. Циммерман уже выступала и кажется начинает совершенствоваться. Но довольно о драматическом, узнай также кое-что и об университете. Оборский (который напугал

[1]) Александр Гумбольд (1769—1859), великий немецкий ученый.

[2]) Кн. Антон Радзивилл, тогдашний наместник Познани, сделал себе имя, как композитор, своей музыкой к „Фаусту“ Гете. Он познакомился в Варшаве с юным Шопеном, с тех пор стал живо им интересоваться и впоследствии сыграл роль в его жизни, введя его в Париже к Ротшильду, в салоне которого Шопен сразу стал знаменитостью.

[3]) Прушаком.

[4]) Опера Россини.

меня твоим от'ездом, ввалившись в зал, где мы собрались на вокальную репетицию хоров „Тела Христова“, и сообщил мне заведомую ложь, что ты мне шлешь свое прости, потому что ночью должен уехать), Оборский, кажется, в Бадене. Так мне сказал Гонсэ (с которым я вчера был на башне лютеранской церкви, откуда мы с ним глядели на смотр войскам, происходивший возле „Воли“). Гонсэ был в Кракове и может многое рассказать; в дороге его обокрали, и он трогательно изображает это событие. Нынче я встретил Обницкого; он здоров и очень расспрашивал о тебе,—куда ты девался, вернешься ли и когда, и просил обнять тебя за него. В четверг Прушак привез меня сюда, а сам уехал в субботу домой, чтобы в воскресенье отправиться в Данциг. Пани Прушак уехала днем раньше. Я был с Костусем в твоей квартире, но инструмента не пробовал, потому что Костусь не знал, где искать ключ от него; с виду инструмент мне показался не плохим, он имеет хороший вид. Что касается твоих вещей,— перевезены ли они или нет, и другие подробности, ты все это узнаешь от Костуся, который, разумеется, тебе напишет.

В Санниках я переделал то Rondo C-dur [1]) (последнее, если ты его припоминаешь) для двух фортепиано. Нынче я его пробовал с Эрнеманном [2]) у Бухгольца [3]), и оно вышло довольно хорошо. Мы собираемся его как-нибудь сыграть в клубе. Что касается моих новых сочинений, то у меня нет ничего, кроме еще не вполне конченного трио g - moll, начатого вскоре после твоего от'езда. Первое Allegro я пробовал с аккомпаниментом, перед моим от'ездом в Санники; по возвращении думаю попробовать и остальное. Я думаю, что это трио разделит ту же участь, что мои соната и варьяции. Они уже в Лейпциге; первую, как ты знаешь, я посвятил Эльснеру, а на вторых я поставил твое имя (может быть это слишком дерзко?). Так сердце хотело, дружба этого не запрещает, и ты не рассердишься. Скарбек [4]) еще не вернулся. Едржеевич [5]) остается еще на год в Париже. Он там познакомился с Совинским [6]), с тем пианистом, который сообщил им в нескольких строках, что он очень хотел бы сначала со мной познакомиться, обменявшись письмами, прежде, чем приедет в Варшаву. Так как он имеет отношение к редакции „Révue musicale publiée par M-r Fétis“, то ему было бы очень приятно иметь некоторые сообщения о состоянии музыки в Польше, об известнейших в этой области поляках, их жизни и т. д., словом о

[1]) Появилось в собрании посмертных произведений под op. 73, изданном Юлианом Фонтана.

[2]) Учитель музыки в Варшаве.

[3]) Варшавский фабрикант фортепиано,

[4]) Граф Фридрих Скарбек, крестный отец Шопена.

[5]) Каласанти Едржеевич (1803—1853), позже зять Шопена, муж его сестры Людвики.

[6]) Альберт Совинский, композитор и писатель. Шопен в письме к Войцеховскому от 25/XII 1831 г. говорит о Совинском, отнюдь не хваля его.

том, во что я вовсе не думаю впутываться. Я напишу ему из Берлина, что такие вещи меня не касаются, тем более, что Курпинский уже начал отчасти у нас этим заниматься. Впрочем, я не обладаю еще суждениями, достойными Парижской газеты, которая должна содержать только правду, и я не слыхал еще ни лучшей, ни худшей оперы. Эти я только сильно вооружил бы многих против себя. Курпинский теперь в Кракове, Жилинский дирижирует оперой; вчера ужасно шел Фрейшюц. Все хоры прошли совсем врозь, одна часть пела на четверть позже другой. — Папа думает, что я потеряю свое высокое мнение о заграннце. Через месяц я тебе скажу об этом определенно, потому что к концу этого месяца я покину Берлин. Пять дней путешествия в дилижансе! В случае, если заболею, вернусь домой с экстренной почтой. И об этом я тебе напишу. Из новостей забыл самую важную, что умер Альбрехт. У нас все по-старому. Славный Живный—душа всего общества. В этом году я должен был уехать с папой в Вену в дилижансе, что может быть и случилось бы, если бы мать маленького Незабытовского не просила подождать ее, а сама не приехала. Все каникулы папа провел дома. В прежнее время, т. е. 2 или 3 месяца тому назад, мне было неприятно проходить мимо дома Рецлера[1]), а третьего дня, идучи к Бржезине, я ввалился в дверь к Лафору вместо проходных ворот. Только вчера я познакомился с четой Кастель. Я нахожу, что она на него похожа. В Варшаве все этого мнения.

Мне очень жаль, что время, проведенное тобой у твоей матери, не прошло также непринужденно, как в прошлом году. Мы все глубоко сочувствуем нездоровью твоей уважаемой матери и все вместе желаем улучшения ее здоровья. Наверное ты часто икал, потому что не проходило дня, чтобы мы не вспоминали тебя. Я кончаю, так как мой чемодан (работы Гартмана) уже отослан на почту. Я уж собираюсь туда, где находятся Гейсмер и Лаубер; буду им кланяться от тебя, если хочешь. Теперь же поцелуй твоего преданнейшего

Ф. Шопена.

Поцелуй от меня ручки и ножки твоей маме. Мои родители и сестры передают твоей матери свое почтение и сердечные пожелания улучшения здоровья. Тебя приветствуют все знакомые, как-то: пан Живный, Жох, Гурский и т. д. Эти немногие лица напомнят тебе наш дом.

Еще раз целую—целую. Сжалься же и напиши хоть словечко, а хоть бы и пол, хоть букву, и она мне будет дорога.

Прости, если я где-нибудь написал глупости, но у меня нет времени перечитать письмо; еще раз прощай.

[1]) В этом доме жил Войцеховский во время своего пребывания в Варшаве.

(34)

23. Шопен своим родным.

Берлин, вторник 16 сентября 1828.

Горячо-любимые родители и сестры!

В воскресенье около трех часов пополудни мы благополучно приехали с дилижансом в этот громаднейший город. С почты мы прямо отправились в гостинницу „Zum Kronprinz“, где мы живем до сих пор. Нам здесь хорошо и удобно. В самый день нашего приезда профессор Яроцкий взял меня с собой к пану Лихтенштейну, где я видел Гумбольда. Лихтенштейн обещал познакомить меня с первыми мастерами моего искусства; он жалел, что мы не приехали днем раньше, потому что в этот день утром играла его дочь с сопровождением оркестра. О последнем нечего жалеть, подумал я про себя. Верно ли я угадал, я еще не знаю, потому что до сих пор я ее еще не видал, а посему также и не слыхал. В воскресенье, в день нашего приезда, давали „Прерванное жертвоприношение“ Винтера[1]). Визит к Лихтенштейну помешал мне к сожалению послушать эту оперу. Вчера состоялся общий обед тех (кажущихся мне каррикатурами) ученых, которых я уже разделил на 3 категории, но не под председательством Гумбольда (у которого очень хорошие манеры), а под председательством другого виночерпия, имени которого я сейчас не помню, но которое я подписал под сделанным мною портретом[2]). Этот обед, тянувшийся бесконечно, помешал мне быть в концерте девятилетнего скрипача Бирнбаха, которого здесь очень хвалят. Нынче я иду на знаменитую оперу Спонтини „Фердинанд Кортец“; чтобы случайно опять не очутиться среди каррикатур, я попросил у пана Яроцкого позволения обедать одному. Сделавши это, я принялся за писание настоящего письма, а потом отправлюсь в оперу. Ходит слух, что сюда приедет знаменитый скрипач Паганини; может быть этот слух подтвердится. Радзивилла ждут здесь 20-го этого месяца; было бы хорошо, если бы он приехал. Я до сих пор еще ничего не видел, кроме зоологического кабинета, но уже знаю большую часть города, потому что эти два дня я только и делал, что шлялся по прекраснейшим улицам и мостам. Я не буду себя затруднять описанием выдающихся зданий, лучше расскажу все, вернувшись домой. Вот мое общее впечатление от Берлина: он слишком распространился и по всей вероятности мог бы вместить вдвое большее количество жителей.

Сначала мы должны были жить на Французской улице, но вышло однако иначе, чему я очень рад, так как эта улица необыкновенно грустная—едва увидишь шесть человек одновременно. Конечно в этом

[1]) Петер фон-Винтер (1754—1825), оперный композитор и придворный капельмейстер в Вене.

[2]) Шопен был прекрасный рисовальщик каррикатур.

виновата ее ширина по сравнению с нашей Лешно [1]). Только нынче я узнаю, придется ли мне Берлин по вкусу. Я охотнее провел бы утро у Шлезингера, вместо того, чтобы таскаться по 13 комнатам Зоологического кабинета. Несомненно, что вышеупомянутый музыкальный магазин был бы мне гораздо более полезен. Но от роста голова не болит; я и там буду также. Нынче утром я осмотрел еще две фортепианные фабрики; одна из них—Кистинга находится в конце Фридрихштрассе, но у него нет ни одного готового инструмента, и я напрасно трудился. Вышло удачно, что здесь в доме у хозяина есть рояль, и что я могу на нем играть. Наш хозяин удивляется на меня, когда я ежедневно навещаю его (или скорее его инструмент).

Путешествие не было так дурно, как казалось сначала; и хотя в прусских безрессорных дилижансах нас достаточно растрясло, это мне, как видно, совсем не повредило, потому что я чувствую себя хорошо, совсем хорошо.

Наше общество путешественников состояло из одного немецкого юриста, живущего в Познани и отличавшегося тяжеловесными остротами, и очень тучного агронома, который цивилизовался в дилижансах (так как он много путешествовал). Такова была наша компания до последней станции перед Франкфуртом, где присоединилась к нам еще немецкая Коринна, полная ахов и охов, и да-с, и нет-с, словом настоящая романтическая куколка. Но это было забавно, тем более, что она всю дорогу сердилась на своего юридического соседа.

Окрестности Берлина с той стороны, с которой мы приехали, не очень красивы—все же пленяют порядком, чистотой, распланировкой, словом, той известной заботливостью, которая земетна почти в каждом уголку. В другой части города я еще не был; нынче не могу итти туда, может быть пойду завтра. После завтра уже начинаются заседания, на которые пан Лихтенштейн обещал дать мне входной билет. В тот же день вечером Гумбольд будет принимать у себя естествоиспытателей. Пан Яроцкий хотел выхлопотать, чтобы мне также был предоставлен вход, но я его просил оставить это, так как мне это не будет особенно полезно, а кроме того еще и потому, что иностранные головы пожалуй косо на меня взглянут, как на профана. Да я наконец совсем не хочу быть не на своем месте. Вдобавок, мне уже казалось, что за столом мой сосед смотрел на меня косо. Это был профессор ботаники из Гамбурга, пан Леман. Позавидовал я его могучей фигуре. Я разломил булочку обеими руками, а он одной расплющил ее в блин. Лягушонок, с медвежьими лапами! С Яроцким он разговаривал через меня и так забылся и увлекся в разговоре, что начал скрести по моей тарелке своими толстыми пальцами и скатывать на ней хлебные шарики (это настоящий ученый, так как он кроме того, обладает еще

[1]) Улица в Варшаве.

огромным, бесформенным носом). Я сидел как на иголках, пока он вертел мою тарелку, и вынужден был потом обтереть ее салфеткой.

У Марильского [1]) нет ни на грош вкуса, если он уверяет, что берлинки красивы. Они очень наряжаются, это правда, однако жаль прекрасного, тонкого мусслина для таких кожаных кукол.

Ваш, искренно вас любящий

Фридрих..

(35)

24. Шопен своим родным.

Берлин, 20 сентября 1828.

Я чувствую себя хорошо и со вторника, как будто нарочно для меня, в театре ежедневно дают что-нибудь новое. Самое же главное то, что я уже слышал ораторию в „Singakademie“. С удовольствием также я прослушал „Кортеца“, „Тайный брак“ Чимарозы и Онслова „Kolporteur“. Но Оратория Генделя „Caecilienfest“ все-таки больше соответствует идеалу, который я себе составил о возвышенной музыке. Из знаменитых певиц в настоящее время никого нет кроме Тибальди (альт) и молодой семнадцатилетней фон-Шетцель, которую я слышал сначала в „Singakademie“, а потом в театре в „Kolporteur“‘е. В оратории она мне больше понравилась; возможно, что тогда я был лучше расположен к слушанию. Все-таки и у них не обошлось без „но“; этого не будет разумеется только в Париже.

У пана Лихтенштейна я с тех пор еще не был, потому что он так занят организацией с‘езда, что даже профессору Яроцкому только изредка удается обменяться с ним несколькими словами.

Он все-таки достал мне входной билет на заседание. Мое место было великолепное, так что я мог все видеть и слышать и даже разглядеть вблизи кронпринца. Я видел Спонтини, Цельтера, Мендельсона, но ни с кем из них не говорил, потому что я не посмел сам им представиться. Нынче должен приехать князь Радзивилл; после завтрака я пойду справлюсь. Я видел в „Singakademie“ княгиню фон-Лигнитц и, заметив, что она разговаривает с кем-то, носящим ливрееподобный наряд, я спросил своего соседа, не королевский ли это камердинер. „Что вы?“ возразил он, „да ведь это Exzellenz von Humbold!“ Форма министра так его изменила, что я, несмотря на хорошо запечатлевшиеся в памяти черты лица этого великого „pieton“ [пешехода] (потому что он даже на Чимборассо лазил), совершенно был не в состоянии его узнать. Он тоже был вчера на „Kolporteur“‘е или как его здесь называют „Hausierer“, а у нас, как я думаю „Kramarż“. В королевской ложе сидел принц Карл.

[1]) Евстафий Марильский, школьный товарищ Шопена.

На днях мы были в библиотеке. Она огромна, но в ней однако музыкальный отдел очень мал. Там я видел собственноручное письмо Костюшки[1]), которое Фалькенштейн, биограф нашего героя, списывал букву за буквой. Когда он заметил, что мы поляки и гладко прочитали письмо, которое он с таким трудом копировал, он попросил пана Яроцкого перевести на немецкий язык его содержание, которое и внес под диктовку в свою записную книжку. Он еще довольно молодой человек и занимает должность секретаря в Дрезденской библиотеке. Я там видел также редактора одной берлинской музыкальной газеты и обменялся с ним несколькими словами. Завтра—„Фрейшюц!“.. Его-то мне и нужно. Я буду сравнивать с нашими певицами. Нынче я получил билет на парадный обед, устраиваемый в манеже для участников с'езда.

Вот, когда увеличится собрание каррикатур!

(36)

25. Шопен своим родным.

Берлин, суббота 27 сентября [1828].

Я себя хорошо чувствую и видел все, что только можно было видеть. Скоро я вернусь к вам. В понедельник (т. е. после завтра через неделю) мы обнимем друг друга. Я бью баклуши. Ничего не делаю, только хожу в театр. Вчера шло „Прерванное жертвоприношение“, где несколько хроматических гамм, пропущенных панной Шецель, перенесли меня мысленно в вашу среду[2]). Эта „ваша“ напоминает мне одну берлинскую каррикатуру. Наполеоновский солдат стоит с ружьем на часах, и спрашивает: „Кто идет?“ (qui vive?). Проходящая мимо толстая немка отвечает: „La vache“ (корова). Она хотела сказать: „Die Wäscherin“ (прачка), но так как ей захотелось поэлегантнее выразиться, чтобы ее легче мог понять французский солдат, то она и „галлизировала“ таким образом свое звание.

К важнейшим событиям моего здешнего пребывания я должен причислить второй обед с господами натуралистами. Во вторник накануне от'езда состоялся по этому случаю обед с пением. Все пело, и каждый, сидевший за столом, пил и стучал по стаканам в такт музыке. Цельтер дирижировал; перед ним на темно-красном постаменте стоял золоченый бокал, как знак высочайшего музыкального достоинства. Ели больше обыкновенного, вследствие чего дело приняло такой оборот: г-да натуралисты, в особенности зоологи, занялись главным образом мясом, соусами, супами, и т. п., и в результате сделали за эти несколько дней с'езда огромные успехи в еде. В королевском городском

[1]) Фаддей Костюшко (1764—1817), полководец и герой польского восстания.

[2]) Намек на варшавских певиц, которые часто пропускали или изменяли предписанные композитором колоратурные украшения.

театре так подняли на смех ученых, что в какой-то комедии (на которой я сам не был, а знаю об этом по слухам) пьют пиво, и один другого спрашивает: „Почему теперь в Берлине такое хорошее пиво?“ А тот отвечает: „Да потому, что приехали натуралисты“.

Но все-таки пора итти спать, так как завтра мы должны быть на почте чем свет. В Познани мы останемся два дня, благодаря обеду, на который нас пригласил архиепископ Волицкий. При свидании нам будет о чем поболтать.

До свидания и т. д.

(37)

26. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, [суббота] 27 декабря 1828.

Дражайший Тит!

Я ленился до тех пор, пока дружба не взяла верх над неисправимостью. Желая, чтобы это письмо застало тебя дома к 1 или 4 января, я хотя и заспанный, взялся за перо.

Я не буду наполнять этот листок множеством комплиментов, изысканных пожеланий или пошлых острот, потому что мы друг друга знаем—в этом же ищи причину моего молчания. Макс дал мне точные сведения о тебе и о здоровье твоей матери на следующий же день после своего приезда в Варшаву. По дороге в университет он сейчас же забежал ко мне и с большим восторгом вспоминал Грубешов. Некоторые его рассказы превосходны; когда я между прочим спросил его о твоем, вернувшемся из Парижа, соседе, он ответил коротко и серьезно: „завивается“.—У пани Прушак опять играют комедии; мне была дана роль какого-то Педро из „Les projets du mariage“ Дюваля.—После Нового года они отправляются на две свадьбы: одна—пани Скаржинской (из Кракова) с Лущевским, другая—пани Скаржинской из Студенца, самой старшей, я не знаю с кем. Я предчувствую, что в этом месте ты покачаешь головой и скажешь: что за чепуху пишет мне Фриц, но я уж это написал и не буду вымарывать, потому что мне некогда переписывать.—Новость из другой области: Едржеевич стал членом какого-то общества в Париже, кажется географического. Однако интереснее всего тебе будет то, что я, бедный я, должен давать уроки. Причина этому следующая ⨯ [1]). N сделал несчастной синьорину гувернантку в доме на Маршалковской улице. Синьорина гувернантка сделалась беременна, и графиня пишет, что ее хозяйка не желает больше видеть соблазнителя. Лучшим исходом было бы, если бы, как думали раньше, соблазнителем оказался я, но хотя я и был больше месяца в Санниках и постоянно гулял в саду с гувернанткой, но я только гулял и не более того. Она не очаро-

[1]) Заключенное между двумя этими (⨯) значками в оригинале написано по-итальянски.

вательна; ✕ и я—растяпа—не имел к ней на мое счастье никакого аппетита. Мадам Прушак убедила маму и папу, что я даю уроки. Oleum et operam perdidi. Но будь что будет.

Партитура рондо à la Krakowiak окончена. Интродукция оригинальнее, чем я сам в своем байковом сюртучке. Но трио еще не окончено. Наверху есть целая комната для моего удобства с лестницей, ведущей в нее из гардеробной. Там у меня будет старое фортепиано и старое бюро, и этот угол будет моим убежищем. Осиротелое рондо для двух фортепиано нашло в лице Фонтаны своего вотчима (может быть когда-нибудь ты у меня его и видел? Он учится в университете). Он учил его больше месяца, наконец выучил все-таки, и недавно у Бухгольца мы пробовали произвести им возможный эффект. Возможный,—потому что рояли не совсем строили, не всегда на высоте была чуткость и все эти мелочи, которые, как ты знаешь, придают столько оттенков каждой вещи. За неделю я ничего не написал ни для людей, ни для бога. Я бегаю от Анны к Каиафе и буду нынче на вечере у Винценгероде, а оттуда поеду на другой к пани Кика. Ты знаешь, как это приятно, когда тебя просят импровизировать, а тебе хочется спать. Угоди тут всем! Не часто приходят ко мне такие мысли, как иногда по утрам, выливаясь легко из под пальцев на твоем инструменте. Куда бы я ни повернулся, всюду негодные инструменты Лещинского! Я не видел ни одного, который бы равнялся по звуку роялю твоей сестры или нашему.

Польский театр открылся вчера „Precios“'ой, а французский „Rataplan“'ом, нынче идет „Geldhab“, [1]) завтра—„Der Schlosser“ [2]).

Завтра, как всякое воскресенье, я на обеде у пани Прушак. Костусь мне говорил, что ты писал ему; не подумай, что я сержусь, что мне ты не писал. Твою душу я знаю, а за бумагой не гонюсь. Если опять я намарал тебе столько вздору, то случилось это только потому, чтобы тебе напомнить, что ты по старому в моем сердце, а я все тот же Фриц, что и раньше.

Ф. Шопен.

Ты не любишь, чтобы тебя целовали, но нынче позволь мне это. Наилучшие пожелания здоровья твоей матери от всего дома. Обними своего брата. Живный вам кланяется.

9-го сентября в Санниках у Прушаков я переделал рондо C-dur для двух фортепиано. Трио g-moll еще не вполне окончено.

27-го декабря я окончил партитуру „Rondo à la Krakowiak“. Трио еще не окончено.

[1]) Граф Александр Фредро (1793—1876), польский драматический писатель, называемый польским Мольером, писал водевили, фарсы и комедии. Упомянутая здесь комедия называется „Пан Гельдгаб“. Некоторые его комедии переведены на немецкий язык, а „Дамы и гусары“ шли в Вене в Бургтеатре.

[2]) Опера Обера „Maurer und Schlosser“ („Каменьщик и слесарь“).

(39)

27. Шопен своим родным.

Вена, 1-е августа 1829.

Мои горячо-любимые родители и сестры!

Счастливо, весело, невредимо, великолепно, почти-что удобно прибыли мы вчера в Вену. Начиная от Кракова, мы ехали в отдельном экипаже лучше, чем в собственной карете. Прекрасные места Галиции до Бельска, потом Верхней Силезии и Моравии сделали наше путешествие тем более приятным, что перепадавший иногда по ночам дождь только прибивал ничтожную пыль.

Прежде чем я начну описывать Вену, я хочу рассказать, что случилось в Ойцове [1]). В воскресенье после обеда наняли мы себе за 4 талера краковскую деревенскую повозку, запряженную четверкой, и щеголяли в ней отличнейшим образом. Миновав город и прекрасные краковские окрестности, мы велели своему кучеру ехать прямо в Ойцов, думая, что там живет пан Индик, крестьянин, у которого все обыкновенно ночуют, и где также ночевала панна Танска [2]). К несчастью пан Индик живет в расстоянии мили от Ойцова, и наш кучер, не знавший дороги, завез нас в Прадник, речонку или скорее прозрачный ручеек, не найдя другой дороги, так как направо и налево были скалы.

Около 9 часов вечера нам, кочующим таким образом и безпомощным, попались два человека; они сжалились над нами и предложили свои услуги проводить нас к пану Индику. Мы должны были итти назад пешком добрых пол-мили по росе и через множество утесов и острых камней. Иногда переходили через ручей по круглым бревнам, и все это темной ночью. Наконец после многих усилий, толчков и приключений мы все-таки нашли дорогу к пану Индику.

Он не ждал уже гостей так поздно. Он предложил нам комнатку под скалою, в домике, выстроенном специально для туристов. Изабелла [3])!... Там же, где помещалась панна Танска. Каждый из моих спутников разделся и сушился у огня, разведенного в камине доброй пани Индик. Только один я, мокрый выше колен, уселся в угол и стал размышлять—должен ли я раздеваться и сушиться, или нет; вдруг я вижу, как пани Индик приближается к чулану, чтобы принести постельное белье. Влекомый счастливым предчувствием, я следую за ней и вижу пропасть краковских шерстяных шапок. Это двойные шапки,—нечто вроде ночных колпаков. С отчаяния я покупаю

[1]) Древний замок в гористой местности Келецкой губ., получившей название Швейцарии Царства Польского.

[2]) Клементина Танска (впоследствии Танска - Гофманова), известная польская писательница для юношества.

[3]) Это восклицание относится к младшей сестре Шопена (будущей пани Барцинской), которую он любил дразнить.

одну за один злотый, разрываю ее пополам, снимаю башмаки, заворачиваю себе ею ноги и хорошенько зашнуровав их веревкой, спасаю себя от неизбежной простуды. Потом я приблизился к камину, выпил вина и посмеялся с моими добрыми товарищами, пока пани Индик постлала нам на полу, где мы отлично выспались [1]).

28. Шопен своим родным.

Вена, 8 августа 1829 г.

Я хорошо себя чувствую и в хорошем настроении. Я не знаю, что это значит, но немцы удивляются на меня, а я удивляюсь тому, что они находят, чему во мне удивляться. Благодаря письму пана Эльснера, Гаслингер [2]) положительно не знал, куда меня посадить. Он сейчас же заставил своего сына сыграть мне, показал мне все, что у него было в музыкальном отношении интересного и извинился, что не может представить меня своей жене, так как ее не было дома. Тем не менее, он все еще не напечатал моих вещей. Я об этом его и не спрашивал; но он, показывая мне свое самое лучшее издание, сам заявил мне, что на будущей неделе мои варьяции появятся в Одеоне [3]) в таком же издании. Этого я уж совсем не ожидал.

Он уговаривает меня играть публично. Здесь говорят, что Вена много потеряет, если я уеду, не давши себя послушать. Всего этого я не могу понять. Шуппанциг [4]), к которому у меня тоже были письма, сказал мне, что хотя он и не дает больше зимних квартетов, он тем не менее постарается устроить по возможности хоть один во время моего пребывания в Вене.

У Гусаржевских я был только раз; старик был в восторге от моей игры и пригласил меня к обеду. Там было много венцев, и все уговаривали меня играть публично, точно сговорились с ним. Штейн сейчас же хотел послать мне на дом один из своих инструментов, а также и в концерт, в случае если я буду его давать. Графф, лучший фабрикант,

[1]) Настоящее письмо опубликовано в виде фрагмента. Продолжение его известно только по содержанию. Шопен описывает далее Ойцов, Пескову скалу, Черный и Королевский грот, в котором согласно народному сказанию в конце XIII столетия король Локетек скрывался от своих врагов. Он восхищается всем этим и полный воодушевления говорит: „Как бы там ни было, а из-за подлинной красоты Ойцова стоило вымокнуть!“ Конец письма содержит описание венской картинной галлереи, которую Шопен бегло осмотрел, и некоторые менее интересные для читателя подробности. (Настоящее примечание принадлежит А. Гуттри).

[2]) Венский музыкальный издатель.

[3]) Под таким названием Гаслингер издавал в Вене произведения значительнейших пианистов.

[4]) Игнац Шуппанциг (1776—1830), скрипач, друг Бетховена, шеф квартета, который прекрасно впервые исполнял квартеты Бетховена, а также Гайдна и Моцарта.

чем Штейн, предлагал мне тоже самое. Вюрфель [1]) уверяет, что играть надо непременно самому, если хочешь показать что-нибудь новое и наделать этим шуму. Здешний журналист, пан Благетка, с которым я познакомился у Гаслингера, также уговаривает меня выступить публично. Варьяции им нравятся чрезвычайно.

Граф Галленберг [2]) познакомился со мной у Гаслингера; он управляет театром, где я слышал уже несколько жалких концертов. Гаслингер утверждает, что для моих сочинений будет очень полезно, если их услышит Вена,—газеты сейчас же напишут о них сочувственно, в чем все ручаются. Одним словом, всякий кто только меня слышит, советует мне играть, а Вюрфель еще прибавил, что я непременно должен выступить, раз уж я в Вене и раз мои сочинения вскоре должны выйти из печати; в противном случае я должен буду для этого снова сюда приехать. Он мне ручается, что сейчас самый благоприятный момент, потому что венцы жаждут новой музыки. Не годится молодому музыканту не воспользоваться таким случаем. Впрочем, еслибы я выступил только как исполнитель, это имело бы гораздо меньшее значение; я же появляюсь с собственными сочинениями, поэтому должен смело рисковать и т. п. Он желает, чтобы я играл сначала варьяции, а потом рондо-Краковяк, чтобы импонировать новинками; в заключение же импровизировать. Выйдет ли из этого что-нибудь, я еще не знаю.

Штейн очень ко мне предупредителен и любезен; все-таки я не стану играть на его инструменте, скорее на Граффовском; за это также Гаслингер, Благетка и Вюрфель. Нынче я решу.

Куда бы я ни повернулся, все прожужжали мне уши, что желают меня слышать. У меня нет недостатка в музыкальных знакомствах; только с Черни [3]) я еще не знаком, однако Гаслингер обещал меня с ним познакомить.

Из опер я слышал пока три: „Белую даму“ [4]), „Золушку“ [5]) и „Крестоносца“ Мейербера. Оркестр и хор великолепны. Сегодня — „Иосиф в Египте“ [6]). В музыкальной Академии [7]) я дважды слышал Мейзедера [8]), как солиста.

Город красив и мне нравится; меня уговаривают остаться здесь на зиму. Сейчас пришел Вюрфель; я иду вместе с ним к Гаслингеру.

[1]) Вильгельм Вюрфель, капельмейстер Кертнертортеатра, будучи долгое время преподавателем фортепиано в варшавской консерватории, был очень дружен с отцом Шопена.

[2]) Роберт Галленберг, директор (1828—1830) Кертнертортеатра в Вене.

[3]) Карл Черни (1791—1857), известный фортепианный педагог и композитор,— ученик Бетховена и учитель Франца Листа.

[4]) Опера Буальдье.

[5]) Опера Россини.

[6]) Опера Мегюля.

[7]) Так оригинально назывались в Вене (еще во времена Моцарта и Бетховена) концерты, происходившие в театре.

[8]) Иосиф Мейзедер, знаменитый скрипач-виртуоз, член квартета Шуппанцига.

P. S. Я уже решился. Благетка говорит, что я произведу фурор, так как я виртуоз первого калибра, и что меня надо поставить рядом с Мошелесом, Герцом и Калькбреннером. Вюрфель представил меня нынче графу Галленбергу, капельмейстеру Зейфриду и каждому встречному, как молодого человека, которого он убедил дать концерт (*nota bene*—без всякого гонорара), что особенно понравилось графу Галленбергу, потому что здесь дело касается его кармана. Газетные писаки смотрят на меня большими глазами, члены оркестра кланяются мне очень почтительно, потому что директор несуществующей больше итальянской оперы ходит со мной под руку. Действительно, Вюрфель мне все облегчил; он будет сам присутствовать на репетиции и тщательнейшим образом занимается моим выступлением. Он и в Варшаве был ко мне очень добр. Эльснера он вспоминает с большой любовью.

Они здесь удивляются, как Кесслер, Эрнеман и Чапек могут оставаться в Варшаве, когда я там. А я им об'яснил, что я играю „bloss aus Musikliebe“ [1]) и не даю никаких уроков. Для концерта я выбрал инструмент Граффа и боюсь оттолкнуть этим от себя Штейна; тем не менее, я его очень поблагодарю за его любезность.

Надеюсь, что бог мне поможет—будьте покойны!

(41)

29. Шопен своим родным.

[Вена], среда 12 августа 1829.

Из прошлого письма вы знаете, горячо - любимые родители, что меня уговорили дать концерт; итак вчера, во вторник, в 7 ч. вечера я выступил в свет в императорско королевском оперном театре!

Это вчерашнее выступление в театре называется здесь „музыкальная Академия“. Так как я ничего за это выступление не получил и не старался получить, то граф Галленберг ускорил его, составив следующую программу:

Увертюра Бетховена.
Мои варьяции.
Пение Frl. Вельтхейм [2]).
Мое рондо.

Потом опять пение, после которого маленький балет для заполнения вечера. На репетиции оркестр так плохо аккомпанировал, что я играл вместо рондо „свободную фантазию“. Когда я появился на сцене, раздались крики браво; и после каждой варьяции столько апплодировали, что я не слышал Tutti оркестра. Под конец апплодировали так,

[1]) В оригинале эти слова написаны по-немецки (только из любви к музыке).

[2]) Шарлотта Вельтхейм, одна из самых известных колоратурных певиц того времени.

что я вновь должен был выходить и кланяться. На долю свободной фантазии, хотя она мне и не особенно удалась, выпал еще больший успех, и я должен был опять выйти на сцену. С импровизацией я потому так дешево отделался, что немцы умеют это ценить. Мысль, пришедшая в голову в субботу, уже во вторник была Вюрфелем приведена в исполнение, за что я ему чрезвычайно благодарен.

В субботу я познакомился с Гировецом [1]), Лахнером [2]), Крейцером [3]), Зейфридом [4]) и долго разговаривал с Мейзедером. Стоя перед театром, я увидал графа Галленберга; он подошел ко мне и предложил мне во вторник играть; я согласился и—не был освистан! Вернувшись домой, я расскажу все это лучше, чем в состоянии описать. Не беспокойтесь ни обо мне, ни о моей славе.

Журналисты меня полюбили; может быть они меня и пощиплят немного, но ведь это необходимо, чтобы оттенить похвалу. Галленбергу понравились мои сочинения. Режиссер театра, пан Демар, необычайно предупредителен и добр ко мне. Перед моим выходом на сцену он так меня обнадеживал, подбодрял и развлекал, что я не очень трусил, хотя зала не была полна. Мои друзья и коллеги стали по углам, чтобы слышать разные суждения и критику. Челинский вам скажет, как мало слышалось порицаний; самое сильное слышал только Губе. Какая-то дама сказала: „Schade um den Jungen, dass er so wenig Tournüre hat“ [Бедный молодой человек, он так неловок]. Если я заслужил только такое порицание, а они клянутся, что слышали одни похвалы и сами ни разу не начинали апплодировать, то мне беспокоиться не о чем.

Я импровизировал на тему из „Белой дамы“, но режиссер—ему на репетиции чрезвычайно понравилось мое рондо, и он вчера после концерта, пожав мне руку сказал: Ja, das Rondo muss hier gespielt werden“ [да, рондо тут будут играть], попросил меня—не мог ли бы я взять еще и польскую тему; я выбрал „Хмель“ [5]), который прямо на-
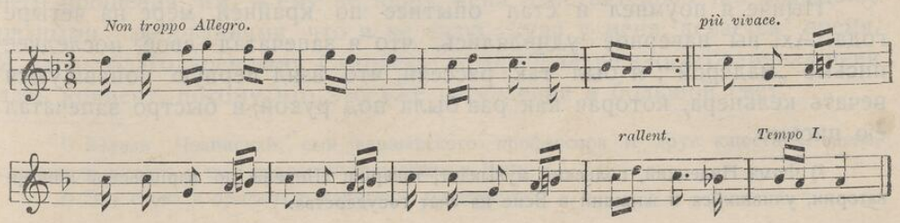
[1]) Адальберт Гировец (1763—1850), с 1804 придворный оперный капельмейстер, сделавший себе также имя, как оперный композитор.

[2]) Франц Лахнер, старший из трех известных братьев, композитор, друг Шуберта и с 1828 года первый капельмейстер Кертнертортеатра.

[3]) Конрад Крейцер, композитор, 1829—1840 капельмейстер в Кертнертортеатре.

[4]) Игнац-Ксавер риттер фон-Зейфрид (1776—1841), композитор и теоретик, ученик Моцарта.

[5]) „Хмель“ — песня в темпе мазурки. Поется на польских свадьбах:

электризовал не привыкшую к таким песням публику. Мои шпионы из партера уверяют, что на скамейках подпрыгивали.

Вертхейм, случайно приехавший вчера со своей женой из Карлсбада, пошел сейчас же в театр и никак не мог поверить, что это именно я там играл. Нынче он уже был у меня, чтобы меня поздравить. В Карлсбаде он встретился с Гуммелем и говорит, что Гуммель ему говорил обо мне, и что он будет ему нынче писать и сообщит ему о моем выступлении.

Гаслингер печатает мои сочинения; афишу я сохранил. Все-таки общее мнение таково, что для публики, привыкшей к стукотне здешних пианистов, я играл слишком слабо, или вернее слишком нежно. Я боюсь, что газеты сделают мне тот же упрек, тем более что дочь одного из редакторов страшно колотит. Но это нисколько не повредит, потому что невозможно не иметь никаких „но“. Такое мне все-таки приятней, чем если бы сказали, что я играю слишком сильно.

Вчера приходил на сцену граф Дитрихштейн, лицо близко стоящее к императору, много говорил со мной по-французски, хвалил меня и приглашал дольше остаться в Вене. Оркестранты бранились на мои дурно написанные ноты и строили кислые мины вплоть до самой импровизации, после которой однако рукоплескали мне под аплодисменты и приветствия всей публики. Из всего этого я вижу, что я их покорил; о других музыкантах я еще ничего не знаю, но они не должны ко мне враждебно относиться, потому что они ведь знают, что я играл не из-за материальных выгод. Во всяком случае, мое первое выступление было также неожиданно, как и счастливо. Губе думает, что никогда ничего нельзя достигнуть, идя обычной дорогой по заранее обдуманному плану; немножко нужно предоставить и судьбе. Так и меня уговорили дать концерт на авось. Если меня так разделают газеты, что я не смогу показаться в свет, то я уж принял решение — расписывать комнаты, потому что нет ничего легче, как водить кисточкой по бумаге, и при этом все-таки остаешься сыном Аполлона.

Мне любопытно знать, что скажет обо всем этом пан Эльснер. Может быть он не одобрит, что я играл? Меня так осаждали, что я не мог найти отговорки. В общем, я думаю, что ничего дурного не сделал. Нидецкий [1]) был ко мне особенно мил вчера; он просматривал оркестровые голоса, поправлял их и искренно радовался моему успеху.

Я играл на инструменте Граффа.

Нынче я поумнел и стал опытнее по крайней мере на четыре года. Ах! вы наверное удивлялись, что я запечатал свое последнее письмо „мадерой“; я был так рассеян, что взял первую попавшуюся печать кельнера, которая как раз была под рукой, и быстро запечатал ею письмо.

[1]) Фома Нидецкий, польский музыкант, товарищ Шопена по варшавской консерватории, учившийся и живший в Вене на счет государства.

(42)

30. Шопен своим родным.

[Вена], четверг 13 августа, 1829.

Никогда еще мне так не хотелось быть вместе с вами, как в настоящую минуту! Нынче я познакомился с графом Лихновским; он не мог перестать меня хвалить. Меня к нему привел Вюрфель. Это тот самый, который был лучшим другом Бетховена. Все говорят, что я понравился здешней аристократии. Шварценберги, Врбна и др. хвалили нежность и элегантность моей игры. Доказательство этому — граф Дитрихштейн, который пришел ко мне на сцену. Пани Лихновска с дочерью, у которых я нынче пил чай, бесконечно рады тому, что в следующий вторник я даю свой второй концерт. Они мне сказали, чтоб я не забыл их навестить, когда поеду через Вену в Париж, потому что они дадут мне письмо к графине, сестре Лихновского. Очень любезно.

Черни говорил мне много комплиментов; также Шуппанциг и Гировец.

Нынче в кабинете древностей меня заметил какой-то немец; едва я проронил слово, он спросил Челинского [1]), не Шопен ли я,— подошел ко мне вприпрыжку и, выразив свою радость от удовольствия познакомиться с таким „Künstler“ [2]), сказал: „Sie haben mich vorgestern wahrhaft entzückt und begeistert“ [Третьего дня вы меня поистине очаровали и воодушевили]. Это был тот самый, который сидел рядом с Мацийовским и необыкновенно радовался на „Хмель“. Я не буду давать третьего концерта; я не дал бы и второго, если бы не был к этому вынужден; кроме того, мне пришла мысль, что в Варшаве могли бы сказать: „Велика важность, дал один концерт и уехал: вероятно концерт не удался“. Мне обещают хорошие рецензии. Нынче я был у одного журналиста, которому я к счастью понравился.

Я не пишу до какой степени добр ко мне Вюрфель, потому что этого не расскажешь. Во второй раз я тоже играю безвозмездно, именно с той целью, чтобы граф Галленберг, в мошне которого пусто (но это между нами), остался у меня в долгу. Я буду играть рондо и потом импровизировать.

Я здоров и бодр, ем и пью хорошо. Вена мне нравится, а поляков здесь достаточно; один есть даже в балете, который во время моего выступления так обо мне заботился, что сам принес мне сахарной воды, ободрял меня и т. д.

Расскажите все это, пожалуйста, пану Эльснеру и попросите у него прощения, что я ему не пишу; меня действительно так осаждают разными требованиями, что я не знаю, куда у меня девается время. Я очень благодарен пану Скарбеку, который особенно уговаривал меня дать концерт, потому что это уже вступление в большой свет.

[1]) Юлиан Челинский, сын варшавского профессора и друг юности Шопена, сделавший вместе с ним первое путешествие в Вену.

[2]) Эти слова в оригинале написаны по-немецки.

31. Шопен своим родным.

[Вена], 19 августа 1829.

Если в первый раз меня принимали хорошо, то вчера еще лучше. Когда я появился на сцене, меня встретили троекратным браво; публики собралось гораздо больше. Заведующий финансами театра барон... я не помню, как его зовут, благодарил меня за „recetto“ [сбор], и сказал: „такое многолюдное собрание явилось разумеется не из-за балета, который все уже хорошо знают“. Своим рондо я завоевал всех профессионалов-музыкантов. Начиная с капельмейстера Лахнера и кончая настройщиком, все восхищаются красотой произведения. Я знаю, что понравился дамам и художникам. Гировец, который стоял рядом с Челинским, громко кричал и усердно апплодировал. Не знаю только угодил ли я толстокожим немцам. Вчера один пришел из театра, когда я уже сидел за ужином; его спросили, как ему понравилось. „Балет был хорош“, был его ответ. „Ну, а академия?“ Очевидно он меня узнал, хотя я и сидел к нему спиной, потому что он начал говорить о чем-то другом. Чувствуя себя обязанным не препятствовать ему в излиянии своих чувств, я пошел спать, говоря себе: „Еще не родился тот человек, который мог бы всем угодить“ [1]).

Теперь я играл два раза, и во второй раз был принят еще лучше; следовательно идет crescendo и как раз так, как мне хочется.

Так как я уезжаю нынче в 9 часов вечера, то я должен рано сделать визиты. Шуппанциг говорил вчера, что так как я так скоро покидаю Вену, то должен вскоре опять сюда вернуться. Я возразил, что вернусь, чтобы учиться, после чего вмешался в разговор тот барон, сказав: „в таком случае вам незачем возвращаться“. Это подтвердили и другие. Все это только комплименты, но все-таки приятные. Здесь никто меня не считает учеником. Благетка говорил, что ничего его так не удивляет, как то, что я научился всему этому в Варшаве. Я возразил, что у Живного и Эльснера даже самый большой осел чему-нибудь да научится. Мне неприятно, что не могу приложить вам в подтверждение никакой газеты; но мне известно, что в редакции той газеты, на которую я подписался и которая будет послана в Варшаву редактором паном Бейерле, [2]) уже имеется написанная рецензия. Я не уверен в том, не ждал ли он, может быть, моего второго выступления. Она выходит два раза в неделю по вторникам и субботам; поэтому возможно, что вы раньше меня прочтете что-нибудь хорошее или плохое обо мне. Ученых и чувствительных я расположил в свою пользу. Нам будет о чем поболтать.

Я хотел писать о чем-нибудь другом—однако вчерашний день так засел у меня в голове, что я не в состоянии собрать своих мыслей...

[1]) Польская поговорка.

[2]) Адольф Бейерле издавал в Вене 1828—1848 „Венскую театральную газету“. Он был строгий критик, которого боялись.

С моими финансами пока обстоит хорошо. Только что я простился с Шуппанцигом и Черни. В Черни больше чувства, чем во всех его сочинениях.

Я уже запаковал свой узелок и должен только отправиться к Гаслингеру и оттуда в кафе напротив театра, где я застану Гировеца, Лахнера, Крейцера, Зейфрида и др.

Через две ночи и день мы будем в Праге. В 9 часов вечера сядем в дилижанс; это будет чудесное путешествие, чудесное общество.

32. Шопен своим родным.

Прага, суббота 22 августа 1829.

После трогательного прощания с Веной, а оно было действительно трогательно, так как пани Благетка [1]) дала мне на память свои сочинения с собственноручной надписью; ее отец просил меня обнять папу и маму и поздравить их с таким сыном. Молодой Штейн плакал, Шуппанциг, Гировец, словом, все музыканты трогательно со мной прощались,—после всех этих историй и моего обещания вернуться, я уселся в дилижанс. Нас провожал Нидецкий и еще два других поляка, которые должны были уехать в Триест получасом позже. Они задержались на несколько дней в Вене и часто с нами встречались. Один из них, по имени Ниголевский, молодой малый из Великой Польши едет на воды со своим гувернером или скорее спутником, Копытовским, студентом варшавского университета. Пани Гусаржевска, к которой я пришел с прощальным визитом (они обе славные и достойные), хотела меня удержать к обеду; но у меня не было времени, так как я должен был бежать к Гаслингеру. И этот также после трогательных пожеланий свидания и после торжественного обещания, что мои варьяции появятся всего через пять недель, чтобы наводнить ими осенью мир, просил кланяться папе, не будучи с ним знаком.

Мы садимся в дилижанс, с нами вместе один молодой немец. Так как нам предстояло сидеть рядом друг с другом две ночи и день, то мы познакомились. Он купец из Данцига, знает Прушаков, Сераковских из Ваплева, Явурека, Эрнемана, Грессеров и т. д. Два года назад он был в Варшаве, зовут его Норман. Он оказался прекраснейшим спутником, он как раз возвращался из Парижа. Мы живем в одном и томже отеле и решили, осмотрев Прагу, вместе ехать в Теплиц и Дрезден. Былобы ребячеством не воспользоваться случаем осмотреть Дрезден, тем более, что это позволяют финансы, а путешествие вчетвером удобно и дешево. После многих толчков и сильной

[1]) Леопольдина Благетка (1811—1887), прекрасная пианистка, ученица Черни, Мошелеса и Калькбреннера, автор многих фортепианных пиес и оперы „Певцы и разбойники“.

тряски в дилижансе вчера в полдень мы приехали в Прагу и отправились прямо за table d'hôte. После обеда мы пошли к Ганке, [1]) к которому у Мацийовского было рекомендательное письмо от Губе. Я пожалел, что мне не пришло в голову письменно попросить пана Скарбека об рекомендации к этому замечательному ученому. Мы не застали уже Ганки дома, так как слишком долго задержались в дворцовом соборе. В общем город красив, насколько это видно с дворцовой горы, — большой старый и некогда богатый.

Незадолго перед своим от'ездом я получил шесть писем из Вены, пять от Вюрфеля и одно от Благетки к Пиксису [2]), чтобы он показал мне здешнюю консерваторию. Здесь также хотели, чтобы я выступил, но я пробуду тут только три дня; кроме того, у меня нет охоты портить то, чего я добился в Вене (потому что даже Паганини был здесь дурно принят); поэтому я от этого откажусь. Пять писем Вюрфеля адресованы директору и капельмейстеру театра, первым здешним музыкальным величинам. Я их отдам, так как он меня убедительнейше просил об этом, однако играть я не намереваюсь. Честный Вюрфель дал мне также письмо к Кленгелю в Дрезден.

Я кончаю письмо, потому что пора итти к Ганке. Я ему представлюсь, как крестник Скарбека и надеюсь, что письмо не понадобится.

33. Шопен своим родным.

Дрезден, 26 августа 1829.

Я чувствую себя хорошо и весел. Неделю тому назад в Вене я еще не знал, что буду в Дрездене. С быстротой молнии, но не без пользы, осмотрели мы Прагу. Ганка был доволен, что я ему привез сведения о пане Скарбеке. Мы должны были расписаться в его книге, посвященной посетителям Пражского музея, которым он оказывает особое внимание. Бродзинский, Моравский [3]) и другие находятся в их числе. Каждый из нас расплатился какой-нибудь выдумкой, кто в прозе, кто в стихах. Швейковский написал приветствие. Что ж было делать музыканту? К счастью Мацийовскому пришла мысль написать четыре строфы в размере мазурки, я сочинил к этому музыку и постарался вместе с моим поэтом сделать это как можно оригинальнее. Ганка

[1]) Вацлав Ганка (1791—1861), чешский филолог, один из самых видных деятелей чешского национального возрождения.

[2]) Фридрих-Вильгельм Пиксис (1786—1842), дирижер пражского городского театра и преподаватель тамошней консерватории.

[3]) Польские поэты.
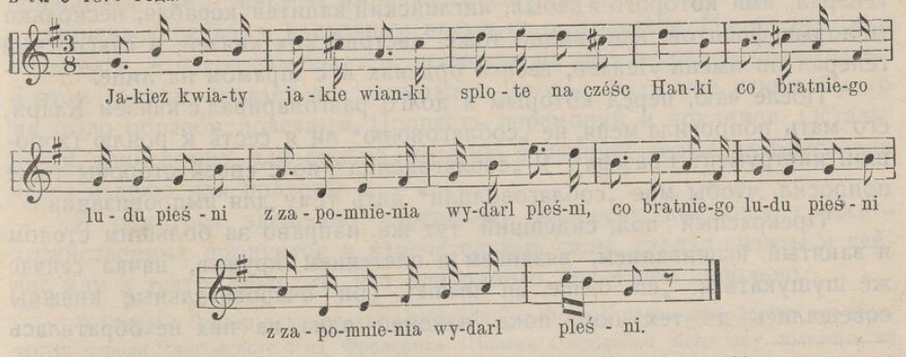
очень радовался этой мазурке [1]), обращенной к нему и восхваляющей его заслуги перед славянством. Он дал мне для Скарбека виды Праги для пополнения его коллекции.

Я не буду подробно распространяться обо всем, куда он нас водил, обо всех прекрасных видах. Мне не хватит места для описания величественного собора с серебряным святым Иоанном Непомуком, прекрасной, украшенной аметистами и другими драгоценными камнями капеллы Венцеля.—После моего возвращения я все это расскажу.

Письма Благетки и Вюрфеля к Пиксису обеспечили мне самый дружеский прием. Пиксис отменил свои уроки, оставил меня у себя и спрашивал о многих вещах. Взглянув на его письменный стол, я заметил визитную карточку Кленгеля [2]) и спросил не однофамилец ли это знаменитого дрезденца живет в Праге. Он сказал мне, что сам Кленгель только что приехал и, не застав его дома, оставил свою визитную карточку. Я был этому очень рад, потому что у меня было письмо к Кленгелю из Вены. Когда я упомянул об этом при Пиксисе, он пригласил меня к себе на послеобеда, когда собирался притти Кленгель. Случайно мы с ним встретились на лестнице у Пиксиса. Потом я слышал, как он два часа играл свои фуги. Я не играл, потому что меня об этом не просили. Он играет хорошо, но для себя я бы желал лучшего. (Однако об этом ни слова!)

Кленгель дал мне письмо: „All Ornatissimo Signor, Signor Cavaliere Morlacchi, primo maestro della Capella Reale", в котором он, по его словам, просит последнего познакомить меня со всем дрезденским музыкальным „Wesen" [3]) и повести меня к его (Кленгеля) ученице Frl. Пехвелль, по его мнению первой тамошней пианистке. Он был очень любезен. Я провел у него два часа перед своим от'ездом. Он едет в Вену и Италию,—значит нам было о чем поговорить.

[1]) Текст этой мазурки напечатан Dr. O. Гостинским в чешской газете „Dalibor", в № 6 1879 года:

[2]) Александр-Август Кленгель родился в Дрездене 29 января 1783, пианист, композитор и придворный органист. Автор известных канонов и фуг.

[3]) Это слово в оригинале написано Шопеном по-немецки.

Прекрасное знакомство, которое я ценю гораздо больше, чем с бедным Черни. (Однако и об этом ни слова!)

В Праге мы провели всего на всего три дня. Я не успел оглянуться, как прошло время. У меня всегда какие-нибудь истории,—вечером накануне нашего от'езда, выходя незастегнутый из уборной отеля, я попал в чужую комнату, и только когда я находился уже среди комнаты, веселый путешественник сказал мне с изумлением: „Доброе утро". „Прошу прощения"! и я как можно скорее обратился в бегство. Комнаты были очень похожи одна на другую.

Мы выехали из Праги в полдень в отдельном экипаже и вечером достигли Теплица.

Спустя день, я нашел в „Badeliste" [1]) имя Людвига Лемпицкого и сейчас же пошел к нему повидаться. Он очень обрадовался и сказал мне, что тут живет много поляков, между прочим старик Прушак, Кёлер Иосиф и Кретковский из Каменки. Они всегда вместе обедают „Im deutschen Saale" [2]), но нынче он не будет там обедать, так как приглашен во дворец княжеской четы Клари. Это очень знатный, почти независимый род, который владеет огромными имениями и даже городом Теплицем. Княгиня Клари — сестра чешского наместника Хотека. Лемпицкий просил меня сделать ему удовольствие и пойти с ним вместе вечером к князю Клари, так как он чувствует себя там как дома и предупредит об этом за обедом. Так как мы этот день посвятили осмотру окрестностей, то я принял предложение.

Мы всюду ходили, были также в Дуксе во дворце Валленштейна; там находится кусочек черепа этого великого полководца, аллебарда, которой он был убит и много других достопримечательностей. Вечером, вместо того, чтобы итти в театр, я расфрантился, надел белые перчатки от своего последнего венского выступления и в половине девятого отправился с Лемпицким к князю.

Мы входим: „Kleine aber honette Compagnie" [3]). Австрийский князь, генерал, имя которого я забыл, английский капитан корабля, несколько молодых франтов, как видно тоже австрийских князей, и саксонский генерал по имени Лейзер, весь в орденах и с шрамом на лице.

После чаю, перед которым я долго разговаривал с князем Клари, его мать попросила меня, не „соблаговолю" ли я сесть к роялю (хороший инструмент Граффа). Я „соблаговолил", но с своей стороны тоже попросил, чтобы мне „соблаговолили" дать тему для импровизации.

Прекрасный пол, сидевший тут же направо за большим столом и занятый вышиванием, вязаньем и плетением кружев, начал сейчас же шушукаться: „un thème, un thème". Три очаровательные княжны совещались до тех пор, пока наконец одна из них не обратилась

[1]) В оригинале это слово написано Шопеном по-немецки.

[2]) В оригинале эти слова написаны по-немецки.
То же. Перевод: небольшое, но избранное общество.

к пану Фриче (если не ошибаюсь, гувернеру молодого Клари), который при общем одобрении дал мне тему из Россиньевского „Моисея". Я импровизировал—и так удачно, что генерал Лейзер, с которым я потом долго разговаривал, узнав, что я еду в Дрезден, написал сейчас же барону Фризену следующие строки: „Monsieur Frédéric Chopin est récommandé de la part du Général Leiser à Monsieur le Baron de Friesen, Maître de Cérémonie de S. M. le Roi de Saxe, pour lui être utile pendant son séjour à Dresde, et de lui procurer la connaissance de plusieurs de nos premiers artistes" [1]). Под этим по-немецки: Herr Chopin ist selbst einer der vorzüglichsten Pianospieler, die ich bis jetzt kenne [2]). Переписано слово в слово с написанной карандашом и незапечатанной записки генерала Лейзера.

В этот вечер я играл четыре раза, и княжны хотели, чтобы я еще остался в Теплице и пришел бы к ним обедать на следующий день. Лемпицкий обещал даже взять меня с собой в Варшаву, если я останусь тут дольше. Но так как я все-таки не хотел расставаться с товарищами, то я отклонил это с большой благодарностью.

Итак, тронувшись из Теплица вчера в 5 часов утра с нанятым за два талера кучером, мы приехали в Дрезден в 4 часа по полудни. Здесь я сейчас же встретил Левинского и Табецкого.

Мне везет во время этого путешествия: нынче Гетевский „Фауст", а завтра, как мне сказал Кленгель, итальянская опера.

Кончаю нынче утром письмо, начатое вчера вечером.

Я одеваюсь и отправляюсь к барону Фризен и Морлакки, так как мне некогда терять времени. Мы собираемся тронуться отсюда через неделю, но перед этим хотим—если позволит погода—побывать в Саксонской Швейцарии. Потом мы задержимся на несколько дней в Бреславле и только оттуда домой. Я так спешу к вам, горячо-любимые родители, что я предпочел бы не заезжать к Везиоловским. Сколько я вам расскажу историй и приключений—и каких чудесных!..

P. S. „Maître de Cérémonie" барон фон-Фризен принял меня учтиво, спрашивал где я живу и выразил сожаление, что камергер, которому подчинена капелла, в настоящее время не в Дрездене. Но он все-таки справился, кто его замещает и, несмотря на мое короткое пребывание в этом городе, сделает все возможное, чтобы быть мне каким бы то ни было образом полезным. Пропасть церемоний и поклонов. Остальное я приберегаю для письма, которое я напишу позже из Бреславля через неделю или полторы.

Я осмотрел здешнюю картинную галлерею, выставку сельскохозяйственных продуктов и замечательные сады, сделал визиты и сейчас иду в театр. Надеюсь, что для одного дня этого довольно.

[1]) Генерал Лейзер рекомендует г-ну барону де-Фризен церемонимейстеру его величества короля саксонского г-на Фредерика Шопена с просьбой быть ему полезным во время его пребывания в Дрездене и доставить ему знакомство со многими из наших лучших артистов.

[2]) Г. Шопен сам—один из превосходнейших пианистов, каких я до сих пор знал.

Второе P. S.

Мое письмо осталось лежать до поздней ночи. Я только что вернулся с „Фауста“ [1]). С половины пятого пришлось стоять у театра; спектакль продолжался с шести до одиннадцати. Девриент [2]), которого я уже видел в Берлине, играл Фауста. Как раз нынче праздновалось здесь восьмидесятилетие Гете. Страшная, но величественная фантазия! В антрактах играли отрывки из одноименной оперы Шпора.

Я иду спать.— Завтра утром я жду Морлакки, с которым пойду к Frl. Пехвелль. Не я иду к нему, а он придет ко мне! Ха, ха, ха! Спокойной ночи!

Ваш *Фридрих*.

34. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 12 сентября 1829, суббота.

Дражайший Титусь!

Ты бы еще до сих пор не получил от меня весточки, если бы не Винцент Скаржинский. Я его встретил и вспомнил, что ты будешь в Варшаве только в конце этого месяца, между тем как Костусь [Прушак] говорил мне в Дрездене, что ты должен 15-го быть у сестры. Я думал, что ты от меня самого узнаешь о моем большом путешествии, что мне было бы гораздо приятнее, потому что я хотел бы поболтать с тобой откровенно; но коли так, то знай же, милый, что я был в Кракове, Вене, Праге, Дрездене и Бреславле.

Первая неделя в Кракове ушла у нас исключительно на прогулки и осмотр Краковских окрестностей. Ойцов действительно очень красив, но я не буду тебе об нем много писать, потому что хотя ты там и не был, но тебе известно из весьма точного описания Танской, где что находится и что собою представляет. В веселом, хотя и несколько чуждом обществе доехал я до Вены, и если уж Краков до такой степени меня захватил, что я мог мало времени посвятить мыслям о доме и о тебе, то Вена так меня ошеломила, ослепила и очаровала, что, сидя больше двух недель без писем от своих, я все-таки не тосковал по ним.

Представь себе — в такой короткий промежуток времени они заставили меня два раза играть публично в императорском королевском театре! Это произошло следующим образом: мой издатель Гаслингер обратил мое внимание на то, что для моих сочинений было бы

1) В этот день в Дрезденском королевском театре шла в первый раз первая часть „Фауста“ Гете в обработке Тикса.

2) Девриент — семья известных немецких актеров. Вышеупомянутый Карл-Август (1799—1872), племянник знаменитого Людвига Девриента с 1822 года играл в Дрездене характерные роли и героев.

лучше, если бы я выступил в Вене, что мое имя не известно, а мои сочинения трудны и неблагодарны. Однако, не думая еще теперь выступать, тем более, что не занимался несколько недель, я отказался, сказав, что не в состоянии показать себя перед такой избранной публикой; так это и осталось. В это время вошел граф Галленберг, который пишет красивые балеты и стоит во главе венских театров; ему-то и представил меня Гаслингер, как труса, боящегося выступить. Граф был настолько любезен, что предоставил театр в мое распоряжение, а я настолько был в себе уверен, что поблагодарил его.

На следующий день стучат ко мне в дверь. Смотрю, входит Вюрфель и заклинает меня все-таки выступить, уверяя, что будет стыдно моим родителям, пану Эльснеру и наконец мне самому оттого, что я не дам себя послушать в Вене, имея к этому удобный случай. Потом все они так на меня насели, что я наконец согласился на концерт. Вюрфель сейчас же все сделал, и на следующий день уж были афиши. Отступать было уже трудно, а я все еще не знал, что и как буду играть! Три Instrumentenmacher'а [1]) предложили прислать мне на квартиру фортепиано; я поблагодарил, так как моя комната была слишком мала, и эти несколько часов игры не могли бы мне очень помочь, тем более, что я должен был выступить через два дня. Итак, в один день я познакомился с Мейзедером, Лахнером, Гировецом, Крейцером, Шуппанцигом, Мерком [2]), Леви, словом со всеми выдающимися венскими музыкантами. Несмотря на это, на репетиции оркестр все-таки состроил кислую мину. Большинство издевалось над тем, что я, только что приехав, ни с того, ни с сего сейчас же играю собственные сочинения. Я начал репетицию с посвященных тебе варьяций [3]), вслед за которыми должно было исполняться „Краковское рондо“. Варьяции прошли довольно хорошо, напротив рондо я должен был начинать несколько раз, потому что оркестр ужасно расходился и издевался над дурно написанной рукописью. Причина всей этой путаницы заключалась в паузах, написанных наверху не так, как внизу, хотя было сказано, что действительны только верхние. Тут была отчасти и моя вина, но я все-таки надеялся, что они меня поймут. Кроме того, такая неаккуратность их сердила, потому что они сами мол настоящие виртуозы и композиторы. Словом, они со мной так фокусничали, что я уж приготовился к тому, чтобы вечером сказаться больным.

Однако барон Деммар, режиссер театра, заметив в оркестре небольшое смущение из-за того именно, что Вюрфель хотел дирижировать, а они его не любят не знаю почему, предложил, чтобы вместо рондо я импровизировал. Как только он это сказал, оркестр сделал

1) В оригинале по-немецки.

2) Мерк, Иосиф (1795—1852), прекрасный виолончелист-виртуоз, первый виолончелист венской оперы, преподаватель венской консерватории.

3) Варьяции на тему из „Дон-Жуана“, ор. 2.

большие глаза. Все это до такой степени вывело меня из себя, что с отчаяния я согласился импровизировать. И кто знает, может быть это мое несчастное расположение духа и риск и послужили толчком к более удачному вечернему выступлению!

Почему-то вид венской публики совсем не вселил в меня никакого страха, а так как там принято, чтобы оркестр не выходил на сцену, а только оставался на своих местах, то я уселся, бледный, рядом с краснощеким собратом для перелистывания нот (который хвастал, что перелистывал Мошелесу, Гуммелю, Герцу и т. п. во время их венских выступлений) за великолепный рояль работы Граффа, может быть самый лучший в Вене. Поверь мне, что я играл с отчаянием. Варьяции произвели такой эффект, что кроме апплодисментов после каждой из них, по окончании я должен был еще раз выйти на сцену. В промежутке пела панна Вельтхейм, придворная певица короля саксонского. Наконец пришло время импровизации. Не знаю, как это случилось, но оркестр стал апплодировать, и после ухода меня опять вызвали. Так кончился первый концерт.

Венские газеты щедро меня расхвалили (потому что я ничего не делаю себе из „Курьера“) [1]). Неделю спустя, я играл во второй раз, так как этого хотели. Я был этому рад, потому что не смогут сказать, что я раз сыграл и удрал, тем более, что я настоял на том, чтобы сыграть во втором концерте рондо-Краковяк, от которого Гировец, Лахнер и другие венские маэстро, даже оркестр (извини, что я так говорю) были в восторге. После него меня вызывали не один, а два раза. Во втором концерте я должен был также сыграть вторично варьяции, потому что они понравились дамам и пану Гаслингеру. Они появятся в Одеоне. Надеюсь, достаточно чести.

Лихновский, покровитель Бетховена, хотел поставить мне для концерта свой инструмент (что не мало значит!), потому что мой показался ему слишком слабым. Но ведь это мой способ игры, который всюду очень нравится дамам, в особенности панне Благетке, первой венской пианистке, которая по-видимому хорошо ко мне относится, так как (*nota bene* — ей еще нет двадцати лет, она умная и даже красивая девушка, живущая у родителей, которые очень полюбили меня и дали мне письма в Прагу) при моем от'езде дала мне на память свои сочинения с собственноручной надписью.

О втором концерте „Венская газета“ пишет: „Это молодой человек, идущий своей собственной дорогой, на которой он умеет нравиться; дорогой, которая весьма далека от обычных форм концертных выступлений“... и т. д. Надеюсь, что этого довольно, тем более, что в заключении говорится: „г. Шопен и нынче заслужил общее одобрение“. Прости, что я вынужден сообщать тебе эти суждения о себе,

1) Повидимому Шопен хочет сказать, что не делает себе рекламы.

но я все-таки их тебе пишу, потому что они доставляют мне гораздо больше удовольствия, чем бог знает какие „Курьеры“ [1]).

С Черни я за панибрата и часто играл с ним на двух фортепиано. Добрый человек, но не более того. Из всех знакомств с пианистами наибольшую радость доставило мне знакомство с Кленгелем, с которым я встретился у Пиксиса в Праге. Он мне сыграл свои фуги (можно было бы сказать, что это продолжение Баховских фуг; их у него 48 и столько же канонов). Видна разница между ним и Черни. Кленгель дал мне письмо к Морлакки в Дрезден. Морлакки, первый капельмейстер саксонского короля, встретил меня очень любезно, был у меня и повел к панне Пехвелль, ученице Кленгеля, которая считается там первой пианисткой. Она играет хорошо.

Мы были в Саксонской Швейцарии. Множество достопримечательностей,— галлерея прекрасна. Только итальянская опера выскочила у меня из под носа. Я уехал в тот самый день, когда шла „Crociato in Egitto“ и утешался только тем, что слышал эту оперу в Вене. Пани Прушак, Олеся и Костусь в Дрездене; я встретил их перед самым от'ездом. Какая была радость: „Пан Фрицек, пан Фрицек!“ — мне это было так приятно, что будь я один, непременно бы остался. Сам Прушак в Теплице, где я его тоже видел. Они теперь поехали к нему. Теплиц красив; я провел там один день и сейчас же попал на вечер к княгине Клари. Жаль, что надо кончать, но я уж довольно наболтал. Я ожидаю прибытия вашей милости, часто прохожу около Свентоюрской улицы к Бранту, взгляну и мне хочется писать тебе.

Целую тебя крепко — в самые уста. Можно?

Ф. Шопен.

Нынче я встретил Макса. Он мне сказал, что совершенно здоров и живет в Hôtel garni. В зеленом сюртучке; был настолько милостив, что обещал визит собственной особы, вспоминал тебя, но не велел тебе кланяться, потому что не знал, что я буду тебе писать. Утром я и сам этого не знал. В случае, если ты обо мне вспомнишь, напиши мне несколько слов. Все, интересующие тебя, здоровы. Знал ли ты ту панну Филиппину, кузину Линда, которая была за Бергером? Она умерла. А я за то, возвращаясь, был на свадьбе пани Мелазии Броникowской,— очаровательный ребенок, она вышла за Курнатовского. Она часто тебя вспоминала и велела тебе кланяться. Ее ровесница,— кузина, которая тоже вышла замуж за несколько дней перед тем, еще очаровательней,— они обе были прелестны в подвенечном платье.

Ну вот, я столько написал, что мне теперь и не хочется встать. Поцелуй меня; пану Карлу мое почтение.

Ф. Ш.

Папа и мама шлют вам свой привет и пожелания, дети также.

1) Речь идет о варшавских газетах „Курьер Варшавский“ и „Курьер Польский“.

(48)

35. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 3 октября 1829.

Дорогой Титусь!

Я получил твое письмо в ту минуту, когда вторично собрался писать, думая, что или мое первое письмо не дошло до тебя, или что я написал что-нибудь страшно глупое. Меня радует, что ты здоров, как я вижу из твоего письма. Об этом я все-таки лучше узнаю от Карла. Ты пишешь мне, чтобы я тебе яснее об'яснил, что случилось со мной и с лицами, о которых я могу быть осведомлен. Костусь написал мне в своем последнем письме, переданном его отцом, который уже вернулся из Теплица в день св. Матвея на охотничью ярмарку, что он думает остаться в Дрездене до Рождества, что им там будет весело, так как по всей вероятности пани Соколовская с дочерью проведут зиму там же. Кроме того,— что пани Ванда так сильно страдала воспалением почек, что были минуты, когда доктора подавали мало надежды. Она хворала в Мариенбаде и теперь выздоравливает в Дрездене.— Костусю я еще не писал, и мне не нужно тебе об'яснять почему — ты ведь знаешь мою лень — я еле собрался намарать пару слов Вюрфелю.

Ты пишешь мне, что из двух газет узнал о моих концертах. Если это из польских, в которых к несчастью не только не умеют переводить, но нарочно переделывают венские отзывы к моей невыгоде, о чем ты узнаешь лучше устно, то вряд ли ты можешь быть доволен. Венский „Sammler“ и „Zeitschrift für Literatur“, из которых Губе (побывавший в Триесте и Венеции и вернувшийся на прошлой неделе) привез мне вырезки, где разбирают очень подробно и очень лестно (извини, что я тебе это пишу) мою игру и мои сочинения и называют меня под конец: „selbstkräftiger Virtuos“ [1]), который кроме того богато одарен природой. Если бы эти вырезки попали тебе в руки, то у меня не было бы причины стыдиться.

Ты хочешь знать, что я думаю предпринять этой зимой? Знай же, что я не останусь в Варшаве; однако, куда меня увлекут обстоятельства, я не знаю. Правда, князь Радзивилл, или скорее его жена, приглашали меня к себе в Берлин особенно любезно и предлагали даже помещение в собственном дворце. Но на что мне это нужно, когда я теперь должен быть там, где я уже начал, тем более, что я обещал вернуться в Вену. В одной из тамошних газет было написано, что более долгое пребывание в Вене было бы полезно для моего появления в свете. Ты разумеется и сам убедишься в необходимости моего возвращения в Вену, не для панны Благетки, о которой, как мне кажется, я тебе писал (это — молодая, красивая, играющая особа). Но я уже обладаю, может быть и на свое несчастье,— своим идеалом,

[1]) В оригинале по-немецки.

которому без его ведома верно служу уже пол-года, о котором мечтаю, в память которого сочинил Adagio моего концерта [1]), и который нынче утром вдохновил меня на сочинение вальса, посылаемого мною тебе.

Обрати свое внимание на обозначенное крестом место. Кроме тебя никто об этом не знает. Как было бы мне сладко сыграть его тебе, мой дорогой Титусь! В пятом такте трио басовая мелодия доминирует вплоть до верхнего „es“ скрипичного ключа, о чем нечего тебе писать, так как ты сам это почувствуешь.

Из музыкальных новостей ничего не могу тебе сообщить кроме того, что каждую пятницу у Кесслера [2]) музицируют. Вчера играли между прочим октет Шпора — чудный, пречудный.

У Сованы был вечер, но неудачный. Там я ближе познакомился с Бианки, который ездит с Киавиньа. Он хорошо играет на скрипке, но, как мне кажется, фанфарон. Солива [3]) мил, спрашивал о тебе. Вчера я встретил Оборского. Он спрашивал, не знаю ли я чего-нибудь о тебе и сообщил мне сведения о своей персоне, что он чиновник в банке, что он находится „dans la correspondance“ и уже два дня, как просматривает огромные кучи писем от разных заграничных банкиров. У него хороший вид. Ельский достал ему это место. Он такой же важный, как был, живет, как всегда в „Hôtel garni“, разумеется в первом попавшемся. „Золушки“ [4]) я еще здесь не видал; нынче идет „Продажа невест“ [5]). В понедельник открытие французского театра. Баранский тебе кланяется; теперь он в Швейцарии. Едржеевич должен был уехать из Женевы в Италию. Войцицкий вернулся из Лондона, дает в лицее уроки. Если ты приедешь сюда в будущем месяце, то увидишь портреты всей нашей семьи; даже Живный, который часто тебя вспоминает, сделал мне сюрприз, заказав свой портрет, и Мирошезио [6]) так хорошо его схватил, что он похож удивительно. Я был, прежде чем получил твое письмо, на Медовой улице, смотрел по обыкновению на верх от Хоткевича, но окна той комнаты, в которой ты жил, остаются все в том же положении, как вчера, так и третьего дня. Знай также, что Винцент Скаржинский возбудил во мне напрасный аппетит, сообщив мне, как самую достоверную новость, что ты скоро приедешь.

К Бржезине [7]) я хожу ежедневно. У него нет ничего нового, кроме концерта Пиксиса, который я не высоко ставлю. В нем кажется самое

[1]) Largetto из e-moll'ного концерта, op. 11, посвященное певице Гладковской.

[2]) Иосиф-Кристоф Кесслер родился в 1780 г. в Аугсбурге, пианист и композитор; жил в Варшаве 1829—1830 г.г.

[3]) Солива, Кароль (1792—1851)— итальянец по рождению, был с 1821—1832 год преподавателем пения в варшавской консерватории.

[4]) Опера Россини, первое представление которой в Варшаве было 29-го августа 1829 г.

[5]) Опера Герольда, дававшаяся с 1820 года.

[6]) Мирошевский, известный польский художник.

[7]) Варшавский музыкальный торговец.

лучшее — рондо. Ты не поверишь, как печальна теперь для меня Варшава; если бы мои родные не старались сделать мое пребывание здесь приятным, я право бы не высидел. А как это горько, не иметь никого, к кому можно было бы с утра пойти, чтобы поделиться с ним горем и радостью; как это ужасно, когда на сердце тяжесть, и некуда ее сложить! Ты знаешь, что́ я хочу этим сказать. Часто то, что я сообщил бы тебе, я вынужден поверять своему роялю [1]).

Костусь обрадуется, когда я ему сообщу, что ты написал, что приедешь, или по крайней мере обещал приехать.

Ты должен осуществить намерение немного попутешествовать. Я был бы вне себя от радости, если бы мог поехать вместе с тобой но мне надо ехать иначе, чем тебе. Из Вены я поеду учиться в Италию, а будущей зимой буду в Париже вместе с Губе. Все это может еще измениться, в особенности потому, что мой отец охотнее послал бы меня в Берлин, чего я себе не желаю. A propos, о Берлине: старый Прушак едет в Данциг. Павел Лончинский, которого я недавно встретил, уверяет, что Прушак не выдержит до зимы без своей жены. Как бы то ни было, а пани Прушак имеет твердое намерение остаться до Рождества в Дрездене. Если бы я поехал в Вену, то может быть, поехал бы на Дрезден и Прагу, чтобы еще раз повидать Кленгеля, пражскую консерваторию и т. д.; и как мне было бы приятно увидеться также и с Костусем!

Обницкий тебе кланяется. Гейсмера я также встретил недавно. Я был бы рад увидать тебя еще в Варшаве, так как вероятно в ноябре и мне может быть удастся удрать, что произойдет во всяком случае не раньше конца месяца. А мы и не простились, так как последние слова были: „Итак я пришлю тебе чемодан".

Представь себе, я потерял свою дорожную сумку, когда возвращался со свадьбы панны Броникowской. Ну довольно, а то я надоел тебе своими сухими новостями, а мне никогда не хотелось бы делать что-либо такое, что не нравилось бы тебе. Если тебе можно, напиши мне пару слов, и ты обрадуешь меня этим опять на несколько недель.

Прости, что я тебе послал вальс, за который ты пожалуй на меня сердишься, но ей богу же я хотел им доставить тебе удовольствие, потому что люблю тебя без памяти.

Ф. Шопен.

(49) 36. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 20 октября 1829.

Дорогой Титусь!

Ты наверное подумаешь: откуда явилась у него такая охота писать письма, что в такой короткий промежуток времени он посылает мне уже третье письмо?

[1]) Намеки на любовь к Гладковской.

Нынче в 7 часов вечера я уезжаю с дилижансом к Веселовским в Познань и пишу тебе об этом заранее, тем более, что я не знаю, как долго мне придется там пробыть, хотя я взял себе паспорт только на месяц. Мое намерение — вернуться недели через две. Причина моей поездки между прочим также — пребывание Радзивилла в своих имениях за Калишем. Им было как раз высказано пожелание, чтобы я приехал в Берлин, поселился в его дворце, и подобные прекрасные слова. Я не вижу от этого никакой пользы даже в том случае, если бы все это и сбылось, а в этом-то я как раз и сомневаюсь, потому что „панская милость до порога" [1]). Папа конечно не хочет верить, что все это — только „des belles paroles" [„прекрасные слова"], и это и есть причина моего от'езда, о чем, мне кажется, я тебе уже раз написал. Ты знаешь, как я хорош в этом отношении, и что я готов повторять одно и то же десять раз, и всегда как какую-то новость. Вчера здесь была пани Прушак; она говорила, что пани Ванда уже выздоровела и что Костусь скучает в Дрездене, чему мне не хочется верить. На прошлой неделе пани Солива с детьми уехала к своей свекрови в Италию. Эту новость я узнал от Эрнемана, которого встретил на квартетных вечерах у Кесслера.

Ты конечно знаешь, что Кесслер устраивает у себя по пятницам маленькие музыкальные вечера. Все туда собираются и играют. Ничего заранее назначенного, а что случится, то и играют. Так например, в прошлую пятницу исполняли cis-moll'ный концерт Риса с сопровождением квартета, потом трио Гуммеля E-dur, последнее трио Бетховена (я давно не слыхал ничего более величественного; Бетховен в нем издевается над всем миром), далее квартет принца Людвига-Фердинанда Прусского, т. е. Дюссека [2]), и наконец пение, но не пение, а только пародия на пение, и это поистине было в высшей степени замечательно.

Тебе должно быть известно, что у Циммермана, который играет на флейте, необыкновенно смешной звук голоса; он испускает его из себя при помощи губ и рук,— не то кошка, не то теленок, что-то в этом роде. У Новаковского [3]) тоже оригинальный звук голоса, похожий на маленькую, фальшивую, детскую трубу, который он извлекает, плоско сжимая рот. Филипп этим воспользовался и написал дуэт с хором для Циммермана и Новаковского. Это большая, хотя и хорошо сделанная, глупость, но такая смешная, что ее нельзя было докончить. Хотя это было после Бетховенского трио, все-таки она не могла изгладить того огромного впечатления, которое на меня про-

[1]) Старая польская поговорка.

[2]) Иоганн-Людвиг Дюссек родился в 1761 г. в Богемии. Композитор и великолепный пианист; он был учителем прусского принца Людвига-Фердинанда. Шопен несправедливо подозревал принца, который сам был способный музыкант, в том что он заставлял Дюссека писать за него сочинения.

[3]) Иосиф Новаковский, товарищ Шопена.

извело трио, тем более, что и исполнено оно было хорошо. Сервашинский [1]) аккомпанировал, а он аккомпанирует очень хорошо. На этой неделе он дает концерт. По моему это ни к чему, но его оправдывают тем, что он хочет здесь поселиться (что было бы недурно), давать уроки и надеется, что это лучшее средство получить их. По моем возвращении, если ты тоже будешь уже в Варшаве, мы несколько раз сыграем трио, что он уж обещал мне, потому что Белявского [2]) нужно страшно об этом просить, а разница невелика. А аккомпанирует он действительно чудесно.

Эльснер похвалил мое Adagio из концерта. Он сказал, что в нем есть нечто новое, а об „рондо" я не хочу слышать ничьих суждений, так как я сам еще не совсем им доволен. Интересно, закончу ли я его вполне после своего возвращения или нет.

Мне рассказывали вчера, что сюда приехала из Петербурга какая-то барышня,— я забыл как ее зовут,— она очень молода и удивительно играет на скрипке.

В будущее воскресение состоится возобновление старой оперы Курпинского [3]) „Дворец Люцифера". С Оборским я встречаюсь; Обницкий — магистр с ученою степенью, Масловский — тоже. Барцинский написал из Женевы, просил тебе кланяться; в Шафгаузене он расстался с Едржеевичем,— Барцинский поехал назад во Францию, тот в Мюнхен.

Я очень тебя благодарю за письмецо, написанное через брата, которое очень меня обрадовало. Ты имеешь ту отраду, что если захочешь, можешь развеселить и позабавить людей. Ты не поверишь, какой злой я был утром и каким добрым стал после обеда, получив твое письмо. Но довольно на сегодня, я прерываю, так как мне нужно еще кое что кончить до от'езда.

Обнимаю тебя сердечно, так обычно пишут в конце писем, но совсем и не знают, что пишут. Мне же ты должен верить, что я знаю, что написал, потому что я тебя люблю, как *Ф. Ш.*

Я сочинил большой этюд в моем роде; при нашем свидании я тебе его покажу.

(51) **37. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, суббота 14 ноября 1829.

Дорогой Титусь!

Твое последнее письмо, где ты позволяешь себя целовать, получено мною в Антонине у Радзивилла. Я провел там неделю. Ты не поверишь, как хорошо я чувствовал себя у него. Вернулся я с последней

[1]) Станислав Сервашинский, известный варшавский скрипач.

[2]) Иосиф Белявский, прекрасный польский скрипач.

[3]) Курпинский, Карл Мартинович (1785—1857), польский оперный композитор, капельмейстер варшавского театра. В 1820—1821 издавал еженед. муз. журнал „Tygodnik Muzyczny".

почтой, и то едва отговорившись от дальнейшего пребывания. Что касается меня и тамошнего времяпрепровождения, то я остался бы там до тех пор, пока меня не прогнали бы. Однако мои дела и в особенности мой еще неоконченный концерт, нетерпеливо ждущий окончания своего финала, принудили меня покинуть этот рай.

Там были две Евы, молодые княжны, в высшей степени приветливые, добрые, музыкальные, чувствительные создания. Старая княгиня, которая хорошо понимает, что не от происхождения зависит достоинство человека, так привлекает своим обращением, что невозможно ее не любить. Ты знаешь, как князь любит музыку. Он мне показывал своего „Фауста", и я в нем нашел столько хорошо-задуманных и даже гениальных вещей, которых я никак не мог ожидать от наместника [1]) Между прочим, там есть одна сцена, когда Мефистофель искушает Маргариту пением и игрой на гитаре перед ее домом, а одновременно с этим слышно пение хорала из близ лежащей церкви. Этот контраст производит при исполнении большой эффект. В рукописи мелодия изложена мастерски, а еще лучше дьявольский аккомпанимент к хоралу, который выдержан в очень строгих тонах. Из этого ты можешь себе представить, как он воспринимает музыку; к тому же он заядлый Глукист. Театральная музыка имеет для него значение лишь постольку, поскольку она отражает драматическое положение или чувство; поэтому даже увертюра не заканчивается, а непосредственно переходит в интродукцию; оркестр же постоянно располагается за сценой, чтобы усилия движений смычка и духовые инструменты не были видны [2]). Я написал у него „Alla Polacca" с виолончелью. Но это не более, чем блестящий салонный вздор для дам. Мне, видишь ли, хотелось, чтобы его выучила княжна Ванда. В продолжение этого времени я как бы давал ей уроки. Она еще молода, ей 17 лет, красива и — ей богу — было очень приятно ставить ей пальчики. Но шутки в сторону, у нее много настоящего музыкального чувства, и ей не нужно постоянно говорить: здесь crescendo, там piano, здесь скорей, там медленней и т. д. Я не мог отказать им в присылке моего f-moll'ного полонеза, который очень интересует княжну Элизу; поэтому прошу тебя прислать мне его с ближайшей почтой, так как я не хотел бы оказаться невежливым, а писать его на память мне, милый, не хочется, так как я напишу, может быть, кое-что иначе, чем оно есть на самом деле. О характере княжны ты можешь судить по тому, что когда она заставляла меня играть этот полонез, ей особенно нравилось As-dur'ное трио [3]).

[1]) Князь Антон Радзивилл был наместником в Познани.

[2]) Таким образом „невидимый" оркестр Рихарда Вагнера нашел в кн. Радзивилле своего предшественника.

[3]) Это полонез ор. 71. Княжна Элиза Радзивилл—известная юношеская любовь императора Вильгельма I.

Они там все очень добры. На обратном пути был я в Калише на одном вечере, где были пани Лончинская и панна Бернацкая. Последняя потащила меня танцовать, и мне как раз пришлось танцовать мазурку с панной, которая еще более красива, чем она или по крайней мере также хороша, — с панной Паулиной Нешковской, которая отвергает генерала Мечельского, очень ее домогающегося. Панна Бернацкая много говорила со мной о тебе и твоем брате, и были видны нежные чувства, которые пробудила в ней проведенная в Варшаве зима. Весь вечер напролет я с ней проболтал или скорее должен был рассказывать ей и расспрашивать ее, и никогда она не казалась мне такой хорошей, как в этот вечер, в особенности когда она говорила о приятном характере пана Кароля. Я не шучу. Я сказал ей, что сообщу тебе все про вечер и буду тебе жаловаться, что она меня соблазнила танцами; но она тебя не испугалась. Я познакомился с ее отцом, у которого вблизи от Антонина имение Сулиславицы. Между прочим, был танец в честь Якса Марциновского, который на этом вечере вертелся до изнеможения в своих грязных башмаках.

В Калише я пробыл только один день. Костусь писал мне, но я ему еще не ответил.

Княгиня Радзивилл желает, чтобы я в мае приехал в Берлин, поэтому ничто мне не мешает поехать на зиму в Вену. Раньше декабря я не думаю уезжать. 6-го папины именины, следовательно я смогу уехать только к концу декабря, почему и надеюсь увидать тебя, а проектов не делаю никаких. Если мне придется уехать до твоего возвращения, чего по всей вероятности не может случиться, то я тебе напишу, потому что ничего я так не жажду, как повидаться с тобой, и в особенности,— за границей.

Ты не поверишь, как мне теперь чего-то не достает в Варшаве! Мне не с кем сказать двух слов, некому довериться. Ты хотел иметь мой портрет, я разумеется послал бы тебе его, если бы мог украсть один у княжны Элизы, потому что она два раза нарисовала меня в своем альбоме и, как меня уверяют, очень похоже. Мирошевскому теперь некогда. Ты, жизнь моя, слишком хорош, и потому поверь мне, что я всегда с тобой, никогда от тебя не отступлю, и так буду до смерти. Твой преданнейший

Ф. Ш.

Я напоминаю тебе еще раз об f-moll'ном полонезе; пришли мне его, жизнь моя, с первой почтой. Я написал несколько этюдов; я охотно сыграл бы их в твоем присутствии. Тебе кланяются папа, мама, дети, Живный. Едржеевич написал из Вены; он возвращается.

Давали „Дворец Люцифера" Курпинского, но неудачно. В прошлую субботу Кесслер играл в клубе E-dur'ный концерт Гуммеля. Сервашинский тоже играл. В будущую субботу может быть я буду играть;

в таком случае я сыграл бы посвященные тебе вариации. Пани Буржуа-Широли, прекрасный альт, пела у Соливы на двух музыкальных вечерах; я это знаю от Тейхмана. Панна Волкова [1]) в трауре по матери, а панна Гладковская [2]) с завязанным глазом. Даже Жилинский пел с пани Широли, но, говорят, что рядом с ней он имел вид крысы. Вот и все известные мне новости. Макса я уже давно не видал, но он повидимому здоров. Гашинский написал для театра комедию в стихах, на которую ломится теперь весь свет. Она называется „Прихожая врача". Гонсэ здоров, Ринальди спрашивает о тебе всякий раз, что я его встречаю.

В будущее воскресенье дают маленькую комическую оперу Дрекслера „Крестьянин-миллионер". Не знаю, зачем дают у нас эту немецкую глупость, разве только из-за декораций и разных комических превращений, интересных одним детям. А все-таки все будут туда стремиться. Саккети должен был писать декорации. Вот и все, что мне удалось высосать из пера. Не хочется мне писать тебе о новостях, а только ласковые слова. Позволь еще раз тебя обнять.

Ф. Ш.

38. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

[Варшава], суббота 27 марта 1830.

Жизнь моя дорогая!

Никогда мне еще тебя так не нехватало, как сейчас. У меня никого нет, кому бы я мог излить свое сердце,—нет тебя. Один твой взгляд после каждого концерта был бы мне гораздо дороже, чем все расхваливания газетных писак (Эльснеров, Курпинских, Солив и т. д.) Сейчас же по получении твоего письма я хотел описать тебе свой первый концерт, но я был так издерган и занят приготовлениями ко второму, который я уже дал в понедельник, что, засев за письмо, не был в состоянии собрать своих мыслей. Но хотя я и нынче в таком же настроении, все-таки я не буду дожидаться момента спокойного духа—такого для меня редкого момента,—так как почта отправляется.

[1]) Варшавская певица. Шопен говорит о ней и в последующих письмах.

[2]) Три женщины играли весьма значительную роль в жизни Шопена: варшавская певица Констанция Гладковская в юности, несколько позже гр. Мария Водзинская, считавшаяся одно время его невестой, и Жорж Санд в более зрелом возрасте. Любовь к этим женщинам причинила Шопену гораздо больше горя, чем радости. Гладковская предпочла ему варшавского купца Грабовского, за которого вышла замуж в 1831 году. Родители Водзинской сочли Шопена неподходящей партией для их дочери и расстроили этот брак. В 1837 году Мария Водзинская вышла замуж за сына крестного отца Шопена гр. Фридриха Скарбека. Гладковская незадолго до своей смерти сожгла все адресованные к ней письма Шопена. То же сделала и Жорж Санд с письмами Шопена к ней и своими к нему после его смерти. Несколько писем Шопена к Жорж Санд все-таки уцелело, они приводятся ниже.

Итак, первый концерт не произвел в общем на публику такого впечатления, какого я ожидал, хотя было настолько полно, что уж за три дня не было ни лож, ни кресел. Первое Allegro, доступное лишь немногим из присутствовавших, хотя и заслужило браво, но, как мне кажется, только потому, что хотели сделать вид, что интересуются новинкой и—прикинуться знатоками! Адажио и рондо произвели наибольший эффект. Здесь уже слышались искренние апплодисменты и крики браво. Попурри же на польские песни [1]), напротив того, по моему мнению совершенно не достигло своей цели. Хотя и апплодировали, но явно только для того, чтобы показать мне незадолго до конца, что не соскучились. В тот вечер Курпинский открыл в моем концерте новые красоты, Виман же, напротив, сознался, что не знает, что находят люди в моем Allegro. Эрнеман был совершенно удовлетворен, а Эльснер жалел, что инструмент звучал глухо, так что басовых пассажей не было слышно. Насколько галерка и стоявшие в оркестре остались в этот вечер довольны, настолько партер жаловался на слишком слабую игру. Хотел бы побывать у „Копцюшки“ [2]), чтобы послушать дебаты, которые наверное велись там о моей особе.

Потому-то Мохнацкий, в „Курьере Польском“, расхвалив меня до небес и особенно за Adagio, под конец также советует мне побольше энергии. Я догадался, где сидит эта энергия, и поэтому во втором концерте играл не на своем, а на венском инструменте. Русский генерал Дьяков был так любезен, что дал мне свой инструмент, который гораздо лучше Гуммелевского, и тогда публика, еще более многочисленная, чем в первом концерте, была удовлетворена; раздавались апплодисменты и всеобщие похвалы; говорили, что каждая нота звучит закругленно, как жемчуг, что во втором концерте я играл лучше, чем в первом и т. п. Когда я вышел на вызовы, кричали о третьем концерте.

Краковское рондо произвело колоссальный эффект, апплодисменты возобновлялись четыре раза. Курпинский жалел, что я играл фантазию не на венском инструменте, чего требовал днем позже даже Гржимала в „Курьере Польском“. Эльснер думает, что обо мне можно судить только после второго концерта, хотя я тебе откровенно признаюсь, что я охотнее играл бы на своем инструменте. Однако все говорят, что венский инструмент лучше соответствовал помещению.

Программа первого концерта тебе известна. Второй концерт начался симфонией Новаковского (par complaisance) [3]), за которой следовало первое Allegro моего концерта. Белявский сыграл вариации Берио; потом следовали адажио и рондо. Второе отделение я начал Краковским рондо, после которого Майер спела лучше чем когда-либо арию

[1]) Фантазия на польские темы, ор. 13.

[2]) „Копцюшка“—литературное кафе того времени.

[3]) Из любезности.

Соливы из „Елены и Мальвины“ и в заключение я импровизировал, что очень понравилось ложам первого яруса. Если признаться тебе откровенно, то импровизировал я не в том стиле, как мне хотелось бы, так как это не годилось для такой публики. Я удивляюсь, что адажио произвело тем не менее такой всеобщий эффект, что куда бы я ни повернулся, всюду вспоминают только об адажио.

У тебя разумеется есть все газеты, или по крайней мере самые выдающиеся; по ним ты можешь судить, что остались довольны. Панна Мориоль [1]) прислала мне лавровый венок. Нынче я получил еще от кого-то стихотворение. Орловский [2]) наделал мазурок и вальсов из тем моего концерта. Зеневальд, компаньон Бржезины, просил у меня мой портрет, но я ему не мог этого позволить, так как этого было бы пожалуй слишком много для первого раза, да кроме того мне совсем не хотелось бы, чтобы в меня заворачивали масло, как это было с портретом Лелевеля [3]).

Тебе же я пришлю один, как можно скорее; если тебе хочется, то он у тебя будет, но кроме тебя моего портрета не будет ни у кого—только еще одна особа могла бы его иметь,—и то все-таки не раньше тебя, потому что ты мне дороже всех. Кроме меня никто не читал твоего письма. Как всегда, так и теперь я ношу твои письма при себе. Как я буду счастлив, когда, прогуливаясь в мае за городской стеной и думая о своем предстоящем путешествии, я вытащу твое письмо, чтобы удостовериться, что ты меня любишь, или по крайней мере посмотрю на почерк и письмо того, которого я только умею любить.

Все настаивают, чтобы я дал на будущей неделе еще один концерт, но я не хочу. Ты не поверишь, какую переживаешь муку уже за три дня до выступления. Впрочем, еще до праздников я закончу первое Allegro моего второго концерта и с третьим концертом подожду поэтому до после праздников, хотя я и убежден, что теперь я бы мог иметь еще больше слушателей, так как весь большой свет мало еще меня слышал. Один из голосов партера, кричавших в моем последнем концерте, что я должен дать еще третий концерт, закричал так громко: „в ратуше“, что я сам слышал это на сцене. Сомневаюсь все-таки, чтобы я этому последовал; если дам еще один, то вероятно в театре. Я не забочусь о доходе, так как и театр дал мне немного, потому что кассир, которому все было сдано, делал, что хотел. За вычетом расходов, я не имел даже и пяти тысяч с двух концертов, хотя Дмушевский, редактор „Курьера Варшавского“, расписывал, что

[1]) Гр. Александра де-Мориоль, дочь обергофмейстера великого князя Константина, „гимназическая“ любовь Шопена, которой его дразнили родные.

[2]) Антон Орловский (1811—1861), товарищ Шопена, талантливый музыкант, впоследствии капельмейстер в Руане.

[3]) Иоахим Лелевель (1786—1861), известный польский историк и политический деятель.

еще ни на одном фортепианном вечере не было столько народу, как на первом, а тем более на втором. Но дело в том, что хотя в ратуше я играл бы с не меньшими хлопотами и не с бо́льшим эффектом, играл бы все-таки не для всех, а или только для высшего общества, или же для обывателей.

Я чувствую теперь, как никогда, что „не родился еще тот человек, который может всем угодить".

Добржинский недоволен, что я не поставил в программу его симфонию (пани Водзинская бранила меня, что я не оставил ей ложи и т. д., и т. д.). Пани Водзинская, которую я недавно видел у Прушаков на именинах (Марианны)..[1]), я вспомнил, что там же я видел твоего брата, который, как всегда, в хорошем настроении и кланяется тебе. Незадолго до именин, кажется в день св. Иосифа, праздновалось также 25-летие совместной жизни молодых супругов, т. е. серебряная свадьба. Обед не обошелся конечно без телятины и разных грубых приправ — ей богу не для меня. Вчера я был на обеде у Мориоль, а позже на вечере у Дьякова, где видел также Соливу. Он тебе кланяется и обещал мне дать для тебя какую-то записку. Мы играли с Кашинским „la Rubinelle" Гуммеля—это довольно хорошо сделанная музыка.

Мне не хочется расставаться с письмом, тем более, что как мне кажется, я еще не написал ничего для тебя интересного, как хотел. Все приберег к дессерту, а у меня ничего другого нет, кроме сердечного об'ятия, потому что у меня нет никого, кроме тебя.

Ф. Шопен.

Папа, мама и дети очень тебе кланяются. Живный также. Макса я встретил у пани Потоцкой; он тоже был в театре и на музыкальном вечере у пани Накваской. Недавно я встретил также Лончинского на извощике.

(53) **39. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 10 апреля 1830. Суббота.
(Годовщина смерти Эмилии!) [2]).

Жизнь моя дорогая!

Еще на прошлой неделе мне хотелось написать тебе, но так вышло, что я сам не знаю, куда ушло время. Да будет тебе известно, что наше общество проявило такую ужасающую музыкальную деятельность, что не пощадило даже и самую Страстную неделю. В этот понедельник было большое собрание у Филипеуса [3]), где пани Сован хорошо пела дуэт из „Семирамиды", а я должен был по общему же-

[1]) Эти точки в оригинале.
[2]) Рано умершая сестра Шопена.
[3]) Генерал Филипеус, гофинтендант великого князя Константина.

ланию еще раз аккомпанировать дуэт-буффо из „Турка" [1]), исполненный Соливой и Грессером. Остальных подробностей я не буду тебе сообщать за исключением той, что пани Гладковская спрашивала о тебе.

Я уже набросал программу для вечера, который состоится у Левицкого, где между прочим кн. Голицын сыграет квартет Роде; предполагают — „La Sentinella" Гуммеля и в заключение мой полонез с виолончелью, к которому я нарочно для Кашинского присочинил адажио в качестве интродукции. Мы его уже пробовали—оно выйдет. Вот салонные музыкальные новости; теперь я перехожу к газетным музыкальным новостям, которые меня менее трогают, чем салонные, тем более, что они распространяют обо мне довольно благосклонные мнения, которые я охотно бы тебе послал. В „Газете Варшавской", в статье в пол-листа длины было повидимому много колкостей против Эльснера, так как Солива рассказывал мне на обеде у Мориоль, что Эльснер только потому боится искать ссоры, что вскоре должны выступить публично две его ученицы; в противном случае он непременно ответил бы сам. Он сказал мне еще, что ты ему писал, и я поэтому надеюсь, что если он тебе напишет, то не обойдет молчанием этого обстоятельства. Очень трудно в коротких словах дать тебе полное понятие обо всем этом; если бы я мог, то послал бы тебе газеты, чтобы ты мог понять дело надлежащим образом. Но так как умной голове довольно одного слова [2]), то я тебе слегка намекну, в чем дело.

После моих концертов появилось множество рецензий, в особенности в „Курьере Польском", и хотя они расточали преувеличенные похвалы, все-таки это было еще терпимо. „Dziennik urzędowy" также посвятил несколько страниц панегирику в мою честь; между прочим, в одном из своих нумеров—хотя и с лучшими намерениями—намарал таких глупостей, что я был в полном отчаянии до тех пор, пока не прочитал ответа в „Газете Польской", в котором совершенно справедливо лишили меня того, что те в своем преувеличении мне приписали. Представь себе, — что утверждает „Dziennik urzędowy" в своей статье: как немцы Моцартом, так когда-нибудь поляки будут гордиться мною— явная нелепость! Но вот еще большая: в той же статье говорится далее, что если бы я попал в руки какому-нибудь педанту или „россинисту" (что за глупое выражение!), я никогда бы не был тем, что я, так сказать, представляю из себя теперь. Хотя я и ничего собой не представляю, но все же он прав в том отношении, что если бы я учился не у Эльснера, который так сумел ко мне подойти, то я наверное умел бы еще меньше, чем теперь. Эта колкость „россинист" рядом с похвалой Эльснеру, который сумел, так сказать, дать ученика, до та-

[1]) Опера Россини, шедшая в первый раз в Варшаве 17 марта 1824 года.
[2]) Польская поговорка.

кой степени вывела из себя — ты знаешь кого [1]), что „Газета Варшавская", начиная для виду с комедии Фредро „Друзья" и кончая оперой „Граф Ори", в середине ведет такую речь: „За что же благодарить Эльснера? ведь не может же он из рукава высыпать учеников", и — ты знаешь, что в моем втором концерте исполнялась симфония Новаковского [2]), — намекая на меня: „даже чорт не может свить себе кнута из песку" [3]). Тридцать пять лет тому назад Эльснер написал квартет, на титульном листе которого стоит: „Dans le meilleur goût polonais", прибавка, сделанная тогда издателем из-за польского менуэта. В рецензии теперь издеваются над этим квартетом, не называя однако автора. Солива думает, что он смог бы издеваться в тех же выражениях над „Цецилией" [4]), тем более, что при всей деликатной благосклонности, с которой говорится обо мне в этой статье, мне все же натянули нос, посоветовав хорошенько слушать Россини, а не копировать его. Этот совет явился следствием той статьи, где говорится, что у меня много оригинальности, чего „Газета Варшавская" и не отрицает.

Послезавтра я приглашен к Минасовичу [5]) на праздник Пасхи. Там будет и Курпинский. Мне интересно, что он мне скажет, потому что ты не поверишь, как умильно он всегда со мной раскланивается. В среду на прошлой неделе я видел его в концерте Лешкевича. Маленький Лешкевич играет очень хорошо, но в нем большей частью слышен еще ученик. Из него выйдет, как мне кажется, лучший пианист, чем Крогульский, — мнение, которое я еще не посмел высказать, хотя меня уж много раз спрашивали.

Но довольно этой музыки! Теперь я начинаю письмо не к пану любителю музыки, а только к Титу Войцеховскому, помещику. Вчера была страстная пятница, вся Варшава была у плащаницы. И я с Костусем, который недавно вернулся из Санников, ездил с одного конца Варшавы на другой. Костусь тебе кланяется; по этому поводу сообщаю тебе следующее: было это утром после урока, когда я с панной Александрой садился за завтрак; стали говорить о том, что пани Совинской передавали о помолвке панны Александры с паном Млечко. Я возразил на это, что ничего не слыхал; на это мне ответили, что так как мое всегдашнее расположение к этому дому хорошо известно, то я могу узнать, что после больших перепетий пан Млечко посватался. Пани Прушак говорит, что никогда она не переживала такого

[1]) Директора оперы Курпинского, которого из-за частого исполнения опер Россини называли в то время „россинистом". „Газета Варшавская" — близко стоявшее к Курпинскому издание.

[2]) То же ученик Эльснера.

[3]) Польская поговорка.

[4]) „Цецилия Пясешинска", опера Курпинского.

[5]) Минасович сделал себе имя в Польше, как великолепный переводчик Шиллера.

ужасного момента, как тот, когда он с плачем упал к ее ногам, и т. д. С любопытством ожидая, не скажут ли мне о результатах сватовства, я узнаю, что хотя пану Млечко и не терпится, для панны Александры это еще не так. Поэтому будут ждать еще год, т. е. до следующего дня рождения панны Александры, которая тогда сможет решить, принять или отвергнуть предложение. Однако пан Млечко был вчера с ними у плащаницы. — Обницкий тебе кланяется. Гейсмер тебе кланяется. Недавно я встретил Лончинского, он очень похудел. Я видел также твоего брата Карла — он свеж, как бутон.

Ага, почтальон! и письмо от тебя! О мой дорогой, какой ты добрый! Что я о тебе думаю — это не чудо! Как я вижу из твоего письма, ты читал только „Курьер Варшавский". Если можешь, прочти „Курьер Польский" и № 91 „Газеты Варшавской". Твои советы относительно вечеров весьма основательны, поэтому-то я и отказался от некоторых из них, как-будто бы я это предчувствовал, потому что ты не поверишь, насколько я о тебе думаю почти при каждом поступке. Не знаю, может быть это оттого, что ты меня научил чувствовать; и когда я что-нибудь сочиняю, я бы очень желал знать, нравится ли это тебе, и мне кажется, что мой второй, e-moll'ный, концерт до тех пор не будет иметь для меня никакой цены, пока ты его не услышишь. У меня был нынче Бромирский и приглашал меня на четверг, и я ручаюсь за то, что ты видишь его, уходящим с носом. Что касается Гонсэ, то я его недавно встретил; мы говорили о тебе, — он бродит мрачный, жалуется на неблагоприятные для искусства обстоятельства. Если я его увижу, что, надеюсь, случится еще нынче, то я ему сейчас же скажу, что ты мне писал. У меня под рукой нет никаких глупостей, которые стоило бы тебе сообщить, да и не стоит.

Что касается третьего концерта, которого здесь ждут, то я его дам не раньше, как перед самым отъездом, тем более, что сыграю новый [концерт], а этот новый еще не кончен. Я хотел бы сыграть также и Польскую фантазию, которую желают, и вариации тебе посвященные, которых жду, потому что лейпцигская ярмарка уже началась, и Бржезина должен получить новый транспорт нот.

Тот, кто в моем втором концерте хотел угощать меня шампанским, француз из Петербурга, принятый за Фильда, оказался учеником парижской консерватории и зовут его Дунст. Он был у Соливы, и как тот мне говорил, должен был прийти и ко мне, но я его еще не видал. Он давал в Петербурге концерты и имел успех — следовательно должен играть хорошо. Тебе наверное покажется странным, что он француз из Петербурга и носит немецкую фамилию.

Только что мимо проехали Костусь с Валерием Скаржинским, за ними едет Жандр. Экипажи гремят, издали сверкают дамские шляпы, чудная погода. Вот и Челинский, мой променадный экзекутор. Честная душа! заботится о моем здоровье. Выйду с ним на улицу, может быть

увижу кого-нибудь, кто мне напомнит тебя, потому что люблю я только тебя.

Ф. Шопен.

Мои родители вместе с сестрами шлют тебе наисердечнейший привет. Также и пан Живный,—иначе он бы меня разбранил.

Кстати, к комическим новостям относится та, что Орловский наделал из моих тем мазурок и галопов; я однако просил его не отдавать их в печать.

„Граф Ори“ [1]) хорош, в особенности инструментовка и хоры. Финал первого акта прекрасный.

(54) **40. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 17 апреля 1830. Суббота.
(День рождения папы.)

Жизнь моя дорогая!

Как только получу письмо от тебя, я чувствую некоторое облегчение от невыносимой тоски. Как раз нынче я жаждал его, так как было скучнее, чем когда-либо. Я охотно прогнал бы отравляющие мою радость мысли, но я чувствую какое-то блаженство в том, чтобы их лелеять. Я сам не знаю, чего мне не хватает... может быть по окончании этого письма я стану спокойнее, потому что ты знаешь, как приятно тебе писать. Ты пишешь, что сделался опекуном; это меня рассмешило. Ты сообщаешь мне о каком-то котильоне — я предполагаю, что это работа Валерия. Ты упоминаешь, что может быть приедешь сюда,— это меня очень обрадовало — потому что я тоже останусь на сейм. Ты знаешь уж наверное из газет, на которые ты на мое счастье подписался, что сейм открывается 28-го мая, стало быть, наши надежды будут осуществляться в течение целого месяца, тем более, что „Курьер Варшавский“ извещает о приезде Зонтаг. [2]) Дмушевский все такой же: лжет, выдумывает о себе различные приключения. Я его встретил вчера и он сообщил мне утешительную новость, а именно, что он помещает в „Курьере“ какой-то сонет в мою честь. Я его умолял ради самого бога не делать этой глупости. „Уже напечатан!“ возразил он, услужливо смеясь, думая, что я очень обрадуюсь этой оказанной мне чести. Ах! эти медвежьи услуги! Ну, теперь будет возможность поиздеваться тем, перед которыми я провинился. Что же

[1]) Опера Россини.

[2]) Генриетта Зонтаг, одна из самых знаменитых певиц своего времени. Выйдя замуж за сардинского посланника в Гааге, графа Росси, она простилась со сценой и выступала только, как концертная певица. Скоро, вследствие различных несчастий, она была вынуждена снова вернуться на сцену. Она умерла (в 1854 г.) в Мексике от холеры во время своего большого блестящего турнэ по Америке.

касается мазурок на мои темы, то купецкое желание корысти превозмогло... Я не хочу больше ничего читать, что про меня пишут, и также слушать, что болтают...

В воскресенье мне хотелось только послушать Курпинского, рассуждающего о статье в „Газете Варшавской“, который как нарочно скрыл свои следы, и мне не удалось его найти среди многих ученых особ, собравшихся у Минасовича на праздник Пасхи. Его не было, а из музыкантов там встретился со мной только Эрнеман. Но желая непременно видеть мину, которую он мне состроит, я был у него на Пасху, чтобы поздравить его с праздником, но оба раза его не застал. Соливу я видел нынче. Возможно, что итальянец плут, но он мне показывал, какой великолепный ответ на ту статью он написал (*nota bene*—по-французски и для себя, не с целью опубликования его в каком бы то ни было журнале). Он бранит их совершенно справедливо за Эльснера, не называя ни одного имени. В лицо он нежничает, но это мало значит; я тоже очень любезен, но несмотря на его приглашения, только тогда с ним встречаюсь, когда это безусловно необходимо.—У меня был Эрнеман и об'явил мне, что в новом концерте первое Allegro лучше,— он пришел ко мне вчера, как раз когда уходил Костусь. Нынче я там был. Так как сейчас сейм, то от'езд в Дрезден откладывается. Новые проекты; последний таков, что Костусь совершит маленькое путешествие по Франции и Италии с профессором университета Губе, с тем самым, с которым я путешествовал в прошлом году. Как мне говорил недавно Губе, у него был проект ехать сейчас прямо в Париж и после короткого там пребывания—на зиму в Италию, чтобы январь провести в Неаполе, где я должен был бы с ним встретиться. Костусь отправился нынче утром к Губе, чтобы осведомиться у него о ближайших планах. Если они поедут, то только в июне, и то к концу месяца. Мои варьяции еще не получены. Неделю тому назад Магнус [1]) уехал в Вену и должен вернуться в конце этого месяца, надеюсь, не с голыми руками. Завтра идет „Волшебная флейта“, а послезавтра—концерт слепого флейтиста пана Грюнберга, о котором я уже писал тебе. Ему хотелось, чтобы я играл в его концерте. У меня была счастливая отговорка, что я уж одному отказал, и что было бы неловко выбирать. Мальсдорф сыграет ему на виолончели, это много со стороны барона, Шабкевич — на кларнете, а вчера он опять был у Жилинского, который тоже обещал ему спеть. Он хотел, чтобы я поехал с ним к Майер; я знаю, что она сделала бы это для меня и спела бы, но в глубине души надулась бы. Я предпочел поэтому ни во что не вмешиваться и взял на себя только продажу нескольких билетов. Пани Прушак взяла десять. Кстати, нынче во время урока, как раз, когда под пальцами были этюды Крамера, я узнал из уст пани

[1]) Магнус, варшавский издатель.

Прушак, что ты выслал пшеницу в Данциг и может быть приедешь сюда. О пшенице (хозяйственная новость пана Карла), возразил я, он мне ничего не писал, потому что такие новости не для меня. Хотя мне кажется немножко дико, что ты возишься с пшеницей, но я все-таки этому поверил, потому что знаю, как добросовестно ты занимаешься делами, за которые взялся.

Детям было бы очень любопытно прочесть твои письма, но этому никогда не бывать, потому что их читаю один только я и то только в тиши моего сердца ежедневно. Поэтому Людвика дуется, тем более, что я ей сказал, что в них нет ей поклона.

Завтра русская Пасха, но я не буду ни на одном разговеньи. Никогда я еще так мало не ел на Пасху: даже у Прушаков я не остался к обеду, где в понедельник или в воскресенье, я уж не помню больше, собралось к пасхальному столу пропасть людей и окороков, куличей и т. д. Собрались на большой обед — кастеллан Левинский, Альфонс, Млечки, Дзевановский, который мне казался несносным, все они были там. N. просил меня быть крестным отцом его сынишки; я не мог ему отказать, тем более, что это желание той несчастной, которая уезжает в Данциг. Пани Прушак будет моей кумой. Это якобы секрет от моих родителей, которые будто бы об этом не знают.

Знаешь ли, что на прошлой неделе я собирался приехать к тебе на неделю, но из этого ничего не вышло, тем более, что меня торопит работа; нужно писать, сломя голову. Если ты будешь в Варшаве во время сейма, то неминуемо попадешь на мой концерт,— у меня такое предчувствие,— и когда это еще более выяснится, поверю совсем, потому что ты мне часто снишься. Как часто я обращаю ночь в день и день в ночь; как часто я живу во сне и сплю наяву, хуже еще, чем если бы я спал, потому что я все время чувствую; и вместо того, чтобы в этом отупении, как во сне, набираться сил, я только мучаюсь еще больше и ослабеваю.

Люби меня, пожалуйста...

Ф. Шопен.

Родители очень тебе кланяются. Колюбакин, и дети, и Живный.

(55) **41. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 15 мая (1830). Суббота.

Жизнь моя дорогая!

Ты наверное удивился, что Фриц не сейчас же соблаговолил ответить на твое письмо, но я не знал того, о чем ты меня в том письме спрашиваешь, и поэтому должен был помедлить с ответом. Итак, узнай, душа моя, что панна Зонтаг непременно приезжает в июне,

а может быть, и в конце мая. Узнай, что панны Г. и В. [1]) в силу указа, изданного его высокородием г. министром Мостковским, непременно выступят во время сессии сейма,—одна в Агнесе Паэра, другая, т. е. Волкова, в „Турке“ [2]). Как тебе кажется выбор этих опер? Я был вчера на вечере у Соливы, где почти никого не было кроме Сованов и Грессеров. Г. пела арию, специально для нее присочиненную к опере Соливой, которая будет ее боевым номером; в ней есть действительно прекрасные места, и он иногда применялся к ее голосу. В „Турке“ В. тоже будет петь приспособленную к ее голосу показную арию. Эта ария написана Россини для одной из знаменитейших певиц, выступавшей в этой опере. Она поет ее хорошо. Когда приедешь, ты сам убедишься. Я думаю, что ты не пропустишь возможности послушать панну Зонтаг. Как я благодарен этой панне Зонтаг! Она уже должно быть в Данциге и едет оттуда к нам. Тут у нас предполагается пропасть музыки. И пан Ворлицер, придворный пианист прусского короля живет здесь уже две недели. Малый играет очень хорошо. Это еврейчик, стало быть очень способный от природы; он очень хорошо выучил несколько вещей, которые сыграл нам. Он был у меня, он еще совсем ребенок, ему 16 лет. Его конек—варьяции Мошелеса на Alexander-Marsch. Он играет их превосходно и не оставляет, кажется, желать ничего лучшего. Он дважды выступал публично, и оба раза играл эти варьяции. Если ты его услышишь, ты будешь доволен его игрой, хотя ему, между нами говоря, еще многого не достает для звания, которое он носит.

Есть тут еще другой — француз, некий пан Штандт, который хотел дать концерт. Он был у меня и решил отступиться от своего намерения. Одна из приятных музыкальных новостей та, что пан Благетка, отец той пианистки, писал мне из Вены, что приедет сюда, если я посоветую ему приехать во время сейма. Деликатное дело. Немцу хочется денег, и если случайно его надежды обманутся, он мне это попомнит. Поэтому я ответил ему незамедлительно, что „меня уже давно спрашивают, не предпримет ли он это путешествие, и что многие лица, в особенности музыкальный мир, очень этого желают“. При этом я все-таки деликатно присовокупил, что здесь будет панна Зонтаг, что приезжает Липинский, что в городе только один театр, где расходы превышают 100 талеров, что предполагаются балы, приближается Троица, когда здесь устраивается много прогулок и т. д., и т. д., чтобы я не мог себя ни в чем упрекнуть. Возможно, что он и приедет сюда. Я буду очень рад и со своей стороны все сделаю для его дочери, даже, если бы пришлось сыграть с ней на двух фортепиано, потому что ты не поверишь, как этот немец был ко мне любезен в Вене.

[1]) Певицы Гладковска и Волкова.

[2]) „Турок в Италии“, опера Россини.

Костусь со своей матерью в Ченстохове, они возвращаются на будущей неделе, и 1-го июня он с Губе сейчас же отправляется через Берлин в Париж; пробывши там $2^1|_2$ или $3^1|_2$ месяца они поедут через Швейцарию в Италию.

Я до сих пор еще не знаю, что будет с моим путешествием. Я думаю, что в этом году вместо заграницы я наживу себе лихорадку, и этим все кончится. Я просижу здесь июнь — просижу июль, у меня не будет даже охоты ехать, ты уж конечно догадываешься, что ни от чего другого, а только от жары? В Вене итальянская опера начинается только в сентябре, как мне сказал вчера Геннеберг, поэтому и не зачем спешить, тем более, что еще не кончено „рондо“ к новому концерту, а для этого нужно вдохновение. Я даже с ним не тороплюсь, потому что, имея первое Allegro, об остальном я не беспокоюсь. Концерт я могу сыграть еще раз, потому что я еще не играл варьяций, которые недавно вышли, как пишет Благетка, и с которыми Гаслингер поехал на пасхальную ярмарку в Лейпциг. Надеюсь, что Магнус привезет их мне, вернувшись из Вены (он как раз сейчас в Галиции по своим делам и должен был оттуда отправиться в Вену). Adagio нового концерта написано в E-dur. Оно не мощное, а скорее романтическое, спокойное, меланхолическое и должно производить впечатление ласкового взора, устремленного туда, откуда всплывают тысячи приятных воспоминаний. Это какая-то греза в прекрасную лунную весеннюю ночь. Поэтому и аккомпанимент с сурдинами, то есть со скрипками, приглушенными родом гребешков, которые, обхватывая струны, придают им какой-то носовой, серебристый звук. Может быть это и плохо, но почему же стыдиться, если вопреки своему намерению пишешь плохо? Только исполнение покажет ошибки. В этом ты узнаешь мою способность делать дурно помимо моей воли. Также против моей воли взбрело мне сквозь очи в голову [1]) что-то, о чем я люблю мечтать, и может быть совершенно напрасно. Ты меня наверное понимаешь.

Я с пани Прушак был крестным отцом у сынишки N., которого усыновили. Ты не поверишь, какой красивый мальчишка. Нынче в 7 часов утра панна Дюпон вышла замуж за пана Чеховского, брата пани Скродской. Доктор Биксель, 63-летний врач, женился на семнадцатилетней племяннице своей умершей жены. Весь костел был полон любопытными, а невеста удивлялась тому, что ее так жалели. Я это знаю со слов ее дружки панны Мориоль, к которой пойду с визитом сейчас же, как только отнесу на почту это письмо, потому что она за мной присылала. Я знаю, что это мои амуры, в которых я признаюсь очень охотно; а затем,— надо быть скромным и уважать покров тайных чувств. [2]) Знаешь ли, я никогда не думал, что могу быть до

[1]) Намек на любовь к Гладковской.

[2]) Графиня Александра де-Мориоль, дочь варшавского генерал-губернатора, была „гимназической“ любовью Шопена (полонизируя ее имя, Шопен часто называл ее

такой степени скрытным, что у меня не хватит духа доверить тебе то, что меня огорчает.

Нынче я в театре. Пан Смоховский, новый трагик из Львова, выступит в роли Веровского в „Терезе, сироте из Женевы“. Не возлагаю больших надежд на его игру, но посмотрю, что там будет. Говорят, что приедет Паста, [1]) однако я в этом сомневаюсь. Более определенные новости о знаменитой певице (конечно уж немного в прошлом) пани Мильдер-Гауптман. [2]) Ромберга [3]), как говорят, тоже ждут. Пусть себе приезжает, я забочусь только о тебе и льщу себя надеждой, что в этот раз ты будешь на моем концерте. Думаю, что в конце мая, т. е. через две недели, я попробую дома первое Allegro. Выступлю я в начале июня, чтобы отделаться от этого к началу общих развлечений, об'явленных „Курьером“. Итак, напиши мне, когда ты будешь в Варшаве наверное, потому что мне будет еще неприятнее, чем в первый раз, если концерт пройдет без тебя. Нет, ты совсем не знаешь, как я тебя люблю, этого я тебе ничем не могу доказать, а уж как давно я хочу, чтобы ты знал об этом! Чего бы я не дал, чтобы иметь возможность пожать твою руку! Ты не догадаешься... половину жалкой жизни...

Ф. Шопен.

Программы концерта я не сообщаю тебе, потому что я сам еще ее не знаю. Я постараюсь добыть Тейхмана. Еще в моем втором концерте он должен был с Майер петь дуэт из Армиды, потому что он боится выступать, как солист; но к несчастью за неделю перед тем этот дуэт пели Циммерман с Польковским; поэтому Курпинский не хотел, чтобы они пели тоже самое, как бы для того, чтобы показать, что могут спеть лучше. Я уж так много написал, а хотел бы и еще больше. Хотел было — так для развлечения — послать тебе новый вальс, но ты его получишь только на будущей неделе.

Родители и дети очень тебе кланяются. В том числе и Живный.

(56) **42. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 5 июня 1830.

Жизнь моя дорогая!

Ты пропустил 5 концертов панны Зонтаг! Но не жалей, потому что ты еще ее наслушаешься, если правда, что ты приезжаешь 13-го.
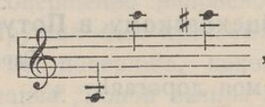
„Мориолувна“ или „Мориолка“). Когда началось страстное увлечение Шопена певицей Гладковской, которого он никак не мог скрыть, родные предполагали, что он увлечен „Мориолкой“. Шопен делал все возможное, чтобы оставить родных при этом убеждении. Графине де Мориоль Шопен посвятил свое „Rondo à la Mazur“, op. 5.

[1]) Джудитта Паста [рожд. Негри] (1798 — 1865), знаменитая певица, выступавшая в Париже, Лондоне и Петербурге.

[2]) Полина-Анна Мильдер-Гауптман (1785 — 1838), известная певица, для которой Бетховен написал роль Фиделио.

[3]) Киприан Ромберг, знаменитый виолончелист.

Тринадцатое приходится, кажется, в воскресенье, и ты приедешь как раз в то время, когда я буду дома пробовать первое Allegro второго концерта, воспользовавшись для этого отсутствием панны Зонтаг, которая вчера сама сказала мне своим очаровательным ротиком, что она уезжает по приглашению прусского короля в Фишбах. Ты не поверишь, какое удовольствие доставило мне более близкое знакомство, т. е. в комнате на диване, потому что ты знаешь, что в большее мы не вдаемся, с этой „посланницей небес“, как ее справедливо называют некоторые здешние энтузиасты. Князь Радзивилл рекомендовал меня ей, как нельзя лучше, за что я ему благодарен от всего сердца. Но я не очень много пользовался моим знакомством с Зонтаг за время ее недельного пребывания у нас, потому что я видел, как ужасно она была замучена необыкновенно скучными посещениями сенаторов, кастелланов, воевод, генералов и ад'ютантов, которые сидели у нее только затем, чтобы посмотреть ей в глазки и поболтать о погоде. Она принимает их всех самым любезным образом, потому что у нее такая добрая душа, что она не могла бы быть невежливой. Однако, вчера ей пришлось запереться в комнате, чтобы, отправляясь в театр на репетицию, надеть на голову шляпу, потому что лакей в передней никак не мог справиться с докладами. Я бы так у нее ни разу и не был, если бы она не пожелала меня видеть по поводу одной песни, которую арранжировал для нее князь Радзивилл и поручил мне написать. Это варьяции на украинскую „думку“. Тема и финал хороши, но средняя часть мне не нравится, так же как и панне Зонтаг. Я ее немножко изменил, но она все-таки нехороша. Я рад, что она уезжает после нынешнего концерта, и я таким образом избавлюсь от этой заботы, а тем временем может быть приедет к закрытию сейма князь Радзивилл и забудет о своих варьяциях.

Зонтаг нехороша, но мила в высшей степени. Она всех очаровывает своим голосом, который хотя и не очень велик, потому что она берет только от , но в высшей степени обработан.

Ее diminuendi — nec plus ultra, portamenti — очаровательны, ее гаммы, особенно хроматические вверх, великолепны. Она нам спела арию Меркаданте очень, очень, очень хорошо, варьяции Роде, особенно последнюю каденцию,— более чем превосходно. Варьяции на швейцарскую тему до такой степени понравились, что она в благодарность за вызовы, вместо низких реверансов, спела их еще раз! Она неописуемой доброты. Вчера с варьяциями Роде было то же самое. Она спела нам каватину из „Цирульника“ и из „Сороки“ [1]). Ты можешь хорошо себе

[1]) „Севильский цирульник“ и „Сорока-воровка“— оперы Россини.

представить, как все это отличается от того, что ты до сих пор слышал. Она пела и те арии из Фрейшюца, которые ты знаешь, более, чем чудесно.

Я был у нее однажды и встретил там Соливу с паннами [1]). Они пели ей при мне тот его дуэт, который кончается словами „barbara sorte“, в конце мажор, как ты наверное помнишь. Панна Зонтаг сказала им, что у них хорошие, только надорванные голоса, что их метода может быть и хороша, но что они все-таки должны совершенно изменить постановку голоса, если не желают через два года потерять его совсем. При мне она сказала Волковой в глаза, что у нее много легкости и вкуса, но что все-таки у нее „une voix trop aigüe“ [2]), и просила их очень, чтобы они почаще ее навещали, обещав по возможности показать им свою методу. Сверх'естественная ли это вежливость, или же кокетство, доведенное до такой степени, что оно уже вполне переходит в естественность, потому что невозможно допустить, чтобы человек мог сделаться таким естественным, не прибегая ко всем рессурсам кокетства. Она в миллион раз красивее и привлекательнее в утреннем négligé, чем в парадном вечернем платье, хотя ею очарованы и те, которые не видали ее утром. Вернувшись, она до 22-го будет давать свои концерты, после которых, как я слышал от нее самой, она думает отправиться в Петербург. Поэтому поспеши и приезжай сюда, чтобы не пропустить больше, чем те пять концертов, которые она дала уже. Много говорят о том, что приезжает и Паста; они будут вместе петь. Здесь также проживает некая m-lle Belleville, француженка. Она очень хорошо играет на фортепиано, в высшей степени легко, элегантно, в десять раз лучше Ворлицера. В среду она дает концерт. Она принимала участие в том знаменитом музыкальном вечере при дворе, где была панна Зонтаг. Обе панны отличились. Был там и Ворлицер, но он не очень понравился, что я знаю от Курпинского, который сопровождал ко двору панну Зонтаг. Удивлялись, что меня там не было,— я же не удивлялся.— Нынче в 4 часа пополудни Кося Прушак уезжает с Губе. Пани Прушак с Олесей и остальными провожают их до Ловича; оттуда на собственных лошадях они едут до Калиша, а дальше с экстренной почтой.

Ну еще немножко о Зонтаг. Она обладает некоторыми приемами совершенно нового рода, которыми она производит огромное впечатление, но однако не такое, как Паганини. Может быть это происходит потому, что этот род искусства меньший. В партере кажется—точно от нее исходит свежее благоухание цветов; она ласкает блаженством своего голоса, она чарует, но редко трогает до слез. Радзивилл рассказывал, что она так поет и играет последнюю сцену Дездемоны в Отелло, что никто

[1]) Певицы Гладковская и Волкова.
[2]) Слишком крикливый голос.

не в состоянии удержаться от слез. Недавно я ее спросил, не споет ли она нам эту сцену в костюме (она к тому же должно быть превосходная актриса). Она мне сказала, что это правда, что она часто видела слезы на глазах у зрителей, но что игра на сцене так ей мучительна, что она дала себе слово выступать в ролях, как можно реже.

Приезжай же сюда, чтобы отдохнуть на лоне дружбы от деревенских трудов. Панна Зонтаг споет тебе что-нибудь, и ты наберешься новых сил для своих дел. Какая жалость, что вместо письма я не могу послать тебе самого себя. Может быть я тебе не нужен, но ты мне нужен, и я жду тебя со сбритыми усами.

Ф. Шопен.

Нынче панна Зонтаг поет что-то из „Семирамиды“. Ее концерты коротки; обычно она поет четыре раза, а в промежутках играет только оркестр; и действительно, после ее пения отдых необходим, так она захватывает. Панны из консерватории в этом месяце не выступают. Панна Belleville играла мои варьяции, напечатанные в Вене, и одну из них знает даже наизусть. Жаль, что больше уж негде писать, потому что мне не хочется отрываться от письма, от тебя;— любишь ли ты меня тоже? Так как бумага просвечивает, то я вынужден сделать конверт. Папа, мама, дети, Живный и все [кланяются].

Гонсэ говорит, что когда ты приедешь, он расскажет тебе все, что хотел написать.

(58)

43. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, суббота, 21 августа, 1830.

Противный гипокрит! [1]).

Вот уже второе письмо, что я тебе пишу. Ты этому не поверишь, скажешь, что Фриц лжет, но на этот раз я говорю правду.

Вернувшись благополучно с бароном в Варшаву, я сейчас же тебе написал, но так как родители были в Желязовой Воле [2]), то весьма естественно, что и я недолго пробыл в Варшаве, а письмо к тебе, которое надо было отдать на почту, оставил. Во вторник, вернувшись домой уже с родителями, я нашел написанное тебе письмо, благополучно лежащим на том самом месте около чашек, где я его оставил, уезжая. Карл, бывший у нас во время моего отсутствия, говорил мне, что видел это письмо, лежащим на чашках. Но нет худа без добра. Может быть в этом письме я не буду тебя так бранить, как в том, в первом, когда у меня были еще свежи в памяти твои потуржинские приключения. Скажу тебе откровенно, что твои поля и эта береза

[1]) Притворщик.

[2]) Местечко, где родился Шопен.

под окнами не выходят у меня из головы. А самострел! Как это романтично! Памятен мне этот самострел! ты меня столько из-за него терзал за все мои грехи. Но все-таки нужно представить тебе отчет о протекшем времени, сообщить тебе, когда я наверное уезжаю и написать тебе о многих важных вещах.

Недавно в Варшаве меня сильно захватила „Анеля“ [1]). Я был на спектакле. Гладковской малого не хватает. Она на сцене лучше, чем в концертном зале. Я уж не говорю об ее превосходной трагической игре, так как нечего сказать; что же касается пения, то нельзя было бы найти ничего лучшего в этом роде, если бы не эти иногда высокие „fis“ и „g“. Ты пришел бы в восторг от ее фразировки; она нюансирует превосходно; и хотя в начале голос у нее вибрировал от волнения, позже она пела очень уверенно. Оперу сократили. Может быть поэтому я и не почувствовал в ней скучных длиннот. Ария Соливы во втором акте производит большой эффект; хотя я и знал, что она должна произвести эффект, но такого большого не ожидал. Романс, исполненный ею во втором акте с сопровождением арфы (Эрнеман вместо нее за кулисами играет аккомпанимент на фортепиано, не нарушая иллюзии), она спела в последний раз очень хорошо. Я был доволен. В заключение Анелю вызывали и наградили щедрыми рукоплесканиями. Через неделю будет ее дебют в роли Фиовилли в „Турке“. Волкова нравится больше. Ты конечно знаешь, что опера „Анеля“ имеет чрезвычайно много противников, которые сами не знают, за что бранят музыку. Я не спорю,— итальянец мог бы выбрать для Гладковской что-нибудь лучшее. „Весталка“ может быть принесла бы ей больше счастья, но и та тоже хороша; в ней много редких красот и трудностей, которые чудесно были переданы дебютанткой.

Щуровский ужасен; он подражает то Тальме, то Кембль, то Девриент, то Жолковскому,— просто не знаешь, что это такое, он действительно отменный сумасброд. Зданович — nec plus ultra, — по мнению Соливы. Саломонович неудачна. Навроцкая постоянно жеманится, а Жилинский мямлит на сцене. Еще вчера на репитиции „Турка“ он меня разозлил хладнокровием, с каким отсчитывал палочные удары турку. Волкова хорошо пела; играет она тоже очень хорошо — это роль, которую она могла бы действительно хорошо сыграть. Может быть на публику она подействует больше глазами, чем горлом. Высокое „D“ она берет несколько раз очень чисто и уверенно. Я не сомневаюсь, что она понравится больше Гладковской. Квинтет прошел блестяще. Генерал [2]) был доволен.

[1]) Опера Фердинанда Паэра (1771—1839), итальянского композитора, жившего с 1797 г. в Вене, шедшая в Варшаве в первый раз 24-го июля 1830 года.

[2]) Генерал Ружнецкий, в то время председатель дирекции национального театра в Варшаве.

Костусь с Кинкелем во Франкфурте, они возвращаются через Милан, Триест и Вену. Губе еще остался и только 15-го будущего месяца будет в Риме. Что делаю я? Я уезжаю 10-го числа будущего месяца сначала я должен однако попробовать свой концерт, потому что „рондо“ уже окончено. Завтра у меня будут Качинский и Белявский. В 10 часов утра в присутствии Эльснера, Эрнемана, Живного и Линовского я буду пробовать инкогнито свой полонез с виолончелью и трио. Мы будем играть не на живот, а на смерть. Поэтому я никого больше и не пригласил, кроме вышеназванных и Матушинского, который один только и остался мне всегда верен и не такой неискренний притворщик, шельма, бездельник, как — угадай-ка кто! Костусь велел мне кланяться через панн Пальчевских. Пани Прушак в Мариенбаде,— и Млечко тоже поехали туда пить воды. Мой любимец Петрусь Дзев[ановский] остался по дороге в Рейнерце и пьет там сыворотку. Оборского я видел в театре — он был хорош. Валерий фланирует по улицам в бриллиантовых пуговицах с видом банкира. Винцент, всегда милый как прежде, так и теперь, тот же хороший чиновник. Лончинского, который наверное еще сидит у тебя, что и я сделал бы, если бы был на его месте, я видел на следующий же день после его приезда в Варшаву, о чем он вероятно и рассказал тебе. Барон высиживает каденцию; он живет у Конти, и после его возвращения я видел его только раз. Его матери все еще очень плохо, я знаю это от него. Кастеллана я видел вчера, мы говорили с ним о тебе. Карл наверное уж уехал, он должен был вернуться в свои имения.

Нынче дают Гамлета, я иду на него. Вчера панна Риволи, новая Krowa [1]), выступила в роли Олеси Прушак в „Les premiers amours“, переведенных Гашинским. Твою роль Нивинский играет хорошо, роль Костуся играет Ясинский лучше Костуся, мою — играет Шимановский (почти также, как я) страшно далеко от Героха, а Кратцер во всю свою жизнь не мог бы выдумать лучшего средства для изгнания крыс. Кухарский же напротив, c'est du Cherubini [2]). Я спешу, потому что сам понесу письмо на почту, чтобы оно, бедняжка, не осталось, как его братец, дома. На будущей неделе я опять не смогу удержаться, чтобы не выбранить тебя за то, что я вынужден был бы написать сегодня — а затем довольно. Я не хочу от тебя ничего, даже рукопожатия; ты мне уж опротивел навеки, исчадие ада! — Поцелуй меня.

Ф. Шопен.

Если для меня есть какие-нибудь письма, перешли их. Прости меня за написанное, потому что нынче я еще глупее обыкновенного. Папа, мама и сестрички все очень тебе кланяются.

[1]) Насмешка над актрисой (Krowa — по-польски: корова).

[2]) Достоин Керубини. Все это мало понятно: очевидно — воспоминание о каком-то любительском спектакле.

(59) **44. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, вторник, 31 августа 1830.

Дражайший Тичио!

Твое письмо уж потому было мне нужно, что у меня прошел насморк, когда я его получил. Если бы оба мои письма могли произвести такое же благотворное действие! Если бы после их чтения могли исчезнуть фальшь и хитрость, как бы это меня обрадовало! Что же касается настоящего письма, то я уверен, что такого действия оно не произведет, а пожалуй подстрекнет, как мне кажется, на новые проступки и возбудит гнев в некоем львином сердце. И хорошо еще, что я на расстоянии сорока миль, а то весь ужас мести тотчас обрушился бы на меня. Вина велика, но все-таки мила сердцу виноватого.

Я все еще в Варшаве и так как я тебя люблю, меня ничто не тянет за границу. Можешь мне верить, что на будущей неделе, т. е. в сентябре (так как завтра первое) я уезжаю, но я уезжаю только по требованию своего призвания и рассудка (который повидимому очень ничтожен, если не имеет достаточно сил, чтобы уничтожить в моей голове все остальное). От'езд приближается, вот почему на этой неделе я хочу уже попробовать с квартетом весь концерт, чтобы сначала квартет мог со мною сговориться и немножко освоиться, без чего, как говорит Эльснер, оркестровая репетиция не пойдет сразу на лад. Линовский переписывает, сломя голову, и уже начал „рондо“.

В прошлое воскресенье я пробовал трио; не знаю, может быть потому, что давно его не слыхал, но я остался собой немножко доволен (счастливый человек!). Однако, мне пришла при этом в голову мысль заменить скрипку альтом, потому что у скрипки ярче всего звучит квинта [1]), которая у меня очень мало использована. Альт будет звучать сильнее по отношению к виолончели, партия которой написана в свойственном ей регистре; так и следует напечатать [2]). Это обо мне. Теперь о других музыкантах, хотя ты наверное скажешь, что я и здесь воздержался от преподанных мне тобою прописей эгоизма.

К прошлой субботе Солива подучил Волкову, которая своим кокетством, своей хорошей игрой и своими очень хорошенькими глазками и зубками очаровала все кресла и партер. Она была так красива, как ни одна из наших актрис, но в первом акте я все-таки не мог узнать ее голоса. Она вышла роскошно одетая, прогуливаясь по берегу моря, с лорнеткой в руках, стреляла глазами вокруг и двигалась по сцене с таким вкусом, что никто бы не поверил, что это дебютантка. Но несмотря на сильные аплодисменты и вызовы, она так испугалась, что я ее узнал только во втором акте в арии, спетой да-

[1]) Верхняя струна скрипки.

[2]) Этой переработки трио Шопен не сделал.

леко не так хорошо, как на втором представлении третьего дня, когда и первый акт также прошел иначе. Что же касается пения, то Гладковска стоит без сравнения выше, и я, увидав Волкову на сцене, не ожидал такой большой разницы. Мы с Эрнеманом решили, что она не будет второй Гладковской в отношении чистоты интонации и искренности чувства на сцене. С Волковой иногда случается, что она детонирует, между тем, как та, которую я только что два раза слышал в Анеле, не взяла ни одной сомнительной нотки. Когда я недавно их видел, я им передал твои комплименты, за которые они просили очень тебя благодарить.

Волкову принимали, как мне говорил Целинский, более блестяще, чем другую, что не по вкусу итальянцу [1]), так как вчера он сказал мне, что не желает, чтобы эта нравилась больше другой, но что он видит, что все-таки так будет. Однако, это следует приписать „Турку“ или скорее Россини, чья музыка производит на нашу публику, и без того уже очарованную туалетом молодой девушки и тем, что под туалетом, более сильное впечатление, чем все жалобы „несчастной дочери“ и красивейшие экстазы Паэра. Гладковска скоро выступит в „Сороке“. Это „скоро“ наступит верно только тогда, когда я буду уже по ту сторону границы. В то время ты уж верно будешь в Варшаве и сообщишь мне свое мнение. Третья ее роль будет в „Весталке“. А что будет играть Волкова, я не знаю. Недавно я был также во второй раз в лагере у генерала Шембека. Ты ведь знаешь, что он всегда живет в Сохачеве и условился с Михаилом, что тот привезет меня к нему. Однако, когда этого не случилось, он прислал ко мне своего адьютанта Чайковского, брата той панны Чайковской, которая играет и млеет, и он привез меня туда. Шембек очень музыкален, хорошо играет на скрипке, когда-то учился у Роде и заядлый паганинист, следовательно принадлежит к касте хороших музыкантов. Он заставил играть свою капеллу, которая упражнялась все утро, и я услышал чудесные вещи. Все это на так называемых бюгельгорнах. Ты едва поверишь, что они играют хроматические гаммы так быстро, как только возможно, делая при этом diminuendo вниз. Я не мог не похвалить солиста; бедняжка, как видно, недолго сможет служить, потому что у него вид чахоточного, хотя он еще довольно молод. Я был поражен, когда услышал каватину из „Немой“, исполненную на этих трубах с наивозможной аккуратностью и оттенками. У него в лагере есть фортепиано, не знаю откуда, и, честное слово, он меня понял, а не притворялся. Adagio произвело на него самое большое впечатление; он не давал мне покоя, так что я опоздал на „Турка“.

Кстати, в одной берлинской газете есть очень глупая статья о музыке в Варшаве. Сначала в ней идет речь об „Анеле“, которую

[1]) Соливе.

справедливо хвалят, как за пение и чувство, так и за игру, но потом далее говорится: „Эта молодая артистка вышла из института, основанного под руководством г.г. Эльснера и Соливы. Первый из них, профессор теории композиции, выпустил многих учеников, между которыми Орловский, Шопен и др., которые со временем смогут себя проявить и т. д., и т. д. Чорт возьми такого товарища! „On vous a joliment collé“, сказал мне со своими красными глазами хладнокровный Буке, а Эрнеман прибавил, что я должен почесть за счастье фигурировать на втором месте. В статье ничего более не говорится об этих учениках, и сейчас же вслед за этим она оканчивается так: „что же касается разбора творений г.г. Эльснера, Соливы и Курпинского, то мы это откладываем до другого раза“. Совершеннейшая глупость какого-то варшавского умника.

Я чуть было не забыл о Ринальди, — пришли мне ради бога с Лончинским, или как-нибудь иначе, эту книгу, а то итальянец не даст мне покоя. Чорт возьми! — покидая потуржинское государство [1]), я позабыл об этой книге.

Костусь, как мне сказал старый Прушак, в будущем месяце будет с Кимелем в Вене, потом в Дрездене присоединится к своей матери и с ней вернется в Варшаву, а Губе тем временем будет порхать по Италии. У меня даже голова начинает болеть, как я вспомню об Италии; мне кажется, что... [2])

Но довольно этих глупостей! прости меня, милый, что я, как всегда, написал тебе сам не знаю что, но у тебя достаточно доходов с твоей гречихи, чтобы заплатить за письмо даже и тогда, когда оно не содержит ничего другого, кроме кусочка бумаги из моих рук и с моей подписью, а этой подписью я готов скрепить за тебя адский договор. Вчера я видел Винцента Скаржинского. Он любит тебя и очень о тебе справлялся. Все мне говорят об Олесе и никто об некоей известной особе. А меня радует, что тайна погребена в моем сердце и что во мне конец того, начало чего в тебе. Радуйся и ты, что в эту бездну, как в свое второе „я“, ты можешь бросать без опасения все, т. к. дух твой уже с давних пор покоится там на самом дне. Я храню твои письма, как ленточку от возлюбленной. У меня есть такая ленточка. Напиши мне, а через восемь дней я опять буду с тобою нежничать.

Навсегда твой *Ф. Шопен.*

От моих родителей и сестер сердечный привет. Людвика благодарит тебя за поздравление, которое я ей прочитал. Живный просит тебя обнять, знакомые, как Макс, Солива и т. д. шлют поклоны.

[1]) Потуржин — имение Войцеховского.
[2]) Эти точки в польском оригинале.

Мне жаль еще расстаться с письмом. Представь себе, панна Ф. непременно хочет, чтобы я занялся ею, учил ее играть на фортепиано и т. д. Отец ничего не имеет против, потому что он уже несколько раз направлял меня к ней; она бывает у меня, но у меня нет к ней никакого аппетита. Бедная девушка должна играть в концертах, а ничего не умеет. Я ей посоветовал Эрнемана, а Эрнеман не захотел и предложил Добржинского.—Он говорит:—она из Литвы и тот из Литвы, так они уж сойдутся.—Это все анекдоты.

(60)

45. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 4 сентября 1830 г.

Дражайший Тичио!

Говорю тебе, лицемер, что на меня нашли приступы ярости более сильные, чем обычно. Я все еще здесь, и у меня нет достаточно решимости, чтобы назначить день от'езда. Мне представляется, что я уезжаю, чтобы навсегда забыть о доме; представляется, что я уезжаю, чтобы умереть, — а как это горько должно быть умереть не там, где жил. Как ужасно будет для меня, вместо родных видеть у своего смертного одра холодного врача или слугу! Ты не поверишь, сколько раз я хотел бы пойти к Ходкевичу, чтобы около тебя искать успокоения. А так, я выхожу из дому, иду на улицу, тоскую и опять возвращаюсь домой—зачем?—затем, чтобы хандрить.

Концерта я еще не пробовал; будь что будет, а до Михайлова дня я расстанусь со всеми своими сокровищами[1]) и буду в Вене осужден на вечные вздохи. Что это за пустые мечты? Ты, который так хорошо знаешь их силу, раз'ясни мне, почему человеку кажется, что „завтра“ будет лучше, чем „нынче“? Не будь глуп, — вот все, что я в состоянии себе ответить. Если ты знаешь другое, сообщи мне.

Орловский в Париже; Норблин обещал достать ему к Новому году место при театре des Varietés. Le Sueur принял его хорошо и обещал подумать о его музыкальном образовании. Коллега пойдет далеко, если ему захочется.

Мои планы на зиму таковы: я пробуду два месяца в Вене, а потом в Италию, чтобы провести зиму в Милане. Письма я буду получать. Третьего дня панна Мориоль вернулась с вод. Людвиг Рембелинский в Варшаве; я его видел у Лурса, где вместе с Эрнеманом попал на диспут об „Турке“ и „Агнесе“ итальянца и поляка.

Солива все дирижирует операми, в которых выступают его ученицы. Мало-по-малу, ты увидишь, он оседлает Курпинского; у него

[1]) Намек на Констанцию Гладковску.

уже одна нога в стремени, и его подпирает храбрый, бородатый кавалерист[1]). Осинский тоже на его стороне.

Пальстет видел Раставецкую за несколько дней до ее смерти и говорил, что она сознавала свое положение. Пани Пальстет просила тебе передать, что она сердится на тебя за то, что ты меня силой не привез в Телятин. Для людей, любящих пикироваться с кем-нибудь одним, эти женские шпильки тем несноснее, чем старше женщина, от которой они исходят.

Нынче в театре поют альпийские певцы вроде тех тирольцев, что были здесь два года назад — ты наверное помнишь. Грессер сказал мне, что они хуже, а „Курьер Варшавский“ утверждает, что они лучше тех. Нынче я не пойду туда; я предпочитаю послушать их в среду в клубе дворца Мнишек. Будет большой вечер, и они там будут петь в саду. Скаржинский сказал мне, что они проиграли процесс, возникший между двумя половинами клуба, т. е. между Зейдлером, Закржевским и т. д. и Штейнкеллером, Желязовским и т. д., но они однако подают аппеляцию. Они — медовые (потому что живут на Медовой улице), а Штейнкеллеровцы называются мнишковцами. Это раз'яснение было необходимо, чтобы об'яснить тебе, что проиграли медовые, хотя и неправильно.

Бухгольц доканчивает свой инструмент à la Streicher; на нем хорошо играть, и он лучше, чем его венские инструменты, но ему еще далеко до венских инструментов из Вены.

Нынче я ничем не заканчиваю своего письма, даже еще хуже, чем ничем, потому что тем, что я написал, а это оттого, что уже половина двенадцатого, а я сижу неодетый и пишу, в то время, как меня ждет Мориолка, потом к Долинскому на обед, а позже я обещал быть у Магнушевского. Итак, у меня не было бы до 4-х часов достаточно времени, чтобы вернуться домой и дописать до конца эту четвертушку, над пустотой которой я болею и страдаю, но не могу ничего поделать. В нынешнем письме я не должен увлекаться, иначе, если бы я дал себе полную волю, Мориолка не увидела бы меня нынче, а я люблю доставлять честным людям удовольствие, когда я убежден в их расположении. Я еще у нее не был после моего возвращения и, признаюсь тебе, что я часто на нее сваливаю причину моего горя, чему повидимому верят, так что внешне я спокоен. Отец посмеивается, а как бы не заплакал. И я смеюсь, но только снаружи.

Мы уезжаем, мой милый, в Италию; целый месяц, считая с нынешнего дня, ты уже не получишь писем из Варшавы, и ниоткуда не получишь и ничего обо мне не узнаешь до тех пор, пока мы не увидимся. Вся эта чепуха и вздор—единственное, на что я способен, но

[1]) Генерал Ружнецкий, в то время председатель дирекции национального театра в Варшаве.

и с тобой будет тоже, когда ты двинешься с места. Я дождусь тебя. Я буду получать письма: „тут я кончаю мельницу, там сооружаю винокурню, тут шерсть, там овцы, наконец наступает второй посев“, однако тебя будут задерживать ни мельница, ни винокурня, ни шерсть, а нечто совсем другое.

Человек всегда недоволен; в этой жизни ему дано, может быть, только несколько радостных мгновений; поэтому зачем же я буду лишать себя этих иллюзий, которые и без того недолговечны? Насколько, с одной стороны, я признаю общественные обязанности священными, настолько, с другой, я утверждаю, что они являются дьявольским изобретением, и было бы лучше, если бы на этом свете люди совсем не знали ни денег, ни пирожного, ни башмаков, ни шляп, ни бифштексов, ни блинчиков и т. д. Это уж наихудшее из моих размышлений; я знаю, что ты того же мнения и предпочел бы не знать всего этого. Иду умываться,—не целуй меня сейчас, потому что я еще не умывался. Но даже если я набальзамируюсь византийскими маслами, то и тогда ты меня не поцелуешь, если я не буду тебя к этому принуждать внушением. В природе есть какая-то сила.—Нынче тебе приснится, что ты меня целуешь! Я должен отплатить тебе за отвратительный сон, который ты мне причинил нынче ночью.

Ф. Шопен, постоянный любитель хитрых перевоплощений.

A propos: напиши мне и не забудь про Ринальди. Больше ничего. Папа и мама шлют тебе лучшие приветствия. Дети нарочно пришли вниз, чтобы я об них не забыл; ты пожалуйста напиши, что я забыл передать от них поклон. Живный всегда напоминает мне про свой поклон. Итальянец Солива спрашивал меня, когда ты будешь в Варшаве и крепко тебе кланяется. Пани Линде в Данциге. Твоей сестры я не видел в Варшаве. Пани Платер вернулась.

(61)

46. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 18 сентября 1830 г.

Жизнь моя дорогая! Отвратительный притворщик!

Ужасный, противный граф Ори! Абелар и т. д.

Я не знаю почему, только мне хорошо, и отец с матерью довольны этим. Я получил через Павловского и письмо и книгу; ты не мог лучше сделать, чем послать эту книгу, а то итальянец на улице не давал мне проходу. В прошлую среду я пробовал свой концерт с квартетом. Я им был не вполне доволен. Говорят, что последняя часть самая лучшая (потому, что самая понятная). Как выйдет с оркестром, я напишу тебе на будущей неделе, потому что я его попробую в эту среду. Завтра я еще раз хочу попробовать с квартетом. После репети-

ции я уеду, но куда? Собственно меня никуда ничто не тянет. В Варшаве я все-таки не думаю оставаться, и если ты имеешь какие-нибудь любовные подозрения, как и многие в Варшаве, то отбрось их и — убедись, что я сумел бы быть выше этого там, где дело касается моего „я“, и если бы я был страстно влюблен, то еще в течение нескольких лет смог бы скрывать свой бессильный и жалкий пыл. Суди как хочешь, но письмо, которое я передаю тебе через графа — я недавно встретил его на Подвале и он обещал осчастливить наш порог своей корпулентной фигуркой — раз'яснит тебе дело самым лучшим образом.

Я бы не хотел ехать вместе с тобой. Я не преувеличиваю, но при всей моей любви к тебе, прекрасное мгновенье, когда мы с тобой в первый раз обнялись бы за границей, исчезло бы среди тысяч однообразно проведенных дней! Я уж не мог бы тебя ожидать, не мог бы тебя принять, не мог бы разглагольствовать так, как это бывает тогда, когда радость преградит доступ всем холодным, натянутым выражениям, а сердца разговаривают друг с другом на божественном языке. Божественный язык! Что за неудачное выражение, вроде как божественный пуп, или божественная печенка. Это ужасно материально-отвратительно. Но вернемся к тому моменту, когда я тебя там увижу. Тогда я пожалуй не выдержу больше и проболтаюсь о том, о чем я всегда мечтаю,— что я вечно имею перед глазами, что, не переставая, слышу и что доставляет мне высшее блаженство и глубочайшую на свете печаль! Не думай однако, что я влюблен, потому что это я себе откладываю на после.

Я начал полонез с оркестром, но он едва начат. Почин есть, а „начала“ еще нет. О Каминском я составил себе другое мнение чем то, которое я получил во время моего пребывания в деревне. Об этом ты тоже подробнее узнаешь от Павловского. Нынче я пишу тебе поэтому anticipando [заранее], чтобы тебя успокоить, что я не уеду раньше Михайлова дня. Это самый важный пункт. Я вижу, как ты бросаешь мое письмо и краснеешь от злости. Случается, братец, не то, чего мы хотим, а то, что мы можем. Не думай также, что меня задерживают карманные причины. Меня задерживают аргументы не очень важные, имеющие однако настолько значения, чтобы на что-нибудь пригодиться, существующие по милости божьей; но не стоит об этом беспокоиться. Итак, не легко бороться против заслуженного в берлинской газете места; к счастью, все-таки „Венская газета“ написала в своей рецензии нечто другое о моих варьяциях и обо мне. Коротко, но все-таки так содержательно, возвышенно, глубоко и притом так философски, что перевести этого нельзя. Статья кончается тем, что эти варьяции, кроме внешней прелести, обладают еще и внутренними достоинствами, которые останутся навсегда. Немец написал мне комплимент, я его поблагодарю, когда увижу. Однако нет ничего преувеличенного—

так, как мне хотелось бы, — потому что там признается моя самостоятельность. Я бы не распространялся так подробно о себе, если бы это был не ты, но так как ты меня интересуешь, то и я бы хотел тебя интересовать, вот я и расхвастался, как купцы, набрасывающиеся со своим товаром. Второе место после Орловского для меня ни много, ни мало.

Нынче в первый раз идет его новый балет с чрезвычайными машинами пана Лебенье. Возвещаются приключения. Вчера я был на именинах у толстого Цихоцкого. Я играл квинтет Шпора для фортепиано, кларнета, фагота, валторны и флейты [1]). Прекрасный. Но для пальцев ужасен. Все, что Шпор написал специально для фортепиано, как виртуозные вещи, невыносимо трудно, и часто невозможно найти аппликатуру. Этот квинтет должен был исполняться в 7 часов, а мы начали его только в 11. Ты удивляешься, как я не заснул? Но там была такая хорошенькая панна, которая живо напомнила мне мой идеал. Представь себе, я там сидел до трех часов. Квинтет оттого начался так поздно, что репетиция балета продолжалась до 11 часов. Отсюда ты сообразишь, какой это огромный балет. Придется им пошаркать сегодня!

Вчера я написал Бартеку в Лондон. Антось Водзинский вернулся из Вены. Я еду туда наверное, только не могу еще назначить дня. Через неделю я должен был бы уже ехать с краковским дилижансом в Вену, однако я это бросил. Я знаю, что ты считаешь меня в этом отношении совершенно твердым. Пожалуйста будь только уверен, что и я тоже думаю о своем благе и ей богу пожертвую для него всем, что делается для света. Для света! т. е. для людских очей, чтобы общественное мнение, которое у нас много значит, никогда не содействовало моему внутреннему несчастью, а только внешнему; потому что люди часто называют несчастьем дырявый сюртук, старую шляпу и тому подобные вещи. Когда мне нечего будет есть, ты должен будешь взять меня писцом в Потуржин; я там буду жить около конюшни так же хорошо, как в прошлом году у тебя в замке. Покуда я здоров, буду работать всю свою жизнь. Я уж много раз думал о том, неужели же я действительно лентяй, или же я должен больше работать, чем позволяют мне мои физические силы? Без шуток, я убедился, что я еще не один из последних негодяев, и что если это необходимо, я в состоянии работать вдвое больше, чем я работаю теперь. Ты конечно согласишься, что ничто не обличает меня перед тобой, больше чем то, что я стараюсь оправдаться. Напрасно, я знаю, что я тебя люблю и хотел бы, чтобы и ты меня любил всегда и все больше и больше, поэтому-то я и намарал столько. Часто, желая сделаться лучше, становишься только хуже. Но я думаю, что для тебя я не могу быть ни

[1]) Такая последовательность дана у Шопена.

лучше, ни хуже, чем я есть. Симпатия, которую я к тебе питаю, сверхъестественным образом принуждает твое сердце к такому же чувству симпатии по отношению ко мне. Ты не господин своих мнений, я же господин моих и не позволю покинуть себя, как деревья, которые дают лишить себя зелени, составляющей признак их свежести и жизни. У меня будет и зимой также зелено. Зелено в голове; в сердце же, ей богу, — величайший жар; поэтому нечего и удивляться, что такая растительность. Довольно! Поцелуй напоследок меня. Навсегда твой

Ф. Шопен.

Теперь только я вижу, сколько вздору я тебе наболтал. Видно вчерашние впечатления и то, что я еще не выспался, оказывают свое действие; прости также мою усталость, я ведь танцовал мазурку. Папа и мама крепко тебя обнимают. Дети также. Людвика немножко нездорова; надо надеяться, что ей станет лучше.

Я встретил президента, который радуется приезду графа и передаст тебе через него письма, или пакеты, или еще что-то из Данцига. Валерий — всегда Валерий. У него умерла соседка, панна Колюбакина. Винцент здоров, очарователен. Костусь кажется со всеми в Дрездене.

Приехала Соколовская. Она все еще больна. Твои письма у меня на сердце рядом с ленточкой [1]), и хотя они между собой и не знакомы, но все-таки чувствуют (эти мертвые вещи), что они получены из знакомых рук.

(62) **47. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 22 сентября 1830 г. [в среду утром].

Жизнь моя дорогая!

С оказией мне легче тебе об'яснить, почему я еще здесь. Отец действительно не желал, чтобы я уехал недели две назад, из-за беспорядков, царящих во всей Германии, не считая рейнских провинций, Саксонии, где у них уже новый король, Брауншвейга, Касселя, Дармштадта и т. д. Было слышно, что и в Вене начались волнения нескольких тысяч человек из-за муки. Причем тут мука я не знаю, а что было что-то, это я знаю. В Тироле тоже восстание. В Италии брожение и, как мне говорила Мориоль, оттуда ждут каждую минуту каких-то новых в этом отношении известий. Я еще не брал паспорта, но говорят, что я получу его только в Австрию или Пруссию. Об Италии и Франции нечего и думать. Я знаю также, что некоторым лицам вообще отказали в паспорте, чего конечно со мной не случится.

[1]) Ленточка принадлежала певице Гладковской.

Итак, наверное через несколько недель я поеду в Вену через Краков, потому что там снова обо мне вспомнили, а это как раз и надо использовать. Не удивляйся поэтому ни мне, ни моим родителям. Вот и вся история.

Вчера у меня был Павловский; завтра рано утром он уезжает, и поэтому я пробую нынче свой второй концерт с полным оркестром за исключением труб и литавр и, чтобы тебе сделать удовольствие, я пригласил его на репетицию. Пусть он тебе тоже расскажет. Я знаю, что в этом отношении тебя интересуют малейшие подробности. Жаль мне, что тебя нет, потому что я должен буду судить о концерте по мнению Эрнемана. Будут и Курпинский, и Солива, и весь лучший музыкальный мир. Но, за исключением одного Эльснера, я не очень верю всем этим господам. Мне любопытно, как посмотрит итальянец на дирижера, Чапек на Кесслера, Филипп на Добржинского, Мальсдорф на Качинского, Леду на Солтыка и Павловский на всех остальных. Еще не приходилось видеть всех этих господ, собранных в одном месте. Мне это удастся сделать, и я это делаю как диковину!

Из дипломатических новостей самая последняя та, что Mr. Дюран, бывший французский консул, протестовавший против Филиппа и хотевший поступить на русскую службу, отозван назад во Францию, а на его место вчера уже приехал новый трехцветный консул, имени которого еще не знают даже дипломаты.— Есть тут также новый бас, пан Бондасевич, который уже два раза в „Турке“ и в „Цирульнике“ неудачно заменял Щуровского и оказался негодным. Кроме неплохого голоса, он не обладает ни малейшими достоинствами. Он поет довольно чисто, что одно только и могло побудить дирижера позволить ему выступить на первой польской сцене. Представь себе, что этот пан Бондасевич, которого наша публика уж окрестила в Бринда, Банда и Бомбасевича, в провинции когда-то приводил публику в восторг. Но у нас он до того плох, что все темпы должны быть замедлены, иначе он не поспевает. Может быть он еще разовьется, потому что не стар. Щуровский был болен, поэтому он и заменял его. Хорошо, что Щуровский уже выздоровел и сможет в воскресенье выступить в „Эльстер“ [1]), в которой под управлением Курпинского панна Гладковска будет петь Анусю или там кого-то еще. Все-таки это не помешает итальянцу занять через несколько лет место дирижера, потому что Курпинзио [2]) добивается места в Петербурге (секретно сделанное мне сообщение). После выступления панны Гладковской в „Сороке“ панна Волкова выступит в „Цирульнике“, чего я наверное уж не услышу. Не знал ли ты Войцицкого? Ты его не знал, поэтому я ничего тебе об нем не напишу.

[1]) „Сорока-воровка“ Россини.
[2]) Курпинский.

Я уже окончил второй концерт и все-таки точно такой же дурак как до знакомства с клавишами. Это очень оригинально; в конце концов я не буду уж в состоянии учиться. Жаль, что я должен писать в такой день, когда не могу собрать мыслей. Когда я думаю о себе, то мне становится грустно от того, как часто я теряю присутствие духа. Если у меня что-нибудь перед глазами, что меня интересует, то меня могут раздавить лошади, и я не замечу, что недавно на улице чуть было со мной и не случилось. В воскресенье в церкви, пораженный неожиданно брошенным на меня взглядом, как раз в момент какого-то приятного оцепенения, я поспешил вон на улицу и четверть часа не знал, что со мной делается; встретивши доктора Париса и не зная, как ему об'яснить свое замешательство, я должен был свалить на собаку, которая яко бы залезла мне под ноги и через которую я перешагнул. Иногда я бываю таким сумасшедшим, что просто ужас!

Я бы хотел послать тебе несколько своих глупых вещей, но не знаю, будет ли у меня нынче время их списать.

Итальянец Ринальди доволен и благодарит тебя за присылку книги. Он говорил мне, что Безобразов берет у него уроки, но ничего не учит, а только платит; я ручаюсь за то, что это первый шаг к панне Волковой. Новый балет Орловского, что касается музыки, действительно очень хорош, в нем много красивых мест. Монтировка необычайно сложна, поэтому удается не всегда. В первый раз шло хуже всего, во второй лучше, о третьем ничего не знаю, но так как присутствовал князь, то должно было итти хорошо. Последняя декорация самая лучшая. Все-таки слишком много шаркают ногами. Продолжается это ужасно долго, оканчивается в половине одинадцатого.

За мое нынешнее письмо сердечно прошу у тебя прощения, но другого ты не можешь от меня получить. Нынче у меня праздник. Сегодня начало университета и кроме того я должен еще бегать всюду, чтобы обеспечить себе присутствие Эльснера и Белявского, пульты и сурдины, о которых вчера я совершенно забыл. Без сурдин Adagio, успех которого, как мне кажется, и без того не может быть велик, провалилось бы совершенно. Рондо эффектно, Allegro мощно. О, проклятое самолюбие! Но если кто-нибудь виноват в моем самомнении, так это ты, эгоист. Скажи мне, с кем ты знаком, я тебе скажу, кто ты. Я тебе не подражаю еще в одном отношении: в быстром принятии решений, — однако у меня есть доброе намерение уехать украдкой, никому не говоря ни слова, через восемь дней, считая от субботы, без пощады, несмотря ни на какие ламентации, слезы и жалобы и паданья мне в ноги. Ноты в узелок, ленточку на сердце, сердце в руки — и в дилижанс! Слезы посыплятся, как горох, со всех сторон города в длину и ширину, от Коперника до Здроев, от Бранека до короля Сигизмунда. Я же буду холоден и бесчувствен, как камень, и буду смеяться над бедными детьми, которые станут так трогательно со мной прощаться. Я слишком

часто прибегаю к утешительным словам, но это только нынче. Не будь ты так далеко, далеко, где-то там за Грубешовым, я бы приказал тебе приехать сюда, и я знаю, что ты любишь (хотя бы только в искупление за свои остальные огромные прегрешения) доставлять радость другим людям, даже когда ты их терпеть не можешь... Если бы я мог как-нибудь тебя порадовать, то я бы это сделал, только поверь мне, что для этого нет лекарств здесь, а только в Вене. Ты живешь, чувствуешь, тобой живут, тебя чувствуют и поэтому ты несчастливо-счастливый. Я понимаю тебя, проникаю в твою душу — однако обнимемся, так как большего сказать невозможно.

Ф. Шопен.

Родители обнимают тебя. Сестры и братья тебя обнимают. Поцелуй меня еще.

[Приписка на последней странице, относящаяся к приложенной печати:]

Нехорошо у меня вышло. Поэтому я должен положить письмо в конверт. Прости, что я такая свинья, entre nous soit dit [1]), — но ей богу, я прошу у тебя прощенья. Только уж ты не сердись. Нынче я опять узнал, что в Берлине новые беспорядки.

(63)

48. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Варшава, 5 октября 1830 г.
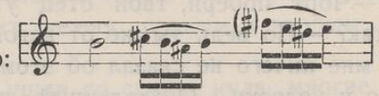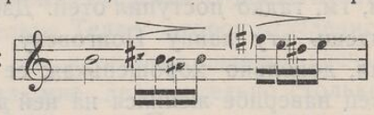
Дорогая жизнь моя!

Мне нужно было твое письмо, чтобы я мог спокойно жить; не поверишь, как мне наскучила эта проклятая, но естественная путаница. После оркестровой пробы второго концерта было решено сыграть его публично, и в будущий понедельник, т. е. 11-го этого месяца я с ним выступлю. Насколько, с одной стороны, я этому не рад, настолько, с другой, мне любопытно, какой он произведет эффект в целом. Рондо, я думаю, на всех произведет впечатление. Об этом именно „рондо“ Солива мне сказал: „il vous fait beaucoup d'honneur“ [2]). Курпинский говорил об оригинальности, Эльснер о ритме. Однако, чтобы избежать (так как я могу устроить действительно прекрасный вечер) этих несчастных кларнетов или фаготов между отдельными номерами фортепиано, в первом отделении будет петь Гладковска, а во втором Волкова. Мы исполним увертюру к „Вильгельму Теллю“ [3]), а не обычно играемые к Лешке и Лодоиске. Ты не поверишь, сколько у меня было хлопот, прежде чем дамы получили разрешение петь. Итальянец согласился очень охотно, выше же мне сказали, что надо итти к самому Мостовскому, который дал разрешение очень охотно, так как ему это

[1]) Между нами будь сказано.
[2]) Оно делает вам много чести.
[3]) Опера Россини.

совершенно безразлично. Что они будут петь, я еще не знаю; итальянец мне сообщил только, что к одной из арий необходимы хоры.

„Сорока“ исполнялась только два раза. На первом представлении Гладковска немного боялась и не так хорошо спела первую каватину, как на втором.

Она восхитительна, когда поет это: ; она это делает не так коротко, как Майер, а протяжно, так что это не быстрое группето, а хорошо спетые восемь нот: .

В последнем акте после траурного марша была прибавлена или скорее вставлена молитва из Россиньевского „Магомета“, которая очень хорошо подходит к ее голосу, потому что та, что была в „Сороке“, слишком ей высока. Это отчет об опере. Теперь Волкова учит „Цирульника“, а потом „Итальянскую оперу на пути“ [1]), где обе должны петь дуэт, почему Солива и не хотел, чтобы они пели дуэт в моем концерте. Играть я буду на инструменте, который мне не хотела тогда дать Belleville. Самое большее через неделю после концерта меня уж не будет в Варшаве. Дорожный чемодан уже куплен, все приданое уже готово, партитуры исправлены, носовые платки подрублены, новые брюки сделаны. Остается еще прощание, а это самое неприятное. Горе тому, с кем ты близок. Моим родителям и детям также; милые дети, давно их ничто так не радовало, как твои братские поклоны, которые я им передал из твоего письма. Нынче я тебе напишу мало, потому что я должен еще утром сходить к Эрнеману и за хоровыми партиями для Кратцера, если он захочет их для меня выучить, так как я знаю, что он меня терпеть не может. Новость: старый Гурский, гм, гм, женился на панне Понговской, но так, что никто из его семьи ничего об этом не знал. Представь себе, сын был у него, когда он собирался ехать на венчание в Беляны и просил его, чтобы тот взял его с собой на прогулку (не подозревая, что его отец en qualité [2]) „жениха“ садился в экипаж). Отец только тем от него и отделался, что дал ему билет в кресла на „Прециозу“, а сам в это время нацеливался на дичь. На следующий день были у него Владзио с Винцентом Скаржинским, чтобы поздравить его со днем ангела; им казалось странным, что отец как-то смущен и каждую минуту смотрит в окно, но так как старый Понговский остановился в том же отеле, а Гурский должен был садиться в экипаж, то сын подумал, что тот в'езжает в отель на его место и не удивился, когда при выходе встретил входящими в комнату

[1]) „Итальянская опера на пути“, опера Фиораванти, либретто Пикарда, первое исполнение которой в Варшаве было в 1817 году.
[2]) В качестве.

панну Понговску (уже свою мачеху) с ее матерью. Оттуда, простившись с отцом, который, все еще смущенный, быстро его спровадил, он отправился к приехавшему ночью Дзеконскому. Войдя, он здоровается с отчимом [1]), который начинает с того, что не выспался. „Почему?"—Чорт побери, твой отец утащил на свадьбу все матрацы!—„Как так?"—Но ведь ты же от него?—„Да быть этого не может, чтобы он мне ничего не сказал об этом!"—Тогда спроси лакея, который остался у коляски.—Опечаленный вернулся сын обратно, узнав как, гм, гм, гадко поступил отец. Дзеконска ничего об этом не знает. Ты знаешь эту панну Понговску, видел ее у пани Прушак, она маленькая, довольно хорошенькая; ее всегда дразнили молодым Гурским, и отец наверное женился на ней для сына. Ксендз Декерт (которого ты знаешь) совершал обряд венчания.

Губе в Италии. Новаковский в Белостоке, чтобы поразнюхать, что там делается, так как там может случиться для него место; я надеюсь, что он не вернется. Актер Новаковский ангажирован в Краков. Жаль. Но мне говорил Дмушевский, что они не могли его оставить, так как он поставил ужасные условия. И первое, — чтобы играла его жена, которая ничего не может. Сейчас я иду к старому Прушаку, раньше еще, чем к Эрнеману; у меня к нему очень важное дело, которое касается только их; писать тебе об этом я не могу, так как дело особенное, не неблагопристойное, а скорее щекотливое. Я знаю, что он хорошо меня примет. Поцелуй меня, мой дорогой и милый, я убежден, что ты меня еще любишь, а все-таки боюсь тебя всегда, как какого-то своего тирана, не знаю почему, но я тебя боюсь. Ей богу, только ты имеешь власть надо мной, ты и... никто больше,— может быть это последнее письмо, что я тебе пишу.

До смерти твой *Ф. Шопен.*

Дети, родители, Живный [кланяются].

Скаржинский постоянно справляется у меня о тебе. A propos, les demoiselles du Conservatoire [2]) уж давно велели тебе кланяться. Гладковска и Волкова останутся еще год в руках Соливы; они мне признались, что он им уж надоел.

(64) **49. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Варшава, 12 октября 1830.

Моя драгоценнейшая жизнь!

Вчерашний концерт удался, спешу тебе это сообщить. Скажу вашей милости, что я совсем не боялся и играл так, как будто был

[1]) Дзеконска—первая жена Гурского, мать молодого Гурского.
[2]) Консерваторки.

один, и было хорошо. Полная зала. Сначала симфония Гёрнера. Потом моя милость с Allegro e-moll, которое на Штрейхеровском инструменте вышло, как по маслу. Апплодисменты были бурные. Солива доволен; он дирижировал своей арией с хором, которую хорошо спела панна Волкова, одетая в голубое, как ангелочек. После этой арии следовали Adagio и Rondo, а за ними антракт между первым и вторым отделениями.

Когда вернулись из буфета и ушли со сцены, куда многие приходили, чтобы сообщить мне благоприятные сведения о достигнутом эффекте, началось увертюрой из „Вильгельма Телля" второе отделение. Солива хорошо ею продирижировал, и она произвела сильное впечатление. На этот раз итальянец показал мне действительно столько сочувствия, что право трудно его отблагодарить. Потом он дирижировал арией, спетой панной Гладковской, которая была очаровательно и к лицу одета в белое с розами на голове и так исполнила каватину с речитативом из „La donna del Lago", как она еще ничего до сих пор не пела, кроме арии из „Агнесы". Знаешь это: „oh quante lagrime per te versai"? Она так произнесла „tutto detesto" до низкого h, что Зелинский уверял, что одно это h стоит тысячу дукатов! Надо тебе сказать, что эта ария транспонировалась для ее голоса, от чего он сильно выиграл. После того, как панна Гладковска ушла со сцены, мы принялись за „Potpourris" на „Луна зашла" и т. д. [1]). На этот раз я понял себя самого, оркестр понял себя, а партер нас. Только в этот раз последняя мазурка вызвала сильное браво; после нее я был (как обычно) вызван. Ни разу не шикали, и я имел время четыре раза поклониться, но уж по-людски, так как Бранд меня научил. Если бы Солива не взял домой моих партитур, не просмотрел бы их и потом не дирижировал бы так, что я не мог мчаться, сломя голову, я не знаю, что было бы вчера. Но он все время так держал нас всех, что никогда еще, говорю тебе, мне не случалось играть с оркестром так спокойно. Инструмент очень понравился, а панна Волкова еще больше; она со сцены очаровательна. Теперь она выступит в „Цирульнике"; это будет в субботу, если не в четверг.

Я же ни о чем больше не думаю — только об упаковке вещей; в субботу или в среду отправляюсь в путь через Краков. Вчера я узнал, что Винцент может быть поедет в Краков; я должен еще точнее об этом узнать, так как мы могли бы ехать вместе, если он не слишком поздно уезжает. На этих днях я видел в Варшаве Карла; он здоров, весел и сердечно справлялся, когда вы должны встретиться в Люблине. Он ожидал, что, вернувшись, найдет дома письма от тебя. Что касается Костуся, то его отец мне сказал, что он был теперь вместе с Севериным и Кинелем на коронации в Буде, следовательно он еще

[1]) Фантазия на польские темы, op. 13.

не в Париже; однако, они намереваются вернуться в Париж и верно уж находятся в дороге. Я кончаю, жизнь моя, потому что меня ждет пан Ласоцкий, чтобы ехать с ним к Эрнеману и пригласить его давать уроки своей дочери. После—прильну к каше, а пока—к твоим устам.

Ф. Шопен.

Дети, мама, папа, все, Живный обнимают тебя, здоровы.

(65) **50. Шопен своим родным.**

Бреславль, вторник, 9 ноября 1830.

Мои горячо-любимые родители и сестры!

В субботу в 6 часов вечера прибыли мы [1]) сюда самым удобным образом и при прекрасной погоде. Мы остановились в „Золотом гусе“. Мы сейчас же отправились в театр, где давался „Альпийский король“, которого у нас только еще собираются ставить. Партер любовался новыми декорациями, а нас они не удивили. Артисты играли не плохо. Недавно здесь плохо шла опера Обера „Каменьщик и слесарь“. Нынче „Прерванное жертвоприношение“ Винтера; мне любопытно, как оно удастся. У них нет здесь хороших певцов. Театр впрочем очень дешев: место в партере стоит два злотых. На этот раз Бреславль мне больше понравился.

Письмо Совинскому я отдал и едва мог видеть его один раз; вчера он был у нас, но не застал. Мы как раз были в здешнем клубе, куда меня пригласил капельмейстер Шнабель на репетицию назначенного на вечер концерта. Такие концерты устраиваются здесь три раза в неделю. Я застал там, как обычно на репетициях, немногочисленных оркестровых музыкантов, фортепиано и одного исполнителя-любителя, некоего Гельвига, который собирался исполнить первый, Es-dur'ный концерт Мошелеса. Не успел Гельвиг сесть за инструмент, как Шнабель, который не слыхал меня четыре года, попросил меня попробовать рояль. Трудно было отказаться; я сел и сыграл несколько варьяций. Шнабель был необыкновенно рад, Гельвиг струсил, а остальные стали меня просить, чтобы я дал себя послушать вечером. Шнабель в особенности так искренне настаивал, что я не посмел отказать старику. Он большой друг пана Эльснера. Я заявил ему, что сделаю это только для него, потому что, во-первых, я несколько недель не играл, а во-вторых, совсем не думаю публично выступать в Бреславле. Старик возразил мне на это, что все это ему известно, но уже вчера, увидевши меня в костеле, он хотел меня об этом просить, но не смел. Итак, я

[1]) Выехав 2 ноября 1830 г. из Варшавы, Шопен встретился в Калише с Титом Войцеховским и вместе с ним отправился в Вену.

поехал с его сыном за нотами и сыграл им потом романс и рондо из второго концерта. Во время репетиции немцы удивлялись моей игре: „Was für ein leichtes Spiel“! [„какая легкая игра“], говорили они; а про сочинение ни слова. Титусь даже слышал, как один сказал, что „играть может, но не сочинять“. *Nota bene*: недавно за table d'hôte сидел напротив нас какой-то человек очень приятной наружности. Вступив с ним в разговор, я узнал, что он знакомый Шольца в Варшаве и тех других господ, к которым у меня от него письма. Это был купец по имени Шарф, в высшей степени предупредительный; он сопровождал нас по всему Бреславлю и, взявши экипаж, возил по красивейшим местам для прогулок. На следующий день он записал нас в клуб и наконец добыл нам на вчерашний концерт Fremden-Karten [билеты для иностранцев] и прислал нам их перед репетицией. Как должно быть велико было его удивление и удивление тех господ, которые доставили мне билет, когда этот „Fremder“ [иностранец] представлял из себя главную фигуру музыкального вечера. Кроме рондо я еще импровизировал для знатоков на тему из „Немая из Портичи“. В заключение была сыграна увертюра, и после нее начались неуклюжие немецкие прыжки [Skoki]. Шнабель хотел угостить меня ужином, но я ничего не ел кроме чашки бульону.

Я разумеется познакомился с здешним главным органистом паном Кёллером, он обещал мне нынче показать орган. Я познакомился также с каким-то бароном или каким-то чортом по фамилии Нессе или Нейсе, учеником Шпора, который, как говорят, превосходно играет на скрипке. Другой здешний знаток и музыкант, об'ездивший всю Германию, фамилия которого Гессе [1]), также говорил мне комплименты; все же, за исключением Шнабеля, лицо которого действительно светилось от радости, и который каждую минуту брал меня за подбородок и гладил, никто из остальных немцев не знал, что со мной делать. Титусь веселился, глядя на них. Так как у меня нет еще прочной славы, то восхищались и боялись восхищаться; они не знали, действительно ли сочинение хорошо, или это им так только кажется. Один из здешних знатоков подошел ко мне и похвалил новость формы, говоря, что ему еще не приходилось ничего подобного по форме слышать. Я не знаю, кто это был, но он кажется лучше всех меня понял. Шнабель был изысканно предупредителен и даже предоставил в мое распоряжение свой экипаж, но мы все-таки после 9 часов, когда начали танцовать, отправились домой. Я рад, что доставил удовольствие старику.

Какая-то дама, которой после концерта меня представил директор, как первой здешней пианистке, очень меня благодарила за приятный сюрприз и жалела, что я не выступлю публично. Солист для собствен-

[1]) Адольф-Фридрих Гессе (1809—1863), ученик Бернара и Кёллера в Бреславле, хороший виртуоз на органе.

ного утешения жалко исполнил арию Фигаро из „Цирульника“. Вчера много говорили об Эльснере и очень хвалили какую-то его варьяцию с эхом для оркестра. Я сказал, что только прослушав его коронационную мессу, можно сказать, какой он композитор. Здешние немцы ужасны, по крайней мере вчерашнее общество; наш пан Шарф представляет собою исключение.

Завтра в 2 часа едем в Дрезден. Поцелуи! Поцелуи! Поцелуи!

Панам Живному, Эльснеру, Матушинскому, Кольбергу, Марильскому, Витвицкому посылаю сердечный привет.

(66)

51. Шопен своим родным.

Дрезден, 14 ноября 1830 [воскресенье].

Едва мог выбрать минутку, чтобы в нескольких словах сообщить вам о себе. Я только что вернулся с польского обеда, т. е. такого, где находились одни поляки. Они еще остались, а я один вернулся домой писать, потому что почта отходит в 7 часов, а мне хочется нынче еще раз послушать „Немую из Портичи“.

Нам очень не хотелось уезжать из Бреславля; более близкое знакомство с теми людьми, к которым Шольц дал нам письма, сделало приятным наше пребывание в этом городе. А здесь мой первый визит был к панне Пехвель. В пятницу она играла в здешнем клубе и устроила мне туда вход. В тот же вечер в театре давали „Немую“; выбор был труден, но так как за барышней непременно надо было ухаживать, то я и отправился на вечер. Второй важной причиной, повлекшей меня туда, было известие, что на этом вечере должна была петь лучшая здешняя певица по имени Паларецци, итальянка родом. Одевшись получше, я послал за портшезом, уселся в этот достопримечательный ящик и велел нести себя в дом Крейссига, где именно и происходил этот музыкальный вечер. По дороге я смеялся сам над собой, когда меня несли эти носильщики в ливреях. Мне очень хотелось пробить дно портшеза, но я все-таки отказался от этого. В этом экипаже меня внесли даже на лестницу. Вылезши, я велел доложить о себе панне Пехвель; тогда ко мне навстречу вышел с поклонами хозяин дома и проводил меня с большими комплиментами и любезностями в салон, в котором я увидел с обеих сторон пропасть дам, сидящих за восемью огромными столами. Не столько бриллианты, украшавшие этих дам, сколько спицы для вязанья мелькали у меня перед глазами. Кроме шуток, число дам и спиц было так велико, что можно было бояться какого-нибудь восстания против мужчин, которое пришлось бы побороть только с помощью очков и лысин; действительно, зрительных стекол было множество, а плешивых голов еще больше. Звон этих вязальных спиц, также как и чайных чашек, вдруг прервался раздавшейся с другой стороны салона музыкой. Сначала была сыграна

увертюра из „Фра Диаволо“, после чего не плохо пела та итальянка. Я вступил с ней в разговор и потом познакомился также с ее аккомпаниатором паном Растрелли, вторым дирижером здешней оперы, и с паном Рубини, братом того знаменитого певца, с которым я надеюсь встретиться в Милане. Учтивый итальянец обещал мне письмо к брату; больше мне ничего не нужно. Он был так предупредителен, что повел меня вчера на репетицию „Вечерни“ Морлакки, здешнего придворного капельмейстера. По этому случаю я напомнил последнему о себе; он сейчас же посадил меня рядом с собой и долго со мной разговаривал. Эту вечерню пели нынче знаменитые неаполитанские сопрано по имени Сассароли и Тарквинио с сопровождением обligатной скрипки, которую играл известный здешний концертмейстер Ролла. У меня к нему было письмо от Соливы.

Я познакомился с Ролла, и он обещал письмо к своему отцу, директору миланской оперы. Однако, вернемся к вечеру.

Панна Пехвель играла на фортепиано, а я, поболтав кое с кем, отправился на „Немую“. Об опере я не могу судить, потому что слышал ее не всю. Только нынче вечером я буду в состоянии сказать о ней что-нибудь определенное.

Отправившись утром к Кленгелю, я застал его перед его домом; он тотчас меня узнал и был до такой степени любезен, что растрогал меня. Я его очень уважаю. Он просил меня (осведомившись предварительно о моем жилище) навестить его завтра утром. Он советовал мне выступить публично, но я к этому глух. Я не хочу терять времени, а Дрезден не даст мне ни славы, ни денег. Генерал Княжевич, которого я видел у пани Прушак, тоже говорил о концерте, однако предсказывал, что он даст немного.

Вчера я был в итальянской опере, которая исполнялась плохо; если бы не соло Роллы и пение панны Генель из венского театра, дебютировавшей вчера в „Танкреде“, то нечего было бы слушать. Король, окруженный всеми своими придворными, был в театре, также как и нынче на большой мессе в часовне. Исполнялась месса барона Мильтица, одного из здешних аристократов, под управлением Морлакки. Больше всего мне понравились голоса Сассароли, Алушетти, Бабнига и Зези. Само же сочинение отнюдь не значительно. Дотцауер и Куммер — знаменитые здешние виолончелисты играли несколько soli, которые они хорошо исполнили; больше не было ничего достопримечательного. Здесь нет ничего достойного внимания, кроме моего Кленгеля, перед которым мне наверное придется завтра играть. Я люблю с ним разговаривать, потому что от него можно кое-чему научиться.

Кроме картинной галлереи я во второй раз не осмотрел в Дрездене ничего. „Зеленый свод“ [1]) довольно видеть один раз.

---

[1]) „Зеленый свод“ („grüne Gewölbe“), музей в Дрездене.

(67)

52. Шопен своим родным.

Прага, 21 ноября 1830 [воскресенье].

В Дрездене у меня пролетела неделя так, что я этого не заметил. Уходя утром из дому, я возвращался обратно только вечером. Кленгель сказал мне после того, как ближе со мной познакомился, т. е. после того, как я ему сыграл свои концерты, что я ему напомнил игру Фильда, что я обладаю редким свойством удара, что он конечно много обо мне слышал, но все-таки никак не ожидал, что я такой виртуоз. Это не были пустые комплименты, потому что он мне признался, что не любит никому льстить и принуждать себя к похвалам. Вслед за тем, как я от него ушел (а я сидел у Кленгеля все утро до 12 часов), он пошел к Морлакки и Люттихау,[1]) главному директору театра, чтобы справиться, возможно ли мне выступить публично в течение четырех дней, которые я еще пробуду в этом городе. Он говорил мне потом, что сделал это не для меня, а для Дрездена, и что он охотно принудил бы меня дать концерт, если бы его устройство не потребовало слишком много времени. На следующий день утром он пришел ко мне и заявил, что он везде был сам и тем не менее до воскресенья (а это было в среду) нет ни одного свободного вечера, так как в пятницу должны были дать здесь в первый раз „Фра Диаволо“[2]), а в субботу, т. е. вчера, „La donna del Lago“ Россини по-итальянски. Я принял Кленгеля так, как принял бы немногих в своей жизни; я действительно очень его полюбил, как будто бы знал его уже тридцать лет. С своей стороны и он выказывает мне большую симпатию. Он просил у меня партитуры моих концертов и повел меня на вечер к пани Неселовской. В этот самый день был прием у пани Щербининой, но я так долго задержался у пани Неселовской, что когда Кленгель привел меня к пани Щербининой все приглашенное общество уже раз'ехалось. Зато на следующий день я должен был там обедать. Меня всюду ловят, как собаку. В тот же день я был также у пани Добржицкой[3]), которая пригласила меня на следующий день на свои именины. Я застал там саксонских принцесс, дочерей покойного короля, т. е. королевскую сестру и супругу брата ныне царствующего монарха. Я играл в их присутствии; они обещали мне письма в Италию; однако всех я еще не имею; только от одной из принцесс мне прислали в отель два письма перед самым от'ездом, остальные я надеюсь получить в Вене через пани Добржицку, так как она знает, где меня там найти. Эти письма адресованы королеве обеих Сицилий в Неаполь и какой-то княгине Уласимо, урожденной саксонской принцессе в Рим.

[1]) Барон Люттихау, управляющий придворным королевским театром в Дрездене, игравший весьма большую роль в жизни Рихарда Вагнера.

[2]) Опера Оберá.

[3]) Придворная дама саксонской принцессы Августы.

Мне также обещаны письма к царствующей герцогине фон-Лукка и миланской вице-королеве. Отправкой этих писем займется Крашевский, которому я пишу нынче специально по этому поводу. В Дрездене я был еще на обеде у Комáров. Некая пани Ярачевска хотела, чтобы я был у нее, но у меня не было времени, также как и сейчас,— боюсь, чтобы почта не ушла. Кленгель дал мне письмо в Вену, куда позже он сам также приедет; у пани Неселовской он пил шампанское за мое здоровье, а сама она за мной ухаживала и совершенно не знала, куда меня посадить и непременно хотела называть меня Шопским.

Ролла выдающийся скрипач. Об остальном—из Вены, куда мы приедем во вторник в 9 часов утра.

Генералу Княжевичу я очень понравился; он сказал мне, что еще ни один пианист не производил на него такого приятного впечатления.

(68)

53. Шопен Яну Матушинскому.

Вена, 22 ноября [1830].

Дорогой Ясь!

Сообщи мне номер твоего дома. Ты знаешь, что со мной происходит, как я доволен тем, что нахожусь в Вене, что сделаю столько интересных и нужных мне знакомств и может быть влюблюсь. Я не думаю о вас. Иногда только я поглядываю на кольцо из волос Людвикиной работы, которое становится для меня тем дороже, чем больше я от вас удаляюсь. Также и тебя я люблю здесь нынче больше, чем в Варшаве. А любят ли меня? Эскулап,[1]) если ты мне еще не написал письма, то пусть тебя унесут черти, убьет в Радоме молния и оторвет тебе пуговицу от шляпы. В Праге я распорядился переслать мне в Вену все письма, но здесь еще нет ни одного. Не повредил ли тебе дождь? Предчувствую, что ты захворал. Ради бога не бравируй, потому что мы оба из одной и той же глины, и ты знаешь, сколько раз я уж расползался. На этот раз моя глина не распустится от этого дождя, потому что внутри 90 градусов по Реомюру. Можно, ах! нет, нельзя! А пожалуй из моей глины только домик для кошки сделаешь! Ах ты, плут! Был в театре! Одних лорнировал, с другими нежничал! Стрелял глазами по... Если так, то убей тебя молния,—ты не стоишь моей привязанности. Тит знает и доволен, потому что он всегда уважал и что-то предчувствовал;[2]) если я тебе пишу, то делаю это для себя, так как ты этого не стоишь.

Панна Гейнефеттер была вчера хороша в „Отелло“ и прекрасно пела. Позже я тебе напишу обо всем, мне только надо знать номер твоего дома. Поцелуй меня и обними за меня князя Альфонса; Марцеллу я написал. Всем коллегам поцелуи, поцелуи.

Ф. Шопен.

[1]) Матушинский был врач.

[2]) Непонятно, на что намекает Шопен.

Мое перо, как лопата, да еще падает у меня из рук. Поэтому не удивляйся, что я так мараю. Я бы написал больше, но не могу собрать мыслей и боюсь.

[На обратной стороне:]

Просят не повредить печать! Приказано не быть любопытными бабами.[1]) При этом посылаю пачку поцелуев из лучшей дюжины для моих милых коллег.

Моему придворному врачу Яну Матушинскому.

Рыцарю ордена св. Яцка с пирогами в его дворец, когда он к вам придет.

Через курьера Людвику, Изабеллу или Сузю.

(69)

54. Шопен своим родным.

Вена, 1 декабря 1830.

Мое сердечко чуть-чуть засмеялось, когда я получил письмо в первый раз за четыре недели, т. е. с тех пор как я простился с вами. Обедал с бо́льшим аппетитом. „Wilder Mann“ [2]) (именно так называется великолепная гостинница, в которой мы обедаем) получил с меня за с'еденные аппетитные штрудели целый гульден и несколько крейцеров. Радость была общая, потому что и Тит получил письма от своих. Благодарю Целинского за прилагаемую записочку; она меня перенесла в вашу среду. Я вообразил себе, что сижу за фортепиано, Целинский стоит напротив меня и смотрит на пана Живного, предлагающего Линовскому щепотку табаку. Для полноты картины не хватает только Матушинского; я думаю, что у него еще лихорадка... Но довольно романов; и до меня доберется также эта „собачья лихорадка“, потому что здесь много хорошеньких немочек — но доберется ли она до меня — и когда?!..

Представьте себе — Благетка со своими родителями в Штутгарте; они может быть не вернутся на зиму. Эту новость я узнал от Гаслингера, который встретил меня особенно приветливо, но все еще не напечатал ни сонаты, ни варьяций. Уж я ему насолю, как только мы с Титом будем иметь квартиру. Мы наняли на главной улице на Kohlmarkt'е три комнаты, правда в третьем этаже, но очаровательные, в высшей степени мило и элегантно меблированные, на один месяц и не дорого. На мою долю приходится 25 гульденов. В них еще живет какой-то английский генерал-адмирал, но он уедет нынче или завтра. Адмирал! и меня будут „адмирировать“ (прошу читать это письмо не всем, чтобы не подумали, что я возгордился), значит квартира ничего

[1]) Это письмо было послано Шопеном в письме к его родным в одном конверте.

[2]) Известная старо-венская гостинница на Веринге́рштрассе в Вене, существующая и ныне.

не потеряет, тем более что хозяйка или вернее владелица квартиры, — овдовевшая, хорошенькая и довольно молодая баронесса, долго жившая в Польше, как она нам говорила, и уже слышавшая обо мне в Варшаве. Она знает Скаржинских, вращалась в большом свете и спрашивала Тита, не знает ли он молодую, красивую пани Рембелинскую и т. п. Если даже и нет ничего большего, то все-таки такая почтенная дама стоит 25 гульденов, тем более, что она любит поляков, не выносит австрийцев, сама — пруссачка и очень рассудительная женщина.

Как только мы туда переедем, фабрикант роялей Графф пришлет нам на дом инструмент. Вюрфель, едва меня увидел, сейчас же начал говорить об устройстве концерта. Сам он очень болен и не выходит, только дает уроки у себя на квартире; он плевал кровью, от чего очень ослабел. А об концерте он болтает непрерывно и сказал мне, что здешние газеты много писали о моем f-moll'ном концерте, но мне это неизвестно и узнавать об этом не было достаточно любопытно. Я дам концерт, но когда, где, как и что, — ничего не знаю.

Мой распухший нос до сих пор не позволял мне представиться в посольство, [1]) также навестить пани Ржевусску, у которой бывает „высший свет“; она живет около Гуссаржевского, у которого я уже несколько раз был, не стесняясь своего носа. Также как и Вюрфель, он не советует мне играть даром. Мальфатти [2]) встретил меня так любезно и сердечно, как родного. Едва прочитавши мое имя, он сейчас же меня обнял и сказал, что Владислав Островский уже писал ему обо мне и что он сделает для меня все, в чем только сможет быть полезным. Он еще прибавил, что скажет обо мне пани Татищевой, доставит мне все нужные знакомства, даже постарается быть мне полезным при дворе, хотя он сомневается, чтобы что-нибудь можно было там сделать, потому что двор в настоящее время в трауре по неаполитанском короле. Он обещал также познакомить меня с бароном Дюнуа, президентом здешнего музыкального Verein'a; возможно, что это будет для меня лучшим знакомством.

Второе, может быть такое же полезное, знакомство — с паном Миттаг при помощи письма Кленгеля. Этот человек смотрит на вещи так, как мне нужно и будет, как мне кажется, самым для меня полезным из всех господ музыкантов. Черни, у которого я уже был (как всегда и ко всем благосклонный), спросил меня: „Hat er fleissig studiert?“ [Прилежно ли я работал?]. Он опять аранжировал какую-то увертюру для 8 роялей и 16 человек — и доволен. Вообще же, я не видел еще никого из здешних пианистов.

[1]) Русское посольство.

[2]) Др. Мальфатти, придворный врач, друг Бетховена, пользовавшийся большой любовью в венских музыкальных кругах.

Я был уже два раза у пани Вейбергейм, сестры пани Вольф; завтра я приглашен туда на вечер: „un petit cercle des amateurs“,[1]) откуда я отправлюсь навестить пани Розалию Ржевусску, которая принимает между 9 и 10 часами и уже уведомлена Гуссаржевским о моем прибытии. Там я должен познакомиться с той знаменитой пани Чибини,[2]) для которой Мошелес написал четырехручную сонату.

Недавно я был в конторе у Стамеца; меня с моими письмами приняли там точь в точь, как всякого, приходящего за деньгами. Они дали мне поручительство для полиции для получения вида на жительство и — конец. Потом может быть будет иначе. Недавно я был также у пана Геймюллера, потому что там у Титуся его шесть тысяч. Пан Геймюллер, прочитавши мое имя и фамилию и не читая всего остального, сказал, что „ему приятно узнать такого художника, как я, но что он все-таки не советует мне выступать, потому что здесь очень много хороших пианистов, и что надо иметь большую известность, чтобы чего-нибудь добиться“. В заключение он прибавил, что „ни в чем не может мне помочь, потому что времена тяжелы и т. п.“ Все это я должен был проглотить с вытаращенными глазами, но как только он кончил свою тираду, я возразил ему, что я действительно не знаю, стоит ли здесь открыто выступать, потому что я еще не был ни у кого из здешних влиятельных господ, даже у русского посла, к которому у меня рекомендации от великого князя из Варшавы и т. п. Только тогда он сделал другие глаза, я же простился, извинившись, что оторвал его от дел. Ну, подождите уж... — мерзавцы...

У капельмейстера Лахнера[3]) я еще не был, потому что мне еще негде принимать визиты. Из „Stadt London“, где было необыкновенно „солоно“,[4]) мы переселились в „Lamm“ на Леопольдштадт и будем там жить до тех пор, покуда не уедет от баронессы англичанин с усами, худой, истощенный, зелено-фиолетово-желтый матрос. В этой квартире „на широкую ногу“ (выражение Тита, который непременно хочет сделать из меня надменного молодого человека) будут только играть и думать о концерте, однако не о даровом. Но — там видно будет.

Я не был ни у пани Рашек, ни у пани Элькан, ни у Ротшильда, ни у Войтов, ни у многих других лиц. Нынче я иду в посольство, там должен быть барон Мейндорф, спросить которого мне советовал Гуссаржевский. Он мне скажет, когда всего легче можно застать Татищева. Я еще ничего не трогал из денег, недавно полученных от банкира. Надеюсь, что я сумею их сберечь. Однако, несмотря на это, я все-таки просил бы, чтобы к концу этого месяца я мог что-нибудь получить на путешествие в Италию, на случай, если мои концерты

[1]) Маленький кружок любителей.
[2]) Хорошая пианистка, дочь придворного концертмейстера Леопольда Козелуха.
[3]) Винцент Лахнер, придворный капельмейстер.
[4]) Польское выражение, обозначающее высокие цены.

не удадутся. Театр стоит мне дороже всего, но я не жалею об этом, потому что панна Гейнефетер[1]) и пан Вильд[2]) поют почти всегда. В течение этой недели я слышал уже три совсем новые оперы. Вчера давали „Фра-Диаволо“, „Немая“ — лучше; перед тем — „Тита“ Моцарта; нынче — „Вильгельм Телль“. Я ничуть не завидую Орловскому, который сопровождает Лафона[3]); может быть придет еще время, когда Лафон будет меня сопровождать. Это немножко дерзко. Но ей богу это возможно!

Нидецкий думает провести здесь всю зиму.

Вся эта неделя ушла у меня отчасти на уход за моим носом, на театр и на Граффа, у которого я ежедневно после обеда играю, чтобы немного размять свои одеревеневшие за путешествие пальцы. Вчера я представил Нидецкого Граффу.

Я право не знаю, как прошла у меня эта неделя, мы этого совсем не заметили, а я все еще не сделал никаких решительных шагов для концерта. Questia [вопрос] в том, какой концерт играть: f-moll'ный или e-moll'ный. Вюрфель утверждает, что f-moll'ный красивей, чем As-dur'ный Гуммеля, который только что вышел у Гаслингера. Гаслингер хитер, он хочет со мной вежливо и дешево разделаться, чтобы я ему даром давал свои сочинения. Кленгель удивился, что он ничего мне не заплатил за варьяции. Он может быть думает, что если он сделает вид, будто ставит мои сочинения невысоко, то я приму это в серьез и отдам их ему даром? Но даровщинка уже кончилась, теперь bezahl, Bestia! [плати, животное!]

Графф советует мне выступить в Landständischen Saal, где происходят духовные концерты, т. е. в красивейшем и лучшем помещении. Но для этого необходимо разрешение Дитрихштейна; это мне не трудно будет сделать через Мальфатти.

Люди находят, что я поправился... Все у меня здесь складывается хорошо. Я надеюсь на бога и на Мальфатти (великолепного Мальфатти), что будет еще лучше.

(70)

55. Шопен своим родным.

Вена, в среду перед Рождеством [22 декабря] [1830].

У меня нет календаря, поэтому не знаю которого числа.

Мои многолюбимые родители и сестры!

Вчера минуло семь недель, как я вас покинул. Зачем? Но все равно, это уж случилось! Как раз вчера, в тот самый час, как тогда

[1]) Сабина Гейнефетер (1809 — 1872) и ее сестра Клара (1816 — 1857), прекрасные певицы, любимицы Вены. Обе умерли в доме умалишенных, одна в Илленау, другая в Вене.
[2]) Франц Вильд (1792 — 1850), знаменитый тенор.
[3]) Лафон, Шарль Филипп (1781 — 1839), отличный скрипач-виртуоз. Умер во время концертного турнэ по Франции, вывалившись из почтовой кареты.

во вторник, когда меня провожали до Воли [1]), я был на танцовальном вечере у Вейберхеймов. Там было много красивой, совсем не „старозаветной“ молодежи. Хотели, чтобы я танцовал, выбрали меня насильно в котильон. Я повертелся несколько раз и ушел к себе. Хозяйка дома и ее благовоспитанные дочери пригласили на этот вечер многих музыкантов, но я не играл, потому что не был к этому расположен. Она мне представила пана Ликта, которого знает Людвика;—добродушный, вежливый, честный немец; он считает меня большой величиной, поэтому я и не хотел своей игрой сбить его с этой позиции. Там я познакомился еще с племянником Лампи,— его тоже знает папа — прелестный и милый юноша, который превосходно рисует. Кстати о живописи: вчера утром был у меня Гуммель со своим сыном, который оканчивает мой портрет, до того похожий, что лучше нельзя. Я сижу в халате на стуле с вдохновенным видом, не знаю откуда. Нарисованный карандашем, или скорее мелом, в четвертую долю листа он производит впечатление гравюры. Старик Гуммель чрезвычайно любезен. Так как он хорошо знаком с Дюпором, известным когда-то танцовщиком, а теперь антрепренером Кертнертортеатра, то вчера он меня ему представил. Говорят, Дюпор — скряга; он меня очень мило принял, может быть потому, что думал, что я ему сыграю даром, но он ошибается. Между нами было легкое „avant-propos“ [предисловие], касающееся моей игры, но когда где и как,— об этом молчок. Если он предложит мне слишком мало, то я дам концерт в большом зале для маскарадов [Redoutensaal].

Вюрфель чувствует себя лучше. На прошлой неделе я познакомился у него со Славиком [2]), знаменитым скрипачем, еще молодым человеком, лет 26 самое большое. Он мне очень понравился. Когда мы вместе уходили, он спросил меня, не домой ли я иду. „Домой“, ответил я. „Тогда пойдем лучше со мной к твоей соотечественнице, пани Бейер“ (к ней именно мне прислал Крашевский письмо из Дрездена, вместе с письмом к миланской вицекоролеве. До сих пор я не мог отдать этого письма, потому что не знал адреса квартиры, а Бейеров в Вене тысячи). „Хорошо“, возразил я Славику, „я только схожу за письмом“. Действительно, это оказалась та самая дама. Ее муж—поляк из под Одессы, сосед Хоментовского. Его супруга, которая будто бы много уж обо мне слышала, пригласила нас на следующий день, т. е. в воскресенье, обедать. Славик как заиграл,—так мне понравился, как никто еще после Паганини. Моя милость ему также понравилась, и мы решили написать вместе дует для скрипки с фортепиано,—мысль,

[1]) Желязова Воля—местечко, где родился Шопен.

[2]) Иосиф Славик род. 1806 г. в Богемии, ученик Пиксиса, еще молодым составил себе имя, как очень талантливый и подающий огромные надежды скрипач-виртуоз. В 1833 г. внезапно умер от нервной горячки в Будапеште во время своего первого большого турнэ по Европе.

пришедшая мне в голову еще в Варшаве. Это — большой и истинно-гениальный скрипач. Как только я познакомлюсь с Мерком [1]), мы организуем трио, а я познакомлюсь с ним скоро у Мекетти [2]). Вчера Черни был со мной у Диабелли, который пригласил меня в будущий понедельник на вечер; там соберутся только музыканты. В воскресенье вечер у Ликта, где будет высший музыкальный свет и восьмиручная увертюра, а в субботу будет исполнена старинная церковная музыка у придворного советника Кизеветтера, автора какого-то сочинения о музыке.

Знайте, что сейчас я живу в четвертом этаже. Какие-то англичане, узнав от моего предшественника о моей очаровательной квартире, очень пожелали нанять себе одну комнату, но когда они пришли, под предлогом, чтобы ее осмотреть, они осмотрели все три, и комнаты им так понравились, что они сейчас же предложили мне 80 флоринов в месяц, если я им их уступлю, чему я необычайно обрадовался. У баронессы Лахманович, свояченицы пани Ушаковой, моей теперешней молодой хозяйки, была также квартира, и в 4-м этаже, похожая на мою. Мне ее показали, я ее нанял и теперь живу за 10 флоринов в месяц так, как если бы я платил 70. Вы наверное думаете,— бедняга, сидит под крышей! Однако это совсем не так, потому что надо мной есть еще пятый этаж, и только над ним крыша, а вот 60 флоринов в кармане, так в кармане. Люди навещают меня, и граф Гуссаржевский должен тоже лезть так высоко. Улица однако не оплачивается,— в центре города и от всего близко. Внизу прекрасная дорога для прогулок, Артариа налево, Мекетти и Гаслингер направо, сзади театр, чего же еще нужно?

Пану Эльснеру я еще не пишу, а у Черни уже был. Квартет до сих пор еще не вышел [3]). Мальфатти разбранил меня за то, что я, обещав быть на обеде у пани Шашек в 2 часа, пришел только в 4. В эту субботу я опять должен встретиться с ним на одном обеде, и если я опять опоздаю, то Мальфатти обещал сделать мне одну очень болезненную операцию, не пишу какую, потому что она отвратительна. Я уж вижу, как папа сердится на мою рассеянность и невежливость по отношению к людям, но это все исправится, потому что Мальфатти меня любит, что меня чрезвычайно радует. Нидецкий бывает у меня каждое утро и играет. Если я напишу концерт для двух фортепиано, то мы сыграем его публично. Однако, сначала я должен выступить „solo“. Гаслингер вежлив, как всегда, но прикрывается молчанием.

Не знаю, ехать ли мне сейчас в Италию или нет? Прошу вас написать мне об этом. Мама довольна, что я не там, но я недоволен. Раз случилось... Обнимите за меня Тита, попросите, чтобы он писал

[1]) Иосиф Мерк (1795—1852), первый виолончелист венской королевской оперы.

[2]) Мекетти, Диабелли, Артариа и Гаслингер — известные музыкальные издатели Вены.

[3]) Смотри письмо 58 к Эльснеру.

мне ради бога... Нет, вы даже не можете себе представить того удовольствия, которое мне доставляют ваши письма. Почему это почта ходит так долго!? Не сердитесь же на меня, что я о вас беспокоюсь.

Я тут познакомился с очень любезным юношей Лейденфростом, приятелем Кесслера. Он часто у меня бывает, хотя я был у него только раз. Если я не приглашен куда-либо на обед, то обедаю с ним в городе. Он знает всю Вену, и если только где-нибудь есть на что посмотреть, то он ведет меня туда сейчас же. Вчера, например, была великолепная прогулка на Bastei: эрцгерцоги в сюртуках, дворянство, словом вся Вена. Там я встретил также Славика, с которым уговорился встретиться нынче, чтобы выбрать Бетховенскую тему для варьяций. С одной стороны я доволен, что нахожусь здесь, но с другой!..

Как мне хорошо здесь в моей комнате! Напротив крыша, а внизу пигмеи. Я выше их! Лучше всего мне, когда, наигравшись досыта на наскучившем Граффовском инструменте, я иду спать с вашими письмами в руках. Поэтому-то я даже и во сне вижу только вас!

Вчера у Бейеров танцовали мазурку. Славик лежал на полу, как баран, а какая-то старая немецкая графиня с большим носом и ноздреватой физиономией выделывала своими длинными и худыми ногами какие-то странные па вальса, грациозно держась двумя пальчиками (как была когда-то мода) за платьице и повернув голову к танцору так напряженно, что кости на шее вылезли всюду, где только могли. Все-таки она достопочтенная особа, достойная, ученая, много болтает и обладает „usage du monde“.

Между многочисленными венскими развлечениями славятся вечера в гостинницах, на которых во время ужина исполняются вальсы Штрауса и Ланнера (это местные Свешевские)[1]. После каждого вальса раздается сильное браво, а когда они играют Quodlibet, т. е. мешанину из опер, песен и танцев, то слушатели так довольны, что не знают, что с собой делать. Это доказывает испорченный вкус венской публики.

Я хотел послать вам сочиненный мною вальс, но уж слишком поздно. Вы его все равно получите. Мазурок я тоже не посылаю, потому что я их еще не переписал. Они не для танцев.

Мне не хочется расставаться с вами, рад был бы писать еще. Если увидите Фонтану, скажите ему, что я собираюсь ему писать. Матушинский получит огромное письмо, если не нынче, то с ближайшей почтой.

56. Шопен Яну Матушинскому в Варшаву.

Вена, день Рождества Христова 1830. В воскресенье утром.

В прошлом году в это время я был у бернардинцев [в Варшаве]. Нынче сижу один в шлафроке, грызу перстенек[2] и пишу.

[1]) Популярная музыкальная капелла в Варшаве.

[2]) Перстенек от Констанции Гладковской.

Дражайший Ясь!

Только что вернулся от Славика (известного скрипача), с которым я подружился. (После Паганини я не слышал ничего подобного. Он берет на один смычок 96 нот стаккато и т. д. Просто невероятно!) У него мне пришла мысль, вернувшись домой, повздыхать за фортепиано и выплакать Adagio в варьяциях на Бетховенскую тему, которые мы пишем вместе с ним. Но заход на почту, которую, проходя мимо, никогда не пропускаю, дал другое направление моим чувствам. Слезы, которые должны были упасть на фортепиано, оросили твое письмо. Я жаждал твоего письма. Знаешь почему? Разумеется знаешь. Нетолько чтобы успокоиться относительно моего ангела; ведь я люблю ее так, что, если бы мог, разбудил бы все звуки, которые вызывает во мне проснувшееся слепое, страстное чувство, чтобы хоть отчасти угадать те песни, которые пело некогда войско Яна[1]) и рассеянное эхо которых доныне еще блуждает по берегам Дуная... Ты советуешь мне выбрать поэта. Ты ведь знаешь, что я самое нерешительное создание на свете, только раз в жизни сумевшее хорошо выбрать. Боже мой, и она и сестры могут приносить пользу, хотя бы дергая корпию, а я? Если бы не то, что отцу может быть теперь тяжко, я сейчас бы вернулся. Я проклинаю час своего от'езда, и ты, узнав мои обстоятельства, должен сознаться, что с от'ездом Тита[2]) слишком много упало сразу на мою голову.

Все обеды, вечера, концерты, танцы, которых имею по ущи, надоели мне,— так тоскливо, глухо и мрачно мне здесь. Я люблю это, но не при таких жестоких обстоятельствах. Я не могу поступать, как мне нравится, а должен наряжаться, обуваться, завиваться, разыгрывать в салоне спокойствие, чтобы потом, вернувшись домой, бушевать за фортепиано. Ни с кем нет близости, со всеми должен быть вежливым. Есть люди, которые как будто меня любят, меня рисуют, угождают мне. Но что мне до этого, если я не имею покоя! Разве что достану себе все ваши письма, открою вид на короля Сигизмунда, посмотрю на кольцо. Прости, Ясь, что я тебе так жалуюсь, но мне кажется, что мне вдвое легче, что я спокойнее. Я всегда делился с тобой своими чувствами. Получил ли ты записочку[3])? Конечно мои писания ничего для тебя не составляют, потому что ты дома, я же читаю и читаю твои письма без конца.

Фрейер был у меня несколько раз (хотя я не мог быть у него еще ни разу). Он узнал от Шуха, что я в Вене. Он живет вместе с Ростовским (мне кажется, что так зовут того высланного правитель-

[1]) Яна Собесского.

[2]) Тит Войцеховский, живший в Вене вместе с Шопеном, узнав о восстании в Варшаве, поспешил туда, не сказав об этом ни слова Шопену.

[3]) Для Констанции Гладковской.

ством молодого человека, который имел процесс с Рудницким). Он мне рассказал множество интересных подробностей последнего времени, радовался твоему письму, которое я дал ему прочесть до определенного места. Это определенное место сильно меня огорчило. Правда ли, что произошла некоторая перемена? Не захворала ли? Я бы легко допустил это у такого чувствительного создания. А не показалось ли тебе только? Может быть это испуг 29-го [1])? Не дай бог, чтобы я был причиной этого! Успокой ее, скажи ей, что пока моих сил хватит, что до смерти... что после смерти я буду рассыпать ей под ноги свой прах. Но того, что ты сможешь ей сказать, слишком мало, я сам ей напишу. Я бы уж давно написал, не мучил бы так долго, но люди! Если бы мое письмо попало случайно в чужие руки, это могло бы повредить ее славе. Поэтому лучше будь ты моим толмачем, говоря за меня и „j'en conviendrai". Это твое французское выражение меня добило: немец, который шел со мной через улицу, когда я читал твое письмо, едва мог удержать меня под руки и никак не мог понять, что со мной случилось. Мне хотелось хватать и целовать всех проходящих, и так у меня было на душе, как еще никогда, потому что это было твое первое письмо! Я надоедаю тебе, Ясь, своим глупым пылом, но мне трудно очнуться, чтобы написать тебе хладнокровно.

Недавно я был на обеде у одной дамы польки по фамилии Бейер, по имени Констанция. Я люблю там бывать из-за воспоминаний: все ноты, носовые платки, салфетки помечены ее именем. Обыкновенно мы ходим туда вместе со Славиком, к которому она неравнодушна.

Третьего дня мы там играли все до и после обеда, и так как был сочельник и хорошая, совсем весенняя погода, то мы ушли от Бейеров поздно ночью. Простившись со Славиком, который должен был итти в королевскую часовню, я один в полночь отправился медленным шагом к св. Стефану. Когда я пришел, там еще никого не было. Не ради богослужения, а чтобы посмотреть в такое время это огромное помещение, я остановился в самом темном углу у подножия готической колонны. Неописуемо благородство и грандиозность этих огромных сводов. Было тихо, и только шаги пономаря, зажигавшего у алтаря свечи, нарушали иногда мою летаргию. Сзади меня гроб, подо мною гроб... только надо мною не было гроба... Внутри меня звучала мрачная гармония, больше чем когда-либо я чувствовал свою осиротелость, и это возвышенное зрелище влекло меня к себе до тех пор, пока не начали собираться люди, не зажгли свет. Тогда, закрывшись воротником от плаща, как я часто это делал — ты помнишь — на Краковском предместье [2]), я отправился в королевскую часовню слушать музыку. По дороге туда, уже не один, а в компании множества идущего веселого народа, я пробежал по прекрасным венским улицам к замку, где, прослушав три номера незначительной, сонносыгранной мессы, я в час ночи вернулся домой спать. Снился мне ты, вы, они, мои милые дети.

[1]) 29-го ноября 1830 года вспыхнуло восстание в Варшаве.

[2]) Улица в Варшаве.

На следующее утро меня разбудило приглашение на обед к пани Элькан — польке, банкирше. Я встал, сыграл себе что-то грустное. Ко мне пришли Нидецкий, Лейденфрост и Штейнкеллер; мы простились, и я отправился на обед к Мальфатти. Шанясио [1]), заядлый поляк теперь, поедал зразы с капустой, как, ручаюсь, ни один из кармелитов. Я не отставал от него. Ты должен знать, что этот редкий человек (в полном смысле слова „человек") — Dr. Мальфатти так обо всем помнит, что всякий раз, что мы у него обедаем, выискивает нам польские кушанья. После обеда пришел Вильд, лучший, пожалуй, в настоящее время немецкий тенор. Я аккомпанировал ему наизусть арию из „Отелло", которую он спел мастерски. Им и Гейнефеттер держится вся здешняя опера; все остальное так мизерно, что совершенно непристойно для Вены. У панны Гейнефеттер нет почти никакого чувства. Голос, подобный которому мне не скоро придется услышать;—все великолепно передающий, точно выдерживающий каждую ноту,— чистота, гибкость, „portamento", но все так холодно, что я чуть было не отморозил себе носа, сидя в первом ряду близко от сцены. Она хороша со сцены, особенно в мужских костюмах. В „Отелло" она лучше, чем в „Цирульнике", где она вместо невинной, живой и влюбленной девушки изображает опытную кокетку. В Моцартовском „Тите" она хороша, как Sextus, в „Крестоносце" тоже. Скоро она выступит в „Сороке", что мне очень любопытно. Волкова понимала „Цирульника" лучше, только ей не хватает горла панны Гейнефеттер. Это без сомнения одна из первых певиц, но не первая.

Я собирался ехать слушать Пасту. Ты конечно знаешь, что у меня письма от саксонского двора к миланской королеве. Но как же ехать? Родители говорят мне делать, что я хочу, а я этого не люблю. В Париж? Здешние советуют мне ждать еще. Вернуться? Сидеть здесь? Покончить с собой? Не писать тебе? Посоветуй ты мне, что мне делать? Спроси тех людей, которые мною управляют, напиши мне их мнение, и так и будет. Будущий месяц я еще останусь тут. Итак, напиши, прежде чем выедешь на с е в е р о - в о с т о к (но я надеюсь, что тебе не надо будет уезжать). Итак, напиши, прежде чем уедешь, до востребования в Вену. Прежде чем уедешь, побывай у родителей, у К о н с... Замени им меня, покуда ты там сидишь. Бывай часто, пусть сестры тебя видят, пусть думают, что ты ко мне приходишь, а я в другой комнате. Садись рядом, и пусть думают, что я сижу сзади. Иди в театр, и я туда приду. Читай внимательно журналы; польские газеты мне обещаны.

[1]) Уменьшительное от Шанявского.

О концерте я не думаю. Здесь Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, известный своими очень хорошими этюдами, человек лет сорока слишком. Я познакомился с ним, он обещал меня навестить. Он собирается дать концерт, надо уступить ему первенство. Он мне представляется человеком на своем месте, и я надеюсь, что мы поймем друг друга, как музыканты; потому что Тальберг [1]) хорошо играет, но он не мой человек. Он моложе меня, очень нравится дамам, стрянает поппури из „Немой", исполняет „piano" педалью, а не рукой, децимы берет, как октавы, носит на рубашках бриллиантовые запонки, не удивляется Мошелесу, а поэтому и не чудо, что ему понравились только „tutti" из моего концерта. Он *также пишет концерты*.

Я кончаю письмо к тебе через три дня. Прочитал чепуху, которую тебе нагородил. Прости меня за нее, Ясь, если можешь. Так как нынче я слышал за обедом в итальянском ресторане—„Der liebe Gott hat einen Fehler gemacht, dass er die Polen geschaffen hat" [2]), то ты поэтому не удивляйся, что я не в состоянии хорошо написать то, что чувствую. И новостей ты тоже не жди от поляка, потому что другой прибавил: „In Polen ist nichts zu holen" [3]). Негодяи! На деле они радуются, хотя и не хотят этого показать [4]). Сюда приехал француз колбасник, перед элегантной лавкой которого уж около месяца ежедневно собирается пропасть народу, и постоянно открывают в этом французе что-то новое. Одни думают, что это последствие французской революции и с состраданием взирают на вывешенные кишки, другие разгневаны на то, что французскому мятежнику разрешили открыть колбасную лавку, в то время как они сами имеют достаточно свиней в собственной стране. Куда ни повернешься, всюду только и разговору, что о французе, и страшно, что если что-либо завяжется, не началось бы с этого француза.

Кончаю, Ясь, потому что пора кончать. Обними за меня всех дорогих коллег. Поцелуй меня. Я перестану тебя любить только вместе с жизнью, с моими родителями, вместе с нею. Дорогой мой, пиши мне. Даже покажи ей это письмо, если находишь возможным, потому что у меня нет времени его перечитать. Нынче еще на вечер к Мальфатти, а перед этим сам на почту. Как только найду минутку времени, опять тебе напишу. Родители может быть знают, что я тебе пишу. Скажи им, но не показывай письма.

Все еще не могу оторваться от любимого Яся! Ступай, пакостник, если Ватсон тебя так еще любит, то верно радуется революции. Разве ее матери еще не повесили? Жаль однако, усатый—ты меня уж понимаешь—усатый рёва, что этот мерзкий папа музыкальный не звонит. Как бы хорош был такой торжественный звон, например, в финале „Сороки" [1]).

Конст... (не могу даже написать имени, моя рука недостойна). Ах, я рву на себе волосы, когда подумаю, что она могла меня позабыть. Грессер, Безобразов, Писсаржевский [2])! Довольно об этом. Я нынче настоящий Отелло.

Я хотел сложить это письмо и запечатать без конверта, забыв, что у вас умеют читать по-польски. Так как у меня еще осталась бумага, позволь мне описать тебе мой здешний образ жизни. Я живу на четвертом этаже и хотя на одной из красивейших улиц, но если хочу знать, что делается внизу, то должен хорошо высунуться из окошка. Моя комната (которую ты увидишь нарисованной молодым Гуммелем в моем новом альбоме, когда я вернусь в ваше лоно) просторная, красивая, в три окна. Кровать стоит напротив окон, направо прекрасный рояль, налево диван. Между окнами зеркало, посередине большой стол красного дерева, пол натертый. Тихо. После обеда „барин" не принимает, и поэтому я могу вполне перенестись мыслями к вам. Утром меня будит невыносимо глупый слуга, я встаю, мне приносят кофе, играю и ем часто холодный завтрак. Около 9 часов приходит учитель немецкого языка, позже я в большинстве случаев играю, после чего—как было до сих пор—Гуммель меня рисовал, а Нидецкий учил мой концерт. Все это в халате до 12 часов; тут только приходит очень милый немчик Лейденфрост, занятый в судопроизводстве, с которым, если погода хороша, я гуляю вокруг города по гласису. После этого я отправляюсь на обед, если куда-нибудь приглашен, если же нет, то идем вместе в гостинницу „Zur Böhmischen Köchin", где обедает вся здешняя учащаяся молодежь. После обеда в самом красивом кафе пьют черный кофе (такая тут мода, даже Шанясь бывает), после чего делаю визиты. В сумерки возвращаюсь домой, завиваюсь, обуваюсь и на вечер. К десяти, одиннадцати, иногда к 12 часам (никогда не позже) возвращаюсь домой, играю, плачу, читаю, смотрю, *смеюсь*, иду спать, гашу свет, и вы все мне снитесь. Письмо к тебе должно было уйти в среду, но так как было слишком поздно, то оно уйдет поэтому в субботу. Эльснера поцелуй. Начал писать чисто, а кончаю так, что ты может быть и не прочитаешь. Магнуся, Альфонса [3]), Рейншмитка поцелуй. Если будет можно, попроси кого-нибудь из них приписать к твоему письму.

Мой портрет, о котором должны знать только ты да я, малюсенький. Если ты думаешь, что он доставит ей [4]) хоть немного удоволь-

---

[1]) Сигизмунд Тальберг (1812—1871), один из самых знаменитых виртуозов, соперник Листа.

[2]) В оригинале эти слова написаны Шопеном по-немецки (господь бог сделал ошибку, сотворив поляков).

[3]) То же. (С Польши взятки гладки).

[4]) Речь идет о польском восстании.

[1]) Все это мало понятно. Немецкий переводчик Б. Шарлит совсем пропустил (без оговорок) все это место—прием, к которому он впрочем часто прибегает в трудных случаях.

[2]) Русские офицеры в Варшаве, ухаживавшие за певицей Гладковской.

[3]) Доминика Магнушевского, Альфонса Брандта.

[4]) Констанции.

ствия, то я пришлю тебе его через Шуха, который должен выехать с Фрейером около 15-го будущего месяца, если обстоятельства позволят.

В Вене много говорят о „Клопике“ [1]), жалеют „Потоки“ [1]), а какие-то „Валики“ [1]) говорили с князем. Мне смешно. То, что они делают с нашими именами, превосходит всякое воображение.

Не отдавай записочки [2]), если это не очень необходимо. Не знаю, что написал. Можешь прочесть. Первая и может быть последняя.

(74)

57. Шопен Яну Матушинскому.

Вена, [1 января 1831 г.].

Получил твое письмо от 22-го [3]). Лучший в мире из друзей, ты имеешь то, что хотел. Не знаю, что со мной делается. Люблю вас больше жизни. Пиши мне. Ты в армии! В Радоме ли она [4])? Рыли окопы. Бедные наши родители! Что делают мои друзья? Живу с вами. Умер бы я за тебя, за вас. Отчего я нынче такой покинутый? Только бы вы были все вместе в такие ужасные минуты. Твоей флейте [5]) будет о чем повздыхать, но пусть раньше наплачется рояль. Ты пишешь, что выезжаете. Как же отдашь [6])? Не пересылай. Осторожнее. Мои родители! Могут подумать дурное. А, ей богу, это искренне. Поцелуй меня. Через месяц может быть уеду в Париж, если там будет тихо. Люби меня всегда так, как нынче. Фрейер тебя любит, также жалеет, что не с вами. Иду на обед к Мальфатти. Завтра я у Штейнкеллера. Не в развлечениях недостаток, а в охоте развлекаться, и я не веселился еще в Вене. Нынче новый год; как печально я его начинаю! Может быть и не кончу его. Обними меня. Ты идешь на войну. Возвращайся полковником. Будьте благополучны. Отчего я не могу хоть барабанить?!

Ш.

(75)

58. Шопен Иосифу Эльснеру в Баршаву.

Вена, 26 января, 1831 г.

Стыдно мне, что доброта ваша, доказательства которой я получил еще перед от'ездом, и на этот раз опередила мою обязанность. Мне следовало написать вам сейчас же по прибытии в Вену, однако я медлил, отчасти потому, что был уверен, что мои родители не преминут сообщить вам самые интересные сведения обо мне, отчасти же потому, что ждал, когда буду в состоянии сообщить вам что-либо

[1]) Хлопицком. Потоцкого. Валицкий.

[2]) Констанции Гладковской.

[3]) Декабря 1830.

[4]) Констанция Гладковска.

[5]) Матушинский в молодости играл на флейте и настолько хорошо, что часто играл с Шопеном, но болезнь легких, перешедшая в чахотку, заставила его бросить игру.

[6]) Вероятно записку Гладковской.

определенное. С того дня, как я узнал о событиях 29 ноября, вплоть до настоящего момента я не испытывал ничего, кроме запоздалых опасений и тоски, и напрасно Мальфатти старается меня убедить, что всякий артист космополит. Но хотя бы и так, то как артист я еще в колыбели, а как поляк я уж начал третий десяток, поэтому надеюсь, что зная меня, вы не примете в худую сторону, что более старые чувства взяли перевес, и я до сих пор не думал об устройстве концерта. На моем пути стоят теперь во всех отношениях гораздо большие затруднения: не только непрерывный ряд негодных фортепианных концертов, искажающих этот род музыки и отбивающий охоту у здешней публики, но сверх всего этого события в Варшаве, радикально изменившие мое положение и в такую неблагоприятную сторону, что только Париж мог бы содействовать моему благу.

Тем не менее, надеюсь, что все как-нибудь устроится, и еще на масляной услышат мой первый концерт, любимый Вюрфелем. Славный Вюрфель все болен — я часто его вижу,— он всегда с удовольствием вспоминает вас. Если бы не интересные знакомства с здешними первоклассными талантами, как Славик, Мерк, Боклет [1]) и т. д., не многим мог бы я здесь воспользоваться. Опера действительно хороша. Вильд и Гейнефеттер заинтересовали здешнюю публику. Жаль только, что Дюпор исполняет мало новых вещей и больше думает о своем кармане, чем об опере. Аббат Штадлер [2]) жалуется на это и говорит, что теперь Вена уж не та, что в прежнее время. Он печатает у Мекетти свои псалмы, произведение, которым я восхищался и которое смотрел в рукописи.

Что касается вашего квартета, то Иосиф Черни мне торжественно обещал, что он будет готов ко дню св. Иосифа. Сказал, что потому не мог им до сих пор заняться, что печатал сочинения Шуберта, многие из которых еще ждут издания; это вероятно поведет за собой задержку другой вашей рукописи. Как я мог пока заметить, Черни не из богатых здешних издателей и поэтому не может смело тратиться на такие сочинения, которых нельзя играть у Шперла или „zum Römischen Kaiser“. Они тут называют сочинениями вальсы Штрауса и Ланнера, которые капельмейстеры играют им для танцев! Из этого однако не следует, что все здесь так думают, напротив, почти все над этим смеются, но все-таки печатают только вальсы. Мекетти, как мне кажется, более предприимчивый, и с ним будет легче говорить о ваших мессах, так как он задумал выпускать партитуры более значительных духовных сочинений. Его бухгалтер, вежливый и образованный саксонец, когда я говорил ему о ваших чудных мессах, нисколько не был про-

[1]) Боклет, Карл-Мария (1801—1881), сначала пианист, позднее только педагог. Бетховен покровительствовал ему, а Шуберт был с ним дружен.

[2]) Известный венский композитор, друг Бетховена и Моцарта.

тив этого, а он заведует всем в деле. Нынче я обедаю с Мекетти, поговорю с ним серьезно и скоро вам напишу. Гаслингер теперь выпускает последнюю мессу Гуммеля. Он только Гуммелем и живет. Однако, его последние вещи, за которые Гаслингер должно быть дорого ему заплатил, имеют немного покупателей. Поэтому он задерживает все рукописи и печатает только Штрауса. Как теперь всякая шарманка умеет играть Штрауса, также может быть месяца через два сыграет и Нидецкого, только в другом смысле. Вчера я был с ним у Штейнкеллера, который поручил ему написать оперу. Он сильно на нее расчитывает. В ней должен выступить знаменитый комик Шустер, и Нидецкий может себе этим создать имя. Надеюсь, что это вас обрадует [1]). Заказ от комиссии он получил, а деньги—нет.

Вы мне пишете о моем втором концерте, который учил Нидецкий,—это было по его собственной воле. Перед от'ездом из Вены он хотел выступить публично и дать концерт, но не имея собственного концерта, а только хорошие варьяции, просил у меня рукопись, а так как все переменилось, то он выступит не как виртуоз, а как композитор. Вероятно он вас сам об этом уведомит. Я хочу в своем концерте сыграть его увертюру. Уж мы доставим вам радость! (если не стыд, так как Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, получил здесь хорошо по носу, хотя ему больше сорока лет и пишет он 80-летнюю музыку).

Выражая почтение всему дому, прошу принять уверение в преклонении, с каким навсегда остаюсь вашим благодарным и преданным учеником.

Ф. Ф. Шопен.

Знакомым и коллегам поклоны.

[Адрес:] г. И. Эльснеру, ректору музыкальной консерватории в Варшаве (в Польше) на Краковском предместье.

(73)

59. Шопен Яну Матушинскому в Варшаву.

[Вена, весна 1831 г.].

Дорогое создание!

Имеешь, чего желал. Получил ли письмо? Отдал ли? Нынче жалею о том, что сделал. Бросил слабый луч надежды туда, где сам вижу только мрак и отчаяние. Может быть она поднимет на смех, обратит в шутку! Может быть!.. Такие мысли приходят мне в голову в то время, как в моей комнате самым веселым образом разговаривают твои прежние коллеги: Ростковский, Шух, Фрейер, Киевский, Губе и т. д. И я смеюсь. Смеюсь, а в душе, пока это пишу, мучает меня какое-то ужасное предчувствие. Кажется мне, что все это сон, оцепенение, что я у вас, а все то, что слышу, мне снится. Те голоса, к которым не привыкла душа моя, производят на меня впечатление не больше, чем стук

[1]) Нидецкий был учеником Эльснера.

карет на улице, или иной безразличный шум. Твой голос или Титов заставил бы меня очнуться от этого мертвого состояния и безучастности. Жить, умереть, нынче мне все кажется одинаково,—нет письма от тебя! Родителям скажи, что я весел, что мне ничего не нужно,—великолепно провожу время, никогда не бываю один. Ей скажи тоже самое, в случае, если будет издеваться, если же нет, то скажи, чтобы была покойна, что я везде скучаю. Я болен; не пишу этого родителям. Всякий спрашивает, что со мной. Нет настроения. Губе за мной ухаживает. У меня насморк. А в конце концов ты знаешь, что со мной.

Вильд—великолепный певец, не Польковский [1]). Знаю его близко. Славик великолепен, часто играем вместе, завтра вместе обедаем. С Леви, здешним первым валторнистом, тоже играем, он бывает у меня. Теперь Мерк обещал мне свой „виолончельный" визит. Не могу тебе послать ни одной песни. Обними коллег. Магнуся поцелуй, Альфонса [Брандта], Рейншмита, Домуся, Вилюся. Марцелю пишу. Пиши мне, Ясь! Когда мы наговоримся? Люблю тебя, и ты меня люби. Пишу, как пьяный.

[Адрес:] Ясю. [2])

Верю, даже не запечатываю. Дети!

Всем знакомым, сестре твоей и отцу [привет].

(72)

60. Из дневника Шопена.

Вена, весна 1831.

Нынче хорошо было в Пратере, пропасть людей, которые меня не касаются. Зелень очаровала меня, весенний воздух и эта невинность природы разбудили во мне чувства из дней моего детства. Надвигалась гроза, и я вернулся домой. Гроза разошлась, а меня все-таки охватывает печаль. Почему? Даже музыка не радует меня нынче; сейчас уже поздно, а я еще не хочу спать. Я не знаю, чего мне недостает? Недавно мне пошел уже третий десяток!..

Газеты и афиши сообщают о моем концерте, который состоится через два дня [3]), а это меня также мало касается, как если бы его вовсе не было. Я больше не замечаю комплиментов, которые мне кажутся все более пошлыми. Я жажду смерти и хотел бы только еще раз увидать родителей. Ее образ [4]) стоит перед моими глазами; мне казалось, что я уж больше не люблю ее, однако он не хочет исчезнуть из моей памяти. Все, что я до сих пор увидал на чужбине, кажется мне таким давно знакомым, таким невыносимым и еще более будит во мне тоску по родине, по тем прекрасным минутам, которые я не

[1]) Варшавский певец.

[2]) Письма к Матушинскому Шопен посылал вместе с письмами к своим родным и на их адрес.

[3]) Концерт этот повидимому не состоялся. У биографов нет об нем никаких сведений.

[4]) Гладковской.

умел ценить там. Что когда-то казалось мне великим, теперь представляется таким обыкновенным, а что прежде казалось обыкновенным, кажется теперь невозможным, слишком великим, слишком высоким. Люди здесь мне чужды; они хороши, но хороши по привычке, делают все слишком аккуратно, слишком плоско, слишком посредственно, и это выводит меня из себя. Я не выношу даже запаха посредственности!

На душе у меня странно, грустно, я не знаю, чем себе помочь! Зачем я один?.....

(77) **61. Шопен своим родным.**

Вена, 14 мая 1831.

Мои многолюбимые родители и сестры!

Эту неделю в отношении писем я был на строгой диэте. Я это об'яснил себе тем, что получу их на будущей и жду спокойно, надеясь, что вы чувствуете себя в деревне также хорошо, как и в городе. Что касается меня, то я здоров и чувствую, что в несчастье это большое утешение. Если бы мое здоровье против всякого ожидания не было так хорошо, не знаю, что бы я тут делал. Может быть это Мальфаттиевские супчики вливают в мои жилы какой-то бальзам, уничтожающий всякую охоту к хвори. Если это так, то я жалею, что наши периодические пирушки кончились в прошлую субботу, потому что Мальфатти со своими детишками уехал в деревню.

Вы не можете себе представить, в каком красивом месте он живет. Неделю тому назад я был у него с Гуммелем. Водя нас по своему имению, он нам постепенно показывал его красоты, а когда мы взошли на самую вершину горы, то не хотелось слезать вниз. Ежегодно двор удостаивает Мальфатти своим посещением, а его соседка, герцогиня Ангальтская, наверное завидует его саду. С одной стороны у его ног видна Вена так близко, что кажется, будто она совершенно соединена с Шёнбрунном. С другой—высокие горы и разбросанные по ним деревушки и монастыри заставляют забывать блеск и шумную жизнь города.

Вчера я был с Кандлером[1]) в королевской библиотеке. Вы знаете, что я уж давно собирался осмотреть здешнее, может быть самое богатое, собрание старых музыкальных рукописей. Но до этого никогда не доходило. Я не знаю, содержится ли в большем и более систематическом порядке библиотека в Болонье. Но представьте себе мое изумление, когда между новыми рукописями я увидел книгу в футляре с надписью: Шопен. Что-то довольно толстое в красивом переплете. Думаю: я еще никогда не слыхал о другом Шопене. Был какой-то

[1]) Франц-Ксавер Кандлер, род. 1792 г., большой знаток музыки и музыкальный писатель, умер от холеры 26 сентября 1831 г.

Шампен, и я думал поэтому, что может быть перепутали его имя, или что-нибудь подобное. Вынимаю, смотрю—моя рука. Гаслингер подарил библиотеке рукопись моих варьяций... Думаю себе: дураки, нашли, что прятать.

В прошлое воскресенье предполагался большой фейерверк, но он не удался из-за дождливой погоды. Удивительная вещь, что в дни фейерверков почти всегда бывает дурная погода. Я вам расскажу касающийся этого анекдот:

У одного господина был замечательно красивый коричневый фрак, но всякий раз, как он его надевал, шел дождь. Хоть он его и редко надевал, но почти никогда не возвращался домой в сухом фраке. Итак, он отправляется к портному, рассказывает ему об этом и спрашивает его, какая могла бы быть тому причина? Портной удивился и начал качать головой, но все-таки попросил этого господина оставить ему фрак на несколько дней, чтобы убедиться, так как он не мог ручаться, не связан ли этот фатализм со шляпой, башмаками или жилетом. Но как только портной надел фрак, вышел на улицу—немного погодя, дождь как хлынет! Бедняжка должен был взять извозчика, чтобы вернуться домой, потому что он забыл взять с собой зонтик, или (что более похоже на правду, как многие утверждают), что жена портного ушла с зонтиком к своей кузине или приятельнице пить кофе. Как бы то ни было, портной вымок, а фрак стал сырой. Надо было подождать, чтобы он высох, так как иначе он не будет сухим. Во время этого ожидания в голове у портного проясняется: распороть фрак и посмотреть, нет ли там в конце-концов какого-нибудь дьявола, привлекающего тучи. Блестящая мысль! Он выпарывает рукава—ничего нет. Выпарывает полы—ничего. Он распарывает грудь—и что же! Смотрит, под подкладкой находится кусочек афиши о фейерверке! Он все понял, вынул афишу, и с тех пор фрак больше не мок!

Простите, что не могу сообщить о себе ничего радостного. Может быть позднее смогу еще вас утешить. Ничего так не жажду, как поступать по вашим желаниям; до сих пор однако это было для меня невозможно [1]).

[1]) Намек на несостоявшееся выступление Шопена во время его вторичного пребывания в Вене. Причиной этого были разыгравшиеся вскоре после его приезда в Вену трагические события в Польше (восстание в ноябре 1830 г.). Настроение в Вене против восставших поляков было далеко недружелюбное, и публичное выступление композитора было бы поэтому слишком смелым. При создавшихся условиях Шопен не мог и думать о возвращении в Варшаву. Поэтому второе пребывание его в Вене растянулось вопреки его желанию с ноября 1830 по 20-е июля 1831 года. Некоторую замену несостоявшегося, несмотря на все старания его влиятельных друзей, выступления представляли из себя музыкальные вечера, устраивавшиеся на летней вилле Мальфатти. Там Шопена слушал избранный круг знатоков и любителей музыки, восторженный прием которых отчасти вознаграждал его за венскую публику. Один из этих вечеров описан Шопеном в 63-м письме.

(79)

62. Шопен своим родным.

Вена, 28 мая 1831 г.

Только что вернулся с почты, но ничего не пришло. В среду я получил письмо от пани Яроцкой с припиской милого папочки, который однако поскупился на дорогие для меня строки. Из них я все же вижу, что дома все здоровы. Что касается Марцелля и Яся, то я их заклинаю писать мне, если они такие негодяи, что я не могу выпросить у них себе пару строк! Я так зол, что отослал бы им обратно, даже не распечатывая, их письма. Они конечно будут отговариваться недостатком времени; а у меня есть время писать вам каждую неделю такие длинные письма? Ах, это время, как оно летит! Уж конец мая, а я все еще в Вене! Начнется июнь, а я все буду тут сидеть, так как у Кумельского [1]) рецидив, и бедняга снова лежит! Я уж вижу, что выкраивается скучное письмо, но не думайте, что это следствие какого-нибудь болезненного настроения. Напротив, я здоров и провожу время превосходно. Нынче я встал рано, играл до двух часов, потом пошел обедать и застал там славного Кандлера, который, как вы знаете, обещал мне письма к Керубини и Паэру. Навестив больного, я решил итти в театр, потому что там концерт, в котором участвуют: Герц, молодой еврей-скрипач, которого чуть не освистали у нас в Варшаве на концерте Зонтаг, и пианист Дёлер [2]), играющий сочинения Черни. В заключение концерта Герц сыграет собственные вариации на польские темы! Бедные польские темы! Вы и не предполагаете каким „майюфес“ [3]) вас нашпигуют, называя это для привлечения публики „польской музыкой“. Только защищай здесь польскую музыку и выскажи свой взгляд о ней, и тебя об'явят сумасшедшим, тем более, что Черни, этот венский оракул по фабрикации музыкальных лакомств подобного рода, еще не вариировал ни одной польской темы.

Вчера после обеда я ходил вместе с Тальбергом в евангелическую церковь, где Гессе [4]), молодой органист из Бреславля, выступал перед избранной венской публикой. Там собрался весь здешний „цимес“ [5]), начиная со Штадлера, Кизеветтера [6]), Мозеля [7]), Зейфрида, Гировеца и т. д., вплоть до церковного служки. Парень талантлив и умеет обращаться с органом [особенно, если инструмент не испорчен и трубы

[1]) Знакомый Шопена, хотевший сопровождать его в Париж.

[2]) Теодор Дёлер (1814—1856), ученик Черни, пианист и композитор.

[3]) „Майюфес“—еврейские праздничные песни.

[4]) Адольф-Фридрих Гессе (1809—1863), ученик Бернера и Келлера в Бреславле хороший виртуоз на органе.

[5]) „Цимес“ на еврейско-польском жаргоне значит: тонкий дессерт. Как большинство поляков, Шопен хорошо знал этот жаргон.

[6]) Кизеветтер, Рафаэль-Георг (1773—1850), известный музыкальный писатель, авторитет в области истории музыки.

[7]) Мозель, Игнатий-Франц (1772—1844), заслуженный музыкальный писатель, композитор, хранитель придворной библиотеки.

все целы] [1]). Гессе оставил мне листочек из своего альбома, а я не знаю, что ему туда написать—ничего не приходит в голову.

В среду я со Славиком пробыл у Бейеров до двух часов ночи. Это единственный из здешних артистов, с которым мне радостно и с которым я близок. В этот вечер он играл, как второй Паганини, но более юный Паганини, который со временем превзойдет первого. Я бы сам этому не поверил, если бы не слыхал его так часто. Я только жалею, да еще как жалею! что Тит с ним не познакомился. Он заставляет слушателей умолкнуть, людей, более того,—тигров плакать! Даже князь Г. и Искр. [2]) уехали растроганные.

Но что же однако с вами делается? Снитесь вы мне и снитесь! Кончится ли наконец кровопролитие? Я знаю, что вы мне хотите сказать: „Терпение!“ Я и то постоянно этим утешаюсь.

В четверг был вечер у Фукса [3]), где Лиммер, один из лучших здешних музыкантов, выступал со своими сочинениями для четырех виолончелей. Мерк сделал их по своему обыкновению более привлекательными, чем они являются в действительности. Там оставались до 12 часов ночи, потому что Мерку захотелось сыграть со мной свои варьяции. Мерк говорит мне, что он охотно играет со мной. И я также охотно играю с ним, и поэтому у нас должно хорошо выходить вместе [4]). Он первый виолончелист, перед которым, зная его близко, я преклоняюсь. Не знаю, как мне понравится Норблин [5]); не забудьте только про письмо к нему.

(80)

63. Шопен своим родным.

Вена, 25 июня 1831.

Я здоров, и это одно меня утешает, потому что мой от'езд удивительно не идет на лад. Ничего подобного я еще не испытывал. Вы знаете, какой я нерешительный, а тут еще препятствия на каждом шагу. Каждый день мне обещают паспорт, и каждый день я таскаюсь от „Анны к Каиафе“, чтобы получить всего лишь то, что я оставил в полицейском участке. Нынче все-таки я узнал нечто новое, а именно,

[1]) Заключенное в прямые скобки есть только у Карасовского.

[2]) Вероятно русские сановники.

[3]) Алоиз Фукс—род. в 1799 г. в Розе, в Австрийской Силезии, был долго музыкальным историографом и позже антикваром в королевской австрийской капелле. Кроме автографов знаменитых музыкантов у него было также много портретов, партитуры мастеров XVI и XVII столетий и много рукописей Моцарта. Фукс хорошо играл на виолончели и был одним из ближайших друзей Бетховена. После смерти Бетховена он купил между другими рукописями, попавшими на аукцион, также тетрадь эскизов, которую он позже подарил Феликсу Мендельсону. Прекрасное собрание Алоиза Фукса рассеялось после его смерти.

[4]) Шопен написал для него полонез для фортепиано и виолончели и напечатал его там же в Вене.

[5]) Петер Норблин, первый виолончелист парижской Большой оперы и профессор тамошней консерватории, уроженец Варшавы.

что мой паспорт так где-то затерян, что его не только невозможно найти, а необходимо подать просьбу о выдаче нового. Нас всех теперь постигает удивительная участь. Хоть я и готов к от'езду, но все же уехать не могу. Я последую совету Бейеров и визирую свой паспорт в Англию, а поеду в Париж. Мальфатти дает мне письмо к своему хорошему другу Паэру. Кандлер уже написал обо мне в Лейпцигскую Музыкальную газету.

Вчера я вернулся домой после 12, потому что был день св. Иоанна, именины Мальфатти. Мекетти устроил ему сюрприз, причем Вильд, Чичимара, панна Эммеринг, Лутцер и моя милость исполнили ему далеко незаурядную музыку. Лучшего исполнения квартета из „Моисея" я еще никогда не слыхал. Но „oh quante lagrime" панна Гладковска в моем прощальном концерте в Варшаве пела несравненно лучше. Вильд был в голосе, а я так сказать исполнял роль капельмейстера [1]). Огромное число посторонних слушателей подслушивало этот концерт с террасы. Волшебно светила луна, фонтаны били, удивительный аромат выставленной наружу оранжереи наполнял воздух, словом—чарующая ночь, чудесное место. Вы совсем не можете себе представить, как прекрасно здание салона, в котором пели: огромные, сверху до низу открытые окна выходят на террасу, с которой видна вся Вена;—пропасть зеркал и мало света. Кабинет, примыкающий слева к длинной прихожей, придавал всему помещению удивительный простор. Сердечность и приветливость хозяев, элегантность и благосостояние, веселое общество, царящее там остроумие и превосходный ужин задержали нас очень долго. Только около полуночи мы сели в экипажи и раз'ехались по домам.

С расходами я экономлю по возможности, берегу каждый крейцер также, как то кольцо [2]) в Варшаве. Если хотите, вы можете его продать, я уж и так довольно вам стою на мое несчастье!

Недавно мы были на Леопольдсберге и Каленберге с Кумельским и Чапеком, моим ежедневным гостем, дающим мне величайшие доказательства дружбы, вплоть до предложения денег для путешествия, если мне понадобится. День был чудесный. Лучшей прогулки я еще никогда не совершал. С Леопольдсберга видна вся Вена, Ваграм, Ашперн, Пресбург, монастырь Нейбург, замок, в котором долго держали в заточении Ричарда Львиное Сердце, — и вся верхняя часть Дуная. После завтрака мы отправились на Каленберг, где был лагерь короля Собесского (посылаю Изабелле оттуда листочек). Там есть церковь, принадлежавшая некогда камальдуленским монахам, где он

[1]) Чичимара сказал мне, что в Вене нет никого, кто бы так хорошо аккомпанировал, как я. Я подумал про себя: это я знаю очень хорошо. (Но об этом молчание!) [Приписка Шопена].

[2]) Это кольцо было подарено Шопену Александром I в 1825 году за игру на эолимелодиконе в присутствии императора.

перед наступлением на турок посвящал в рыцари своего сына Якова и сам совершал св. мессу. Оттуда к вечеру мы отправились в Крапфенвальд, прелестную долинку, где мы наблюдали удивительный уличный обычай: мальчишки украшаются с ног до головы зеленью и в таком костюме, похожие на движущиеся и танцующие кусты, крадутся от одного гостя к другому. Такой, весь покрытый зеленью с ветками на голове пузырь называется—„Pfingstkönig", [король Тройцы]. Так празднуется Тройца. Оригинальная забава!

Несколько дней тому назад я был еще на вечере у Фукса. Он показывал мне свое собрание из 400 автографов, между которыми находится мое, уже переплетенное р о н д о для двух фортепиано [1]). Там было несколько лиц, которые хотели со мною познакомиться. Фукс подарил мне листок с автографом Бетховена.

Ваше последнее письмо очень меня обрадовало, потому что все самые мне милые соединились на одном листке. Поэтому я целую за него ножки и ручки, каких нет здесь во всей Вене.

(83)

64. Шопен своим родным.

Вена, 1831, июль, суббота [16 июля] [2]).

Из вашего последнего письма я вижу, что вы уж освоились с несчастьем. Верьте, что и меня уже далеко не все может вывести из равновесия. Надежда, дорогая надежда!

Наконец паспорт у меня. С от'ездом в понедельник однако ничего не выйдет; только в среду отправляемся в Зальцбург и оттуда в Мюнхен. Знаете ли, что я себе визировал паспорт в Лондон. Полиция дала визу, однако русское посольство задержало паспорт два дня, после чего воспоследовало разрешение на выезд — только не в Лондон, а в Мюнхен. Это ничего, думал я, если только Mr. Мезон, французский посланник даст свою подпись.

Нам еще прибавилось хлопот: чтобы проехать через Баварию, нужно иметь противохолерное свидетельство, без которого не пропустят через границу баварского государства. Из-за этого мы бегали с Кумельским целых пол-дня; после обеда это должно кончиться. Меня радует, что измерив столько лестниц в присутственных местах, мы находились по крайней мере в хорошем обществе, так как если судить по польскому виду, прекрасному выговору и паспорту, то вместе с нами ходил сам Александр Фредро из-за такого же паспорта для своего слуги.

[1]) Это рондо появилось под ор. 73 в собрании посмертных сочинений Шопена.

[2]) В 1831 году суббота в июле приходилась на 2, 9, 16, 23 и 30. Настоящее письмо было написано очевидно в субботу 16-го, т. к. Шопен уехал из Вены в среду, 20 июля. В Мюнхене он долго ждал денег из дому и играл там (28 августа), а в Штутгарте (8 сентября) до него дошла весть о взятии Варшавы.

(20)

Холеры здесь боятся страшно. Даже смех берет. Продают печатные молитвы от холеры, не едят овощей, и большинство бежит из города. Мекетти оставляю для печати полонез для виолончели.

Людвика мне пишет, что пан Эльснер доволен рецензией. Я не знаю, что он скажет про другую, так как он ведь был моим учителем композиции.

Мне ничего не нужно, только побольше жизни, больше воодушевления; я измученный, а иногда такой же веселый, как бывал дома. В грустные минуты я отправляюсь к пани Шашек. Там я обычно встречаю нескольких милых полек, чьи сердечные обнадеживающие слова придают мне столько бодрости и веселья, что я сейчас же начинаю передразнивать здешних сановников. Это мое новое дурачество, только что мною изобретенное; вы еще его не видали, а те, кто его видят, помирают со смеху [1]). Но бывают дни, когда из меня не выжмешь и двух слов и со мной ни до чего не договоришься. Тогда я еду за 30 крейцеров в Гицинг или куда-нибудь в окрестности Вены, чтобы развлечься.

У меня был Захаркевич из Варшавы. Его жена, увидав меня у Шашеков, страшно удивилась, что я такой статный мущина. С правой стороны я отпустил себе бакенбарду и она довольно густая. С левой же она лишняя, потому что только с правой садишься к публике.

Недавно у меня был славный Вюрфель. Потом пришли еще Чапек, Кумельский и многие другие, и мы поехали к св. Виту. Это красивое место, чего я не скажу про здешнее так называемое Тиволи; там сделан род карусели или тележки на полозьях, „рутч", как их здесь называют. Это страшная глупость! Однако пропасть народу катается на этих тележках сверху вниз без всякой цели. Я даже смотреть на это не хотел. Все-таки позже, так как нас было восемь (и к тому же самых добрых приятелей, как например Райтер, здешний профессор политехники, Хельцель из Кракова и т. п.), то мы и начали вместе кататься взапуски, кто прежде долетит, помогая себе ногами, причем явилась цель для соревнования, и я из ярого противника этого глупого венского развлечения превратился в ревностного прозелита. До тех пор пока наконец разум не взял верх, и мне не пришла мысль, что здоровые и сильные малые забавляются таким образом, что дельные головы убивают на это время как раз в такой момент,

[1]) О мимическом таланте Шопена Станиславом Тарновским в его биографии композитора рассказывается следующее: „Нам рассказывала кн. Марцелина Чарторижская что Шопен был одним из самых совершенных и занимательных мимиков. Без переодеваний, без всяких актерских приспособлений изменял он в один миг лицо, осанку, походку таким совершенным образом, что даже самые близкие его знакомые не могли его узнать. Такие выдающиеся артисты сцены, как Бокаж и М-м Дорваль, уверяли, что они никогда не встречали такого подражательного таланта и такого прирожденного комического дарования".

когда все человечество призывает их к самозащите. Чорт их побери!..

Здесь в театре очень хорошо была исполнена Россиньевская „Осада Коринфа". Я рад, что мне удалось еще услыхать эту оперу. Вильд, Гейнефеттер, Биндер, Форти, словом все, что только есть в Вене хорошего, выступало, и это было очень хорошо. Я был на этой опере вместе с Чапеком, моим ежедневным гостем (на визиты жаловаться не могу, даже дамы меня посещают, как-то: Бейерова, Фишерова и т. д.) [1]), а после ужинал в том самом ресторане, где всегда пил Бетховен.

Да, чтобы не забыть: вероятно мне придется взять у банкира Петера несколько больше денег, чем мне назначил папа. Я распределяю их по возможности, но ей богу я не могу иначе, а то я должен буду отправиться в дорогу со слишком легким кошельком. Если я, сохрани бог, заболею, или со мной что-либо случится, то вы сможете меня упрекнуть, почему я не взял больше. Простите, но ведь на эти деньги я уже живу май, июнь, июль, и за обед я плачу теперь дороже, чем зимой. Я делаю это не по собственному убеждению, а гораздо больше по чужому совету. Мне больно, что я должен вас теперь об этом просить. Папочка потратил на меня уж не три гроша. Я знаю, как мучаешься из-за каждого гроша, и что нынче вам даже и мученье не помогает,—а только надежда! Мне право тяжелее просить, чем вам—давать, однако мне легче взять, чем вернуть вам. Но сжалится же бог—punctum!

В октябре будет год, как мне выдали паспорт. Его наверное нужно продлить. Как это сделать? Напишите мне, можете ли вы мне прислать новый и каким образом. Может быть это совершенно невозможно [2])?

Часто я лечу по улице за каким-нибудь Ясем или Титом [3]). Вчера я бы поклялся, что это Тит сзади, а это был какой-то (psiakrew) [собачья кровь] пруссак. Пусть все эти эпитеты не дают вам дурного представления о моем венском воспитании. Правда, у них нет здесь ни вежливости, ни изысканных выражений в разговоре, за исключением выражения „Gehorsamer Diener" в конце каждой фразы; но я и не учусь здесь ничему типично-венскому (а только тому, что принято и что хорошо) [4]). Вальса, например, никакого танцовать как следует не умею, а этого уж довольно. Мое фортепиано слышало только мазурки.

Дай бог вам здоровья. Да не погибнет больше никто из наших знакомых. Жаль Гучио [5])! Нынче я обедаю у Шашеков. Я ношу пуго-

[1]) Заключенное в скобки имеется у Карасовского и отсутствует у Шарлита и у Гуттри.

[2]) Это действительно оказалось невозможным, вследствие чего Шопен на всю жизнь остался эмигрантом.

[3]) Ясь Матушинский и Тит Войцеховский.

[4]) Что в скобках—имеется только у Карасовского.

[5]) Уменьшительное от Густав.

вицы с польскими орлами и носовые платки со знаком косоносцев (kosynier) [1]).

Я написал полонез, который должен оставить здесь Вюрфелю. Портрет Скржинецкого я получил, но в страшно испорченном и проколотом виде—следствие холерной эпидемии. И ваши письма также прокалываются и снабжаются огромной печатью здоровья, — таков страх, панический страх!

Ваш преданнейший *Фридрих*.

65. Из дневника Шопена.

Штутгарт, 8 сентября 1831.

Предместья разрушены, сожжены. Ясь и Вилюсь наверное пали на баррикадах! Марцель верно в плену! Совинский, честная душа, в руках этих мерзавцев! Паскевич, этот могилевский пес, занимает жилище первых монархов Европы! Москва повелевает миром! О боже, существуешь ли ты? Существуешь, а не мстишь? Неужто тебе не довольно московских преступлений? Или— или—ты сам москаль?!... Мой бедный отец! Честная душа, может быть теперь—голодает? Может быть матери не на что купить хлеба?! Может быть мои сестры зависят от яростного неистовства московских солдат?! О, отец! И это утешение твоих старых дней?! Мать, бедная, страдающая мать, для того ли ты пережила свою дочь, чтобы видеть, как москали будут попирать ее кости!.. Повонзки [2])! Ах, пощадили ли они ее могилу? Растоптана, тысячи трупов завалили могилу...

Что с ней [3])? Где она? Бедная, может быть в руках московских? Москаль ее душит, терзает, убивает... О жизнь моя! Я тут один, приди ко мне! я осушу твои слезы, залечу твои теперешние раны воспоминанием о прошлом... В то время, когда еще не было москалей, а только некоторые из них так хотели тебе нравиться, ты над ними издевалась, потому что я был там... Есть ли у тебя мать? И такая дурная, а у меня такая добрая!... а может быть у меня вовсе уж нет матери? Может быть москаль уже убил, растерзал?.. сестры без чувств, не даются, отец в отчаянии не знает, как помочь. А я здесь, бездеятельный, со сложенными руками, иногда только стенаю и безнадежно жалуюсь на фортепиано! О боже, да поколеблется земля, на которой пожирается теперь род человеческий! Накажи французов страшными муками за то, что они не пришли нам на помощь!..

То ложе, к которому иду... может быть уж не один труп на нем лежал, и долго лежал, а мне это нынче не внушает отвращения... А чем труп хуже меня? Труп также ничего не знает об отце, матери, о страх, о Тите; у трупа тоже нет возлюбленной; он не может поговорить с окружающими на своем языке... труп такой же бледный, как я, такой же холодный, каким я теперь себя чувствую ко всему.

Башенные часы в Штутгарте бьют полночь. Сколько трупов прибавилось на свете в это мгновенье? Погибли матери у детей, дети у матерей... сколько горя от мертвецов в этот момент и сколько отрады!.. Злой и добрый—трупы. Доблесть и злодеяние—одно, когда сестры трупы. Итак, видно смерть наилучший поступок человека... А что ж будет наихудшим? Рождение,—как противоположное наилучшему поступку. Итак, я имею основание сердиться, зачем пришел в мир...

Кому нужно мое существование? Я не пригожусь людям, так как не крепко стою на ногах. А у трупа есть ноги? У трупа тоже нет ног, следовательно ничто не нарушает моего математического равенства со смертью.

Любила ли она меня или только притворялась? Это трудно отгадать... Так, не так, так, не так, не так, так... палец в палец... Любит ли меня? Наверное любит... Пусть делает, что хочет.

Отец! мать! Где вы? А может быть трупы? Может быть москаль надо мной пошутил, о подожди, подожди... О, слезы! Так давно не текли... ах долго, долго я не мог плакать... Как мне хорошо и как тоскливо! Хорошо и тоскливо? Когда тоскливо, то не хорошо—а все-таки приятно. Это странное состояние... Но и трупу также хорошо и нехорошо одновременно. Переносится в более счастливый мир и ему хорошо, жалеет расстаться с прошлым—и тоскливо ему. Он чувствует себя так, как я, когда перестал плакать. Я почувствовал какие-то мгновенные умирания,—умер для сердца на миг, или скорее сердце умерло для меня на мгновенье. О, почему же не навсегда!.. Может быть мне было бы легче!

Один... один!.. Нельзя описать моего горя, я насилу его переношу.

66. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.

Париж, 12 декабря 1831.

Жизнь моя дорогая!

Я ожил, получивши твое письмо. Твоя контузия! До меня доходили разные вести, по-разному я толковал себе выражения в письмах из дому, а Кот, который мне писал, так странно выразился в письме, что я боялся мыслей, которые меня преследовали. Мы все-таки еще встретимся в этой жизни! Сколько перемен, сколько бедствий, кто бы мог это предвидеть! Помнишь ли ночное совещание в Вене, вечером накануне твоего от'езда? Меня ветер загнал сюда, тут дышится сладко, но может быть и вздыхают больше, оттого, что легко. Париж—все, что хочешь: можешь веселиться, скучать, смеяться, плакать, делать все, что тебе угодно, и никто на тебя не взглянет, потому что здесь

---

[1]) Эмблема (герб) повстанческих полков, вооруженных косами.

[2]) Кладбище в Варшаве, где похоронена младшая сестра Шопена Эмилия.

[3]) С Гладковской.

тысячи людей делают тоже, что ты, у каждого своя дорога. Я не знаю также, есть ли где-нибудь больше пианистов, чем в Париже, как не знаю, есть ли где-нибудь больше ослов и виртуозов, чем тут. Надо тебе знать, что я сюда приехал с немногими рекомендациями. Мальфатти дал мне письмо к Паэру; у меня было еще несколько писем из Вены к издателям, и это все. Только в Штутгарте, где до меня дошла весть о взятии Варшавы, только там я окончательно решился отправиться в этот иной свет. Через Паэра, который здесь придворным капельмейстером, я познакомился с Россини [1]), Керубини [2]), Байо [3]) и т. д. Через него также я познакомился с Калькбреннером [4]).

Ты не поверишь, как мне были любопытны Герц [5]), Лист [6]), Гиллер [7]) и т. д. Все они нули перед Калькбреннером. Признаюсь тебе, что я играю, как Герц, а хотел бы играть, как Калькбреннер. Если Паганини совершенство, то Калькбреннер параллель ему, но совсем в другом роде. Трудно тебе описать его „calme“, его чарующее туше, неслыханную ровность и обнаруживающееся в каждой ноте мастерство. Он великан, топчущий всех Герцов, Черни и т. д., а вместе с ними и меня. Что ж происходит? После знакомства, Калькбреннер просит, чтобы я ему что-нибудь сыграл. Хочешь не хочешь, а не слыхав его раньше и зная игру Герца, я отложил тщеславие и сел. Сыграл мой e-moll'ный концерт, которым не могли нахвалиться прирейнские Линдпентнеры, Берги, Штунцы, Шунки и вся Бавария. Калькбреннер удивился и тотчас спросил меня, не ученик ли я Фильда [8]). Он сказал, что у меня игра Крамера [9]), а удар Фильда. Это меня очень обрадовало, а особенно когда Калькбреннер, усевшись за фортепиано и желая передо мною отличиться, ошибся и должен был остановиться. Но нужно было слышать, как он сыграл репризу, я не ожидал ничего

[1]) Россини, Джоакино-Антонио (1792 –1868), знаменитый композитор.

[2]) Керубини, Мария-Луиджи (1760—1842), очень известный, плодовитый композитор, написавший 29 опер, 11 больших месс, 2 реквиема, 17 кантат и множество всяких других композиций, между которыми сонату для 2-х органов.

[3]) Pierre-Marie-François Baillot de Salis (1771—1842), один из знаменитейших скрипачей того времени.

[4]) Калькбреннер, Фридрих-Вильгельм (1788—1849), знаменитый пианист, популярный в то время композитор и учитель музыки.

[5]) Жак-Симон Герц, известный в то время в Париже пианист, композитор и учитель фортепианной игры.

[6]) Франц Лист (1811—1886), гениальный, несравненный пианист и замечательный композитор.

[7]) Фердинанд фон-Гиллер (1811—1885), композитор, пианист и даровитый музыкальный писатель.

[8]) Джон Фильд (1782—1837), прекрасный пианист и композитор, чьи ноктюрны были прототипом Шопеновских. Долго жил и умер в Москве, где и похоронен на Введенских горах.

[9]) Крамер, Иоганн-Баптист (1771—1858), известный пианист-виртуоз и учитель автор популярных этюдов.

подобного. С тех пор мы видаемся каждый день,—или он у меня, или я у него, и узнавши меня ближе, он предложил мне поучиться у него три года, после чего сделает из меня нечто очень хорошее. Я сказал ему, что знаю, как многого мне не достает, но я не хочу ему подражать и думаю, что три года слишком много. Он убедил меня однако тем, что я могу прекрасно играть, когда у меня есть настроение, и плохо, когда его нет,—чего с ним никогда не случается. Присмотревшись ко мне ближе, он сказал, что у меня нет школы, и что хотя я на прекрасной дороге, но могу с нее сбиться;—что после его смерти, или если он совсем перестанет играть, не останется больше представителя высокой фортепианной школы;—что я не смогу, если бы даже и хотел, создать новой школы, не овладев старой,—словом, что я несовершенная машина и этим самым торможу течение и развитие своих мыслей;—что я чеканю свои композиции, и было бы жаль, если бы я не сделался тем, чем обещаю быть и т. д., и т. д.

Если бы ты был тут, ты сам сказал бы: учись, хлопче, пока есть время. Но многие мне этого не советуют, уверяя, что я также хорошо играю, как он, а что он это делает из тщеславия, чтобы потом называть меня своим учеником и т. д., и т. д. Все это глупая болтовня. Нужно знать, что насколько все уважают талант Калькбреннера, настолько не терпят его особы, потому что он не панибратствует, как водится, со всяким дураком, и право в нем есть что-то высшее над всеми, кого я слышал. Я писал об этом родителям [1]). Они как-будто соглашаются, но Эльснер подозревает зависть. Кроме того (надо тебе знать, что между артистами у меня уже большое имя), 25-го декабря я даю концерт. Участвует Байо,—славный соперник Паганини, Брод [2]), знаменитый гобоист; я играю мой f-moll'ный концерт и B-dur'ные варьяции, на которые несколько дней назад я получил от одного воодушевленного этими варьяциями немца из Касселя рецензию в десять листов. В ней, после огромных предисловий, он приступает к их разбору, об'ясняя такт за тактом и говоря, что это не варьяции, как всякие другие, а какие-то фантастические картины. Про вторую варьяцию он говорит, что это бегают Дон-Жуан с Лепорелло, про третью—что он обнимает Церлину, а Мазетто в левой руке сердится на это, а про пятый такт Adagio говорит, что Дон-Жуан целует Церлину в Des-dur! Платер спрашивал меня вчера, где у нее этот Des-dur, и т. д. Умрешь от воображения немца, которому захотелось, чтобы его зять Fétis отдал это в „Revue musicale“, от чего меня едва спас честный Гиллер, юноша с огромным талантом (бывший ученик Гуммеля, концерт и симфония которого произвели недавно огромный эффект. Это человек в роде Бетховена, полный поэзии, огня и духа), сказав тому пану зятю, что это совсем не умно, а скорее очень глупо.

[1]) Письмо это пропало.

[2]) Брод, Генри (1801—1839), отличный гобоист, профессор парижской консерватории.

Но вернемся к концерту. Я играю кроме того с Калькбреннером на двух фортепиано с аккомпаниментом четырех других его „Marche suivie d'une Polonaise". Нелепая мысль! Один из инструментов—огромный предназначается Калькбреннеру, другой—маленький, монохордный, но звучный как колокольчик—для меня, а те четыре, сильные как оркестр. На них будут играть Гиллер, Осборн [1]), Стамати [2]) и Совинский [3]). Последнего я не сравню с покойным Александром [4]) (с ученицей которого я тут познакомился): голова не крепкая, только фигура и сердце доброе. Норблин [5]), Видаль [6]), и знаменитый Урбан, альтист такой, какого я еще никогда не слыхал, помогают мне. Билеты распродаются. Самое трудное было достать певицу. Для меня Россини разрешил бы выступить какой-нибудь из оперы, если бы он мог это сделать один без пана Роберта, другого директора, который не хотел навлечь на себя этим неудовольствие двухсот или трехсот подобных же просьб. Однако я тебе до сих пор еще ничего не написал об опере. Я еще никогда не слыхал такого „Цирульника", как на прошлой неделе с Лаблаш [7]), Рубини [8]) и Малибран-Гарсиа [9]), никогда не слыхал такого „Отелло", как с Рубини, Паста и Лаблаш и „Итальянцев" с Рубини, Лаблаш и Рембо [10]). Теперь больше чем когда-либо я имею в Париже все. Нельзя себе представить, что такое Лаблаш. Про Пасту говорят, что она потеряла голос, но я еще ничего более возвышенного не слышал. Малибран поражает своим чудным голосом и поет, как никто! Чудо, чудо! Рубини превосходный тенор, поет грудью, а не фальцетом и иногда часа два делает рулады (но временами слишком долго плавает и умышленно тремолирует, кроме того делает без конца трели, что ему приносит однако наибольшие аплодисменты). Его „mezza voce" несравненно. Здесь Шрёдер-Девриент [11]),

[1]) Георг-Александр Осборн (1806—1893), пианист и салонный композитор, ученик Калькбреннера.

[2]) Стамати, Камилл-Мария, пианист и композитор, ученик Калькбреннера, популярный учитель музыки в Париже.

[3]) Совинский, Альберт, польский композитор и музыкальный писатель, ученик Черни. Сочинения Совинского Шопен ценил не высоко.

[4]) Александр Рембелинский, школьный товарищ Шопена.

[5]) Норблин, Луи-Пьер-Мартин (род. в 1781 г. в Варшаве), знаменитый виолончелист.

[6]) Видаль, Луи-Антуан, виолончелист, ученик Франкомма, впоследствии друга Шопена.

[7]) Лаблаш, Луиджи (1794—1858), знаменитый бас-буффо, певший в Милане, Венеции, Вене, но вершины своей славы достигнувший в Париже.

[8]) Рубини, Джиовани-Баттиста, знаменитый тенор, выступавший в 1832—1843 г.г. в Париже и Лондоне.

[9]) Малибран-Гарсиа, Мария-Фелисита (1808—1836), одна из замечательнейших певиц XIX столетия.

[10]) В то время очень ценимая в Париже певица.

[11]) Шрёдер-Девриент, Вильгельмина (1804 — 1860), выдающаяся драматическая певица.

но она не производит такого фурора, как в Германии. Пани Малибран играла роль Отелло, а она Дездемону. Малибран мала, а немка огромна; казалось, что немка задушит Отелло. Это был дорогой спектакль, каждое место стоило не меньше 24 франков,—чтобы посмотреть начернённую и нехорошо играющую эту роль Малибран. Должны дать „Пирата", „Сонамбулу" и т. д. Паста уже уехала, говорят, она больше не будет петь. Оркестр чудесный, но все-таки не сравнится с настоящей французской оперой (L'Académie Royale). Если когда-нибудь была в театре роскошь, то не знаю, доходила ли она до той степени пышности, как в „Роберте Дьяволе", новой 5-актной опере Мейербера, того, который написал „Crociato". Это chef d'oeuvre новой школы, где хоры чертей иллюстрируются тубами, где мертвые встают из гробов, но не так как в „Шарлатане" [1]), а сгруппированные по 50-60 человек, где на сцене диорама [2]), где наконец видна внутренность костела и весь костел на Рождество или светлую Пасху с монахами, со всей публикой на скамьях, с фимиамом и, что еще замечательнее,—с органом, звук которого на сцене изумляет и чарует и почти покрывает весь оркестр. Нигде не смогут поставить ничего подобного. Мейербер обессмертил себя! Правда, он три года сидел в Париже, прежде чем поставил эту оперу и, как говорят, истратил на это 20.000 франков. Пани Цинти Даморо [3]) поет тоже так великолепно, что лучше нельзя,—ее пение я предпочитаю пению Малибран. Малибран поражает, Цинти пленяет, хроматические гаммы она делает лучше, чем знаменитый Тулон на флейте. Невозможно обладать более обработанным голосом, но ей это так мало стоит, что кажется, будто она только дует на публику. Нурри [4]), французский тенор, поражает силой своего чувства. А Шолле [5]) в „Opéra Comique", где даются „Фра Дьяволо", „Невеста" и „Цампа" (новая прекрасная опера Герольда) [6]), один из первых здешних любовников, чудесный, очаровательный соблазнитель, гений с настоящим романтическим голосом. Он создал свою собственную манеру. В „Opéra Comique" дают теперь „Marquise de Brinvilière", это женщина, отравлявшая людей во времена Людовика XIV или XV. Музыку к ней писало 8 человек: Керубини, Паэр, Бертон, Герольд, Обер [7]), Батон, Бланкини и Караффа. Надеюсь, что трудно найти лучшую компанию. Напиши мне, что ты обо всем этом думаешь. Однако, ты всетаки должен заме-

[1]) Опера Курпинского, шедшая в Варшаве с большим успехом.

[2]) Декорации, сделанные по принципу панорамы и со световыми эффектами.

[3]) Лаура Даморо Цинти (1801—1863), выдающаяся французская оперная певица.

[4]) Нурри, Адольф (1802—1839), знаменитый тенор.

[5]) Шолле, Жан-Баптист-Мари, прославленный парижский певец, для которого написаны „Цампа" Герольда и „Фра-Дьяволо" Обера.

[6]) Герольд, Луи-Жозеф (1791—1833) сделал себе имя комической оперой „Цампа" и оперой „La clochette".

[7]) Обер (Auber), Даниель-Франсуа (1782—1871), известный композитор, прославившийся операми „Фенеллой" и „Фра-Диаволо".

тить, что я не одурел и не хочу одуреть. Пиксис [1]) отнесся ко мне с великим почтением — сперва оттого, что я играю, а потом оттого, что ревновал свою девицу, которая охотнее смотрит на меня, чем на него!! Пиши мне ради бога, или приезжай. Твой до смерти и может быть недалекой.

Ф. Шопен.

Старый Потье превосходен! Молодой здесь с Герветом. Эвра, Тьери и Филес тоже тут, но я их не видал. Я живу — бульвар Пуассоньер, № 27, ты же не дал мне своего адреса, и я должен был узнавать его у Водзинского.

Плейелевские инструменты — non plus ultra. Из поляков видаю Куносика, Моравского, Немой[евского?], Лелевеля, Плихту и огромную пропасть дураков. У пани Явурек часто собираются, но ничего больше. Она красива. Олещинский собирается меня гравировать. Недавно с Брыкчинским был у пани Тышкевич с визитом, а Понятовского еще нет. Нынче иду к Монтебелло. Если бы не Водзинский, не знал бы твоего адреса, вертопрах! Водзинский поджидает тебя здесь, а я только иногда хочу тебя видеть, в особенности когда идет дождь, потому что тогда я едва не схожу с ума от тоски. Панна Гладковска вышла за Грабовского, но это не мешает платоническим аффектам. Сию секунду пришел Байо. Запечатываю письмо. Люби меня.

Не могу удержаться, чтобы не написать тебе о моем приключении с Пиксисом. Представь себе, у него живет очень красивая пятнадцатилетняя девушка, на которой (как он говорит), он хочет жениться, и с которой я познакомился, бывая у него в Штутгарте. Приехав сюда, Пиксис пригласил меня к себе, ничего не сказав о том (может быть я тогда бы еще раньше его навестил), что с ним приехала его девица, о которой я уж забыл. Он просит меня его навестить. Через неделю я прихожу. Уже на лестнице встречает меня его молодая воспитанница, с большим удовольствием приглашает к себе, говоря, что это ничего, что пана Пиксиса нет, чтобы я отдохнул, что он сейчас вернется и т. д. (какая-то дрожь пробирает нас обоих). Я извиняюсь, зная, что старик ревнив, говорю, что приду в другой раз и т. д. В то время, пока мы так чувствительно разговаривали на лестнице, стараясь в невинности сердца понравиться друг другу, лезет Пиксиско, смотрит (совсем как Солива) через толстые очки, кто там наверху разговаривает с его красоткой и, ускорив шаги, останавливается бедняга передо мною и говорит резко: „bon jour“, а ей: „qu'est-ce-que vous faites ici?“ — посылая на нее огромную иеремиаду немецких чертей за то, что она смеет в его отсутствие принимать молодых людей. Я также со смехом

[1]) Пиксис, Иоган-Петер (1788—1874), пианист и композитор, брат директора пражской консерватории.

поддакиваю Пиксису (не чувствуя себя ни в чем виноватым) и упрекаю ее, что она, одетая так легко (только в легком платьице) выходит из комнат и т. д. Пока, наконец, старик не спохватился, остыл, взял меня под руку, провел в салон и не знал со страху, куда меня посадить (чтобы я, разгневавшись, не сделал какой-нибудь шалости, или скорее не обманул бы его дитятко, когда его не будет дома). Позже, увидав, что я все время был в хорошем настроении (не будучи в состоянии скрыть удовольствия, какое я испытал в первый раз в жизни от того, что меня могли счесть способным (capable) на нечто подобное), он проводил меня с лестницы, и я заметил, как он вошел к швейцарше, чтобы узнать, давно ли я взошел на лестницу и т. п. С тех пор Пиксис не может перестать расхваливать мой талант перед всеми издателями, а особенно перед Шлезингером, который предложил мне написать что-нибудь на темы из „Роберта“, которого он купил у Мейербера за 24.000 франков! Как тебе это нравится? Вот так séducteur! [соблазнитель] [1]).

(89)

67. Людвика Шопен Шопену.

27 ноября 1831 г.

Дорогой Фрицек!

Я слишком хорошо понимаю, что наше нынешнее письмо причинит тебе некоторую неприятность из-за высказанного в нем мнения, несколько иного, чем твое. И мне жаль тебя, потому что из-за этого для тебя возникнут разные затруднения. Получив твое письмо, мы так обрадовались Калькбреннеру и были до такой степени довольны, что хотя после окончания чтения и было уже больше девяти часов, я сейчас же села писать тебе письмо, чтобы с восторгом сообщить тебе, что никто из нас этому не противится, и что мы единодушно посылаем тебе это желанное „да“. Меня даже удивило, как ты мог подумать, что я напишу тебе иное. От Калькбреннера я была в восхищении и в воображении уже видела в нем такого человека, каким дай бог быть всякому,— я видела в нем великодушие, высшую мораль, словом, я дала бы ему такую аттестацию (если бы дело зависело от моей особы); даже тебя самого, тебя, мой дорогой, я хотела отдать в его руки безо всякого колебания.

На другой день мы все-таки отправились к милому Эльснеру, который не только тебя любит, но может быть как никто жаждет для тебя славы, основательных знаний и т. д. (может быть я неудачно выразилась, но ты меня простишь). Прочитав письмо, он не был так

[1]) Описанные в начале этого письма отношения между Шопеном и Калькбреннером дали повод к возникновению целого ряда легенд. Поэтому кажется не лишним привести здесь письмо старшей сестры Шопена, Людвики Шопен, проливающее некоторый свет на эти, оставшиеся неясными, отношения. Письмо это служит ответом на пропавшее, к сожалению, письмо композитора к родным.

доволен этим предложением, как мы, и воскликнул, покачав головой: „Это уж от зависти—три года“! Я ему высказала на это свое удивление, напомнив, что он только что был почти противоположного мнения, превознося хорошие качества Калькбреннера, его любовь к искусству, и несколько раз прочла выдержки из твоего письма о том, что он при этом не руководствуется никакими материальными соображениями и т. д. Однако, ничто не помогало. Эльснер сделал раздосадованное лицо и, сказав, что сам тебе напишет, прибавил: „Я знаю Фридриха, он великодушный, не знает самолюбия, не жаждет успехов,—они завладеют им. Я ему напишу, как я все это понимаю“.

Действительно, нынче утром он принес письмо, которое я тебе пересылаю, и еще больше говорил с нами об этом. Мы, как люди, рассуждающие в простоте сердца своего, не могли себе представить, что Калькбреннер мог быть чем-нибудь иным, кроме как достойнейшим человеком. Эльснер, напротив, не совсем того же мнения. И нынче он сказал: „Они почуяли во Фрице гения, и им уж досадно, что он сможет их перерости, поэтому они и хотят заполучить его в свои руки на три года и по крайней мере хотя бы задержать то, что могло бы естественно развиться. Калькбреннер [здесь в оригинале два неразборчивых слова] итальянец никак не лучших качеств. Пани Шима[нска] осмелилась сказать о нем „que c'est un filou“ [1]), следовательно дело идет о спекуляции с Фридрихом, чтобы по меньшей мере назвать тебя своим учеником, а то, так и заглушить твою гениальность вопреки любви к искусству“.

Эльснер сказал, что не понимает о какого рода школе говорит Калькбреннер, и прибавил: „Если Калькбреннер сам обладает этой школой, то тебе не нужно трех лет для ее изучения, в случае же, если дело идет только об исполнении, то ты, если тебе угодно, будешь в состоянии сам разобраться в этом“. Эльснер как раз не хочет, чтобы ты подражал, и он хорошо выразился: „Всякое подражание не то, что оригинальность. Если ты будешь подражать, то сделаешься неоригинальным, и хотя ты моложе, но твои мысли могут быть лучше, чем у более опытных. Ты обладаешь врожденной гениальностью, и твои творения лучше и свежее. У тебя игра Фильда, несмотря на то, что ты слышал Живного. Что ж это доказывает?“

Эльснер хочет кроме того, чтобы из тебя вышел не только концертный виртуоз, фортепианный композитор и знаменитый исполнитель; это ведь легче и менее значительно, чем писать оперы. Он же хочет, чтобы ты сделался тем, к чему влечет тебя природа, и к чему она тебя предназначила. Твое [в оригинале неразборчивое слово] место между Россини и Моцартом и т. п. Твой гений не должен ограничиваться фортепиано и концертами, напротив, ты должен себя обессмертить, сочиняя оперы. Он говорит, что с такими знаниями, какими ты обладаешь в твоем возрасте, ты стоишь может быть выше, чем стояли многие из современных знаменитых композиторов, и ты должен стремиться туда, куда влечет тебя твой гений, а не следовать за кем бы то ни было.

[1]) „Что он ловкий мошенник“.

Сначала над Моцартом смеялись (так он сказал) и не хотели ничего знать об его сочинениях и играли только его предшественников. И только впоследствии его оценили. Все идет вперед, и новый гений никак не может быть тем, чем был старый. Запомни все хорошенько, что тебе пишет Эльснер, читай его внимательно; кажется, он прав. Он утверждает, что все сообщенное тобой—одни ослепляющие и, несмотря на кажущуюся искренность, в основании неискренние фразы (боже, зачем существуют такие люди!). Ты сам чувствуешь—что хорошо, и слушая игру стольких артистов, ты сам был в состоянии оценить достоинства каждого. Уж одно то, что тебе удалось это, доказывает твое превосходство.

Эльснер утверждает, что здесь не может быть большой любви к искусству, а скорее только самолюбие и любовь к карману. Эти его расчеты кажутся мне слишком далекими, но он говорит так: почему Лист, так во многом тебе уступающий, не захотел принять этого якобы столь хорошего предложения? Почему Калькбреннер не откопал себе какого-нибудь другого таланта, чью амбицию он, поскольку дело касается только исполнения, и возвел бы на подобающую ступень. Он предоставляет в твое распоряжение свой концертный зал, а четыре месяца ты можешь путешествовать, потому что тогда не сезон, и сам он в это время концертов не дает. Ты бы мало от этого выиграл, но подобная „complaisance“ обязывала бы тебя к признательности. Таким образом, ты постоянно играл бы подчиненную роль, тогда как ты мог бы превзойти и его и многих других.

Потом он сказал, что если бы Рейха [1]) (с которым ты к его удивлению до сих пор еще не познакомился) тоже заботился о твоем благе—в области композиции, вероятно и он осмелился бы также записать тебя в ученики на три года? Вот дерзость и наглость (как он выразился), которые страшно его рассердили: взять карандаш и зачеркнуть пассаж после беглого просмотра партитуры, не прослушав даже целиком концерта с оркестром! Он сказал, что было бы совсем другое дело, если бы Калькбреннер посоветовал тебе при писании второго концерта сделать более короткое „Allegro“, но вычеркивать из уже готового, этого он не может простить. Он сравнивает это с выстроенным домом, в котором кто-нибудь находит лишним один столб и, удалив его, хочет таким образом изменить все дело, иначе

[1]) Антон Рейха (1770—1836), композитор и теоретик; с 1818 г. преподавал композицию в парижской консерватории.

говоря — разрушить то, что находит плохим. Эльснер уверяет, что одного этого поступка достаточно, чтобы тебя оттолкнуть, заставив издалека почувствовать свое несовершенство. Он сейчас же прибавил: „А разве концерты Калькбреннера не длинны, хотя далеко не очаровательны?“ С кем он тебя сравнивал? Он привел, как пример, Герца, Листа, Совинского... Повидимому Эльснер справедливо утверждает, что для того, чтобы возвыситься, надо превзойти не только своего учителя, но также и своих современников. Можно их превзойти и подражая им, но тогда ты будешь только шагать по их следам; он же настоятельнейше утверждает, что ты теперь умеешь уже отличить лучшее от хорошего и должен сам себе пробивать дорогу. Твой гений поведет тебя. И он прибавил еще: „Фридрих обладает той оригинальностью, тем ритмом или той, как говорится, национальной самобытностью, которая на ряду с возвышенными мыслями является его оригинальной отличительной чертой“. Ему бы хотелось, чтобы ты это сохранил. В операх это даст себя сильнее чувствовать; всякий узнает, кто ты [1]), и это доставит тебе не мало приверженцев. Особенно же теперь, когда у тебя там столько близких, ты больше чем кто-либо можешь произвести впечатление своей музыкой.

Эльснер советует тебе, в случае если кто-нибудь сочинит что-нибудь о том времени, в которое мы с тобой не виделись, начать понемногу писать на это музыку и не отклонять подобных предложений [2]), сделанных тебе кем бы то ни было. Эльснер очень желает, чтобы ты прославился своими концертами, но он думает, что не это цель твоих стремлений, потому что ты—гений. Не одни фортепианные сочинения, а твои оперы сделают тебя первым.

О, мой дорогой Фрицек! Бедный ты! Потому что я ведь предвижу, что у тебя будет много неприятностей, если ты решишься отказаться. Но Эльснер предполагает, что ты нам сначала ответишь, не хочет ли Калькбреннер сократить срок, и что он подразумевает под печатью европейского артиста и под той школой, которая Эльснеру непонятна. Ведь если дело только в исполнении, то ты схватишь и приспособишь это к своей методе скорее, чем в три года.

Мой дорогой Фрицек, мы, ничего непонимающие в этом деле, не советуем тебе ни так, ни эдак, а обращаем только твое внимание. Главное, не спеши с ответом. Можешь еще написать нам, что ты об этом думаешь, что скажет Калькбреннер про письмо Эльснера (потому что Эльснер говорит, что ты можешь ему его показать). Эльснер дает тебе дружеский совет, потому что все дело в том, чтобы не препятствовать твоему развитию. Он утверждает, что если бы предложение

[1]) Т. е. поляк.

[2]) Из предосторожности здесь обиняком высказывается желание, чтобы Шопен написал музыку на сюжет из польского восстания 30—31 года.

не было сделано в такой форме, невозможно было бы так скоро его разгадать, а теперь—ловушка обнаруживается.

Ты не поверишь, как все это меня огорчает. Прав был тот [1]), кто был когда-то у тебя и говорил о зависти, предметом которой ты будешь, приехав в Париж. Отказ, выраженный даже в самой учтивой форме, все-таки непременно произведет неприятное впечатление; я боюсь даже гнева. А согласиться и сделать другим лучше, чем самому себе, тем более в таком деле,—просто ужасно. Правда, нет ничего лучше, как учиться. В этом мы совершенно твоего мнения: человек никогда не обладает достаточными знаниями. Да, учиться у кого-нибудь, кто желает наших успехов. В данном же случае никто не подумает, что Калькбреннер хочет твоих успехов. Иначе, все это были бы пустяки, и нельзя отказываться от чего-либо только потому, чтобы не называться учеником, как будто можно стыдиться того, что учишься?! Оставим дуракам это ложно-понятое самолюбие и стыдливость. Ни ты, ни мы не видим в учении шага назад, но в данном случае Эльснер боится, чтобы эти три года, в которые ты мог бы сделать большие успехи, не послужили бы тебе препятствием к ним. Я, мой дорогой, не буду тебе советовать; отдайся своему инстинкту, и ты сам поймешь дело лучше всех. Эльснер думает, что по прочтении его письма ты может быть изменишь свое мнение и желание.

Что касается твоего трехлетнего там пребывания, то для нас это никак не является причиной не написать тебе сейчас же „да“, так как мы и без того готовы к тому, что не увидим тебя раньше. И если приезд к нам слишком тебя утомит, то мы, не желая, чтобы ты совершал столь неприятное путешествие в дилижансе, готовы выехать к тебе на встречу на половину дороги, чтобы тебя обнять. Дай только бог тебе здоровья и таких благоприятных обстоятельств, чтобы все близкие были с тобою. Ах, почему я не могу быть с тобой! Правда, не на многое я бы пригодилась, но может быть и не помешала бы.

Марцель писал из Кракова; он в отчаяньи, что ничего о тебе не знает. Ты еще ему не ответил; он просит сжалиться над ним и сообщить, что с тобой делается. В будущем году вы будете вместе, а Фонтану увидишь через несколько недель, так как недавно у нас был его дядя и справлялся о твоем адресе.

Гофмейстер [2]) писал Зеневальду, чтобы он прислал ему все твое, что у него есть для печати или уже напечатанное. Был Новаковский, хотел, чтобы дали то рондо, которое ты велел гравировать для Мориоль, но папа не дал. Если велишь, то дадим. Ты не пишешь об Александрине—действительно ли она не заслуживает твоего расположения? Письмо Эльснера можно показать Лесюеру, даже следует.

[1]) Неизвестно, о ком идет речь.

[2]) Лейпцигский издатель, у которого Шопен напечатал свое „Rondo alla Mazur“ op. 5, посвященное гр. Александре де-Мориоль.

Мой дорогой Фрицек, мы все здоровы, [папа] теперь не будет так уставать, и говорить столько не будет, потому что преподает каллиграфию в лицее, а половину часов немецкий язык; и то хорошо. Пани Совинская трогательно всегда о тебе распрашивает. Беренд нашел, что твой бюст больше похож, чем портрет, и Бар[цинский], который недавно приехал, находит тоже. Пан Гоге, который его привез, обрадовал нас, сообщив о тебе, когда мы спрашивали, что ты там поделываешь, здоров ли: „О, здоров, вы можете быть спокойны, он ведь сумеет устроиться“. Я и подумала: ты хороший, да и есть ли на свете еще такой хороший!

Мой дорогой Фрицек, может быть к тебе явится некий Шиманский, возьми его на первое время под свое покровительство, т. е. посоветуй ему, что ему делать, если он тебя об этом спросит. Дай ему денег, если ему будет нужно. Мать его живет в одном с нами доме. Она очень об этом просит, а ты знаешь, что иностранцу приятно вначале найти хотя бы знакомого, если не приятеля. В твоем добром сердце он найдет то, чего хотела бы его бедная мать. Мама велела тебе это написать. Она милая женщина (пани Шиманска). Деньги ты вероятно уж получил. Мы искренне обрадовались, что предупредили твое желание. Вижу, что ты в лучшем настроении, но опасаюсь, чтобы эти затруднения не испортили тебе его снова. Хотя мне кажется, что это не надолго, потому что, если ты встретил столько добрых знакомых, они сумеют тебя развеселить; впрочем, люди не всегда могут веселить: иногда хотелось бы быть от них далеко.

Прочитав твою приписку, мы ее сейчас же зачеркнули, это несколько обидело старших, но секрета они не узнали [1]). Так как я не умею изворачиваться, то призналась, что это моя работа и с какой целью. Пан Фриц, глупенький, какая чепуха! Вообразить нельзя, какие случаи бывают с людьми и как причиной глупости могут быть предубеждение и самоуверенность. Ты не поверишь, как я страдаю из-за людей.

Вчера была у нас Элео[нора] Вольска, и третьего дня была,—они так любезны, что непременно хотят поручить нам племянника, но для него нет места. Она красива, но не так, как обещала. Нашла тебя на портрете настолько похожим, что вспомнила, как ты когда-то танцовал казачка. Если Шиманский попросит денег, то можешь дать ему до 100 франков; его мать просила об этом маму. Получил ли ты уже письмо, которое тебе писала Лорка... [2]) Монтебелло; мы послали тебе записку от Дзеванов[ского]. Пани Прушак уже вернулась. Олеся еще не замужем, но кажется уже недолго.

Насколько в твоем письме было много болтовни и приятных нам новостей, настолько это лишено их совсем. Но нет худа без добра:

---

[1]) Непонятно, о чем идет речь.
[2]) Точки в оригинале.

+ Рука Шопена (бронза).

чем оно легче, тем скорее до тебя долетит. Пан Фридрих [гр. Скарбек] немного нездоров; у него есть время хворать. Пан Михаил [гр. Скарбек] в деревне и здоров. Контесса № 1-й издохла [1]); он жалел, что не № 2-й. Пани Циxоц[ка] поехала в Дрезден. Grand personnage, так как уже с сыном. Жена брата делает из этого великое событие. Она поехала к мужу и нам пишет,—беспокоится, что мы не отвечаем. Любопытно однако, почему письма до всех доходят, а до них будто бы нет, разве только наши, а то всему свету было бы известно, что это ложь. Скродский еще дышит, но ему уж немного осталось.

Будь здоров, мой дорогой Фрицек, целую тебя миллион раз. Поступай так, чтобы ты был доволен и теперь и после. Что касается писанья писем, то если бы мы тебе назначили время, это значило бы тебя стеснять. Пиши, когда у тебя есть охота, настроение и время на это. Пиши много. Люби нас, потому что мы тебя любим больше жизни.

Л. Ш.

Все знакомые обнимают тебя от всего сердца: Жив[ный], Бар[цинский], Ендр[жеевич], Коль[берг?], Вит[вицкий] и т. д.

(93)

68. Шопен Иосифу Эльснеру в Варшаву.

Париж, 14 декабря 1831.

Милостивый пан Эльснер!

Ваше письмо было для меня новым доказательством той отцовской заботливости, того настоящего истинного расположения, которые вы соблаговолили сохранить к вашему самому преданному ученику. В 1830 году, хотя я и знал, как многого мне не достает и как я далек от того, чтобы решиться испробовать какой-нибудь ваш образец, я однако дерзнул подумать: приближусь хоть немножко к нему и если не „Lokietek“ [2]), так может быть какой-нибудь „Laskonogi“ [3]) выйдет из моей башки. Теперь же, видя, что все надежды подобного рода рухнули, я вынужден думать о проложении себе дороги в свете в качестве пианиста, откладывая только на некоторое время высшие артистические цели, которые вы мне справедливо изложили в своем письме. Для того, чтобы сделаться великим композитором, нужен огромный опыт, который, как вы меня учили, достигается слушанием не только чужих, но еще больше собственных работ. Некоторые из способной молодежи, учившейся в парижской консер-

[1]) По всей вероятности лошадь.

[2]) Эльснер написал историческую оперу „Владислав Локетек“ („Владислав короткий“—карлик).

[3]) Другой польский король, который за свои тонкие, как палки, ноги был прозван «Laskonogi» — длинноногий.

ватории, дожидаются, сложа руки, исполнения своих опер, симфоний, кантат, и только Керубини и Лесюер[1]) увидали напечатанными свои произведения (я уже не говорю о маленьких театриках, добиться которых тоже трудно; а если и добьешься, как например Фома[2])—Леопольдштадтского театра, все-таки никакого артистического значения не приобретешь, несмотря иногда и на большие достоинства). Мейербер, известный в течение десяти лет, как знаменитый оперный композитор, три года трудился, платил и сидел в Париже, пока наконец дождался (когда Обера стало уж слишком много) исполнения своего произведения „Robert le Diable", делающего в Париже фурор. Что касается „проявления себя" в музыкальном мире, то по моему счастливы лишь те, которые могут быть и композитором и артистом одновременно. Кое-где в Германии меня уже знают, как пианиста; некоторые музыкальные газеты вспоминали о моих концертах, выражая надежду вскоре увидеть меня между первыми виртуозами моего инструмента (что значит: disce puer, faciam te mości panie)[3]). Теперь мне представляется единственный случай к оправданию возложенных на меня надежд; почему же мне не ухватиться за это? В Германии я бы никому не дал учить себя на фортепиано, потому что хотя многие и чувствовали, что мне чего-то еще не достает, но никто не знал—чего. Я сам не видел в своем глазу того бревна, которое мешает мне теперь смотреть выше. Три года много, слишком много (как признал и сам Калькбреннер, разглядевши меня лучше; это должно вам доказать, что настоящий, достойный хвалы виртуоз не знает зависти). Однако, я бы согласился и на три года работы, если бы мог этим сделать большой шаг вперед в своих начинаниях. У меня есть настолько смысла, чтобы не стать копией Калькбреннера. Ничто не будет в силах уничтожить может быть слишком смелую, но благородную волю и стремление создать себе новый мир, и если я буду работать, то для того, чтобы крепче встать на ноги. Рису[4]), уже известному пианисту, легче было пожинать лавры в Берлине, Франкфурте и т. д. за свою „Braut". Шпор так же давно был известен, как скрипач, прежде чем написал „Ессонду", „Фауста" и т. д. Надеюсь, что вы мне не откажете в своем благословении, увидав на каких основаниях и с какими намерениями я поступаю. Родители наверное вам сказали о том, что мой концерт отложен на 25-ое. У меня было много хлопот с его устройством, и если бы не Паэр, Калькбреннер и в особенности Норблин (который вам низко кланяется), то я не мог бы его дать в такой короткий срок (для Парижа два месяца считается слишком мало). Байо очень учтив и любезен,—играет квинтет Бетховена, Калькбреннер со мной—дуэт с аккомпаниментом четырех фортепиан. Рейха я знаю только по виду. Вы знаете, как мне любопытно было узнать этого человека. Я познакомился здесь с некоторыми его учениками, которые дали мне о нем несколько иное представление. Он музыки не любит: не бывает даже в концертах консерватории, не хочет ни с кем о музыке говорить, на своих уроках только смотрит на часы и т. д. Тоже самое и Керубини,—болтает только о холере и революции. Эти господа—настоящие сушеные куклы, на которых можно смотреть с уважением, а по их произведениям учиться. Фетис, которого я знаю и от которого можно действительно многому научиться, опять живет за городом и бывает в Париже только на уроках, так как иначе давно бы сидел у св. Пелагеи[1]) за долги; их у него больше, чем ему дает „Revue musicale". Надо знать, что по закону в Париже можно арестовывать должников в „domicile" [жилище], поэтому он и не сидит в Париже в своем „domicile", а выезжает за город, где закон некоторое время не может его достигнуть. Такое скопление в одну кучу множества интересных людей каждой отрасли музыкального искусства просто удивительно! Три оркестра: академии, итальянцев и „Fédau"— великолепны. Россини режиссирует свою оперу, которая обставлена лучше, чем где бы то ни было в Европе. Лаблаш, Рубини, Паста (которая теперь уехала), Малибран, Шрёдер-Девриент, Сантини и т. д. три раза в неделю пленяют большой свет. Нурри, Левассер, Деривис, m-me Цинти-Даморо, m-lle Дорю составляют гордость Большой оперы. Шоле, m-lle Казимир - Прево украшают Комическую оперу; словом, только здесь можно узнать, что такое—пение. Теперь несомненно Малибран (Гарсиа), а не Паста, первая в Европе—чудо! Валентин Радзивилл был от нее вне себя, и не раз мы представляли себе при этом вас, как бы вы восхищались! Лесюер очень благодарит вас за память и просит передать вам миллион поклонов. Он вспоминает о вас самым любезным образом и при каждом визите спрашивает меня: „Et que fait notre bon monsieur Elsnère, racontez moi de ses nouvelles"[2]), и сейчас же переходит к вашему реквиему, который вы ему прислали. Мы все здесь вас любим и почитаем, начиная с меня и кончая крестным сыном Антоном Орловским, которому не удастся так скоро добиться постановки своей оперетки, так как сюжет ее не из лучших, а кроме того, театр закрыт до Новаго года. Король не сорит деньгами; большинству артистов приходится худо; платят только англичане. Писал бы до завтра, но довольно уж этой скуки. Соблаго-

[1]) Лесюер, Жан-Франсуа (1760—1837), композитор, предшественник Берлиоза в области програмной музыки.

[2]) Фома Нидецкий.

[3]) Учись, мальчик, я сделаю из тебя большого человека.

[4]) Фердинанд Рис, пианист и композитор, ученик Бетховена, выпустил вместе с Вегенером „Биографические заметки о Л. ван Бетховене".

[1]) St. Pélagie—долговая тюрьма в Париже.

[2]) А что поделывает наш дорогой господин Эльснер, расскажите мне об нем какие-нибудь новости.

волите, пан, принять уверение в моей благодарности и почтении, с каким остаюсь до смерти наипреданнейшим учеником.

Ф. Ф. Шопен.

Пани и панне Эльснер целую ручки и желаю всего доброго на Новый год.

(94) **69. Шопен Титу Войцеховскому в Потуржин.**

Париж, 25 декабря 1831.

Драгоценная жизнь моя!

Уж другой год, как из тридесятого царства я должен поздравлять тебя с именинами. Может быть один взгляд наяву запечатлел бы тебя в моем сердце лучше, чем десять писем. Поэтому оставим эту материю, ex abrupto писать не хочу, а книжечек с различными поздравлениями, которые девченки и мальчишки предлагают всем на улицах за два су, я себе не купил. Странный это народ: как только приходит вечер, только и слышишь, что выкрйки названий новых летучих книжечек, и иногда за один су купишь 3-4 листа напечатанных глупостей. А то— „L'art de faire des amants et de les conserver ensuite", „Les amours des prêtres", „L'archevêque de Paris avec M-me la Duchesse du Barry" и тысячи подобных сальностей, иногда очень остроумно написанных. Право надо удивляться, к каким средствам тут прибегают, чтобы заработать грош. Знаешь, здесь теперь большая нужда, в обращении мало денег, встречается множество ободранцев с выразительными физиономиями, и не раз слышишь угрожающие разговоры о дураке Филиппе[1]), который еле висит на своем министерстве. Нисший класс раздражен окончательно, ежеминутно готов изменить свое бедственное положение, а к несчастью по отношению к таким делам правительство проявляет слишком большую осторожность, и малейшее собрание черни на улице разгоняется конными жандармами. Знаешь,—я живу на четвертом этаже, но в наилучшем месте, а именно на бульварах. Тут в моем распоряжении есть балкон, очень легкий, железный, выходящий на улицу, так что мне очень далеко видны бульвары направо и налево. Напротив меня через улицу остановился Раморино[2]) в так называемом „Cité bergère", где большой проходной двор. Ты наверное знаешь, как его везде принимали немцы, как в Страсбурге французы запряглись вместо лошадей и везли его; словом, тебе известен этот энтузиазм народа к нашему генералу. Париж в этом отношении не захотел отстать. Школа медицины, молодежь, так называемая „Jeune France"[3]) (которая носит бородки и имеет определенные правила для повязывания галстука). Надо тебе сказать, что здесь каждая политическая партия одевается иначе— речь идет разумеется о сумасбродах—карлисты носят зеленые куртки, республиканцы и наполеонисты, т. е. вышеупомянутая „Jeune France", и сен-симонисты—так называемые новые христиане, представляющие отдельную религиозную секту, обладающие уже огромным количеством прозелитов и стоящие также за равенство,—носят голубое и т. д., и т. д. Итак, до тысячи человек такой антиминистерской молодежи прошло с трехцветными знаменами через весь город до Раморино, чтобы приветствовать его. Хотя он был дома, но, не желая однако подвергаться неприятностям со стороны правительства (в этом отношении он оказался дураком!), не показался, несмотря на крики и возгласы: „Vive les polonais" и т. д. Его ад'ютант (подобно Дзялынскому) вышел и сказал, что генерал просит их к себе в другой раз, а тем временем на следующее утро он перебрался оттуда. Дня через два огромная толпа уже не только молодежи, но и собравшейся у Пантеона на другой стороне Парижа черни валом валит к Раморино. Толпа, как снежная лавина, чем больше улиц проходила, тем становилась огромнее, так что у Нового моста конница стала ее рассеивать. Многих покалечили, но, несмотря на это, множество народа собралось на бульварах под моими окнами, чтобы соединиться с идущими с другой стороны города. Полиция была бессильна против столпившегося народа. Пришел отряд пехоты, гусары. Плац-ад'ютанты ездили по тротуарам верхом, гвардия не менее ревностно расталкивала любопытную и все более и более ропчущую чернь, хватала, арестовывала „свободный" народ. Паника, лавки запирают, на всех углах улиц по бульварам кучки народу, свист, галопирующие курьеры, окна полные зрителей (как когда-то у нас по большим праздникам), и это продолжалось от 11 часов утра до 11 часов ночи. Я уже радовался, что может быть из этого что-нибудь и выйдет, но около 11 часов ночи все это кончилось пением огромным хором „Allons, enfants de la patrie". Вряд ли ты представишь себе, какое впечатление произвели на меня эти угрожающие голоса недовольного народа! На другой день ожидали продолжения этой „émeute", как ее здесь называют, но дураки сидят до нынешнего дня тихо. Только Гренобль пошел по следам Лиона и чорт знает, что еще будет на свете.

Теперь в театре „Francon", где давались только драмы и пантомимы с лошадьми, дают также всю нашу историю последнего времени. Люди, как шальные, стремятся увидать все эти костюмы, панну Платер[1]), которая тоже играет там роль вместе с суб'ектами, которым

---

[1]) Король Луи-Филипп.

[2]) Генерал Раморино принимал участие в польском восстании. Он был побочный сын маршала Ланна и начал свою военную карьеру в армии Наполеона.

[3]) Молодая Франция.

[1]) Графиня Эмилия Платер, молодая, мужественная полька во время польского восстания 1830-31 года сражалась в мужском костюме, не будучи узнанной, в отряде генерала Гелгуда и была убита во время одного из сражений.

даются имена в роде Лодоиски, Фаниски, а одна называется даже Флореской [1]). Генерал Гегулт [2]) оказывается братом Платер и т. п. Но ничто меня так не позабавило, как об'явление в одном маленьком театре, в котором сказано, что во время антракта будет сыграна мазурка „Dobruski“ „Jeszore Polska mirgineta“ [3]). Клянусь любовью к тебе—не шучу! У меня есть свидетели, которые вместе со мной удивлялись, какие французы дураки.

Что касается моего концерта, то он отложен на 15-е из-за певицы, в которой директор оперы, г. Верон отказал мне. Нынче в итальянской опере большой концерт, где участвуют Малибран, Рубини, Лаблаш, Сантини, М-м Рембо, М-м Шрёдер, М-м Казадори. Кроме того, играют Герц (что мне особенно любопытно) и Берио, тот скрипач, в которого влюблена Малибран. Как бы я хотел, чтобы ты был тут! Не поверишь, как мне грустно, что не с кем отвести душу. Ты знаешь, как легко я завожу знакомых, знаешь, как люблю говорить с ними о голубом миндале [4]). Вот таких знакомств у меня по-уши, но ни с кем я не могу вместе повздыхать. Что касается моих чувств, то с некоторыми я всегда синкопирую [5]). Поэтому-то я мучаюсь, и ты не поверишь, как я ищу какую-нибудь паузу, чтобы никто ко мне целый день не заглянул, никто со мной не заговорил. Когда я тебе пишу, я не выношу, если раздается звонок и влезает нечто с усиками, огромное, высокое, жирное, садится за фортепиано и не весть что импровизирует, набрасывается и бессмысленно колотит, кидается, перекидывает руки, пять минут под ряд стучит по одной клавише огромным пальцем, который где-то там на Украине предназначался для хозяйского кнута и возжи. Вот тебе портрет Совинского, который не имеет других заслуг, кроме хорошей фигуры и доброго сердца для себя. Если я и мог себе представить когда-нибудь шарлатанство или глупость в искусстве, то никогда такое совершенное, как теперь, когда я часто должен его слушать, умываясь и ходя по комнате. Уши у меня краснеют! Выпихнул бы его за дверь, а я должен быть приветливым и даже обмениваться любезностями. Ты не можешь себе представить ничего подобного. Но так как те, которые разбираются только в галстуках, считают его здесь за что-то, то приходится с ним дружить. Но ничем он мне так не портит кровь,—как собранием своих корчемных бессмысленных песен, с самым дурным аккомпаниментом, переложенных без малейшего знания гармонии и просодии, с каденциями из

[1]) Фантастические, яко бы польские имена.

[2]) Французское извращение имени Гелгуд.

[3]) Подразумевается известный марш Домбровского (польский национальный гимн) „Еще Польша не погибла“ («Jeszjce Polska nie zginela»).

[4]) Польское выражение, соответствующее русскому: говорить о высоких материях.

[5]) Музыкальный термин. Здесь он имеет смысл—„иду в разрез“.

контредансов, которое он называет собранием польских песен. Ты знаешь, как я стремился почувствовать нашу народную музыку и отчасти достиг этого, поэтому представь себе, как мне приятно, когда он временами то тут, то там стащит что-нибудь мое, вся прелесть которого часто лежит в сопровождении, и заиграет в корчемном, шарманко-гогочущем, церковно-приходском вкусе. И ничего нельзя сказать, потому что больше того, что он сам стащил, он ничего не понимает. Это Новаковский наизнанку. А разглагольствует обо всем, и в особенности о Варшаве, в которой никогда не был!

Из поляков общаюсь больше всего с Водзинскими, Брыкчинскими, самыми лучшими малыми. Водзинио все меня спрашивает, отчего ты не приедешь? Они тебя ждут, потому что не знают тебя. Мне кажется, что я тебя знаю, и знаю, куда ты раньше поедешь.

В тот момент, когда я собирался описать тебе бал, на котором пленило меня одно божество с розой в черных волосах, получаю твое письмо. Все современное выходит у меня из головы, переношусь к тебе больше чем когда-либо, беру тебя за руку и плачу. Я получил твое письмо из Львова. Там мы увидимся позже, а может быть и совсем нет, так как, говоря серьезно, мое здоровье неважно. Наружно я весел, в особенности между своими (своими я называю поляков), но внутри мучит меня что-то, какие-то предчувствия, беспокойство, сны или бессоница, тоска, безучастие, жажда жизни и через минуту жажда смерти, какой-то сладостный покой, какое-то оцепенение, умственная рассеянность, а временами терзания слишком хорошей памяти. Мне и кисло, и горько, и солоно, меня обуревает какая-то гнусная мешанина чувств! Я глупее, чем когда-либо. Прости меня, моя жизнь. Ну, довольно!

А теперь я оденусь и пойду, или скорее поеду, на обед, который нынче дается Раморино и Лангерману. Будет сотни две народу в самом большом ресторане на „Rocher Cancal“. Несколько дней назад Кунацик с милым Бернацким принесли мне приглашение; итак, Карл „décidement“ не его зять. Твое нынешнее письмо содержит много новостей для меня. Ты пожаловал меня четырьмя страницами и 37 строками. С тех пор, что я живу на свете, этого не было, с тех пор, что я на свете, ты не был так щедр. А как мне это было нужно! Очень нужно. То, что ты мне пишешь о моем жизненном пути,—такая правда, в которой я совершенно убежден. Не думай, милый, плохо об этом. Я еду в собственном экипаже, нанял только кучера для лошадей. Прости, жизнь моя, за контрасты моего письма. Кончаю, потому что иначе не успею отнести его на почту. Я ведь сам себе и пан и слуга. Пиши, смилуйся. Обнимаю тебя, твой до смерти.

Фриц.

Посылаю тебе письмо, уповая на твое милосердие.

(98)

70. Шопен Иосифу Новаковскому [1]).

Париж, 15 апреля 1832.

Дорогой Новаковский!

Ты спрашиваешь меня о том, что так близко моему сердцу и душе. Ты знаешь, как я буду счастлив здесь с тобою увидаться, играть вместе, вздыхать, чувствовать и гулять,— только не выезжай без денег, чтобы не оказаться в затруднении. Здесь очень трудно заручиться уроками и еще труднее устраивать концерты. Не могли состояться даже концерты Байо, Герца и Благетки, которые были об'явлены,— хотя эпидемия [2]) в то время еще не появлялась. Общество очень утомлено разными обстоятельствами, главным образом политическим положением, парализовавшим всю страну, а сверх того, здесь имеется целая толпа ослов и чертей, препятствующих истинным талантам достойно себя показать. Так привыкли попадаться на шарлатанов, что начинают не верить уже никому. Если же ты можешь приехать, не расчитывая ни на чью поддержку, я встречу тебя хорошим завтраком или обедом. Мы славно напьемся в честь нашей встречи. Кстати, не приезжай весною, иначе ты не услышишь ни французской, ни итальянской оперы. Уезжает Россини. Рубини, Лаблаш, а также Малибран будут в Брюсселе. Девриент в Лондоне. Французы—Нурри, Левассер, Сенти [3]) отправляются также туда в компании с Мейербером, чтобы ставить „Роберта". Что касается пианистов, то Герц уедет в Англию, Мендельсон тоже. Пиксис—в Германию, Лист—в Швейцарию. Калькбреннер не знает, что делать, до того напуган холерою. Гиллер—во Франкфурте. Остаются Бертини и Шунке, которые ничего не стоят в сравнении с Листом и Калькбреннером. Вот почему я тебе и советую отложить поездку на послемайское время, хотя бы лишь до возвращения французской оперы из Лондона. Без этого ты не услышишь ни „Роберта", ни „Вильгельма Телля", ни „Моисея". Полагаю, что французский язык знаком тебе, и в этом случае ручаюсь, что ты будешь себя прекрасно чувствовать в Париже. Я могу тебя познакомить с первыми талантами Европы; напоследок, видя их вблизи, найдешь, что они не столь неприступны. Сейчас я с удовольствием уступил бы тебе свой билет на концерт в консерватории; там твои ожидания были бы по меньшей мере превзойдены. Оркестр—non plus ultra. Сегодня играют симфонию с хорами Бетховена и один из его квартетов, исполняемый всеми скрипками, альтами и виолончелями оркестра,—не менее 50-ти скрипок. Этот квартет вторично играется по желанию публики. Его исполняли в предыдущем концерте. Можно было подумать, что слышишь игру четырех инструментов, но гигантских—скрипка размерами, как замок, альт—банк [1]), а виолончель с протестантскую церковь.— Не забывай меня. Жду тебя.

Ф. Шопен.

[1]) Иосиф Новаковский (1805–1865), польский пианист и композитор, проф. варшавского Музыкального Института.

[2]) Эпидемия холеры, разразившаяся в Париже в 1832 году.

[3]) Centi Damoreau—первая исполнительница роли Изабеллы в „Роберте"; Нурри—Роберт; Левассер—Бертрам.

(101)

71. Шопен Фердинанду Гиллеру [2]).

Ваши трио, мой милый, уже давно готовы, и, благодаря моей жадности, я поглотил ваши рукописи в свой репертуар. В этом месяце в концертах консерватории будет исполнен ваш концерт учениками Адама. М-ль Лион играет его очень хорошо. „Искушение"—опера-балет Галеви [3]) и Гиде [4]) не ввела во искушение никого из тех, кто обладает хорошим вкусом, потому что она столь же мало интересна, как мало соответствует духу времени ваш немецкий парламент.

Морис [5]), вернувшись из Лондона, куда он ездил на представление „Роберта" (который не имел успеха), уверял нас, что Мошелес и Фильд приезжают на зиму в Париж. Вот новости, которые я могу вам сообщить. Осборн два месяца, как в Лондоне. Пиксис в Булони. Калькбреннер в Медоне. Россини в Бордо. Все, кто вас знают, ждут вас с распростертыми об'ятиями. Лист скажет вам ниже два слова...

Adieu, мой милый друг, всем сердцем ваш *Ф. Шопен.*

Париж, 2 августа 1832.

(104)

72. Шопен Каласанти Ендржеевичу [6]).

[10 сентября 1832].

A Monsieur, Monsieur Jędrzejewiez.

Отдать в руки панне Людвике Ш[опен], которая наверное догадается, кому его передать. На всякий случай—спросить пани Ш[опен].

Жизнь моя милая!

Прости меня, что в ответ на твое, такое милое, письмо ты получишь эту дрянь, но ты дал мне право обращаться с тобой с полной искренностью, и я знаю, что ты не придаешь никакого значения бу-

[1]) Banque Nationale в Париже.

[2]) Оригинал написан по-французски.

[3]) Галеви, Жак-Фроманталь (1799—1862), композитор, преподаватель контрапункта и фуги в парижской консерватории, с 1854 секретарь академии искусств.

[4]) Гиде, Казимир (1804—1868) написал ряд опер и 7 балетов.

[5]) Морис Шлезингер, парижский издатель.

[6]) Каласанти Ендржеевич, будущий зять Шопена, муж его сестры Людвики.

маге. Ты сообщил мне о давно желанном событии! Я всегда тебя любил, ты имел во мне друга и будь уверен, что и теперь ты найдешь во мне как раз такого, какого ты должен найти. Я бы охотно отдал половину своей жизни за то, чтобы обнять вас, как шафер в день вашей свадьбы и увидать вас перед алтарем, но об этом нечего и думать. Я пришлю вам только согласно твоему желанию полонез и мазурку, чтобы вы попрыгали и как следует повеселились, потому что ваши души могут радоваться. Я не буду говорить ни о твоем, ни об ее сердце, потому что это не подобает брату, и вряд ли вы поверите, как меня тревожило, что до сих пор это все откладывалось, и как я страшно рад, что это наконец совершится. Пусть все самое лучшее достанется на вашу долю. Зрелище вашего счастья будет счастьем всей нашей семьи. Это начало счастливых лет после длинного ряда бедствий.

Дай мне руку и поцелуй меня.

Люби меня...

Искренне твой *Фриц.*

Париж, 10 сентября 1832.

Жизнь моя, прости, милый, еще раз, что не пишу тебе более длинного письма. Может быть я и грешу, надеясь на пощаду, но ведь мы знаем друг друга не с нынешнего и не со вчерашнего дня.

Еще раз: люби меня, как я тебя.

(109)

73. Шопен Доминику Дзевановскому [1]).

Париж [1832].

Милый Домус!

Если бы у меня был друг (друг с большим горбатым носом, потому что ни о ком другом здесь нет речи), который несколько лет тому назад вместе со мной в Шафарне предавался „dolce far niente“, всегда меня сильно любил, и если бы он, покинув родину, не написал мне ни слова, то я подумал бы о нем самым дурным образом и не простил бы ему даже тогда, когда бы он стал плакать и просить прощения. Но у меня, Фрица, есть еще лоб, чтобы защищать свою „négligence“ и после долгого молчания подать голос, подобно выпи, которая высовывает голову из воды как раз тогда, когда ее никто об этом не просит. Но я не буду рассыпаться в извинениях, а предпочитаю лучше признать свою вину, которая издали кажется может быть больше, чем вблизи,—тем более, что ко мне пристают со всех сторон. Я вошел в лучшее общество, вращаюсь между послами, князьями, министрами, и сам даже не знаю, каким чудом это случилось, так как я не искал

[1]) Школьный товарищ Шопена, живший в пансионе отца композитора.

этого. Но теперь это для меня полезнее всего, так как оттуда исходит так называемый хороший тон. У тебя сейчас же оказывается больший талант, если тебя слышали в английском или австрийском посольстве. Ты сейчас же играешь лучше, если тебе протежировала княгиня Водемон (последняя из древне-дворянского рода Монморанси). Я не могу писать „протежирует“, потому что старуха умерла неделю назад. Это была дама в роде умершей Зелонковой или кастелланши Полонецкой, у которой бывал двор, которая делала очень много добра и предоставляла убежище многим аристократам во время первой революции. После июльских дней она первая представилась ко двору Луи Филиппа. Она держала в своем доме пропасть черных и белых собаченок, канареек и попугаев и кроме того имела самую веселую обезьяну здешнего большого света, которая на вечерних приемах постоянно кусала других... графинь...

Я пользуюсь дружбой и уважением у здешних артистов, хотя живу я тут только год. Доказательством их уважения служит то, что они, даже и имеющие большое имя, посвящают мне свои сочинения, прежде чем я посвящаю им свои. Так Пиксис посвятил мне свои последние варьяции с военным оркестром; потом начнут сочинять варьяции на мои темы. Калькбреннер сварьировал [1]) мою мазурку [2]), ученики консерватории, ученики Мошелеса, Герца, Калькбреннера, словом, законченные артисты берут у меня уроки,—мое имя ставится рядом с Фильдом. Коротко говоря, если бы я был еще глупее, чем я есть, то вообразил бы что достиг вершины своей карьеры. А между тем я вижу только, как многого мне еще не хватает, чтобы быть совершенным, и вижу это особенно потому, что общаюсь с первоклассными артистами и хорошо знаю, чего не достает каждому из них.

Однако мне почти стыдно, что я написал столько глупостей. Я расхвастался, как ребенок или, как чувствующий себя виноватым и заранее начинающий защищаться.

Я бы все зачеркнул, но у меня нет времени писать второе письмо. Кроме того, ты верно еще не забыл моего характера и поэтому вспомнишь того, кто и теперь совершенно такой же, каким был когда-то, с тою только разницею, что он носит бачки с одной стороны, так как другая не хочет расти „par tout“.

Мне надо нынче дать пять уроков. Ты наверное думаешь, что я составлю себе состояние? Кабриолет и белые перчатки, без которых здесь невозможен хороший тон, стоют дороже.

Я люблю карлистов, ненавижу филиппистов, сам революционист и поэтому совсем не умею ценить денег, а гораздо больше дружбу, о которой тебя убедительно прошу.

Фридрих.

[1]) Шопен употребляет слово «zwarjował», что по-польски значит также „сошел с ума“.
[2]) Мазурка ор. 7, № 1.

(114)

74. Шопен, Лист и Франкомм Фердинанду Гиллеру.[1])

Париж, 20 июня 1833.

[Написано по-французски вместе с Листом].

[Вот уже по крайней мере двадцатый раз, что мы назначаем друг другу свидание, то у меня, то здесь, с намерением вам написать, и всякий раз нам мешает какой-нибудь визит или какое-нибудь другое неожиданное препятствие. Я не знаю, хватит ли у Шопена мужества извиняться перед вами. Что касается меня, то мне кажется, что мы до такой степени превзошли грубость и дерзость, что извинения больше непозволительны и невозможны.

Мы глубоко сочувствовали вашему горю, и еще сильнее желали быть около вас, чтобы насколько возможно смягчить вашу сердечную скорбь.][2]) Он так хорошо выразился, что мне нечего прибавить к своим извинениям, в особенности за мою небрежность, или леность, или грипп, или рассеянность, или, или, или... вы знаете, что устно я выражаюсь лучше, и я постараюсь заслужить ваше прощение осенью, когда буду вас провожать к вашей матери ночью через бульвары. Я пишу вам и не знаю, что марает мое перо, так как сейчас Лист играет мои этюды и уносит меня далеко за пределы моих честных намерений. Я охотно усвоил бы его манеру передавать мои этюды. Что касается ваших друзей, остающихся в Париже, то этой зимой и весной я часто видел семью Лео и всех, кто к ней относится. Были вечера у неких посланниц — и ни разу не случилось, чтобы не вспоминали о том, кто остался во Франкфурте. М-м Эйхталь просит передать вам тысячу прекрасных вещей. Вся семья Платер[3]) была очень опечалена вашим от'ездом и поручила мне выразить вам свое сочувствие. [М-м д'Аппони[4]) очень на меня сердилась за то, что я вас не привел к ней перед вашим от'ездом. Она надеется, что после своего возвращения вы захотите вспомнить про обещание, которое вы мне дали. То же я скажу вам про некую известную даму, которая не посланница.

Знаете ли вы чудесные этюды Шопена?] Они удивительны! — хотя их существование продлится только до того момента, когда появятся ваши [маленькая скромность автора!!!]. Маленькая грубость со стороны учителя, поправляющего мои орфографические ошибки,[5]) чтобы лучше об'яснить вам предмет [по методе г-на Марле.

[1]) Написанное рукою Листа поставлено в прямые скобки.

[2]) Гиллер потерял отца.

[3]) Семья польской графини Платер, с которой Шопен был очень дружен и у которой бывали также Лист и Гиллер.

[4]) Жена тогдашнего австро-венгерского посла в Париже, графа Аппони.

[5]) Замечание Шопена, что Лист поправляет его орфографические ошибки, отнюдь не было шуткой, а вполне соответствовало действительности, так как Шопен не владел французской орфографией.

Вы вернетесь к нам в] сентябре, неправда ли? по[старайтесь предупредить нас о дне, в который мы решили приготовить вам серенаду (или кошачью музыку). Собрание самых выдающихся артистов столицы — М. Франкомм (присутствующий), М-м Пецольд и аббат Бардэн (Bardin) корифеи из улицы д'Амбуаз (и мои соседи), Морис Шлезингер, дяди, тетки, племянники, племянницы, зятья, невестки и, и,] и т. д. на заднем плане.

Ответственные редакторы [Ф. Лист], Ф. Шопен, [Огюст Франкомм].

Кстати, вчера я встретил Гейне, который поручил мне вас „grüssen herzlich und herzlich". [1])

Кстати еще, смилуйся над всеми „вы", я прошу тебя простить мне их.

Если у тебя есть минутка, сообщи нам новости о себе, которые нам очень дороги. Париж, улица de la Chaussée d'Antin № 5. Я живу теперь в квартире Франка — он уехал в Лондон и Берлин. Я чувствую себя прекрасно в комнатах, которые так часто были местом наших собраний. Берлиоз обнимает тебя.

Что касается папаши Байо, то он в Швейцарии, в Женеве, и поэтому ты поймешь, почему я не могу тебе послать концерта Баха.

(115)

75. Шопен Огюсту Франкомму в Кото.[2])

(Париж, сентябрь 1833.)

Начато в субботу 14-го и кончено в среду 18-го.

Милый друг!

Бесполезно извиняться за мое молчание. Если бы мои мысли могли перенестись на почту сами без бумаги! и кроме того, ты слишком хорошо знаешь, что я к несчастью никогда не делаю того, что должен. Я приехал очень удобно (за исключением маленького неприятного эпизода, причиненного одним чрезвычайно пахучим господином, ехавшим до Шартра и подсевшим ко мне ночью). В Париже нашел больше дел, чем оставил, что мне без всякого сомнения помешает приехать к тебе в Кото. Кото, о Кото! Скажи, дитя мое, всему дому в Кото, что я никогда не забуду своего пребывания в Турэни, — что столько доброты вызывает вечную благодарность. Находят, что я пополнел и имею хороший вид; и я себя чувствую превосходно, благодаря поистине материнским заботам моих соседок за столом. Когда я об этом думаю, все это представляется мне таким приятным сном, что я хотел бы все спать и спать. А крестьянки в Пормике! а мука! или скорее твой грациозный нос, который ты был вынужден погрузить в...

[1]) Эти четыре слова в оригинале написаны по-немецки.

[2]) Оригинал написан по-французски.

Очень интересный визит прервал мое письмо, начатое три дня тому назад и оканчиваемое только нынче. Гиллер тебя обнимает. Также Морис [1]) и все. Твой билет я отдал его отцу, так как его самого я не застал дома.

Паэр, которого я видел несколько дней назад, говорил мне о твоем возвращении. Приезжай к нам толстый и здоровый, как я. Еще тысячу хороших вещей уважаемой семье Форе. У меня нет ни слов, ни возможности выразить все то, что я чувствую к ним. Прости меня. Пожми мне руку, а я тебя хлопаю по плечу, обнимаю и целую.

До свиданья, мой друг. Гофман, [2]) толстый Гофман и стройный Смитковский [3]) также тебя обнимают.

(129) **76. Шопен гр. Феликсу Водзинскому.** [4])

Париж, 18 июля 1834.

Милый Феликс!

Ты наверное подумал: „Фриц дуется, так как не отвечает мне!“ Но ты конечно помнишь, что я постоянно все делаю слишком поздно. И к мисс Фанш я также пришел слишком поздно и вынужден был ждать, покуда уедет милейший Вольф. Если бы я только что не вернулся с Рейна [5]) и не имел обязанностей, от которых именно теперь не могу освободиться, я бы тотчас же отправился в Женеву, чтобы поблагодарить твою уважаемую мать и принять ее приглашение. Но судьба жестока — словом, это невозможно. Твоя сестра была так любезна и прислала мне свое сочинение. Это доставило мне большую радость, и в тот же вечер я импровизировал в одном из здешних салонов, на милую тему той Марии, с которой я когда-то бегал по комнатам в доме Пшениша... А теперь! Je prends la liberté d'envoyer à mon estimable collègue M-lle Marie une petite valse [6]), que je viens de publier. [7]) Пусть он ей доставит сотую долю того удовольствия, какое испытал я при получении ее варьяций. В заключение еще раз сердечно благодарю твою мать за то, что она так дружески вспомнила своего

[1]) Морис Шлезингер.

[2]) Вероятно известный литератор Карл-Александр Гофман, муж знаменитой польской писательницы для юношества Клементины Танска-Гофмановой.

[3]) Один из знакомых Шопена в Париже, поляк.

[4]) Брат Антона и Марии Водзинских. Антон Водзинский, автор книги „Les trois romans de Chopin“, был сыном этого Феликса Водзинского.

[5]) В 1834 году Шопен с Гиллером ездил в Аахен, где на Троицу происходил нижнерейнский „Musikfest“, а потом вместе с ним и Мендельсоном совершил поездку по Рейну до Кобленца.

[6]) Вальс Es-dur, op. 18.

[7]) Я беру на себя смелость послать моей уважаемой коллеге, м-ль Мари маленький вальс, который только что вышел из печати.

преданного и верного слугу, в жилах которого также течет несколько капель куявской [1]) крови. *Ф. Шопен.*

Обними милого Антека. Задуши нежностями Казио, если ты в состоянии, а перед панной Марией склонись почтительно и весьма элегантно. Подивись и скажи про себя: боже мой, как все растет!..

(150) **77. Шопен своим родным.**

[Начало написано Николаем Шопеном.]

Карлсбад, 16 августа [1835].

[Написанное отцом Шопена]

Дорогие дети!

С большим трудом добрались мы наконец сюда, и случаю было угодно, чтобы проезжая вчера через город в поисках гостинницы, мы увидели экипаж, готовый к от'езду. Он оказался экипажем Данильских. Мы зашли и тотчас же взяли себе это самое помещение, а они были так добры и познакомили нас с местными условиями. Они чувствуют себя превосходно и уехали в Теплиц. Приехав сюда, мы спросили список приезжих, чтобы посмотреть, нет ли там кого-нибудь из наших знакомых. Я намеревался сделать им утром визит, но в 4 часа утра, когда мы еще не вставали, кто-то постучал в нашу дверь. Это был пан Завадский, который пришел нам сказать, что он вчера вместе с Фридрихом всюду нас искал. Вы можете себе представить, что я сейчас же оделся, и мы вместе пошли будить доброго молодца, который узнав из моих писем о моем путешествии в Карлсбад, захотел сделать нам самый приятный сюрприз. Он бросил свои дела в Париже и путешествовал несколько ночей, чтобы приехать сюда раньше нас. Он совсем не изменился; нам он кажется таким же, как перед своим от'ездом. Зная нашу привязанность, вы можете судить, как нам дорога такая заботливость. Мы пролили радостные слезы. Своего лечения я еще не начинал. Доктор придет нынче утром, тогда я увижу, что он скажет. Не хочу пропускать почту и поэтому кончаю, обнимая вас. Мать ваша обнимает вас также. *Ш.*

[Написанное Фридрихом]

Дорогие мои дети!

Вы получите первое письмо, написанное папой и мной. Наша радость неописуема. Мы только и делаем, что обнимаемся — и что можно еще? Жаль только, что мы не все вместе. Как было бы чудесно! Как однако бог милостив! То, что я пишу, беспорядочно, но нынче

[1]) Куявия — область старой Польши.

лучше ни о чем другом не думать: наслаждаться счастьем, до которого дожил! Нынче у меня только это. Те же родители, все те же, только немножко постарели. Мы вместе выходим, ведем мамочку под руку, говорим о вас, подражаем ворчунам племянникам, рассказываем друг другу, как часто думали один о другом. Вместе пьем и едим, и ласкаем друг друга, и ворчим друг на друга. Я „au comble de mon bonheur“.[1]) Те же привычки, те же движения, среди которых я вырос, та же рука, которую я так давно не целовал. Ну, обнимемся, дети мои, и простите, что я не в состоянии собрать своих мыслей и писать о чем-нибудь другом, кроме того счастья, которое мы испытываем в данный момент, и о котором я всегда только мечтал; и вот оно осуществилось это счастье, счастье и счастье! От радости я задушу вас вместе с зятьями, самые мои дорогие существа на этом свете.

III.

Пану Живному тысячу поцелуев за музыку, а пану Веселовскому миллион поклонов за то, что на много миль приблизил ко мне счастье. Пану Фридриху Скарбеку тоже.

[Рукой отца.]

Передайте поклоны всем нашим знакомым. Не забудьте панну Лютынску.

(165) **78. Шопен Антону Барцинскому в Варшаву.**

Париж, дня 14 марта 1836.

Я здоров — и ладно.
Эта прекрасная весть
С об'ятьями летит
К детям.

Ф. Ф. Шопен.

Zdrów jestem — i kwita
Ta wieść wyśmienita
Z uściskiem leci
Do dzieci.

F. F. Chopin.

Приписка Яна Матушинского.

Иная весть летит
К уважаемым детям,
Что Фриц полетит
Через год к вашей милости.

Я.

Inna wieść leci
Do szanownych dzieci,
Że Fryc poleci
Za rok do Waszeci.

J.

Адрес: A Monsieur, Monsieur Ant. Barcinski à Varsovie par Berlin (en Pologne).

В доме Бржостовских по Электоральной улице, напротив банка.

[1]) Я на верху блаженства.

(183) **79. Шопен графине Терезе Водзинской.**

Париж, 1 ноября 1836.

Глубокоуважаемая и милостивейшая пани!

Посылаю вам письмо, написанное Антосем[1]) из Пампелуны. Я воспользовался способом пани Диллер,[2]) который мне счастливо удался. Содержание этого письма, как мне кажется, ускорило его писание, а благодаря приписке Винцента,[3]) вы можете видеть, что Антон все такой же, что все его любят и о нем помнят, что ему хорошо, как только может быть,—что он не один.

Я ожидал этого письма с нетерпением, а у вас тем временем было благословение, потому что Феликс верно уж обвенчался, и свадьба была веселая и блестящая. Верно танцовали, пили за здоровье, несколько дней принимали и отдавали визиты и т. д. Зачем нет на самом деле этих, все отражающих зеркал, этих перстенечков, переносящих туда, куда мысленно пожелаешь... и моих родителей, разузнающих обо мне...

Пана Бычков[ского][4]) еще нет; приму его самым лучшим образом. Я счастлив, что мое нынешнее письмо служит только оберткой для письма Антося, иначе я сам немного бы мог вам рассказать, по крайней мере в смысле количества. Никаких новостей не могу нынче выжать из своего пера. Однако меня спасают автографы всех святых,[5]) Антося и пани Анатольевой.[6]) Я не посылаю других секретарю,[7]) так как боюсь отяжелить письмо. К зиме пришлю их вместе с нотами. Пани София[8]) всех вас любит и вспоминает с искренней радостью. Цихоло,[9]) мой теперешний сосед, часто спрашивает о вас.

Зачем уже двенадцать? В двенадцать надо на уроки, и так до шести, а потом на обед, а с обеда на вечер в свет (до 11-ти). Я не лгу,[10]) клянусь честью, думаю только о туфлях[11]) и играю в сумерках.[12])

Не будете ли вы так добры черкнуть мне словечко,—получено ли письмо Антося?

Наипреданнейший *Ф. Шопен.*

[1]) Антон Водзинский, сын адресатки и брат Марии Водзинской, бывшей одно врмя невестой Шопена, находился в Испании и в качестве польского добровольца принимал участие в гражданской войне между карлистами и христиносами.

[2]) Знакомая Шопена, жившая в Гейдельберге.

[3]) Винцент Скаржинский, знакомый Шопена по Варшаве.

[4]) Польский художник, рекомендованный Шопену графиней Водзинской.

[5]) Разных знакомых из литературного и артистического мира Парижа.

[6]) Накваска.

[7]) Мария Водзинска, которая в одном из писем к Шопену, подписалась: «Votre fidèle sécrétaire».

[8]) Оссолинска.

[9]) Иосиф Цихоцкий, польский музыкант из Варшавы, товарищ юности Шопена.

[10]) Гр. Водзинска советовала Шопену возвращаться раньше домой, чтобы высыпаться, и не верила, что он следует ее советам.

[11]) Присланных ему Марией и ею вышитых.

[12]) Мечтая о Марии и о своей будущности. Шопен сватался к Марии в сумерки.

Пану Водзинскому прошу передать мое почтение. Секретарю,— что несказанно радуюсь, что он не забыл написать, и надеюсь, что и вперед не забудет, и что он не будет вести знакомства с Гейдлером. Что касается Феликса, то теперь он вероятно ни о ком не вспоминает. Казио обнимаю, а Терезе целую ручки, и пусть панна Мария будет так добра и об'яснит ей, что „Madmozel il" по ней тоскует и, увидав маленького ребенка, печально вскрикивает: „Na pa sa, pa sa, u e le pti Teres, ki e si żantil!„

Всем вашим в Служеве, окрестностях, а также и в Дрездене, желаю здоровья. Мой поклон панне Глинской,[1]) если она меня помнит,—также и панне Терезе.

80. Шопен Юлиану Фонтане.[2])

[Визитная карточка.]

Жизнь моя, где живет Бржовский?

81. Шопен Юлиану Фонтане.

[Визитная карточка.]

Жизнь моя, пришли мне с ним Листовского „Pacini". Через несколько часов я тебе его возвращу.

82. Шопен Иосифу Бржовскому в Париж.

[Париж, 13 декабря 1836.]

Нынче у меня будет несколько лиц, между прочим пани Санд, кроме того, Лист будет играть, Нурри петь. Если пану Бржовскому это может доставить удовольствие, то я жду его вечером.

83. Шопен Иосифу Бржовскому в Париж.

[Париж, декабрь 1836.]

К несчастью я не смогу нынче к семи окончить своих занятий. Мы бы не могли ни поесть, ни поговорить; поэтому я надеюсь на любезность пана Бржовского в другое, и ему и мне более удобное время.

Ф. Ф. Ш.

---

[1]) Приятельница гр. Водзинской, жившая в Дрездене.

[2]) Фонтана, Юлиан (1810 — 1869), близкий друг Шопена и товарищ по занятиям у Эльснера. Фонтана принимал участие в польском восстании 1830—1831 г.г. и эмигрировал. Жил в Париже и Лондоне, где участвовал в концертах. В 1841 г. поехал в Америку и женился там на богатой креолке. К концу жизни вернулся в Европу, потерял жену, разорился, оглох и умер в Париже в страшной бедности. Говорят, будто он покончил с собой в припадке отчаяния. Фонтана издал посмертные произведения Шопена.

84. Шопен пани Ури в Париж.

[Без даты.]

Милостивая государыня!

Я вам так благодарен за ваше милое письмо, что вы получили бы ответ вместе с рукописью для M-r Beale, если бы я не обещал своих новых сочинений M-r Wessel. Что же касается маленького вальса, который я имел удовольствие вам написать, сохраните его, прошу вас, у себя. Я бы не хотел, чтобы он увидел свет. Но мне бы очень хотелось услышать, как вы, мадам, будете его играть,—и присутствовать на одном из ваших элегантных собраний, во время которых вы так чудесно исполняете наших мастеров, таких великих творцов, как Моцарт, Бетховен и Гуммель. Adagio Гуммеля, которое я слышал в вашем исполнении несколько лет тому назад в Париже у M-r Erard, еще звучит у меня в ушах, и я уверяю вас, что несмотря на большие здешние концерты, — мало пианистов, которые могли бы меня заставить забыть о том удовольствии, с которым я вас слушал в тот вечер.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении и соблаговолите передать мой дружеский привет г-ну Ури.

Ш. [1])

85. Шопен гр. Альберту Гржимале[2]).

Мой милый, я должен видеть тебя нынче во что бы то ни стало, хоть ночью в 12 или в 1 час. Не бойся никаких неприятностей для себя, милый. Ты знаешь, что я всегда умею ценить твое сердце. Здесь идет речь о совете для меня.

Твой *Ш.* [3]).

86. Шопен гр. А. Гржимале.

Милый мой, я забыл вчера тебе сказать, что нынче, во вторник в 9 часов вечера я у себя музицирую. Пожалуйста приходи непременно, если хочешь, чтобы мне было хорошо.

Твой старый *Ф. Ш.*

Вторник утром.

---

[1]) Это черновик письма, очень перечеркнутый, полный поправок и изменений, которые доказывают, что писанье писем по-французски давалось Шопену нелегко. Адресатка — рожденная M-lle Belleville. О ней Шопен упоминает в письме к Титу Войцеховскому от 17 апреля 1830 года. Гёзик относит это письмо к 1836 году. У Гуттри оно помещено среди писем 1840 года.

[2]) Граф Альберт Гржимала—эмигрант, бывший депутат сейма, жил с 1831 г. в Париже, где имел экспедиционную торговую контору. Близкий друг Шопена.

[3]) Эта и следующие четыре записки, все без дат, с большой вероятностью могут быть отнесены к периоду до 1838 года, т. е. до связи Шопена с Жорж Санд.

(201)

87. Шопен гр. А. Гржимале.

[Париж, 1837].

Ну, и что же, если я не могу?!!!

Я зарезался бы теми Макданельскими бритвами, что ты мне привез, если бы я не был намерен их сначала тебе отнести. У меня музыкантский обед, от которого я не могу увильнуть, несмотря на всю мою изворотливость. Обнимаю тебя, как боа [удав].

Ш.

(205)

88. Шопен гр. А. Гржимале.

Меня даже в жар бросает (как у нас панны говорят), оттого что из-за архи-скучного и чужого обеда без трюфелей я не могу с тобой нынче поужинать.

Ф. Ш.

Целую.

(215)

89. Шопен гр. А. Гржимале.

Жизнь моя!

Я не могу быть surpris [удивлен], потому что вчера видел Margo [1]), который мне рассказал о ее приезде. Сижу до пяти дома и даю камням уроки (уж второй кончаю). Бог знает, к чему это приведет. Мне не на шутку плохо. Заходил ежедневно к тебе, чтобы тебя обнять.

Пообедаем где-нибудь вместе. *Ш.*

(193)

90. Шопен гр. Терезе Водзинской.

[Париж, 2 апреля 1837].

[Вложено в письмо пани Накваской].

Я пользуюсь разрешением пани Накваской, чтобы приписать несколько слов. Я ожидаю собственноручных сообщений от Антося и пошлю вам письмо с еще большими подробностями, чем те, которые заключались в приписке Винцента. Прошу вас успокоиться на его счет. Все еще в городе. Более свежих новостей у меня еще нет, потому что корреспонденты пишут только о себе. Мое письмо от того же числа наверное уже в Служеве и, насколько это возможно, успокоит вас относительно этого испанца, [2]) который непременно должен мне написать пару слов. Не стану много говорить о том, как меня огорчило известие о смерти вашей матери, не ради нее, а ради всех вас, которых я знаю (но это само собой разумеется)! Я должен еще вам признаться, что у меня был такой же припадок, как в Мариенбаде. Я сижу перед альбомом [3]) панны Марии, и если бы я сто лет сидел

[1]) Марлиани, испанский консул в Париже. Его жена — приятельница Жорж Санд.

[2]) Шопен очевидно подразумевает Антона Водзинского.

[3]) Этот альбом, в котором Шопен написал своей невесте несколько песен, напечатан в издании Брейткопфа и Гертеля под следующим заглавием: „Maria", Ein Liebesidyllin Tönen, herausg. v. Kornelia Parnas.

над ним, то все-таки ничего не написал бы в него. Бывают дни, когда я совсем выбит из колеи,— и лучше бы мне находиться нынче в Служеве, чем писать туда; тогда бы я и рассказал вам больше, чем написал теперь. Мое почтение пану Водзинскому и панне Марии, Казимиру, Терезе [1]) и Феликсу.

Преданный вам *Ф. Ш.*

(195)

91. Шопен гр. Терезе Водзинской.

[Париж], 14 мая 1837.

Милостивая пани!

Вот несколько слов от Антека. Я спешу переслать вам это доказательство его здоровья и веселого расположения духа. Согласно его желанию, я ему сейчас же отвечу, не дожидаясь письма из Служева. Я не буду упоминать о трауре, и вероятно получу более подробное письмо о том, как, где и что он намерен делать (и перешлю его снова, так же как и это). Я ничего больше не пишу, потому что не хотел бы пропустить почту; впрочем, рядом с письмом Антека все поблекнет.

Ваш наипреданнейший *Ф. Шопен.*

Пану Водзинскому мое почтение. Напоминаю панне Марии, чтобы она написала несколько слов брату. Казио и Терезочку обнимаю. Поклон Феликсу и его жене.

(196)

92. Шопен гр. Антону Водзинскому.

[Париж, май - июнь 1837].

Ты, моя милая жизнь!

Ранен — далеко от нас — а я ничего не могу тебе послать в настоящую минуту... Твои постоянно только о тебе и думают. Ради бога выздоравливай поскорей и возвращайся назад. В газетах пишут, будто ваш легион совсем [уничтожен]. Не иди в испанское войско... [Не забудь], что твоя кровь может служить лучшей цели...

Титусь написал мне; я хотел бы встретиться с ним где-нибудь в Германии. Зимой я опять был болен гриппом. Меня посылают в Эмс. Пока я еще об этом не думаю, потому что не могу тронуться с места. Я сочиняю и привожу в порядок рукопись. Думаю о тебе больше, чем ты можешь себе представить, и люблю тебя, как всегда.

Ф. Ш.

Поверь мне, я думаю о тебе также, как я думаю о Титусе... Может быть я поеду на несколько дней к Жорж Санд, но это не задержит отсылки твоих денег, так как на эти три дня я оставлю инструкции Ясю...

[1]) Младшая сестра Марии Водзинской.

(198)

93. Шопен гр. Терезе Водзинской.

Париж, 18 июня 1837.

Милостивая пани!

Антось в Сарагоссе. Здоров [1]), писал мне на этих днях и заклинал меня, чтобы я вам о нем напомнил [2]). Их легион после битвы под Гуеской совершенно дезорганизован. Многие возвращаются, и теперь более чем когда-либо необходима ваша быстрая помощь [3]). В прошлом месяце я по возможности удовлетворил его желания [4]) (сейчас же по получении письма перед Гуеской, которое послал вам), но это капля в море. Винцент [5]) и Морис [6]) также в Сарагоссе. Опекун последнего советует им вернуться. Было бы хорошо, если бы он мог возвратиться с ними, также как и отправился [7]).

В то время, как по соседству [8]) горе и смятение, здесь об этом не беспокоятся: свадьбы, балы и пиршества [9]). Так забавляются, что душат и топчут друг друга: во время фейерверка на Марсовом поле несколько десятков человек заплатили в давке жизнью за свое любопытство, вследствие чего был отложен бал „à l'hôtel de ville", на который было роздано свыше 15.000 билетов. Новая герцогиня всем нравится. Хвалят не ее красоту, а ее ум. Она не делает никаких неловкостей и так не стесняется, будто только между такими празднествами и воспитывалась (а не в Людвигсбурге на бутербродах). Я нигде не был, даже в Версале, о котором рассказывают чудеса не только друзья Филиппа, но и друзья прежней династии. Это превзошло всеобщие ожидания. Погода благоприятствовала церемониям. На версальском обеде все удалось за исключением супа, ждать которого maître d'hôtel заставил короля. Боялись, чтобы повара не постигла участь Вателя [10]). Парижан ожидает еще бал национальной гвардии в Опере и праздник, который Ротшильд дает в честь молодой герцогской четы „à Ferrières", в своем красивом имении в окрестностях Парижа.

---

[1]) Это была неправда, так как Антон Водзинский был ранен в ногу в битве под Гуеской и отправлен в Сарагоссу в больницу, но Шопен не хотел беспокоить его семьи.

[2]) Т. е., чтобы родные прислали ему денег.

[3]) Помощь денежная.

[4]) Шопен сам послал, сколько мог, не дожидаясь денег из Служева от Водзинских.

[5]) Винцент Скаржинский.

[6]) Морис Воронецкий (?).

[7]) Для этого нужны были деньги, которых у Водзинского совершенно не было.

[8]) В Испании.

[9]) По поводу бракосочетания герцога Орлеанского, старшего сына Людовика, наследника французского престола.

[10]) Ватель был „maître d'hôtel" принца Конде. Его трагическая смерть описана М-м де Севинье: видя, что на роскошном ужине, который принц Конде давал Людовику XIV в своей великолепной резиденции в Шантильи, не хватило свежей морской рыбы, Ватель счел себя „обесчещенным" и закололся мечом.

Хорошее ли лето в Служеве? Много ли там тени? Можно ли сесть под деревьями и рисовать [1])? Есть ли у Терезы удобное место для сыров? Не нужна ли ей для этого панна Иозефа или панна Малле [2])? Не собираетесь ли вы скоро увидеться с ними [3])? Я задал бы тысячу вопросов [4]). Мне все любопытно, только не празднества [5]). Во время в'езда герцогини я был в имении на Энгиенском озере [6]). Уж очень мне трудно усидеть в Париже. Доктор посылает меня в Эмс, но я еще не знаю, когда и куда поеду [7]).

Как-то вечером на этих днях у меня была пани София [8]) с княжной Зайончковской и сердечно о вас расспрашивала. Не звенело ли у вас в ушах? Вчера была пани Анатольева [9]) с Платерами. Жалуется немного на нервы, но несмотря на это, толстеет, а Леося прекрасно растет. Германж не может забыть Терезу и всякий раз, как видит или слышит мою крестную дочку (вы должны знать, что я здесь уже давно крестный папаша), постоянно кончает свои восторги восклицанием: „Madmozel il"!

Понравилось ли фортепиано [10])? Дал бы бог! Если нет, то лучше поколотите меня, но не сердитесь.

Напоминаю вам еще раз, что Антось ждет (при этом и мне перепадет несколько слов).

Преданный вам *Ф. Шопен.*

Мое почтение пану Водзинскому. Панне Марии, Казимиру, Терезе, Феликсу с женой — каждому свое.

38. Rue de la Chaussée d'Antin.

(202)

94. Шопен гр. Терезе Водзинской.

Париж, 14 августа 1837 г.

Милостивейшая пани!

Боясь, чтобы кто-нибудь со стороны не сообщил вам неправды, предпочитаю послать письмо Антося от 3-го настоящего месяца, чтобы

---

[1]) Мария Водзинска хорошо рисовала.

[2]) Обе находились тогда в Дрездене.

[3]) Это значило: скоро ли гр. Водзинска с Марией думают ехать за границу, где Шопен надеялся с ними встретиться и добиться оффициального обручения, которое до тех пор было только условным.

[4]) Несомненно о Марии и о своей помолвке.

[5]) Парижские.

[6]) У маркграфа де-Кюстин в его дворце.

[7]) Все зависило от того, когда и где он мог встретиться с Водзинскими, от которых ждал извещения.

[8]) Оссолинска.

[9]) Накваска.

[10]) В конце 1836 года Шопен выбрал у Плейеля инструмент для Водзинских (для Марии) и велел послать его через Данциг в Служево.

вы видели, что с ним, из его собственного письма. Я не писал о том, что под Гуеской он был легко ранен в ногу, так как это было в мае [1]), и мне хотелось рассказать об этом лично, а не тревожить письмом. Но когда все повернулось иначе [2]), и эта муха может дойти до вас в виде огромного слона, я прилагаю самое последнее его письмо, в котором он пишет, что рана зажила совершенно. Из этого письма видно также, что он намеревается вернуться и именно на те три тысячи франков, которые я получил из рук банкира Лео 9-го прошлого месяца и в день получения письма Антося, т. е. 10-го бывшего месяца, послал через Ротшильда в Логронио. В Логронио много наших, и среди них находится славный Воронецкий.

Антось был бы бодрее, если бы вы или панна Мария были так добры и прислали ему несколько слов через меня [3]), потому что, как вы видите, он и в этом письме жалуется, что из дому никто ему не пишет, несмотря на то, что я обычно сообщал ему о вас всякий раз, когда имел сведения.

Ваше последнее письмо дошло до меня в Лондоне [4]), где я проторчал прошлый месяц. Я думал, что оттуда через Голландию поеду в Германию [5])... Вернулся домой; уж поздно, и для меня в моем углу вероятно окончательно поздно.

Жду от вас менее печального письма, чем последнее. Мое следующее будет, может быть, только припиской к письму Антося.

Преданный вам *Ф. Шопен.*

Пану Водзинскому выражаю мое почтение. Панне Марии напоминаю о брате. [Привет] Феликсу, Казимиру, панне Иозефе, Терезе...

Ваши знакомые, живущие здесь, здоровы и верно не думают ни о хвори, ни о печали. Пани София имела из Женевы известия, что вас там ждут [6]).

[1]) Приблизительно в это время, в мае или июне, Шопену была обещана Марией в одном из ее писем встреча с Водзинскими за границей, в Дрездене или где-нибудь на водах, где и должно было состояться оффициальное обручение с Марией.

[2]) Водзинские дали понять Шопену, чтобы он не расчитывал на свидание с ними в течение лета 1837 года. Родители Марии мешкали с от'ездом за границу, так как этот от'езд ставил их по отношению к Шопену, который наверное поспешил бы из Парижа навстречу им, в очень трудное положение.

[3]) Этим способом Шопен надеялся поддержать свою переписку с гр. Водзинской и Марией.

[4]) Шопен ездил в Лондон с Камиллом Плейелем и Станиславом Козмианом старшим в июле 1837 г.

[5]) С целью встретить Водзинских, как было обещано.

[6]) Но и эта надежда тоже рухнула: Водзинска не приехала в Женеву и таким образом не дала возможности Шопену встретиться с Марией, которую он не видал больше никогда в жизни. После смерти Шопена в его бюро нашли связку писем Марии Водзинской 1835-37 годов, перевязанную лентой, на обертке которых рукою Шопена было написано: „Мое горе“ („Moja bieda“).

(160) **95. Шопен Юлиану Фонтане.**

[Париж, 1837] [1]).

Посылаю тебе кресло на Мюзара [2]), но будь так добр, не садись на него, потому что это мои знакомые, с которыми я обещал быть, а быть не могу.

Любящий тебя *Ф. Ш.*

(143) **96. Шопен Юлиану Фонтане.**

[Париж, 1837].

Приходи сам, и во что бы то ни стало приведи ко мне вечером венгерца [3]). Фреппа будет петь, а может быть и попляшем.

Поймай Садовского за... [4]), но чтобы был непременно. Иди в клуб [5]) и завербуй генерала Скаржинского.

(139) **97. Шопен Юлиану Фонтане.**

[Париж, 1837].

Пожалуйста, перепиши мне, если можешь, прелюдию As, потому что я хотел бы сдать ее Пертуису,— он завтра уезжает. А ты когда? Если хочешь меня видеть, то нынче около 8-ми или 9-ти.

38. Rue de la Chaussée d'Antin.

(120) **98. Шопен Юлиану Фонтане.**

Жизнь моя!

Посылаю тебе приглашение Шунке [6]) и при этом спрашиваю,— не тебе ли я одолжил песни Витвицкого [7])? Не могу их найти. Я спрашиваю тебя о них на всякий случай.

Нынче.

t. à. v. [весь твой] *Шопен.*

Адрес: Mr. Fontana, 10, rue d'Antin.

[1]) В этой записке, написанной карандашем, говорится о каком-то спектакле, на котором Шопен обещал быть, но в последний момент не смог поехать. Чтобы не пропал билет, он послал его Фонтане.

[2]) Мюзар, Филипп (1792—1859), „король кадрилей“, дирижер в „Variétés“, в „Комической“ и наконец в „Большой опере“ в Париже.

[3]) Возможно, что Шопен подразумевает тут Листа, который, когда бывал в Париже, был постоянным гостем на „rue de la Chaussée d'Antin“.

[4]) Шопен, когда бывал в хорошем настроении, употреблял иногда в письмах к приятелям такие выражения, которые было бы не совсем удобно повторять в печати. В этом месте— как раз такие, очень смешные, но в высшей степени не парламентарные выражения.

[5]) Здесь говорится о „Польском клубе“, основанном в 1836 году на „rue Godot de Mauroy“. Председателем его был гр. Людвиг Платер.

[6]) Шунке, Карл (1801—1839), пользовавшийся успехом пианист и учитель музыки. Лишившись в 1839 г. от удара языка, Шунке выбросился из окна.

[7]) Витвицкий, Стефан (1800—1847), один из выдающихся польских писателей. В 1831 г. Витвицкий эмигрировал в Париж, выпустил там сборник стихотворений и песен, которые Шопен положил на музыку. Был другом Мицкевича и не мало боролся против сильного увлечения мистицизмом, очень распространенного в то время среди поляков.

(121)

99. Шопен Юлиану Фонтане.

[Без даты].

Mussje.
Mussje Fontana.

Site danten troa u kater [1]).

Пересылаю тебе вчерашнюю записку Nat. Komar.— Если хочешь, то я жду тебя у себя около 8½ вечера; если нет, то напиши мне словечко, чтобы я знал, должен ли я ждать.

Твой *Ф. Ш.*

NB. Если тебе придет мысль, что тебя будут просить играть, то гони ее прочь — primo, я сомневаюсь, чтобы они (я как раз сам их видел третьего дня) с тех пор получили охоту танцовать,— secundo, там буду я, Еловицкий (вероятно) и пани Потоцкая — и ты сможешь приятно провести время, если под твоим лысым черепом не заведется никакого с п л и н у — ни в одном салоне не будут стрелять из пушек,— да тебе еще рано становиться угрюмым, хоть ты и на 10 лет старше меня.

(210)

100. Шопен неизвестному лицу.

[Париж, без даты].

Пожалуйста, не откажись завтра, во вторник, пообедать со мной, Витвицким и Гржималой. Я жду тебя у себя в 5¾.—Если в этот день вечером у тебя нет ничего лучшего, то позволь также представить тебя пани Марлиани, где ты встретишь нескольких интересных лиц.

Итак, завтра я тебя жду.

Ф. Шопен.

(222)

101. Шопен Юлиану Фонтане.

[Пальма, 14 ноября 1838].

Мой милый!

Я в Пальме, среди пальм, кедров, кактусов, оливок, померанцев, лимонов, алоэ, фиг, гранат и т. д., что только есть в „Jardin des Plantes“, благодаря печам. Небо—как бирюза, море—как лазурь, горы—как смарагды, воздух—как на небе. Днем солнце, все ходят в летнем, и жарко. Ночью—гитары и пенье по целым часам. Огромные балконы с виноградными лозами над головой; мавританские стены. Все, также как и город, имеет африканский вид. Словом, жизнь чудесная! Люби меня. Будь добр, прогуляйся к Плейелю, так как инструмент еще не пришел. Каким путем его послали? Вскоре получишь „прелюдии“. Жить я буду вероятно в чудесном монастыре, в самом красивом месте на свете: море, горы, пальмы, кладбище, костел крестоносцев, развалины мечетей, старые деревья тысячелетних олив. Ах, жизнь моя, я живу немножко

[1]) Monsieur, Monsieur Fontana. Cité d'Antin, trois ou quatre. Здесь Шопен в шутку коверкает французский язык.

Е. Делакруа. Портрет Шопена (масло); 1833 г.

полней! Нахожусь вблизи самого прекрасного. Сам стал лучше... Письма моих родителей и все, что только имеешь мне переслать, отдай Гржимале: он знает самый верный адрес. Обними Яся [1]). Как бы он тут поздоровел! Скажи Пл. [2]), что он скоро получит рукописи. Знакомым говори обо мне мало. Потом я напишу тебе много... Скажи, что вернусь после зимы. Почта отходит здесь раз в неделю. Пишу через здешнее консульство. Пошли мое письмо родителям так, как оно есть. Отдай сам на почту.

Твой *Ш.*

Ясю напишу потом [3]).

(225)

102. Шопен Юлиану Фонтане.

Пальма, 3 декабря 1838.

Мой Юлиан!

Следи за моей квартирой. Я не мог послать рукописи, потому что не кончил. Эти последние две недели хворал, как собака — простудился, несмотря на 18° тепла, розы, померанцы, пальмы, фиги. Три самых знаменитых доктора с целого острова—один нюхал то, что я плевал, другой выстукивал там, откуда плевал, третий щупал и слушал, как я плевал. Один говорил, что я издох, другой — что издыхаю, третий — что издохну. А я нынче, как всегда, только не могу простить Ясю, что он на случай „bronchite aigüe“, которого всегда мог ожидать у меня, не дал мне никакого совета. Едва удержал, чтобы мне не пускали крови, не ставили банок ненасытных и не делали никаких заволок [4]), и нынче, благодаря провидению, я по-старому. Это однако оказало действие на „прелюдии“, которые бог ведает, когда получишь. Дня через два буду жить в самом красивом на свете месте: море, горы, что хочешь. Буду жить в старом, огромном, заброшенном, разрушенном монастыре картезианцев, которых Менд. [5]) выгнал, как будто бы для меня. Близко от Пальмы — ничего более чудесного: галлереи, поэтические кладбища, словом, мне там будет хорошо. Только фортепиано еще нет. Я писал прямо Плейелю „rue de Rochéchouard“. Узнай... Скажи, что на другой день сильно захворал, теперь снова здоров. Впрочем, не говори много ни обо мне, ни о рукописях. Пиши

---

[1]) Ян Матушинский, доктор медицины, профессор парижской „Ecole de médecine“, друг Шопена с детства. Когда Шопен уехал на Майорку, Матушинский занял его квартиру на „rue de la Chaussée d'Antin“.

[2]) Плейель, фабрикант роялей, купивший у Шопена его „прелюдии“ перед его от'ездом из Парижа.

[3]) Ниже приписка рукой Фонтаны: „получ. 28 [декабря 1838]“.

[4]) Старинный хирургический способ лечения, вышедший ныне из употребления.

[5]) Мендизабель, либеральный испанский министр, относившийся с большой строгостью к монахам, имевшим нездоровое влияние на население Майорки.

мне. Я не имел от тебя еще ни одного письма. Скажи Лео [1]), что я еще не послал „прелюдий“ Альбрехту [2]), что я их очень люблю и им напишу. Отнеси сам мое письмо к родителям на почту и пиши. Яся обнимаю.

III.

Не говори никому, что я хворал, потому что начнутся басни [3]).

(224)

103. Шопен гр. А. Гржимале.

[Пальма], 3 декабря [1838].

Мой милый, отошли Фонтане письмо к родителям. Я кашляю, харкаю и люблю тебя. Часто тебя вспоминаю. От тебя еще не было ни одного письма. Что касается почт, людей и удобств, это—дьявольский край. Небо прекрасное, как твоя душа, земля черная, как мое сердце. Люблю тебя всегда.

III.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой, получаете ли вы наши письма? Мы вам писали три или четыре раза. Мы обеспокоены и опечалены вашим молчанием. Тем не менее, имеем новости от Марлиани. Самый верный способ нам писать из всех, что мы пробовали, это адресовать: à Mr. Canut y Mugnesot an Palma de Mallorca. Illes Baleares. Под конвертом: Pour M-me G. Sand. До границы франкировать непременно. Шопен был очень болен эти последние дни. Ему много лучше, но он немного страдает от перемен температуры, которые здесь часты. У нас наконец будет камин Ломонда, и да сохранит нас провидение, так как здесь нет ни докторов, ни лекарств. Морис [4]) чувствует себя очень хорошо. Отсутствие фортепиано очень меня огорчает из-за маленького [5]). Он взял на прокат какой-то местный, который больше раздражает его, чем утешает. Но несмотря на все, он работает. Через три дня мы поселимся в красивом картезианском монастыре, в великолепном месте. Мы купили мебель, и вот мы собственники на Майорке. Это очаровательная страна, и мы счастливы; не достает только вас. С ужасом и горем узнали мы о несчастии жены Мицкевича [6]). Боже мой, боже мой!

[1]) Август Лео, парижский банкир, друживший с Шопеном и облегчавший ему в качестве посредника сношения с издателями.

[2]) Т. Альбрехт, аташе саксонского посольства в Париже, интимный друг Шопена, которому он посвятил свое первое скерцо b-moll, op. 20. Шопен был крестным отцом одной из дочерей Альбрехта и чувствовал себя у него в доме, как родной.

[3]) На оборотной стороне: Monsieur, Monsieur Jules Fontana, 38, rue de la Chaussée d'Antin.

[4]) Сын Ж. Санд, из-за болезни которого (ревматизм) она решила провести зиму на Майорке.

[5]) Так Жорж Санд называла Шопена.

[6]) Мицкевич, Адам (1798—1855), величайший польский поэт. Был женат на Целине Шимановской, дочери известной пианистки. Упоминаемое несчастие— душевная болезнь,

Вы всегда можете рассчитывать на меня относительно статьи или продажи. Но, увы, я еще не кончила „Spiridion“. Я еще не могу работать. Мы не устроились; у нас нет ни осла, ни слуги, ни воды, ни огня, ни верного средства пересылать рукописи. Вот почему я занимаюсь кухней вместо литературы и еще не знаю, получен ли последний пакет, который я послала Бюлозу [1]). Будьте так добры, повидайте его и скажите, что 4-я часть „Spiridion'a“ едет к нему, если он ее уже не получил. В Испании очень неспокойно в данный момент. Посланный со „Spiridion“'ом может быть и не мог доехать до Пиринеев. Сообщения с Францией, которые... [остального недостает].

(227)

104. Шопен Юлиану Фонтане.

Пальма, 14 декабря 1838 [2]).

Мой Юлиан!

От тебя все еще ни слова, а это мое 3-е или 4-е письмо. Франкировал ли ты? Может быть мои не писали? Может быть с ними случилось в дороге несчастье? Может быть ты ленишься? Нет, ты не ленивый, добрая душа. Ты наверное послал мои два письма к моим (оба из Пальмы) и мне писал, только не доставила здешняя почта, самая не регулярная на свете... Только нынче получил известие, что 1-го декабря в Марселе погрузили фортепиано на торговый корабль. Четырнадцать дней шло письмо из Марселя. Я надеюсь, что фортепиано перезимует в порту или на якоре (потому что здесь никто не двинется, когда дожди), и что я получу его только перед от'ездом, что меня очень радует, так как кроме 500 франков таможенных пошлин я буду иметь удовольствие сам запаковать его обратно. Тем временем, рукописи мои спят, а я спать не могу, только кашляю и, обложенный пластырями, давно уж ожидаю весны или чего-нибудь другого... Завтра я еду в чудесный монастырь „Valdemosa“ писать в келии старого монаха, в душе которого было может быть больше огня, чем у меня, а он заглушал его, заглушал и гасил, ибо обладал им понапрасну. Думаю послать тебе вскоре мои „прелюдии“ и „балладу“. Сходи к Лео. Не говори, что я болен, а то он испугается за свои 1000 франков. — И к Плейелю.

Твой *III.*

Яся [3]) [обними].

несколько раз повторявшаяся и приведшая ее в дом умалишенных. От этой болезни она избавилась под влиянием мистика Андрея Товянского. Мицкевич умер в 1855 г. в Константинополе от холеры.

[1]) Бюлоз (1803—1877), французский литератор, основатель „Revue des Deux Mondes“.

[2]) Сбоку приписка рукой Фонтаны: „получ. 4 янв.“

[3]) На обратной стороне: Monsieur, Monsieur Fontana, 38, rue de la Chaussée d'Antin.

(228)

105. Шопен Юлиану Фонтане.

Пальма, 28 декабря 1838, или скорее Вальдемоза в нескольких милях.

Можешь ли ты себе представить меня между скалами и морем, в огромном покинутом картезианском монастыре, в келье, двери которой больше, чем любые ворота в Париже, незавитого, без белых перчаток, бледного, как всегда. Келия имеет форму высокого гроба с огромными закопченными сводами,—маленькое окно, перед окном померанцы, пальмы, кипарисы. Напротив окна, под филигранной мавританской розеткой моя кровать на лямках. Возле кровати старый, квадратный, неподвижный „nitouchable“, на котором я с трудом пишу. На нем оловянный подсвечник (большая роскошь здесь) со свечкой, Бах, мои каракули и не мои лоскутки бумаги... тишина... можно кричать... и все-таки тихо. Словом, пишу тебе из странного места.

Твое письмо от 9 декабря я получил третьего дня, и так как из-за праздников почта отходит только на будущей неделе, то я могу писать тебе не спеша, а вексель, который я тебе посылаю, наверное будет итти к тебе целый русский месяц. Хорошая вещь природа, а с людьми не надо иметь никакого дела. Ни дорог, ни почт. Много раз я приезжал сюда из Пальмы, всегда с одним и тем же извозчиком и всегда другой дорогой. Ручьи прокладывают дорогу, а ливни ее портят. Нынче здесь нельзя проехать, потому что вспахано, а завтра можно только на спине мула,—а какие тут повозки!!! Поэтому, Юлиан, здесь нет ни одного англичанина, даже консула.

Что там обо мне говорят, — все пустяки. Лео жид! Не могу послать тебе „прелюдий“, потому что они не окончены. Мне теперь лучше, и я поспешу, а жиду напишу откровенное короткое благодарственное письмо так, что у него душа в пятки уйдет (пусть уйдет, куда хочет!). Шельма! а я был у него накануне от'езда и сказал, чтобы он мне ничего не присылал. Шлезингер [1]) еще бо̀льшая собака!—поместить в альбом мои вальсы!! [2]) и продать Пробсту [3]), когда он их выклянчил у меня для отца в Берлин. Все эти „вши“ меня теперь меньше кусают. Пусть Лео бесится. Жаль мне только тебя. Но самое большее через месяц ты будешь чист с Лео и с моим хозяином. Распоряжайся деньгами Весселя [4]), как будет нужно. Что делает слуга? Как получишь деньги, дай от меня швейцару 20 франков к Новому году и заплати печнику, если придет. Не помню, чтобы я оставил какие-нибудь

[1]) Морис-Адольф Шлезингер, музыкальный издатель в Париже, сын берлинского издателя Адольфа-Мартина Шлезингера.

[2]) Три вальса ор. 34.

[3]) Генрих-Альберт Пробст в 1823 г. основал в Лейпциге музыкальное издательство и торговлю. В одном из своих писем Шопен называет Пробста агентом Брейткопфа и Гертеля.

[4]) Вессель, Христиан-Рудольф, уроженец Бремена, издатель. В 1825 г. приехал в Лондон, где с 1860 года его наследниками были Edwin Ashdown и Henry Parry.

важные долги. Во всяком случае, как я уж тебе сказал, не больше чем через месяц мы будем чисты. Нынче чудесная луна, никогда такой не было. Но, но! Ты пишешь, что послал мне письмо от моих: и не видал и не получал. А мне его так нужно! Франкировал ли ты его? Как адресовал? Твое единственное письмо, которое я до сих пор получил, было очень дурно адресовано. Не позабудь чего-либо, если напишешь Юнто, а этого господина (большого олуха en parenthèse) зовут Riotord. Посылаю тебе самый лучший адрес [1]). Фортепиано уже 8 дней, как ждет в порту, что̀ скажет таможня, которая желает горы золота за это свинство. Природа здесь благодетельна, но люди воры, которые никогда не видали иностранцев и следовательно не знают, сколько за что брать. Померанцы даром, а за пуговицу для панталон баснословная сумма! Но все это — горсть песку по сравнению с этим небом, с этой поэзией, ко̀торой все здесь дышит, с этими красками чудеснейших мест, еще не опошленных людскими взорами. Едва ли кто спугивал тех орлов, которые каждый день парят над нашими головами! Ради бога пиши, всегда франкируй и прибавляй: Пальма на Майорке.

Посылаю тебе вексель и письмо к моим. Яся люблю и жалею, что из него не выработался настоящий директор детского благотворительного учреждения в каком-нибудь Нюренберге или Бамберге. Пускай же наконец напишет, что человек [2])...

Мне кажется, что я посылаю тебе третье или четвертое письмо к родителям. Альбрехта обними, но про меня рассказывай мало.

(229)

106. Шопен Юлиану Фонтане.

[Вальдемоза, 12 января 1839.]

Мой милый!

Посылаю тебе „прелюдии“. Перепиши ты и Вольф; [3]) думаю, что ошибок нет. Переписанное отдашь Пробсту, а рукопись Плейелю. Деньги Пробста, счет и расписка на которые у тебя в руках, ты сейчас же занесешь Лео, которому писать благодарственное письмо не имею времени, а из денег, которые тебе даст Плейель, т. е. из 1500 франков, ты заплатишь 425 франков за квартиру до Нового года, и от квартиры вежливо откажешься. Хорошо, если удастся нанять с марта, а если нет, то надо оставить ее еще на три месяца. Тысячу, которая у тебя останется, отдашь от меня Нужѝ. Узнаешь, где он живет, у Яся, которому ничего не говори о деньгах, потому что он готов штурмовать Нужѝ, а я не хочу,

[1]) Зачеркнуто: „Хотел бы однако, чтобы ты адресовал туда, куда я мое фортепиано“.

[2]) Эта фраза не дописана в оригинале.

[3]) Эдуард Вольф (1814—1880), ученик Эльснера, пианист и композитор. С 1835 г. жил в Париже и сделал себе имя дуэтами, сочиненными вместе с Вьетаном.

чтобы кто-нибудь кроме меня и тебя знал об этом. Если бы квартира нашлась, пошли часть мебели Ясю, часть Гржимале. Скажи Плейелю, чтобы он писал мне письма через тебя. Перед Новым годом я послал тебе вексель для Весселя. Скажи Плейелю, что с Весселем я сквитался. Недели через две получишь „балладу“ [1]), „полонез“ и „скерцо“ [2]). Скажи Плейелю, чтобы сговорился с Пробстом о времени издания „прелюдий“. До сих пор все еще нет у меня ни одного письма от родителей!! Нужно непременно франкировать. Не знаешь ли ты, что случилось с первым письмом? Обнимаю тебя. Живу в келии; у меня иногда балы арабские, солнце африканское, море Средиземное. Обними Альбрехтов; я им напишу. Кроме Гржималы никому не говори, что я меняю квартиру. Не знаю, может быть вернусь только в мае или позже. Письмо и „прелюдии“ отдай Плейелю сам.

Пиши. Твой *Ф.*

(231)

107. Шопен Юлиану Фонтане.

Марсель, 7 марта 1839 г.

Мой Юлиан!

Про мое здоровье и рукописи ты верно знаешь от Гржималы. Два месяца тому назад я послал тебе из Пальмы свои „прелюдии“. Ты должен был списать их для Пробста и из полученных от него денег 1000 франков отдать Лео. Далее я тебе писал, чтобы из 1500 франков, которые должен уплатить Плейель, ты заплатил Нужи и моему квартирному хозяину за три месяца. Если не ошибаюсь, в том же письме я тебя просил отказаться от квартиры, потому что, если этого не сделать до апреля, то пришлось бы ее держать следующие три месяца, т. е. до июля. Весселевские деньги ты вероятно употребил на уплату за новогодний квартал [четверть года], а если нет, то употреби их на квартирную плату за следующий срок. Вторую посылку с рукописями ты получил вероятно только теперь, потому что она долго провалялась в таможне, на море и вторично в таможне.

При посылке „прелюдий“ я написал Плейелю, что я отдаю ему „балладу“ (которую я продал Пробсту для Германии) за тысячу франков. За два полонеза для Франции, Англии и Германии (так как право Пробста ограничивается только балладой) я потребовал 1500 франков. Кажется, что это не [3]) слишком дорого.

После получения второй посылки с рукописями ты должен был получить от Плейеля 2500 франков и от Пробста 500 или 600 франков за „балладу“, точно не могу этого припомнить, что вместе составит 3000 франков.

Я просил Гржималу прислать мне сейчас же по крайней мере 500 франков. Это однако не мешает тому, чтобы ты поскорее выслал и остальное. Ну вот и все мои дела.

В случае, если бы вам удалось, в чем я сомневаюсь, со следующего месяца сдать квартиру, то разделите мою мебель между вами тремя: Гржималой, Ясем и тобой. У Яся больше всего свободного места, особенно в голове, если судить по детскому письму, которое он мне написал, где он мне предсказывает, что я сделаюсь камальдуленским монахом. За это пусть он возьмет весь хлам. Не обременяй слишком Гржималу... [Здесь письмо повреждено] возьми к себе все, что тебе может пригодиться, так как я не знаю, вернусь ли летом в Париж (это между нами)... [Письмо повреждено] мы будем писать друг другу, и если придется, как я чувствую, оставить квартиру до июля, то я тебя прошу, даже если тебе понадобится иметь свою собственную квартиру, все-таки одной ногой жить в моей и заплатить за нее за последний квартал.

На твое сердечное, истинно-благожелательное письмо ты получишь ответ во втором „полонезе“ [1]). Не моя вина, что я как гриб, похожий на шампиньон, который отравляет, когда его вырывают из земли и пробуют, принимая за шампиньон. Я знаю, что никогда никому ни в чем не мог быть полезен, да и себе самому не очень многим.

Я тебе говорил, что в первом ящике письменного стола около двери находится сложенная в четвертую долю бумага, которая должна была быть вскрыта тобой, Гржималой или Ясем. Теперь я прошу тебя вынуть ее и сжечь, не читая. Заклинаю тебя нашей дружбой, сделай это. Эта бумага теперь не нужна [2]).

Если Антек [3]) уедет, не вернувши мне денег,—это будет очень по-польски; NB—в дурном смысле по-польски; однако ничего не говори ему об этом. Постарайся повидать Плейеля и скажи ему, что я еще не получил от него ни слова, и что его рояль в верных руках. Согласен ли он с условиями, которые я ему предложил?

Все письма из дому, три вместе с твоим, я получил как раз в тот момент, когда садился на пароход. Посылаю тебе еще одно. Благодарю тебя за дружескую помощь, которую ты мне, немощному, оказываешь. Обними Яся и скажи ему, что я или, скорее, что мне не позволили сделать себе кровопускание, что я ношу нарывной пластырь,—только по утрам немного кашляю и меня совсем еще не считают чахоточным.

---

[1]) Вторая баллада, op. 38, посвященная Роберту Шуману.
[2]) Cis-moll, op. 39.
[3]) Так у Шарлита. У Гуттри: „Es ist zu viel“.

[1]) Два полонеза op. 40.
[2]) Вероятно здесь идет речь о сделанном Шопеном завещании.
[3]) Антон Водзинский.

Не пью ни кофе, ни вина, а только молоко, берегусь и имею вид молодой девушки.

Твой *Фр.*

Пришли денег, как можно скорей. Сговорись с Гржималой.

Я прилагаю два слова для Антека. Завтра я напишу Гржимале.

(237)

108. Шопен Юлиану Фонтане.

[Марсель, март-апрель 1839] [1]).

Мой милый!

Мне гораздо лучше. Начинаю играть, есть, ходить и разговаривать, как все. Увидишь, что и пишу легко, когда снова получишь от меня несколько слов. Но снова о делах. Я бы очень хотел, чтобы мои „прелюдии“ были посвящены Плейелю (вероятно еще есть время, потому что они не напечатаны), а „баллада“ — Роберту Шуману, „полонезы“ тебе, как было. Кесслеру [2]) — ничего. Если Плейель не захочет уступить „балладу“, то посвяти Шуману „прелюдии“ [3]). Вчера приезжал ко мне из Аахена Гашинский [4]), единственный человек, которого я принял, так как мои двери заперты для всех любителей музыки и литературы. Об изменении посвящений скажи Пробсту, когда сговоришься с Плейелем. Ся обними. Из новых денег отдашь Гржимале 500, а остальные 2500 пусть он пришлет мне. Не хмурься, люби меня и пиши. Прости, если я слишком надоедаю тебе поручениями, но я, не шутя, думаю, что ты охотно делаешь все, о чем я тебя прошу.

Твой *Ш.*

(234)

109. Шопен Юлиану Фонтане.

[Марсель, 13 марта 1839] [5]).

Благодарю тебя, моя жизнь, за твои старания. Со стороны Плейеля я не ожидал торгашества, но если так, отдай ему пожалуйста это письмо. Только бы он не делал тебе никаких затруднений с „балладой“ и „полонезами“. В противном случае, получивши 500 от Пробста за „балладу“, занесешь ее Шлезингеру. Если уж иметь дело с евреями, то я предпочитаю правоверных. Пробст может меня надуть еще хуже, потому что это пташка, которую не поймаешь. Шлезингер беспрерывно меня надувал, хорошо на мне заработал и не откажется от нового заработка; только будь с ним вежлив, потому что хотя он и жид, но хочет что-то из себя представить. Итак, если Плейель сделает малейшие затруднения, пойди к Шлезингеру и скажи ему, что я отдаю ему „балладу“ для Франции и Англии за 800 (потому что тысячи он не даст), а „полонезы“ для Германии, Англии и Франции за 1500 (а если не захочет дать, то за 1400 или 1300, даже за 1200). Если он упомянет (так как Пробст вероятно его предупредил о них) о прелюдиях и о Плейеле, скажи, что это давно обещанная Плейелю вещь, что он хотел быть ее издателем и перед моим от'ездом очень меня просил об этом, как в действительности и было. Видишь, моя жизнь, для Плейеля я мог бы порвать со Шлезингером, а для Пробста не могу. Что мне за дело, что Шлезингер заставляет Пробста дороже платить за мои рукописи. Если Пробст и платит дорого Шлезингеру, то значит последний меня надувает, платя мало. У Пробста нет склада в Париже; все мои вещи напечатаны у Шлезингера. Еврей мне за все заплатил, а Пробст часто заставляет меня ждать. Нужно будет условиться со Шлезингером, что ты дашь ему рукописи в тот день, когда он даст тебе денег, а если он не захочет сразу, то ты дашь ему отдельно „балладу“ и отдельно „полонезы“, но с промежутком не более двух недель. Если Шлезингер не захочет об этом слушать, тогда только обратись к Пробсту, но если он такой мой поклонник, то не отдавай ему за меньшее, чем Плейелю. Итак, мое письмо отдашь Плейелю при малейшем затруднении. Если, в чем сомневаюсь, ты оставил ему рукописи „баллады“ и „полонезов“, возьми их обратно для Шлезингера или Пробста. Шельмы! Боже мой, и этот Плейель — такой мой поклонник! Может быть он думает, что я не вернусь в Париж? Вернусь и отблагодарю его, также как и Лео. Прилагаю эту записку к Шлезингеру, в которой тебя уполномачиваю.

Нужно, чтобы родители Антека невероятно забылись, чтобы между ним и мной произошло то, что произошло. Entendons nous, что он не отдал мне перед от'ездом денег. Бесчувственные глупцы и дурни!

С каждым днем чувствую себя здоровее; тем не менее, ты заплати портье те 50 франков, на что я вполне согласен, так как мой доктор не позволяет мне двинуться с юга до лета. Вчера я получил „Дзяды“ [1]). Что касается перчаточника и портного, могут

---

[1]) Гёзик считает точное датирование этого письма невозможным, так как почтовый штемпель отсутствует, а на обратной стороне письма находится только адрес Фонтаны. Он думает, что так как в начале письма говорится об улучшении здоровья, то если оно и было написано в марте, то вероятно в конце или даже в начале апреля, потому что 17-го марта Шопен пишет, что он еще болен и не может много работать. Шарлит датирует его без оговорок 6-м марта.

[2]) Кесслер, Иосиф-Кристоф, пианист и композитор.

[3]) В конце концов „баллада“ ор. 38 была посвящена Роберту Шуману, два „полонеза“ ор. 40—Юлиану Фонтане, „24 прелюдии“ ор. 28 (французское и английское издания) Камиллу Плейелю, а немецкое — Кесслеру.

[4]) Вероятно польский поэт, Константин Гашинский.

[5]) На обратной стороне: Monsieur Jules Fontana, 38, rue de la Chaussée d'Antin. Почтовый штемпель: Марсель, 13 марта 1839. Париж, 16 марта.

[1]) Поэма Адама Мицкевича.

подождать, дурни! Что с моими бумагами? Письма оставишь в бюро, а ноты—Ясю, или себе. В столике, который в передней, также есть письма. Его нужно хорошенько запереть. Письмо к Шлезингеру запечатаешь облаткой. Пиши часто.

Яся обними.

Твой *Ш.*

(236)

110. Шопен Юлиану Фонтане.

Марсель, 17 марта 1839, воскресенье.

Моя жизнь!

Благодарю тебя за все твои старания. Плейель олух, Пробст мерзавец (он никогда мне не давал 1000 франков за три рукописи). Ты наверное получил мое длинное письмо о Шлезингере. Вот я хочу и прошу тебя,—отдай мое письмо Плейелю (который считает мои рукописи слишком дорогими). Если уж нужно дешево продавать, то предпочитаю Шлезингера, чем искать новых невыгодных уз. Так как Шлезингер всегда может рассчитывать на Англию, а я с Весселем квит,—пусть продает их, кому хочет. То же самое с „полонезами“ в Германии, потому что Пробст—птица, я его давно знаю. Пусть Шлезингер продает их кому хочет, но не непременно Пробсту. Мне нет дела до этого. Он меня обожает, потому что грабит. Условься с ним только хорошенько о деньгах и отдавай рукописи только за чистые деньги. Плейелю посылаю „reconnaissance“. Дурак, не верит он что ли мне или тебе? Боже мой! Нужно же непременно иметь дело с мерзавцами! Этот Плейель, который говорил, что Шлезингер мне плохо платит, а теперь ему кажется слишком дорого 500 франков за рукопись для каждой страны! Вот уж предпочитаю иметь дело с настоящим евреем. А Пробст, мерзавец, платит мне 300 франков за мазурки! А последние мазурки, шутя, принесли мне 800: Пробст 300, Шлезингер 400, а Вессель 100. Лучше по-старому за бесценок отдавать свои рукописи, чем кланяться этим дуракам. Предпочитаю быть униженным одним евреем, а не тремя. Итак, к Шлезингеру! Верно ты с Плейелем покончил. О „скерцо“ [1]) не говори ни с кем. Не знаю, когда его окончу, я еще слаб, и мне не до писанья. Мерзавцы, мерзавцы, они и пани Миньерон! Но колесо фортуны изменчиво... Может быть еще пани Миньерон будет (...) тобой. Если сделаешься сапожником, пожалуйста не шей башмаков ни Плейелю, ни Пробсту. Пусть ходят босые. Я еще не знаю, когда тебя увижу. Гржималу обними и дай ему, какую захочет, мебель, а Ясь пусть возьмет остальное. Не пишу ему, потому что не об чем. Всегда его люблю, скажи

[1]) Третье „скерцо“ cis-moll, op. 39, посвященное Гутману.

ему об этом и обними его. Водзинский [1]) все еще меня удивляет... Как получишь деньги от Плейеля, заплати сперва хозяйке, а 500 пришлешь мне немедленно. Обними Гржималу и Яся.

Твой *Фрицек.*

Нынче получил твое письмо. Ни одного письма от Плейеля. Оставил в квитанции Плейеля op[us] белым, потому что не знаю номера [2]).

(232)

111. Шопен Юлиану Фонтане.

Вторник, [Марсель, март 1839].

Мой милый!

Так как они такие евреи, сбереги все до моего возвращения. Итак, я продал „прелюдии“ Плейелю (я получил от него 500 франков), поэтому он имеет право вытирать ими зад—цу. Что же касается „баллады“ и „полонезов“, то не продавай их ни Шлезингеру, ни Пробсту. Никогда в жизни не хочу иметь ничего общего с Шоненбергерами [3]). В случае, если ты уже отдал „балладу“ Пробсту, возьми ее обратно, даже если он будет давать тысячу. Ты ему скажешь, что я тебя просил подождать с этим до моего возвращения. Когда я вернусь, тогда мы посмотрим.

Довольно этой сволочи! довольно и с тебя и с меня.

Жизнь моя, прости меня за все беспокойства. Ты поступил, как истинный друг, а у тебя на шее еще мой переезд. Я прошу Гржималу заплатить расходы по переезду. Что касается портье, то парень наверное врет, но кто ж ему это докажет? Следовательно, ему надо дать, чтобы он не лаял.

Обними Яся. Я ему напишу, когда буду в настроении. Здоровье мое лучше, но я неистовствую! Скажи Ясю, что он наверное, также как и я, не получит от Антека ни слова, ни гроша.

Прощай, я обнимаю вас.

Вчера я получил твое письмо вместе с письмами Плейеля и Яся. Если тебе понравилась Клара Вик, то это естественно, так как невозможно играть лучше, чем она. В случае, если ты ее увидишь, поклонись ей от меня, также как и ее отцу. Тебя и Яся обнимаю.

Ф. Шопен.

[1]) Вероятно брат Марии Водзинской (Шопен часто называет его Антеком), который постоянно занимал у Шопена деньги и не спешил их отдавать.

[2]) На обратной стороне кроме обычного адреса Фонтаны почтовый штемпель: Марсель, 18 марта 1839.

[3]) Маленький музыкальный издатель в Париже.

(238)

112. Шопен гр. А. Гржимале.

Марсель, 27 марта 1839.

Мой милый!

Я гораздо здоровее и сильнее и могу тебя поблагодарить за присланные мне деньги. Ты знаешь, как меня удивляет твоя доброта, но зато ты имеешь во мне, если и не наружно, то в душе, благодарного человека. Ты так добр, что возьмешь мою мебель, будь так добр заплати и за перевозку. На это я могу рискнуть, потому что знаю, что сумма невелика. Что с моими доходами делается, оборони бог! Дурак Плейель заварил кашу, и мне теперь трудно; стену головой еще никто не прошиб. Летом увидимся. Мне хочется сказать тебе, как это меня радует. Теперь моя [1]) окончила великолепную статью о Гете, Байроне и Мицкевиче. Нужно прочитать, чтобы сердце порадовалось. Я уж вижу, как ты доволен. И все такая правда, с такой удивительной наблюдательностью, с огромным непосредственным размахом, без натяжки и преувеличенных похвал. Сообщи мне, кто переводил [2]). Если бы Мицкевич захотел сам приложить к этому руку, то она охотно бы внесла поправки, и то, что она написала, могло бы быть напечатано вместе с переводом, как „discours préliminaire“ [3]). Все бы читали, и можно было бы сбыть много экземпляров. Она об этом напишет тебе или Мицкевичу.

Что поделывает твоя душенька? Дай тебе бог хорошего настроения, здоровья и бодрости; это такие нужные вещи. Что ты скажешь о Нурри? [4]) Нас это удивило ужасно. Часто мы мысленно берем тебя на прогулку. Ты не поверишь, как нам хорошо в твоем обществе. Марсель не красив; старый, но не древний город и немного нам надоел. В будущем месяце наверное двинемся в Авиньон, а оттуда в Ноган. Там я тебя непременно обниму не письменно, а усатого, если твои усы не испытали участи моих бакенбард.

Ручки и ножки обними, но не себе [5]). Тебе я пишу с самым истинным неугасающим чувством настоящего камальдуленского монаха [6]).

Ш.

[1]) Жорж Санд.

[2]) В письме к Фонтане от 13 марта 1839 г. Шопен пишет: „Вчера получил „Дзяды“. Ему был прислан французский перевод „Дзядов“ Burgaud des Marets, который он вслух читал Жорж Санд, знакомя ее с польскими авторами (см. В. Каренин: „Жорж Санд, ее жизнь и произведения“. Т. II, стр. 178—179). Вероятно здесь речь идет об этом переводе. Вышеупомянутая статья Ж. Санд о Мицкевиче была напечатана в декабре 1839 г. в „Revue des Deux Mondes“.

[3]) Предисловие.

[4]) Знаменитый французский тенор, выбросившийся в Неаполе после представления „Нормы“ из окна в припадке душевного расстройства.

[5]) Очевидно относится к жене Гржималы, которая была „мифологическая“ красавица.

[6]) Адрес: Monsieur, Monsieur A. Grzymala, Paris, 16, Rue de Rohan. Почтовый штемпель: Marseille, 28 Mars 1839. Paris, 31 Mars.

(239)

113. Шопен Эрнесту Каню в Пальму [1]).

Марсель, 28 марта 1839.

Милостивый государь!

Уже больше месяца, как я получил письмо от Плейеля относительно фортепиано. Я медлил с ответом, надеясь получить от вас известие, и только теперь я ему написал, что вы приобрели этот инструмент за 1.200 франков.

Я покидаю Марсель немедленно, так как здоровье мое совершенно восстановилось, но не отправляюсь прямо в Париж и потому, во избежание всякого промедления, считаю своим долгом просить вас адресоваться с платою в Париж к г-ну К. Плейель и К-о (rue de Rochechouard, № 20), которых я предупредил.

Примите, милостивый государь, уверение в моих самых лучших чувствах.

Ф. Шопен.

Адрес на обратной стороне: Monsieur Canut, Palma.

(240)

114. Шопен гр. А. Гржимале.

Марсель, 12 апреля 1839.

Мой милый!

Мар[лиани] писала нам, что ты еще болен, и что пускание крови принесло тебе мало пользы. Как ты увидал из вчерашнего письма, мы тут думали, что ты уж совершенно здоров, и вдруг нынче такое разочарование (déconfiture)! В том же самом письме Марлиани пишет также, что ходят слухи, будто моя мать приедет в Париж, встревоженная за меня. Хотя я этому не верю, однако пишу письмо к своим (которое, будь добр, пошли на почту), чтобы они не беспокоились. Это будет третье из Марселя. Если ты слышал что-нибудь об этом, напиши мне словечко. Нужно, чтобы случилось нечто чрезвычайное, чтобы моя мать оставила отца. Отец болен и нуждается в ней больше, чем кто бы то ни было. Я бы никак не мог понять подобной разлуки. Мой ангел [2]) кончает новый роман „Gabriel“. Нынче она целый день пишет в постели. Знаешь, ты бы ее еще больше любил, если бы знал ее так, как я теперь ее знаю.

Представляю себе, как должно быть тебе неприятно, если тебе еще нельзя выходить. Почему я не могу быть вместе с тобой! Как бы я за тобой ухаживал! Я уж знаю, что значит ухаживать! Впрочем, мои ухаживанья были бы тебе милы, так как ты знаешь, от какого сердца

[1]) Эрнест Каню, банкир в Пальме, желая избавить Шопена от хлопот, купил присланное ему из Парижа фортепиано, которым Шопен пользовался во время своего пребывания на Майорке.

[2]) Жорж Санд.

они идут к тебе. Я никогда ничем не был тебе полезен, но теперь я может быть угодил бы тебе, ухаживая за тобой.

Наш генуэзский проект [1]), как мне кажется, нынче уж изменен. Вероятно в середине мая мы увидимся и обнимемся с тобой у нее в деревне. Пусть небо как можно скорее пошлет тебе здоровья. Ручки знаешь кому...

Твой *Фриц.*

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой, поправляйся. Дай нам вестей о себе. Нам грустно, потому что Шарлотта [2]) пишет мне нынче утром, что ты все болен. Я в припадке вдохновения. Только я больше не имею обыкновения вставать. Я произвожу на свет новый роман, которому понадобятся щипцы. Обнимаю тебя. Мы тебя любим.

[Приписка Шопена:]

Пошли мое письмо биржевой почтой. Так всегда доходит.

(242) **115. Шопен Юлиану Фонтане.**

[Марсель, 25 апреля [3]) 1839, четверг].

Мой милый!

Я получил твое письмо, в котором ты пишешь о подробностях переезда. Не могу достаточно тебя отблагодарить за твою истинно-дружескую помощь. Меня очень интересовали подробности, но меня злит, что ты жалуешься, а Ясь харкает кровью. Вчера [4]) играл на органе для Нурри, следовательно мне лучше. Иногда также играю для себя, но не могу еще ни петь, ни танцовать. Как бы ни были приятны известия о моей матери, достаточно того, что они исходят от Плат. [5]), чтобы они были ложью. Здесь тепло, чтобы не сглазить, и вероятно в мае я покину Марсель; но я пробуду еще некоторое время на юге, прежде чем вас увижу. От Антека [6]) не так скоро будут известия. Да и зачем ему писать? Чтобы заплатить долги? Но в Польше нет такого

[1]) Жорж Санд собиралась с'ездить в Геную вместе с Шопеном, что они и осуществили позже, во второй половине мая. Поездка их была неудачна, потому что на обратном пути они попали в страшную бурю, которая очень повредила Шопену. 20 мая 1839 г. Жорж Санд пишет Марлиани: „Из Генуи мы ехали во время страшной бури. Дурная погода продержала нас в дороге вдвое дольше, чем обычно. Сорок часов подряд нас так швыряло, как я давно не испытывала. Это было возвышенное зрелище, которым я очень бы наслаждалась, если бы все мои не были больны".

[2]) М-м Марлиани.

[3]) и [4]) Гёзик считает, что это письмо следует датировать апрелем, а не мартом, как у Карасковского и Шарлита, потому что заупокойная служба по Нурри происходила в Марселе 24-го апреля, что было отмечено в газете „Le sud marseillais".

[5]) Вероятно кастеллан Людвиг Платер.

[6]) Антон Водзинский.

обычая. Поэтому Рациборский [1]) и ценит тебя так высоко, что у тебя нет польских привычек, „*nota bene*"—польских,—ты понимаешь, что я подразумеваю не те польские, которые ты знаешь. Итак, ты живешь в 26-м номере. Хорошо ли тебе? На каком этаже и сколько платишь? Теперь Париж начал меня больше интересовать, потому что и мне тоже нужно будет подумать о квартире, но это только после моего приезда. Здоров ли Гржим[ала]? Я ему недавно писал. От Плейеля было только то письмо, которое он послал через тебя больше месяца тому назад. Пиши на ту же фамилию, но на rue et Hôtel Beauveau. Может быть ты не понял, зачем я играл для Нурри? Его тело перевозят, и оно едет в Париж. Была заупокойная служба, и семья просила меня играть, и я играл во время отпевания. Хорошо ли играла Вик мой этюд [2])? Зачем она вместо чего-нибудь лучшего выбрала именно этот этюд, наименее любопытный для тех, которые не знают, что он на черных клавишах. Лучше было бы сидеть смирно. Больше мне нечего тебе писать, только разве, что желаю тебе счастья. Спрячь мои рукописи, чтобы случайно они не вышли из печати раньше времени. Если „прелюдии" напечатаны, то это шутка Пробста. Но я [3])... на все это, и когда вернусь, то мы не будем pratsipratzu [4]). Мерзавцы немцы, жиды, шельмы, кровопийцы, живодеры и т. д., и т. д. Словом, ектению докончишь ты, потому что теперь ты их знаешь так же хорошо, как я.

Твой *Ш.*

Обними Яся и Гржималу, если увидишь.

Четверг, 25 сего месяца.

(245) **116. Шопен гр. Альберту Гржимале.**

Ноган, 2 июня 1839.

Мой милый!

Вот мы и на месте после недельного странствия. Доехали мы превосходно. Деревня прекрасна: соловьи, жаворонки, только тебя—птицы не достает. Я боюсь, что в этом году не будет так, как два года назад. Хоть бы на несколько минут! Выбери момент, когда все будут здоровы, и пожертвуй дня два из милосердия к ближнему. Дай нам обняться, а за это я дам тебе превосходного молока, карлик. Ты будешь иметь в своем распоряжении мое фортепиано. Ни в чем не будешь иметь недостатка.

Твой *Фриц.*

[1]) Рациборский, эмигрант, доктор медицины, был домашним врачем Шопена и Матушинского.

[2]) Клара Вик в своем концерте 16 апреля 1839 г. сыграла этюд Шопена Ges-dur, op. 10, № 5.

[3]) Здесь Шопен употребляет неудобное для печати выражение.

[4]) Bras dessus—bras dessous (под руку). Здесь Шопен очевидно передразнивает чье-то плохое французское произношение.

Пожалуйста, вели отдать мое письмо на биржу. Напиши нам словечко и, если имеешь через Яся какое-нибудь письмо от моих, пришли мне.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогой супруг, мне грустно нынче. Я узнала о смерти моего бедного друга Gaubert и не смогу вам сказать ни одного веселого слова. Но при моем горе я больше чем когда-нибудь испытываю потребность вас видеть и сжать в своих об'ятиях друга, заменяющего мне того, кого я потеряла. Нужно поэтому, чтобы теперь вас любили за двоих, и чтобы вы со своей стороны тоже любили за двоих. Это неверно, что мертвых перестают любить, но их любят по иному. Им мы больше не нужны. Я их не жалею! Но мы нужны друг другу, мы, продолжающие это странствие. Приезжайте же, милый друг, мы вас ждем с нетерпением и не можем допустить мысли, что не увидим вас скоро.

Я не хочу говорить вам прощайте, но до свиданья.

[Адрес рукою Жорж Санд:] Monsieur A. Grzymala, rue de Rohant, 16, Paris.

Почтовый штемпель: Paris, 5 juin, 1839.

(246)

117. Шопен гр. А. Гржимале.

Ноган, понедельник [июнь 10, 17, 24? 1839].

Мой милый!

Как поживаешь? Из твоего молчания за последние несколько дней мы заключаем, что с тобой никакого несчастья не случилось, и что скоро мы обнимем тебя успокоенного. Вели пожалуйста отдать на почту письмо к моим. Я затрудняю тебя этим, потому что думаю, что Ясь уже в деревне. Не забудь, о чем я тебя просил, и кроме того привезите шкатулку с серебром, которую пани Марлиани должна была поручить тебе или Араго [1]).

Не проклинай нас, потому что мы тебя благословляем, и дай мне хороший польский поцелуй.

Твой *Ф. Ш.*

[Приписка Жорж Санд:]

Добрый вечер, дорогой друг!

Не получая известий вчера и нынче, мы надеялись, что ребенку лучше. Завтра, может быть, мы получим хорошие. Мы живем только со дня на день, надеясь на вас, желая вас и любя вас [2]).

[1]) Араго, Этьен, драматический писатель и журналист, умер в 1892 году.

[2]) Это письмо находится в частном собрании кн. Марцелла Чарторижского в Юстовой Воле под Краковым. Гёзик датирует его 1839 годом. Вероятно оно относится к июню, п. ч. в письме от 2-го июня Шопен пишет Гржимале: „Выбери момент, когда все будут здоровы", а здесь говорится о болезни ребенка. В июне 1839 г. понедельники были 3, 10, 17 и 24.

(248)

118. Шопен гр. А. Гржимале.

[Ноган, 8 июля 1839].

Моя жизнь!

Возьми мальпост до Châteauroux; там будешь в полдень на другой день; оттуда 2½ часа дилижансом, который едет до la Châtre; высадишься у сада, около которого идет дорога. Сядешь к столу, обнявшись с нами, как следует и т. д., и т. д. Я знаю, что тебе трудно двинуться из Парижа, и не смею настаивать, несмотря на большое желание тебя повидать и на тебя порадоваться. Однако, здесь хозяйка дома уже начала огорчаться, и в самом деле ей неприятно, что тебя не видно. Обещания и посулы меня нисколько не удивляют; но ты, посетив нас, сделал бы, пожалуй, доброе дело. Кровать пани д'Агу ждет тебя, если это тебе может быть приятно, не считая двух сердец, которые высматривают и высматривают тебя, как коршун дождь. Я нездоров и она у меня больна. Может быть ты своим присутствием оздоровишь нас обоих. Погода приличная. Не шутя, соберись утром, а на следующий день очутишься между нами.

Обнимаю тебя сердечно. Ручки поцелуй. Твой *Ф. Ш.*

Скажи Ясю, чтобы он дал тебе 2 или 3 пары моих башмаков из тех, что остались в большом шкапу. Поблагодарю тебя сердечно.

[Приписка Жорж Санд:]

Ну же! ветряный супруг, мы ждем тебя напрасно. Ты играешь нашим нетерпением и баюкаешь нас обманчивыми надеждами. Правда, нужно, чтобы вы приехали, милый друг. Нам нужно вас видеть. Ваш маленький постоянно „quan, quan" [1]). Я думаю, что ему нужно было бы немножко меньше тишины, уединения и правильности, которые дает жизнь в Ногане. Кто знает? Может быть маленькое путешествие в Париж. Я скорее соглашусь на какие угодно жертвы, чем видеть его погруженным в меланхолию. Приезжайте и пощупайте его моральный пульс. Кто может провести границу между физической болезнью и интеллектуальным страданием? Конечно не мне он захочет признаться, что скучает. Но я, кажется, это угадываю. Он не привык к такой суровой жизни, а я, я возвращаюсь роковым образом к роли матери семейства и педагога. Я к этому вынуждена. Приезжайте повидаться с нами. Правда, отец и сын очень нуждаются в содействии святого духа, чтобы удержаться на высоте.

Сердцем твоя, дорогой старый муж. *G.*

[Приписка Шопена на обратной стороне:]

Не дает мне читать, что тебе написала: C'est une indignité!!!!!

Адрес рукою Жорж Санд: Monsieur Albert Grzymala, rue de Rohan, 16, Paris.

Почтовый штемпель: La Châtre 8 juillet 1839. Paris 10 juil. 1839.

[1]) Вероятно: постоянно кашляет.

119. Шопен гр. А. Гржимале.

Ноган [1839, июль?]

Мой милый!

Приближается конец месяца, и твой приезд также. Мы радуемся, как дети. Не забудь о моих башмаках. Кроме того, скажи Фонтане, чтобы он дал тебе тетрадь Вебера в 4 руки с „Pièces faciles“. У меня уж ушки на макушке из-за тебя. Люби нас, [жене] пожми от меня ручки, а себя поцелуй.

Твой *Фриц*.

Если Фонтана не найдет между моими нотами, то не беда.

[Приписка Жорж Санд:]

Приезжайте же, мой дорогой старик, непременно, без отсрочек, без отговорок, без опозданий. Вы приедете, как обещали, сейчас же после июльских празднеств. Если вы не сдержите слова теперь, когда нас так радовала эта надежда, мы заболеем, тем более, что мы рассчитываем также на нашего милого Биньоля, и что—после такой долгой разлуки для нас это будет большой праздник.

Ваша *Ж. С.*

[Рукой Шопена:] Вели художнику отправить письмо на почту и уговори Араго, чтобы он приехал с тобой [1]).

120. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, 10 августа 1839. Четверг.

Мой милый!

Благодарю тебя за то письмо „à Mr. Chopine“. Оно начинается „Wiatrowo pod Węgrowem“, а кончается: „вам, как великому художнику музыки и композиции,—Александр Мощенский, староста Бржеский“; в середине: „как любитель музыки, доживший уже до 80 лет, посылаю пану две столетние мазурки, пришедшие мне на память, как тема для варьяций“. Мазурки, как ты можешь себе представить, почтенны: „рам дидириди, рам дидириди, рам дидириди, райда“. В приписке: „Моя внучка Алаксандрына (клянусь тебе, что Алаксандрына) играла „La ci darem“ в пользу эмигрантов и к удовольствию публики в Гнезно. Я, мои сыновья, внуки, внучки, а в особенности Алаксандрына неплохо и с большой беглостью играем на фортепиано — Wiatrowo pod Węgrowem“!

Какой-то честный, старый, старо-польский староста (вероятно еще из тех, про которых говорится: starosta co to prosto z mosta) [2]).

[1]) Это письмо—также из собрания М. Чарторижского. Датировать его помогает упоминание об июльских празднествах и о башмаках, о которых была речь в письме к Гржимале от 8-го июля. Очевидно оно было написано в конце июля 1839.

[2]) Польская поговорка.

Самое лучшее в твоем письме—твой адрес на конверте, который я уж забыл и без которого не знаю, смог ли бы тебе так скоро ответить, а самое худшее в письме — смерть Альбрехта. Ты хочешь знать, когда я вернусь. Как начнется ненастье; потому что мне нужен свежий воздух. Ясь уехал. Не знаю, не просил ли он тебя, чтобы ты прислал мне письмо от родителей, если оно случайно придет во время его отсутствия на его адрес. Может быть он подумал об этом, а может быть и нет. Я бы не хотел однако, чтобы пришедшее письмо пропало. Впрочем, я недавно получил письмо из дому, значит писать будут не так скоро, а он, честная душа, тем временем может быть вернется здоровый. Я тут пишу сонату si♭ mineur [1]), в которой будет мой марш, который ты знаешь. Есть Allegro, потом Scherzo mi♭ mineur, марш и недлинный финальчик, может быть моих три страницы. Левая рука в униссон с правой злословят после марша. У меня новый ноктюрн G-dur, который пойдет в паре с g-moll'ным [2]), если ты его припоминаешь: [один такт нот]. Знаешь, у меня четыре новых мазурки [3]), одна c-moll'ная—пальмская, три здешние: H-dur'ная, As-dur'ная и cis-moll'ная; они мне кажутся хорошими, как обычно младшие дети начинающим стареть родителям. Ничего не делаю, исправляю для себя парижское издание Баха не только от ошибок гравера, но и от ошибок, допущенных теми, которые будто бы понимают Баха (я не претендую на лучшее его понимание, но убежден, что иногда догадываюсь). Ну вот и расхвастался я перед тобой. Теперь, если Гржимала ко мне приедет (о чем бабушка на двое сказала), пришли мне Вебера в 4 руки, если он у тебя, а если нет, то рукопись моей последней „баллады“, потому что я хочу кое-что посмотреть. Также и твой экземпляр последних мазурок (если у тебя есть, потому что я не знаю, дошла ли моя любезность до такой степени, чтобы не забыть об этом). Скажи мне также, занес ли ты от меня вальс Эйхталувне [4]) (если нет, то не беда). Плейель писал мне, что ты очень „obligeant“, что поправил „прелюдии“. Не знаешь ли, что ему дал за них Вессель (напиши мне, что он тебе раньше отвечал, хорошо бы это знать на будущее время), также—уехал ли Пробст (что вероятно) и когда приедет, если знаешь. Отец мне писал, что у Гасслингера вышла моя старая соната [5]), и что немцы ее хвалят. Теперь у меня, считая с твоими, 6 рукописей. Чорт возьми, если они им даром достанутся! Плейель своими жертвами оказал мне медвежью услугу, потому что я этим вооружил против

[1]) Соната b-moll, op. 35.

[2]) Два ноктюрна op. 37.

[3]) Четыре мазурки op. 41.

[4]) Панне Эйхталь.

[5]) Первая соната, c-moll.

себя жида Шлезингера. Но я надеюсь, что это как-нибудь наладится.

Тебя люблю всегда. Пиши.

Твой *Фр.*

По поводу того, что ты мне писал о Калькбреннере,—я написал Плейелю, чтобы он мне ответил, заплачено ли ему за пальмское фортепиано, и больше ни о чем, как ты можешь сообразить. А писал потому, что французский консул на Майорке, которого я хорошо знаю, будет сменен, и если бы ему не заплатили, то мне было бы трудно вести такие далекие переговоры. К счастью заплачено хорошо и сполна, как он мне только на прошлой неделе писал перед от'ездом в Бельгию. Не удивляюсь разным басням; пойми, что я знал, что им подвергнусь. Конечно все это минет, и языки наши сгниют, а души не затронет. Не забудь о башмаках для меня. Пришли через Гржималу три или четыре пары, хоть старых, это для деревни по утрам более, чем достаточно. Пиши мне о себе столько же, сколько я тебе о себе. Напиши, как живешь, в клубе ли обедаешь и т. д. Войцеховский писал мне, чтобы я сочинил ораторию. В письме к родителям я ему ответил: почему он строит сахарный завод, а не камальдуленский или доминиканский монастырь? Честный Тит еще с лицейскими понятиями, что не препятствует мне любить его также, как в лицее. У него сын, второй. Будет называться, как я. Жаль мне его [1]).

(251)

121. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Ноган, 20 сентября 1839].

Мой милый!

Возьми маленькую квартиру, а если уж поздно, то возьми большую; какая бы ни была, только бы была. Что касается ее квартиры, то ей эта кажется дорогой, и ее не убедишь, что лучше доложить, чем иметь в доме много квартирантов. Пожалуйста ничем не нарушай ее предписаний, снесись с Бинья, чтобы не быть самому ответственным.

Обнимаю тебя сердечно. Пожалуйста люби меня непременно.

Поцелуй ручки... Твой *Ф. Ш.*

[Приписка Жорж Санд:]

Милый муж, я очень тебя люблю, усатый, бородатый, старое печеное яблоко, моя вина, Стокгольм, Califourchon [2])! Мы не можем отвыкнуть от тебя и спешим к тебе присоединиться. Это зависит от успеха твоих походов и трудов в поисках нам квартиры. Я пишу Бинья

[1]) На обратной стороне: Monsieur Jules Fontana, 26, rue de la Chaussée d'Antin. Почтовый штемпель: La Châtre 10 Août, 39.

[2]) В оригинале: „Moja culpa, Stockholm, Califourchon". В настоящее время трудно понять все эти шутки, представляющие собой просто набор слов.

с разрешением повысить, если это совершенно необходимо, но насколько возможно меньше, назначенную цену, ай, ай, ай! Совсем не необходимо, чтобы все комнаты были большие и красивые. Детские, например, могут быть маленькие, только бы в них были камины, а комнаты стариков должны выходить на юг. Это очень важная вещь для маленького, также и для моих ревматизмов. Мне не нужно большого и красивого салона, так как у меня никогда не бывает больше 12 человек зараз. Самое главное, чтобы было хорошее расположение, вы понимаете меня, и чтобы все было чистое, свежее и годное к жилью сейчас же, без других издержек кроме как на меблировку.

Добрый вечер, Гржим[ала], мы тебя любим, люби нас. Пиши нам. Не слишком слушай гнусавые рассуждения твоего маленького. У него нет здравого смысла с его экономиями на квартиру. Нужно, чтобы ему было, на что содержать своего слугу и также на что перевернуться. Если маленькая квартира недостаточна по твоему, так и скажи. У него всегда будут средства оплатить свой угол. Он немножко воздержится от напитков, игры, женщин и табаку [1]).

Твоя жена.

Адрес рукою Жорж Санд: Monsieur Albert Grzymala, rue de Rohan, 16, Paris.

Почтовый штемпель: La Châtre, 20 sept. 1839. Paris, 22 sept. 1839.

(252)

122. Шопен Юлиану Фонтане.

Суббота [2]). [21 сентября 1839].

Мой милый!

Возьми квартиру на Rue Tronchet, 5, только повидайся с Гржималой,—не взял ли он после моего последнего письма какую-нибудь в доме посольства. По твоему описанию эта мне очень нравится. Если ее уже нет, то возьми лучше на Rue Lafitte, несмотря на лестницу, которая меня не стесняет. Было бы жаль, если бы для меня сняли какую-нибудь квартиру в посольстве, когда эта на „Tronchet" свободна. Лучше кое-что потерять, чем сидеть в дыре целую зиму, имея нечто лучшее для выбора. Я предпочитаю даже Лафит. Обнимаю тебя. Сделай, чтобы было хорошо. Когда увижу, то обниму тебя за все твои добрые для меня поступки. Ты—честная душа и квиты! Люблю тебя по старому. Ося и Гржималу душу в об'ятиях.

Твой *Ш.*

Поторопись и пиши, моя жизнь.

[1]) Явная шутка.

[2]) Гёзик относит это письмо к 20 сентября, вероятно потому, что на обратной стороне на почтовом штемпеле стоит 21 сентября 1839 г. Однако это неверно, так как суббота в 1839 году приходилась 21 сентября.

123. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, [25 сентября 1839]. Среда.

Жизнь моя!

Очень тебя благодарю за твою честную, дружескую, не английскую, а польскую душу. Выбери обои на обе комнаты, как раньше у меня были, „tourterelle“, только блестящие, глянцевитые и темно-зеленую неширокую полоску для каймы. Для прихожей что-нибудь другое, но приличное. А если попадутся какие-нибудь более красивые и модные обои, которые понравятся тебе и по твоему и мне, то бери их. Я предпочитаю гладкие, самые скромные и чистенькие пошлолавочным, как обычно. Поэтому мне так и нравятся жемчужно-серые, что они ни кричащие, ни ординарные. Благодарю тебя за комнату для слуги, потому что это очень нужно. Теперь, что касается мебели, лучше всего сделаешь, если сам этим займешься. Я не смел затруднять тебя этим беспокойством, но если уж ты такой милый, собери ее и расставь. Я попрошу Гржималу, чтобы он дал денег на переезд. Сам ему напишу об этом. Что касается кровати и бюро, нужно бы отдать их отполировать какому-нибудь столяру. Тогда бумаги вынешь из бюро и где-нибудь запрешь. Мне не нужно тебе говорить, как поступать. Поступай, как тебе нравится, и как тебе покажется нужным. Что сделаешь, все будет хорошо. У меня к тебе неограниченное доверие. Это одно; теперь другое: нужно, чтобы ты написал Весселю (ты верно писал о „прелюдиях“?). Нужно, чтобы ты ему написал, что у меня 6 новых рукописей, за каждую из которых я хочу, чтоб он платил мне теперь по 300 франков (сколько это фунтов?). Напиши и получи ответ (если ты думаешь, что он не даст, то напиши мне об этом сначала). Напиши мне также, в Париже ли Пробст? Разнюхай также о каком-нибудь слуге. Хорошо бы какого-нибудь честного, приличного поляка. Скажи об этом и Гржимале. Сговорись, чтобы не более чем за 80 франков на своих харчах. Я буду в Париже к концу октября, не раньше. Но знай это про себя. Нужно было бы велеть поправить пружинный матрац с моей кровати, но если дорого, то не нужно. Прикажи кресла и все хорошенько выбить. Говорю тебе лишнее, ты ведь сам знаешь, что делать. Обними Яся. Жизнь моя, странно у меня иногда на сердце... Дай ему бог всего, что нужно. Но пусть он не дает себя надуть хоть с другой стороны... Как бы не так! Вот тебе и высшая правда на свете [1])! А пока будет так, как есть, я всегда буду тебя любить, как честную душу,—и Яся, как такую же другую.

Обнимаю вас обоих. Пишите и поскорее. Ваш

старый, с более чем когда-либо длинным носом *Ш.* [2]).

[1]) Неясно, на какие обстоятельства намекает здесь Шопен.

[2]) Это письмо написано на почтовой бумаге с литерами G. S. и адресовано Юлиану Фонтане на rue de la Chaussée d'Antin, 26. Почтовый штемпель: 26 сентября 1839.

124. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 1839?]. [1])

Мой милый!

Гржимала расскажет тебе все относительно квартиры. Что же касается полонеза, я обещаю. Обнимаю тебя. Благодарю тебя за письмо; вскоре мы вероятно увидимся. Пиши мне, хотя бы о погоде. Яся обними, ему верно лучше. Еще раз благодарю тебя за башмаки, ноты и т. д., и т. д.

125. Шопен гр. А. Гржимале.

Воскресенье [Ноган, 29 сентября 1839].

Жизнь моя!

Больна, лежит в постели, всю ночь хворала желудком. Получила нынче уже второе письмо о том, что ее драма [2]) принята. Бюлоз пишет, что надеется поставить ее около 15-го октября. А что же ты ничего не пишешь о квартире для нее? Она тревожится и думает, что ты имеешь столько собственных забот, что забываешь об ее квартире. Если тебе на какую-нибудь услугу, на беготню или на выручку пригодится Фонтана, то ты его используй. Он очень ловкий в делах англичанин, и для меня охотно все сделает. Он, честная душа, нашел уж мне угол. Он выбивается из сил из-за переноски моей рухляди, и я только буду тебя просить, чтобы ты заплатил за voiture для перевозки. Жаль мне твоего кармана, но так должно быть, если ты не хочешь, чтобы я с первых же дней мерил парижскую мостовую. Она тебе не пишет. Даже безотлагательное письмо к Бинья относительно актеров написал за нее Роллина [3]). Проклятые помидоры причинили ее болезнь.

Был тут твой протеже, и мы застраховали мебель в 30.000. Ради бога квартиру, и ради бога не проклинай меня за мою назойливость. Ты верно наполовину в деревне. Пожми ручки, как от доброго, верного „шпица“. Сам себя тоже обними и тискай со всех сторон.

Твой до смерти *Ф. Ш.*

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, милый, хороший! Я нынче остолоп. Подумай о моей квартире.

Я тебя люблю.

[Адрес рукою Шопена:] Monsieur Albert Grzymala, Paris, rue de Rohant.

[Почтовый штемпель:] La Châtre, 29 sept. 1839. Paris, 1 oct. 1839.

[1]) Это недатированное письмо Гёзик относит к сентябрю 1841 года и говорит, что оно было приложено к письму Гржималы. Упоминание о башмаках и нотах заставляет предполагать, не относится ли оно к 1839 г., когда Шопен несколько раз просил и Гржималу и Фонтану о присылке нот и башмаков (см. письма от 8 июля, июль, 10 августа).

[2]) Драма Жорж Санд „Cosima“, принятая в Comédie Française.

[3]) Два брата, Шарль и Франсуа, друзья Жорж Санд. Первый из них—певец-дилетант и автор „Воспоминаний“, помещенных в 1874 г. в „Temps“, содержание которых совершенно не соответствовало действительности, а было скорее поэтическим вымыслом.

(255)

126. Шопен Юлиану Фонтане.

Воскресенье [Ноган 29 сентября 1839].

Мой милый!

Благодарю тебя за все. Ты наверное уж покончил с управляющим. В прихожей велишь повесить серые занавески, что были в моем кабинете с фортепиано, а в спальне—те же, что были в спальне, только снизу белые муслиновые, те, которые были под серыми. Шкапчик я хотел бы поставить в спальне, если ему не будет подходящего места, или же, в салоне между окнами, если будет слишком голо. Если бы можно было красную софу, которая стояла в столовой, обить той же самой материей, что кресла, то ее можно было бы поставить в гостинной. Но так как для этого нужен рабочий или обойщик, который ждал бы моего приезда, то это вероятно будет трудно. Подумай об этом и скажи мне. Хорошо, что Домерацкий женится, потому что он отдаст мне верно 80 франков после свадьбы. Я хотел бы также, чтоб и Подчаский женился, чтобы Накв[аска] пошла замуж и Антось [1]) за жену. Пусть это останется между этой бумагой, мной и тобой. Найди мне лакея. Обними пани Лео [2]) (вероятно первое тебе приятнее, поэтому освобождаю тебя от второго, если исполнишь первое). Напиши мне, тут ли Пробст? Не забудь о Весселе. Скажи Гутману [3]), что мне было приятно, что он обо мне спрашивал. Мошелесу, если он уже в Париже, вели поставить клистир из ораторий Нейкома [4]), приправленных „Челлини“ [5]) и концертом Дёлера [6]). Он наверное пойдет в клозет и сделает какого-нибудь Валентина! Мысль дикая, но сознайся, что оригинальная! Ясю дай от меня на завтрак сфинксовы усы и попугаичьи почки с помидоровым соусом, посыпанные яичками инфузорий. Сам же выкупайся в китовой настойке для отдыха от всех моих поручений, которые тебе даю. Я знаю, что ты охотно их сделаешь для меня, если тебе позволит время, и я сделаю охотно для тебя, когда ты женишься, о чем вероятно меня скоро уведомит Ясь. Но не на Озаровской, потому что это моя партия. Дунь куда-нибудь от меня на пани Платер, а на панну Полину [7]) чихни.

Твой *III*.

Повидай Гржималу и сговорись с ним о переезде. Я писал ему, чтобы он, честная душа, при перевозке заплатил за подводу. Вставь свой палец в Ославского и засвисти молодому Нимцевичу вместе с Ордой [1]). Не говори никому об этом, потому что это секрет. Напиши поскорей [2]).

[1]) Антон Водзинский. Очевидно, все они были ему должны.

[2]) Жена парижского банкира.

[3]) Адольф Гутман, любимый ученик Шопена.

[4]) Сигизмунд Нейком (1778—1858), композитор, ученик Гайдна, который относился к нему, как к сыну.

[5]) Увертюра Берлиоза „Бенвенуто Челлини“.

[6]) Теодор Дёлер, ученик Черни, композитор, хороший пианист.

[7]) Паулина Платер, ученица Шопена, дочь кастеллана Людвига Платера.

(256)

127. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган [1 октября] 1839.

Мой милый!

По твоему и Гржималы описанию ты нашел мне такую великолепную квартиру, что мы думаем, что у тебя счастливая рука. Поэтому человек (т. е. великий человек, потому что он портье из дома Жоржа), который будет летать, чтобы найти для нее квартиру, имеет предписание, как только найдет какие-нибудь, обратиться к тебе, чтобы ты со своим элегантным тактом (видишь, как я тебе льщу) осмотрел бы также то, что он нашел, и сказал свое мнение. Для нее главное дело в том, чтобы было по возможности изолировано: маленький отелик, например. Или что-нибудь во дворе с видом на сад, или если нет сада, то на большой двор, *nota bene*: мало жильцов, элегантно, не выше, чем во втором этаже. Может быть какой-нибудь маленький „corps de logis“, или что-нибудь в роде Пертуиссовского [3]), хотя бы и меньше; или, если на улицу, то чтобы не была шумная. Словом, что-нибудь, что покажется тебе для нее хорошим. Было бы лучше всего поближе ко мне, а если нельзя, пусть это соображение тебя не останавливает. Или же, как мне кажется, целый маленький отелик на новых улицах около улицы Clichy, Blanche или Notre Dame de Lorette и т. д.—до rue des Martyrs. Впрочем, посылаю тебе список улиц, на которых Mr. Mardelle (портье отеля de Narbonne, rue de la Harpe, № 89, принадлежащего Жоржу) будет искать квартиру. Было бы очень хорошо, если бы ты, в часы свободные от твоих дел, также посмотрел что-нибудь около нашего „quartier“. Представь себе, не знаю почему, но нам кажется, что ты найдешь что-нибудь великолепное, хотя уже поздно. Ее цена — 2.000-2.500, можно было бы даже дать еще сотни на две франков больше, если бы нашлось что-нибудь великолепное. Гржимала и Араго обещали этим заняться, но пока еще нет ничего хорошего, несмотря на старания Гржималы. Я писал Гржимале и просил его воспользоваться в этом деле для меня (я говорю для меня, потому что это все равно, что для меня) тобой, моя жизнь. Нынче я напишу ему еще раз, что я просил тебя помочь и употребить для меня весь свой нюх. Нужно: три спальни, из которых две рядом,

[1]) Наполеон Орда, литератор и музыкант, эмигрант.

[2]) На обратной стороне письма почтовый штемпель: La Châtre, 1 oct. 1839.

[3]) Гр. де-Пертуис, ад'ютант Луи Филиппа, большой почитатель Шопена.

а третья—отделенная например салоном. Возле этой третьей должен быть светлый рабочий кабинет для нее. Те две спальни могут быть маленькие, эта, третья, может быть также не очень велика. Кроме этого, соответствующий салон и столовая. Довольно большая кухня, две комнаты для прислуги и погреб. Паркетные полы, само собою разумеется, новые и по возможности не требующие никаких исправлений. Но лучше всего — маленький отелик или какой-нибудь отдельный флигель во дворе, выходящий в сад. Чтоб было тихо, спокойно, никаких кузнецов по соседству, никакой „панны" и т. д., и т. д., что тебе вообще хорошо известно. Приличная лестница. Хорошо, чтобы выходило на солнце, „au midi" (почти непременно „exposé au midi"). Еще раз: нужно (непременно), чтобы эта третья спальня, около которой будет ее рабочая комната, была отделена от двух других спален, и если можно, чтобы либо ее рабочий кабинет, либо спальня имела отдельный выход (это необязательно). Чтобы не было ароматов. Довольно высоко. Чтоб не было дыму, светло, если можно с красивым, т. е. не запакощенным видом, или сад, или большой двор; лучше сад. На Faubourg St. Germain много садов, также на Faubourg St. Honoré. Найди с быстротой молнии по вдохновению что-нибудь превосходное и близко от меня в этих новых улицах, и как только что-нибудь найдешь, напиши сейчас же. Не ленись... Или поймай Гржималу, возьми его непременно, посмотрите, наймите и „que cela finisse". Посылаю тебе список улиц и глупый образец квартиры. Если что-нибудь найдешь и напишешь, нарисуй план. Только, если будет что-нибудь удобное, а не будет времени писать, то лучше немедленно задержи, чем упустить из-за промедления. Я пишу также и Гржимале об этом. Mr. Mardelle (человек неглупый и порядочный, не всегда бывший портье) имеет приказание явиться к тебе в случае, если он найдет что-нибудь. Ты ищи со своей стороны, но пусть это останется между нами. Обнимаю тебя, Ася также. Если найдешь, получишь нашу истинную благодарность.

Ф. Ш.

Итак, если бы ты нашел, и нужно было бы заключить контракт, то, если нельзя меньше, не бери больше, чем на три года. Знаешь, ей непременно кажется, что ты найдешь.

Вторник.

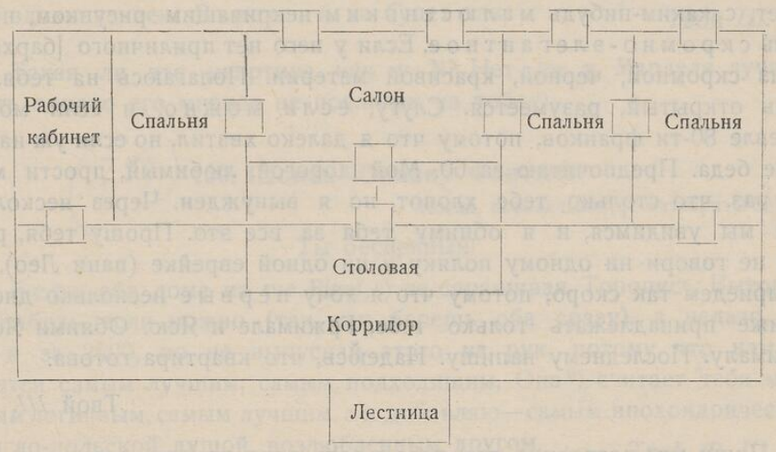
[К этому письму приложен особый листок, на котором рукою Жорж Санд написан целый ряд улиц, где она поручала искать для нее квартиру. Названия некоторых улиц были написаны рукою Шопена. Возле первых, поименованных Жорж Санд, улиц Шопен приписал:] На тех сторонах, где красивей. Может быть случайно услышишь о чем-нибудь подобном. *Nota bene*—нанимать от 8—bra [октября], т. е. сейчас же. Ради бога, я тебя прошу, займись этим энергично, мой дорогой.

[На другой стороне листка:]

Все это небольшое и, если возможно, целый отель.
2 спальни; кроме этих 2 х:
1 спальня и рабочий кабинет.
Салон (небольшой).
Salle à manger [столовая].
Cuisine [кухня] (довольно большая).
2 Chambres de domestique [комнаты для прислуги].
Cave [погреб] и сад.

Например:

Улица, а лучше сад.

Pas de voisinage, surtout [1]) кузнеца и никаких предметов, к нему относящихся.

(257) **128. Шопен Юлиану Фонтане.**

Ноган, 3 октября 1839.

Мой милый!

Через пять, шесть или семь дней я стремглав лечу в Париж. Пусть по крайней мере застану обои и кровать, если не все. Сжалься и сделай, чтоб было. Я ускоряю свой приезд, так как присутствие Жоржа необходимо из-за ее пьесы [2]). Только это между нами. Нынче мы назначили наш выезд на послезавтра, потом считай дня два на проволочки. Итак, если нынче четверг, то в среду или в будущий четверг мы увидимся. Кроме разных поручений, которые я тебе пона-

[1]) Никакого соседства, особенно...

[2]) Пьеса «Cosima». Первое представление этой драмы Жорж Санд состоялось только в мае 1840 года.

давал, в особенности в последнем письме (поручение об ее квартире, которое с нашим приездом свалится у тебя с плеч; однако до нашего приезда будь ради бога энергичным), кроме всего этого, я забыл тебя просить, чтобы ты у моего Дюпона на твоей улице заказал мне шляпу. У него есть мой размер, и он знает, какую легкую мне нужно. Пусть он ей даст фасон нынешнего года, некричащий, а я совсем не знаю, как вы теперь одеваетесь. Кроме того, проходя мимо, зайди к Дотремону, моему портному на бульваре, и скажи, чтобы он мне сейчас же сшил серые брюки. Сам выберешь темно-серый цвет: брюки зимние, что-нибудь приличное, не полосатые, гладкие и мягкие. Ты англичанин [1]) и поэтому знаешь, что мне нужно. Он обрадуется, когда узнает, что я приезжаю. Также — скромный, черный, бархатный жилет, с каким-нибудь малюсеньким некричащим рисунком, нечто очень скромно-элегантное. Если у него нет приличного [бархата], то из скромной, черной, красивой материи. Полагаюсь на тебя. Не очень открытый, разумеется. Слугу, если можно, и если можно дешевле 80-ти франков, потому что я далеко хватил, но если уж нанял, то не беда. Предпочитаю за 60. Мой дорогой, любимый, прости меня еще раз, что столько тебе хлопот, но я вынужден. Через несколько дней мы увидимся, и я обниму тебя за все это. Прошу тебя, ради бога не говори ни одному поляку и ни одной еврейке (пани Лео), что мы приедем так скоро, потому что я хочу первые несколько дней в Париже принадлежать только тебе, Гржимале и Ясю. Обними Ася и Гржималу. Последнему напишу. Надеюсь, что квартира готова.

Твой *Ш.*

Пиши мне постоянно, три раза в день, если хочешь, есть ли о чем, или нет. Перед отъездом я тебе еще напишу. Жду письма от тебя. Шляпу закажи сейчас же, чтобы была готова через несколько дней, и брюки сейчас же закажи, моя Джулисио! [2])

(258)

129. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, 4 октября 1839.

Мой милый!

Ты неоцененное создание! эта квартира кажется превосходной. Только почему такая дешевая? Нет ли там какого-нибудь „но“ очень неприятного? Ради бога, прошу тебя, не трать времени, иди к пану Мардель—rue de la Harpe, № 89, но сейчас же. Узнай, не нашел ли он чего нибудь может быть еще лучшего. Если нет, бери его с собой

[1]) Фонтана долго жил в Англии и потом уехал в Америку.

[2]) На обратной стороне адрес: Юлиану Фонтане, 26, rue de la Chaussée d'Antin. Почт. штемпель: La Châtre, 4 oct. 39.

(он знает о тебе), идите вместе, возьми и Гржима, если можно, и кончай. N. B.: нужно непременно, чтобы не было „au nord“ [1]), взвесь les conditions [1]), которые я тебе дал в прошлом письме. Если „majorité“ есть в квартире, бери. Еще раз,—прилична-ли? Не воняет-ли? Не грязна ли? Не такое ли множество соседей, что без них нельзя пройти кой-куда? Нет ли в доме „корнета à piston“ и тому подобных вещей? Напиши с отъезжающим курьером, если и ничего не сделаешь. Начерти квартиру. У моего товарища [2]) было хорошее предчувствие, что ты найдешь, и по твоему письму ему нравится, только ради бога,—прилична ли? Заметь, что для нее иначе было бы невозможно. Взвесь все это и торопись. Контракт на год или самое большее на три года. Делай, и бог с тобой. Люби меня и руководствуйся собственным вдохновением. Взвесь, и да будет так.

Твой *Ш.*

Такая ли это квартира, как у N? Нет ли у Марделя лучшей? Пусть однако его мнение не повлияет на тебя [3]).

(259)

130. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, понедельник, [7 октября 1839] [4]).

Ты бесценный!

Бери оба дома на rue Pigal, [5]) не спрашивая. Торопись. Выторгуй что-нибудь, если можно (так как берешь оба сразу), а нельзя, так бери за 2500, но не выпускай этого из рук, потому что нам это кажется самым лучшим, самым подходящим. Она [6]) считает тебя моим самым логичным, самым лучшим, а я добавляю—самым ипохондрическим, с англо-польской душой, возлюбленным другом.

Твой *Ф. Ш.*

Через три дня мы выезжаем наверное. Гржима, Яся обними.

Ш.

(260)

131. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 8 октября 1839, вторник.] [7])

Моя жизнь!

Послезавтра, в четверг, в 5 часов утра мы выезжаем, а в пятницу в 3, 4, а в 5 наверное я буду на rue Tronchet, № 5. Прошу тебя,—

[1]) На север; условия.

[2]) Жорж Санд.

[3]) Почтовый штемпель: 5 oct. 1839.

[4]) Почтовый штемпель: 9 oct. 1839. Гёзик датирует это письмо 9-м октября, но понедельник в 1839 году приходился 7-го октября.

[5]) Правильно «rue Pigalle». Шопен был нетверд во французской орфографии.

[6]) Жорж Санд.

[7]) „Послезавтра в четверг...“ значит Шопен пишет во вторник, 8 октября. Гёзик, Шарлит и Гуттри почему то датируют это письмо 10-м октября.

уведомь там людей. Нынче я написал Ясю, чтобы он нанял мне того лакея и чтобы он велел ему ждать меня в пятницу с полудня на rue Tronchet. Если бы у тебя было время зайти ко мне около этого часа, мы бы обнялись первыми. Ты чародей! Прими еще раз самую сердечную благодарность, мою и моего товарища [1]) за Pigal'я. Теперь прошу тебя, так как у меня нет брюк, чтобы портной непременно приготовил к утру пятницы те серые, что ты мне заказал (и жилет, если можно), чтобы я мог переодеться сейчас же, как приеду. Затем, пусть он отнесет их на Tronchet и отдаст верно уж находящемуся там Тино (лакею). (Лакея зовут Тино!!!). Также и шляпу от Дюпона, а за это я буду для тебя до самой смерти переделывать вторую часть полонеза [2]). Вчерашняя версия тоже может быть тебе не понравится, хотя я ломал над ней голову целые 80 секунд. Мои рукописи в порядке и хорошо написаны. Их шесть с твоими полонезами, не считая седьмой—Impromptu [3]). Он может быть г а д к и й, еще сам не знаю, потому что он еще слишком с в е ж (именно!). Хорошо, если бы это было не очень по Орловски, или Циммермановски, или Карско-конски, или по Совински, или по-свински, или ино-скотски, потому что согласно моему рассчету все это могло бы мне дать по крайней мере 800 франков. Но это видно будет потом. Прикажи также, мой милый, если уж ты такой ловкий человек, чтобы никакие черные мысли, ни удушливый кашель не преследовали меня в новой квартире; подумай, как бы мне стать добрым и уничтожь, если можешь, многие эпизоды прошлого. Было бы также не худо, если бы я застал оконченной большую, требующую нескольких лет, работу. Очень меня обяжешь еще тем, если сам помолодеешь или сделаешь, чтобы мы не родились.

Твой старый.

(261) **132. Шопен гр. А. Гржимале.**

[Ноган, 8 октября 1839].

Мой милый!

В четверг утром мы выезжаем, не откладывая. Почтовые лошади заказаны, а в пятницу около 5 часов мы в Париже. Заедем к посланнице [4]). Я писал Юлиану [5]), чтобы он, добрая душа, ждал меня в моей квартире. Благодарю тебя миллион раз за нынешнее письмо, которое мне раз'яснило и подтвердило выбор квартиры в улице Pigal. Она [6] напишет тебе словечко. Тебя обнимаю, а ручки поцелуй.

Твой *Ш.*

[1]) Жорж Санд.

[2]) Речь идет о полонезе A-dur, op. 40, № 1, посвященном Фонтане.

[3]) Второй Impromptu, Fis-dur, вышедший в мае 1840 года

[4]) Это значит, что Жорж Санд заедет к М-м Марлиани, жене испанского консула в Париже.

[5]) Юлиану Фонтане.

[6]) Жорж Санд.

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуй, ты—хороший муж, и я благодарю тебя за то, что ты любишь квартиру на rue Pigalle, потому что я уж заранее ее обожаю. До свиданья в пятницу.

[Адрес рукою Жорж Санд:] Monsieur Albert Grzymala, rue de Rohant, Paris.

[Почтовый штемпель:] La Châtre, 8 oct. 1839. Paris, 10 oct. 1839.

(266) **133. Шопен Брейткопфу и Гертелю.**

[Париж, 14 декабря 1839].

Милостивые государи!

Так как я всегда гордился моими связями с вами, то поэтому считаю себя обязанным поговорить с вами без обиняков перед прекращением наших отношений. Г. Пробст, при посредстве которого я вел с вами мои дела, пришел мне сказать, что он писал вам по поводу моих последних рукописей и, не имея от вас никакого ответа, считает себя в праве отказаться платить мне по 500 франков за рукопись. Это цена, с которой я ничего не уступлю. У меня в портфеле есть: большая соната, скерцо, баллада, два полонеза, четыре мазурки, два ноктюрна и Impromptu. Соблаговолите, милостивые государи, прислать мне с обратной почтой раз'ясняющий ответ, чтобы я мог прямым путем, без всякого посредничества притти с вами к соглашению.

G. d - I. Фр. Шопен.

Rue Tronchet, № 5.
Париж, 14 декабря 1839.

(267) **134. Шопен Юлиану Фонтане.**

Четверг [Париж, конец 1839].

Мой милый!

Посылаю тебе три письма: два от пани Марлиани, третье от самого Марлиани. Письмо к пану Saluces очень хорошее. Там есть дочка, которой советуют тобой воспользоваться. Я ждал письма Aguade'a к пану Balgueri, но еще не получил его. Этот последний — большой тамошний богач. Как получу, сейчас же тебе его пришлю. Дай тебе бог счастья.

Твой *Ш* [1]).

Пиши.

[1]) Вернувшись в октябре в Париж, Шопен недолго прожил вместе со своим другом Фонтаной в одном городе. Не устроившись в Париже, Фонтана предпринял путешествие по Франции, чтобы там поискать себе счастья. Упоминаемые в этой записке письма—вероятно рекомендательные.

(331)

135. Шопен гр. А. Гржимале.

Жизнь моя дорогая!

Ради бога, заказал ли ты мне на завтра твою cirę (?)? Пожалуйста пришли мне ее завтра и приезжай сам на минутку, и ты хорошо сделаешь.

Твой *Шопен* [1]).

Среда.

(271) в Вадемонт

136. Шопен Юлиану Фонтане.

Париж, 23 апреля 1840.

Посылаю тебе письмо от Весселя, вероятно по поводу моих прежних дел. Трупенà [2]) купил семь моих сочинений и просто будет вести дела с Весселем, поэтому ты не беспокойся. Что поделываешь? Как поживаешь? Я кашляю, ничего не делаю. Лист приехал, едет в Лондон. Альбрехты и Пертуисы здоровы. Разговенье было в клубе [3]). Водзинский всегда грязен телом и чист душой. Люблю тебя, но ты знаешь, что писать не умею. Пиши, если есть время. Надеюсь, что тебе хорошо.

Твой *Ш* [4]).

(272)

137. Шопен Людвигу Платеру в Париж.

[Париж, май 1840 .

Пани Санд просит меня передать вам билет на первое представление ее драмы [5]). Прошу прощения, что поздно. Насколько я видел в списке,— вашим соседом будет Клот-бей [6]).

Фриц-бей.

(274)

138. Шопен Брейткопфу и Гертелю.

Милостивые государи!

Так как Mr. Paessin опубликовывает 30-го этого месяца в своем «Hundert und Eins» [„Сто и один“] [7]) мой вальс, то я думаю, что поступаю правильно, посылая вам оттиск. Надеюсь, что печатание не встретит никаких затруднений, цена остается соответствующей нашему последнему соглашению.

Примите, милостивые государи, выражение моего величайшего уважения.

Ф. Шопен.

Париж, 18 июня 1840.
5, Rue Tronchet.

[1]) У Гёзика эта записка не датирована. Шарлит относит ее почему-то к 1839 году и даже помечает: „Ноган“. Гуттри помещает ее между письмами 1842 г.

[2]) Один из перворазрядных парижских музыкальных издателей.

[3]) В польском клубе.

[4]) На обратной стороне: Monsieur, Monsieur Jules Fontana à Bordeaux, Rue d'Anghien, № 5. Почтовый штемпель: Paris, 24 avril 1840. Bordeaux, 26 avril 1840.

[5]) Первое и единственное представление драмы Жорж Санд «Cosima» было 2-го мая 1840.

[6]) Dr. Clot, врач Магомета-Али.

[7]) Повидимому музыкальный альманах.

(276)

139. Шопен Иосифу Эльснеру в Варшаву.

Париж, 24 июля 1840.

Многолюбимый пан Эльснер!

Посылаю вам несколько слов от Шлезингера [1]). Не вдаваясь в философию по поводу жидовства, я должен его немножко защитить, так как действительно такие большие произведения, как например ваша оратория, очень дорого стоят и не покупаются, потому что кроме консерватории ни одно établissement [2]) не исполняет подобных вещей. А консерватория живет старыми симфониями, которые знает наизусть, и счастье для публики, если ей иногда удастся послушать отрывок Генделя или Баха. Только второй год, как начинают гутировать Генделя, и то только отрывки, а не целые произведения. Так, прошлой зимой несколько раз исполнялся хор из „Иуды Маккавея“ [3]), а также хор, уж не знаю какой, Баха, но с тех пор, как я здесь, не давалось ничего большого и длинного, кроме „Иисуса на Масличной горе“ Бетховена, которого я слышал целиком только раз. На репетициях в консерватории пробуют много новостей, однако здесь преобладает такой дух, что за исключением покойников не очень любят исполнять большие произведения. Так что мы теперь не услышим ни Мендельсона, ни Шнейдера, ни Шпора, ни Нейкома, ни вас; и если бы Керубини не был во главе, то и его бы не играли. Консерватория дает тон большой музыке, и поэтому издатель может расчитывать только на то, что

[1]) Переданное через Шопена письмо следующего содержания: „Париж, 30 июля 1840.

Мой милый Шопен, бесконечно благодарен вам за сделанное вами любезное предложение напечатать ораторию г. Эльснера, вашего учителя, которая без сомнения chef d'oeuvre, но вы знаете французов и то, что они не покупают этот род музыки. Я выписал 6 экземпляров оратории Мендельсона „Павел“, и они почивают на моих полках. Когда будете писать г. Эльснеру, передайте ему мою самую усердную благодарность и скажите ему, как я жалею, что не могу принять его любезного предложения. До свиданья, милый друг, будьте здоровы и считайте меня вашим искренно преданным. Морис Шлезингер.

На обратной стороне: «Monsieur Chopin, 5, rue Tronchet».

Гёзик очевидно ошибочно датирует одно из двух писем, так как Шопен никак не мог 24 июля прилагать письмо от 30 июля. Возможно, что их следует датировать наоборот, т. е. письмо Шопена 30-м июля.

[2]) Учреждение.

[3]) Оратория Генделя.

ему даст консерватория. А консерватория имеет своих переписчиков. Как я жалею, что не слышал в Петербурге этого вашего произведения, которое, как я убежден, выше всего в этом роде написанного. Я не сомневаюсь, что вы напечатаете его в Германии и убежден, что где-нибудь в Кельне, в Майнце, в Дюссельдорфе или Лейпциге, где, что ни год, то устраиваются музыкальные празднества, посвященные только таким произведениям, или где-нибудь на Рейне я еще вскоре услышу ваше замечательное произведение. Вот страна, где часто исполняются такие оратории, и которая одна умеет ценить подобные произведения, где тысяча певцов легко собирается для этой цели, где Нейком и Мендельсон более известны, чем Адам или Галеви,—это Англия, которая вероятно также ухватится за ваше произведение, и может быть когда-нибудь в Бирмингэме, в той самой зале, специально для таких вещей построенной, где несколько лет тому назад Нейком приказал поставить огромнейший орган,—может быть там мы еще с'едемся когда-нибудь, и я смогу рядом с вами восхищаться и волноваться тем, о чем теперь я могу только догадываться.

Жду от вас нескольких слов и обнимаю вас сердечно, сердечно.

Шопен.

Мое почтение пани Эльснер, пани Нидецкой.

Орловский в Руане; если бы он был здесь, то приписал бы. Сколько раз мы вспоминали вас именно à propos [по поводу] консерватории. Сколько раз хотелось нам услыхать исполненным этой массой самых искусных скрипачей ваш оферторий „Иосиф“ (если не ошибаюсь), где все время идет быстрое движение скрипок на фоне богатейших гармоний. Если вы его напечатали, пришлите мне пожалуйста, я его занесу Габенеку и не сомневаюсь, что он велит его попробовать, так как он короткий и выигрышный. Напишите мне несколько слов, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

[На обратной стороне:] Monsieur J. Elsner.

(287)

140. Шопен Брейткопфу и Гертелю в Лейпциг.

Милостивые государи!

Несколько месяцев тому назад я получил от вас письмо, в котором вы любезно предлагаете издавать мои сочинения, как и раньше, но ничего не говорите о вальсе (опубликованном в Париже у Пачини) [1]), который я счел нужным переслать вам в свое время.

Так как у меня есть теперь несколько вещей, готовых к печати (между прочим „Allegro de Concert“, фантазия и др.), я бы хотел, чтобы

[1]) Пачини, Антонио-Франческо (1778–1866), парижский музыкальный издатель.

вы, прежде чем говорить об этих новых вещах, ответили мне несколько слов по поводу этого вальса и размеров гонорара за мои последние сочинения.

В ожидании скорого ответа, весь ваш Шопен.
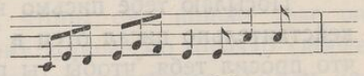
5, rue Tronchet.
Париж, 4 мая 1841.

(293)

141. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, воскресенье [11 июля 1841].

Посылаю тебе тарантеллу. Будь добр, перепиши, но раньше сходи к Шлезингеру или к Трупенà и посмотри сборник Россиниевских песен, которые у него лучше изданы и в которых есть тарантелла (в ла), написанная не знаю на 6/8 или на 12/8. Пишут и так и так, но я хотел бы, чтобы было так, как у Россини. Итак, если на 12/8, или что также может быть на 𝔠 с триолями, то перепиши, делая из двух тактов один. Понимаешь, милый. Будет следовательно:

Также вместо знаков повторения пожалуйста выпиши все. Поторопись и передай Лео с моим письмом к Шуберту [1]). Знаешь, он уезжает из Гамбурга перед восьмым будущего месяца, а я не хотел бы потерять 500 франков. Что касается Трупенà, то время еще есть. А если в моей рукописи неправильное деление на такты, то ты ее не отдавай, а перепиши еще раз, и кроме этого перепиши еще и в третий раз для Весселя. Нудно переписывать эту пакость, но я надеюсь, что ничего более гадкого не напишу так скоро. Также посмотри пожалуйста opus последнего сочинения, т. е. opus последних мазурок или вышедшего у Пачини вальса [2]), и в тарантелле поставь следующий. Я спокоен, потому что знаю, что ты ко мне расположен и ловок. Я думаю, что ты не получишь от меня больше ни одного такого обремененного поручениями письма. Ты не имел бы этих неприятностей, если бы не то, что перед от'ездом я мог быть дома только одной ногой. Еще не конец! Карл [3]) забыл жестяную, обшитую фланелью бутылку для горячей воды на живот. Она имеет такой вид: [рисунок].

Если найдешь ее в шкапу, пришли пожалуйста. Также купи мне Витвицкого [4]), потому что у меня его нет. Сходи также в «Palais Royal» и купи мне под № 37 (кажется) в галлерее по стороне театров блузу «en toile céruse» [5]) за 14 франков, «blouse de chasse fermé par devant,

[1]) Гамбургский музыкальный издатель Schubert.
[2]) Вальс As-dur, op. 42.
[3]) Слуга Шопена.
[4]) Речь очевидно идет о вновь вышедшем сочинении Витвицкого—„Вечера пилигримма“, т. I.
[5]) Из белого полотна.

forme de chemise» [1]). Если не 37-й, то 47-й или 27-й номер—такой обыкновенный портной. Вид магазина такой: [рисунок с об'яснениями: галлерея, вход, корридор и т. д.]. Он один, у которого есть такие блузы. Я купил у него неделю назад с перламутровыми пуговицами, прилично сшитую, с двумя карманами на груди и т. д. [2]). Не нужно, милый. Раздумал. Если мне будет нужно, то я тебе напишу. Итак, потрудись над тарантеллой и отдай ее Лео. Скажи Лео, чтобы деньги, которые он получит, он оставил у себя до моего приезда. Еще раз—прости меня за мою назойливость. Нынче я получил письмо от своих, которое ты мне прислал. Скажи портье, чтобы все мои письма отдавал тебе. Не забывай меня.

Твой *Ш.*

(294)

142. Шопен Юлиану Фонтане.

[18 июля 1841, Ноган.]

Мой милый,

Посылаю тебе письмо к Плейелю для Бухгольца, о котором мне действительно писал отец в своем письме. Я пишу также Плейелю, что просил тебя, чтобы ты побывал у него относительно loyer[3]). Если у тебя декабрь, то здесь не лучше: нынче ночью ветер повырывал с корнями огромные деревья, но св. Медар [4]), т. е. эти 40 дней кончаются завтра, поэтому есть надежда на погоду. Между нами разговор о погоде!!! Мой милый, старый брат, может быть я когда-нибудь еще поиграю тебе в сумерках, чтобы выпросить прощенье, если ты будешь расположен слушать подобные мои оправдания. Сердечно тебя обнимаю, мой милый Юлиан. Пиши.

Ш.

Пусть добрая душа Ясь напишет мне словечко.
Воскресенье ночью [5]).

(295)

143. Шопен Юлиану Фонтане.

[21 июля 1841, Ноган.]

Мой милый, пойди пожалуйста с этим письмом к Плейелю и поговори с ним самим. Я пишу ему о лучшем фортепиано, потому что мое не хорошо. Прочитай письмо к нему и запечатай. Ты узнаешь

[1]) Охотничья блуза, закрытая спереди, в форме рубашки.

[2]) Весь этот эпизод со слов: „Еще не конец"... зачеркнут самим Шопеном.

[3]) Платы.

[4]) Очевидно Шопен подразумевает здесь народное поверье о том, что через 40 дней после св. Медара можно ждать перемены погоды.

[5]) Почтовый штемпель: июль, 1841. В июле 1841 г. воскресенья приходились на 4, 11, 18 и 25. Шопен пишет, что завтра кончаются 40 дней после св. Медара, память которого католики празднуют 8-го июня. Следовательно, письмо это было написано в воскресенье 18-го июля. Гуттри произвольно датирует это письмо 2-м июля (пятница!), а Гёзик—просто июлем.

из него, что я тебя прошу об ответе. Напиши мне сейчас же, когда его можно будет приготовить к отсылке, чтобы я мог с посланным из Châteauroux устроить дела. Сомневаюсь, чтобы он мне отказал или отложил на после. Однако, если бы так случилось, не давай ему тумака, а напиши только мне. Еще раз прости меня за поручение, но это не последнее, не бойся.

Твой *Шопен.*

Пиши.
Среда [1]).

(297)

144. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган [1841].

Мой милый,

Если ты такой добрый, то будь им до конца. Пойди в транспортную контору, т. е. к Mrs. Hamberg et Levistal, successeurs de Mr. Corret fils aîné et C-nie, rue des Marais St. Martin № 51, à Paris и вели им сейчас же послать за фортепиано к Плейелю, чтобы его можно было отправить на следующий день. Скажи, чтобы оно пошло „par un envoyé accéléré et non ordinaire" [2]). Это стоит дороже, но гораздо скорее идет. Вероятно будет стоить около пяти франков с центнера. Я здесь заплачу, а ты только вели дать себе квитанцию или расписку, на которой тебе напишут, сколько оно весит, когда пойдет, и когда обязуются доставить его в Châteauroux. Это омнибус, который идет прямо в Тулузу, а по дороге отдает только вещи; следовательно нужно, чтобы адрес на фортепиано Плейеля был не в à la Châtre, а только: M-me Dudevant à Châteauroux (как я выше написал). Комиссионная контора в Châteauroux об этом знает и сейчас же мне его пришлет. Эту самую расписку я хочу только для того, чтобы больше обязать транспортную контору. Мне ее присылать не нужно, потому что она была бы нам нужна только на случай каких-нибудь могущих возникнуть недоразумений. Здесь в Châteauroux комиссионер говорит, что „par accéléré" инструмент в четыре дня приедет из Парижа. Поэтому, пусть они обяжутся в четыре или самое большее в пять дней доставить его в Châteauroux. Итак, вели адресовать в Châteauroux (скажи Плейелю, что я ему на этих днях с благодарностью напишу). Возьми расписку на „accéléré" у P. Hamberg et Levistal. Поспеши и напиши мне словечко, добрая душа. Теперь о наших делах: если Плейель не угодит тебе, а ты полагаешь, что Эрар будет лучше, то перемени, но не делай этого легкомысленно,—убедись, действительно ли Эрар будет услужлив. Не знаю, почему держаться за Плейеля, если тот [Эрар] даже „selon toutes les

[1]) Адрес: Monsieur Jules Fontana, 5 rue Tronchet, Paris.
Почтовый штемпель: La Châtre, 23 Juill. 41. Paris, 25 Juill. 41. Т. к. письмо помечено средой, а 23 июля в 1841 г. было в пятницу, значит письмо было написано 21-го июля.

[2]) Ускоренным, а не обычным транспортом.

probabilités“ [1]) должен быть по отношению к тебе гораздо более услужливым. А что касается тарантеллы, запечатай и пошли то письмо в Гамбург.

Боюсь, чтобы это письмо не опоздало; завтра я тебе еще напишу о других вещах, о Трупенà и т. д., а теперь обнимаю тебя.

III.

Поблагодари Антося за добрые пожелания. Но я не буду его обременять никакими поручениями. Пожелай ему счастливой дороги. Ясь обними и скажи, чтобы писал.

Скажи Плейелю, что напишу ему с благодарностью.

Адрес для фортепиано: M-me Dudevant à Châteauroux bureau restant chez Mr. Vollant Patureau.

(292)

145. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, начало августа 1841].

Мой милый,

Посылаю тебе сто франков на разные расходы, из которых прежде всего возьмешь себе на „Charivari“ [2]), додашь за квартиру (это ясно), заплатишь дома за письма портье, цветочнице, которая упоминает о шести [франках?]. Купишь мне у Houbigand-Chardin на „Faubourg St. Honoré“ мыло binsoin [3]), две пары шведских перчаток (найдешь где-нибудь в шкапу старые на мерку), флакон пачули (patchouli), флакон „bouquet de Chantilly“. В галлерее „Palais Royal“ по стороне театров, почти в центре есть большая галантерейная лавка (как у нас говорят). Там два окна с разными выставленными шкатулками, штучками и безделушками,—блестящими, элегантными и дорогими. Там спросишь, нет ли у них ручки из слоновой кости для почесывания себе головы. Ты наверное не раз видел подобную штуку: маленькая ручка, обычно загнутая, белая, насаженная на черную палочку. Мне кажется, что я там видел такую; спроси и тебе скажут. Так вот, отыщи эту безделушку и пришли, если она не дороже 10, 15, 20 или 30 [франков]. Пусть Плейель даст тебе экземпляр моих „прелюдий“, а у Шлезингера возьми все мои „этюды“. Если у Зусса есть мой бюстик Дантана [4]), купи два и вели хорошо уложить для дороги. Если нет, то сходи пожалуйста к Дантану, он живет на St. Lazare, там, где Алькан [5]) (которого обними, когда увидишь), и узнай, можно ли его иметь и где

[1]) По всей вероятности.

[2]) „Le Charivari“, парижский юмористический журнал, неизменно выписывавшийся Шопеном.

[3]) У Гуттри „bonsoin“.

[4]) Скульптор Dantan (1798—1876), друживший с Шопеном.

[5]) Алькан, Шарль-Анри (1813 — 1888), композитор и пианист, очень ценимый в Париже.

достать (за одно кстати напомни ему о моем бронзовом, который он должен был велеть отлить). В шкапу наверху найдешь жестяную бутылку плоскую, обшитую фланелью, которую кладут с теплой водой на живот, также ту надувающуюся подушку, что я купил для дороги. Прибавишь к этому еще Кастнера [1]) и пришлешь, запаковавши (а лучше возьмешь упаковщика напротив). Вели упаковать в тюк соответствующей величины, хорошо упаковать и пришли через „Lafitte et Cayard“, адресовав мне так, как письма. Поторопись, очень тебя прошу. Остаток денег спрячь на другие посылки. Шлезингеру не плати и не откладывай из-за него, если бы у него не оказалось Кастнера, но Керубини, кажется Traité du contrepoint (не знаю хорошо заглавия), пришли непременно. Если он не захочет дать тебе Керубини без денег, то заплати, так как может быть Керубини его напечатал сам, а он только комиссионер. Дня через два напишу Troupenas через тебя. Обнимаю тебя, потому что отходит почта. Прости меня, а в воскресенье получишь письмо. Вышли в понедельник.

III.

(299)

146. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, [ночь с 9-го на 10-е августа 1841].

Мой милый,

Благодарю тебя за все твои комиссии. Нынче, т. е. 9-го, я получил фортепиано, а другие вещи два дня назад. Бюстика моего не посылай домой, а то они испугаются, а оставь его в шкапу. Ясю обними за письмо. Вскоре я напишу ему несколько слов. Вероятно завтра я отошлю моего старого слугу, который здесь теряет голову. Это честный человек и служить умеет, но копун, а здесь люди нетерпеливые. Отошлю его вероятно, сказав ему, чтобы ждал меня в Париже. Итак, если он появится в доме, ты не испугайся. Это единственный способ избавиться от него. Скажи ему, чтобы ждал меня дома, а через неделю или две напиши ему — или что я вернусь позже, чем думал, или что-нибудь другое, и с богом. Вообще, здесь погода так себе [2]). Три дня человек ждал фортепиано в Châteauroux, и вчера, получивши твое письмо, я велел его отозвать. А какой тон у фортепиано, я еще не знаю, потому что оно не распаковано: только завтра произойдет это великое событие. Что касается недоразумения с транспортной конторой, то успокойся, так как не стоит ссориться. Ты сделал, как только мог лучше. Несколько капель испорченной крови, да несколько дней, истраченных на ожидание, стоют только того, чтобы хорошенько утереть себе нос по окончании дела. Итак, забудь мои поручения и

[1]) Кастнер, Иоган-Георг (1810—1867), композитор, музыкальный писатель и ученый, написавший много трактатов по теории музыки. Здесь очевидно говорится об одной из его книг.

[2]) Очевидно под погодой подразумевается настроение Жорж Санд.

твои старания. В другой раз, если бог даст доживем, будет лучше. Эти несколько слов я пишу тебе поздно ночью. Еще раз благодарю тебя за твои комиссии, которым еще не конец, потому что теперь дело с Трупена̀ будет висеть у тебя на шее. Об этом я как-нибудь напишу тебе подробнее, а нынче желаю тебе покойной ночи, и пусть тебе не снится, как Ясю, будто я умер, а пусть тебе снится, что я родился, или что-нибудь подобное. Действительно, я себя чувствую теперь таким же податливым, как дитя в пеленках, и очень был бы рад, если бы кто-нибудь захотел водить меня на помочах, *nota bene*, в очень хорошо наваченной шапке на голове, потому что я чувствую, что спотыкался бы и падал ежеминутно. К несчастью, вместо помочей меня ждут костыли и клюка, если приближаться к старости теперешним шагом. Как-то мне снилось, что я умер в больнице, и это так засело у меня в голове, что кажется мне, будто это было вчера. Если ты меня переживешь, узнаешь, нужно ли верить снам. Несколько лет тому назад мне снилось нечто другое, да не сбылось. А теперь мне, как говорится, наяву снится всякий вздор; оттого я и пишу тебе такие глупости. Неправда ли? Живо пришли мне письмо из дому и люби старого.

Ш. [1])

(300)

147. Шопен Юлиану Фонтане.

[10 августа 1841, Ноган].

Мой милый,

Нынче мой слуга о к о н ч а т е л ь н о уволен. Он уезжает и будет дома, то есть у тебя, вероятно вместе с этим письмом. Если у него есть какие-нибудь вещи дома, отдай их ему, пусть возьмет. Ему з а п л а ч е н о с п о л н а, он не может иметь никаких претензий. Прошу тебя,— я бы не хотел, чтобы он случайно остался жить в доме. Он хорош с портье, и следовательно тот мог бы ему позволить. Я с ним уже ничего больше не имею; пожалуйста, ты не бери его ни за какие деньги, потому что ты израсходуешь больше, чем он того стоит. Вчера ночью я писал одно письмо, а нынче я пишу тебе другое,—что я его с о в с е м и с о в с е м уволил, чтобы ты не держал его случайно дома.

Твой *Ш.*

(302)

148. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 18 августа 1841.][2])

Мой милый,

Благодарю тебя за твое доброе письмо. Распечатывай все, что найдешь нужным. Не давай рукописей Трупена́, пока Шуберт не сообщит тебе дня выхода из печати. Скоро вероятно будет ответ через Лео. Жаль, что та тарантелла поехала в Берлин, потому что, как видно из письма Шуберта, Лист замешан в эти денежные дела, и я могу иметь неприятности, так как я не велел отдавать рукописей иначе как за деньги, а впечатлительный венгерец может подумать, что я не верю ему, или нечто подобное. Не знаю почему, но предчувствую, что выйдет паштет. Больному Лео ничего не говори об этом. Побывай у него, если тебе случится, и поклонись ему от меня. Поблагодари (хотя не за что) и извинись за безпокойство, потому что он так любезен, что всегда берется за посылки. Поклонись также Плейелю, которого ты увидишь, как только Порталес пришлет тебе квартирную квитанцию (как известно тебе и Плейелю). Скажи ему, пусть он простит меня за то, что ему не пишу (не говори ему, что он прислал мне очень мерзкое фортепиано). Твоя молочница—это épicier [бакалейщик] на Rue Castellane, напротив du marché [рынка]. У него ежедневно по утрам молоко. Письмо к родителям отдай пожалуйста на биржу с а м и только с а м до четырех часов. Прости, что я затрудняю тебя этим, но ты знаешь, как много я ставлю на мое письмо к своим.

Вероятно Escudiers [1]) пришлют тебе тот знаменитый альбом. Если хочешь, можешь сказать Трупена́, чтобы он сказал от меня Escudiers прислать тебе один экземпляр, к а к б ы д л я м е н я, а если не хочешь, то брось. Опять пристаю: полегоньку перепиши еще раз ту несчастную тарантеллу, которая пошлется к Весселю, как только будет известен день. Если тебе очень надоела эта тарантелла, то будь уверен, что это в последний раз. Отсюда я тебе вероятно не пошлю ни одной рукописи. Если бы в течение недели не было от Шуберта никаких известий, то напиши мне пожалуйста, но не надоедай Лео. В таком случае отдай рукопись Трупена́, но об этом я ему напишу. А пока сердечно тебя обнимаю.

Твой *Ш.*

Пиши, как только выберешь минутку.
Среда ночью.

(303)

149. Шопен Юлиану Фонтане.

Пятница ночью. [Ноган, 20 августа 1841].

Мой милый,

Итак, посылаю тебе письмо к Bonnot [2]): прочитай, запечатай и отдай. А если, проходя по улицам, на которых, как тебе давно известно, я мог бы жить, ты найдешь что-нибудь для меня подходящее, пожалуйста напиши мне. Теперь уже условие лестницы не существует.

---

[1]) На обратной стороне: Monsieur, Monsieur Jules Fontana 5, rue Tronchet, Paris. Почтовый штемпель: La Châtre, 11 Août 1841. Paris, 12 Août 1841.

[2]) Гёзик ошибочно датирует это письмо 16-м августа, так как в 1841 г. среда (см. приписку Шопена в конце письма) приходилась на 18-е августа. Это видно и из следующего письма, обозначенного Шопеном „пятница ночью“ и датированного Гёзиком 20-м августа.

[1]) Братья Escudiers, Мари и Леон, издавали в Париже музыкальный журнал „La France musicale“. Оба много писали о музыке. Упомянутый альбом появился вероятно, как приложение к этому журналу. Шопен предоставил для этого альбома вальс.

[2]) Так у Гёзика; у Шарлита и у Гуттри—„Bonnet“.

Посылаю тебе письмо к Дессауэру [1]), которое я здесь получил из Австрии в письме к пани Диллер. Не ты ли мне его прислал? но я не узнал твоей руки. Нынче получил. Но это пустяки. Дессауэр должно быть уже вернулся в Париж. Узнай у Шлезингера,— он наверное знает об этом. Карл вероятно уж вернулся. Дессауэру не рассказывай много обо мне, даже не говори, что ищешь квартиру (даже Антосю, потому что он скажет панне де Розьер [2]), а она сплетница и из чего угодно делает небылицы, которые чудесным образом доходят до меня даже сюда). Ты знаешь, как иногда из ничего выростает то, что попадает ей на язычок: она все размажет, а то и переиначит... Много бы можно сказать, но и самые невинные вещи, о которых я тебе писал, вернулись таким путем ко мне обратно выросшими в целых волов. Я не пишу Ясю, но ты ему скажи, что напишу. То, что ты пишешь о Польше, кажется мне любопытным. Дай бог, но мне этого не кажется. Что касается несчастной „тарантеллы", то ты верно отдал ее Трупенà (т. е. Массэ), а если раздумываешь, то пошли по почте Весселю. Вели ему сейчас же написать, что получил (и если Шуберт ничего еще не ответил, напиши ему словечко, чтобы он сейчас же тебя уведомил, и уведомь Весселя). Много писем приходится тебе писать; но может быть это тебя забавляет? Здесь несколько дней прекрасная погода, но музыка моя отвратительна. Пани Виардо [3]) провела здесь 15 дней; музыкой занимались меньше, нежели чем бы то ни было. Пиши мне пожалуйста, что хочешь, только пиши. Был бы Ясь здоров. Но, но!.. Не забудь написать на экземпляре Трупенà: Гамбург у Шуберта, Лондон у Весселя; и Весселю также. Дня через два пришлю тебе письмо к Мекетти в Вену, которому я кое-что обещал. Если увидишь Дессауэра или Шлезингера, узнай, нужно ли франкировать письма в Вену. Обнимаю тебя. Будь здоров.

150. Шопен Юлиану Фонтане.

Вторник [Ноган, 24 августа 1841].

Мой милый,

Нынче я получил твое письмо, в котором ты мне пишешь о Трупенà. Благодарю тебя. Следовало получить 300. Благодарю тебя также

[1]) Иосиф Дессауэр, уроженец Праги, чешский композитор. Шопен был с ним дружен и посвятил ему два свои полонеза cis-moll и es-moll, op. 26. Мнимая его связь с Жорж Санд, о которой упоминает также и Никс, была высмеяна Гейне в его „Lutezia" со свойственным ему язвительным остроумием. Дессауэр хвастал своими близкими отношениями к писательнице, чем Гейне и воспользовался. Желая отомстить, Дессауэр, при помощи своих друзей, напечатал в венской газете „Presse" статью, в которой утверждал, что Гейне просил у него взаймы 500 франков, и что будто бы отказ в этой просьбе был причиной последовавшего за этим выступления в „Lutezia".

[2]) Де-Розьер—ученица Шопена. Впоследствии Шопен относился к ней совершенно иначе.

[3]) Полина Виардо, знаменитая певица.

ва Альбрехта. Ты вероятно получил уже мое письмо к Bonnot и вероятно уже узнал, нужно ли франкировать письма в Вену. Или, если Дессауэр приехал, справься, как отдать на почту мое письмо к Мекетти. Это денежное дело, и я не хотел бы поэтому, чтобы письмо пропало где-нибудь в Австрии, потому что ты знаешь, как я люблю писать. Предложи ему новую рукопись (род полонеза или скорее фантазии) [1]). Это одно. Теперь другое. Побывай у Рота с письмом, которое прочитай и запечатай. Он живет на улице Neuve des Mathurins (рядом с тобой), в одном из новых домов около улицы Montblanc. Знаешь, если итти от тебя налево, тот дом с великолепными воротами, в которые въезжают наискось, номер 6-й или 10-й. Вот в первом подъезде от ворот в антресолях и живет доктор Рот. Если он тебе скажет, что может достать для меня токайского, то узнай почем, и сейчас же мне напиши. Я пошлю тебе денег с инструкцией выслать это токайское в Марсель. Ты добрая душа и ловок, поэтому я тебя заваливаю поручениями. До сих пор ты исполнял для меня все восхитительно. Только нынче я прочитал в твоем письме одну вещь, которая мне была явно неприятна (но ты не мог об этом догадаться!!!)—то, что ты дал мой бюстик Антеку [2]). Не потому, что он у него; не потому, чтобы он мне был нужен или, чтобы мне его не доставало (даже не нужно другого заказывать Дантану); но потому, что если Антек взял его в Познань, то там будут новые сплетни, а у меня их и так слишком много. Если я не обременял Антося никакими поручениями, то только поэтому, так как разве можно иметь лучшую оказию? Но видишь, Антось не понял!!! А если еще скажет своей панне! Теперь ты понял! А как странно покажется родителям, что не они первые получат этот гипс. Не поверят, что не я ему дал. В доме Антека я записан не только, как пианист [3]). Некоторые особы поймут это иначе. Ты их не знаешь! Ко мне сюда все возвращается в другом свете. Это вещи очень деликатные, которых не надо касаться. Довольно. Пожалуйста, милый, не говори никому того, что я тут написал; пусть оно останется между нами. Если я не вымарал, то потому, что ты меня поймешь. Не делай себе никаких упреков. Люби меня и пиши. Если Антек еще не уехал, пожалуйста, оставь все, как есть, а то будет еще хуже: он расскажет все это панне де Розь[ер], так как он честный, но слабый! а она несдержанна, охотно показывает свою „intimité" с ним и охотно вмешивается не в свои дела,— размажет и из мухи сделает слона, как это уже не в первый раз было. Это (между нами) несносная свинья, которая удивительным образом подкопалась под мой забор, роет и ищет трюфелей между розами. Эту особу лучше не трогать, потому что чуть ее коснешься — она проявляет неслы-

[1]) Повидимому полонез fis-moll, op. 44.

[2]) Водзинскому.

[3]) Намек на отношения Шопена к Марии Водзинской.

ханную нескромность. Словом, старая дева. Мы, старые холостяки, много лучше. Узнай у честного Charles'я—с какого времени он ко мне поступил, и я очень охотно дам ему свидетельство. Скажи ему ласковое слово. Ясю я напишу. Обними его. Люби меня.

Твой *Ш.* [1])

151. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, август-сентябрь 1841].

Мой милый,

Благодарю тебя за справку у Рота. 200 бутылок для меня слишком много. Прошу у тебя прощения за твои поездки и посылаю свидетельство Charles'я, который называется Louis. Вероятно ты уж имеешь известия из Гамбурга. Если будешь посылать Весселю, напиши ему заодно, не хочет ли он нового полонеза, того, что я посылаю в Вену. Напиши также и мне словечко, что делает Ясь. Я ему напишу. Пусть и он мне напишет. Обними Альбрехта, Лео, если увидишь,—Алькана также.

Твой *Ш.*

Среда.

152. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 12 сентября 1841] [2]).

Мой милый,

Я получил все твои письма и пакет Дессауэра. Гаслингер олух. Хочет печатать, т. е. вернее напечатал и хочет опубликовать вещи, которые я ему даром отдал в Вене 12 лет тому назад. Как это тебе нравится? Я ему ничего не напишу или напишу соленое письмо, которое, если пошлю, то не запечатаю, чтобы ты прочитал. Что касается иллюзий Дессауэра относительно другого венского издателя Мекетти, то у меня было письмо от панны Мюллер, которая мне пишет, что он ничего не хотел дать Мендельсону за вещь для того самого альбома, для которого я ему предлагал тот полонез. Статья Листа о концерте в Кёльнском соборе очень меня позабавила: и сосчитанные 15.000 человек, и президент, и вице-президент, и секретарь общества фил[армонического], и эта коляска (ты знаешь, какие там извощики), и этот порт, и этот корабль! Будет он еще когда-нибудь депутатом, может быть даже королем в Абиссинии или Конго. Но что касается тем из его сочинений, то они будут почивать в журналах рядом с двумя томами немецкой поэзии. Медаль Шлезингера с портретом королевы, присягну, что Гвинейской.

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 25 Août.

[2]) Гёзик датирует это письмо 13-м сентября, а Шопен помечает его воскресеньем (см. приписку в конце письма). В 1841 г. воскресенье приходилось на 12-е сентября, почему его и следует датировать 12-м сентября.

Что касается Антека, то я убежден, что его болезнь преувеличена. Но все, что ты мне написал, уже было известно, потому что его наседка сейчас же написала сюда чувствительно-отчаянное письмо с излияниями хозяйке дома [1]), что она едет к нему, что она пренебрегает приличиями, этими драгоценными приличиями! что его семья это — отвратительные, гнусные, дикие варвары! исключая только Накваской, в которой она нашла друга, и которая дает ей паспорт своей гувернантки, чтобы она спешила его спасать,—что она так кратко пишет (три битых листа), потому что не знает,—жив ли он, что она этого боялась после ужасных прощаний и ночей, проведенных в слезах и т. д., и т. д. Палкой! Палкой! Старую каргу! А что меня больше всего сердит,—ты же знаешь, как я люблю Антека,—это — что я не только не могу ему помочь, но даже и вида не могу показать, что протягиваю ему руку. Слишком поздно я спохватился и не ведая, что творится, и не зная, что это за госпожа, я представил это чучело в качестве учительницы музыки для дочери пани Санд, в которую она вцепилась, корча из себя жертву любви; разузнав от поляков мое прошлое, она выдала себя за видавшую меня в разных положениях и втерлась насильно в „intimité“ с P. S [2]). (Ты не поверишь,—какая ловкая, какая совершенная пройдоха, и сколько пользы она извлекла из моих отношений с Антосем!) Вообрази себе, как мне это приятно, тем более, что (как и ты мог заметить) Антек ее любит только, как человека, который к нему пристал и ничего ему не стоит. При своей добродушной апатичности Антек дал себя оседлать именно такой ловкой интриганке. Ты можешь себе вообразить, какой у нее к нему аппетит! Она всюду его преследует, a par ricochet [3]) и меня (что еще ничего), а что хуже—так и пани Санд. Ей кажется, что если я с детства близок с Антеком, то и... [ряд зачеркнутых слов и точки]. Ну, довольно об этом, неправда ли?

Теперь о самых лакомых вещах. Я проиграл пари — страсбургский пирог... посылаю тебе 50 франков. Пожалуйста, сходи к „Chevet“ в „Palais Royal“ и купи один за 30 франков. Должен быть большой. Они приходят из Страсбурга в деревянных круглых ящиках. Адресуй мне и пришли с дилижансом, как можно скорей. Если же за 30 франков будет мал, дай 35 или 40. Но пусть будет великолепный. Злость меня берет, что на паштет нужно столько денег, особено, когда они нужны на другое.

Отдай мое письмо издателю немцу. Обними Ася. Опиши мне квартиру на первом этаже с номером и подробностями: какая лестница не нужно ли входить около конюшни, не измучишься ли, входя не на дороге ли „lieu“ [4]), не высоко ли, не дымно ли, не темно ли

[1]) Шопен в письмах часто называл так Жорж Санд.

[2]) Пани Санд.

[3]) Рикошетом.

[4]) Уборная.

и т. д.? Я хотел бы где-нибудь на Montblanc, или на Mathurins, или на бульварах около Chaussée d'Antin. Из тех 50 франков спрячь на продолжение абонемента „Charivari", который, как мне кажется, кончается на этих днях. Напиши мне поскорее. Вернемся ли мы еще на родину!! Или уж совсем обезумели?! За Мицкевича и Собаньского я не боюсь,— это крепкие головы, могущие выдержать еще несколько эмиграций и не потерять ни разума, ни энергии [1]). Да вознаградит тебя бог за твою дружескую приязнь. Пиши и люби старого, как и он тебя, старого англичанина.

Воскресенье.

Ш.

Пусть Ясь мне что-нибудь напишет. Нынче я не посылаю тебе письма в Лейпциг.

153. Шопен Юлиану Фонтане.

[14 сентября 1841, Ноган.]

Ночь с понедельника на вторник.

3 часа ночи — звезды.

Мой милый,

Пошли это письмо в Германию [2]). Отдай просто на почту. Нынче утром я получил письмо от тебя и от панны Мюллер. Она мне пишет о рукописях для Мекетти. Опиши мне также, пожалуйста, квартиру на Place Vendôme. Лестница? Уж не мансарда ли? Начерти. Альбрехта обними; жаль мне его очень, добрую душу. Также напиши мне, чей дом рядом? Не Тамбурини ли? Паштет пришли большой. К концу этого месяца я тебе пришлю мои паштеты [3]) из моей закопченой кухни. Нужно бы кухню выбелить, но в окрестности пропала известь. Для иного поваренка кухня и бела, а для меня закопченая. Люби меня, если это тебе нетрудно. Я тебя обнимаю, мой старый.

Ш.

Ясю расскажи обо мне чего-нибудь побольше. A propos [по поводу] квартиры, я думаю также, как и ты, что возьму ту, около моей. Пиши, если и не решишь.

Понедельник [4]).

[1]) Намек на увлечение „товянизмом" среди эмиграции.

[2]) Вероятно издателям Брейткопфу и Гертелю.

[3]) Шопен подразумевает свои сочинения.

[4]) Почтовый штемпель: La Châtre, 15 sept. 1841. Адрес: Monsieur Jules Fontana, rue Tronchet 5, Paris.

154. Шопен Юлиану Фонтане.

Суббота [Ноган, 18 сентября 1841.]

Пожалуйста прочитай и сейчас же пошли письмо этому дураку. Паштета не присылай мне никакого, если нет страсбургского. Что касается квартиры, то так как на Mathurins совершенно „au nord", то я нынче не решился и хочу, чтобы ты мне начертил эту в первом этаже на Tronchet. Ты мне не пишешь, какой номер на Tronchet. Напиши же мне и приготовься переписывать тот „полонез" для Мекетти. Шельма Вессель! уж этому „Agréments au salon" я никогда ничего не пошлю. Может быть ты не знаешь, что он мой Impromptu другой или какой-то вальс так прозвал. Обними Ясю. Нынче ночью напишу тебе подробно. Не трать времени с Весселем. Адресуй и напиши наверху, что в случае отсутствия пана Весселя, пусть вскроет пан Штапельтон или Штаплетон, если считаешь, что это нужно. Ясю и тебя обнимаю. Вижу, что я не сотворен для денег.

Ш.

Мицкевич плохо кончит, если он над вами не издевается [1]).

155. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 20 сентября 1841].

Мой милый,

Все, что ты сделал, ты сделал хорошо. Странный свет! Массэ дурак и Пеллетан дурак. Массэ знал о Пачиниевском вальсе и о том, что я обещал его газете. Сначала я вообще ничего не хотел для него делать. Если он не захочет дать по 600 для Лондона (цена моих обыкновенных рукописей для него была 300 франков), то трижды пять=15, следовательно я должен был бы отдать столько работы за 1500 франков, а это невозможно. Тем более, что я ему сказал, когда говорил с ним в первый раз, что могут случиться вещи, которые я не смогу отдать ему по этой цене. Итак, например, не может же он претендовать, чтобы я отдал ему 12 этюдов или „Une Méthode de piano"

[1]) Это замечание о Мицкевиче было вызвано известиями, полученными Шопеном в одном из писем Фонтаны. В то время в Париже среди польской эмиграции очень много говорилось об Андрее Товянском и Мицкевиче, о чуде исцеления „наставником" душевно-больной жены Мицкевича, о первых учениках Товянского — Собаньском и Горецком, о торжественном богослужении, бывшем в соборе „Notre Dame" в сентябре 1841 г., где Товянский и Мицкевич „проповедывали дело божие на земле", и т. д. Шопен отнесся отрицательно, как к выступлениям Товянского, так и ко всему их учению. Позже он часто спорил о товянизме и товянистах и даже насмехался над этим мистическим направлением.

за 300 франков? Также и это Allegro maestoso [1]), которое я тебе нынче посылаю, я не могу ему отдать за 300 франков, а только за 600. И „фантазию“ [2]) не меньше, чем за 500. А ноктюрны [3]), балладу [4]) и полонез [5]) оставь ему по 300, как за вещи, которые он и раньше печатал. Словом, эти мои пять вещей я отдаю для Парижа за 2.000. Если он не дорожит ими, то (entre nous) я даже рад, потому что Шлезингер их купит очень охотно, но я не хотел бы, чтобы он считал меня за человека, не соблюдающего соглашения. Il n'y avait qu'une convention tacite d'honnête homme à honnête homme [6]), поэтому пусть и не жалуется на мои условия, потому что они очень легкие, тем более, что я уже давно ничего не печатал. Я ничего больше не хочу, как только прилично выйти из этого положения. Знаю, что не продаюсь. Но ты скажи ему, что если бы я хотел на нем наживаться или его надувать, то я писал бы ежегодно 15 дрянных вещей, которые он покупал бы у меня по 300 франков, а я имел бы гораздо больший доход. Но разве это было бы честно?! Мой милый, скажи ему, что я редко пишу и немного печатаю. Пусть он не думает, что я повышаю цену, а когда ты увидишь мои рукописные мухи, так ты сам поймешь, что можно за них требовать 600 франков, если за „тарантеллу“ мне дано 300, а за „болеро“ — 500. Прошу тебя, береги, ради бога, мои рукописи, не мни, не пачкай и не рви (это все то, чего ты и не умеешь, но я пишу это потому, что очень люблю свои скучные марания). Перепиши. Твои [копии] останутся в Париже. Завтра получишь ноктюрны, а к концу недели баллады (?) и фантазию; не могу достаточно отделать. Если тебе скучно переписывать, то сделай это во отпущение твоих великих грехов, потому что мне не хотелось бы отдавать эти паутинки какому-нибудь грубому переписчику. Еще раз поручаю это тебе, потому что я сошел бы с ума, если бы мне пришлось еще раз писать эти 18 страниц. Но ты не сходи с ума!!! Посылаю тебе письмо к Гертелю [7]). Постарайся найти мне другого лакея такого же, как у тебя. Вероятно в первых числах ноября буду в Париже. Завтра тебе напишу. Пиши.

Твой *Ш.*

Понедельник утром.

---

[1]) Allegro de Concert op. 46, посвященное панне Мюллер и вышедшее в январе 1842 у Шлезингера в Париже и у Брейткопфа и Гертеля в Лейпциге.

[2]) Фантазия f-moll, op. 49, вышедшая в январе 1842 у Брейткопфа и Гертеля в Лейпциге и у Шлезингера в Париже.

[3]) Два ноктюрна op. 48., c-moll и fis-moll.

[4]) 3-я баллада As-dur, op. 47.

[5]) Полонез fis-moll, op. 44.

[6]) Было только молчаливое соглашение между одним честным человеком и другим.

[7]) Один из издателей лейпцигской фирмы Брейткопф и Гертель.

Прочитавши твое письмо, вижу что он [1]) сам спрашивает о Париже, поэтому кончай этот вопрос, как можешь, только пой ему 3000 pour les deux pays [2]) (а 2000 для одного Парижа), если бы он сам тебя очень об этом расспрашивал, потому что la condition des deux pays [3]) самое легкое для него и самое выгодное для меня. Если он этого не захочет, то может быть только, чтобы воспользоваться этим, как предлогом разрыва со мной. Итак, подождем его ответа из Лондона. Пиши ему всегда откровенно и обходись с ним, мой милый, всегда очень вежливо; будь холоден, но не со мной.

Ш.

(309)

156. Шопен Жорж Санд.

Париж, 25 сентября 1841 [4]).

Вот я и в улице Tronchet. Доехал без утомления. Теперь 11 часов утра. Я иду в улицу Pigal. Я вам напишу завтра. Не забывайте меня. Обнимаю ваших детей.

Суббота. *Ш.*

(310)

157. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, 30 сентября 1841.

Мой милый,

Вчера в четверг [5]), я вернулся сюда [6]). Для Шлезингера я написал прелюдию cis-moll короткую, такую, как он хотел [7]). Так как она выйдет только к Новому году, как и Мекеттиевский Бетховен, то ты пока не отдавай Лео моего полонеза (если даже ты его уж переписал), потому что завтра я тебе пошлю письмо к Мекетти, в котором ему напишу, что если он хочет что-нибудь короткое, вместо той мазурки, которую он просил (и которая уже старая), то я дам ему для его альбома эту нынешнюю прелюдию. В ней хорошие модуляции, и я смело могу ее послать. Пусть даст мне за нее 300 (неправда ли?) и, par dessus le marché [8]), пусть возьмет себе мазурку, но не печатает ее в альбоме. Если Трупена, т. е. Массэ, будет делать

---

[1]) Лондонский издатель Вессель.

[2]) Для двух стран.

[3]) Условие для двух стран.

[4]) На почтовой бумаге инициалы Матушинского: J. M., а на штемпеле: 25 сентября 1841.

[5]) Очевидная описка Шопена (следует: „Вчера, в среду“). См. пометку Шопена в конце письма: „Четверг, 5 часов“ и дату почтового штемпеля 1-е октября 1841 (пятница).

[6]) Гёзик пишет: „откуда? Вероятно из Châteauroux“... но по предыдущему письму видно, что Шопен ездил в Париж.

[7]) Прелюдия cis-moll, op. 45, вышедшая 28-го ноября 1841 г. в Вене у Мекетти и в Париже у Шлезингера.

[8]) И сверх того.

тебе какие-нибудь затруднения, то ты не уступай ему ни гроша и скажи ему, что может быть он всего печатать не хочет (а то, чего бы он не захотел, я продал бы другому дороже). Скажи ему, что 600 — это для Лондона, а что я пришлю ему гораздо более значительные, чем эти, рукописи. Теперь то, что меня касается. Ты найдешь в ящике бюро, направо внизу [рисунок бюро с ящиками, на одном из которых надпись: „в этом“] запечатанный пакет, адресованный à M-me Sand (в том месте, где обыкновенно находится касса). Заверни его в клеенку, запечатай и пришли с дилижансом, адресуя М-м Жорж Санд. Адрес пришей бичевкой, чтобы он не оторвался от клеенки. Так меня просит пани Санд. Знаю, что ты сделаешь прекрасно. Мне кажется, что ключик в зеркальном шкапу на верхней полке, рядом с кисточкой для бритья. Если его нет, вели отпереть слесарю. Люблю тебя по-старому. Яся обними.

Напиши словечко.

III.

Четверг, 5 часов [1]).

Вскрываю письмо, чтобы написать тебе, чтобы ты положил этот пакет или портфель между дощечками, или в ящик, или как сам думаешь, чтобы он не промок, не разорвался и не пропал.

(312)

158. Шопен Юлиану Фонтане.

[Ноган, 7 октября 1841].

Милый,

Благодарю тебя за присылку портфеля. Посылаю тебе прелюдию крупным шрифтом для Шлезингера, а мелким для Мекетти. Рукопись прелюдии обрежешь на манер мною написанного полонеза, сложишь ее также (занумеровав страницы) и, приложив мое письмо к Мекетти, запечатаешь в конверт, который я тебе посылаю, и отдашь в руки Лео с просьбой послать почтой, потому что Мекетти ждет этого. Письмо к Гаслингеру [2]) сам отдашь на почту, а если не застанешь Шлезингера, то оставь ему письмо, но не рукопись, которую дашь только, если он скажет, что берет прелюдию для уравнения счета. Если бы он совсем не захотел получить право собственности для Лондона, то скажи ему, чтобы он мне написал. И ты напиши. Скажи ему, что я не требую тотчас тех 100 франков. Также не забудь поставить opus на полонезе, а следующий номер на прелюдии, которую пошлешь в Вену. Не знаю, как пишется Чернышева, может быть ты найдешь на мебели под вазою или где-нибудь на маленьком столике около бронзовой фигурки какую-нибудь записочку от нее, или

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 1 oct. 1841.

[2]) Венский издатель.

от гувернантки, или от дочки. А если нет, то я был бы рад (если это тебе не неприятно), так как тебя уже там знают, как моего приятеля; итак я был бы рад, если бы ты пошел к ней в Hôtel de Londres, Place Vendôme, если она еще в Париже, и попросил бы от меня, чтобы молодая княжна написала свою фамилию и дала тебе. Скажешь зачем: Tscher или Tcher? Или еще лучше: спроси М-ль Краузе, гувернантку. Скажи, что я хочу сделать сюрприз молодой княжне и прошу эту панну Краузе (очень хорошенькую), чтобы она тебе написала Елизавета ли и Tschernischef или через два ff, как они обычно пишут. Скажи, чтобы она сказала княгине-матери, но я бы хотел, чтобы не говорила дочке до тех пор, пока я отсюда не пришлю. Если ты не хочешь всего этого делать, то не стесняйся и напиши, что не хочешь, и я узнаю иначе. Но не вели тогда Шлезингеру печатать посвящения, скажи ему, что я не знаю еще орфографии. Кроме того, я надеюсь, что ты найдешь где-нибудь там записку из их дома, где будет их фамилия. Что касается переезда, то я доволен, что у тебя есть квартира. Из гостинной можешь взять себе софу, а остальное Пеллетану 16, rue Pigal. Из спальни мне придется взять кровать, так как décidément [1]) я буду жить в одном из павильонов на rue Pigal. Довольно, тебе уж немного останется. Нынче я тебе еще подробно об этом напишу. Кончаю, потому что почта отходит, а я хочу, чтобы мое письмо в Вену пошло непременно на этой неделе. Итак, через час напишу тебе новое подробное письмо про нас.

Твой *Ш.* [2]).

(313)

159. Шопен Юлиану Фонтане.

Ноган, 7 октября 1841.

Мой милый,

Итак, велишь перевезти мебель: из гостинной я поручаю тебе в особенности безделушки. А так как ящики от мебели, на которой стоят эти безделушки, не запираются на ключ, то вынь оттуда все, что там есть. Так как вопрос, что я буду жить в одном из павильонов, решен, то мне нужна будет кровать. Пожитки в роде нот и все, что тебе будет мешать, вели принести на rue Pigal. На это тебе будут нужны деньги. Так вот, если тех пятидесяти будет мало, то пусть тебе даст Ясь, сколько может. Что касается расчета за квартиру, то ты сходи к Плейелю, которого я предупредил, и он даст тебе денег на квартирную плату. Дай портье от меня 20 франков на чай и вели все письма отсылать на rue Pigal, 16. Фонтан (не ты, а только тот,

[1]) Решительно.

[2]) На обратной стороне этого письма крупными буквами рукою Шопена написано: „Julian“. Гёзик предполагает, что вышеприведенное письмо было приложено к пакету с нотами, адресованному Гржимале.

что стоит в прихожей) может быть пригодится тебе, также и диванчики, хотя дрянные; к ним имеются и чехлы. Мне жаль, милый, что могу прислужиться тебе такой рухлядью, но, как говорится в пословице, и прекраснейшая панна не может дать больше того, что имеет. Не сердись, когда будешь переезжать. Не забудь на камине мои маленькие вещицы. Что касается часов, возьми их себе. Однако не знаю, оставлю ли я их тебе; должно быть да, так как вероятно их негде будет поставить. Не перевози также все вещи в один день, чтобы не измучиться в конец. Напиши мне, если ты видишь в этом деле еще какие-нибудь затруднения. Пеллетан с rue Pigal будет об этом уведомлен.

Не имеешь ли ты чего-нибудь от Весселя? Если, как мне помнится, ты в этот раз не написал на конверте его адреса (которого я никогда не знаю), то письмо к нему наверное не дошло. Подождем.

Если бы ты случайно знал какого-нибудь лакея, или Ясь, или Альбрехт, или Алькан, или Гржимала,—может быть встретишь кого-нибудь, иногда это удается. Но только не через Карла [1]), потому что были бы сплетни, а живя на rue Pigal, я нуждаюсь в человеке, который бы не капризничал и не испортил бы служащих пани Санд, приехавших из деревни. Это на всякий случай. Может быть ты услышишь в клубе о каком-нибудь хорошем. Завтра или послезавтра пошлю тебе письмо к моим. Мой отец очень тебе кланяется. Не забудь о Трупена. Не кисни; вершина твоих огорчений, также как и моих, вероятно уже миновала. Нам 30 лет слишком. У твоей панны Млокосевич, как мне пишет сестра (о чем я ее спрашивал), был припадок. Она хворала, одни говорят — вздутием печени, другие — водянкой. Но выкачали ли воду или что другое, но она здорова, и тонка, и стройна, как прежде. Никто не знает правды. Наш Новаковский, который должен был сюда приехать, уже в Варшаве. Доволен. Какая-то панна из института гувернанток влюбилась в него без памяти и потеряла место в институте. Вспомни, что он лысый и пентюх гораздо больший, чем мы, а еще победами занимается! Хороший прогноз для нас. Нынче 7-е ($2^1/_2$ часа ночи). Ты переезжаешь 15-го или раньше? У тебя еще неделя. Я напишу тебе, если вспомню что-нибудь безотлагательное. Особенно прошу тебя, не забудь дать портье 20 франков, чтобы он людей и мои письма отсылал на rue Pigal. Жаль мне тебя. Вижу тебя в пыли и беспорядке. Если бы я мог быть сам в Париже при переезде, то наверное не беспокоил бы тебя.

Твой старый *Ш.*

Лео поклон, и не забудь ему сказать, чтобы Мекетти послал почтой, а не с оказией. Письмо Гаслингеру отдай сам на почту, а не Лео.

[1]) Прежний лакей.

(314)

160. Шопен Юлиану Фонтане.

(Ноган, 9 октября 1841).

Мой милый,

Ты наверное получил мои письма и мои сочинения,— прочитал немецкие письма, запечатал и сделал все, как я тебя просил, не правда ли? Теперь, что касается Весселя, то он остолоп и плут. Напиши ему, что хочешь, но скажи, что я не думаю уступать моих прав на тарантеллу, так как он не вернул ее во время, и если он потерял на моих сочинениях, то наверное из-за глупых заглавий, [1]) которые он понадавал, несмотря на мое запрещение и на мою многократную брань пана Штапельтона. Если бы я послушался своего внутреннего голоса, то после этих заглавий я бы ему ничего не послал. Выругай его, как только можешь. Что касается переезда, то нынче Mr. Pelletan оффициально уведомлен пани Санд, которая благодарит тебя за твои несколько любезных слов, приложенных к портфелю. Мои письма вели отдавать на rue Pigal, 16 и очень и очень внуши это портье. Сын пани Санд около 16-го будет в Париже; я пошлю тебе через него рукопись концерта и ноктюрнов. Пиши. Тут дождь и грязь. Яся обними. Что касается Антека, то, как я уж говорил тебе, мне кажется, что его болезнь не так ужасна, и что там много чего-то другого. Вероятно мы его скоро увидим, а он своих даже и не увидит. Люби меня по-старому. Напиши словечко.

Твой Фриц.

Суббота утром. [2])

(316)

161. Шопен Юлиану Фонтане.

Среда [Ноган, 27 октября 1841.] [3]).

Мой милый,

Мы приедем наверное в понедельник, т. е. 2-го в два часа по полудни, а может быть в 5 или в 6, рассчитывая на всякие непредвиденные вещи. Ты предлагаешь мне свою помощь для устройства на rue Pigal. Благодарю тебя, я этого не хочу; по твоей доброте я слишком много тобою злоупотреблял. Но о чем я буду тебя просить—это, чтобы ты был в понедельник с двух часов на rue Pigal. Также загляни туда заранее, повидай Пеллетана, и делу конец. Там Моро и его жена, служащие пани Санд, которых она уволила и отослала в Париж

[1]) Никс в своей биографии Шопена приводит обращики пылкой фантазии этого издателя. Так, он называет рондо op. 1: «Adieu à Varsovie», варьяции op. 2: «Hommage à Mozart», ноктюрны op. 9: «Murmures de la Seine», большинство мазурок получили заглавие: «Souvenir de la Pologne».

[2]) Почтовый штемпель: «La Châtre, 10 oct. 1841.

[3]) Гёзик помечает это письмо 28 октября, исходя очевидно из слов Шопена: „в понедельник, т. е. 2-го“, что является явной опиской Шопена, так как в понедельник 1841 года приходилось 1-е ноября, следовательно среда была 27, а не 28-го октября.

с позволением жить на rue Pigal до тех пор, пока они не найдут себе места или квартиры. Если они еще там находятся, непременно повидай Пеллетана, которому пани Санд об этом писала, и пусть они непременно выберутся к понедельнику, даже к воскресению. В случае, если он, Пеллетан, очень занят (потому что издает новый журнал „Le 19 siècle"), снесясь с ним, последи, чтобы отворили окна (если не будет дождя), и в особенности, чтобы проветрили павильон пани Санд. Пусть за несколько дней протапливают печи и камины. Если Моро, которого пани Санд по приезде может быть задержит на несколько дней (но как приходящего без жены, а не как живущего, о чем ему должен был сказать Пеллетан), так если этот Моро disponible [без места],—ты договори только его—он умеет хорошо служить у пани Санд,—чтобы он отворил окна и натопил камины. Если же этот Моро не disponible (о чем тебе скажет Пеллетан), то пусть этим займутся портье—Mr. Armand и его жена (очень честная), а ты их договори, снесясь с беднягой Пеллетаном, который наверное потерял голову со своим новым журналом и буквально не имеет времени, чтобы присмотреть сам. Поговори с ним о его журнале,—это честный человек и ученый; обойдись с ним по приятельски и не сердись ни на меня, ни на него, ни на себя и ни на кого. Что касается лакея, имей нескольких на примете, но не нанимай никого, потому что я не знаю, понравится ли. Хотя он и мой, но живя рядом, это дело другое. En tout cas [1]), к приезду найми портье, они люди добрые и услужливые, и намекни им, или что еще лучше, сунь им на чай, если они, а не Моро, займутся квартирой. Однако, если это тебя затруднит, то не нужно. Как-нибудь да будет. Моя старая поговорка. Впрочем, время бежит, жизнь проходит мимо, смерть догоняет и мои рукописи преследуют тебя. С этим ты не спеши, милый, потому что лучше, чтобы в Лейпциге их подождали, чем чтобы мы застали по приезде на rue Pigal либо холод, либо пыль, либо духоту, либо сырость. О моей квартире не беспокойся, ни о моей берлоге, ни о чем. На следующий день я займусь этим сам и не буду больше тебя терзать. Это — „revanche", — если уж тебе нужны подобные дружеские оправдания. Пусть твоя старая лысая голова встретится с моим увядшим, дряхлым носом, и мы запоем: „Да здравствует Краковское предместье!" на мотив Богуславского, тенором Кшиштофовича, с аккомпаниментом покойного пана Ленца [2]).

Твой старый *Ш.*

Напиши или сегодня, [3]) т. е. в пятницу, или совсем не пиши. Жизнь моя, сходи к моему шляпнику Дюпон, № 8, rue de Montblanc

[1]) Во всяком случае.

[2]) Ленц, Генрих (1764—1839), варшавский органист, теоретик и композитор.

[3]) Вероятно Шопен предполагал, что Фонтана получит это письмо в пятницу.

и закажи ему для меня шляпу к понедельнику. Он всегда мне делает шляпы. Меня там знают и не потребуют мерки, но непременно к понедельнику.

Скажи портье на rue Pigal, чтобы сюда больше не присылал мне никаких писем.

162. Шопен Юлиану Фонтане.

(Ноган, начало ноября 1841.)

Мой милый,

Благодарю тебя за письмо Массэ. Ты вероятно уже сказал ему, а если нет, то скажи, что ты писал мне, и что я очень жалею, но никоим образом не могу. Итак, пусть он не ставит мне в вину, что я буду вынужден войти в соглашение с другим. Что касается прелюдии для альбома Шлезингера, то в последний раз я говорил об ней пани Массэ, но ты этого зайца не поднимай. Посылаю тебе два ноктюрна, а остальное в среду. Мой от'езд отсюда откладывается, и следовательно я буду в Париже может быть только около 6-го — 8-го. [1]) Перепиши пожалуйста, так как зима подходит. Остальное получишь послезавтра.

Твой старый.

Пиши, милый. Яся обними.

Найди мне лакея. Маршанда я знаю, но это не для меня (и entre nous [2]) — он пьет).

Может быть там не хватает еще бемолей или диезов.

163. Шопен гр. А. Гржимале.

(Париж, 1841.) [3])

Жизнь моя дорогая!

Я два раза был у тебя, чтобы сказать, что я приехал, но вероятно парикмахер забыл сказать тебе об этом. Мы будем вместе обедать у Лео, но если хочешь, я буду завтра до двух часов сидеть дома, как сижу нынче весь день. Выйду только отдать письмо на почту. Я обедаю у Франкомма, [4]) а в 10 я дома. Если, возвращаясь из оперы,

[1]) В последний момент, к большому неудовольствию Шопена, Жорж Санд решила, что Шопен уедет один, когда захочет, а она останется в Ногане весь ноябрь.

[2]) Между нами

[3]) Гёзик относит это письмо к началу октября, что очевидно неправильно, так как, судя по предыдущим письмам к Фонтане, Шопен весь октябрь и начало ноября провел в Ногане. Вероятно оно относится к началу ноября.

[4]) Огюст Франкомм (1808 — 1884), выдающийся виолончелист, профессор консерватории, близкий друг Шопена.

хоть ночью, захочешь зайти, то я тебя обниму. Я бы поехал к тебе, но это можно только очень рано, а утром, прежде чем я выкашляюсь — уж 10 часов. Сердечно тебя обнимаю.

Ноган жду 9-го.[1])

Твой старый *Ш.*

(330) **164. Шопен гр. А. Гржимале.**

Париж 1841.

Я должен лежать целый день, так у меня болит рожа и железы. Не поверишь, как мне досадно, что вчера не мог быть на Roul'e.[2]) Если завтра Рациборский[3]) позволит мне выходить (так как Ясю пускали нынче кровь и он сам лежит), то сейчас же поеду к тебе. О фортепиано ничего не знаю. Третьего дня утром я решил все-таки воспользоваться советом Пьера. Напиши словечко о своем здоровье. Не лучше ли? Я тут помолюсь...

Ш.

(324) **165. Шопен Жозефине Туровской в Париж.**[4])

[Париж 1841].

Я вчера обещал вам написать вечером пару слов, но не видел Соливы, а нынче, чем больше я думаю о том, что вы вчера мне сказали, тем больше жалею, что именно меня вы удостоили доверием в деле, в котором, как я вижу, я не могу быть судьей. Согласно вашему желанию, я дал вам от чистого сердца совет, не легкомысленный, а по зрелом размышлении. И я повторяю вам еще раз, что из того, что я имел удовольствие слышать (не судя о тембре, так как вы были измучены путешествием и парижским насморком), я нахожу, что у вас чрезвычайно обширный голос, очень чистая интонация и чуткость — самые важные качества большого таланта, — но что побольше искусства пения вам не помешало бы. Поэтому я вам и сказал мое откровенное мнение о Бордоньи,[5]) что большему он вас не научит, мнение, на котором я настаиваю, и поэтому я посоветовал вам так, как считал лучшим. Я ошибся, потому что здесь дело не в ученьи, а в имени. Может быть я должен был об этом догадаться; но так уж случилось. Расчитывайте на меня и на мои искренние услуги во всех других случаях, но я слишком настойчиво просил о вас

[1]) Шопен подразумевает здесь Жорж Санд.

[2]) У кн. Адама Чарторижского, жившего на «rue du Roule». Шопен был у них частым и желанным гостем.

[3]) Доктор медицины, эмигрант.

[4]) Певица, известная позже как Жозефина Лескевич, приехавшая из Варшавы в Париже осенью 1841 г. и обратившаяся к Шопену за советом в выборе учителя пения.

[5]) Джулио Бордоньи (1788 — 1856), отличный преподаватель пения, учитель Генриетты Зонтаг и др., автор популярных вокализов. 1819 — 1833 пел в Париже в «Théâtre Italien», после чего занимался исключительно преподаванием.

Соливу, которого и как человека ценю выше Бордоньи, чтобы теперь просить его об отказе мне в том самом, чего несколько дней назад я так сильно желал и с чем от всей души надоедал ему. Простите мне это и верьте в искреннюю мою готовность к услугам при всяких других обстоятельствах, NB — после откровенного разговора.

Ф. Шопен.

Я жду ответа Лаблаша и сейчас же пришлю вам его.

Суббота утром.

(320) **166. Шопен Брейткопфу и Гертелю.**

Милостивые государи!

Я только что получил ваше письмо вместе с денежной ассигновкой на 13 декабря и прошу вас принять выражение моей благодарности за вашу пунктуальность.

Что касается opus'ов на рукописях, то они поставлены верно, — у Мекетти в Вене находится одна прелюдия для его Бетховенского альбома и один полонез.

Я поручил Шлезингеру войти с вами в соглашение относительно дня опубликования — он уж начал гравировать, — и я надеюсь, что и вы сделаете все возможное, чтобы эти вещи появились, как можно скорей. Я вам не дал лондонского адреса, потому что был вынужден порвать с Весселем и еще ни с кем не пришел к окончательному соглашению; но это не должно вас задерживать. Прошу вас также поставить на титульном листе моих ноктюрнов вместо Frl. Emilie — Frl. Laura Duperré.

От всего сердца ваш *Ф. Шопен.*

Париж, 3 декабря 1841.
Rue Pigal, № 16.

(336) **167. Шопен гр. А. Гржимале.**

Ноган, среда [25 май 1842,][1])

Моя жизнь!

Снеси, пожалуйста, это письмо Соланж на городскую почту, а к моим — на биржу. Приезжай хотя бы затем, чтобы я не надо-

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 25 mai (год неразборчив). Paris, 26 mai (год неразборчив). Гёзик ошибается, относя это письмо к 1845 году, так как в мае 1845 Жорж Санд и Шопен были еще в Париже (см. письмо Жорж Санд к Шарлю Понси от 21 сентября 1845 г.). „Я была нынче в Париже до июня, а с этого времени я в Ногане до зимы, как и ежегодно, как и всегда"... Кроме того, среда в 1845 году приходилась на 21, а не на 25 мая. С большей вероятностью можно отнести это письмо к 1842 или 1843 году, т. к. 25 мая приходилось на среду 42 года; если же письмо было написано накануне почтового штемпеля, то тогда его можно отнести к 43 году. Гуттри относит это письмо к 25 июня (?) 1845.

едал тебе своими поручениями. Здесь головная боль по случаю железной дороги, которая в Орлеане вместо улицы высадила людей в болото. Я довольно здоров, Пистолет [1]) также.

Сердечно тебя обнимаю.

Ш.

Пиши.

[Приписка Жорж Санд:]

Будь здоров, мой старый толстун, люби нас, приезжай к нам. Брось на почту это письмецо к моей дочери. Мы тебя любим и целуем.

Адрес: Monsieur Ie C-te Albert Grzymala, rue de Rohan, № 16, Paris.

(301) **168. Шопен Камиллу Плейелю.**

[Ноган, 1842 (?)].

Дорогой друг!

Несколько дней назад я получил ваше фортепиано и сердечно вас благодарю за него. Оно пришло хорошо настроенное, точно по концертному камертону. До сих пор я играл на нем немного, потому что погода так хороша, что я почти все время на воздухе. Желаю вам для ваших каникул такой же хорошей погоды. Напишите мне несколько слов (если вы думаете, что в течение дня недостаточно использовали ваши перья). Будьте все благополучны, — припадаю к стопам вашей матери и сестры.

Преданный вам *Ф. Шопен.*

(342) **169. Шопен гр. А. Гржимале.**

[Ноган, 27 июля 1842] [2]).

Мой милый,

Завтра в ночь мы уезжаем в Париж из-за квартиры. В субботу вечером мы будем на rue Pigal. Я останусь там день. Нынче сюда приехала панна де Розьер и останется с Соланж эти несколько дней. Почта отходит, поэтому я не пишу тебе больше. Надеюсь застать тебя здоровым.

Твой старый *Ф. Ш.*

[Пани Санд] не приписывает тебе, потому что у нее гости из города.

Среда вечером.

[1]) Маленькая собачка Жорж Санд.

[2]) Адрес: Monsieur le C-te Albert Grzymala à Paris, rue de Rohan, № 16. Почтовый штемпель: La Châtre, 28 juil. 1842. Paris 29 juil. 1842.

(347) **170. Шопен Иосифу Эльснеру в Варшаву.**

Париж, 8 ноября 1842.

Любимый, всегда любимый пан Эльснер!

Вы не поверите, сколько радости доставляет мне каждая буква вашей записки. Благодарю вас очень за музыку, присланную через Турчиновичей. Им тут повезло: они очень понравились. Они должны быть счастливы этим, и пан Дамзе [1]) также; ему я не пишу, но прошу вас, чтобы вы были так добры и рассказали ему, какой эффект произвели здесь его дети (как я их называю).

Обнимаю вас сердечно, всегда люблю, как сын, как старый сын, как старый приятель. *Шопен.*

Пани Эльснер мое почтение. Всем окружающим вас поклоны.

(348) **171. Шопен Томашу Нидецкому [2]) в Варшаву.**

[Париж, 30 ноября 1842].

Я получил твое письмо, милый Томаш, и сейчас же просил моих знакомых, чтобы они узнали об арфисте. До сих пор я не встретил еще никого, кто захотел бы к вам ехать за эту цену, тем более, что ты мне не пишешь, будет ли ему оплачена дорога. Что касается машиниста, то это дело мне кажется более возможным, и вчера должны были спросить об этом Pillet, здешнего директора, нет ли у него случайно кого-нибудь из своих машинистов, который бы уходил. Видишь, как тебя слушают, — я, насколько мог, занимался твоими поручениями, но к сожалению до сих пор безуспешно. Люби меня по-старому, как в Вене на Леопольдштадте. Напиши, оплачивается ли дорога арфисту? Мне кажется, что это непременно нужно, чтобы решить. Всегда расчитывай на мою старую дружбу.

Ф. Шопен.

Обними пана Эльснера и моих знакомых.

Париж, 30 ноября 1842.
Rue St. Lazare, Place d'Orléans.

(351) **172. Шопен Брейткопфу и Гертелю.**

[Париж, 15 декабря 1842.]

Милостивые государи!

Я могу предложить вам скерцо (за 600 фр.),—балладу (за 600 фр.) и полонез (за 500 фр.)

Кроме того, у меня готово Impromptu в несколько страниц, которое я вам не предлагаю, потому что хочу оказать услугу одному

[1]) Дамзе, Иосиф (1788—1852), польский композитор.

[2]) Т. Нидецкий был дирижером оперного театра в Варшаве.

моему старому знакомому, который уже в течение нескольких лет убедительно просит меня дать что-нибудь для г. Гофмейстера. Я сообщаю вам об этом, чтобы вы уяснили себе мои намерения в этом отношении. В случае, если мои скерцо, баллада и полонез подходят вам, будьте так добры напишите мне несколько слов со следующим курьером и назначьте мне время, когда вы желаете их получить.

Вполне вам преданный *Ф. Шопен.*

15 декабря 1842.
Paris, Place d'Orléans, № 9, Rue St. Lazare.

(356)

173. Шопен Томашу Нидецкому в Варшаву.

[Париж, 25 января 1843.]

Милый Томаш,

И за вдвое большую плату никто не хочет к вам ехать. Но ты этому не удивляйся, потому что Лабарр,[1]) которого я просил помочь мне в этом деле, уверял меня, что даже в Лион за очень хорошее вознаграждение никого не мог послать, так все артисты любят Париж. Предпочитают перебиваться здесь кое-как, чем прилично жить за-границей или в провинции. Жалею, что на этот раз ничем тебе не пригодился, но несмотря на это, будем любить друг друга по-старому, как на Леопольдштадте.

Ф. Шопен.

Париж, 25 января 1843. 9, Place d'Orléans, St. Lazare.

Адрес: Monsieur, Monsieur T. Nidecki, Directeur d'Orchestre au Grand Théâtre de Varsovie (en Pologne) à Varsovie.

Узнать в Большом варшавском театре.

(361)

174. Шопен Морису Шлезингеру в Париж.

[Ноган, 22 июля 1843.]

Милый друг,

В Impromptu [2]), выпущенном вами, как приложение к газете [3]) от 9 июня, произошла путаница в нумерации страниц, которая делает мое сочинение непонятным. Далекий от той заботливости, которую наш приятель Мошелес прилагает к своим работам, я все-таки считаю себя обязанным по отношению к вашим абонентам просить вас поместить в ближайшем нумере следующие опечатки:

Стр. 3-я — читай стр. 5-я.
Стр. 5-я — читай стр. 3-я.

[1]) Лабарр, Теодор (1805—1870), знаменитый виртуоз на арфе, композитор и дирижер.

[2]) Impromptu Ges-dur, op. 51.

[3]) В 1834 г. Шлезингер основал в Париже „Gazette musicale", которая в 1835 г. расширилась в „Revue et Gazette musicale".

Если вы слишком заняты или чересчур ленивы, чтобы написать мне словечко, то ответьте мне только в своем журнале помещением этих опечаток, что будет значить для меня, что вы, пани Шлезингер и ваши дети все совершенно здоровы.

Всецело вам преданный *Ф. Шопен.*

(363)

175. Шопен Жорж Санд.

Париж, понедельник [14 августа 1843.] [1])

Вот я и приехал в 11 часов. Я сейчас у М-м Марлиани, и мы оба пишем вам. Вы увидите Соланж в четверг в полночь. Мест не было ни на пятницу, ни на субботу, вплоть до будущей среды, а это было бы слишком поздно для всех. Я хотел бы уж быть дома, вы ведь в этом не сомневаетесь, и я очень рад, что судьбе было угодно, чтобы мы выехали в четверг.

Итак, до четверга, а завтра я вам опять напишу, если позволите.

Ваш покорный [très humble] слуга *Ш.*

Були [2]) целую от всего сердца.

Мне надобно выбирать те слова, орфографию которых я знаю.

(366)

176. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Ноган, начало октября 1843.]

Моя жизнь!

Сообщаю тебе, что буду тебя просить об отправке одного письма к родителям, другого в Лейпциг с рукописями. Их оба мне некому поручить, если не т е б е. Будь добр, проходя мимо, забрось их на б и р ж у. Мои рукописи ничего не стоят, но они наделали бы мне большого труда, если бы пропали. Здесь хозяйка дома не совсем здорова. Я, насколько могу, таскаюсь, но не знаю, когда мы увидимся. Тут еще хорошая погода, детям приятно резвиться, и предполагается вернуться поздно, тем более, что город дорого стоит. Ты уж верно покончил со своим hôtel'ем, или почти покончил. Дня не проходит, чтобы я не думал о тебе и обо всем, что тебе должно дать счастье. Надеюсь, что застану тебя здоровым, веселым и по возможности счастливым. Несколько дней тому назад мы ездили по окрестностям по-

[1]) Шопен ездил на 2-3 дня в Париж для переговоров со своим музыкальным издателем.

[2]) Прозвище сына Жорж Санд, Мориса.

смотреть берега „Creuse“ [1]). Молодой [2]) рисовал виды. Поездка с приятелями соседями очень удалась, но по возвращении она расхворалась и дня два не может работать. Она этим огорчается, и поэтому невесело.

Обнимаю тебя сердечно.

Твой старый *Ш.*

Ручки поцелуй с почтением.

(362) **177. Шопен гр. Альберту Гржимале.**

Суббота [Ноган 1843].

Мой милый,

Ты не поверишь, как меня задела испанская сплетня. Сам посуди. Припоминаешь ли ты, как однажды вечером, моя [3]) очень у себя сердилась на теперешнюю Агату [4]). Это был вечер, после которого она решилась посмотреть фаворитку. Ты очень заступался и не очень разделял ее восторгов по адресу той, которая теперь в Лондоне и которая, как говорили, должна была в то время получить ангажемент в Большую оперу. В тот самый вечер моя сказала тебе, что ты верно влюблен в Агату... Не знаю, заметил ли ты это, но меня это поразило, и в тот же вечер в ее комнате я сказал ей, чтобы она этим не шутила, так как ты действительно знаешь пани Агату, и нет ничего легче, как устроить паштет [5]) и другим и тебе неприятный. Теперь, верь мне или нет, но—как мать мою люблю — ничего другого я ей не сказал. Вчера по получении твоего письма я сказал ей, что она наверное болтала о тебе и Агате с испанкой, или с рыжим [6]), или с кем-нибудь еще, так как испанка болтает тебе вздор, ссылаясь на меня и на нее. На это она мне поклялась, что ей никогда и в голову не приходило ничего серьезного о тебе и Агате, и прибавила, что она знает про другую твою привязанность. Испанка же, когда она хочет о чем-нибудь узнать, имеет обыкновение рассуждать о своих глупых догадках, как об достоверных вещах и сваливать это на людей, с которыми тот, о ком она хочет что-либо узнать, наиболее близок. Больше об этом не было сказано ни слова. Можешь по этому судить, насколько она уважает некоторые вещи.

[1]) См. письмо Жорж Санд к Марлиани от 2 октября 1843 г.: „Я только что возвратилась из маленького путешествия по берегам Крёзы... Шопен всюду взбирался на осле; он спал на соломе и никогда не был так здоров, как во время этих превратностей, случайностей и утомлений. Мои дети радовались случаю побегать, как лошадки на свободе“.

[2]) Сын Жорж Санд, Морис.

[3]) Жорж Санд.

[4]) Неизвестно, о ком здесь идет речь.

[5]) Т. е. „заварить кашу“.

[6]) Вероятно с Виардо-Гарсиа и с Леру.

Погода [1]) здесь ни хороша, ни плоха. Первый день очень была слаба, теперь гораздо лучше; днем ездит верхом, весела, пишет, пишет красками, веселится.

Твой *Ш.*

Оторвал другую четвертушку, чтобы ей было больше места тебе писать. Пиши пожалуйста.

(364) **178. Шопен Жорж Санд.**

Пятница. [Париж, осень 1843 г.] [2])

Вот что Морис вам пишет. Мы получили от вас добрые вести и счастливы, что вы довольны. Все, что вы делаете, должно быть великим и прекрасным, и если вам не пишут о том, что вы делаете, то это не потому, чтобы оно нас мало интересовало. Морис вчера послал вам ящик. Пишите нам, пишите нам! До завтра. Не забывайте ваших стариков.

Соль привет. *Ш...*

Морис здоров и я также.

(368) **179. Шопен Жорж Санд.**

[Париж, воскресенье 26 ноября 1843.]

Итак, вы сделали все ваши проверки и устали от ваших хлевов. Поберегите себя к своему отъезду и привезите нам свою хорошую ноганскую погоду, потому что у нас дождь [3]). Несмотря на это, я вчера послал за каретой, прождав хорошей погоды до трех часов, и поехал к Ротшильдам и Штокгаузенам [4]) — и мне от этого не хуже. Нынче воскресенье, я отдыхаю и не выхожу по собственному желанию, а не по необходимости. Верьте, что мы оба совершенно здоровы, что болезнь от меня далеко, что передо мною одно счастье, что никогда у меня не было столько надежд, как на предстоящую неделю, и что все сбудется по вашему желанию. Вы говорите еще, что у вас нёбо ссаднит; ради бога не принимайте этого лекарства. Вчера мы хорошо обедали у м-м Марлиани; после чего одни отправились на вечер, другие к своим карандашам, а третьи в постель. Я в своей постели спал, как вы на своем кресле, усталый, точно я что-нибудь для этого сделал.

[1]) Повидимому Шопен под погодой подразумевает и здесь настроение Жорж Санд.

[2]) Письмо без даты и может относиться к поздней осени трех лет —1843, 44 и 45 годов, когда Жорж Санд из-за разных хозяйственных дел оставалась еще в Ногане, а Шопен с Морисом были уже в Париже.

[3]) Жорж Санд пишет, что „в Ногане жарко, как в мае“.

[4]) Барон Штокгаузен, гановерский посланник в Париже. Ему посвящена баллада ор. 23, а его жене баркарола ор. 60.

Я думаю, что моя микстура слишком меня успокаивает, и я попрошу Моллэна [1]) дать мне другую. До завтра; мы вам все-таки напишем до среды. Не забывайте ваших стариков, по-прежнему очень старых, и которые только и делают конечно, что думают о вас, тамошних. Мориса нет дома. Еще четыре дня!

Соланж привет.

Шоп...

(371) **180. Шопен Брейткопфу и Гертелю в Лейпциг.**

[Париж, 10 декабря 1843].

Я, нижеподписавшийся, живущий в Париже, rue St. Lazare № 34, признаю факт продажи в собственность господам Брейткопф и Гертель в Лейпциге нижепоименованных работ моего сочинения, а именно:

op. 12. Варьяции на тему „Loudovic“	„ 25. 12 этюдов в двух выпусках	„ 37. Два ноктюрна
„ 15. Три ноктюрна	„ 26. Два полонеза	„ 38. Баллада
„ 16. Рондо	„ 27. Два ноктюрна	„ 39. Третье скерцо
„ 17. 4 мазурки	„ 28. 24 прелюдии	„ 40. Два полонеза
„ 18. Большой блестящий вальс	„ 29. Экспромт	„ 41. 4 мазурки
„ 20. Скерцо	„ 30. 4 мазурки	„ 42. Вальс
„ 21. Второй концерт	„ 31. Скерцо	„ 46. Allegro de Concert
„ 22. Большой полонез	„ 33. 4 мазурки	„ 47. Третья баллада
„ 23. Баллада	„ 34. Три вальса 1—3	„ 48. Два ноктюрна
„ 24. 4 мазурки	„ 35. Соната	„ 49. Фантазия
	„ 36. Второй экспромт	„ 52. Четвертая баллада
		„ 53. Полонез
		„ 54. Четвертое скерцо

Я об'являю, что уступил эту собственность вышеназванным господам без всякого исключения или ограничения на все времена и для всех стран, за исключением Франции и Англии, и признаю получение условленных гонораров, для чего была сделана специальная квитанция.

Ф. Шопен [2]).

Париж, сего 10 декабря 1843 г.

(372) **181. Шопен Брейткопфу и Гертелю.**

[Париж, январь, 1844.]

Дорогой г. Гертель,

Я посылаю вам ваше письмо с моей подписью, но так как вы упоминаете мне о делах, то не хотите ли, чтобы я передал вам через г. Махо мои 2 ноктюрна и мои 3 мазурки по 600 франков за каждое из этих двух сочинений. Скажите об этом пожалуйста г. Махо, который передаст мне ответ. Я очень жалею, что во время вашего последнего пребывания в Париже я так мало имел удовольствия вас видеть, и надеюсь вознаградить себя за это при вашем следующем приезде сюда.

Итак, до скорого свидания. Примите уверения в моем совершенном почтении.

Преданный вам *Ф. Шопен.*

Вторник утром.
[Январь 1844]. [4])

(384) **182. Шопен Брейткопфу и Гертелю в Лейпциг.**

[Париж, 16 июля 1844].

Я, нижеподписавшийся, Фредерик Шопен, живущий в Париже, rue St. Lazare, Place d'Orléans, признаю, что продал в собственность г.г. Брейткопфу и Гертелю в Лейпциге нижеуказанные произведения моего сочинения, а именно:

a) Op. 55. Два ноктюрна для фортепиано.

b) Op. 56. Три мазурки для фортепиано.

Об'являю, что я передал им в собственность эти сочинения без всякого исключения и ограничения на все времена и для всех стран, за исключением Франции и Англии, и признаю получение условленных гонораров, в чем была выдана соответствующая квитанция.

Париж, сего 16 июля 1844. *Ф. Шопен.* [2])

(386) **183. Шопен гр. А. Гржимале.**

[На почтовой бумаге Жорж Санд с готическими буквами G. S.]

[Ноган, 26 июля 1844.] [3])

Я уже в Ногане. Всю дорогу я только и думал о нашем последнем разговоре. Я всегда тебя люблю, и дай тебе бог удачи на бирже. Твои последние дела встревожили здесь хозяйку дома, также как и твои salto mortale с той лестницы. Я пишу тебе, потому что забыл попросить тебя о фейерверке. Не мог ли бы ты получить через того камердинера Филиппа кусочек окна в Тюльльери? Ты это иногда умеешь; поэтому, если тебе это будет угодно, помоги моей славной сестре [4])

[1]) Доктор, лечивший Шопена, которого Шопен очень любил и ценил.

[2]) Автограф находится в Лейпциге у фирмы Брейткопф и Гертель.

[1]) В январе 1844 г. вторник приходился на 2, 9, 16, 23, и 30.

[2]) Автограф принадлежит фирме Брейткопф и Гертель в Лейпциге.

[3]) У Гёзика — 27 июля. Однако „пятница“ в 1844 (високосном) году приходилась на 26 июля.

[4]) 3 мая 1841 г. умер отец Шопена. Известие об его смерти очень потрясло Шопена. Чтобы его утешить, в июле к нему приехала его любимая старшая сестра, Людвика Ендржеевич с мужем. Встретив их в Париже, Шопен вернулся один в Ноган, куда они вскоре приехали и пробыли там до конца августа. В обществе сестры и ее мужа Шопен ожил.

посмотреть эти штуки. Напиши мне словечко, как идут твои дела. Много не пиши, только—лучше ли? Передашь мое почтение в Энгиен, а если увидишь мою сестру, то присылай ее мне сюда.

Сердечно тебя обнимаю.

Твой старый *Ш.*

Пятница.

[Приписка Жорж Санд:]

Ну, бедное толстое животное, стало быть ты разбил себе зад-цу, голову и еще кое-что. Не возобновляй этих parties de plaisir. Умоляю тебя об этом. Молю бога, чтобы ты поскорее забыл это ужасное время-препровождение, и чтобы не случались больше неудачи на бирже. Ты любишь подвергаться опасностям всякого рода. К счастью существует бог для добрых сердец и плохих голов. Мой маленький Шопен вернулся ко мне здоровым, но огорченным твоей треснувшей зад-цей. Скажи нам поскорее, что ты больше не примешься за это, что тебя не преследуют злоключения и что ты нас любишь, также как и мы тебя. Положи меня к ногам твоего доброго ангела. Дети тебя целуют, и я тоже, конечно если ты это позволишь. *Жорж.*

[Адрес рукою Жорж Санд:] Monsieur Albert Grzymala, rue de Rohan, 16, Paris.

[Почтовый штемпель:] La Châtre, 27 juill. 44.
Paris, 28 juill. 44.

(335)

184. Шопен гр. А. Гржимале.

Ноган, вторник [1]).

Жизнь моя!

Надеюсь, что это письмо застанет тебя более веселым, чем прошлое. Здоровье здесь ни то, ни се. Погода прекрасная. Завтра-послезавтра поджидаем честного Делакруа. Он будет жить в твоей комнате.

Прости, если я опять попрошу тебя послать письмо венскому издателю, но, как мне кажется, в Австрию надо франкировать. Тебе скажут об этом на бирже. Прошу тебя об этой услуге, так как в этом письме мои с трудом написанные рукописи, и я не хочу доверять их неверной судьбе.

Больше я уж не буду надоедать тебе никакими поручениями, потому что я знаю, как это неприятно.

Желаю тебе всего хорошего.

Пусть у тебя все идет хорошо. Будь здоров и не беспокойся.

Твой старый *Ш.*

[1]) Это письмо можно предположительно датировать 30-м июля 1844 г., т. к. в приписке Мориса говорится о падении Гржималы, о котором говорилось в письме от пятницы 26 июля. Гуттри относит его к 1842 г.

[Приписка Жорж Санд:]

Будь здоров, толстун мой, и люби нас. Мы читаем, работаем, двигаемся. Время летит быстро, и если бы не свидание с тобой в Париже, то я бы хотела его замедлить, потому что деревня мне по вкусу. Не подаришь ли ты нам несколько дней? Попытайся. Я не знаю человека более свободного, чем ты, однако обременяющего себя величайшим количеством уз. Добрый вечер; мы тебя любим, несмотря на твою неблагодарность. *Ж. С.*

[Приписка Мориса Дюдеван:] Разбился? Разбивайся, если тебе это доставляет удовольствие.

[Приписка Соланж Дюдеван:]

Привет. *Соланж.*

(388)

185. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Замок Ноган близ La Châtre, Indre, 1 августа 1844.

Cherissime!

Посылаю тебе письмо Шлезингера и другое к нему. Прочитай оба. Ему есть расчет задержать печатание, я же не могу на это согласиться. Если он скажет „нет“, то отдай мои рукописи Махó с тем, чтобы он убедил Мейсонье [1]) взять их за ту же самую цену, именно за 600 франков. Я предполагаю, что Шлезингер велит их гравировать. Непременно нужно, чтобы они вышли 20-го, но ты знаешь однако, что только в этот день я обязан доставить заглавие. Прости, что я затрудняю тебя этими поручениями, но я тебя люблю и обращаюсь к тебе, как к брату.

Обними за меня детей. Сердечно кланяюсь пани Франкомм.

Преданный тебе *Ф. Шопен.*

Пани Санд шлет тебе тысячи приветствий.

(389)

186. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Замок Ноган, Indre, 2 августа [1844].

Я очень спешил вчера, когда тебе писал, чтобы ты через Махó обратился к Мейсонье на случай, если Шлезингер будет колебаться с печатаньем моих сочинений. Я забыл, что Генрик Лемуан [2]) заплатил

[1]) Парижский музыкальный издатель. В это время у Шопена были готовы следующие сочинения: два ноктюрна ор. 55, три мазурки ор. 56, Berceuse ор. 57 и соната h-moll, ор. 58. О каких именно двух рукописях идет речь (см. следующее письмо)— неизвестно

[2]) Лемуан, Анри (1786—1854), композитор, популярный фортепианный учитель и глава издательской фирмы.

Шлезингеру очень высокую цену за мои этюды, и что я предпочел бы, чтобы мои рукописи вышли у Лемуана, а не у Мейсонье. Я доставляю тебе много хлопот, мой дорогой, но все же посылаю тебе письмо к Лемуану; прочитай его и поступи с ним, как сочтешь нужным. Он должен к 20-му этого месяца или напечатать вышеупомянутые сочинения, или зарегистрировать их заглавия в каталоге. Не требуй с него больше, чем по 300 франков за каждую, следовательно 600 франков за обе вместе. Скажи ему, что если он хочет, то может подождать с платой до моего возвращения в Париж. В крайнем случае, отдай ему обе вещи даже за 500 франков, если бы ты счел это нужным. Лучше так, чем отдавать их за 600 франков Мейсонье, как я вчера по рассеянности тебе написал. Если же однако ты покончил все дело с Мейсонье, тогда дело другое. Если же нет, то не отдавай ему их меньше чем за 1000 франков, потому что, если бы Махó, как представитель Гертеля (который мне хорошо платит), узнал, что я отдаю в Париже свои сочинения так дешево, то он мог бы понизить мою цену в Германии.

Я тебе совсем вскружил голову своими делами; но все это только в том случае, если бы Шлезингер настаивал на печатании моих вещей в более поздний срок. Если ты предполагаешь, что Лемуан даст 800 франков за обе вещи, то требуй столько. Я ему ничего не пишу о цене, чтобы предоставить тебе в этом отношении полнейшую свободу.

Больше писать не могу, потому что отходит почта. Обнимаю тебя, дорогой брат, напиши мне несколько слов.

Твой всем сердцем *Ф. Шопен.*

Кланяюсь твоей жене. Тысячи поцелуев твоим детям.

(390)

187. Шопен Огюсту Франкомму.

Ноган, понедельник, 4 августа [1844][1]).

Я рассчитываю с полной уверенностью на твою дружбу; поэтому та аккуратность, с которой ты уладил дело со Шлезингером, меня нисколько не удивила. Благодарю тебя за это от всего сердца и с нетерпением жду момента, когда буду в состоянии оказать тебе подобную услугу.

Надеюсь, что у вас дома все благополучно, что пани Франкомм и твои милые детишки совершенно здоровы, и что ты любишь меня также, как и я тебя.

Твой всей душой *Ф. Ш.*

Пани Санд целует твоего милого толстуна [fanfan] и сердечно жмет тебе руку.

[1]) Очевидно описка Шопена, т. к. понедельник в 1844 г. был 5 августа.

(393)

188. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Париж, август-сентябрь 1844] [1]).

Я приехал третьего дня ночью. Беспрерывно бегаю с сестрой и ежедневно утро уходит у меня ни на что. Как тебя повидать? Нынче я их веду на Рашель [2]). Буду близко от тебя. Может быть забегу ночью или завтра утром. Они еще пробудут здесь понедельник, а во вторник я отправляюсь в Ноган, а они домой. Пани Санд обнимает тебя сердечно.

Твой старый *Ш.*

(395)

189. Шопен М-ль де-Розьер.

[Орлеан, 3 сентября 1844].

Милая м-ль де-Розьер, итак, Людвику мы видели, как во сне. Дай бог, чтобы она благополучно вернулась домой. Вы были как нельзя более любезны, и я вас недостаточно поблагодарил за ваше доброе сердце. Я жалею, что Мориса не было там. Мне кажется, что он придет нынче, как будто бы для того, чтобы заставить меня пожалеть, что я его не подождал. Во всяком случае я думаю, что сделал хорошо. Напомните ему о Варенне и Маркизе [3]). Возможно, что у него есть другой ключ с собой. Итак, прикажите известить вас, если он приедет. В случае, если ко мне будет письмо от м-м Санд (чего я благоразумно не могу предположить), сберегите его для меня, пожалуйста. На забудьте также про этот ящик. Нужно его з а с м о л и т ь и покрыть de la trille grasse; кажется упаковщики умеют это. Если г. Франк (тот, который живет надо мной) не пришлет завтра „Энциклопедию“ и „l'Humanité“, то пожалуйста напомните ему об этом. Напишите мне словечко. Бог вас благословит. Вы любите Людвику и вы меня простите, что я вас посвящаю в наши дела.

Орлеан.

Преданный вам *Ш* [4]).

Гайяр был в томже поезде.

[1]) Гёзик относит это письмо к и ю л ю 1844 г. Повидимому правильнее отнести его к к о н ц у а в г у с т а (не позже 1-го сентября), когда Шопен ездил в Париж провожать сестру с мужем. На письме Шопена к де-Розьер (см. письмо № 189), отправленном из Орлеана по дороге из Парижа в Ноган, почтовый штемпель — „Орлеан, 3 сентября 1844“. 3-е сентября 1844 г. приходилось как раз во вторник. Текст этого письма дан по изданию Гуттри (1828). Редакция его несколько отличается от редакции Гёзика.

[2]) Рашель (1821—1858), знаменитая французская трагическая актриса.

[3]) Собаки.

[4]) Адрес: Mademoiselle Mademoiselle de Rozières, 49, rue St. Lazare, Paris.

(396)

190. Шопен М-ль де-Розьер.

[Ноган, 7 сентября 1844] [1]).

У меня есть время только для того, чтобы попросить вас отправить это письмо в Вену, франкировать, если это нужно (что весьма возможно), так как в Австрии это не так, как во всяком другом месте,— поблагодарить вас за ваше прекрасное [и порванное вами] письмо, напомнить про ящик, про г. Франка и г. Дюве и припасть к вашим стопам. Скоро вы получите второе письмо с бо́льшим количеством каракуль. Если мое письмо опоздает на один день, оно может не застать их. Здесь все здоровы. Морис только что написал.

До свидания *Ш.*

Суббота.

(397)

191. Шопен М-ль де-Розьер.

Ноган, 11 сентября [1844] [2]).

Благодарю за прекрасное письмо моей сестры, которая, слава богу, хорошо переносит путешествие. Благодарю также за г. Дюве и г. Франка. Для последнего я вам посылаю несколько слов, которые будьте добры передать ему сейчас же, если он еще не послал своих книг. В противном же случае оставьте письмо к нему у себя. Я вам посылаю с дилижансом „l'Humanité“ г. Леру, которое вы положите с другими книгами и пошлете ящик как можно скорее, потому что вы получите мое письмо через десять дней после их от'езда. Попросите г. Дюве проверить еще раз таможенную квитанцию. Не лучше ли вместо того, что там стоит, поставить просто: у ч е б н ы е к н и г и, ж у р н а л ы и с л о в а р и. Пусть он будет любезен и напишет мне, пойдет ли это через Да··циг или Штетин, и как это попадет в Торн. Не лучше ли будет это пойдет через Гамбург т о л ь к о? Хороши ли отношения с [illegible] Штетином, потому что я бы не хотел, чтобы это пропало [illegible]дарю вас за всю вашу доброту. Соланж вам напишет. [illegible]о нездорова нынче. В моем письме она вам шлет [illegible]т дождь. Недавно был урок с новой сонатой Бет-

Ваш коллега *Ш.*

[illegible]e, sept. 1844.

13 sept. 1844.

(445)

192. Шопен М-ль де-Розьер.

Ноган, вторник [1844].

Пишу вам без словаря, чтобы п о р у ч и т ь вам письмо к моей матери. Вы мне это позволили. Заранее вас благодарю и желаю вам быть здоровой. Здесь дело обстоит не плохо, за исключением фортепиано, одно из которых не делает абсолютно ничего [1]), а другое— очень мало. О ч е н ь м а л о — мое, само собой разумеется. Сузанна мне сказала, что вы были очень добры к моему № 9-му [2]). За это я вам так благодарен, что хотел бы написать вам длинное и интересное письмо, чтобы доказать вам всю свою признательность. Но я этого не умею и поэтому ограничиваюсь тем, что жму вашу руку.

Фр. Ш.

Прислали ли вам сонату и Berceuse? Известите нас о себе. Не ходите в толпу смотреть маленьких мореплавателей. Берегите себя, и если случайно есть письмо из Варшавы, пришлите мне его. Я посылаю свое запечатанным, но если вы сможете всунуть [3]) туда словечко для Людвики, это доставит ей огромное удовольствие. Скажите пожалуйста (если об этом вспомните) м-м Этьен, чтобы она дала мой адрес разносчикам двух музыкальных журналов, чтобы мне их прислали сюда.

[Приписка Жорж Санд:]

Здравствуйте, милочка, все вас целуют, все здоровы, но действительно ленивы за исключением меня. Я все еще работаю над романом, хотя не бодрствую больше и гуляю не плохо. Соланж одевается и раздевается, влезает и слезает с лошади; встает и ложится, чешется, зевает, открывает и закрывает книгу, прилизывает себе волосы, обращается с Морисом, как с дураком, словом — она очень занята, как видите, и такими важными делами, что они мешают ей сойти вниз раньше дессерта.

У нас тут еще тифозная горячка; нужно в этом положиться на бога; я лечу больных и надеюсь не заразиться. До сих пор никто еще у нас не умер.

Дядя Полит [4]) большой умник. Он каждый день приходит в черном костюме до горла, в шляпе „à la bolivar“, в черных шелковых перчатках. Жилет немного короток, живот немного толст, цвет лица немного медный. У него вид разрядившегося скотопромышленника.

---

[1]) Намек на Соланж, которая совершенно не открывала фортепиано. Она брала уроки музыки у де-Розьер.

[2]) Номер квартиры Шопена в Париже.

[3]) В то время письма часто посылали б е з конверта: складывали почтовую бумагу и запечатывали сургучем или облаткой.

[4]) Ипполит Шатирон, сводный брат Жорж Санд.

Впрочем, он больше не напивается и не мелет вздору. Он говорит, что никогда так не заслуживал страсти, которую вам внушает.

Морис пачкает [1]), задирает, закручивает свои усы, зубоскалит, гримасничает, носит сапоги, как берейтор, пахнет конюшней и обожает вас.

А вы — будьте здоровы. Играйте на фортепиано, имейте красивые цветы и любите нас. Я бы хотела вам послать своих гвоздик и анютиных глазок. Никогда не видывали ничего столь прекрасного. А все-таки я думаю, что в Париже есть еще лучше. Пишите нам. Целую вас от всего сердца.

Ж. С.

(399)

193. Шопен своим родным.

Ноган, 18 сентября 1844.

Для Людвики

[Письмо Жорж Санд.]

Дорогая Людвика!

Со времени вашего от'езда мы только и живем мыслью о вас. Фредерик, как вы можете себе представить, тяжело перенес разлуку, но физически он довольно хорошо противостоял этому испытанию. В общем, ваше доброе намерение его навестить принесло свои плоды. Оно унесло всякую горечь из его сердца, отчего он стал сильным и мужественным. Нельзя целый месяц переживать такое счастье без того, чтобы что-нибудь от него да не осталось, что залечит многие раны и составит новый запас надежд и веры в бога. Уверяю вас, что вы — самый лучший доктор, который только когда-либо был у него, потому что стоит лишь ему поговорить о вас, чтобы вернуть себе жажду жизни. А вы, моя дорогая, как вы совершили это тяжелое путешествие? Я убеждена, что несмотря на все развлечения, которые для вас придумывал во время путешествия ваш муж, вы почувствовали настоящую радость только при свидании со своими детьми, матерью и сестрой. Наслаждайтесь же глубоким счастьем обнять дорогие вам существа и утешьте их за ваше отсутствие рассказами о всем том добре, которое вы сделали Фредерику. Скажите им всем, что и я их люблю и охотно отдала бы жизнь, если бы могла их соединить под своей кровлей. Скажите им, как я вас люблю, они это поймут лучше, чем вы, которая может быть и не знаете, чего вы стоите. Обнимаю вас от всего сердца, также вашего мужа и детей.

Ж. С.

[1]) Морис занимался живописью с Делакруа.

(398)

[Письмо Шопена.] Ноган, 18 сентября 1844.

Дорогая моя!

Посылаю тебе песенки, которые ты слышала однажды вечером. Соланж, которая тебя целует (два раза напоминала мне об этом), написала по памяти слова, я — музыку. Я надеюсь, что вы счастливо доехали и получили от меня известия в Вене и в Кракове. Я послал тебе в Вену обещанную песенку „Schöner Knabe", а в Краков — несколько слов для пани Скарбек. В случае, если ты не получила ни того, ни другого, что весьма возможно, так как австрийская почта ползет страшно медленно, вели переслать тебе краковское письмо, потому что мне очень важно, чтобы ты лично передала его пани Скарбек. Венского письма не жаль, песенку я напишу тебе еще раз. Я его адресовал: г-ну профессору Ендржеевич до востребования. Мне важно краковское [письмо]. Нынче я вас видел во сне. Только бы не слишком пострадало от путешествия твое здоровье! Напиши мне несколько слов. Мне нездоровится несколько дней. Мориса здесь еще нет, но завтра или послезавтра он должен веруться. Помнишь, как я предсказывал, уезжая отсюда, что я возвращусь дилижансом один, а что это путешествие на почтовых делается только для того, чтобы соблюсти некоторые приличия. Нынче после обеда проектируется поездка в Арс. Здесь находится тетка хозяйки дома со своей воспитанницей; она живет, как я вам писал в Вену, в ваших бывших комнатах. Часто, когда я туда захожу, я ищу, не осталось ли чего-нибудь после вас, но вижу только то место около дивана, где мы обыкновенно пили шоколад, да те рисунки, которые копировал твой муж. Больше осталось от тебя в моей комнате: на столе лежит твое вышивание — туфелька, завернутая в шелковую английскую бумагу, а на рояле — маленький карандаш из твоей сумочки, который прекрасно мне служит. Я кончаю, потому что мы отправляемся. Сердечно тебя обнимаю. Обними за меня своего мужа и скажи ему, что ему кланяется Ипполит [1]). Обними также детей. Пишите!

Твой старый *Ш.*

(400)

194. Шопен Огюсту Франкомму.

Замок Ноган, 20 сентября 1844.

Cherissime!

Я не писал тебе раньше, так как думал, что еще на этой неделе опять увижусь с тобой в Париже. Однако, мой от'езд откладывается, и я посылаю тебе несколько слов для Шлезингера, чтобы он заплатил тебе деньги за мои последние рукописи, а именно 600 франков (из ко-

[1]) Ипполит Шатирон.

торых 100 возьмешь для меня). Я думаю, что он не будет делать по этому поводу никаких затруднений, а если бы все-таки, то попроси его о немедленном коротком письменном ответе (не горячась однако по этому поводу), пришли мне его, а я тогда просто напишу Лео, чтобы он велел тебе заплатить еще до конца месяца те 500 франков, которые ты был добр дать мне взаймы.

Что ж тебе еще написать? Я часто думаю о нашем последнем вечере с моей милой сестрой. Как она была счастлива, что могла тебя услышать! Она писала мне об этом несколько дней тому назад из Страсбурга и поручила при первой оказии передать свой привет тебе и пани Франкомм. Надеюсь, что вы все чувствуете себя хорошо, и что по возвращении я вас застану в добром здоровье. Пиши мне и люби меня также, как я тебя люблю.

Твой старый *Ш.*

Тысяча поклонов твоей жене. Обнимаю твоих милых детей. Пани Санд шлет тебе много поклонов.

Посылаю тебе также расписку для Шлезингера, которую однако можно ему отдать только по получении наличных денег. Еще раз прошу тебя, не волнуйся, если бы он сделал тебе какие-нибудь затруднения. Обнимаю тебя.

(401)

195. Шопен Жорж Санд.

Понедельник 4½ ч. [Париж, 23 сентября 1844] [1]).

Как вы поживаете? Вот я и в Париже. Я передал ваш пакет г. Жоли [2]). Он был очень любезен. Я видел м-ль де-Розьер, которая заставила меня завтракать. Я видел Франкомма и моего издателя. Я видел Делакруа, который не выходит из комнаты. Мы проговорили два с половиной часа о музыке, о живописи и в особенности о вас. Я заказал себе место (в дилижансе) на четверг; в пятницу я буду у вас. Я иду на почту, потом к Гржимале, потом к Лео. Завтра я буду просматривать и репетировать сонаты с Франкоммом. Вот листочек из вашего садика. Гржимала только что пришел, он вам кланяется и напишет вам два слова. Я больше не скажу ничего, кроме того, что здоров и — ваш допотопный, самый что ни на есть допотопный.

Шопен.

[1]) Почтовый штемпель: 23 сентября 1844.

[2]) Антенор Жоли, издатель „Courier français“ и „Эпохи“, у которого Жорж Санд печатала многие свои произведения, как например „Чортову лужу“, „Лукрецию Флориани“ и др.

Я не забуду ни одного поручения. Я иду к княгине [1]). Поцелуйте за меня ваших дорогих ребят [fanfi]. Чарто[рижский] с Гржималой [кланяются].

[Рукою Гржималы:]

Припадаю к вашим стопам. Вчера я написал длинное письмо, которое только Шопен мог бы прочесть и перевести с нашего сарматского французского на французский академический [неразборчивое слово]. Напишите мне словечко, прошу вас. Княгиня больна. Погода прекрасная, надеюсь, что ваша поездка удалась.

(402)

196. Шопен М-ль де-Розьер.

Ноган, 22 октября [1844].

Вот еще письмо в Варшаву. Я злоупотребляю вашей добротой. Все это я вам скажу лучше на словах. Моя сестра писала мне очень наспех и просила сказать вам, как она вас любит, и что она вам напишет. Она посылает своего сына в школу. А вы посылаете меня наверное к чорту, потому что я надоедаю вам своей корреспонденцией. Это не помешает мне просить вас еще раз,— е с л и вы увидите Франкомма, будьте любезны ему сказать, чтобы он мне написал, получил ли он рукописи для Лео (то есть письмо). Пожалуйста будьте здоровы. Здесь себя чувствуют не плохо, но главным образом не в смысле здоровья. В будущем месяце буду иметь честь засвидетельствовать вам свое почтение лично. А пока соблаговолите пожалуйста принять все то, что говорится в конце письма, когда имеется под руками книга с эпистолярными образцами.

Ш.

Никто из остальных вам не пишет. Вас целуют и ждут от вас известий.

(403)

197. Шопен М-ль де-Розьер.

Ноган, 31 октября 1844 [2]).

Давно я не сообщал вам известий об нас, потому что думал, что скоро вас увижу. Но так как планы изменились, я вам пишу еще два слова перед моим от'ездом в Париж и очень вас прошу взять на себя отправку письма к моей матери. Надеюсь, что вы совершенно поправились и что вы не поступаете, как донна Соль [3]), которой уже несколько дней как немного нездоровится. Она говорит, что скоро вам напишет.

[1]) Кн. Анна Чарторижская.

[2]) Почтовый штемпель: La Châtre, 3 nov. 1844.
Адрес: Mademoiselle Mademoiselle de Rozières, rue St. Lazare, Paris.

[3]) Соланж.

Будьте добры, сообщите пожалуйста портье дома № 9, что через несколько дней я буду в Париже. Закажите также пожалуйста сейчас же у Перрише пару занавесок из гладкой кисеи для моего салона, если мои слишком поношены. Будете ли вы настолько добры, чтобы в этом удостовериться? Примите заранее мою благодарность. До скорого свидания, надеюсь.

III.

Моя сестра пишет мне в своих письмах тысячу нежностей для вас, а вы забавляйтесь Бахом для меня.

(404) **198. Шопен своим родным.**

Ноган, 31 октября 1844.

Для Людвики.

Моя дорогая!

Вот вы и вместе наконец. Я получил оба твои письма, из Вены и из Кракова. Пани Мюллер [1]) писала мне, что она счастлива, что познакомилась с тобой. Добрая душа, неправда ли? Шашкова тоже. Жаль, что пани Диллер и Дессауэр [2]) не были там. Если пани Мюллер приедет в Париж теперь, то ей придется ждать меня некоторое время, потому что я пробуду здесь вероятно еще несколько недель. Листья еще не совсем опали, только сильно пожелтели, погода с неделю стоит хорошая, чем пользуется хозяйка дома для различных починок и поправки двора, где танцовали, если ты помнишь. Там будет сделана зеленая лужайка и клумбы. Есть также проект из биллиардной напротив двери, ведущей в столовую, пробить дверь в так называемую оранжерею, которую собираются перестроить. Твое краковское письмо пришло очень кстати. Из него я не узнал, получила ли ты несколько слов для пани Скарбек в письме, посланном мною в Краков? Не забудь написать мне об этом. Твои дети тоже уж верно выздоровели. Напиши мне также про Доминика [3]) и про руку Тита [4]). Соланж нынче немного нездоровится. Она просит передать тебе сердечный поклон. Ее брат (вежливость не присуща его натуре, поэтому не удивляйся, что он ничего не просит передать через меня твоему мужу за ту машинку для сигар) едет в будущем месяце на несколько недель к своему отцу и, чтобы не соскучиться, берет с собой дядю.

[1]) Фредерика Мюллер, венка, одна из лучших учениц Шопена, вышедшая позже замуж за фабриканта роялей Штрейхера.

[2]) Иосиф Дессауэр был посредником между Шопеном и венскими музыкальными издателями.

[3]) Доминик Дзевановский, друг юности Шопена.

[4]) Тит Войцеховский, один из ближайших друзей Шопена.

Отвезенная мною (в Париж) рукопись еще не напечатана, и может быть из-за этого возникнет процесс. Если так случится, то здесь это принесет только большую пользу, несмотря на причиненные этим мимолетные неприятности [1]). Помнишь ли ты, как во время поездки в Вик (по дороге в Châteauroux), хозяйка дома заставила нас остановиться, чтобы навестить одну больную женщину? Ее нельзя было спасти, и несколько дней тому назад ее похоронили здесь на кладбище около сада под громкие вопли ее дочерей. И той, которую навещала Соланж, также нет уже больше в живых. Помнишь ли ты, как однажды в Париже на площади около колонны я вышел из экипажа и отправился в министерство финансов по делу к одному очень старому здешнему другу? На другой день он пришел ко мне. Это был уважаемый и самый старый друг родителей хозяйки дома. Он присутствовал при ее рождении, похоронил ее мать и действительно принадлежал к семье. Недавно, возвращаясь с обеда от одного приятеля депутата, он упал с лестницы и через несколько часов умер. Здесь это был большой удар, потому что они его чрезвычайно любили. Одним словом, со времени нашего свидания было больше горя, чем радости. Панна де-Розьер в каждом письме пишет о тебе с большой tendresse [2]). Мое нынешнее письмо пойдет через ее руки, и я передам ей от тебя много комплиментов, потому что она этого заслуживает. Неправда ли, она была очень услужлива? Скажи Новаковскому [3]), что я люблю его по-старому. Его квинтета я еще не знаю, но велел его себе прислать. Пусть он мне когда-нибудь напишет. Милый Франкомм и его жена написали мне о тебе необычайно сердечно.

Так как я с моим Яном [4]) приеду в Париж на несколько дней раньше хозяйки дома, то тебе нечего беспокоиться ни о каких валиках, подушках и т. п. вещах. Все в доме надо будет, как следует, чистить и устраивать, как обыкновенно на зиму. Сообщи мне номер твоего дома. Обними детей и мужа.

Твой старый.

Хозяйка дома обнимает тебя. Ты знаешь, как они тебя любят, потому что тебе писали [5]). Медведь пошел здесь в гору [?].

[1]) Здесь очивидно идет речь о какой-то рукописи Жорж Санд и об ее делах с издателями.

[2]) Нежностью.

[3]) Иосиф Новаковский, польский пианист и композитор, друг юности Шопена. Подробности об его пребывании в Париже находятся в дальнейших письмах.

[4]) Поляк, слуга Шопена, о котором будет еще речь в дальнейших письмах.

[5]) Шопен часто пишет о Жорж Санд во множественном числе.

199. Шопен М-ль де-Розьер.

Четверг утром. [Ноган, 14 ноября 1844] [1]).

Так как вы желали, чтобы я вас предупредил о своем приезде, то я спешу вам сообщить, что буду иметь удовольствие приветствовать вас в Париже в воскресенье (в половине первого, я думаю). Меня привезет дилижанс из Буржа, Lafitte et Comp. St. Honoré. Я наверное не знаю, в котором часу приходят эти кареты, но будьте добры, прикажите днем у меня затопить и попросите м-м Дюран сделать для меня исключение и в воскресенье придти ко мне после часу. Заранее благодарю вас за все это и на этот раз говорю вам до свидания.

Привет, привет, привет.

Ш.

Четверг утром.

Здесь все хорошо, и погода прекрасная.

200. Шопен М-ль де-Розьер.

Четверг, 21 [ноября 1844. Ноган] [2]).

[Почтовая бумага с буквами Ж. С.]

В понедельник или во вторник вечером я вас поблагодарю лично за всю вашу любезность. Письмо из Валансьенна действительно от моего соотечественника. В обмен я посылаю вам письмо Людвики, а свои комплименты приберегаю к своему приезду. Итак, до понедельника или вторника.

Ш.

Здесь все хорошо. Поедут вскоре после меня. Вам передают тысячи приветствий.

201. Шопен Жорж Санд в Ла-Шатр, замок Ноган.

Понедельник 3 часа, [Париж, 2 декабря 1844].

Что-то у вас делается? Я только что получил ваше превосходное письмо. Здесь идет такой снег, что я очень рад, что вы не в дороге и упрекаю себя, что быть может внушил вам мысль поехать на почтовых по этой погоде. В Солонье вероятно очень скверно, потому что снег идет со вчерашнего утра. Ваше решение выждать несколько дней кажется мне наилучшим, и у меня будет больше времени натопить ваши комнаты. Главное, не следует вам пускаться в дорогу, ожидая

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 14 nov. (1844).
Адрес: Mademoiselle Mademoiselle de Rozières, rue St. Lazare, 49, Paris.

[2]) У Гёзика почему то „20-е", хотя в четверг 1844 г. было 21-е, а не 20-е ноября.

впереди страдания. Ян все ваши цветы взял в кухню. Ваш садик весь в белых цветах [boules de neige], в сахаре, в лебяжьем пуху, в горностае, в сметане, в руках Соланж и зубах Мориса. Печники только что пришли, потому что вчера я не решался слишком много топить без них. Ваше платье будет из черного левантина, лучше чего не может быть. Я его выбрал по вашему приказанию. Портниха унесла его со всеми вашими указаниями. Она нашла, что материя очень хороша, простая, но хорошо носится и изящна. Я думаю, что вы будете довольны. Портниха мне показалась очень толковой. Материя была выбрана из десятка других. Она по 9 франков за метр, так что самого лучшего качества. Кажется, она будет превосходна; все было обдумано, предусмотрено с портнихой, которая хочет постараться.

Здесь пришло много писем на ваше имя. Я посылаю вам одно, которое кажется от старушки Гарсия. Есть еще одно из колоний, одно из Пруссии — „Г-же Дюдеван, урожденной Франкейль", которые я переслал бы вам сегодня, если бы они не были так велики. Если же вы хотите, я перешлю их. Целая масса газет и журналов („Мастерская", „Общественное благо", „Дьявол"), несколько книг, несколько визитных карточек, в том числе одна от г. Мартен. Вчера я обедал у Франкомма. Из-за дурной погоды я вышел из дому лишь в 4 часа, а вечером был у м-м Марлиани. Сегодня я буду обедать у нее с Леру, как она сказала, если заседание суда по делу его брата, которое будет слушаться сегодня, рано кончится [1]). Я нашел всех Марлиани здоровыми, если не считать насморка. Я еще не видал ни Гржималы, ни Плейеля,— было ведь воскресенье. Сегодня я надеюсь пойти их повидать, если снег немного перестанет. Берегите себя, не утомляйтесь слишком укладкой. До завтра — до нового письма, если позволите.

Ваш более чем когда-либо старый, и весьма, и чрезвычайно, и невероятно старый *Ш.*

И вот и все.

Вашим детям [привет].

Франкомм провел утро со мною. Он очень добр ко мне. Он припадает к вашим ногам.

Я сейчас получил письмо, которое, как мне кажется, от Делатуша, и я прилагаю его.

202. Шопен Жорж Санд.

Четверг, 3 часа, [Париж, 5 декабря 1844.]

Я только что получил ваше отличнейшее письмо и вижу, что вас совсем изводят ваши запаздывания. Но ради ваших друзей имейте

[1]) Дело Ашиля Леру слушалось в начале декабря 1844.

терпенье, потому что право все мы будем огорчены, узнав, что вы в дороге по такой погоде, да еще не вполне здоровая. Я бы хотел, чтобы вы как можно дольше не получали мест, чтобы стало не так холодно. Здесь — нечто невероятное; все говорят, что зима слишком внезапно наступила. Все, т. е. Дюран и Франкомм, которого я уже видел нынче утром, у которого вчера обедал у камина в своем толстом сюртуке и возле его толстого мальчика. Он был розовый, свежий, теплый и с голыми ножками. Я был желтый, увядший, озябший и с тремя фланелями под штанами. Я пообещал ему от вас шоколаду. Вы и шоколад—теперь для него синонимы. Мне кажется, что ваши волосы, о которых он говорит, что они такие черные, теперь сделались в его воспоминании шоколадными. Он ужасно уморительный, и я его особенно люблю. Я лег спать в половине одиннадцатаго. Но спал не так крепко, как в ночь после железной дороги.

Как мне досадно, что ваши насаждения окончены. Мне хотелось бы, чтобы вам приходилось что-нибудь делать на воздухе и в деревянных башмаках, потому что здесь, несмотря на то, что холодно и скользко, погода прекрасная. Небо ясное и затуманивается лишь для того, чтобы выпало немного снегу. Я написал Гржимале; он мне написал, но мы еще не видались. Однако, я был у него, но его невозможно застать. Я, как всегда, выйду, чтобы снести это письмо к бирже, а перед тем, как итти обедать к м-ль де-Розьер, зайду к м-м Марлиани, которую не видал ни вчера, ни третьего дня. Я не был также у г-жи Дорибо, потому что у меня не было хорошего костюма, вследствие чего я не делаю ненужных визитов. Мои уроки еще не начались. Во-первых, я только что получил фортепиано и только одно. Во-вторых, еще не очень-то знают, что я приехал, и лишь сегодня у меня было несколько деловых посетителей. Это мало-по-малу придет, я не беспокоюсь об этом. Но я беспокоюсь, зная что вы иногда нетерпеливы, и я кладу свой нос к вашим ножкам, чтобы умолять вас вооружиться маленьким снисхождением к извощикам, которые не привозят вам ответа из Шатору, и к тому подобным вещам. До завтра. Я посылаю вам письмо, чтобы еще лучше вас разбудить. Я представляю себе, что утро и что вы в своем капоте, окруженная вашими милыми детьми, которых я прошу очень поцеловать за меня и также дозволить мне склониться к вашим ногам. Я слишком ленив, чтобы справиться в Буасте насчет орфографических ошибок.

Ваш мумически (от мумии) старый *Ш.*

Ян в эту минуту убирает гостинную. Он очень занят зеркалами копается!

[Над первой страницей приписано:]

Не страдайте, не страдайте!

(413)

203. Шопен М-ль де-Розьер.

[Париж].

Если вы ленитесь, это дурно, и я вас разбраню нынче утром, но в 1½ ч. вместо часу, если позволите, и в № 5. Я думаю, что не смогу выйти по этой гололедке. Здесь спят, иначе вам передали бы тысячу нежностей. До скорого.

Ш.

(414)

204. Шопен гр. А. Гржимале [1]).

Мой милый,

Завтра, в четверг у меня в 5¾ или в 6, в золоченом кафе (de la cité) в кабинете. Потом пойдем к пани Марл. [2]).

Что касается утренней звезды [3]), то вчера была большая мгла [4]). Нынче я жду солнца и перед вечером пошлю тебе словечко.

Да хранит тебя бог под своим покровом.

Твой старый *Фр.*

Среда утром.

(416)

205. Шопен гр. А. Гржимале [5]).

Отложено на понедельник. Нынче я не мог выехать. Здесь княжна Марцеллина и Адамова [6]). Приди, если можешь, к моему скудному обеду.

Ш.

(459) Op 53

206. Шопен гр. А. Гржимале.

Моя жизнь!

Напоминаю тебе о билете в зал депутатов для моего честного Гутмана (Игнаца Гутмана) [7]). Если пройдешь по моей улице, не минуй моих дверей.

Твой до смерти *Ш.*

Пятница.

Посылаю тебе словечко кн. Голицыной. Приписка для тебя.

---

[1]) Точно определить даты этой и следующих записок к Альберту Гржимале невозможно. Их следует отнести к периоду времени между 1844—1847 годами, когда Шопен жил возле Square d'Orléans в ближайшем соседстве с Жорж Санд и м-м Марлиани, у которой столовался. В это время он часто встречался с кн. Марцеллиной Чарторижской.

[2]) Марлиани.

[3]) Шопен подразумевает Жорж Санд, имя которой было Аврора.

[4]) Т. е. плохое расположение духа.

[5]) Эта записка написана карандашем на карточке Гржималы, который, условившись с Шопеном итти на какое-то собрание и не дождавшись его, написал: „Мой дорогой! Жду тебя, одет, готовый к твоему зову, Альберт". На обратной стороне адрес рукой Гржималы: Place d'Orléans, 9, Monsieur Monsieur Chopin.

[6]) Жена князя Адама Чарторижского.

[7]) Игнац Гутман, пианист, любимый ученик Шопена.

207. Шопен гр. А. Гржимале.

Моя жизнь!

Думал, что от Пиллэ и распечатал, а это—не знаю что. Только что принесли.

Ш.

Жду доктора, который не едет [1]).

208. Шопен гр. А. Гржимале.

Болен, как собака, поэтому не был у тебя. Я знаю, что ты теперь беспрерывно на острове [2]) из-за бала. Завтра утром до 10 я отошлю тебе остаток непроданных билетов [3]). А если буду в состоянии, то поеду на бал. Из Ногана приезжают [4]) в субботу вечером, вероятно к обеду. Итак, если не завтра, то после-завтра мы увидимся.

Попроси свою честную сиделку прислать мне халат, если она его исправила.

Сердечно тебя обнимаю.

Ш.

Четверг вечером.

209. Шопен гр. А. Гржимале.

Моя жизнь!

M. Lucas прислал через Louis Blanc пани Санд ложу на сегодня. А так как она хочет взять с собой в ложу свою кузину [5]), то позволь мне придти к тебе на 3-й акт. Два первые я проведу около камина [6]).

Сердечно тебя обнимаю.

Твой старый *Ш.*

Номер ее ложи 6-й в первом ярусе.

210. Шопен гр. А. Гржимале.

Только что написал адрес и запечатал, когда пришло твое письмо, чтобы не ставить твоего имени. Что касается Плихты [7]), то она у меня будет (и я у нее, если смогу). Однако, ты знаешь, что я теперь совсем

[1]) На обратной стороне этого письма адрес, написанный рукой Шопена: „C-te Albert G.“ Ниже другим почерком: „Monsieur Monsieur Chopin en ville“.

[2]) Шопен говорит об „Hôtel Lambert“, расположенном на острове St. Louis, где жил кн. Адам Чарторижский, и где собирались все выдающиеся польские эмигранты Парижа.

[3]) Здесь вероятно идет речь о билетах на этот бал.

[4]) Жорж Санд с семьей.

[5]) Августина Бро.

[6]) Так у Гуттри. У Гёзика здесь—„около Корвина“ (?) („przy Korwinie“).

[7]) Жена политического деятеля, Андрея Плихты.

не могу на себя рассчитывать. Она вероятно использует остальное время в Париже иначе, чем на такие визиты, как ко мне. Впрочем, может быть мы и не встретимся, поэтому лучше всего, чтобы ты ей самой (а не сыну через нее) точно написал, что сказать сыну, или же точно написал мне (потому что из твоего последнего письма я не понял, что сказать Плихте). Итак, напиши мне, точно вдолбив в голову, без обиняков, что Плихта должна сказать и сделать. И я сейчас же ей напишу, если не смогу выехать. Только торопись.

Твой *Ш.*

211. Шопен гр. А. Гржимале.

В 5 часов видел княгиню [1]), которая велела тебе передать, что не могла исполнить тех поручений, какие имела нынче между 5-ю и 6-ю, а надеется сделать их завтра. Я не мог к тебе притти, потому что Влад[ислав] Платер „платеризировал“ меня до сих пор мазуркой, которая должна быть сыграна на балу [2]). Теперь обед, а потом несколько вечеров ждут меня, несчастного.

Итак, до будущего, лучшего, чем этот, года.

Ш.

212. Шопен гр. А. Гржимале.

8 июля, [Ноган, 1845.] [3])

Жизнь моя!

Я знаю из письма Лео, который писал мне по поводу моего берлинского издателя и упоминал о тебе, что ты здоров, и вижу, что ты все такой же любимый даже теми, кто тебя недавно знает. Верно ты в мыслях все еще витаешь над Рейном, если не по горло в делах. Однако, несмотря на это, напиши нам словечко о себе, можно ли тебя сюда ожидать и когда? А в деревне сейчас хорошо, не так как несколько недель тому назад. Тут были большие бури и ливни. Реки и даже маленькие ручейки разлились чрезвычайно. Старожилы не запомнят подобного половодья. Мельницы разрушены, мосты сорваны. Виардо [4]), который приехал сюда за женой недели две тому назад, вернулся из-за опасности обратно в Париж один, и только несколько дней назад Сузанна отвезла его жену. Я не писал с ними, но просил Сузанну зайти к тебе и узнать, как ты поживаешь. Изобрети же,

[1]) Вероятно жену Адама Чарторижского.

[2]) Вероятно на балу в „Hôtel Lambert“ в пользу польских эмигрантов.

[3]) Год этого письма у Гёзика не указан, между тем как упоминание о наводнении с полной достоверностью позволяет отнести его к 1845 г. (см. письмо к родным № 213).

[4]) Муж знаменитой певицы Виардо-Гарсиа.

прошу тебя, какие-нибудь вакации для себя или, если можно, какие-нибудь дела в Château. Очень хорошо сделаешь и, между прочим, утешишь старого, всегда преданного тебе

Ш.

Князьям [1]) мое сердечное почтение. Тут все довольно здоровы. Пани Санд пишет новый роман.

213. Шопен своим родным.

Ноган, 20 июля 1845.

Мои дорогие,

Вот уже больше месяца, как мы здесь. С нами приехала пани Виардо [2]) и провела здесь три недели. Мы все совершенно здоровы, в деревне же всю зиму свирепствовала лихорадка. Муж Франциски (Людвика может быть помнит его) был почти всю зиму болен, но теперь уж опять на ногах. Теперь погода хорошая, но когда мы приехали было много гроз. Индр до такой степени вышел из берегов, что в Montgioray сад Шатирона (брата хозяйки дома) был весь залит и в доме была вода. Виардо, который приехал за женой, не мог ее проводить, так как дороги до самого Шатору были под водой, и невозможно было добраться также и туда, куда мы так часто ездили кататься и откуда такой прекрасный вид. Хотя это продолжалось недолго, но причинило много вреда лугам. Однако, тепер об этом уже забыли. Я не сотворен для деревни, но охотно наслаждаюсь свежим воздухом. Играю немного, потому что мой рояль расстроен, пишу еще меньше, поэтому и вы так давно ничего от меня не получали. Думаю, что вы все уж на даче, что Бартососко Антолоско [3]) о болезни не вспоминает, что Людвика следует советам Мариолина [4]) и не утомляется. Скажите ей, что я получил для нее, как автограф, рукопись того романа [5]), при чтении которого она присутствовала, что я видел Гутмана перед его от'ездом и поручил ему всех вас обнять, и что при от'езде он понравился мне гораздо больше. Право, он очень славный. Пусть милая Изабелла перестанет беспокоиться о здоровье своего мужа и отколотит Каласанти [6]), потому что он самый сильный и может выдержать такую комиссию. Очень странно мне здесь в этом году. По утрам я часто смотрю в соседнюю комнату, но не нахожу там никого. Иногда там живет кто-нибудь из знакомых, приезжающий на несколько дней. Поэтому я не пью больше шоколаду по утрам и переставил иначе

[1]) Семья князя Адама Чарторижского.
[2]) Полина Виардо-Гарсиа.
[3]) Антон Барцинский (Бартек).
[4]) Знаменитый французский хирург того времени.
[5]) Автограф романа Жорж Санд „La mâre au diable".
[6]) Каласанти Ендржеевич.

рояль: около стены—туда, где стоял диван со столиком, возле которого Людвика часто вышивала мои туфли, а хозяйка дома занималась какой-нибудь другой работой. По середине стоит мой письменный стол, на котором я пишу, налево лежит несколько моих рукописей, Тьер и стихотворения... направо—Керубини. Передо мною те часы с репетицией, что вы мне прислали (сейчас 4 часа), розы, гвоздики, перья и кусочек сургуча еще от Каласанти.

Я все время одной ногой с вами, другой — в соседней комнате, где работает хозяйка дома, а в данный момент нахожусь совсем не у себя, а по обыкновению в совершенно ином, удивительном месте. Это вероятно те самые „espaces imaginaires" [1]), но я совсем этого не стыжусь. Есть у нас пословица: „в имажинации дошел до коронации", я же—настоящий слепой мазур. Все же, не загадывая далеко, я сочинил три мазурки [2]), которые вероятно выйдут в Берлине, потому что меня об этом просит хороший знакомый, милый юноша и образованный музыкант по имени Штерн, отец которого основывает музыкальное издательство. Недавно я получил приглашение от комитета, который в Бонне на Рейне сооружает памятник Бетховену, приехать на его открытие. Вы можете судить—поеду ли я туда. Однако, если бы вы были где-нибудь там поблизости, может быть я бы и тронулся отсюда. Но это все относится к будущему году. Не знаю, писал ли я вам о том, что княгиня Обрезкова, очень любящая музыку и всем сердцем преданная мне, заедет к вам этой осенью во время своего путешествия и возвращаясь обратно, привезет сюда в своем экипаже мамочку, а будущей весной за ней должны приехать дочери, зятья и внучата. Право, эта дама необыкновенно любезна по отношению ко мне и в высшей степени искренна. Впрочем, я уж наверное писал вам и раньше о ее любезности ко мне. Но, признаюсь вам, ее милые проекты очень меня позабавили. Если ее увидите, будьте поэтому с ней любезны, так как у меня есть много доказательств ее доброты, и я люблю ее очень. Она большая любительница музыки. Ее дочь, княгиня Сутцо, моя ученица. Словом, она очень почтенная дама (хотя наружно немного слишком жива).

Виардо тоже говорила мне, что собирается вас навестить, проезжая через ваш город. Она мне пела здесь сочиненную ею в прошлом году в Вене испанскую песенку и обещала мне спеть ее также и вам. Мне она очень нравится, и я сомневаюсь, чтобы можно было сочинить или услыхать что-нибудь лучшее в этом роде. Эта песенка соединит вас со мной. Я слушал ее всегда с большим восторгом.

[1]) Мечты.
[2]) 3 мазурки: a-moll, As-dur и fis-moll, op. 59, вышедшие у Штерна и К⁰ в конце 1845 года.

Моя соната и „Berceuse“ уже вышли. По поводу Berceuse мне приходит в голову мысль об особе [1]), которую желала себе Людвика; хотя это и трудная вещь, но не невозможная. Я не раз уже справлялся, и может быть что-нибудь и найдется.

Что вам рассказать еще о Париже? Перед моим от'ездом пани Гофман чувствовала себя очень плохо, так что за нее серьезно боялись. Надеюсь однако, что ей лучше, потому что Альберт [2]) ничего мне об этом не писал. Он мне сообщил только про одно дело, о котором сообщалось и в газетах, не называя имен,—именно об Викторе Гюго, с которым две недели тому назад произошла следующая история: у Mr. Billard (художника исторической живописи не слишком известного), очень некрасивого, была красивая жена, которой Гюго вскружил голову. Mr. Billard застал свою жену с поэтом и в таком виде, что Гюго должен был показать медаль пэра Франции, чтобы избежать ареста. Mr. Billard хотел возбудить против своей жены процесс, но ограничился простым разводом. Гюго неожиданно уехал на несколько месяцев путешествовать. М-м Гюго (какое великодушие!) взяла M-me Billard под свое покровительство, в то время как Джульетта — известная 10 лет назад актриса театра Porte St. Martin и живущая с Гюго, несмотря на пани Гюго, его детей и стихи о семейной морали,—так вот эта Джульетта уехала вместе с ним. Парижские язычки довольны, что у них опять есть пища. И действительно—это чрезвычайно забавная история. Подумайте только, что Гюго уже под пятьдесят и что он при каждом удобном случае, по всякому поводу разыгрывает благородство и возвышенность перед светом!

Доницетти приехал в Париж, где должен провести лето и писать новую оперу. Это автор „Лючии“, „Дона Пасквале“, „Фаворитки“ и т. д. Ламартин с женой здесь в Нери,—близлежащий, в полдня пути курорт, тот, где жил Мери [3]), находящийся теперь верно у Присница, и от которого я давно не имел никаких известий. У нас в Шатору делаются большие приготовления к балу в честь графа Немура, который по дороге в Бордо проедет здесь со своей женой. „Les sauvages indiens“ (Ioways) [4]) уже уехали из Гавра на пароходе „Le Versailles“. Жена одного из них, Shin-ta-yi-ga, „petit loup“, которую звали по-индейски Oke-wi-mi, что по-французски значит „l'ours femelle, qui marche sur le dos d'une autre“ [5]) умерла (бедное создание!) от „du mal du pays“ [6]). Ей поставят на Монмартре (там же, где похоронен и Ясь) [7]) памятник

[1]) Речь идет вероятно о бонне для детей Людвики.
[2]) Альберт Гржимала.
[3]) Прозвище известного польского поэта Стефана Витвицкого, дружного с Шопеном.
[4]) Дикие индейцы.
[5]) Медведица, ходящая на спине другой.
[6]) Тоски по родине.
[7]) Ян Матушинский, один из самых близких друзей Шопена, умерший в 1842 году от чахотки, смерть которого Шопен пережил очень тяжело.

Незадолго до смерти ее крестили, и похороны ее происходили в церкви Маделен, в ее приходе. Памятник, кажется, необыкновенный сделан довольно известным скульптором Про и архитектором Лассю. Он из камня с вьющимися снизу до верху бронзовыми цветами, которые срывает какой-то фантом (как бы „le mal du pays“); кроме того, позолоченные бронзовые барельефы с видами ее „Montagnes rocheuses“ [1]), берегов Миссури и т. д., ее тамошней жизни и — стихи Антона Deschamps.

Надеюсь, что я сообщил вам новости. Скажите Бартеку, что электромагнитный телеграф между Вашингтоном и Балтиморой дает поразительные результаты. Поручения, которые даются в Балтиморе в 1 час пополудни, часто уже в 3 часа приведены в исполнение, так что товары и пакеты лежат уже готовые к отправке из Вашингтона, и маленькие пакеты, заказанные в $4^1/_2$ часа, доставляются с 5 часовым поездом в $7^1/_2$ часов из Вашингтона в Балтимору. 75 английских или 25 французских миль—довольно скоро, надеюсь!!

Уж год прошел, как мы виделись с Ендржеевичами; это также улетучилось, как по проволоке электрического телеграфа. — Если мое письмо не двигается с места, то это потому, что я каждый день пишу только несколько строчек. Вчера мне помешала Соланж, с которой я должен был играть в 4 руки. Нынче помешали опять, позвав посмотреть, как рубят одно из деревьев около павильона, где жил Шень, в саду около улицы, где выходили из экипажа Ендржеевичи. Это дерево совершенно замерзло, и поэтому его надо было срубить. Я получил из Парижа письма от Франкомма и от панны де-Розьер, которая наблюдает за моей квартирой. Франкомм мне пишет, что Габенек [2]) едет на открытие памятника в Бонн, и что Лист сочинил кантату, которую будут петь под его управлением. Шпор будет дирижировать большим концертом, который состоится вечером. Торжества продолжатся три дня.

A propos, о памятниках! Лесюеру (музыканту) также поставят памятник в его родном городе, Аббевилле. Лесюер был капельмейстером Наполеона (membre de l'Institut) и профессором консерватории. Пан Эльснер знал его хорошо, он дал мне письмо к нему, когда я ехал в Париж. Лесюер был очень достойный и образованный человек. Он умер приблизительно лет 10 назад (раньше Паэра и Керубини), не достигнув глубокой старости.

Если уж зашла речь о памятниках, то через несколько дней будет готова статуя на коне герцогу Орлеанскому, который умер, выскакивая из экипажа. Ее сооружают на площади Лувра из алжирской бронзы, и барельефы из нее же. Это произведение Марокетти, одного из известнейших здешних скульпторов. Несмотря на итальянское имя, Марокетти француз; у него большой талант. Все подобного рода ответ-

[1]) Скалистые горы.
[2]) Дирижер парижской оперы.

ственные работы поручены ему. Статуя повернута к Тюльери. Один из барельефов изображает взятие Антверпена, другой—эпизод из Алжира. A propos, о статуях! Около государственного магазина, торгующего мрамором, недалеко от Champ de Mars, где бросают мраморные обломки от различных памятников, дождь подмыл некоторые обломки, и один из надзирателей заметил между ними руку какой-то статуи, которая высовывалась из прочих камней, как бы протестуя против своей участи. Он докончил то, что начала вода, убрал прочь сваленные обломки и нашел греческую мраморную статую Геркулеса, „arretant la chèvre d'Amalthée“ [1]), антик очень хорошей работы. Козы не достает, налицо только рога. Очень интересный сюжет, известный только по нескольким „pièrres gravées“ [2]). По постановлению собравшейся комиссии, состоявшей из г.г. Летронна, Леба (того самого, который поправил обелиск) и т. д. эта статуя была сейчас же поставлена „au Palais des Beaux Arts“ [3]), там где я в прошлом году покинул Ендржеевичей и, вернувшись, нашел их в том самом зале, где находится полукруглая фреска Деларош, изображающая всех знаменитых художников различных времен—помнят ли они это?

В четвертый раз сажусь к письменному столу и надеюсь на этот раз кончить письмо. Со времени начала этого письма у погоды было время испортиться, и нынче идет дождь. Можно надеяться, что для парижских празднеств этого месяца будет хорошая погода. Теперь не будет так, как в прошлом году при Ендржеевичах, так как иллюминация состоится. Спекулянты человеческого веселья [humor] выдумали теперь новые фокусы для Сены. Приготовлено несколько красиво декорированных кораблей и гондол вроде венецианских, на которых по вечерам катаются. Эта новость нравится бульварной публике и кажется (я не видал еще этого) много народу развлекается на воде. Елисейские поля на этот раз будут иллюминованы меньше, за то все великолепие плошек, фейерверк, водяные фонтаны, множество состязующихся лодок и т. д., и т. д. будет на набережной. В выдумках недостатка не будет, также как и в мерах предосторожности, чтобы было как можно меньше несчастных случаев. Как можно меньше, потому что не бывает, чтобы по меньшей мере несколько человек не утонуло или не задохлось от давки среди любопытных на берегу. Впрочем, Каласанти и его жена наверное вспомнят, какая царила давка в эти дни. Люди однако так глупы, что чем больше давка, тем будто бы больше веселья.

Сейчас на дворе страшная гроза—в кухне тоже. Что происходит снаружи—видно, а то, что в кухне, осталось бы мне совсем неизвестным, если бы Сузанна не пришла ко мне с жалобами на Яна, который

[1]) Останавливающего козу Амальтею (миф о козе Амальтее, питавшей Зевса).
[2]) Изображения, выгравированные на камне.
[3]) Дворец изящных искусств.

наговорил ей по-французски всяких „любезностей“ за то, что она взяла у него со стола нож. Людвика и ее муж знают французский язык Яна и поэтому отлично могут себе представить, как он мило выражается, например: „laide comme cochon“, „bouche comme derrière“ или еще лучше. Я не знаю, помните ли вы, как на вопрос, есть ли еще дрова, он отвечает: „il est sorti“, а на вопрос, дома ли Сузанна: „il n'y a pas“. Они часто друг с другом бранятся, и так как служанка пани Санд очень грациозна и ловка, то очень возможно, что для восстановления мира мне придется отпустить Яна. Это мне, конечно, тяжело, так как я не выношу перемены персонала. К несчастью, Ян не нравится здесь и детям, а он честный и пунктуально и хорошо делает свое дело.

Пора итти обедать. Я бы написал еще больше, но хочу непременно отправить это письмо нынче. Оно пойдет к панне де-Розьер, которая сама снесет его на почту. Я пишу ей, чтобы она прислала мне, если есть что-нибудь от вас. Я не беспокоюсь, потому что знаю, что теперь время, когда одни уезжают налево, другие направо или по крайней мере строят различные планы. Все-таки я вас очень прошу, уговорите маму поехать в деревню, а Бартека — хорошенько отдохнуть. Дай бог, чтобы все Людвикины дети были здоровы. Пусть только Каласанти не обучает их тому, чему обучал здесь Мориса, который все твердит разные прекрасные выражения [1]).

Пусть Изабелла, как самая энергичная, следит, чтобы милая Людвика не слишком утомлялась. Я и Изабелла блондины, поэтому мы очень заботимся о шатенках. Обнимите всех знакомых, начиная с соседей и кончая шлагбаумами, если вы еще в городе. Итак: Фридриха, Эльснера, Новака, Белза, Тита и всевозможные создания женского пола. Вчера я очень хорошо видел во сне пани Козубовску. Часто думаю о пани Лютынской, потому что мне о ней говорили много хорошего в прошлом году. Сердечно обнимаю дорогую мамочку и всех вас.

Ш.

В случае, если увидите Доминика [2]), или пани Людвику, или Юлия и его жену, напомните им обо мне.

Хозяйка дома работает. Не отрываю ее из-за нескольких строк для Людвики, но заранее знаю, что она ее сердечно приветствует. Но как раз в эту минуту она прервала свою работу и шлет Людвике несколько слов. До свидания, мои милые!

20 июля 1845.

В будущем месяце Людвикины имянины!

Историйка à propos Hugo, для Каласанти:

[1]) В оригинале следует несколько неприличных польских выражений.
[2]) Дзевановский, товарищ Шопена.

Одна из тех пани, которая, говоря о скачках, захотела увидать „six petites chaises“ (steeple chaise) [1] — пусть Бартек скажет вам по-английски, — это то, что здесь называют „une course au clocher“; я не знаю, есть ли у нас такое выражение, это — скачки прямо к цели через изгороди и канавы и тому подобные „obstacles“, — так вот одна из этих пани, говоря о ком-то, с кем случилось то же, что с Гюго, сказала: „qu'il a été trouvé flagrant dans le lit“ (en flagrant délit). Если ему эта историйка известна, то пусть простит ради доброго намерения и довольствуется той пани, которая непременно хотела знать: „ce que c'est que ce tabac du père Golèze“ (Stabat de Pergolese). Но это вероятно еще старей. Новее та пани, которая, нанимая квартиру, просила хозяина о том, чтобы „faire peindre le nombril“ (вместо „lambris“),[2] потому что он грязный. En tout cas, пусть он вспомнит, что Готфрид потому назывался Бульонским, „parcequ'il a été le capitaine le plus consommé de son temps“ [3].

214. Шопен М-ль де-Розьер.

Понедельник, [Ноган, 21 июля 1845.]

Милая м-ль де-Розьер! Вот мое письмо в Варшаву, которое я вам поручаю. Что же касается того мнимого письма от моих, которое вы думали, что я получил, представьте себе, что это толстое письмо было из глубины Австрии. И все это для того, чтобы передать какому-то г. Микули [4] то другое письмо, которое я вам посылаю. М-м Этьен знает его адрес. Попросите ее отнести ему и взять расписку (возможно, что письмо важное). Как только получу словечко от Людвики, сейчас же пошлю его вам. Все, что вы сделаете с м-м Бетюон, будет очень хорошо. Не заставляйте ее однако возвращаться к вещам, которые она уже играла, по крайней мере если это не очень необходимо. Заранее благодарю за всю вашу доброту.

Ш.

Не будете ли вы так добры сообщить мне, когда Франкомм уедет из Парижа, потому что я хотел бы послать ему мои бумаги, если это возможно.

[Приписка Жорж Санд:]

Дорогая милочка, мне некогда вам писать, но я вас целую. Соланж все больна. Она и Августина тоже целуют вас.

[1]) Скачка с препятствиями.

[2]) Le nombril, — пупок, le lambris — обшивка.

[3]) Consommé — совершенный, законченный, также — крепкий бульон. Тут непереводимая игра слов.

[4]) Микули, Карл (1821—1897), пианист, ученик Шопена, позже редактор его сочинений.

215. Шопен своим родным.

Глупо всегда оканчивать письмо не в тот день, когда оно начато. Письмо это пишется дней пять.

Ноган, [начало августа 1845] [1].

Мои дорогие, ваше письмо, в котором вы сообщаете мне об от'езде мамы и Барцинских, пришло ко мне вчера из Парижа. Около 10 дней тому назад я послал отсюда в Париж через панну де-Розьер письмо, адресованное маме на „Новый Свет“ [2]. Надеюсь, что Зузе поручили получить мое письмо, если же нет, то знайте, что к вам пошло отсюда гораздо более подробное письмо, чем настоящее, в котором я пишу мало, так как в том исчерпал все новости. Вы найдете в нем также несколько слов для Людвики от моей хозяйки дома. С этим письмом я посылаю в Париж письмо Людвики к панне де-Розьер, на которое она наверное ответит, потому что она любит писать, хотя часто и не имеет темы. Но это очень приятный недостаток, и я жалею, что не обладаю этим уменьем. Очень рад, что половина из вас отправилась в деревню, и что Генрик также [3]) на свежем воздухе. Жаль только, что нельзя было устроить, чтобы и вы тоже поехали. Я убежден, что одной из причин этого является прошлогоднее путешествие, и не могу перестать упрекать себя за это. Однако, ведь и вы имеете приятные воспоминания; поэтому будем утешаться тем, что было, и надеяться, что мы опять увидимся еще до окончания железной дороги, и что Каласанти будет чесаться, искусанный „rougets“, которых в этом году меньше. Существует гипотеза, что в прошлом году они слишком об'елись Каласанти и все подохли. У вас жара, и здесь также несколько дней назад было необыкновенно жарко, теперь же часто идет дождь и ждут перемены погоды для жатвы, которая будет в этом году, хотя и обильная, но поздняя. В прошлое воскресенье здесь был праздник св. Анны, здешней патронессы. Так как на дворе в этом году цветы и деревья, то танцы происходили на лужайке перед церковью. Вы помните деревенский праздник в Зарзай, поэтому я не буду вам напоминать ни о корнемузе [4]), ни о лавченках, ни также о танцорах всех сортов. Здесь было

[1]) Шарлит, Карлович и Гуттри относят это недатированное письмо к 1 октября 1845, что очевидно неправильно, судя по его содержанию. Шопен пишет, что около 10 дней назад послал письмо к матери (т. е. 20 июля), — что ждут перемены погоды для жатвы, которая не может быть в октябре. Затем, — что „в прошлое воскресенье был праздник св. Анны“, который празднуется у католиков 26 июля. Дальше, — что несколько недель назад умер Арто (20 июля 1845). Памятник Бетховену в Бонне, о сооружении которого Шопен упоминает, был уже открыт 12 августа 1845 г. Все эти соображения говорят за то, что письмо следует отнести к началу августа 1845 г., а не к октябрю.

[2]) Улица в Варшаве.

[3]) Генрик Ендржеевич, племянник Шопена, умерший в Париже в начале 1899 года.

[4]) Инструмент вроде волынки.

несколько знакомых в гостях, между ними Леру [1]), о котором спрашивала Людвика. Теперь он живет в Буссаке, в городишке в восьми милях отсюда в департаменте Крёзы, где, также как и в Саллиатре, есть супрефектура. В этом очень старом городке находится расположенный на Крёзе замок со старинными памятниками. По близости находятся камни друидов; окрестности славятся своей красотой. Там Леру имеет привилегию на типографию, в которой печатает журнал под названием „Eclaireur". Но эта типография функционирует не по его новому способу, потому что у Леру, как и у всех, есть свое „но", и именно то, что он вечно начинает и никогда ничего не доводит до конца. Если он пустит в ход какую-нибудь смелую идею—ему и достаточно. Точно также и с его новой машиной, которую он не докончил или недостаточно усовершенствовал. Хотя она и функционирует, но не довольно точно. Она уже стóит несколько десятков тысяч ему и его ближайшим друзьям (в особенности хозяину Коко) [2]), и кроме доброй воли и выдержки потребовала бы еще столько же, что в данный момент немыслимо. Тем не менее, эта штука существует, и вскоре за нее возьмется какой-нибудь эксплуататор, украсится чужими перьями и выведет ее в свет. Уже находились и находятся люди, которые хотят приобрести это изобретение, но он об этом не хочет ничего слышать. Кроме двух томов о „Hidr". (?) [3]) еще пропасть его статей в „Энциклопедии" и в „Revue", где появилась „Consuello" [4]). Во всем, что он пишет, есть известная последовательность. В „Revue" помещено много весьма ценных его „discours" [речей], некоторые из них не окончены. Все это лежало на столе в Square d'Orléans [5]).

Какие же мне сообщить вам новости? Недавно пани Виардо уехала на Рейн, куда от имени прусского короля ее пригласил Мейербер, также как и Листа, Вьетана и др. Королевская чета будет принимать там английскую королеву, которая уже отправилась в Германию со своим мужем, принцем Альбертом. Мендельсон тоже занят в Кобленце музыкальными приготовлениями по поручению своего короля, так как королева Виктория должна приехать в Штольценфельс [6]). Лист заставляет себе кричать „Er lebe hoch!" в Бонне, где сооружается

[1]) Пьер Леру (1797—1871), французский философ и экономист, имевший большое влияние на Жорж Санд и в 1841 г. издававший вместе с нею журнал „Revue indépendante". Позже он получил концессию на типографию, организовал ее в Буссаке и пробовал проводить в жизнь свои социалистические идеи. Он издавал два журнала: „L'Eclaireur" и „La Revue sociale". Свою систему Леру изложил в серии статей в „Новой энциклопедии", которую он издавал вместе с Реньо.

[2]) Шопен подразумевает здесь Жорж Санд, у которой была собака Коко.

[3]) Это слово написано у Шопена неразборчиво.

[4]) Роман Жорж Санд.

[5]) Квартира Шопена в Париже.

[6]) Старинный замок в окрестностях Кобленца, принадлежавший прусскому королю, разрушенный в XVII столетии французами и около 1840 г. вновь восстановленный.

памятник Бетховену и где также ожидаются коронованные особы. В Бонне продаются сигары: „véritables cigares à la Beethoven", который наверное курил только венские трубки. И столько уже продали мебели, старых письменных столов, старых полок, оставшихся после Бетховена, что бедный автор „de la symphonie pastorale" должен был обладать поистине огромным мебельным складом. Это напоминает того привратника в Фернее, который продавал бесчисленное множество Вольтеровских палок для прогулки.

Профессор Бланки, старый знакомый Каласанти, при своем от'езде из Мадрида, куда он был послан с г. Salandroure, фабрикантом знаменитых обюссонских ковров, для обозрения тамошней индустрии, получил от молодой испанской королевы орден. Это никому не интересно, но пришло мне в голову, потому что он знакомый Каласанти. Что касается маминой спутницы [1]), то ей не нужно никого знать, потому что она знает всех. Куда уезжает Лорка? [2]) Мне очень жаль Антека Водзинского, у которого будет уж второе потомство. Мери наверное уже знает, что его юная подруга была больна и что теперь ей лучше. Мне об этом говорил еще в Париже муж умершей пани Дюпон. Мне приятно знать, что Новаковский играет мою „Berceuse", потому что мне тогда кажется, как будто я его издали слушаю. Обнимите его. Посвященная Эльснеру соната [3]) вышла в Вене у Гаслингера. По крайней мере он сам прислал мне несколько лет назад в Париж отпечатанную épreuve [корректуру]. Но так как я не возвратил ему ее исправленной, а только просил ему передать, что мне было бы приятнее, если бы там многое было изменено, то они может быть и отложили печатание, что мне было бы очень приятно. Теперь слишком поздно для музыки такого рода; это было хорошо 14 лет тому назад. Ах! как бежит время! Я не знаю, отчего это происходит, что я не могу создать ничего путного, а между тем я ничуть не лентяйничаю и не ползаю из угла в угол, как это было при вас, а целые дни и вечера сижу в своей комнате. Однако я должен до своего от'езда отсюда окончить некоторые рукописи, потому что зимой я сочинять не могу. Со времени вашего от'езда я написал только эту сонату. [4]) Теперь, за исключением новых мазурок, у меня нет ничего готового к печати, а нужно было бы.

Слышно, как за садом проезжают дилижансы. Не остановится ли какой-нибудь, и не выйдете ли из него вы? Напишите мне откровенно, помог ли Людвике совет Мариолина, и вполне ли здоров Антек Бар-

[1]) Вероятно кн. Обрезкова. См. письмо к родным от 20 июля 1845 г. (№ 213).

[2]) Вероятно гр. Лаура Чосновска, которой Шопен посвятил свои мазурки op. 63.

[3]) Первая юношеская соната c-moll, op. 4, вышедшая после смерти Шопена в 1851 г.

[4]) Упоминавшаяся в предыдущих письмах соната h-moll.

толо [1]). Мамочка развлекается своей поездкой [2]). Признаюсь откровенно, что, не зная теперешнего состояния ее здоровья, я не решаюсь из-за ее ревматизма очень настаивать зимою. Радость моей жизни я всецело передаю вашему благоразумию, однако от всей души протестую против всяких поездок. Впрочем, если бы мамочка здесь захворала и я тоже, то сюда приехала бы Изабелла ухаживать за нами обоими, за Изабеллой приехал бы ее муж и — вы за ними обоими. Зузя и пани Лютынска будут хозяйничать. Voilà tout! [Вот и все!]

Людвика, скажи же своему мужу, чтобы и он когда-нибудь написал! Пусть коротко, но хоть скажет мне по крайней мере „добрый день", а то мне его не хватает в ваших письмах. Пусть в каждом письме он пишет номер дома. Я никогда не помню ни вашего, ни Антона. Хотя я их и записал, но в Париже, и поэтому всегда должен адресовать при помощи описательных выражений. Право, нужно обладать твердым лбом, чтобы писавши так часто номер вашего дома, все-таки его не запомнить.

Я вернулся с прогулки с Соланж, которая отлично покатала в кабриолете меня в обществе Жака. Жак — имя огромной собаки чрезвычайно красивой породы, которую подарили хозяйке дома взамен старого Симона, который в этом году очень постарел и у которого парализована лапа. Это — неразлучный друг толстого Коко, хотя и своеобразной, но чудесной породы. Если идет дождь, то он залезает в кабриолет и когда ложится, то несмотря на его остроумные попытки спрятаться от дождя, с одной стороны у него намокает голова, а с другой хвост, так как он слишком велик для подобного комфорта.

В настоящую минуту хозяйка дома находится с соседом, милым доктором, в деревне у больного, который, несмотря на свой жар, во что бы то ни стало хочет отправиться за несколько миль отсюда к той женщине, которая „remet les fourchettes de l'estomac" [3]), и ни за что не позволяет отговорить себя от этого.

Мне писали из Парижа, что умер Арто [4]). Этот сильный, крепкий молодой человек, ширококостный и широкоплечий несколько недель назад умер от чахотки в „Ville d'Avray". Когда я перед своим от'ездом был в Ville d'Avray (мы проезжали это местечко по дороге в Версаль), чтобы навестить свою крестницу, дочурку Альбрехта [5]), я ехал вместе с пани Даморо [6]). Она ухаживала за Арто и тогда уже сказала мне,

[1]) Антон Барцинский.
[2]) Речь идет повидимому о проектируемом приезде матери к Шопену зимой.
[3]) Вправляет грудную кость.
[4]) Александр-Иосиф Арто (25 янв. 1815—20 июля 1845), знаменитый скрипач.
[5]) Т. Альбрех — attaché саксонского посольства в Париже и виноторговец был в дружеских отношениях с Шопеном.
[6]) Даморо-Цинти, замечательная певица, выступавшая в Большой опере в Париже. Шопен ставил ее выше Малибран (см. письмо от 12 декабря 1831 г.)

что его дело плохо. Мне жаль пани Даморо, потому что она была искренне к нему привязана. В прошлом году они вместе ездили в Америку. Никто, кто нас обоих видел, не угадал бы, что он умрет раньше и от чахотки.

Ян, согласно своей привычке, уже четверть часа как звонит к столу (хозяйка дома обещала облить ему когда-нибудь холодной водой голову, если он будет звонить так долго). Мне нужно бриться, потому что у меня уже длинная борода, поэтому я опять бросаю это письмо.

Я уже побрился, но не стал от этого толще, хотя здесь утверждают, что я пополнел; однако, мне далеко еще до умершего Околовича. Обнимите там его свояченицу (если не ошибаюсь), ту, с которой я в Медовой улице постоянно играл в 4 руки, и где я часто встречал панну Чайк[овску]. Напишите мне о моих крестном отце и матери. Обнимите чету Прушак. Пожмите руку старому коллеге Польди. Скажите Эльснеру, чтобы он приезжал сюда в Нери лечить свою ногу. Едва ли Добржинский в Париже? Я убежден, что он имел бы у Мейербера успех. Меня радует, что вы услышите симфонию Давида [1]). За исключением нескольких настоящих арабских песен все остальное ценно только с точки зрения инструментовки. Но меня удивляет, что у вас для этого готовят костюмы и декорации, тогда как здесь ее исполняли в черных фраках, сидя на стульях перед нотными пультами или с нотами в руках. Вероятно об этом даже не подумали его величайшие почитатели (которых становится все меньше, после подобных „engouements" [2]). Обратите внимание на пение муэдзина (так называют того, кто по арабскому ритуалу поет каждый час на верху минарета (башенки). Это то, что здешние алжирские арабы на первом концерте приветствовали киваньем головы и чему с удовольствием улыбались.

Скоро я вам напишу опять, как сердечно я вас люблю. Хотел бы писать вам много, если бы знал с какого конца начать, чтобы поболтать письменно, так, как мы болтали, сидя рядом в комнате по утрам за шоколадом. Сердечно обнимаю вас всех.

P. S. Милый Франкомм мне написал и напоминает вам о себе.

[Две строчки рукою Жорж Санд:]

Здравствуйте, моя милочка, вас любят, вас нежно целуют, да благословит вас всегда бог.

[Рукою Шопена:] Они не хотели отправлять письма, не написав словечка. Они так добры (я пишу во множественном числе, потому что они ко всем так добры).

Пан Брунель, тот инженер (француз по рождению), который построил лондонский туннель под Темзой, изобрел между прочими своими

[1]) Шопен говорит здесь о симфонии Давида „Le desert" (пустыня), в которой композитор хотел передать свои впечатления от путешествия на восток.
[2]) Преувеличенные восторги.

ценными работами новый локомотив, при помощи которого можно будет совершать 50 английских миль в час. У этой машины будет восемь колес. Это конечно не сделает железную дорогу более приятной. Соланж, которая только что принесла мне шоколад на закуску, просит меня написать, что она обнимает Людвику. У нее очень доброе сердце. Меня совсем не удивляет, что ты еще не знаешь „Изидоры“ [1]), так как она еще не вышла отдельной книгой. „Теверино“ [2]) же начнет печататься, как фельетон, в журнале „La Presse“ только с будущего месяца.

NB. Фельетоны не имеют никакой связи avec le corps [3]) журнала; в них высказываются относительно многих вещей диаметрально противоположные взгляды.

216. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

30 августа 1845 [Ноган].

Дорогой приятель!

При этом посылаю тебе три рукописи для Брандуса [4]) и три для Махо, который заплатит за них тебе деньги (1500 франков) от Гертеля. Не давай ему однако рукописей раньше момента выплаты. Пришли мне в твоем ближайшем письме чек на 500 франков и спрячь остальные для меня. Я доставляю тебе много хлопот, от которых хотел бы тебя избавить, но... но...

Попроси Махо, чтобы он не перепутал рукописей, предназначенных Гертелю, потому что я скоро не буду читать лейпцигских корректур, и очень важно, что бы моя копия была совершенно четкой. Попроси также и Брандуса прислать мне два экземпляра корректур, один из которых я мог бы оставить у себя.

А теперь скажи мне, как поживаешь ты, твоя жена и ее прелестные дети? Я знаю, что вы на даче (если можно так назвать St. Germain), что при постоянно хорошей погоде должно очень хорошо отразиться на вашем здоровье. Вижу, однако, что я опять возвращаюсь к своей пачкотне. Я бы не кончил, если бы пустился с тобой в болтовню, а у меня нет времени начать новое письмо, потому что сию минуту уезжает Евг. Делакруа [5]), который возьмет мою посылку к тебе. Это один из чудеснейших художников; я провел с ним восхитительнейшие часы. Обожает Моцарта, знает все его оперы наизусть.

[1]) Роман Жорж Санд.
[2]) Роман Жорж Санд.
[3]) С направлением.
[4]) Парижский издатель, преемник Шлезингера.
[5]) Знаменитый французский художник, написавший один из лучших портретов Шопена, находящийся в Лувре в Париже.

Решительно, я нынче делаю только кляксы, прости мне их. До свидания, милый друг, люблю тебя всегда и ежедневно думаю о тебе.

Поклонись хорошенько пани Франкомм и поцелуй твоих милых деток.

Ш.

217. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

22 сентября 1845, [Ноган].

Très cher ami!

Благодарю тебя от всего сердца за всю твою беготню к Махо и за твое письмо с деньгами, которое я только что получил. День публикации мне кажется правильным. Я тебя еще попрошу, чтобы ты не давал Брандусу засыпать „sur mon compte, ou sur mes comptes“ [1]).

218. Шопен М-ль де-Розьер.

[Париж, 7 декабря 1845] [2]).

Завтра вы получите письмо из Шенонсо. Так как там будет одно и для меня (меня об этом предупредили, а я забыл вам об этом сказать), то будьте добры, скажите Миртиле или вашему портье, чтобы мне принесли его тотчас же, как вы его получите. Это будет около $2^1/_2$ часов. Из него я узнаю решительный день от'езда.

Преданный вам *Ш.*

Воскресенье вечером.

219. Шопен своим родным.

Париж, пятница, 12 декабря [1845].

Мои многолюбимые!

Я получил ваше последнее письмо, в котором вы мне сообщаете, что все вы здоровы за исключением Бартека, которому уже лучше, и что мамочка переносит зиму довольно хорошо. Здесь еще не очень холодно, но сыро и мрачно. Во вторник вернулась пани Санд с сыном и дочерью, я же живу здесь уже две недели. Как вы помните, я обычно возвращаюсь раньше и в этом году тем более, так как я отпустил

[1]) Игра слов: „на мой счет и над моими счетами“.
[2]) Гёзик и Гуттри ошибочно относят это письмо к 1844 году, Шопен в своем письме к родным от 12 декабря 1845 года (№ 219) пишет о том, что Жорж Санд была в Шенонсо и вернулась в Париж во вторник, 9 декабря. Следовательно, письмо к де-Розьер относится к декабрю не 1844, а 1845 года; оно по всей вероятности было написано 7 декабря, потому что Шопен помечает его воскресеньем, которое до возвращения Жорж Санд в Париж было в декабре только одно и приходилось на 7 декабря.

Яна и должен был подыскать себе другого слугу. В течение уже целого года каждый месяц он все хотел уходить, причем он постоянно плакал и уверял, что очень меня любит. Я бы никогда его не отпустил, но он выводил из терпения других. Дети слишком издевались над ним, и я не мог больше его держать для себя одного. Он до конца был уверен, что рассчитают Сузанну, но несмотря на это, он всякий день хотел уходить. Мне это доставило много хлопот, так как мне нужно было кого-нибудь очень честного, но мой друг Альберт [1]) нашел мне очень честного и ловкого француза, по имени Пьера, верного человека, который впродолжение 7 лет служил у родителей моего Es-dur'ного вальса (у Хорсфордов) [2]). Он очень опрятный, немного медлительный, но пока меня не раздражает. Людвике, так как она знает Ноган, может быть будет интересно, что Люс—девочка, дочь Франсуазы, живет теперь около Сузанны со своей хозяйкой, т. е. лучше сказать с Соланж. A propos того, о чем спрашивает меня Людвика в своем письме: это все неправда и совершенно не соответствует действительности [3]). Никогда не верьте дурным слухам, потому что на свете много дурных людей, которые не могут спокойно видеть счастье других.

Леру совершенно здоров; у его детей была корь. Морис должен был через несколько дней уехать, но из-за дурной погоды не поедет к своему отцу, который целое лето не трогался из своих имений в Гаскони. Перед моим возвращением пани Санд жила у своего кузена Вильнев в Шенонсо около Тура. Шенонсо — известный во всей Франции замок, построенный во времена Франца I знаменитым в то время банкиром Томасом Буайе, который очень долго его строил. Он воздвигнут по середине реки Шер. В аркадах, на которых покоится замок, находятся большие кухни; поэтому вы можете себе представить, что это за здание. После экспроприации его у этого банкира в нем жил Франц I, и он содержит поэтому пропасть воспоминаний о тех временах. Позже там постоянно жила Екатерина Медичи (во 2-м акте „Гугенотов“ есть декарация, изображающая этот замок; мне кажется, что Людвика ее видела). Жена нашего Валезия также провела там свои вдовьи годы. Все покои убраны мебелью того времени; вероятно все это стоит много тысяч ежегодно. При Людвике XV или же во времена регенства пану Дюпену (de Francueil) пришлось после Вандома быть секретарем у Руссо. Этот пан Дюпен был дедушкой пани Санд. Это тот самый господин, чей портрет висит внизу в Ногане в большом прилегающем к столовой салоне. Пани Дюпен, его первая жена, славилась

[1]) Гр. Альберт Гржимала.

[2]) Вальс Es-dur, op. 18 посвящен панне Лауре Хорсфорд.

[3]) Намек на распространившиеся уже в то время среди друзей Шопена и дошедшие до Варшавы слухи о порче его отношений с Жорж Санд.

своим умом и красотой, и в ее время в Шенонсо собирались все выдающиеся личности прошлого столетия, как Вольтер, Мабли и т. д. Там хранится также много рукописей Монтескьё. В своих „Confessions“ Руссо упоминает пани Дюпен (de Francueil). Там в Шенонсо находятся сундуки, содержащие его переписку с пани Дюпен. Она очень интересна, но вероятно никогда не будет издана. Пани Санд нашла там несколько рукописей пани Дюпен, которые очень интересны и чрезвычайно красиво написаны. Там, в театре замка, была в первый раз исполнена опера Руссо „Le devin du village [1]), увертюру к которой, как говорят, написал пан Франкейль. Вы вероятно знаете, что Руссо написал пьесу с музыкой, которая 70 лет назад имела большой успех. Кое что из этой оперы уцелело и довольно известно во Франции.

Я вам описал Шенонсо, а теперь поговорю о Париже. Итак, Гавары [2]) и Франкоммы очень кланяются Людвике и Ендржеевичу. Гавар посылает ей Массильона [3]) своей работы. До возвращения пани Санд я обедал у тех и у других, и мы много о вас говорили. Я уже начал свою мельницу [4]). Нынче я дал урок только пани Ротшильд, двум же другим ученицам отказал, потому что был занят другим. Мои новые мазурки вышли в Берлине у Штерна, поэтому я и не знаю попадут ли они к вам, так как вы в Варшаве получаете ноты обычно из Лейпцига. Они никому не посвящены. Теперь я хотел бы кончить сонату с виолончелью, баркароллу и кое-что еще, что я не знаю пока, как назову [5]). Но сомневаюсь, найду ли на это время, потому что сутолока уже начинается. Меня одолевают вопросами, не буду ли я давать концерта, но я в этом сомневаюсь. Лист вернулся из провинции, где он давал концерты; нынче я нашел у себя его карточку. Мейербер тоже здесь. Нынче я должен был быть на вечере у Лео, чтобы встретиться там с Мейербером, но мы идем в оперу на новый балет (новый для пани Санд): „Le diable à quatre“, в котором наши костюмы...

Это я пишу утром в субботу, уже посмотревши балет. Со времени вашего здесь пребывания в опере ничего не изменилось. Кроме этого балета мы больше ничего не видели,— ни итальянцев, где дается музыка Верди, ни так же пани Дорваль в новой драме „Marie-Jeanne“, в одной из лучших ее ролей.

[1]) Деревенский колдун.

[2]) Шарль Гавар, писатель, друг последних лет жизни Шопена. Он часто читал вслух смертельно больному композитору.

[3]) Массильон, Жан-Баптист (1663—1743), знаменитый французский проповедник.

[4]) Так Шопен называл даванье уроков.

[5]) Очевидно Шопен говорит здесь о „Polonaise Fantaisie“ As-dur, op. 61, появившейся в конце 1846 года одновременно с „баркароллой“ op. 60. Соната с виолончелью g-moll, op. 65 вышла только в конце 1847 года.

Нынче 17 декабря. Я прервал письмо, и до нынешнего дня мне не удалось его продолжать. Здесь сегодня очень мрачно и отвратительно. В Большой опере нынче в первый раз дается опера Бальфе [1]), автора „Les quatre fils Aymon“ (кажется мы вместе видели эту вещь в Opéra Comique); она называется „L'Etoile de Seville“. [Приписка:] „Сид“ (но не по Корнеллю, а по Кальдерону). Либретто Ипполита Лука (фельетонист, небольшой писатель). Многого от этого не ждут. Бальфе — англичанин, бывший в Италии и проехавший через Францию. У итальянцев завтра дают „Gemma di Vergi“. Вчера мы все были, также и Люс, в театре „de la Porte St. Martin“, где шла новая драма Деннери (не очень значительная), в которой удивительно играет пани Дорваль. Драма называется: „Marie - Jeanne“. В ней девушка из народа выходит замуж за мастерового, который потом предается беспутному образу жизни и бросает ее с сынишкой в горе и нужде. В отчаянии, что не может прокормить ребенка и желая его спасти, она несет его aux enfants trouvés [2]). Эта сцена поставлена необыкновенно хорошо. Все ревут, и слышится только сморканье носов. Со времен юности у пани Дорваль не было подобной роли, т. е. со времени ее роли в „Десять лет из жизни игрока“.

Воскресенье, 21 декабря.

С тех пор, как я написал эти строчки, я слышал оперу Бальфе. Она совсем не хороша. Поют очень хорошо, так что мне было даже жалко, что ставятся такие вещи, в то время как у Мейербера (который тут же в ложе тихо сидел и, слушая, читал либретто) готовы две большие оперы: „Пророк“ и „Африканка“, обе пятиактные. Но он не хочет их отдавать Опере, пока там не будет новой певицы; а пани Штольц [3]), покорившая директора, не допускает ни одной лучшей. Декорации красивы, костюмы очень дорогие.

Я послал Людвике и Изабелле через Глюксберга два тома: старый и новый завет с английскими гравюрами. Гравюры эти считаются здесь очень хорошими,— это картины знаменитейших художников старой и новой школы: Рафаэля, Рубенса, Пуссена. Многие из этих картин находятся здесь в Лувре; может быть Людвика их вспомнит. Бездетному Антону я послал маленький том рисунков Гаварни [4])— „Des enfants terribles“ и т. п., чтобы он посмеялся и вспомнил здешние легкие

[1]) Михаил-Вильям Бальфе (1808—1870), родом англичанин, певец и композитор, написавший целый ряд опер, которые с успехом шли в Англии, в Париже и даже в Петербурге, где он жил в 50-х годах прошлого столетия.

[2]) В воспитательный дом.

[3]) Розина Штольц (род. 1815 г.), прекрасная певица, певшая 1837—1847 г. в Большой опере в Париже.

[4]) Гаварни (Шевалье, Ипполит-Гильом-Сюльпис 1804—1866), французский рисовальщик и литограф, составивший себе громкую известность под псевдонимом Гаварни. После революции 1848 года бросил живопись и занялся вопросом об улучшении воздухоплавания.

и глупые остроты. Каласанти получит рисунки Гранвиля [1]) к пословицам. Гранвиль первый сделал себе имя в этой области, и никто не схватил этого лучше Гаварни. Вы наверное видели Гранвилевского „Лафонтена“.

24 декабря.

Видите, как здесь перед Новым годом нельзя не потерять голову. Дверной звонок звонит, не переставая. Все в доме нынче простужены. То, что я неистово кашляю, неудивительно, но у хозяйки дома такой насморк и так болит горло, что она не может выйти из комнаты, что делает ее очень раздражительной. Чем человек здоровее, тем обычно он менее терпелив к физическим страданиям. Против этого нет никаких лекарств на свете, даже рассудок немногого стоит. На этой неделе весь Париж кашляет. Вчера ночью была сильная tempête [2]), гром и молния, град и снег. Сена грандиозна; холод не свирепый, но сырость невыносимая. Здесь Кленгель [3]) из Дрездена и также пани Неселовска. Он был у меня. Я обещал ему ее навестить. Пусть это останется между нами. Лист также был у меня и много говорил о пани Калергис [4]). Что же касается моей милости, то я вижу, что было больше болтовни, чем действительных фактов [5]).

Брат жены Тита [6]) был здесь. Он чувствует себя лучше и уехал в Италию. Он мне много рассказывал про Тита. Я его очень полюбил. Кланяйтесь Титу от меня. Гутмана вы наверное уже видели. Ласки, которого я видел в опере, тоже сможет вам рассказать, что нашел меня здоровым. Здесь Новый год не предвещает ничего хорошего, потому что погода отвратительная. Купцы жалуются, что нет стольких фланеров, как обычно. Я еще не отважился отправиться за покупками в город. Мне нужно что-нибудь выбрать для своей крестницы, тогда как мой крестный отец ничего не получит в этом году; да и зачем он так далеко! Я бы охотно оставил ему в один прекрасный день с о л и д н о е наследство, но это совсем не в моей натуре. Я подумаю как-нибудь об этом во время бессонной ночи.— Я немного пробовал с Франкоммом свою сонату с виолончелью, шло хорошо. Не знаю,

[1]) Гранвиль — Jean-Ignace-Isidore-Gerard, по прозвищу Grand - ville (1803—1847), очень талантливый французский рисовальщик-каррикатурист. После революции 1830 г. составил себе прочное имя, посвятив себя политической каррикатуре и помещая свои работы в „Caricature“ и „Charivari“. После смерти сына сошел с ума и умер в доме умалишенных.

[2]) Гроза.

[3]) Август-Александр Кленгель, пианист и выдающийся контрапунктист, живший в Дрездене, с которым Шопен познакомился в 1829 г. во время своего проезда через Прагу.

[4]) Мария Муханова-Калергис, племянница канцлера гр. Несельроде, известна своим умом и красотой, а в особенности своей законченной игрой на фортепиано (лучшая ученица Шопена), доставившей ей европейскую известность.

[5]) Опять намек на слухи о размолвках между Шопеном и Жорж-Санд.

[6]) Тита Войцеховского.

удастся ли мне ее напечатать в этом году. На днях был у меня дядя жены Фридриха. Он очень милый и достойный уважения,— помолодел, играет, по его словам, как в молодости, на скрипке и не кашляет. Он добр, мил, остроумен, держится очень прямо, не носит парика, а свои собственные красивые седые волосы, словом, еще так красив, что рядом с ним нынешние молодые сойдут за стариков. Мери [1]) очень давно мне не писал; ничего не знаю о нем. Милое, слабое создание.

Нынче сочельник — наша „panna gwiazdka“ [2]). Здесь этого не знают. Как обычно, в 6, 7 или 8 часов обедают. Только в домах некоторых иностранцев соблюдается обычай. Так например, пани Штокгаузен не была вчера на ужине у Пертуиса (у моей сонаты) [3]), потому что была занята приготовлениями для детей к нынешнему дню. Все протестантские дома празднуют святой вечер; настоящий же парижанин не чувствует никакой разницы между вчера и сегодня. Здесь печальный сочельник, потому что они [4]) больны и не хотят звать никакого врача. Насморк в высшей степени сильный, так что они совершенно серьезно должны лежать в постели. Все проклинают парижский климат и забывают, что в деревне зимою еще хуже, и что зима всюду зима. Эти несколько месяцев переносятся тяжело. Я часто себя спрашиваю, как могут нетерпеливые люди выдерживать под еще более невыносимым небом, чем здешнее? Иногда я охотно отдал бы несколько лет жизни за несколько часов солнца. Я уже пережил стольких более сильных и более молодых людей, что кажусь себе вечным. Несколько дней тому назад умерла дочь Вернэ [5]) и жена Деларош [6]), который создал „Полукружие“ в „Palais des Beaux-Arts“. Об ней горюет весь Париж. Это была личность чрезвычайно тонкого ума, молодая и красивая, хотя и очень худая. В ее доме бывали все, у кого есть имя, она была всеми уважаема и восхваляема, счастлива и богата. Ее отец горевал об ней больше всех. Он ревел, как бык; был момент, когда думали, что мать потеряет рассудок.

26 декабря. Вчера и нынче пани Санд лежала в постели с болью в горле. Сейчас ей немного лучше. Через несколько дней наверное

[1]) Стефан Витвицкий.

[2]) По-польски значит буквально: „панна звездочка“.

[3]) Дочь графа Пертуиса, ад'ютанта Луи-Филиппа, которой Шопен посвятил свою сонату h-moll, op. 58.

[4]) Шопен опять говорит о Жорж Санд во множественном числе.

[5]) Vernet, Эмиль-Жан-Орас (1789—1863), один из самых знаменитых французских батальных живописцев девятнадцатого столетия.

[6]) Delaroche, Поль (1797—1856), знаменитый французский исторический живописец, известен колоссальной стенной картиной, занимающей собой полукруглую трибуну актовой залы „Дворца Изящных Искусств“ и вследствие этого называющейся „Полукружием“ (Hemicycle). После смерти жены, единственной дочери О. Вернэ, Деларош полюбил сюжеты трагические, выражающие борьбу великих характеров с судьбой. Он превосходно писал также портреты.

будет уже совсем хорошо. Пока у меня нет времени писать вам больше. Соланж тоже простужена,— я самый сильный здесь. Сердечно вас обнимаю. Не беспокойтесь обо мне. Ко мне бог милостив. Я вас люблю и поздравляю вас и всех знакомых с Новым годом.

Ф. Ш.

Пани Санд обнимает Людвику. Посылаю письмецо панны де-Розьер. У меня нет времени перечитать еще раз то, что я написал.

(465) 31. V.

220. Шопен М-ль де-Розьер.

[Ноган, 1 июня 1846] [1]).

Благодарю вас миллион раз за ваше доброе письмо. Вот мое для моей матери. Жарко. Ледник будет очень кстати. Еще раз благодарю вас за него. Все здоровы. Мориса ждут скоро. С искренним почтением

Ш.

Если когда-нибудь вы будете сюда что-либо посылать, соблаговолите присоединить к вашей посылке мою маленькую партитуру реквиема Моцарта, которую я оставил в № 5 (или в 9-м) и которая находится вместе со „Stabat“.

Ноган, Духов день, 1846.

Вам шлют тысячу нежностей и будут вам писать.

(466)

221. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Ноган, 8 июля 1846 г.

Милый друг!

Если я не писал тебе раньше, то не потому, чтобы не думал об этом, а потому, что хотел послать тебе одновременно мои бедные рукописи, которые еще не готовы. Вместо них посылаю тебе с нынешним письмом письмо к Брандусу. Будь так добр, передай ему его, попроси об ответе, который мне потом любезно пришлешь. Если же случится что-нибудь непредвиденное, тогда я буду вынужден обратиться к Мейсонье, который мне предлагал те же самые условия.

Дорогой мой, я делаю, что в моих силах, для того, чтобы работать, но не очень двигаюсь с места. Если такое состояние продлится дольше, то мои произведения не будут уж больше напоминать ни жужжания комаров [gazouillement des fauvettes], ни разбитого фарфора [porcelaine cassée]. Я должен примириться с этой мыслью.

Пиши. Я тебя люблю, как всегда.

Тысячу поклонов пани Франкомм и множество приветствий от моей сестры Людвики. Обнимаю твоих милых детей. М-м Санд приветствует тебя и твою жену.

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 1 juin 1846.
Адрес: Mademoiselle Mademoiselle de-Rozières, rue St. Lazare, 48, Paris.

(471)

222. Шопен М-ль де-Розьер.

Ноган, суббота [1]).

Посылаю вам, милая м-ль де-Розьер, яко бы очень спешную рукопись (вы получите чистую нотную бумагу в ваше распоряжение). Эта ложь для того, чтобы Пьер привез le toutou Havannais [2]). Отдайте его Пьеру только в день его от'езда, который должен состояться в среду, 22-го в 7½ часов от „Notre Dame de Victoire". Будьте так добры, сделайте все, что можете, чтобы он прибыл целым к м-м Санд. Я полагаюсь на вашу любовь к ней. Людвика вас обнимает. Благодарю, благодарю заранее за вашу доброту. Проверьте, пожалуйста, также записку с поручениями Пьеру, чтобы он ничего не забыл. До свидания! Доброе утро, добрый вечер, доброй ночи, жму вашу руку [3]).

Преданный вам *Ш.*

(473)

223. Шопен Огюсту Франкомму.

17 сентября 1846.

Дорогой друг!

Очень мне досадно, что Брандус уехал, а Махо еще не в состоянии взять рукописи, которых он так домогался в течение минувшей зимы. Значит нужно ждать. Тем временем, прошу тебя, сделай одолжение, сходи снова к ним, если ты найдешь это возможным, так как я бы не хотел, чтобы это дело затянулось надолго, принимая во внимание, что одновременно с копией для тебя, другой экземпляр я послал в Лондон. Об этом не говори им ничего. Если они ловкие купцы [marchands habiles], то, как честные люди [en honnêtes gens], они могут меня обмануть. Так как в данный момент это весь мой доход, то я хотел бы, чтобы дело приняло иной оборот. Будь же так добр и отдай им мои рукописи только по получении наличных денег и пришли мне сейчас же чек на 500 франков вместе с твоим письмом; остальные спрячь у себя до моего возвращения в Париж (вероятно в конце октября). Тысячу раз благодарю тебя, мой дорогой, за твое доброе сердце и за твои дружеские услуги. Миллионы свои спрячь до другого раза; неужели не довольно, что ты мне отдаешь столько своего времени? [Следуют поклоны семье Франкомма и вопросы об их здоровье [4])].

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 2 septembre 1846. Неясно: суббота в 1846 г. приходилась на 29-е августа, а 22-е (сентября) на вторник, а не на среду.

[2]) Вероятно собачка, цвета „Гаванна". У Гуттри „Havanna Tabak" (?).

[3]) Следует еще одна зачеркнутая строка, которую невозможно разобрать.

[4]) Пропуск как у Шарлитта, так у Гёзика и у Гуттри.

М-м Санд шлет тебе тысячу приветствий и велит кланяться твоей жене. М-м Рубио [1]) я отвечу. Если м-ль Штирлинг [2]) в St. Germain, не забудь передать ей от меня привет, также как и м-м Эрскин.

(476)

224. Шопен своим родным.

[Почтовая бумага с монограммой Ж. С.].

Десять раз начато, нынче отослано. Прилагаю для Людвики несколько слов от хозяйки дома.

Воскресенье, 11 октября 1846 г.
Замок Ноган, на столике около рояля.

Мои дорогие, каникулы уже наверное кончились, все уже дома, мамочка вернулась от пани Жозефины, Людвика от Цех[омских], Антон и Изабелла с минеральных вод с запасом здоровья на зиму. Дай вам бог всего лучшего. Здесь лето было прекрасное, как уж давно не бывало, и хотя год неурожайный и во многих местах опасаются за зиму, здесь все же не жалуются, потому что урожай винограда необычайно обильный. В Бургундии же он еще лучше, чем в 1811 году, но это в смысле качества, а не количества. Здесь вчера хозяйка дома варила варенье из винограда, который называется александрийский. Это очень большие ягоды вроде муската, которые не вполне вызревают в этом климате, и поэтому из них выходит чудесное варенье. Однако, других фруктов уродилось здесь мало. Зато много листвы, которая еще очень зелена, а также много цветов...

Садовник новый. Старому, Петру, которого еще видели Ендржеевичи, отказали, несмотря на 40 лет службы (он служил еще при жизни бабушки пани Санд); также—и честной Франсуазе, матери Люс,—двум старейшим слугам. Дай бог, чтобы новые пришлись по нраву молодому барину и кузине [3]).

Сол[анж], которая была тяжело больна, теперь совершенно здорова и, кто знает, может быть через несколько месяцев я вам сообщу, что она выходит замуж за того красивого молодого человека, о котором я вам писал в одном из предыдущих писем [4]).

Здесь все лето прошло в различных прогулках и экскурсиях в незнакомые места „de la Vallée Noire" [Черной долины]. Я не участвовал

[1]) Вера Кологривова, ученица Шопена, учительница музыки в Париже, вышедшая замуж за художника Рубио и умершая во Флоренции в 1880 году.

[2]) М-ль Штирлинг и м-м Эрскин, ученицы Шопена — шотландки, о которых так часто говорится в письмах Шопена из Англии.

[3]) Морис Дюдеван — сын и Августина Бро—кузина Жорж Санд.

[4]) Прежде, чем Соланж познакомилась со своим будущим мужем, скульптором Клезанже, она была обручена с Фердинандом де-Прео, родители которого были друзьями Жорж Санд. Этот молодой человек был очень симпатичен Шопену, и он очень огорчался, что Соланж предпочла ему Клезанже.

в них, потому что такие вещи утомляют меня бо́льше, чем они того стоят. А когда я устал, то делаюсь не в духе, а это всем действует на настроение и особенно портит удовольствие молодежи. Не был я так же и в Париже, как намеревался, а нашел для пересылки своих музыкальных рукописей хорошую и верную оказию, которой я пользовался, так что мне не было надобности двигаться отсюда. Я все-таки думаю, что через месяц буду в Сквере и надеюсь застать еще Новак[овского], о котором я через панну де-Розьер только и знаю, что он оставил у меня на квартире свою карточку. Был бы рад увидать его. К несчастью однако здесь этого не хотят. Он бы мне многое напомнил. С ним я поговорил бы хоть по-нашему, потому что у меня уже нет здесь Яна, и со времени от'езда Лорки я не сказал ни слова по-своему. О Лорке я вам писал. Хотя с нею здесь и были вежливы, но после ее от'езда не сохранили о ней доброй памяти. Кузине она не понравилась, а значит и сынку. Отсюда шуточки, от шуточек — грубости, а так как мне это не нравилось, то теперь уже о ней и речи нет. Нужно иметь такую прекрасную душу, как у Людвики, чтобы оставить здесь у всех по себе такую добрую память. Хозяйка дома часто мне говорила в присутствии Лорки: „Votre soeur vaut cent fois mieux que vous [1]), на что я отвечал: „Je crois bien“ [2]). Пусть Изабелла мне напишет, живы ли родители Антона, и об разных подобных вещах. Вот и Ясь после восьми лет подал признаки жизни, сожалея, что не слушался меня. Но сейчас он работает изо всех сил и стремится употребить на пользу то, чему он когда-то обучался в Grignon. Он здоров и имеет хорошие намерения, живет в Гаскони и там работает. Я ему написал и еще хочу писать.

Солнце светит нынче чудесно, поэтому все уехали кататься. Мне не хотелось, и я пользуюсь этим временем, чтобы посидеть с вами. Собачка Маркиз осталась со мной и лежит на моем диване. Это удивительное создание,—его шерсть, как у марабу, он весь беленький. Пани Санд каждый день за ним сама ухаживает; поэтому он так умен. У него есть даже некоторые оригинальные необ'яснимые свойства. Так, например, он не будет ни есть, ни пить из позолоченной посуды, а отодвинет ее мордочкой или перевернет, если возможно.

Я видел в газетах между участниками франкфуртского конгресса по тюремным делам также и имя моего крестного отца [3]). Если он продвинется до Парижа, то я охотно бы его повидал и поэтому напишу панне де-Розьер, чтобы она мне сообщила в случае, если найдет у портье его карточку.

---

[1]) Ваша сестра во сто раз лучше вас.

[2]) Я думаю!

[3]) Гр. Фридрих Скарбек.

Что касается новостей, то вы уж наверное знаете о новой планете пана Леверрье. Леверрье заметил с парижской обсерватории некоторые неправильности в планете Уран, которые его привели к другой, еще неизвестной, планете, расстояние, направление, величину которой, словом все, он описал, также как это действительно замечено Галле в Берлине и теперь Адамом в Лондоне. Какое торжество для науки,—вычислением придти к такому открытию! В последнем заседании Академии Наук Араго предложил назвать новую планету „Леверрье“. Пан Галле писал из Берлина, что право названия планеты принадлежит Леверрье, но предложил однако назвать ее Янусом. Леверрье же хочет назвать ее Нептуном. За исключением некоторой части Академии все стоят за то, чтобы назвать планету по имени открывшего ее, который, единственно благодаря вычислению, достиг такой удивительной и до сих пор в истории астрономии неслыханной вещи. Ведь есть же кометы Вико, Хинд; и Уран назван Гершелем; так почему же не может быть планеты Леверрье? Король сейчас же пожаловал ему чин офицера Почетного Легиона.

Конечно вам уж известно также о сделанном паном Шёнбейном открытии „de la poudre de coton“ [1]). Здесь им заинтересованы, но еще его не видали. В Лондоне же состоялись пробы в присутствии принца-супруга, которые подтвердили, что новое средство действительно обладает большей силой, не пачкает, бездымно и, намокнув и после высохнув, не теряет своей силы. Взрыв происходит много быстрей, чем при обыкновенном порохе, потому что, будучи положен на обыкновенный, он взрывается, а обыкновенный даже не загорается. Однако, я вам пишу здесь о научных вещах, как будто у вас там нет Антека или Белза. Последнему пожелайте счастья на его новом месте. Боже мой, как бы обрадовался Матушинский! Не проходит дня, чтобы я об нем не думал. Теперь уж у меня нет больше в Париже никого из моих школьных товарищей. Однако, à propos открытий я вам сообщу еще об одном, которое больше касается „de mon domaine“ [2]). Пан Фабер в Лондоне (профессор математики, механик) выставил в высшей степени остроумный автомат, названный им Эвфония, который очень ясно произносит не только одно или два слова, но целые длинные фразы и даже более: поет арию Гайдна и „God save the Queen“ [3]). Оперные директора, если бы они могли приобрести несколько таких аппаратов, могли бы совсем хорошо обойтись без хористов, которые дорого стоят и причиняют много хлопот. Удивительно, что до такой вещи дошли при помощи рычагов [leviers], мехов [soufflets], клапанов

---

[1]) Особый вид пороха.

[2]) Моей области.

[3]) Национальный английский гимн.

[soupapes], цепочек [chaînettes] [неразборчивое слово], трубочек [tuyaux], пружин [ressorts] и т. д. Я вам писал раз об Энтерихе Вокансоне[1]), который что с'ест, то и переварит[2]). Вокансон сконструировал также аппарат, звучащий, как флейта. Но до сих пор еще не было ни одной машины, которая бы со словами пела „God save the Queen". Эвфония уже два месяца, как выставлена в Египетской зале (в помещении, предназначенном, как Бартеку известно, для различных достопримечательностей).

На будущий год в Лондоне предполагается большое соперничество итальянских опер. Пан Саламанка, испанский банкир и член мадридской палаты, арендовал Ковен-Гарденский театр, один из самых больших театров Лондона, который однако, благодаря своему положению — он находится очень далеко от высшего света, — никогда не имел большого успеха. Пан Лемлей, директор итальянского театра королевы, считающегося модным всем лондонским высшим светом, не торопился с приглашением своих обычных певцов, спокойно полагаясь на них в своем обитом шелком театре. И вот Саламанка его опередил и пригласил много дороже Гризи[3]), Марио[4]), Персиани[5]), словом, всех за исключением Лаблаша[6]). Поэтому будет два театра. Говорят, что кроме Лаблаша, Лёмлей пригласил пани Линд[7]) и Пишека[8]), про которого Берлиоз утверждает, что он лучший Дон-Жуан (?)[9]). Но так как в Лондоне обычаи элегантного света имеют больше значения, чем бог знает какое чудо искусства, то поэтому будущий сезон обещает быть интересным. Говорят, что прежняя опера (т. е. Лёмлеевская) удержится, потому что „toutes les chances sont"[10]), что королева будет ее посещать и впредь, как обыкновенно.

В Парижской Опере еще не поставили новую оперу Россини. У дирижера оркестра Габенека был сильный удар, который заставил его отказаться на несколько месяцев от дирижерства. Но теперь он уже здоров, и директор Пиллэ отчасти дожидался его. В Париже итальянцы уже начали. В „Семирамиде" выступил баритон Колетти, певец до сих пор остававшийся неизвестным парижанам; о нем рассказывают много хорошего. Помимо таланта, он молод и красив и уже давно с ним происходят различные приключения. Отец предназначал

[1]) Французский механик.

[2]) Польская поговорка.

[3]) Джулиа Гризи (1811—1869), замечательная певица, выступавшая в 1834—1849 г.г одновременно в Париже и в Лондоне.

[4]) Джузеппе Марио (1810—1883), знаменитый тенор, муж Гризи.

[5]) Фани Такинарди-Персиани (1812—1867), одна из самых выдающихся певиц Европы, блиставшая с 1837—1848 в Париже и Лондоне.

[6]) Луиджи Лаблаш (1794—1858), знаменитый бас Большой Парижской Оперы.

[7]) Женни Линд (1820—1887), замечательная певица („шведский соловей").

[8]) Иоганн-Баптист Пишек (1814—1873), отличный певец, чех.

[9]) Вопросительный знак принадлежит Шопену.

[10]) Все шансы за то...

его к духовному званию, а он, оставив Рим, сделался в Неаполе актером. В Лиссабоне, как рассказывают, он несколько лет подряд кружил всем головы, и из-за него (как говорят) несколько лет назад две дамы дрались на дуэли. Если он к тому же и поет хорошо, то он удержится. Я сильно сомневаюсь, чтобы в Париже из-за него дрались на дуэли, но там ему конечно заплатят больше, чем в Португалии. Он пел также с успехом и в Мадриде, где теперь готовятся большие празднества по случаю свадьбы королевы с ее двоюродным братом и ее сестры, инфанты, с последним сыном короля Филиппа, герцогом Монпансье. Министром просвещения паном Salvandy послан Дюма в сопровождении г. Маке (молодого писателя, которому Дюма диктует свои фельетоны), а также и известного художника Луи Буланже с поручением описать и зарисовать все церемонии и события. Много говорят о подарках герцога Монпансье своей невесте. Королева (которая, несмотря на свою молодость, очень толста) предоставляет своему жениху, кроме трона, брилльянтовое колье Золотого руна, а также в высшей степени драгоценный кинжал с бриллиантовой рукояткой, „dont la lame a servi à Charles III, et le baton de capitaine général"[1]). Будет снаряжено 17 великолепных карет, предназначенных для поездки в церковь Atocha, где одновременно произойдут оба бракосочетания, также и для шествия из Аранжуэца (выговаривается Аранхуэц) в Мадрид. В роде как сюда из Версаля. В случае, если вас забавляют такие описания, то они наверное будут у вас в журналах Дмушевского. Вам вероятно известно, что инфанте неполных 15 лет и что она красивей королевы. В будущем месяце она возвратится с мужем в Париж, где в Hôtel de Ville [ратуше] предполагается бал и разные другие празднества. Если я ее увижу, то я вам сообщу, так ли она красива, как принцесса Жуанвиль (бразилька), самая красивая из всей семьи, стройная, бледная, с большими глазами, брюнетка.

Панна Рашель[2]), которая, как говорят, по болезни хотела уйти из Théâtre français, чувствует себя лучше и вскоре опять выступит. Знаете ли вы, что Валевский[3]) женился на панне Ричи, итальянке, мать которой сестра Понятовского[4]), того любителя музыки, который пишет оперы в Италии и в настоящее время находится в Париже, где ему Пиллэ дал текст для большой оперы. Текст исходит от Дюма, сына и отца. Ибо Дюма, несмотря на свою молодость, имеет уже сына (до женитьбы), который также пописывает. Я не знаю названия новой оперы Понятовского; она вероятно будет поставлена этой зимой.

[1]) Клинок которого служил Карлу 3-му, и жезл главнокомандующего.

[2]) Элиза Рашель (1821—1858), знаменитая французская трагическая актриса.

[3]) Граф Александр Валевский, сын Наполеона 1-го и графини Валевской.

[4]) Князь Иосиф Понятовский, внучатный племянник польского короля Станислава Августа, был послом великого герцога тосканского при парижском дворе. Он написал оперы: „Giovanni de Procida", „Don Desiderio" и др.

Здесь сейчас частые грозы и изрядная жара. Садовник пересаживает цветы. К владениям „Jardin des Plantes“ прикуплены за 900 000 франков соседние участки земли, между которыми находятся земли, бывшие когда-то собственностью Бюффона. Но, несмотря на это, этот сад никогда не будет так красив, как ваш: он не на возвышенности и не на берегу Вислы. Жираф, которого, как я думаю, еще видели Ендржеевичи, прикончил свое существование. Я был бы рад никогда не сообщать таких печальных новостей, как эта. В этом году я получил несколько больше известий о свадьбах, чем о смертях. Я получил только известие о смерти старого графа де-Сабран, которого я очень любил, и о котором я вам часто писал восемь лет тому назад. Он писал красивые сказки, а вернее—рассказывал их, потому что он или ничего, или очень мало из них записал; в некоторых он подражал Красицкому [1]). Кроме этого, как я и сказал, я не получил ни одного известия о смерти. Напротив, я выдал замуж одну из своих учениц в Бордо, другую в Генуе, в Генуе, где только теперь ставят памятник появившемуся там на свет Христофору Колумбу. Оттуда я вам описал дворец, который еще носит его имя и его герб [écusson].

Пани Виардо в Берлине с мужем и матерью. В этом году она здесь не была. Через месяц она приезжает в Париж, где я ее наверное увижу, но позже на зиму возвращается обратно в Берлин, куда она приглашена. Говорят, что Саламанка кроме Гризи и Персиани пригласил и ее на будущее лето в Лондон, но об этом мне непосредственно ничего неизвестно.

Я хотел бы наполнить это письмо лучшими новостями, но я не знаю ничего другого, кроме того, что я люблю вас и еще что люблю вас. Я играю и пишу мало. Своей сонатой с виолончелью я то доволен, то нет. То я бросаю ее в угол, то опять вытаскиваю. У меня три новых мазурки [2]). Мне не кажется, что они со старыми дырами [неразборчивое слово], но нужно время, чтобы об этом судить. Во время работы они кажутся хорошими, потому что иначе не стал бы писать. Только позже приходит раздумье, и отбрасываешь их, или оставляешь. Время лучший цензор и терпенье — лучший учитель. Я надеюсь скоро получить от вас письма и покоен, потому что знаю, как вам трудно собраться при такой многочисленной семье, чтобы написать мне словечко, тем более, что писанья нам недостаточно. Я не знаю—сколько бы нам понадобилось лет, чтобы наговориться, „pour être au bout de notre latin“ [3]), как здесь говорят. Поэтому не удивляйтесь и не огорчайтесь, если от меня нет писем, так как причина тому та же, что и у вас: радость писания к вам всегда соединена

[1]) Известный польский баснописец.

[2]) Мазурки: H-dur, f-moll и cis-moll op. 63, посвященные графине Чосновской, появились в 1847 году.

[3]) Чтобы наговориться до сыта.

с известным горем от сознания, что вместо живых слов, между нами только мертвые вещи. Самое большое счастье для меня это — знать, что вы здоровы и в хорошем настроении. Итак, будьте всегда мужественны! У вас такие очаровательные дети (я пишу во множественном числе, потому что знаю, как Антон и Изабелла относятся к моим племянникам), о бабушке [неразборчивое слово] нечего и говорить! Если только есть здоровье, тогда уж и все хорошо. Я чувствую себя здесь недурно, потому что погода хороша. Повидимому зима не будет дурной, и если поберечься, то проживу ее, как прошлую, и бог даст может быть не хуже. Скольким людям приходится хуже, чем мне. Правда, что многим и лучше, но об них я не думаю.

Я написал панне де-Розьер, чтобы она поручила моему обойщику положить ковры, повесить занавески и портьеры. Скоро уж надо будет думать о моей мельнице, т. е. об уроках. Я уеду отсюда вероятно с Араго и оставлю хозяйку дома еще на некоторое время здесь, потому что ее сын и ее дочь еще не спешат возвращаться в Париж. Был проект провести в этом году зиму в Италии, но молодежь стоит за деревню. Однако, если Соланж и Морис женятся (и то и другое предполагается), то конечно весною планы изменятся. Это между нами: в этом году разумеется этим кончится. Парню 24-й год, дочери—18. Но пусть это останется еще между нами.

Теперь 5 часов, и уже так темно, что почти ничего не видно. Поэтому я кончаю это письмо. Через месяц я напишу вам больше из Парижа. А пока радуюсь тому, что смогу поговорить о вас немного с Новаком. [1]) Обнимите от меня Тита, в случае если его увидите, также соседа Карла и моего крестного отца, как только он вернется. Если в будущем году он поедет в Брюссель на конгресс, подобный тому, который происходил в этом году во Франкфурте, где намечены заседания будущего года, то я надеюсь его увидать, потому что железная дорога уже окончена. Напишите мне также о чете Жозеф и о всех хороших знакомых.

Обнимаю вас сердечно и целую мамочке ручки и ножки.

III.

Мне жаль пустой бумаги, которая ни с чем отправляется к вам, но если я сейчас не отошлю этого à la hâte, то завтра я начну новое письмо, и оно никогда не кончится. Я посылаю его панне де-Розьер, которая, как всегда, всунет туда Людвике [листочек]. Сердечно обнимаю вас всех.

[1]) Сокращение фамилии Новаковского, товарища Шопена по Варшаве, композитора и пианиста.

(479)

225. Шопен Брейткопфу и Гертелю в Лейпциг.

[Париж, 19 ноября 1846.]

Я, нижеподписавшийся, Фредерик Шопен, живущий в Париже, улица St. Lazare, № 34 сим подтверждаю, что я продал господам Брейткопф и Гертель в Лейпциге в собственность следующие сочинения:

Op. 60. Баркаролла для фортепиано.

Op. 61. Polonaise-Fantaisie ditto.

Op. 62. Два ноктюрна ditto.

Заявляю, что я им уступил эту собственность на все времена и для всех стран, включая и Россию, за исключением Франции и Англии, и подтверждаю, что получил соответствующий гонорар, в чем мною выдана особая расписка.

Фр. Шопен.

Париж, сего 19 ноября 1846.

(480)

226. Шопен Жорж Санд.

Среда, 3 часа, [25 ноября 1846]. [1])

Я рассчитываю, что ваша мигрень прошла, и что вы чувствуете себя лучше, чем когда-либо. Я очень рад, что все ваши вернулись, и желаю вам хорошей погоды. Здесь темно и сыро, можно жить лишь с насморком. Гржимале лучше. Он вчера поспал часок впервые после семнадцати дней. [2]) Я видел Делакруа, который всем вам велит передать тысячу нежностей. Он страдает, но все-таки ходит работать в Люксембург. Вчера вечером я был у м-м Марлиани. Она уезжала с м-м Шеппар [3]), г. Обертеном [Aubertin], который имел смелость прочесть вашу „Чертову лужу“ при целом классе (как образец стиля), и с г. д'Арпантиньи. Они отправлялись слушать нового пророка, которому покровительствует капитан. Я не знаю имени пророка (это не апостол). Новая его религия—это религия „фюзионистов“; пророк получил откровение ее в Медонском лесу, где видел бога. Он обещает, как высшее счастье, что по прошествии некоторой вечности не будет более пола. Эта мысль не очень-то нравится м-м Марлиани, но капитан стоит за нее и об'являет, что баронесса навеселе, всякий раз, что она смеется над фюзионистами. Завтра я вышлю вам шубу и прочие поручения. Ваше пианино стоит ровно 900 франков. Я не видал Араго,

[1]) На письме пометка карандашем: „25. . . . 1846“. В 1846 году 25 число приходилось на среду в феврале, марте и ноябре. Это письмо следует отнести к ноябрю, когда Шопен уже уехал в Париж, а Жорж Санд еще оставалась в Ногане.

[2]) Гржимала был болен зимою 1846-1847 года. К январю он поправился, что видно из дальнейших писем Шопена к Жорж Санд.

[3]) Жена американского журналиста, последователя Фурье, приятельница Жорж Санд и Виардо.

но он верно здоров, так как его не было дома, когда Пьер отнес ему вашу записку.

Поблагодарите пожалуйста Маркиза за его о б н ю х и в а н и е моей двери. Будьте здоровы и счастливы. Напишите мне, если вам что-нибудь понадобится.

Преданный вам *Ш.*

Вашим милым детям [привет].

Я получил ваше письмо, которое запоздало на 6 часов. Оно доброе, доброе, превосходное! Итак, я завтра не пошлю ваших поручений. Я подожду. Не пришлете ли вы мне вашу накидку, чтобы ее отдать здесь переделать? Есть ли у вас умеющие портнихи? Итак, буду ждать ваших приказаний. Я очень рад, что конфекты имели успех. Я виноват на счет огнива, но я не знал, есть ли довольно трута. Я иду в почтамт с этим письмом, перед тем как зайти к Гржимале.

Ваш *Ш.*

(483)

227. Шопен Жорж Санд.

Суббота, 2½ часа, [Париж, 12 декабря 1846].

Как мило, что ваша гостинная тепла, что ваш ноганский снег прелестен и что молодежь веселится, как на масленице. Есть ли у вас достаточный репертуар кадрилей, чтобы изображать оркестр? Бори [1]) зашел ко мне, и я ему пошлю тот кусок сукна, о котором вы говорите. Гржимала почти поправился, но вот зато теперь у Плейеля новый приступ лихорадки. Он сделался невидим. Я очень рад, что здешняя дурная погода до вас не доходит. Будьте счастливы и здоровы, как и все ваши.

Преданный вам *Ш.*

Вашим милым детям [привет]. Я здоров.

(484)

228. Шопен Жорж Санд.

Вторник, 2½ часа, 15 декабря 1846. [2])

М-ль де-Розьер нашла требуемый кусок сукна (он оказался в картонке с накидкой м-ль Огюстины [3]), и я вчера вечером сейчас же послал его Бори, который не уезжает сегодня, как было сказано Пьеру. Здесь немного солнца и русский снег. Я очень за вас рад этой

[1]) Виктор Бори (1818—1880), республиканец, журналист по профессии. Зимою 1846-1847 и 1847-1848 гостил в Ногане.

[2]) На конверте написано синими чернилами рукой Жорж Санд: „Chopin.“ Рукой Шопена: „Madame Madame George Sand, La Châtre, Indre, Château Nohan. Почтовый штемпель: Париж, 15 дек. 1846, Ла-Шатр, 17 дек. 1846.

[3]) Огюстина (Августина) Бро.

погоде и воображаю, что вы много гуляете. Заставила ли вчерашняя пантомима плясать Диба?[1]) Будьте здоровы вы и все ваши.

Ваш совершенно преданный *Ш.*

Кланяюсь вашим милым детям.

Я здоров, но не имею храбрости отойти от камина ни на минуту.

(486)

229. Шопен Жорж Санд.

Среда, 3½ часа, [30 декабря 1846. Париж].

Ваши письма сделали меня вчера очень счастливым. Это мое письмо должно к вам придти в самый день Нового года с обязательными конфектами, с stracchino[2]) и кольд-кремом m-me de-Bonne Chose.[3]) Я вчера обедал у м-м Марлиани и возил ее в Одеон смотреть Агнессу.[4]) Делакруа прислал мне хорошую ложу, и я ее поднес м-м Марлиани. По правде сказать, я не испытал особенно большого удовольствия и предпочитаю Лукрецию,[5]) но я не судья в этих вещах. Араго заходил ко мне. Он немного похудел и хрипит, но, как всегда, милый и очаровательный. Погода холодная и приятная для тех, кто может ходить, и я надеюсь, что ваша мигрень изгнана, и что вы гуляете попрежнему в своем саду. Будьте вы и все счастливы в наступающем году, и когда сможете, напишите мне, прошу вас, что вы здоровы.

Ваш преданный *Ш.*

Вашим милым детям [привет].

Я здоров.

Гржимале все лучше. Сегодня я с ним пойду в отель Ламбер[6]) Конечно во всех шубах, в каких только возможно.

(499)

230. Шопен Иосифу Новаковскому.

Среда вечером, [Париж, зима 1846/47 г.]

Что с тобой делается? С пятницы я тебя не видал. Приди же ко мне в № 9 между 12 и 1. Ты знаешь, что мне трудно выходить из дому, и если тебе не доставляет б о л ь ш о г о удовольствия меня видеть, то я имею б о л ь ш о е видеть т е б я, и не по чему иному, как только потому, что ты такой же, как когда-то дома, и такой оригинал,

[1]) Собачка.

[2]) Итальянский сыр.

[3]) Жена друга дома м-м Марлиани, на руках которого м-м Марлиани и умерла в 1850 году.

[4]) Трагедия Понсара „Agnès de Méranie“, первое представление которой было в Одеоне 22 декабря 1846 года.

[5]) Другая трагедия Понсара, написанная в 1843 году.

[6]) Великолепный особняк, один из исторических домов Парижа, где жила семья князей Адама и Александра Чарторижских.

Ари Шеффер. Портрет Шопена (масло); апрель 1847 г. (по копии Станислава Штаттлера).

какого другого нет под солнцем. Уедешь, так уж не увидимся, если бы захотел и заплатить за это. Позже будешь жалеть, что не дал мне поглядеть побольше на свои усы. *Ш.*

[Адрес на конверте:] Monsieur Nowakowski, 4 Cité Bergère, Hôtel de la Cité Bergère.

231. Шопен Христиану Островскому.

[Без даты. Год—1846 написан неизвестной рукой.]

С большой благодарностью посылаю вам обратно любезно предоставленные мне письма и прошу вас, в случае, если в ближайшее время вы будете писать пану Ганке, поблагодарить его очень за его любезную память и присланные мне ноты.

Жалею, что дурная погода не позволяет мне поблагодарить вас устно.

Ф. Шопен.

232. Шопен Жорж Санд.

Вторник, 3 часа, [Париж, 12 января 1847].[1])

Ваше письмо позабавило меня. Я знаю много дурных дней, но по части хороших дней [bons jours], я не встречал иного, кроме вечного кандидата в Академию г. Казимира Бонжура. Мой импровизированный друг напомнил мне того меломана из Шатору, имени которого я не знаю, и который говорил м-м де-Прео, что хорошо меня знает. Если так будет продолжаться, то я подумаю, что я важное лицо. Итак, вы теперь совсем предались драматическому искусству. Я убежден, что ваш пролог будет настоящим шедевром, и что репетиции будут вас очень забавлять; только не забывайте никогда свою вильчуру или мускус. Здесь опять холодно. Я видел обоих Вейре, которые вам почтительно кланяются. Я не забуду [зачеркнуто:] (ваших цветов) счет вашего садовника. Берегите себя, веселитесь, будьте все здоровы.

Преданный вам *Ш.*

Вашим милым детям [привет].

Я здоров, насколько могу.

233. Шопен Жорж Санд.

Воскресенье, $1^1/_2$, (17 января 1847, Париж).[2])

Я вчера получил ваше хорошее письмо от четверга. Итак, вы уже взялись за репертуар театра Porte St. Martin. „Пещера преступле-

[1]) Почтовый штемпель: La Châtre, 13 janv. 1847. Адрес: Madame George Sand, La Châtre, Château de Nohant, Indre.

[2]) На полях пометка карандашем: 14 января 1847; но в 47 году воскресенье приходилось не на 14, а на 17 января.

ния“ [1]), ведь это в высшей степени интересно! Ваш театр „Funambules“ [2]), обратившийся во французскую комедию, или даже оперу с „Дон-Жуаном“, теперь делается романтическим до последней степени. Воображаю впечатления Маркиза и Диба [3])! Счастливые, наивные и мало просвященные зрители! Я убежден, что и портреты, висящие в гостинной, смотрят на вас подобающим образом. Веселитесь же как можно лучше. Здесь, как я вам писал прошлый раз, лишь болезни за болезнями. Будьте все здоровы, счастливы.

Ваш преданный *Ш.*

Вашим милым детям [привет].
Я здоров, насколько могу.

(495)

234. Шопен гр. А. Гржимале.

(Париж, 17 февраля 1847).

Жизнь моя дорогая!

Прошу тебя, приди непременно нынче вечером около восьми. Кроме домашних застанешь только Араго и Делакруа. Сыграю дуэт с Франкоммом. Приходи, жизнь моя, хоть на минутку. Нынче среда первой недели великого поста. Приходи хоть ради раскаяния, что грустно провел масленицу.

Твой старый *Ш.*

Среда.

(500)

235. Шопен Жорж Санд.

Суббота (10 апреля 1847).

Благодарю за добрые вести. Я передал их Морису, который должен написать вам. Он здоров, я тоже. Все здесь в том же виде, в каком вы оставили. Нет ни фиалок, ни жонкилей, ни нарциссов в садике. Цветы ваши унесли, занавески спустили, — вот и все. Будьте счастливы, в хорошем настроении, берегите себя, — и словечко обо всем этом, когда вы сможете.

Ваш преданный *Ш.*

Молодежи [привет].

(501)

236. Шопен своим родным.

Начато за неделю до Пасхи [4]), кончено 19 апреля [1847 Париж].

Мои дорогие и милые, если отвечаешь не сейчас, то позже никак не соберешься, и совесть отталкивает от бумаги вместо того, чтобы привлекать. Пани Санд здесь около 2 месяцев, но сейчас же после

[1]) Шопен написал „Caverne“ (пещера). Пьеса сначала так и называлась, но потом переименовалась в „Taverne“ (таверна) и наконец в „Auberge (кабачок) du crime“.
[2]) Канатный плясун.
[3]) Собаки.
[4]) Пасха в 1847 году была 4 апреля. Таким образом, письмо это было начато в воскресенье 28 марта.

праздников она уезжает в Ноган. Соланж еще не выходит замуж, потому что, когда дошло до подписания контракта, она потеряла охоту. Я очень жалею об этом, и мне жаль молодого человека, потому что он человек очень порядочный и влюблен. Но все-таки лучше, что это случилось до, а не после свадьбы. Говорится, что это отложено, но я знаю, в чем дело. Вы спрашиваете, что я буду делать летом. Ничего другого, чем то, что я всегда делал: поеду в Ноган, как только станет тепло. А до тех пор останусь здесь, чтобы, как обычно, давать у себя на дому много неутомительных уроков. В случае, если Тит приедет, как намеревался, я охотно проведу с ним здесь некоторое время. О вас, Барцинских, я не думаю, чтобы вы решились, а если бы это случилось, то я мог бы где-нибудь встретиться с вами, потому что летом у меня есть на это время, и я мог бы найти употребление заработанным и скопленным зимою грошам, поскольку позволит мое здоровье.

В этом году кризисы моей болезни [mes crises] (чтобы не писать так, как сиделка Альберта, когда он был болен: „la cerise de monsieur“), итак, мои кризисы не очень часты, несмотря на сильные холода. Я еще не видел пани Рыщевску. Пани Дельфина Потоцка [1]) (вы знаете, как я ее люблю) должна была быть у меня с нею, но несколько дней тому назад она уехала в Ниццу. Перед ее от'ездом я у себя дома сыграл ей с Франкоммом свою сонату. [2]) В этот вечер кроме нее у меня были князья Чарторижские, Вюртембергская герцогская чета и пани Санд, и было хорошо.

Только что Франкомм принес мне ложу на завтра в консерваторию и просил кланяться Ендржеевичам. Бедный, все его трое детей тяжело больны корью. Несчастье, которое мне не угрожает. Новаковский, которого Франкомм часто у меня видал, и которого он считает глупым с тех пор, как раз видел, что тот не захотел со мной ехать на вечер к Легуве [3]), где среди многочисленного мира ученых он мог вблизи видеть и слышать Лаблаша [4]), так вот Новаковский наверное уже у вас. Добрый парень, но увалень—не приведи бог! Так например, у него было письмо к Жанену (Janin) [5]). Он мне сказал об этом за несколько недель до своего от'езда. Я думал, что уже поздно, но в тот же день повел его на вечер к Гавару, где был также и Жанен, которому хотел его представить, но он на это не согласился. Несколько дней спустя, он приходит ко мне и рассказывает, что передал Жанену письмо и что тот напишет об нем статью, но только просит меня со-

[1]) Гр. Дельфина Потоцка, большая любительница музыки с прекрасным голосом (сопрано) была с Шопеном в очень хороших дружеских отношениях.
[2]) Соната для фортепиано и виолончели.
[3]) Эрнест Легуве (Legouvé), французский писатель и журналист.
[4]) Луиджи Лаблаш, знаменитый бас.
[5]) Жюль Жанен, парижский критик и фельетонист.

общить ему, что ему написать о сочинениях Новаковского, и чтобы я сообщил об этом Жанену в тот же день до 4 часов. Я ничего не понял и спросил,— с кем он был у Жанена. Он сказал мне—с редактором „Курьера“, интимным другом Жанена. Я знаю главного редактора „Курьера“ Дюрие и спросил,—не с ним ли? Нет,—имя другое, которого я никогда в жизни не слыхал. Но я решил, что это может быть какой-нибудь друг дома Жанена и поэтому говорю Новаку, чтобы он пришел ко мне утром на следующий день, чтобы вместе ехать к Жанену, и пусть Жанен сам мне скажет, чего он хочет. На следующий день меня вносят [1]) к Жанену, который вместе со своей женой принимает меня самым любезным образом. Предлогом своего посещения я выставляю благодарность за хороший прием, оказанный моему соотечественнику. На это Жанен мне возражает, что он сказал Новаку, что ему достаточно от меня двух слов (un petit mot de Chopin) вместо рекомендации, „и представьте себе“, прибавил он, „il se fait présenter par un imbécile, dont je ne sais même pas le nom“ [2]). Итак, оказывается Жанен не знает даже по имени этого „ami intime“ [3]). Оба мы смеялись над добрым Новаком, который под двумя словами от меня представил себе целую статью. Добряк совершенно не владеет французским и понимает только: „garçon, café, bougie, cocher, dîner, jolie mademoiselle, bon [sic!] musique“ [4]). Как Цихоцкий с маленькой печкой, так и он, я не знаю с какой мебелью, проводил здесь время, так что под конец я должен был уж за ним посылать, если хотел его видеть. Здесь при моем содействии будут напечатаны его этюды и посвящены мне. Он мечтает об этом больше всего на свете и чрезвычайно доволен тем, что будет напечатан. Для того, чтобы еще чему-нибудь учиться и привести в порядок свои мозги, он слишком стар. Добрый малый ест, что попало [5]), а я его люблю и таким, потому что он очень старый знакомый. Да я и забыл, что у нас есть много таких людей, которые живут и сами не знают, зачем и почему. Он любит нас всех, как умеет, поэтому и я был ему здесь по возможности полезен, часто стучался к нему в душу, но ничего там не нашел. Парик (который ему сделал Дюран) прикрывает большую пустоту. Он знает и понимает это сам. Да где и какое получил он воспитание? Я требовал от него еще слишком многого потому что не мог его отделить от воспоминания о вас. Он мне передал песни Кольберга [6]): охота смертная, да участь горькая. Смотря на такие вещи, я часто думаю, что лучше бы их не было,

[1]) Шопен не мог ходить по лестницам из-за болезни легких.

[2]) Он явился ко мне с дураком, которого я не знаю даже по имени.

[3]) Близкий друг.

[4]) Мальчик, кофе, свечка, кучер, обед, красивая девушка, хорошая музыка.

[5]) Польская пословица.

[6]) „Песни польского народа“ Оскара Кольберга, вышедшие в Позене, содержат около ста песен. Кольберг написал к ним фортепианное сопровождение.

потому что этот труд только путает и затрудняет работу гения, который современем вынужден будет вылущить истину. А до тех пор все эти красоты останутся с наклеенными носами, нарумяненные, с ногами на подпорках или на ходулях и будут только возбуждать веселость тех, кто случайно на них взглянет.

Сколько ненужных вещей я вам написал, но с тех пор уже прошла неделя. Нынче я опять один в Париже. Вчера уехали пани Санд, Соланж, кузина (та самая) и Люс. И еще три дня прошли. Вчера я получил письмо из деревни. Они все веселы и здоровы, но у них дожди, как и здесь. Несколько недель тому назад здесь открылась ежегодная выставка картин и скульптуры, на которой ничего нет выдающегося, сделанного известными художниками, зато обнаружилось несколько настоящих талантов,—например скульптор, который только два года, как выставляет, по имени Клезанже и художник Кутюр, огромная картина которого, изображающая пир в Риме времен упадка, обращает на себя всеобщее внимание. Запомните фамилию скульптора; наверное я буду часто вам о нем писать, так как он представлен пани Санд. Перед ее от'ездом он сделал бюсты ее и Соланж, которыми все восхищаются. Наверное в будущем году они попадут на выставку.

Я принимаюсь нынче, 16 апреля, в четвертый раз за это письмо, и не знаю, когда его кончу, потому что нынче я должен итти к Шефферу, чтобы позировать для моего портрета [1]), и кроме того дать пять уроков.

Я вам написал о выставке, а теперь напишу о музыке. Итак, „Христофор Колумб“ Давида пользуется почти таким же успехом, как и „Le desert“ [пустыня]. Несмотря на три представления, я его еще не слыхал, да меня и не тянет. Один из желторотых, желая сострить, сказал: „on a crié bis, on a crié ter“ (terre, земля, Land) [2]). Четвертое действие, где индейские песни, кажется очень хорошо. Вчера Вьетан давал свой второй концерт. Я не был, но Франкомм мне говорил, что Вьетан прекрасно играл и что его новый концерт очень хорош. Недавно Вьетан был у меня со своей новой женой, и я в первый раз ему играл. Если бы вчера у Лео меня не усадили за стол смотреть альбом одного художника, 16 лет путешествовавшего по Америке, и от которого я не мог оторваться (чудесные вещи! но их было слишком много для одного раза), то я бы пошел в концерт Вьетана.

[1]) Этот портрет Ари Шеффера (1795—1858) после смерти Шопена находился у его сестры Изабеллы Барцинской. Вместе с другими вещами и бумагами композитора он погиб в Варшаве во время пожара дворца графа Замойского. По счастию в музее кн. Чарторижских в Кракове сохранилась прекрасная копия с этого портрета, сделанная Станиславом Штаттлером.

[2]) По-французски terre — земля, а по латыни ter — трижды. Непереводимая игра слов.

На завтра об'явлен испанский спектакль (в итальянской опере). Приехала испанская труппа и должна нынче играть при дворе. Испанская королева-мать (Христина) уже здесь. Пани Рашель играет нынче перед испанцами при дворе „Аталию", в которой она чудесна, и в которой я ее еще не видал. Аталия дается с хорами Госсека. Госсек был известный и уважаемый французский композитор конца прошлого столетия. Последнее время среди этих хоров к Аталии (которые довольно скучны) исполнялся обыкновенно один очень красивый хор из „Сотворения мира" Гайдна. Когда Госсек, уже весьма престарелый (лет 35 тому назад), услыхал это, то с полной наивностью сказал: „je n'ai aucun souvenir d'avoir écrit cela", [1]) чему все легко поверили.

Посылаю Людвике письмецо от панны де-Розьер, но не от пани Санд, потому что они [2]) слишком торопились уехать. Нынче я опять имел вести из Ногана. Они здоровы и опять устраивают дом по новому — они любят все менять, устраивать вновь; а Люс, которая уехала с ними отсюда, было, как мне пишут, сейчас же по приезде отказано. Так что из старых слуг, которых видели Ендржеевичи, ни одного уже нет: ни старого садовника, который там прожил 40 лет, ни Франсуазы, прожившей 18 лет, а теперь и Люс, которая родилась там, и которую носили крестить в одной колыбели с Соланж. Все это со времени прибытия той кузины, [3]) которая имеет виды на Мориса, а он ею пользуется. Это между нами.

11 часов. Пришла панна де-Розьер. Греется у камина, удивляется, что мое письмо еще не отправлено, жалуется на возраст своего и собирается писать второе.

Письмо снова прервано, и день прошел. Итак, вчера я был у Шеффера; оттуда навестил Делакруа; давал поэтому меньше уроков, не имел охоты одеваться к обеду и провел вечер дома, играя и мурлыкая песни с берегов Вислы. Нынче я проснулся в 7 часов. Потом приходил мой ученик Гутман, прося не забыть об его нынешнем вечере. Позже пришел Дюран, и был подан шоколад. Мой шоколад приезжает прямо из Бордо, где он приготовляется для меня нарочно безо всякого аромата в одном частном доме, у кузины моих прелестных учениц, которая питает меня этим шоколадом. Нынче утром был у нас мороз, но к счастью очень маленький. Он вероятно не повредит хорошему урожаю, который ожидается в этом году. Хлеб здесь, как вы знаете, очень дорог, и поэтому царит сильная нужда, несмотря на большую благотворительность [charité]. Разумеется пани Санд много помогает в деревне и в окрестностях, и это одна из многочисленных причин, кроме отложенной свадьбы дочери, по которой она этой зимой

[1]) Совсем не помню, чтобы я это написал.
[2]) Шопен опять говорит о Жорж Санд во множественном числе.
[3]) Августина Бро.

так рано уехала. Последнее появившееся ее произведение—„Лукреция Флориани"; но уже четыре месяца, как „Пресса" [„La Presse"] приняла ее новый роман под заглавием „Пиччинино" (что значит „маленький"). Действие происходит в Сицилии. В нем много хорошего, и я не сомневаюсь, что Людвике он понравится больше „Лукреции", которая и здесь вызывает меньше восторгов, чем другие романы. Пиччинино — это прозвище (sorbiquet) одного сицилийского бандита из-за его маленького роста. В романе прекрасные мужские и женские характеры, много естественности и поэзии. Я помню, с каким удовольствием я его слушал.

Теперь она опять начинает что-то новое, но в Париже у нее не было ни минуты покоя.

Прошло еще три дня; нынче 18-е число. Вчера я должен был дать 7 уроков и среди них лицам, вскоре уезжающим. Вечером, вместо того, чтобы переодеться и ехать в Сен-Жерменское предместье, я пошел вместе с Альканом в „Водевиль", чтобы посмотреть Арнала [1]) в новой пьесе пана Дювера, под заглавием: („Ce que femme veut" [2]). Арнал, забавный, как всегда, рассказывает публике, как он на железной дороге хотел совершить житейские потребности и нигде не мог вылезти вплоть до самого Орлеана. Не произносится ни одного неприличного слова, а всякий знает, в чем дело и смеется от всего сердца. Раз, говорит он, остановились, и он хотел сойти, но ему сказали, что остановились „pour prendre de l'eau pour la machine, et cela n'était pas son affaire du tout", [3]) и тому подобное.

Нынче 19-е. Вчера меня прервало письмо из Ногана. Пани Санд мне пишет, что она будет здесь к концу будущего месяца, и чтобы я ее подождал. Вероятно свадьба Соланж идет на лад, но не с тем, о ком я вам писал. Дай им бог всего хорошего. В последнем письме все были веселы, и я питаю поэтому добрые надежды. Если кто-нибудь достоин счастья, так это пани Санд. Турчинович только что принес мне религиозные песни Стефани, [4]) которых я не смогу просмотреть до его от'езда, так как по его словам он нынче уезжает. Я ему написал словечко благодарности, которого он просил у меня в письменной форме. В случае, если вы где-нибудь встретите Стефани, то поблагодарите его, также как и Кольберга, за его усердную работу. Кончаю, потому что должен дать урок молодой пани Ротшильд,— потом одной марсельке, потом англичанке, потом шведке, а в 5 часов должен принять семью из Нового Орлеана, рекомендованную мне Плейелем. Потом я буду на обеде у Лео, потом на вечере у Пертуиса, потом лягу спать, если удастся. Обнимаю вас. Новак верно уж у вас.

[1]) Этьен Арнал (Arnal) (1794 — 1872), любимый парижский комик.
[2]) Чего хочет женщина.
[3]) Чтобы набрать в машину воду, а ему нужно было совсем не это.
[4]) Иозеф Стефани, польский композитор; родился в Варшаве в 1800 году.

Верник [1]) здоров; мы понемножку начинаем заниматься. Обнимите Тита и напишите мне о нем и о Дрездене. Здесь больше нет Лорки: добрая душа написала мне из Дрездена. Мери написал мне из Рима; он едет в Гиер, где живет также Софи Розенг[артен], которая чувствует себя довольно хорошо и счастлива. Они мне написали. Я обнимаю мамочку и всех вас от всего сердца.

[Приписка:]

Ясь пишет мне, что он здоров, но... но... что он серьезно думает начать работать и расчитывает только на свои собственные силы. Может быть я забыл написать о многих интересных вам вещах, а пишу о менее интересных; тогда простите меня, что не всегда я бываю одинаково расположен. Я решил нынче отослать это вечное письмо. Будьте поэтому довольны новостью, что я здоров, и что нынче в первый раз за целую неделю светит солнце.

237. Шопен Жорж Санд.

(Без даты.)

Морис выехал вчера совершенно здоровый и в хорошую погоду Ваше письмо пришло ко мне после его от'езда. Я надеюсь, что получу от вас еще одно, которое точно установит день вашего приезда, чтобы еще протопить ваши комнаты. Итак, да будет с вами хорошая погода, прекрасные мысли и все счастье, какое только возможно на свете.

Ваш преданный *Ш.*

Среда.

Молодежи [привет].

238. Шопен Жорж Санд.

Четверг, [Париж, 29 апреля 1847.]

Вы совершаете чудеса трудолюбия, и это меня не удивляет. Да поможет вам бог! Вы здоровы и будьте здоровы. Ваши занавески еще здесь. 30-е — это завтра. Но я вас не жду, не получив еще окончательного словечка. Погода прекрасная. Листья собираются распускаться. Дорога будет у вас прекрасная. Не отнимая ни минутки у вашего сна, вы все-таки накануне от'езда напишите пожалуйста словечко, потому что надо еще протопить в ваших комнатах. Берегите себя. Будьте покойны и счастливы.

Ваш преданный *Ш.*

Молодежи [привет].

[1]) Казимир Верник, пианист, ученик Шопена (род. в 1828 г. в Варшаве — умер в 1859 г. в Петербурге).

239. Шопен Жорж Санд.

Суббота, [Париж, 15 мая 1847.]

Говорить ли вам, какое удовольствие доставило мне ваше доброе письмо, которое я только что получил, и насколько все превосходные подробности, касающиеся того, чем вы теперь заняты, заинтересовали меня. Вы хорошо знаете, что никто из ваших друзей не шлет более искренних пожеланий счастья вашей дочери, чем я. Итак, скажите ей это от меня. Я уже поправился [1]). Да поддержит вас господь в ваших делах и вашем здоровье. Будьте счастливы и покойны.

Ваш преданный *Ш.*

240. Шопен Соланж Клезанже. [2])

[Париж, май 1847.]

Я раньше уже просил вашу мать передать вам мои самые сердечные пожелания на будущее, и на этот раз не могу удержаться, чтобы не высказать вам всего удовольствия, которое мне доставило ваше прелестное маленькое письмо, в котором вы кажетесь мне такой счастливой. Итак, вы в апогее счастья, и я бы желал, чтобы так было всегда. От всей души шлю вам пожелания неизменного благополучия.

241. Шопен Брейткопфу и Гертелю в Лейпциг.

(Париж, 30 июня 1847.)

Я, нижеподписавшийся, Фр. Шопен, живущий в Париже, улица St. Lazare, № 34, сим подтверждаю, что я продал господам Брейткопфу и Гертелю в Лейпциге следующие произведения моего сочинения:

Op. 63. Три мазурки для ф.-п.

Op. 64. Три вальса для ф.-п.

Op. 65. Соната для фортепиано и виолончели.

Заявляю, что я им уступил эту собственность без всяких ограничений на все времена и для всех стран, за исключением Франции и Англии, и подтверждаю, что получил соответствующий гонорар, в чем была сделана особая расписка.

Ф. Шопен. [3])

Париж, сего 30 июня 1847.

[1]) О болезни Шопена упоминается в письме Жорж Санд к де-Розьер от 8 мая 1847 г.

[2]) Соланж вышла замуж за скульптора Клезанже 20 мая 1847.

[3]) Автограф находится у фирмы Брейткопф и Гертель в Лейпциге.

(576)

242. Соланж Клезанже Шопену.

[Ла-Шатр, 18 июля 1847.] [1])

Мой дорогой Шопен!

Я больна. Путешествие в дилижансе в Блуа очень меня утомит. Не одолжите ли вы мне вашу карету, чтобы вернуться в ней в Париж? Ответьте мне, пожалуйста, тотчас же. Я жду, чтобы уехать, вашего ответа в Ла-Шатре, где мне очень неудобно. Я навсегда покинула Ноган после самых ужасных сцен со стороны моей матери. Подождите меня пожалуйста, прежде чем оставить Париж. Мне очень хочется сейчас же вас видеть. Мне решительно отказано в вашей карете. Так что, если вы хотите, чтобы я ею воспользовалась, черкните мне словечко разрешения, которое я пошлю в Ноган, чтобы ее взять.

До скорого, надеюсь, свидания.

Соланж.

Воскресенье вечером.

Адресуйте г-ну Симоне в Ла-Шатр.

(577)

243. Шопен Соланж Клезанже.

Среда, [Париж, 21 июля 1847.]

Я очень огорчен, узнав, что вы больны. Спешу предоставить свою карету в ваше распоряжение.

Я об этом написал вашей матери. Берегите себя.

Ваш старый друг *III.*

(578)

244. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Париж], 15 сентября 1847 г. [2])

Княжна Марцеллина приехала недели на две. Князья остались еще в Диеппе. Я, еще больной, не могу найти квартиры. Если можешь, то приходи. Надеюсь, что ты здоров. Тут уж начинает быть мерзко на дворе. Напиши словечко, если не придешь.

Твой до смерти *III.*

Среда.

---

[1]) Письмо это можно предположительно датировать 18 июля, так как Жорж Санд в письме к де-Розьер (см. В. Каренин: Жорж Санд, ее жизнь и произведения) от июля 1847 г. пишет: „Эта дьявольская чета в ч е р а вечером уехала". Письмо Соланж к Шопену — от воскресенья, а в июле 1847 г. воскресенья были 4, 11 и 18. Вероятнее всего — это письмо было написано 18, так как от 25 июля имеется уже следующее письмо Жорж Санд к этой же адресатке с упоминанием о тех же событиях.

[2]) Гёзик и Гуттри ошибаются, датируя это письмо 17-м; потому что в среду 1847 году было не 17, а 15 сентября.

(521)

245. Шопен Соланж Клезанже.

Париж, суббота, 18 сентября 1847.

Сердечно благодарю вас за ваши хорошие вести. Sachet уже у меня, а м-ль де-Розьер я сказал, что вы ей напишете.

На днях я вошел во двор Лафит и К⁰ в одну дверь в тот момент, когда вы выходили через другую. Ничего нет удивительного, так как на моей карете стояла цифра 7 [1]). Поэтому я вам и не ответил сейчас же, вчера 17-го, желая, чтобы мое письмо застало еще вас в Безансоне. Итак, вы будете странствовать по прекрасной Франш-Конте. Пожалуйста не забывайте меня среди своих путешествий, чтобы я знал, куда вам писать. Мой швед меня покинул, а я не могу следовать за ним в Стокгольм. Все еще никаких известий [2]). А вы продолжайте быть здоровой.

Позвольте крепко пожать вашу руку и пожелать вам счастья, также как и вашему мужу.

III.

(523)

246. Соланж Клезанже Шопену.

30 [сентября], Безансон, [1847].

Я очень медлила дать вам весть о себе, мой маленький Шопен, но это от того, что вот уже много дней, как голова не занята у нас ничем другим, кроме грязных денежных дел. Был момент, когда мы думали, что погибли. Невозможно было нигде сделать заем, а было нужно 8.000 франков, чтобы заплатить по векселям на следующий день в Париже. Никакой возможности добыть их во время, даже с кредитом отца, который вовсе не склонен распинаться за нас. Наконец, благодаря случайной игре судьбы, я нашла в своем нессесере бумаги Каве, и мы получили 9.000 франков из Люксембурга. Согласитесь, что моя покровительница [patronne] повидимому вмешалась в это и сама положила в мой портфель бумаги, которые я считала ненужными и брошенными в Париже. Все имущество парижское было бы вероятно опечатано. Вот каково положение через 4 месяца после свадьбы и с такими именами, как наши!—Кстати, г. Буземон сам передаст вам те 500 франков.—Вы слишком хорошо знаете важность услуги, которую вы мне оказали, чтобы мне нужно было вам об этом напоминать. Без вас мы и тогда уже были бы в грустном положении. В первый раз случилось, что я так близко столкнулась с делами и, признаюсь,—испугалась. Теперь я приобрела опыт в такого рода делах, и они меня не так поражают. Свыкаешься со всем, даже с заботами. Заметьте хорошенько, что возмездие всегда идет оттуда, где согрешил.

---

[1]) Шопен был суеверен и цифру 7 считал несчастливой.

[2]) От Жорж Санд.

Вообразите себе меня, с моим вкусом к роскоши, меня, которая едва сочла бы для себя достойным ехать в карете шестеркой, меня, которая расчитывала жить в заоблачных сферах поэтических грез, среди облаков и цветов, и вот—я прозаичнее, пришибленнее, чем самое низменное [terre à terre] существо. Я уверена, что сделаюсь скупой, я, которая готова была бросать миллионы из окон. Я постарела в 8 дней больше, чем в 18 лет, и я думаю, что мало женщин моего возраста, воспитанных как я принцессами, прошли бы через такие тяжелые испытания так спокойно, как это сделала я.

С одной стороны денежные заботы, с другой — мать, которая грубо бросает меня, не имеющую никакого понятия о жизни. Отец, скорее жесткий, чем нежный, отец без ласки — вот что не каждый день случается с девушкой в 19 лет. Я нахожу пристанище в семье своего мужа и встречаю любовь и ласку у таких родственников, которые меня не воспитывали и совсем меня не знают. Жизнь—жестокая вещь, как говорят крестьяне. К счастью у меня мой скульптор, который меня утешает во всем и который мне все заменяет.

Вот как долго, мой добрый Шопен, я вам надоедаю своими горестями. Кончаю, чтобы не нарушать ваш покой и крепко жму вашу руку. Клезанже присоединяется; он хорошо знает цену вашей старой дружбы ко мне. А я теперь чувствую, что значит в жизни друг, в особенности, если он единственный. Моя мать, первый лучший друг, которого мне дало провидение, бросает меня на всех святых рая, не зная даже, соблаговолит ли кто-нибудь из них мне покровительствовать.

Прощайте, напишите мне несколько слов о своем здоровье и о том, что могло бы мне быть интересно.

Буду писать м-ль де-Розьер, чтобы сказать ей, что делается хорошего в Безансоне.

Четверг.

(524)

247. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Пятница, 1 октября 1847, [Париж.]

Дорогой приятель!

Благодарю тебя за твое доброе сердце, но я очень богат нынче вечером.

Всем сердцем твой *Ш.*

(525)

248. Шопен Соланж Клезанже.

Суббота, 2 октября [1847, Париж].

Только что я собрался вам писать, чтобы поблагодарить вас за визит клерка г. Буземон и попросить у вас новостей о себе, как мне принесли ваше милое письмо. Оно мне сделало больше добра, чем

флакон Моллэнз, и я уж совсем собрался отправиться к г. Ротшильду и провести несколько дней в его имении Ферьер. Бедный Энрико [1]) умер 3 дня тому назад в лечебнице (м-м Марл[иани] сдала свою квартиру и живет в меблированных комнатах). Этого доброго Энрико ей начинает сильно недоставать. Вчера она приходила ко мне, чтобы меня повидать и сказать мне, что удивляется отсутствию ответа из Ногана на ее последнее письмо (она вероятно по своему обыкновению делала какие-нибудь вопросы). Ни у кого нет новостей, ни у Гржималы, ни у Делакруа, который искренне жалеет, что не видал вас, ни у м-ль де-Р[озьер], которой я сообщу ваше следующее письмо. Она рассчитывает скоро начать свои уроки в Шайо. Я уже начал свои уроки, и одна уже сидит, ожидая конца этого листа, который я желал бы наполнить всевозможными хорошими новостями. Однако, у меня их нет, и я бросаю перо, пожелав вам обоим всякого возможного счастья и поблагодарив вас от всей души за ваши добрые слова. Моя старая дружба всегда и всегда. *Ш.*

Пожалуйста пожмите руку вашему мужу, и поправьте мой французский язык, как когда-то.

(530)

249. Шопен Соланж Клезанже.

Вторник.

Я получил ваше письмо с радостью, а читал его с грустью. Что это за сплетни! Ваш муж никогда не занимал у меня никакой большой суммы, чтобы заплатить за вашу мебель. Приехавши в Безансон, вы мне сейчас же прислали 500 франков. Я также нашел в своем кошельке 5 луи и все забывал поблагодарить вас за деликатную манеру выплачивать большие суммы своему кредитору. Будьте счастливы.

Вашему мужу [привет]. Преданный вам *Ш.*

(527)

250. Соланж Клезанже Шопену [2]).

Ла-Шатр, 9 ноября [1847.]

Вот мы и приехали в Ла-Шатр без помех. Первую ночь мы ночевали у Марионе, а на следующий день за нами заехал Дюверне, возвращаясь с ярмарки из Понта. Мы у него. Вчера Сильвен отвез в Ноган известие о моем приезде. Моя мать сейчас же прислала его спросить, приеду ли я к ней. Я была там с г-м и г-жей Дюверне. Я нашла

[1]) Брат мужа м-м Марлиани.

[2]) Почтовый штемпель: Ла-Шатр, 10 ноября, 47.
Адрес: Г-ну Шопену, 9 cour d'Orléans, Париж.

ее очень изменившейся, но холодной, как лед, даже грубой. Она начала с того, что если я рассорюсь с моим мужем, то смогу вернуться в Ноган. Что же касается его, то она не желает его знать. Как вам нравится это начало? Вы легко поймете, что после этого я не могла ей сказать ничего нежного. Она начала говорить со мной о делах, и я увидала, что она была также стеснена в средствах, как и мы. Морис вышел ко мне навстречу со своим ртом эгоиста и тирана. Он играл с Бебе и был со мной предупредителен. В конце концов я уехала из Ногана гораздо более удрученная, чем если бы я никого не видала. Ламбер устроился в сарае для мебели, предназначенном под мастерскую моему мужу. Моя комната совершенно разорена: вынесены занавески, кровать и т. д. Комната разделена на две части: одна—зала, другая—сцена, и там играют комедии. Леонтина, Анри, Дюверне присутствовали на представлении. Кабинет превращен в склад костюмов, а будуар—в фойе для актеров. Кто бы мог поверить подобной вещи! Мать, которая устраивает театр в свадебной комнате своей дорогой дочери!

Моя мать не поедет на зиму в Париж. Она предложила мне свою квартиру, но я ее поблагодарила, потому что она уже второй раз дарит мне свою обстановку. Нынче утром она меня звала через Симоне, чтобы говорить о делах, как будто бы между нами стоят теперь деловые вопросы.

Прощайте, мой маленький Шопен. Я уезжаю—Дюверне меня ждет. Завтра я уезжаю в Гильери.

Надеюсь, что вы здоровы. Целую м-ль де-Розьер. Расскажите ей все это.

Я приехала на улицу Лаваль, минуту спустя после вашего от'езда. Я очень жалела, что не видала вас.

Прощайте еще раз.

Соланж.

(528)

251. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], среда 24 [ноября 1847].

Вот уже две недели, как каждое утро я начинаю вам писать о том, как я опечален результатом ваших двух визитов в Ноган. Все-таки первый шаг сделан: вы были сердечны, совершилось некоторое сближение, так как вас просили писать. Время сделает остальное. Вы знаете также, что не нужно принимать буквально все, что говорится, и если не хотят больше знать чужого, как меня например, то того же самого не может случиться с вашим мужем, сделавшимся членом семьи.

Вчера я видел м-ль де-Р[озьер], которая мне сказала, что м-м Баскан [1]) имела известия от вас, но не из Ногана еще. М-м Баскан

[1]) Дама, имевшая пансион в Париже, в котором училась Соланж.

в постели, в лихорадке и с насморком. Весь Париж болен. Погода ужасная, и вы хорошо делаете, что находитесь под прекрасным небом [1]). Оставайтесь там здоровой и в хорошем настроении. Я постараюсь сообщать вам новости лучшие, чем наш климат; но для этого нужно, чтобы кончился этот мерзкий год [2]). Этот год отнимает у Гржим[алы] все его состояние. Он потерял только что все в несчастном коммерческом деле. У меня был Делакруа, который меня просил передать вам его сожаления по поводу того, что ему не удалось вас встретить. Бинья не приходил. М-м Марлиани разводится легально. Вот новости всех сортов. В „Siècle" есть статья вашей матери об истории Луи Блана. Вот и все. Я задыхаюсь [3]), у меня болит голова, и я прошу у вас прощенья за свою мазню и свой французский язык. Пожмите мне хорошенько руку, вы и ваш муж. Храни вас бог.

Преданный вам *Шопен.*

[Париж], среда 24 [ноября 1847].

Подайте мне признак жизни. В следующий раз я вам напишу лучше и больше.

(529)

252. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], вторник 14 декабря [1847] [4]).

Как только приехал курьер, я отправился к вашему мужу, чтобы передать ему письмо; он состоял в охране Тюльери, и я мог сойтись с ним только поздно, в 7 часов вечера, чтобы итти обедать. Он мне сказал, что в этот же день писал вам, что на днях он поедет в Гильери; это будет неплохо для вас обоих. Вы хорошо делаете, что не болеете гриппом. Весь Париж кашляет. Я задыхаюсь и жду холеры. Людвика мне пишет, что холера у ворот Варшавы, и что никто ее не боится. М-м Баскан лучше; вы наверное получили уж известия от нее. М-ль

[1]) У своего отца в Гильери.

[2]) Разрыв с Жорж Санд произошел в 1847 году.

[3]) У Шопена уже тогда был серьезный легочный процесс, от которого он два года спустя и умер.

[4]) Отнести это письмо к 1848 году, как это делают Гёзик и Гуттри, невозможно хотя бы уже потому, что Гёзик утверждает, что Шопен вернулся из Англии только в марте 1849 года, значит в декабре 1848 г. он никак не мог бы быть в Париже. 13 декабря 1848 г. Шопен был очень болен, лежал в постели и едва ли был в состоянии итти обедать с Клезанже. В письмах к Соланж от 2/X и 24/XI—1847 г. Шопен пишет, что м-м Баскан больна, и что Энрико умер. Здесь—что ей лучше, а Энрико забыт совершенно. М-м Марешаль спрашивает Шопена о новостях из Берри, т. е. из Ногана, о которых, если бы это был действительно 1848 год, Шопен ничего не мог бы знать, вернувшись из Англии всего три недели назад (см. примечание к письму к Альберту Гржимале от 21 ноября 1848 г.). И, наконец, 14 декабря 1847 года действительно приходилось на вторник, а в 1848 году во вторник было 12 декабря. Все эти соображения не оставляют никаких сомнений, что это письмо относится к 1847 году.

де-Розьер напишет вам также. Фалампен присылал к ней за ключами от Сквера [1]). Я очень надеюсь на вашу корреспонденцию с Ноганом для вашего общего спокойствия. С божьей помощью все устроится. М-м Марешаль присылала ко мне за новостями из Берри. Я ответил, что там все здоровы, и что в один из ближайших дней я поеду в Елисейский дворец. Откровенно говоря, мне трудно решиться отправиться и сообщить печальные новости [2]) доброй старой м-м Марешаль. Кроме того, я так мало двигаюсь; я еле навещаю Гржималу, который не выходит совсем. Княгиня все еще на „chaise longue", как два года назад. Базар [3]) приближается и не обещает ничего блестящего. О бале и речи нет. Ко мне приходил Делакруа. Ничего об Араго. М-м Марлиани, которая еще раз переменила квартиру (она живет теперь на улице Годо), сказала мне, что она получила недавно очень утешительные известия из Ногана; ей дается отчет. Жаль ее. Энрико забыт совершенно. Однако все это глупые новости! в данный момент не могу сообщить вам ничего веселого, кроме скорого приезда вашего мужа в Гильери и хорошего письма из Ногана. Да хранит вас бог.

Преданный вам *Ш.*

(531)

253. Шопен Ипполиту Блотницкому [4]) в Париж.

[Париж, 15 декабря 1847] [5]).

Любезный пан Блотницкий!

Жду вас днем от 2-х до 6-ти. Даже если будут уроки, все-таки приму. Только пожалуйста скажите у меня внизу, что я вас жду.

До приятного свидания *Шопен.*

Среда вечером.

(536)

254. Шопен своим родным.

Людвике.

Одно из старых, начатых и не сожженных писем.

[Париж], Рождество 1847.

Милые дети! Я ответил не тотчас же, потому что я ужасно занят. Впрочем, панна де-Розьер наверное ответила Людвике сейчас же, что я здоров и занят выше головы. Очень благодарю вас за бюст моего

[1]) От квартиры Жорж Санд.

[2]) Шопен подразумевает вероятно свой разрыв с Жорж Санд.

[3]) В Hôtel Lambert ежегодно устраивался базар-аукцион в пользу польских эмигрантов.

[4]) Ипполит Блотницкий, секретарь кн. Адама Чарторижского.

[5]) Гёзик неправильно датирует это письмо 17-м декабря, так как среда в 1847 г приходилась на 15, а не на 17 декабря.

крестного отца. Он обладает более одухотворенной физиономией, а создатель бюста наоборот—вероятно человек заурядный, и невольно придал ей свой отпечаток. Я вам послал с камергером Валевским маленький „Ladys Companion" для Людвики от моей доброй шотландки [1]), а теперь — обычным путем гравюры к Новому году. Гавар [2]) дал мне для Людвики свои рисунки (неотосланная половина которых с давних пор у меня и ждет оказии). Я когда-нибудь привезу их сам. Пусть Людвика поблагодарит его, если хочет. Сверх того, для Людвики: „Босфор" и „История Парижа". Для Изабеллы: „Ирландия", „Рим" и „Франция". Для маленькой Людки: „Поль и Виргиния". Для Каласанти: „Les gentilhommes" и „Les madeleines", а Бартеку для смеху: „Les professeurs". Третьяго дня я провел сочельник самым прозаическим образом, но все-таки думал о вас. Всем вам самые сердечные пожелания счастья, как всякий год. Здесь Лорка. Я часто ее вижу. Она постарела и покажется вам теперь лучше. На этой неделе она уезжает в Дрезден. Мне приятно говорить с ней о вас. Она любит вас самым искренним образом. Я познакомился также с дочерью князя Михаила и с ее мужем. Я учу пани Калергис, которая действительно очень хорошо играет и имеет в высшем парижском обществе во всех отношениях большой успех.

Сол[анж] в Гаскони у своего отца. Проездом она навестила свою мать. Она была в Ногане вместе с Дюверне, но была холодно принята матерью, которая ей сказала, что она может вернуться в Ноган, если расстанется со своим мужем. Соланж увидела свою свадебную комнату, превращенную в театр и свой будуар—в уборную для актеров, и пишет мне, что ее мать говорила только о денежных делах. Брат ее играл с ее собачкой и все, что он нашел нужным ей сказать, было: „veux-tu manger quelque chose?" [3]). Кузина и другие были невидимы. Словом, оба визита ни к чему не привели, так как, когда день спустя, перед своим от'ездом, она приехала снова, то была принята еще холоднее. Но мать сказала ей все-таки, чтобы она ей писала, что она и намерена делать. Теперь она, кажется, больше сердится на зятя, чем на дочь, а в знаменитом письме ко мне она писала, что зять не плох, а его таким делает дочка. Можно подумать, что она хотела одним ударом отделаться от дочери и от меня, так как мы оба стали неудобны! С дочерью она будет в переписке и этим станет успокаивать свое материнское сердце, которое не может обходиться без известий от ребенка, и таким образом заглушит свою совесть.

Она убедит себя, что права, и об'явит меня своим врагом только по той причине, что я принял сторону зятя (которого она только

[1]) Ученица Шопена Штирлинг, о которой часто будет речь в дальнейших письмах.

[2]) Шарль Гавар, писатель и друг последних лет жизни Шопена, часто читавший вслух смертельно больному композитору.

[3]) Не хочешь ли ты поесть чего-нибудь?

потому не терпит, что он женился на ее дочери, против чего я ее всеми силами предостерегал).

Удивительное создание при всем своем уме! На нее напало какое-то сумасбродство, она портит собственную жизнь и жизнь своей дочери. С сыном тоже плохо кончится, — я предсказываю и утверждаю это! Для своего оправдания она готова придумать что-нибудь против тех, которые желали ей добра, в нее верили и никогда не сделали ей ни одной грубости, и которых она не может видеть около себя только потому, что они зеркало ее совести! Вот почему она мне и не написала больше ни слова и не приедет этой зимой в Париж, и не обмолвилась также обо мне ни словом с дочерью. Я отнюдь не жалею, что помог ей пережить восемь самых трудных лет ее жизни, — то время, когда подрастала дочь, а сын воспитывался около матери. Я не жалею ни о чем, что мне пришлось проглотить; жалею единственно только о том, что она свою дочь, такое взлелеянное и от стольких бурь убереженное растение, сломала материнской рукой с безрассудством и легкомыслием, простительным двадцатилетней, а никак не сорокалетней женщине!

„Что было и чего нет больше, то не попадет в список“ [1]. Пани Санд, если она когда-нибудь захочет пересмотреть свою жизнь, может сохранить обо мне только хорошее воспоминание. Она переживает теперь, как мать, самый причудливый пароксизм, в котором разыгрывает роль лучшей и более справедливой матери, чем она есть на самом деле! Против такой горячки нет никаких лекарств для голов с подобным воображением, когда они попадают на столь зыбкую почву. Впрочем, и „у кипарисов свои капризы“ [2].

Зима здесь пока не слишком лютая. Грипп сильно распространился. С меня довольно моего обычного харканья, и гриппа я не боюсь, также как вы холеры. Я нюхаю беспрестанно свои гомеопатические флаконы, даю дома много уроков и по возможности держусь. Каждый день собираюсь вам писать и 6-го января 1848 года довожу до конца это, начатое в прошлом году, письмо. Лорка вчера уехала в Дрезден. Ее невестка выходит замуж за Олизара. Перед отъездом Лорки мы обедали вместе с пани Рыщевской, которую я тоже очень люблю. Все они, чем старше, тем становятся лучше,—лучше, чем когда они были слишком молодыми. Не знаю, писал ли я вам, что честного Войцеха (отца Гржималы) постигла большая финансовая потеря, и он имел и еще будет иметь большие неприятности, так как человек, пользовавшийся его полным доверием, „habileté“ [ловкость] которого была известна всем опытным банкирам и людям „du métier“ [деловым] и ими

[1]) Польская пословица.

[2]) Польская пословица: „Wszakże i cyprysy mają swe kaprysy“ (у всякого барона своя фантазия).

ценима, обманул его и скрылся. Постепенно все-таки все выясняется: он чист, как янтарь, и страдает больше всех. Между тем как те, у которых в этом предприятии были акции, терпят меньшие убытки, чем они сначала думали. Это предприятие — entrepôt [склад] у Северного вокзала. Там складываются товары, которые потом предназначаются к рассылке во все стороны. Дело надежное и хорошее, но заместитель Гржималы, который этим, главным образом, заведывал, подписывал, не имея на это права, незаконные суммы, которых не был потом в состоянии оплатить. Он должен был бежать и оставил все эти хлопоты на голову нашему честному Войцеху, который отчасти, но не вполне, уже выпутался из этой аферы. Я пишу вам об этом, чтобы до вас не дошли отсюда какие-нибудь дурные вести, потому что на свете довольно charitables [благодетельных] людей.

В „Debats“ [1]) печатается теперь новая повесть пани Санд (в деревенской берришонской манере, как „La mâre“) [2]), начало которой хорошо. Она называется: „François le champi“. Champi называются в деревнях те незаконнорожденные, которых отдают на попечение бедным женщинам, за что больницы им платят. Говорят также, что она пишет мемуары. Однако, в письме к пани Марлиани пани Санд говорит, что речь идет скорее об ее прежних мыслях об искусстве, литературе и т. д., чем о том, что обычно подразумевается под мемуарами. И действительно, это было бы немного преждевременно, так как милой пани Санд предстоят еще в жизни разные и удивительные превратности, и она переживет еще много прекрасного и дурного, прежде чем состарится.

Пани Обрезкова здесь и говорит мне много о мамочке всякий раз, что мы встречаемся. Я обещал ей обедать у нее каждую неделю.

(534)

255. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], 31 декабря 1847.

Сердечно благодарю вас за то, что вы меня помните. Мне не нужно вам говорить о тех пожеланиях счастья, которые я шлю вам к Новому году. Письмо ваше я отнес сейчас же к вашему мужу, который, как он мне сказал, завтра уезжает, чтобы присоединиться к вам. Он много работал над своими мраморами для выставки, что мешало ему раньше покинуть Париж. Г-н де-Ларак получил отказ от квартиры № 3, также как и от квартиры Мориса, что меня заставляет верить в счастливую мысль моего соотечественника, если он действительно мой

[1]) „Journal des Debats“, распространенный французский журнал.

[2]) „La mâre au diable“, роман Жорж Санд, в котором описывается деревенская жизнь провинции Берри. Жителей этой провинции зовут „берришонами“, поэтому Шопеном употреблено выражение „берришонская манера“.

соотечественник [1]). Только бы все были довольны. Я верю, что понемногу все образуется, и скоро вместо 9 строчек вы получите 90,— и что счастье бабушки будет счастьем молодой матери. Вы обе будете обожать маленького ангела, который явится в мир, чтобы привести ваши сердца в их нормальное состояние. Вот программа 1848 года.

На днях в „Debats“ должен появиться новый роман под заглавием „François le Champi“. Гетцель в „Petit Journal“ неопределенно об'являет также о чем-то в роде „Мемуаров“. У м-м Марлиани были об этом новости, и она мне сказала, что в этой книге будет говориться об искусстве и вопросах литературы. Некий капиталист г-н Латуш (кажется) снабдит деньгами Гетцеля, который будет только издателем. Я передал ваш поклон м-ль де-Розьер, которая вам напишет, если она не сделала уже этого. Я кашляю и весь в своих уроках. Холодно, я выхожу мало, потому что для этого слишком холодно. Берегите себя и поскорее приезжайте оба и совсем здоровые.

Год кончается довольно шумно: национальная гвардия исполнила в сквере свою обычную серенаду. Я купил подарки для своей крестницы в «Hôtel-Lambert». На базаре выручили до вчерашнего дня около 20.000 франков. Там были очень красивые вещи. Ваш муж послал маленькую акварель, которая была охотно принята. Делакруа сделал маленького Христа, которым очень восхищаются. Гюдэн, Леман и др. также дали свои рисунки. Я больше ничего не вижу: идет снег, темно. М-м Аделаида [2]) умерла; будет глубокий траур в течение 2 месяцев. Я задыхаюсь и желаю вам всякого возможного счастья.

Преданный вам *Ш.*

256. Шопен Людовику-Петру Норблину в Париж.

Январь 1848, понедельник утром.

Уважаемый и дорогой пан Норблин!

Пан Феликс Липинский, брат известного скрипача Карла и сам также скрипач, приехал из Львова в Париж, и как польский артист не может быть в Париже и не познакомиться с вами. Пользуюсь этим случаем, чтобы переслать польской каши [крупы] и надеюсь, что вскоре обнимемся.

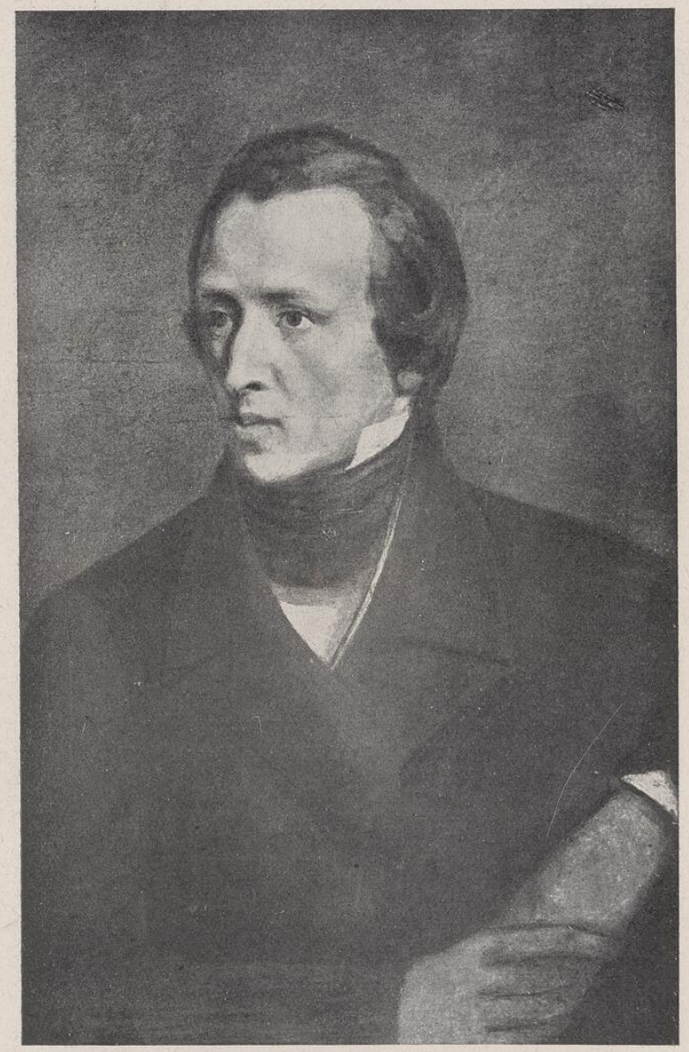
Всем сердцем ваш *Ф. Шопен.*

[Адрес:] Monsieur Monsieur Norblin, rue Buffault, № 15.

---

[1]) Неясно, о чем здесь идет речь.

[2]) Мария-Аделаида де-Пентьевр, мать короля Людовика-Филиппа.

А. Кольберг. Портрет Шопена (масло); 1848 г.

(539)

257. Шопен своим родным.

[Париж], четверг, 10 февраля 1848.

Жизнь моя! Что касается ваших книг, то галлерея Версаля была подарена Гаваром Людвике. Начало должно было отправиться уже давно, около шести месяцев тому назад с оказией, но возвращенное лежит у меня. Что же касается отосланного теперь, то это продолжение, и я не знаю, сколько там. Даровому коню в зубы не смотрят! Гавар дал их мне запакованными, и я, не смотря, отправил их через своего книготорговца, и не присоединил начала потому, что оно не было запаковано и немножко испачкалось от лежания в ящике. После того, как умер Шпис, никогда больше не пошлю вам книг через этого болвана. Что касается остального, то все верно. У меня, Людвика, не было времени надписать для тебя „Босфор“. Спрашивать Гавара о недостающем некогда; Франк же, через которого оно отправлено, тоже не может знать, потому что я передал ему его запакованным, как мне прислал Гавар. Я мог бы спросить Гавара, а тот опять своего помощника и т. д., однако не стоит труда, тем более, что это подарок. Если же это необходимо нужно, то напиши об этом в следующем письме. [Слова: от „Я мог бы спросить Гавара“ зачеркнуты Шопеном и вместо них написано:] Гавар пришел и написал записку.

Что касается меня, то я здоров, насколько могу. Плейель, Пертуис, Лео, Альбрехт уговорили меня дать концерт. Вот уже неделя, как нет ни одного места. Я дам его в зале Плейеля 16-го этого месяца. Только 300 билетов по 20 франков. У меня будет лучшее парижское общество. Король велел взять 10 билетов, королева 10, герцогиня Орлеанская 10, герцог Монпансье 10, хотя сейчас траур, и никто из них не будет. Многие записываются и на второй, которого я наверное не дам, так как мне надоел уже и этот.

Пани Санд все еще сидит в деревне с Бори[1]), сыном, Ламбером[2]) и Августиной[3]), которая теперь наверное уж перевенчается с учителем рисования из городка Тюлль, другом Бори. Мне она не писала больше ни строчки, и я ей тоже. Свою здешнюю квартиру она сдала через домовладельца. Соланж у своего отца Дюдевана в Гаскони и пишет мне. Ее муж здесь и оканчивает свои мраморы для предполагающейся в марте выставки. Соланж хворала у своего отца. У них нет денег, и поэтому для Соланж лучше провести зиму в более теплом климате. Однако, бедняжка скучает. Хорошенький у нее lune de

[1]) Виктор Бори, парижский журналист, вступивший в связь с Жорж Санд еще во время жизни Шопена в Ногане.

[2]) Друг Мориса Дюдеван.

[3]) Августина Бро, родственница Жорж Санд, сыгравшая некоторую роль при разрыве писательницы с Шопеном.

miel! [медовый месяц]. Мать, между тем, печатает очень хороший роман в „Debats“. Разыгрывает в деревне в свадебной комнате своей дочери комедии и старается по мере сил оглушить себя и забыться. Она очнется не раньше, чем ощутит боль в сердце, которое теперь окончательно задавлено головой. На этом я поставил крест. Да простит ей бог, что она не умеет отличить искреннюю привязанность от лести. Впрочем, может быть только я вижу в других льстецов, а она находит свое счастье там, где я его не вижу. Ее друзья и соседи долго не понимали, что там творилось за последнее время, но теперь вероятно уже привыкли к этому. Впрочем, никто не может угнаться за капризами такой души. Восемь лет какого ни на есть порядка — этого было слишком много! Богу было угодно, чтобы это были те годы, когда подрастали дети, и я не знаю, не жили ли бы дети уже давно у своего отца, если бы меня там не было. Морис также при первом удобном случае уйдет к отцу. Но может быть все это условия ее жизни, ее писательского дарования, ее счастья? Не огорчайся этим, потому что это давно кончилось. Время великий целитель. Я до сих пор еще сам не свой; потому и не пишу вам, что все что ни начну, то сжигаю. А я бы мог столько написать! Или лучше ничего! Во всяком случае, мы давно уже не встречались без баталий и сцен. Я не мог к ней ехать после того, как молчание о дочери было поставлено мне условием. По дороге к отцу дочь видела мать, которая приняла ее очень холодно. Зятя она не захотела видеть. С дочерью она поддерживает переписку, сухую без сомнения, но я рад, что хоть что-нибудь есть еще между матерью и дочерью.

[Приписка:] Я посылаю это письмо, чтобы вы знали, что я здоров, и все относительно книжек. Письмо посылаю де-Розьер.

258. Шопен своим родным.

[Париж], пятница, 11 февраля 1848 года.

Всем моим дорогим.

Мои любимые,

Давно не писал вам, потому что так выходит: чем больше откладываешь, тем больше вещей накапливается для писания, — столько, столько, что эта громада кончается ничем. Поэтому и нынче пишу вам только два слова, чтобы вы знали, что я здоров и получил ваше письмо. У меня был грипп, как у всего света здесь, и если я вам нынче пишу коротко, то потому что все мои мысли заняты концертом, который должен быть 16-го этого месяца. Однажды утром мои друзья пришли и сказали мне, что я должен дать концерт, что я ни о чем не должен заботиться,—только сесть и играть. С неделю уже нет билетов, и все по 20 франков. Публика записывается на второй (о котором я и не думаю). Двор потребовал 40 билетов, а газеты пишут, что я может быть дам концерт. Из Бреста и Нанта писали моему издателю, чтобы он заказал места. Меня удивляет эта empressement [поспешность], и нынче я должен позаняться, хотя бы для очистки совести, потому что мне кажется, что я играю хуже, чем когда-либо. С Франкоммом и Аларом[1]) я буду играть (курьоза ради) трио Моцарта. Не будет никаких афиш и даровых билетов. В удобно расположенном салоне смогут разместиться 300 человек. Плейель все шутит над моей глупостью и, чтобы поощрить меня к концерту, украсит лестницу цветами. Я буду, как дома, и перед моими глазами будут только знакомые лица. Инструмент, на котором я буду играть, уже у меня дома. Вчера я велел отправить в Краков очень хороший рояль Плейеля для пани Адам[овой] Потоцкой (рожденной Браницкой). Наконец, я получил, не знаю через кого, ваше одеяло на постель, которым восхищаются все, кто его видит. Благодарю вас, мои дорогие. У вас стоит холод. Здесь морозы уже уменьшились, но было время, что замерзала Сена. Верник хорошо работает; скажите это его матери. Новаковский мне писал, но мне нечего ему ответить. Я даю много уроков. Я страшно занят всячески и при этом ничего не делаю. Ясь написал мне милое письмо; он справляется очень об Антеке Бартоло. Он проделал хорошую школу нужды, прошел через тот аламбик[2]), который необходим, чтобы стать человеком, и я бы очень желал повидать его здесь. В случае, если вы отправитесь путешествовать, то и я тронусь с места, потому что сомневаюсь, чтобы я смог, подобно прошлому, провести и будущее лето в Париже. Если бог даст нам здоровья, то мы увидимся, поболтаем и обнимем друг друга. После концерта больше. Нет уж больше Мери[3]), чтобы писать вам за меня. Сердечно вас обнимаю.

Ш.

Всем [привет.]

259. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], четверг, 17 февраля [1848].

После вашего письма я несколько дней был в постели со страшным гриппом и дал концерт у Плейеля. В промежутке я написал 30 черновиков по вашему адресу, — одно письмо даже кончил, когда на прошлой неделе ваш муж приехал меня проведать и сообщить новости про вас. Мое письмо надо было переделать, чтобы сообщить вам, что я нашел вашего мужа здоровым и довольным своими мраморами, и чтобы сказать вам также, сколько горя доставила мне ваша

[1]) Дельфин Алар (1815—1888), один из знаменитейших скрипачей Франции. Учитель Пабло Саразате.

[2]) Фильтр.

[3]) Стефана Витвицкого.

гадкая желтуха. Теперь ваш муж будет скоро около вас, что довершит ваше выздоровление. Он привезет вам здешних новостей столько, сколько я никогда не смог бы вам написать. Леру в Париже. Я встретил его у м-м Марлиани. Он просил позволения меня навестить, был очень предупредителен и не говорил о деревне[1]). Г-н Боннешоз здесь. Гржи[мала] в постели. Париж болен, и вы хорошо делаете, оставаясь в Гильери. Напишите мне пожалуйста словечко карандашем в одну из свободных минут; я не буду медлить с ответом, так как мой грипп и мой концерт уже позади. Морис в Париже. Здесь он не живет. Он приходил к де-Ларак, но не поднялся ко мне[2]). Бедный мальчик напрасно заставил пересуживать всю прислугу в доме. М-ль де-Розьер вероятно вам писала. Я кончаю свое послание, потому что уроки мои начинаются. Бесполезно вам говорить, как я несчастлив, что не могу писать к вам легко и постоянно.

Весьма вам преданный *Ш.*

(548)

260. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], пятница, 3 марта [1848].

Я не могу удержаться, чтобы не написать вам сейчас же и не выразить вам всего счастья, которое я испытываю, узнав, что вы мать и здоровы. Появление вашей маленькой девочки доставило мне больше радости, чем, как вы понимаете, появление республики. Слава богу, что ваши страдания прошли. Новый мир начинается для вас. Будьте счастливы. Берегите себя все. Мне были очень нужны хорошие вести от вас. Во время событий[3]) я был в постели. В течение всей прошлой недели у меня была невралгия. Париж спокоен—от страха. Все об'единились. Все на стороне национальной гвардии. Лавки открыты, но ни одного покупателя. Иностранцы со своими паспортами ждут исправления разрушенных железных дорог. Начинают формироваться клубы. Однако, я бы не кончил, если бы захотел писать вам о здешних событиях.

Еще раз благодарю за ваше доброе письмо.

Весьма вам преданный *Ш.*

Мальфиль — губернатор Версаля. Что Луи-Блан[4]) — во дворце Медичи в качестве президента комиссии организации труда (действительно важная задача настоящего момента), это само собою разумеется. Барбес—комендант подобного же дворца в Люксембурге.

Простите мои помарки и кляксы. М-ль де-Розьер вам напишет.

[1]) О Ногане.

[2]) Брат Соланж, Морис, относился враждебно к Шопену и содействовал разрыву Жорж Санд с композитором. После разрыва он избегал Шопена, который жил в одном доме с де-Ларак.

[3]) Февральская революция 1848 года.

[4]) Жан-Жозеф Луи-Блан (1811—1882), историк и политический деятель—социалист.

(549)

261. Шопен Соланж Клезанже.

Париж, 5 марта, воскресенье [1848].

Я был вчера у м-м Марлиани и при выходе в дверях прихожей столкнулся с вашей матерью, которая входила с Ламбером. Я поздоровался с вашей матерью, и моим вторым словом было,—давно ли она получила известия от вас. „Неделю тому назад", ответила она мне. „Вы не имели их ни вчера, ни третьего дня?"—Нет.—„В таком случае сообщаю вам, что вы бабушка: у Соланж девочка, и я очень рад возможности сообщить вам эту новость первым". Я поклонился и сошел с лестницы. Меня сопровождал Комб, аббисинец (который из Морокко попал прямо в революцию), и так как я забыл сказать, что вы здоровы—важная вещь, особенно для матери (теперь вы легко это поймете, мамаша Соланж)—то я, не будучи в состоянии лезть сам, просил Комба подняться и сказать, что вы здоровы и ребенок тоже. Я ждал аббисинца внизу, когда ваша мать сошла вместе с ним и с большим интересом задавала мне вопросы о вашем здоровье. Я ей ответил, что вы написали мне сами карандашем два слова на другой день рождения вашего ребенка, что вы много страдали, но что вид вашей девочки заставил вас все забыть. Она меня спросила, был ли при вас ваш муж. Я ответил, что адрес вашего письма показался мне написанным его рукой. Она меня спросился, как я себя чувствую. Я ответил, что хорошо, и попросил швейцара открыть дверь. Я поклонился и отправился в Square d'Orléans[1]) пешком, сопровождаемый аббисинцем.

Ваша мать здесь несколько дней, как сказал Бокаж[2]) Гржимале. Она живет у Мориса, улица Конде № 8, около Люксембурга. Она обедает у Пэнсона (ресторан, где мы раз были с Делатушем). Там она принимает, туда она вчера сказала придти Комбу, сообщая ему о своем близком от'езде в Ноган. Я полагаю, что в Ногане есть от вас письмо, которое ее ждет[3]). Здоровье ее показалось мне хорошим. Я думаю, что она счастлива от торжества республиканских идей, и что новость, которую я сообщил ей вчера, увеличит еще ее счастье.

Берегите себя, берегите себя все трое.

Преданный вам *Ш.*

Спокойствие продолжается. Мальфиля нет больше в Версале; он был губернатором только три дня.

[1]) Квартира Шопена.

[2]) Знаменитый парижский актер.

[3]) Намек Шопена на то, что Соланж следует написать матери.

262. Соланж Клезанже Шопену.

[Гильери, 8 марта 1848].

Мой милый Шопен, нынче утром я получила письмо, в котором вы говорите мне о моей матери. О! если это правда, что она интересовалась моим здоровьем, скажите ей и о моем несчастье [1]). Если она еще в Париже, пусть она знает, как я страдаю и как нуждаюсь в утешении. Немыслимо, чтобы Клезанже покинул Париж. Довольно того, что отель Нарбон схвачен кредиторами моей матери. Я сама пишу ему всякий день, чтобы придать ему мужества и заставить его остаться. Но то, о чем я вас прошу, может быть совсем бесполезно. Она не двинется. Она была бы уже здесь, если бы хоть немного меня любила. Боже мой, как она может быть так мало ласковой! Я, которая имела девочку и потеряла ее хотя и очень маленькой, я не могу ее понять. Как ужасно и как жестоко не быть больше матерью. О, об этом она ничего не знает. Сохрани ее бог испытать что-либо подобное. Собака Пастур выла под моим окном весь вечер с момента ее рождения. Она возобновила это за несколько часов до ее смерти. Вчера вечером она опять стала выть с остервенением у моей двери. Неужели нужна еще жертва?! Бедный, бедный Клезанже.

Мой привет этому доброму Гржимале, так как я полагаю, что это он [2]). Он считает себя очень несчастным, но он ошибается, — он не терял своего ребенка. Бог да сохранит его сына.

Пишите, пишите мне.

Соланж.

Постарайтесь увидать Клезанже и придать ему мужества.

263. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], суббота, 11 марта [1848].

Мужество и спокойствие. Берегите себя для тех, кто остался. Я только что видел вашего мужа. Он здоров, полон мужества и надежды. Вчера и третьего дня я видел, как он работал над своей статуей „Свободы“. Нынче она окончена, и ее находят великолепной все Thorès [3]) Парижа. Завтра ее перевозят в ратушу. Марра [4])—мэр Парижа (г-н Баскан [5]) будет полезен). Ваш муж знаком с г-м Коссидьером, который стоит во главе полиции и прикажет национальной гвардии конвоировать статую. Он просил меня вам сказать, что нынче ему придется слишком много бегать, и он не будет в состоянии написать вам, а напишет завтра после перевозки статуи, что должно состояться в 7 часов. Поэтому не беспокойтесь о его здоровье. Вы видите, что он делает, что может, и полон мужества. Помогайте своему выздоровлению, чтобы сделать сносной для вас обоих разлуку. Итак — спокойствия, ради бога спокойствия, и благодаря заботам вашего отца и Люс (которую я всегда считал очень к вам привязанной и доброй), к вам вернется здоровье, и начнется новое счастье.

Мне сказали, что ваша мать уехала из Парижа. Я больше ее не видал после моего выхода от м-м Марлиани. Она получила в Ногане ваши письма. Ее очень жаль, — это большой удар для нее, я в этом уверен, и не сомневаюсь, что она сделает для вас все, что может. Итак, — мужества и спокойствия. Я оставляю все соболезнования в стороне; они мне кажутся ничтожными перед лицом настоящего горя.

Преданный вам *Ш.*

Я буду вам часто писать. Не беспокойтесь о вашем муже.

[1]) У Соланж умер ребенок.

[2]) Неясно, о чем идет речь.

[3]) Thorè, Thèophile (1807—1869), политический деятель, писатель, редактор «Siècle», основатель «La vraie république». Шопен употребляет здесь его имя, как нарицательное.

[4]) Арманд Марра (1801 — 1852), журналист, редактор „Трибуны“, главного органа республиканской партии.

[5]) Баскан, близкий друг Марра, мог быть полезен скульптору Клезанже, мужу Соланж.

264. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], среда, 22 марта [1848].

Я только что получил ваше письмо и сейчас же послал в мастерскую к вашему мужу — узнать, уехал ли он уже. В настоящее время он должен быть с вами, потому что он уехал из Парижа третьего дня. Он вам расскажет обо всем, что вы хотите знать, о положении вещей здесь. Пока все спокойно и понемногу реорганизуется.

Меня очень радуют добрые письма, которые написала вам ваша мать. Берегите теперь свое здоровье, и все пойдет насколько возможно хорошо. Пользуйтесь лучами южного солнца, так как здесь гадкая погода.

Преданный вам *Ш*

Вашему мужу [привет].

265. Шопен Юлиану Фонтане.

Париж, 4 апреля 1848.

Мой милый, прими милого Гербо [Herbaut], который был моим первым знакомым в Париже, когда я приехал сюда из дому, как моего отца, как старшего и лучшего брата. Заклинаю тебя лицеем, — будь с ним как можно любезнее, как он того заслуживает. Он и честный, и просвещенный, и добрый, и все, — и тебя полюбит, несмотря

на твою лысину. Ты же, угрюмое животное, слова доброго мне не сказал ни в одном из своих писем. Но все-таки это ничего, так как где-то там в душе ты любишь меня так же, как и я тебя. А теперь может быть и еще больше, потому что мы оба бедные польские сироты; ведь у нас из строя выбыли и Водзинский, и Витвицкий, и Платеры, и Собаньский. [1]) Ты мой честный, старый Юлиан и баста.

Сердечно тебя обнимаю, мой дорогой.

Ш.

Если хочешь поступить хорошо, то сиди тихо и возвращайся [2]) только тогда, когда у нас начнется что-нибудь наверняка. Наши собираются в Познани. Чарторижский первый поехал туда, но бог ведает, какой оборот примет все это для возрождения Польши... То, что пишут здешние газеты,— вранье. Ни в Кракове нет Речи Посполитой, ни австрийский император не называл себя польским королем, а в напечатанном в львовских газетах адресе Стадиону царя вовсе об этом не просят, как тут говорили. Король прусский тоже не очень думает об отделении Познани. Он одурел у себя, но несмотря на это, познаньские немцы пишут ему адресы, где сказано: „так как эта земля добыта кровью их отцов, а они даже не умеют по-польски, то они и заявляют, что не хотят быть ни под каким другим правительством, как только под прусским". Все это, как видишь, пахнет войной, а где она начнется — неизвестно. Но если она начнется, то вся Германия загорится. Итальянцы уже начали. Милан выгнал австрийцев; но они сидят еще по провинциям и будут драться. Франция наверное поможет, так как, чтобы улучшить свои дела, необходимо спихнуть отсюда всякий сброд. У москалей наверное тоже будет плохо, если они попробуют двинуться на пруссаков. Галицийские крестьяне подали пример волынским и подольским. Не обойдется это без страшных вещей, но в конце концов будет Польша, блестящая, могущественная,— словом Польша. Итак, подождем, несмотря на наше нетерпение, чтобы карты хорошенько перемешались,— чтобы не тратить напрасно сил, таких нужных в надлежащий момент. Этот момент близок, но еще не нынче. Может быть через месяц, может быть через год. Здесь все убеждены, что наши дела окончательно выяснятся до осени.

Твой старый.

(558)

266. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Лондон, великая пятница, [21 апреля 1848].

Переправился через море без большого нездоровья. Но ни с курьером, ни с моими новыми знакомыми по вагону, потому что пароход

[1]) Рано умершие друзья Шопена.
[2]) Фонтана был в Америке.

нужно было отыскивать в море на лодке. Я предпочел поэтому обычную дорогу и вчера в 6 часов приехал сюда, так как должен был несколько часов отдохнуть в Фолькстоне. Выспался и пишу тебе.

Милые Эрскины [1]) подумали обо всем, даже о шоколаде, не только о квартире, которую я однако переменю, потому что со вчерашнего дня освободилась на их улице лучшая за 4 гинеи в неделю. Я живу 10, Bentinck Street, Cavendisch Square, но дня через два переезжаю; поэтому пиши на их адрес — 44 Welbeck Street. Очень расспрашивали о тебе. Ты не поверишь, какие они добрые! Только теперь вижу, что бумага, на которой пишу, с моим вензелем,— и я застал множество таких маленьких деликатностей.

Так как нынче великая пятница, и здесь нельзя ничего делать, то я еду в свиту бывшего [2]) короля, который живет за городом. Как ты вернулся домой? Не был ли свидетелем какого-нибудь сражения по дороге? Повезло ли вам вчера с войском?

Пиши пожалуйста, и да благословит тебя бог.

Твой старый *Ш.*

(560)

267. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Лондон, 1 мая 1848.

Cherissime!

Я тут, хотя едва не утонул по дороге. У меня наконец комната, красивая и большая, в которой можно дышать и играть, и где даже солнце нанесло мне нынче свой первый визит. Нынче утром я дышал немножко легче, чем всю последнюю неделю, когда чувствовал себя отнюдь не слишком хорошо.

Что у тебя слышно, что поделывают твоя жена и дети? Надеюсь, что вы начинаете окончательно успокаиваться, неправда ли? У меня тут было несколько скучных визитов. Мои рекомендательные письма еще не отданы. Убиваю время, и мне хорошо. Люблю тебя, и это столь же хорошо.

Твой всем сердцем *Ш.*

Нижайшие поклоны пани Франкомм.
48 Dover-Sreet.
Пиши мне, а я также буду тебе писать.

[1]) Сестра и зять ученицы Шопена, мисс Штирлинг (шотландки).
[2]) Людовика-Филиппа. Под этой свитой вероятно подразумевались родственники гр. Пертуиса.

(562)

268. Шопен Адольфу Гутману в Париж.

London, 48 Dover - Street Piccadilly.

Суббота, 6 мая 1848.

Любезный друг! Наконец я устроился в том омуте, который зовется Лондоном. Дышу легче только несколько дней, потому что только несколько дней, как показалось солнце. Видел пана д'Орсай, который принял меня очень хорошо, несмотря на значительное опоздание моего письма. Пожалуйста, поблагодари княжну [1]) от моего и его имени. Я еще не сделал всех визитов, потому что многие из тех, к которым у меня рекомендательные письма, еще не вернулись. Эрар был очень предупредителен и предоставил в мое распоряжение фортепиано. У меня один инструмент Бродвуда и один Плейеля, всех же одновременно три. На что это однако нужно, если у меня нет времени играть на них. У меня несметное количество визитов, и дни мои мелькают, как молния. До нынешнего дня у меня не было свободной минуты, чтобы написать Плейелю. Напиши мне о себе,—о чем теперь думаешь? Как поживают твои? У нас нехорошо. В этом отношении я очень удручен. Кроме того, нужно будет выступить. Мне предложили играть в Филармонии, но я бы не хотел. В конце концов, после того, как я сыграю перед королевой, мне вероятно придется дать музыкальное утро в частном доме для ограниченного числа лиц. Таковы по крайней мере мои желания. Но это только проекты! Не больше, как проекты! Пиши побольше о себе.

Всегда твой, мой славный Гуци.

III.

Недавно вечером слышал в „Сонамбуле“ пани Линд. [2]) Это было очень хорошо. Я познакомился с ней лично. Пани Виардо меня навестила. Она тоже выступит в „Сонамбуле“. Все парижские пианисты здесь. Концерт Прюдана [3]) в Филармонии не имел большого успеха. Там требуются классические вещи. Тальберг приглашен на 12 концертов в тот самый театр, где выступает Линд. Галле будет играть Мендельсона.

(563)

269. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Лондон], четверг, 11 мая [1848].

Жизнь моя!

Только что вернулся из итальянского театра. В первый раз в этом году пела Ж. Линд, и королева в первый раз после выступления артистов

[1]) Марцеллину Чарторижскую.

[2]) Дженни Линд (1820—1887), замечательная певица.

[3]) Эмиль Прюдан (1817—1863), пианист и композитор, пользовавшийся в Париже уважением, как учитель фортепианной игры.

появилась публично. Обе произвели большой эффект, а на меня и старый Веллингтон под королевской ложей, который, как старый монархический пес в будке, сидел под своей коронованной госпожей. Я познакомился с Ж. Линд, которая вместе со своей карточкой очень любезно прислала мне и прекрасное место. Сидел хорошо, а потому и хорошо слушал. В ней есть что-то оригинальное, шведское, в ней чувствуется какой-то необычный свет, как бы отблеск полярных зорь. В „Сонамбуле“ она производит огромный эффект. Она поет чисто и необыкновенно уверенно, и ее „piano“—непоколебимое и ровное, как волос.

Место стоит 2½ гинеи.

(564)

270. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Лондон, суббота, 13 мая [1848].

Мой дорогой, даже не лень, а исключительно зря проведенное время причиной того, что ты ничего не получил от меня. До восьми я не могу вылезти из постели. Мой итальянец, который думает о себе и своих расчетах, отнимает у меня утреннее время. После 10 начинаются всякие напасти [tribulations], не приносящие денег, а около часу—несколько уроков. Я не могу ни ходить, ни много двигаться, почему и не соблюдаю своих интересов. Однако замечаю, что дело как будто само налаживается, и если бы сезон продолжался 6 месяцев, то я может быть и заработал бы немножко. Но пока я еще ничего не знаю. Только послезавтра герцогиня Сутерлэндская представит меня королеве. Королева будет у нее „in gratiam“ на крестинах. Если королеве и принцу Альберту, который обо мне слышал, понравится, то будет хорошо, так как я начну с верхов. Филармония пригласила меня играть, но я не хочу, так как это с оркестром. Я был там и наблюдал. Прюдан играл свой концерт и потерпел фиаско. Там нужно играть Моцарта, Бетховена или Мендельсона. Хотя директора и некоторые другие и говорят мне, что мои концерты там уже игрались и с успехом, но я не хочу, ибо все может случиться. Оркестр,—как их ростбиф или суп из черепахи,—мощный, дюжий и больше ничего! Все, что я сочинил, не нуждается в снисхождении, но у них есть одно невероятное обыкновение: они никогда не репетируют, потому что время дорого теперь каждому. Репетируют только один раз, но и эта репетиция публичная.

Я еще не мог отдать всех писем: всех нужно застать в один и тот же час, между часом и двумя.

В газетах тут пишут обо мне прекрасные статьи. А вчера в Ковенгарден-концерте Виардо пела мои мазурки, которые просили повторить. Проездом она была у меня с мужем. Я отдал визит, но не за-

стал. Она была совсем не такая, как в Париже, и без моей просьбы пела мои вещи. Она выступала в „Сонамбуле“ в театре, где Гризи, [1]) Персиани, [2]) Альбони, [3]) Марио [4]) и т. д. Этот театр (Covent-Gard.) соперничает с королевским театром (Hay-Market), где Линд и Лаблаш. Пани Линд в первый раз выступала также в „Сонамбуле“. Посылаю тебе статейку, написанную две недели тому назад. Пани Виардо имела меньший успех. Королевы не было, а ее стесняло, что с ней пел не Марио, а только Флавио. Она была тут у меня, когда меня не было, но я их увижу в воскресенье. Вчера я был на обеде с Ж. Линд, которая потом до полуночи пела мне шведские песни. Такой же особенный колорит, как и у наших. У нас славянское, у них что-то скандинавское, и совершенно иное. А все-таки мы ближе друг другу, нежели итальянец испанцу.

Все здешние ужасные новости о княжестве познанском я знаю от Стан[ислава] Козьмиана [5]) и Шульчевского, [6]) к которому Залесский дал мне записку. Беда за бедой! В душе мне уж ничего не хочется.

У меня три фортепиано. Кроме Плейельского, одно Бродвуда, другое Эрара, но до сих пор могу играть только на своем. Наконец у меня хорошая квартира, но едва я к ней привык, как хозяин хочет заставить меня платить вдвое, или же взять другую комнату (я и так плачу 26 гиней в месяц). Правда, большой, великолепный салон, где я могу давать уроки (у меня только пять учеников). Я не знаю еще, как поступлю. Вероятно останусь, потому что другая комната и не такая большая, и не такая хорошая, и чтобы не менять адреса, раз он уже дан. Предлог для перемены условий тот, что ничего не было заключено письменно, поэтому и можно повысить.

Что касается Соли [7]), то у меня сердце болит. Бедные они все, так как там ничего хорошего никогда не может случиться. То, что Б. [8]) плачет, удивляет меня. Только бы не плакали маленькие и мать [9]).

Плейелю я еще не писал. Не знаю, когда напишу.

Сердечно тебя обнимаю.

Твой *Ш.*

[1]) Джулиа Гризи (1811—1869), — певица первого ранга, певшая в 1834 — 49 г.г одновременно в Париже и Лондоне.

[2]) Фанни Персиани (1812—1867),—одна из известнейших певиц Европы.

[3]) Мариэтта Альбони, знаменитая артистка, ученица Россини, в 1848 г. приводила в экстаз Лондон и Париж. Умерла в Париже в 1894 году.

[4]) Джузеппе Марио, известный тенор, муж Гризи.

[5]) Станислав Козьмиан, известный польский публицист.

[6]) Карл-Франц Шульчевский во время восстания 1831 г. служил под начальством генерала Бема, потом переселился в Париж и позже в Лондон.

[7]) Соланж Клезанже.

[8]) Виктор Бори.

[9]) Очевидно Жорж Санд и ее дети.

Здесь английские газеты нехорошо пишут о пани С. [1]). Так например, что в каком-то саду (вероятно Люксембургском) можно было видеть лежащего Ледрю Р. [2]), а около него стояла пани С. и они вели разговор.

(566) **271. Шопен гр. Альберту Гржимале.**

[Лондон] 48, Dover-Street, Piccadilly.

Всем знакомым.

Пятница, 2 июня [1848].

Жизнь моя!

Здесь с неделю уж отвратительно, а это мне совершенно не годится. Приэтом, я ежедневно поздно вечером должен отправляться в свет. У меня нет сил для такой жизни. Если бы это мне давало хоть денег, но до сих пор я имел только два платных вечера по 20 гиней. Даю на дому несколько уроков по гинее, а о настоящем концерте еще и не помышляю. Я играл у герцогини Сутерлэндской перед королевой и Альбертом, прусским князем и Веллингтоном, и перед всем, что есть элегантного. И все было как будто очень хорошо. Однако, теперь до 23 траур по какой-то тетке, поэтому при дворе ничего не бывает, и я сомневаюсь, чтобы меня туда пригласили. Я не хочу играть в Филармонии, потому что это мне не даст денег, а только огромное утомление. Одна репетиция — и та публичная, — и нужно играть Мендельсона, чтобы иметь большой успех. В большом свете дают обычно только балы или вокальные концерты. Ни королева, ни Девоншир концертов еще не устраивали, а только балы. Сутерлэндовне [3]) даю один урок в неделю. Герцогиня Сомерсет также очень любезна со мною, приглашает меня на вечера, где обыкновенно бывает сын дона Карлоса, и Вестминстер, и все, что может быть принято у герцогини (особы, которая во время коронации выступает первая вслед за королевой!!!). Но герцог не щедр, поэтому мне и не платят. Нынче я не пойду туда, несмотря на герцога Испанского, так как у меня в 8 часов обед у лэди Генсборо (которая ко мне очень хороша). Она устроила „une matinée“ и представила меня первым дамам. Если бы я еще мог целыми днями лазить от Анны к Каиафе, если бы я не плевал кровью несколько дней, если бы я был моложе, если бы не был смертельно ранен своей привязанностью, то может быть я мог бы начать жизнь заново. Добавь к этому хорошего слугу, который ухаживал бы за мной и не изводил зря денег и вещей. Благодаря моей

[1]) Жорж Санд.

[2]) Александр Ледрю-Роллен, министр временного правительства 1848 года, который ввел всеобщее избирательное право.

[3]) Дочери герцога Сутерлэндского.

квартире и моему экипажу, я еще не могу откладывать, а из-за своего слуги теряю слишком много времени. Мои милые шотландки выказывают мне здесь большую приязнь; я обедаю всегда у них, если не в свете. Но они привыкли жить весело и целыми днями трястись в экипаже по Лондону с визитными карточками. Они хотели бы, чтобы я всем их знакомым делал визиты, а я уж едва жив. Когда я часа три или четыре протрясусь в экипаже, мне кажется, что я проехал из Парижа в Булонь. А здесь такие расстояния!..

Был тут польский бал и хорошо удался. Я не был, несмотря на билет, потому что сил уже не было. Перед этим я был на обеде у лэди Kinlogh в большом обществе лордов, канцлеров или каких то там чертей с орденскими лентами под жилетами. Меня там представили, но я даже не знаю, кому. Я совершенно не могу привыкнуть к Лондону. Двадцать лет в Польше, семнадцать в Париже,— неудивительно, что мне тут невесело, тем более, что я не знаю языка. Когда я играю, не болтают, и всюду повидимому хорошо говорят о моей музыке, но мои младшие коллеги, на которых здесь привыкли смотреть свысока, причиной того, что меня считают диллетантом. Но вскоре я стану каким-нибудь „grand-seigneur“ом, потому что у меня чистые башмаки, и я не ношу карточек с надписью: „дает уроки на дому“, „ходит играть на вечерах“, и т. д. Старуха Ротшильд спрашивала меня, сколько я стою, потому что какая то дама, которая меня слышала, спрашивала ее об этом. Так как Сутерлэнд дала мне 20 гиней и Бродвуд, на фортепиано которого я играю, назначил мне ту же цену, то я ответил: 20 гиней. Она, с виду добрая и честная, сказала мне на это, что я действительно хорошо играю, но что она советует мне брать меньше, так как в этом сезоне надо быть более умеренным.

Из этого я заключаю, что и здесь не слишком щедры, и что с деньгами повсюду трудно. Для буржуазного класса нужно нечто удивляющее, механическое, на что я неспособен. Путешествующий высший свет горд, но образован и справедлив к тому, чем он склонен заинтересоваться. Но он так разбрасывается на тысячи вещей, так окружен скучными приличиями, что ему совершенно все равно,— хорошая или плохая музыка, когда он должен слушать ее с утра до ночи. Здесь ведь и выставка цветов с музыкой, и обеды с музыкой, и базары с музыкой. Савоярдов, чехов—моих коллег—как собак,— и все в одну кучу!

Я пишу тебе, как будто ты не знаешь Лондона! Я хотел бы дать концерт в каком-нибудь частном отеле. Если мне это удастся, то я получу около 150 гиней, что здесь вещь редкая, потому что опера приносит 1000 с небольшим, а расходов, прежде чем поднимуть занавес, больше чем на 900. Не знаю, зарабатывают ли что-нибудь обе оперы. Вчера опять видел панну Линд в „Лючии ди Ламермур“. Очень хороша,—все в восторге. А бедняга Гутман, как он мог позволить себе шутить со своими руками! Скажи ему, чтобы он берегся и не утомлял

не в меру руки. Виардо пользуется здесь небольшим успехом, потому что рядом Гризи и Альбони, а ты знаешь, как они любимы. Недавно у меня был Виардо. Не говорил со мной о Жорже [1]), сказал только, что имел известия. Я вижу, что он также немного остыл. Бедная Сол... [2]) Что она будет делать, если ее муж приедет сюда? Я не далек от мысли, что мать поладила с зятем [3]), потому что они похожи друг на друга. Он один раз говорит так, другой — иначе, мать же была с ним слишком хороша, чтобы теперь, когда его увидала и снова начала ему протежировать, не простить его совершенно, тем более, что он за панибрата с Торе, в газете которого она пишет и который будто бы рассказал этому Руссо [4]) об Августине [5]). Что поделывает эта кукла? А Араго [6]),— боже мой, что за посланник! Он не знает ни слова по-немецки. Если бы в Баварию, то это бы еще ничего, в качестве приятеля Лолы Монтец [7])! Лист и то был бы лучший дипломат. На прошлой неделе был я тут также на обеде с Гизо [8]). Как тяжело мне было смотреть на него, хоть и обшитого золотым руном: как он морально страдает, хотя и не теряет надежды.

Я ошибся. Взял двойной лист бумаги. Здесь спокойно. Ни ирландские, ни карлистские дела никого не тревожат; все это не так ужасно, как кажется издали. Здесь больше интересуются положением дел в Париже, Италии и Польше, про которую „Times“ болтает такие небылицы, что даже англичане не одобряют его прыти. Хоецкий помешался на том, чтобы впутать в дело чехов. Пусть пакостят,— только бы можно было во время и легко отмыть пачкотню глупцов. Как бы там не натворили еще большей беды, за которую они должны будут дать великий отчет перед господом богом.

Сердечно тебя обнимаю.

Твой старый *Ш.*

(569)

272. Шопен Игнатию Кржижановскому в Лондон.

Да поможет тебе бог в твоей работе.

Шопен.

Лондон, 6 июля 1848.

---

[1]) Жорж Санд.

[2]) Соланж Клезанже.

[3]) Клезанже.

[4]) Теодор Руссо, известный в последствии пейзажист, товарищ Мориса по учению у Делакруа, бывший одно время женихом Августины Бро.

[5]) Августина Бро.

[6]) Эмануэль Араго, адвокат и политический деятель в Париже. В 1848 — посол в Берлине.

[7]) Лола Монтец, известная аватнюристка, возлюбленная баварского короля Людовика 1-го.

[8]) Франсуа Гизо (1787—1874), известный французский историк, публицист, политик, министр; в 1840—1848 г.г.—глава кабинета.

(570)

273. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Лондон, 8, 15, 17 июля 1848].

Прости, что посылаю старое начало (от 8 июля), но нынче я его кончаю.

Жизнь моя дорогая!

Бог спас тебя в эти последние дни, которые поистине были началом (повидимому мотивированным) закоренелого упорства двух партий. До сих пор все это было в головах, в воображении и в книжках, во имя просвещения, справедливости, солидарности и т. д., а теперь это болото будет взывать в качестве мучеников к отмщению. А мщению конца нет! Междуусобная война принципов, а за ней неизбежный упадок цивилизации под видом современных идей. Твои прапрапраправнуки приедут из вольной Польши через несколько сотен лет либо в возрожденную Францию, либо в то, что будет на ее месте.

Вчера (7 июля) я дал второе „matinée“ в отеле лорда Фальмут. Между прочим, Виардо спела мои мазурки. Было очень хорошо. Но я не знаю, получу ли 100 гиней прибыли. Узнаю только в понедельник. Теперь сезон здесь уже кончается. Не знаю, какой оборот примут мои проекты. В кармане у меня немного. Не знаю, что предпринять. Может быть поеду в Шотландию. Мои шотландки добры, милы, но иногда надоедают мне ужасно. Дурака итальянца [1]) я отправил. Квартиру еще держу, потому что у меня три фортепиано и нужен большой салон. Теперь у меня лучший слуга. Мое здоровье как когда, но по утрам часто думаю, что душу выкашляю. Грустно у меня на душе, но я усыпляю себя,— даже избегаю уединения, чтобы не предаваться размышлениям, потому что здесь нельзя долго хворать, а я не хочу позволить ненасытной лихорадке одолеть меня.

Что делает Соля? [2]) Розьер написала мне милое письмо. Доброе дитя! И об матери [3]) мне пишет. Едет ли Клезанже в Россию? Там теперь холера!.. Дурень!.. Напиши мне об них словечко. В безопасности ли княгиня? [4]) Хороши ли новости у Цихоцкого? Гутман, добрый малый, писал мне; хорошо, что он ничего не надорвал себе. [5]) Здесь не боятся жестоких мятежей, и если в ваших газетах что и пишут, то в этом немного правды. Все, кто посостоятельнее, жертвуют на констеблей. Среди них очень много чартистов, которые совсем не желают жестоких насилий.

Сию минуту я получил письмо от Розьер. Она пишет, что видела тебя, когда ты шел к раненому Дубозу. Пожалуйста пожелай ему там здоровья. Еду поблагодарить Виардо. Признаюсь тебе, что я не хотел просить ее петь, но ее брат был у меня как раз тогда, когда Бродвуд предлагал мне салон лорда Фальмута, и он сейчас же поехал к сестре, которая с большим удовольствием обещала петь. Между прочим, пела мои мазурки. Передай Розьерше, что пани Виардо была очень любезна, так как это будет передано сюда обратно. Я знаю, что пани С[анд] писала Виардо и заботливо расспрашивала обо мне!!! Какую роль справедливой матери она должно быть там разыгрывает!

[1]) Слугу.
[2]) Соланж Клезанже.
[3]) Жорж Санд.
[4]) Княгиня Марцеллина Чарторижска.
[5]) Гутман повредил себе руки.

15 июля.

Не могу докончить письма к тебе, так у меня разыгрались нервы. Страдаю от какой-то тупой тоски и, несмотря на всю мою резиньяцию, я неспокоен и не знаю, что буду с собой делать. После уплаты за квартиру и экипаж, у меня будет собранных денег всего может быть около 200 гиней (до 5000 франков). В Италии можно прожить год, а здесь даже и не пол-года. Сезон уже почти кончился. У королевы я не играл, хотя у Сутерлэндов играл перед королевой. Герцогиня Сутерлэнд уехала. Может быть какой-нибудь королевский директор подставил мне ножку за то, что я не отдал ему визита, или за то, что не хотел играть в Филармоническом институте. Если бы сезон продолжался здесь 6 месяцев, то мало-по-малу я бы заставил узнать себя и своим способом, а так слишком мало времени. Здесь такая сумятица во всем.

Я ежедневно где-нибудь на вечере. На прошлой неделе у некой лэди Комбермеер были герцог и герцогиня Кембриджские и какая-то старая Веймарская и Гессенская. Все это было очень любезно. В некоторых кругах меня уже знают с хорошей стороны, но нужно время, а между тем уже конец сезона. Некоторые газеты мололи вздор, как будто хорошо. Люди говорят, что здесь это очень много значит! Но чего здесь не так много, как говорят,— это гиней. Лгут много; как только не хотят чего-нибудь,— сейчас же уезжают в деревню. У меня одна ученица уже уехала в деревню и не заплатила за 9 уроков, а другие, которые должны были брать по два урока в неделю, обычно два пропускают, следовательно больше делают вид, что работают. Я не удивляюсь этому, потому что хотят переделать слишком много дела, и всякого. Приехала тут одна ученица из Ливерпуля на неделю! Я дал ей пять уроков, потому что по воскресеньям тут не играют, и она довольна. Лэди Пиль, например, хочет, чтобы я давал уроки ее дочери, у которой очень большие способности, но так как у нее был maître [учитель], который брал пол-гинеи и давал два урок в неделю, то меня просят только об одном уроке в неделю, чтобы это стоило их кошельку столько же. И все это, чтобы сказать, что берет у меня уроки, так как через две недели наверное уедет.

Получил от тебя письмо и сию же минуту тебе отвечаю. Прежде всего, моя жизнь, я должен был, несмотря на большое любопытство, возвратить газеты, которые ты мне прислал, потому что почта хотела за них 1 фунт 15 шиллингов, что составляет 45 франков, а так как я имел твое письмо, то с меньшим огорчением отказался от газет, которые стоят так дорого оттого, что ты что-то написал на конверте, и поэтому за них требуют плату, как за письма. Я забыл тебе сказать, что „Charivary", который ты мне раз прислал, стоил мне 5 шиллингов и еще сколько-то, оттого что на конверте также что-то было написано; следовательно потребовали плату, как за письмо. От 5 шиллингов до 1 фунта и 15 шиллингов далеко, поэтому я просил хозяина дома хорошенько мне повторить и растолковать. Оказывается, такой был почтовый вес. Отказался и думаю, что тебе не перешлют, потому что наверное там нет твоего адреса. Если бы к несчастью все это как-нибудь по возвращении попало к тебе, и нужно было бы платить, то ты бы сделал хорошо, отослав их мне снова. Но в другой раз не делай больше этого, потому что здесь они очень тщательно свидетельствуют подобные вещи, опечатывают почтовыми печатями и, как видишь, заставляют дорого платить.

Мои шотландки милые; я передал им твое письмо, но они мне так надоели, что я не знаю, как мне быть. Они непременно хотят, чтобы я ехал к их родным в Шотландию. Это хорошо, но у меня теперь ни к чему нет охоты. Здесь то, что не скучно, то не английское.

Что делает Сол[анж]? А ее мать? А де-Розьер? A propos,— письмо, которое ты мне прислал в своем,— это того дурака, которому я помог выехать из Парижа (его зовут Виман), и который мне пишет о деньгах, чтобы иметь возможность снова вернуться в Париж. Болван! Целый год почти я его кормил. Он непременно хотел ехать, выехал с первым или со вторым отрядом, и теперь снова в нужде. Боже, спаси и сохрани,—что делается с нашими!

Сердечно тебя обнимаю.

Наипреданнейший *Ш.*

(571)

274. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Лондон, 18 июля 1848.

Моя жизнь, сердечно благодарю тебя за твои искренние строки и за приложенное к ним письмо от моих. Слава богу, что они все здоровы, но почему они беспокоются обо мне? Я не могу быть печальнее, чем я есть, и давно уже я не испытывал настоящей радости. Я собственно не чувствую совсем ничего, скорее только вегетирую и терпеливо жду своего конца. На следующей неделе я отправлюсь в Шотландию к лорду Торпихен, зятю моих шотландок, которые уже там (вблизи Эдинбурга). Он писал мне и приглашал, также как лэди Мюррай, очень известная там дама, которая очень любит музыку. Я уже не говорю о многих других устных и письменных приглашениях, так как я не могу больше таскаться с места на место,— такая жизнь мне противна,—и в конце концов я ничего не вижу впереди. Я намереваюсь остаться в Шотландии до 29 августа, а на 29-е я согласился отправиться в Манчестер, где я даю большой концерт. Я должен два раза играть без оркестра и за это получу 60 фунтов. Альбони приедет тоже. Но все это меня совсем не беспокоит; я просто сяду за фортепиано и буду играть. Там я проживу несколько дней у знакомых, тамошних богатых фабрикантов, у которых жил и Нейком [1]). Что я буду с собой делать потом, я не знаю. Если бы мне только кто-нибудь мог предсказать, что меня здесь зимой не свалит болезнь!

Твой *Фридрих.*

(573)

275. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

Эдинбург, 6 августа [1848].
Calder House, 11 августа.

Дорогой мой друг,

Не знаю, что бы я мог написать тебе. Мне кажется — будет лучше всего даже не пробовать утешать тебя в утрате отца. Я понимаю твое горе; даже само время не всегда в силах успокоить скорбь подобного рода.

Несколько дней тому назад я покинул Лондон и в 12 часов совершил путь до Эдинбурга (407 английских миль). Отдохнув день в Эдинбурге, я приехал в Calder House (12 английских миль от Эдинбурга), в замок лорда Торпихен, зятя пани Эрскин, где я думаю остаться до конца месяца и отдохнуть от моих лондонских трудов.

Я дал два музыкальных утра, которые кажется доставили людям удовольствие, что не мешает тому, чтобы мне все это в равной степени надоело. Однако, без них просто не знаю, как бы я мог прожить в дорогом Лондоне 3 месяца, держать большую квартиру, которая мне там была непременно нужна, экипаж и слугу. Здоровье мое не слишком плохо, но я становлюсь все более и более слабым и кроме того не переношу здешнего климата. Панна Штирлинг хотела писать

[1]) Сигизмунд Нейком (1778—1858), плодовитый композитор, ученик Гайдна, к которому Гайдн относился, как к сыну. Очень много путешествовал, между прочим был в Петербурге капельмейстером немецкого театра.

тебе из Лондона и просит меня, чтобы я перед тобой извинился. Это произошло от того, что эти дамы должны были сделать множество дорожных приготовлений перед своим от'ездом в Шотландию, где они намереваются провести несколько месяцев.

В Эдинбурге живет один из твоих учеников, по имени Дрекслер[1]), если я не ошибаюсь. Он навестил меня в Лондоне. У меня было впечатление, что это милый юноша, очень тебе преданный. Он много музицирует с одной из здешних знатных дам, лэди Мюррай, одной из моих шестидесятилетних лондонских учениц, которую я также обещал навестить в ее замке. Не знаю однако, каким способом это сделать, потому что 28 августа я обещал быть в Манчестере и играть в одном концерте за 60 фунтов. Там Нейком. Надеясь, что он не захочет импровизировать в тот же самый день, я рассчитываю заработать эти 60 фунтов. Что сделаю с собою потом, не знаю. Но я жажду, чтобы за мое несочинительство мне была дана какая-нибудь годовая пенсия до конца жизни за то, что я не выдумал ни одной мелодии à la Осборн или Совинский (оба наилучшие мои приятели); один ирландец, другой мой земляк (которым я горжусь гораздо больше, нежели вероломным преемником Антоном Контским[2]), этим французом севера и скотиной юга[3]).

После этих случайных примечаний я должен тебе чистосердечно признаться, что ничего еще не знаю, что сделаю с собою осенью. Но как бы там ни было, не сетуй на меня, если ничего обо мне не услышишь, так как я часто думаю о том, чтобы написать тебе. Если увидишь панну де-Розьер или Гржималу, то кто-нибудь из них будет иметь какие-нибудь вести обо мне, если не непосредственно от меня, то во всяком случае от кого-нибудь из наших общих друзей. Здешний парк очень хорош, и владелец парка также должен быть назван чрезвычайно милым человеком; поэтому я чувствую себя здесь настолько хорошо, насколько это вообще для меня возможно. О музыкальных помыслах однако не может быть и речи: я совершенно выбит из колеи, и сам на себя произвожу впечатление осла на маскараде, или скрипичной струны *e*, натянутой на контрабас, — удивленного, сбитого с панталыку, ошеломленного так окончательно, словно я услыхал благозвучную фразу Бодио[4]) (перед 24 февраля)[5]) или привлекательный смычок

[1]) Луи Дрекслер, ученик Франкомма, сын виолончелиста Карла Дрекслера.

[2]) Известный польский пианист, достигший весьма преклонного возраста и умерший в 1899 году. Шопен не мог ему простить, что он, будучи сам поляком, отказался однажды играть в концерте в Париже в пользу польских эмигрантов.

[3]) Так назвал поляков Генрих Гейне в своей работе, озаглавленной „О поляках" („Ueber Polen").

[4]) Charles-Nicolas Baudiot (1773 — 1849), виолончелист, профессор парижской консерватории.

[5]) Революция 24 февраля 1848 года.

пана Капа[1]) (после июньских дней)[2]). Надеюсь однако, что они пользуются наилучшим здоровьем, раз уж я не смог не упомянуть о них в письме.

Другим еще серьезным вопросом является — не приходится ли тебе, как я опасаюсь, во время всех этих страшных событий оплакивать потерю какого-нибудь друга? А как здоровье твоей жены и деток? Напиши мне пару слов в Лондон на адрес Бродвуда — 33, Great Palteney Street, Golden Square. Я наслаждаюсь здесь (материально) полнейшим покоем и бесподобными шотландскими песнями. Я хотел и мог бы немного сочинять, хотя бы только для того, чтобы сделать удовольствие этим милым дамам, пани Эрскин и панне Штирлинг. У меня в комнате фортепиано Бродвуда, а в салоне инструмент Плейеля, принадлежащий панне Штирлинг. В бумаге и перьях у меня также нет недостатка.

Я надеюсь, что ты теперь тоже что-нибудь сочиняешь, и дай бог, чтобы я вскоре мог услыхать это новорожденное произведение. У меня в Лондоне приятели, которые мне советуют провести там зиму. Я последую однако совету моего „je ne sais quoi" или, точнее говоря, послушаю того, кто будет мне советовать последним, так как я замечаю, что это также практично, как размышлять очень долго.

Прощай, милый и дорогой друг. Передай пани Франкомм мои самые сердечные пожелания ее детям. Надеюсь, что Рене забавляется со своей виолончелью, Цецилия усердно работает, а ее маленькая сестричка постоянно читает свои книжки. Кланяйся от меня пожалуйста пани Лассерв и поправь, как мою орфографию, так и мой французский язык.

Здешнее население безобразно, но кажется добродушно. Зато коровы, имеющие повидимому склонность бодаться, великолепны. Молоко, масло, яйца безукоризненные и, что обычно идет с этим об руку, — сыры и куры.

(575)

276. Шопен Юлиану Фонтане.

Calder House, Mid-Calder.
Шотландия (12 миль от Эдинбурга, если это тебе может доставить удовольствие).
18 августа 1848.

Жизнь моя, если бы я был здоровее, то поехал бы завтра в Лондон, чтобы обнять тебя. Может быть не так скоро мы опять увидимся. Мы старые цимбалы, на которых время и обстоятельства разыгрывали свои жалкие трели. Именно, — два старых цимбала, сколько бы

[1]) Диллетант, игравший на виолончели и других струнных инструментах.

[2]) Восстание красных республиканцев 23—26 июня 1848 года.

ты не оборонялся от этой компании. Но это не нарушает ни красоты, ни благородства: la table d'harmonie [1]) превосходна, только струны оборваны, да некоторые колки повыскакивали. Одна беда только: мы—работа славного лютниста, какого-нибудь Страдивария sui generis [2]), которого уже нет, чтобы нас починить. Мы не умеем издавать новых звуков под мерзкими руками и душим в себе все то, чего за неимением лютниста никто уже не извлечет из нас. Я уж еле дышу: je suis tout prêt à crever [3]), а ты наверное лысеешь и постоишь еще над моим надгробным камнем, как те наши вербы,—помнишь? — которые показывают свою голую макушку. Не знаю, почему я сейчас вспомнил покойного Яся и Антека,—а Витвицкий, а Собаньский [4])! Те, с которыми я был в самой полной гармонии, также для меня умерли. Даже Эннике, наш лучший настройщик, утопился. Итак, нет уже на свете ни одного хорошо настроенного по моему вкусу фортепиано. Моос умер, и никто уже не сделает мне такой удобной обуви. Пусть еще 4 или 5 пойдут к вратам св. Петра, и вся моя жизнь преспокойно отправится ad patres [5]). Мои милые мать и сестры, слава богу, живы; но холера! Честный Тит тоже. Ты причисляешься еще, как видишь, к моим самым старым воспоминаниям, а я к твоим, хотя ты кажется моложе (как теперь много значит, у кого из нас на два часа больше!). Уверяю тебя, что я охотно бы согласился быть даже значительно моложе тебя, чтобы обнять тебя при твоем проезде [6]). Если тебя не схватит желтая лихорадка, а меня желтуха, это будет невероятно, так как нам обоим угрожали эти желтки [7]).

Я пишу тебе глупости, потому что ничего разумного не приходит в голову. Вегетирую, жду терпеливо зимы, мечтаю то о доме, то о Риме, то о счастии, то о беде. Никто теперь не играет по моему вкусу, а я стал так снисходителен, что мог бы с удовольствием слушать ораторию Совинского [8]) и не умереть. Мне вспоминается художник Норблин, который рассказывал, как один известный художник в Риме увидел работу другого художника, и это причинило ему такую неприятность, что он умер. Что у меня осталось,—это длинный нос и невыработанный 4-й палец! Будешь негодяем, если ни слова не ответишь мне на это мое нынешнее послание. Нехорошее время выбрал ты для своего путешествия. Но да сохранит тебя бог отцов. Будь счастлив! Я думаю, что ты хорошо сделал, что основался в Нью-

[1]) Резонирующая фортепианная дека.
[2]) Своего рода.
[3]) Я уже совсем готов издохнуть.
[4]) Рано умершие друзья Шопена.
[5]) К праотцам.
[6]) Фонтана возвращался из Европы в Америку.
[7]) По-польски тут игра слов: żółta febra, żółtaczka и żółtko.
[8]) Об нем см. письмо 69.

Иорке, а не в Гаванне. Если ты увидишь Эмерсона [1]), вашего знаменитого философа, напомни ему обо мне. Гербо обними, а себя поцелуй и не кривись.

Твой старый *Ш.*

(576)

277. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[На тоненьком светло-голубом листе почтовой бумаги с большой гравюрой в заголовке, изображающей вид памятника Вальтеру Скотту на фоне моста Веверлей и главных зданий Эдинбурга].

[Calder House], 19 августа 1848.

Жизнь моя дорогая!

Я в Calder House, недалеко, в 12 английских милях, от Эдинбурга, у лорда Торпихен, 78-летнего зятя пани Эрскин и Штирлинг. Я здесь уже около двух недель. Климат не очень для меня годится; вчера и нынче я плюю кровью, но у меня это, знаешь, немного значит. Я сделал 407 миль от Лондона до Эдинбурга по железной дороге поездом Express в двенадцать часов. Может быть это тоже расшевелило мне кровь. Впрочем, не стоит говорить об этом.

Я здесь, чтобы отдохнуть после лондонского сезона и спокойно посидеть до 28-го этого месяца, когда меня ждут в Манчестере. Я обещал приехать играть в концерте, который дают итальянцы — Альбони и т. д., и я за это получаю 60 фунтов. Не до отказов в теперешнее время. После 28-го не знаю, что буду делать. В Манчестере меня ждет Шваб (богатый фабрикант, которого ты может быть видал у Лео). Он живет не в самом городе, а в нескольких милях от него, и там же с ним живет Нейком. Приедет также пани Рич, та благородная старая англичанка, которую ты у меня видел с панной Штирлинг. Итак, я буду не один, и мне будет веселей.

В сентябре я имею опять приглашения в Шотландии, где кажется сентябрь очень хорош, но не здесь, а около Глазго,—к лэди Мюррай и в Кеир около Штирлинга к Штирлингу, кузену панны Штирлинг. Я не считаю различных других, посетить которых я не смогу, потому что не могу же я таскаться из угла в угол. Итак, через 15 дней я буду у одной моей ученицы и у другого, богатого и умного холостяка.

В Эдинбурге хотят, чтобы я играл там 2-го или 3-го октября. Если еще не будет холодно (говорят, что это еще хорошая пора, и что это мне даст около ста фунтов), то я готов вернуться из Манчестера в Шотландию,—неполных восемь часов по железной дороге.

[1]) Эмерсон, Ральф-Вальд (1803-1882), знаменитый американский философ.

Мой теперешний лакей—прекрасный и честный, следовательно у меня более легкая жизнь. Даже боюсь думать о том, что потом с собою делать. Все-таки нужно возвращаться в Париж, чтобы что-нибудь решить с квартирой. Если случайно увидишь Ларака, управляющего моего дома, попроси его, чтобы он был покоен за свою квартирную плату. Он мне не писал, но это ничего не значит. Пани Этьенн передай от меня привет и скажи, чтобы проветривала, потому что я вероятно скоро приеду.

А ты, милый, давно бы имел от меня словечко, если бы не эти переезды; но я тысячу раз начинал [писать] к тебе и тысячу раз рвал или сжигал. Заодно с этим я хотел также написать и матери, которая три месяца не имела письма, но время уходит на величайшие глупости. Я хотел тут немного сочинять,—нельзя; всегда приходится делать что-нибудь другое.

Я вычитал, что княгиня в своем отеле. Дай бог, чтобы с Витольдом ничего не случилось в Италии [1]). Напомни там обо мне, как о верном псе, и поблагодари за письмо к лорду Ст[юарту]. Пусть бог не забудет тебя. Знакомых обними. Сам напиши мне словечко по адресу: у Mr. Broadwood, 33, Great Pultney Street, Golden Square. Поручаю тебе письмо к моим, как самую большую мою работу. Другого им может быть так скоро не напишу. Панна де-Розьер должна была уехать в деревню, как я вижу из ее письма, поэтому я ей не пишу. Соланж в Безансоне, а ее мать в Туре, как мне говорил Виардо. Что они должны были пережить?! А где Августина? Да защитит и сохранит тебя бог, чтобы я застал тебя благополучным. Я вскоре напишу тебе; теперь кончаю, потому что от замка до почты три английских мили и пора, а завтра воскресенье.

Твой наипреданнейший *Ш.*

[Новый листок той же самой бумаги, украшенный гравюрой, представляющей превосходный вид на Эдинбург с Calton Hill].

В тот момент, когда запечатывал, получил твое письмо, моя дорогая жизнь. Никогда не сомневайся во мне; но я не мог бы, как ни люблю тебя, кончить письмо, ежедневно вновь начинаемое.

Скажи о квартире де-Лараку, что я ему напишу, а деньги или пришлю, или сам приеду. Если бы я знал, что у меня будет, что̀ есть зимой в Париже! Тебе я напишу из Манчестера. Да сохранит тебя бог. Тут все обо мне заботятся. Мне лучше, чем дома, потому что такой дом трудно найти. Есть тут только какая-то красная шапка или красная шапочка, которая является, как во всех шотландских балладах, но я ее еще не видал и не могу найти в здешних корридорах, кто бы это мог быть из безчисленных и закопченых предков.

[1]) Княгиня Чарторижска и ее младший сын, Витольд.

Соли [1]) я напишу. Мне не нравится этот Петербург [2]). Де-Розьерке напишу также.

Сердечно тебя обнимаю *Ш.*

(577)

278. Шопен своим родным [3]).

19 августа 1848.

Мои милые!

Благодарю вас за доброе письмо, которое дошло до меня в Лондоне более недели тому назад. В Лондоне я просидел 3 месяца и был, насколько возможно, здоров. Я дал два утренних концерта,—один у пани Сартори, другой—у лорда Фальмут с большим успехом, но без особенного шума.

[В приписке:] Пани Сартори, рожденная Фанни Кембль, младшая дочь знаменитого английского актера и сама известная английская певица, которая только два года была на сцене, потом вышла замуж за пана Сартори, богатого светского человека, и была признана всем высшим светом Лондона. Она бывает везде, и все бывают у нее. Это знакомство еще с Парижа.—Лорд Фальмут, большой любитель музыки, богач, холостяк, важный барин, предоставил мне свой отель в Сент-Джемском сквере для моего концерта. Он был ко мне очень предупредителен. Ему можно было бы на улице подать 3 гроша, а дома у него пропасть лакеев, одетых лучше, чем он. Я знал в Париже его племянницу, но в Лондоне увидел ее снова только в концерте.

[Продолжение письма:] В одном из моих концертов Марио спел три раза, а я играл 4 раза; в другом—3 раза пела пани Виардо, а я играл 4 раза, что им очень понравилось, потому что они не привыкли здесь к таким коротким и сжатым концертам, а только к длинным, с 20-ю номерами и огромными афишами.

[В приписке]: Посылаю вам несколько слов из „Athenäum“'а, журнала, ценимого артистами. Других у меня нет. Впрочем, что вам принесет, считая билет по одной гинеи (за вычетом разных расходов), будет от того, что кто-то там скажет, что хорошо! Пусть вам Антек переведет.

[Продолжение письма:] Я ограничил число слушателей у лорда Фальмут двумя стами, а у пани Сартори—полутора стами, что мне около 300 гиней. Лондон во время сезона страшно дорог. Одна квар-

[1]) Соланж Клезанже.

[2]) Проект Клезанже отправиться в Петербург, где, как ему казалось, он мог бы получить заказы.

[3]) Письмо состоит из трех листов in quarto с видами Эдинбурга. Адрес: Мадам Мадам Шопен, через Берлин в Варшаву (Польша), улица Новый Свет, в доме ясновельможного пана Барцинского, рядом с Бентковским, недалеко от Варецкой улицы. Почтовый штемпель: Париж, 23 августа, 48. Варшава, 29. VIII.

тира без ничего (правда у меня был очень большой и высокий салон, в котором стояло 3 фортепиано: одно, которое мне прислал Плейель, второе—приготовленное мне Эраром и третие, которое мне поставил Бродвуд), одна эта квартира стоила 80 фунтов, потому что там большая красивая лестница, великолепный вход, а улица—Dover-Street около Piccadilly. Потом экипаж, слуга,—все чрезвычайно дорого, так что я не знаю, что было бы со мною, если бы я не давал дома уроков по одной гинеи, и таких по нескольку в день. Сейчас же по своем приезде я был на нескольких великосветских вечерах, и я не знаю, писал ли я вам из Лондона, что у герцогини Сутерлэндской была раз королева на обеде, а вечером 80 человек только из высшего лондонского общества. Кроме принца прусского (который должен был скоро уехать) и королевской семьи, там были только такие, как старый Веллингтон и тому подобные (хотя в этом случае о подобии с трудом может быть речь). Герцогиня представила меня королеве. Королева была очень внимательна, два раза говорила со мной. Принц Альберт подошел к фортепиано. Все мне говорили, что это редкий случай. Из итальянцев, которые пели в тот же вечер, были: Марио, Лаблаш и Тамбурини. Ни одной певицы. Я охотно описал бы вам дворец герцогини Сутерлэндской, но это невозможно. Все, кто его знает, говорят мне, что английская королева не обладает таким жилищем. Все королевские дворцы и старые замки великолепны, но в них нет столько вкуса и элегантности, как в „Stafford House“ (так называется дворец герцогини Сутерлэндской), который примыкает к лондонскому Сент-Джемскому дворцу, как у нас Blacha [1]). Лестница, например, знаменита своим великолепием. Она находится ни в сенях, ни в вестибюле, а внутри самих аппартаментов, как будто бы в каком-то огромном салоне с великолепными картинами, статуями, галлереями, обоями и коврами, в самом красивом расположении и с великолепной перспективой. На этой-то лестнице при грандиозном освещении можно было видеть также королеву, окруженную всеми бриллиантами и лентами и теми кавалерами ордена „подвязки“, которые с величайшей элегантностью спускались вниз, разговаривали, останавливались на различных площадках, где с каждого пункта можно было любоваться чем-нибудь новым. Поистине можно пожалеть, что какой-нибудь Паоло Веронезе не мог видет что-либо подобное, чтобы оставить после себя одним chef d'oeuvre'ом больше. После этого вечера у герцогини Сутерлэндской мне было сказано, что я буду играть у королевы. Но не знаю, почему я не играл. Вероятно потому, что я не постарался, а здесь всего надо добиваться,—такое везде переполнение. А я не только не домогался, но даже не отдал визита королевскому капельмейстеру, или скорее тому, кто устраивает концерты королевы и состоит директором Филар-

[1]) Дворец князя Иосифа Понятовского близ королевского дворца в Варшаве.

монического общества (здешние первоклассные концерты, соответствующие концертам парижской консерватории). Филармоническое общество сделало мне предложение сыграть у них, — большая честь или скорее отличие, так как всякий, кто сюда приезжает, просит об этом, и в этом году ни Калькбреннер, ни Галле [1]) не играли, несмотря на все свои старания. Но я все-таки отказался, что на некоторых музыкантов, а особенно на директоров, произвело дурное впечатление. Отказался же я, во-первых, потому, что не совсем хорошо себя чувствовал, что я так же выставил, как причину,—настоящая же была та, что мне не хотелось играть только один из своих концертов с оркестром, тем более, что эти господа делают только одну репетицию, да и ту публичную, куда дозволяется вход с бесплатными билетами. Как можно тут репетировать и повторять! При таких условиях мы играли бы плохо (хотя здесь они как будто бы знают мои концерты, и г-жа Дэлькен [2]), здешняя знаменитая (sic!) пианистка, в прошлом году играла один из них). Итак, я велел благодарить Филармоническое общество. Одна из газет прогневалась на меня за это, но это ничего. После моих „matinées“ во многих журналах появились хорошие статьи, за исключением „Times“'а, где пишет некий Дависсон (креатура покойного Мендельсона), который меня не знает и представляет себе (как мне передавали), что я враг Мендельсона. Но это мне не вредит нисколько. Однако, вы видите из этого, что людьми руководит обычно не правда, а нечто совсем другое.

Однако, вернемся к Лондонскому обществу. Итак, моя цена за лондонские вечера составляла 20 фунтов, но таких вечеров было только три. Второй происходил у маркиза Дуглас (сына герцогини Гамильтон, которую я когда-то знал в Париже). Молодая маркиза — баденская герцогиня. Она представила меня герцогине Кембриджской, тетке королевы (которая, встречаясь потом со мной, всегда много разговаривала) и—старой даме—великой герцогине веймарской (нецарствующей). Там были еще—гессенский курфюрст и целое собрание лондонских дам из общества: лэди Jocelyn, одна из здешних знаменитых красавиц, лэди Линкольн, сестра маркиза Дугласа, лэди Гранвиль (молодая), лэди Кадоган (моя бывшая ученица, теперь dame de compagnie герцогини Кембриджской), дипломатия, среди которой некоторые немцы, которые сейчас в Лондоне, и которых я раньше знал в Париже.

Мое третье платное выступление, по-порядку правильнее—первое, было у лэди Генсборо, бывшей статс-дамы королевы, которая также собрала у себя здешнее избранное аристократическое общество, — как вам известно, здесь считаются только с именем и знатностью, — лэди Довер, племянница герцогини Сутерлэндской, герцогиня Аргайль, лэди

[1]) Karl Halle (1819—1895), прекрасный пианист и дирижер.

[2]) Луиза Дэлькен (Dulcken) (1811—1850), пианистка и учительница музыки, чрезвычайно популярная (между прочим, учительница королевы Виктории).

Стэнлей (дочь которой—моя парижская ученица, теперь статс-дама королевы). Но зачем мне перечислять вам разные имена! Я познакомился со многими из высшего общества, между прочим, например, с герцогиней Сомерсет. Герцог—первый герцог Англии, и она выступает на больших выходах, как, например, на коронации, сейчас же за королевой.

[В приписке к месту, обозначенному Шопеном звездочкой:] Лэди Эльсбюри, лэди Пиль, лэди Гордон, лэди Парк. Из писателей: Карлейль, Роджерс, старый очень известный поэт и близкий друг Байрона, Диккенс, Хоггарт, задушевный друг Вальтера Скотта и т. д., и т. д., который написал очень хорошую статью в „Daily News“ обо мне и о моем втором концерте.

[Дальше продолжение письма:] Между достопримечательностями также лэди Байрон. Мы как будто симпатизируем друг другу и разговариваем между собой, как гусь с поросенком, она — по-английски, а я по-французски. Я понимаю, что она надоела Байрону. Ее дочь, лэди Ловелас (яко бы красавица) — тоже любопытная особа. Но кого я имел удовольствие здесь застать, так это лэди Шельбэрн, бывшую м-ль де-Флао [Flahault],—мою ученицу, а теперь belle fille лорда Ланздауна, министра-президента, который сам очень любит музыку и каждый сезон устраивает у себя большие вокальные концерты. Лэди Комбермеер тоже одна из дам, которые были ко мне очень внимательны. Перед моим от'ездом я был там на одном вечере, на котором присутствовала также Кембриджская герцогская чета, Веллингтон, князь или, скорее, граф Монтемолэн, сын дона Карлоса, испанский претендент.

Между интересными личностями, с которыми я познакомился, здесь находится, например, лэди Нортон, знаменитая своей красотой (а также процессом со своим мужем).

[В приписке:] Барцинский вероятно слышал о ней.

[Продолжение письма:] Она — дочь Шеридана, всеми любимая дама. Потом лэди Блессингтон, дочь которой вышла за графа д'Орсай, который задает здесь тон, и которого бросила жена. Граф д'Орсай был ко мне очень внимателен. Я привез ему письмо от его сестры, герцогини Грамон. Кроме того, он сам художник, лепит очень красивые барельефы и статуи, пишет красками и рисует. Между его прекрасными бюстами находится бюст маркизы де-Дуро, супруги сына Веллингтона (к которой у меня тоже были письма). Маркиза де-Дуро—одна из здешних красавиц. Между милыми особами познакомился я здесь с чрезвычайно достойной женщиной — пани Мильнер-Гибсон, муж которой несколько лет тому назад был министром; потом с лэди Молесворт, которая по отношению ко мне была также очень любезна.

[В приписке:] Я не могу не упомянуть о лэди Agasta Bruce, дочери лэди Эльгин, статс-дамы герцогини Кент, матери королевы. Она очень мила, добра и внимательна. Это еще парижское знакомство.

[Дальше продолжение письма:] Назвать вам всех трудно, но все-таки я не могу не назвать пани Грот, с которой я познакомился еще в Париже, у пани Марлиани. Пани Грот—жена члена парламента. Это очень образованная дама, которая взяла на себя протежировать Женни Линд. Она меня с ней познакомила. Раз она пригласила к себе только нас двоих, и мы не отошли от фортепиано от 9 до 1 часу ночи.

[В приписке, обозначенной звездочкой:] Королева, которая вернулась в город после враждебных манифестаций оппозиции, должна была в первый раз появиться в большой опере, чтобы показаться публике. Избранным спектаклем было как раз первое выступление панны Линд в „Сонамбуле“. Спрос на билеты был поэтому огромный: накануне спектакля кресла продавались по 3 гинеи. Я об этом ничего не знал, потому что только что приехал, но кто-то мне сказал в самый день спектакля, что если я знаю пани Грот, которая кроме своей собственной ложи имеет очень много знакомств, то она смогла бы мне помочь. Я нанес ей визит, и сейчас же был ею приглашен в ее ложу. Я был этим очень доволен, потому что не видал ни королевы, ни Женни Линд, ни также этого великолепного театра (Queens Theatre). Однако, ложа пани Грот была в первом ярусе, а на лестнице я задыхаюсь. Вернувшись домой, я нашел от пана Лёмлей, директора, билет на лучшее место с приветствием от панны Линд и пани Грот. Спектакль был великолепный: королеву встретили бо́льшим „браво“, чем Женни Линд; было спето „God save“, вся зала debout[1]), также Веллингтон и вся здешняя знать. Импонирующая вещь видеть это почтение и это действительное уважение к трону, закону и порядку. От энтузиазма они не могли успокоиться.

[Дальше продолжение письма:] Панна Линд была на моем концерте!!! а это для дураков очень много значит, так как она нигде не может показаться без того, чтобы ее не лорнировали. Она спела бы в моем концерте, как мне говорила пани Грот, если бы не то обстоятельство, что она нигде не выступает, кроме оперы, даже в высшем обществе. А мне даже не снилось попросить ее об этом, хотя она добрая девушка, и мы с ней в прекрасных отношениях. Она во всяком случае представляет из себя совсем не то, что другие. Это можно было бы назвать скандинавской струнной, — совершенно иная натура, чем то южное, что у Полины Виардо, например. Она некрасива, хотя дома мила. На сцене она мне нравится не всегда, но в „Сонамбуле“ с середины второго акта она очень хороша во всех отношениях, и как актриса, и как певица. Малибран я не видал, но сомневаюсь, чтобы та больше прониклась этой ролью. В другом она не так хороша. Лучше же всего она поет, по-моему, шведские песни, также как пани Полина[2]) испанские. Говорили, что она выходит замуж за брата

[1]) Стоя.
[2]) Виардо.

пани Грот, но я знаю наверное, что нет (говорили даже о том, что она тайно обвенчана; на самом же деле ее в Швеции ждет жених). Пани Грот очень добрый человек, хотя большая радикалка и оригиналка. Она принимает у себя пропасть интереснейших личностей,—и герцогов, и лордов, и ученых, словом, достопримечательностей всего света. Говорит басом, всем говорит правду прямо в глаза и всякий, кто не одного с нею мнения, на вопрос: „Comment trouvez-vous m-me Grote?“ отвечает: „Je la trouve grotesque“ [1]). Несмотря на все это, у нее доброе сердце, чему она представила доказательства: она пригласила меня с панной Линд и пани Сартори к себе в деревню, но я не мог этим воспользоваться. Кого я также очень полюбил,—это пани Сартори (Фанни Кембль). Она знает меня с давних пор и на вечерах, на которых она принимает весь лондонский свет, она никогда не просила меня играть, если знала, что мне не хочется. Сама она очень хорошо поет, но голова ее—лучше всего. У нее двое детей, очаровательных, как ангелы. Она сама была очень красива, но теперь так располнела, что осталась только голова, похожая на камею. С нею я, как дома; она естественна и через общих друзей, как, например, Дессауер, Лист, знает все мои маленькие слабости. Я часто с нею болтал, и мне казалось, будто я делал это с кем-то, кто вас знает, а она знает только комнату, в которой мы жили у Тунов в Чехии, у которых и она провела также несколько приятных часов. Она говорила мне, что нас там часто, очень часто вспоминали. Но довольно о Лондоне.

Я не буду вам перечислять других знакомств. Я нашел здесь между прочим старых знакомых, которые были хорошо ко мне расположены, как например Бульвера, который был посланником в Мадриде, лорда Дудлей Стюарта, Комминг-Брюсе, отца лэди Эльгин, Монетон-Мильнера и т. д. Бродвуд [2]), здешний Плейель, был мне лучшим и искреннейшим другом. Он, как вам известно, очень богатый и прекрасно воспитанный человек, которому отец передал состояние и фабрику, а сам удалился в деревню. У него здесь самые лучшие связи; это он принимал у себя в доме пана Гизо (которого все любят) со всей семьей. Через него я познакомился с лордом Фальмут. Вот вам пример его английской любезности: однажды он пришел ко мне рано утром; я был измучен и сказал ему, что нехорошо спал. Вечером я возвращаюсь от герцогини Сомерсет и нахожу новые эластичные матрацы и подушки на кровати. После долгих распросов мой честный Даниель (так зовут моего теперешнего, очень хорошего слугу) сказал мне, что они присланы паном Бродвудом, который просил ничего мне об этом не говорить. Когда я дней 10 тому назад уезжал из Лондона в Эдинбург, я встретил на вокзале одного господина, который представился мне

[1]) Непереводимая игра слов: „Как вы находите м-м Грот? Я нахожу ее странной“.
[2]) Лондонский фабрикант роялей.

по поручению Бродвуда и дал мне вместо одного—два места в вагоне (второе—напротив, чтобы меня никто не стеснял) и кроме того в том же самом поезде мне представили знакомого Бродвуда, некоего пана Вуда, который тоже знал меня (он меня видел у Липинского [1]) во Франкфурте в 1836 г.), и у которого в Эдинбурге и в Глазго музыкальный торговый дом.

Добряк Бродвуд велел также поместить моего Даниэля (который приличнее любого пана и красивей многих англичан) в том же вагоне, и я проехал 407 английских миль от Лондона до Эдинбурга через Бирмингэм и Карлейль в 12 часов par express train (это меньше других останавливающийся поезд). В Эдинбурге, где мне было заказано помещение в лучшем отеле (Hôtel Douglas), я остановился на $1^1/_2$ дня, чтобы отдохнуть. Я осмотрел чрезвычайно красивый город, совершенно отвратительные виды которого посылаю вам на этой бумаге (более красивых я не мог достать).

[В приписке:] Люди, у которых всегда перед носом красивые вещи, восхищаются обычно чем-нибудь менее красивым только потому, что оно менее обычно и не находится перед носом.

[Продолжение письма:] Я встретил там любезных друзей моих друзей, которые предоставили мне свой экипаж для обозрения города. (В настоящее время все с'езжаются в Шотландию к началу охоты). Отдохнув в Эдинбурге и послушав, проходя мимо одного музыкального магазина, как какой-то слепой играл мою музыку, я сел в экипаж, запряженный по-английски и управляемый с лошади, который прислал за мной лорд Торпихен, и приехал сюда, за 12 миль от Эдинбурга. Лорд Торпихен, старый 70-летний шотландец, зять пани Эрскин и панны Штирлинг, моих достойных шотландских дам, которых я давно знаю, и которые постоянно очень заботятся обо мне; я у них постоянно бывал в Лондоне и не мог им отказать приехать сюда, тем более, что в Лондоне мне теперь нечего делать. Мне нужно отдохнуть, а лорд Торпихен приглашал меня чрезвычайно сердечно.

Место это называется Calder House (выговаривается Кольдерхаус). Это старый замок, окруженный огромным парком со столетними деревьями: видны только лужайки, деревья, горы и небо. Стены толщиной в 8 футов. Во все стороны галлереи, темные корридоры с бесчисленными портретами предков, различных по краскам и в разных костюмах, то шотландских, то в доспехах, то в робронах,—здесь для воображения ни в чем нет недостатка. Есть даже какая-то красная шапочка, которая появляется, но я ее еще не видел. Я вчера рассматривал все портреты и однако не нашел еще, который из них мог бы бродить по замку. Из комнаты, где я живу, самый красивый вид, какой только можно себе вообразить.

[1]) Липинский, Карл-Иосиф (1790—1861), знаменитый скрипач, соперник Паганини.

[В приписке:] Хотя эта часть Шотландии не самая красивая. Красоты расположены к северу от Штирлинга, за Глазго. Я обещал недели через две поехать к лэди Мюррай, моей первой лондонской ученице, которая обычно живет в Эдинбурге и стоит там во главе музыкальной жизни. Лорд Мюррай живет в красивейшей местности над морем; туда даже и ехать надо морем. Позже я должен с'ездить также к двоюродному брату мисс Штирлинг в Кеир недалеко от Штирлинга, в место знаменитое красотой, расположенное вблизи „The lady of the lake“ [1]).

Мои достойные здешние шотландки! Я не могу ничего выдумать, чего сейчас же не оказалось бы здесь: даже парижские газеты приносят мне сюда ежедневно. Мне так тихо, покойно и так хорошо; однако, через неделю нужно уже уезжать. На будущий год лорд приглашает меня на все лето. Я охотно прожил бы здесь всю жизнь, но что из этого выйдет?

[Продолжение письма:] Я отделен от других, чтобы я мог спокойно играть и работать, как мне нравится, потому что у них, как вам скажет Бартек, главное для гостя, чтобы он ни в чем не был стеснен. У себя в помещении я нашел инструмент Бродвуда. В салоне стоит фортепиано Плейеля, привезенное с собой мисс Штирлинг. В Англии la vie de château [жизнь в замке] очень приятна. Беспрерывные гости приезжают ежедневно и остаются по нескольку дней. Элегантнейшая обстановка, библиотеки, лошади, экипаж к услугам, многочисленная прислуга и т. д. Lunch (по орфографии покойного Дмушевского „loncz“) здесь обычно бывает в 2 часа (завтрак каждый получает у себя, когда и как ему нравится), а обедают в 7 часов. Вечером они остаются сидеть, сколько им нравится. По вечерам я играю старому лорду шотландские песни, которым старик подпевает, причем он, как умеет, выражает мне по-французски свои чувства. Хотя в высшем обществе все, а в особенности дамы, говорят по-французски, но все-таки общий разговор почти всегда ведется по-английски, и тогда я жалею, что не умею по-английски, а чтобы учиться, у меня не достает ни времени, ни охоты. Впрочем, я понимаю вещи ежедневного обихода, не пропаду и не умру с голоду, но этого однако не достаточно.

Я хочу кончить это письмо, которое я пишу впродолжение десяти или более дней, непременно нынче, потому что мне жаль, что вы так давно от меня ничего не получали. Славная де-Розьерка писала мне, что, не дожидаясь меня, она написала вам несколько слов. Она у друзей в деревне, чтобы отдохнуть от всех эмоций и страхов, которые они там перенесли. Соланж тоже мне писала; она здорова и находится в Безансоне у родителей своего мужа. В Париже она часто видела свою мать, которой посоветовали из Парижа уехать. Когда она приехала в Ноган, крестьяне встретили ее очень плохо (потому что

[1]) Поэма Вальтера Скотта—„Владычица морей“.

она вмешивалась во все дурные дела), так что она должна была уехать и живет в Туре. Последнее время она попала в грязную историю и многим причинила затруднения. Ей приписываются гнусные прокламации, вследствие которых вспыхнула гражданская война. Ее второй журнал, который также совершенно не удался, потому что он, был крайний [ultra] и подстрекал только близоруких, запрещен, но он подобно первому, уже захирел от отсутствия читателей. Кто бы мог сказать это несколько лет тому назад! Ее биография, написанная и подписанная отцом Августины, напечатана и продается на улицах. Он обвиняет ее в том, что она развратила его единственную дочь, сделала ее любовницей Мориса и без согласия родителей выдала замуж за первого встречного, в то время, как она обещала повенчать ее с сыном. Он цитирует ее собственные письма. Словом, отвратительный скандал, о котором знает теперь вся парижская мостовая. Со стороны отца это гнусность, хотя это и правда. Итак, вот то доброе дело, которое она хотела сделать, и таким способом, против которого я всячески протестовал с первого же дня приезда девушки в дом. Она должна была бы оставить ее у ее родителей и не кружить ей головы сыном (который женится только на деньгах и то, если его очень об этом попросят, потому что их у него и без того будет много). Но он хотел иметь в доме красивую кузину и настоял, чтобы мать сравняла ее с Соланж. Ее одевали также, как ту, но за ней больше ухаживали, потому что Морис хотел этого. Как только ее отец собирался взять ее домой, этого не допускали, потому что так хотел Морис. Мать ее считали сумасшедшей, потому что она правильно смотрела на вещи; наконец и отец это заметил. Итак, пани Санд сделала из девушки жертву [„une victime“], которую яко бы преследуют собственные родители. Соланж видела все это и поэтому стесняла. Морису нужен был тот Ламбер, который заслонял бы его перед Соланж и прислугой. Бори нуждался в Августине, чтобы она заслоняла его перед Соланж и Морисом. Морис нуждался в Бори, чтобы в городе думали, будто Бори имеет виды на Августину. Матери было неудобно с дочерью, которая к несчастью видела все, что творилось,— отсюда ложь, стыд и все остальное...

Но вернемся снова к Шотландии. 28 августа меня ждут в Манчестере, где я должен играть в концерте, в котором поют итальянцы из Лондона: Альбони и т. д. За это я получаю 60 гиней, и так как от этого не откажешься, то я согласился и через неделю уезжаю отсюда. Двести и еще несколько десятков английских миль, 8 часов езды по железной дороге. Там меня ждут добрые знакомые, очень богатые фабриканты, у которых живет Нейком (знакомый вам по имени лучший ученик Гайдна, бывший капельмейстером бразильского короля). Там также пани Рич (дочь пана Мэкинтоша, очень ценимого когда-то члена парламента, оратора и писателя)— моя большая приятельница,

такая же как и мисс Штирлинг и Эрскин. После концерта я должен вернуться под Глазго к belle soeur здешнего лорда. Оттуда к лэди Мюррай, потом к Штирлингу, и в начале октября играть в Эдинбурге. Если это принесет мне что-нибудь, и если у меня будет достаточно сил, то я сделаю это охотно, потому что я не знаю, как обернусь этой зимой. Как всегда, у меня в Париже квартира, только я не знаю, что я там буду делать. Несмотря на климат, многие хотят удержать меня на зиму в Лондоне. Мне хочется чего-нибудь другого, но я сам не знаю — чего. В октябре я устроюсь сообразно своему здоровью и кошельку, поэтому лишняя сотня гиней в кармане не повредит. Если бы Лондон не был такой черный, а люди здесь не были такие неуклюжие и пахнущие углем, и если бы не было тумана, то я, так и быть, научился бы по-английски. Однако, эти англичане совсем не похожи на французов, к которым я привязался, как к своим. Они все расценивают только на фунты, искусство любят только потому, что это роскошь [luxe]; добрые сердца, но до такой степени странные, что я понимаю, как самому можно здесь стать черствым или превратиться в машину. Будь я помоложе, я бы может быть еще попробовал стать машиной: давал бы концерты во всех концах и углах и играл бы безвкуснейшие вещи (только бы за деньги!), но теперь трудно уже обращаться в машину.

Нынче здесь прекрасная погода, поэтому мне ничего не лезет в голову. Парк рано утром чудесно освещен, и вот я забываю все, чувствую себя с вами, и мне хорошо. Я только тогда стану думать о зиме, когда это будет безусловно необходимо. Теперь же сердечно вас обнимаю.

III.

[В приписке:] Как хорошо, что Людвика сейчас в деревне! Мамочка и Изабелла должны также побывать в саду, в котором я вижу все цветы, овощи и заборные колья. Бартека и Каласанти целую и еще целую. Людвике к именинам не шлю никаких пожеланий, потому что это само собою разумеется. Да сохранит и благословит вас бог защитит и пошлет вам здоровья, а детек вырастит вам на радость.

Пишите мне по обычному адресу в Париж, так как мне перешлют оттуда ваше письмо, куда бы я ни направился. Во всяком случае, напишу вам, где я предполагаю провести зиму.

(578)

279. Шопен Альберту Гржимале.

4 сен[тября 1848]. Джонстон Кэстель, 11 миль от Глазго.

Жизнь моя дорогая!

Со времени, что я тебе писал, я был в Манчестере. Меня очень хорошо принимали,— я должен был три раза садиться за фортепиано.

Красивый зал на 1200 человек. Я жил в деревне (потому что в городе слишком сильный дым); все богачи имеют свои жилища за городом. Я жил у милого Швабе[1]), ты его может быть видел когда-нибудь у Лео. Это один из первых фабрикантов, владеющий самой большой заводской трубой, которая стоила 5 000 фунтов. Он приятель Кобдена (Cobden)[2]) и сам большой libre échangiste, — еврей, как будто протестант вроде Лео. Его жена добра чрезвычайно. Они хотели непременно задержать меня еще, потому что на будущей неделе туда приезжает Женни Линд и также будет жить у них (они с ней в большой дружбе). Во время моего пребывания была там также та милая пани Рич, которую ты видел у меня с мисс Штирлинг. У Швабе я видел еще брата Лео, который там тоже торгует. Этот Швабе знает Альбрехта из Гавра, поэтому я сейчас же послал через него к нашему Альбрехту, чтобы он заплатил и записал в книгу квартирную плату в Орлеанском Сквере[3]). Скажи об этом, жизнь моя, Лараку. Благодарю тебя за твое искреннее письмо и за Nossarz'a[4]). О мехе дикой кошки я и не думаю, потому что и cachemire мой мне тяжел. Обними его и скажи, что сейчас же ее[5]) померяю, как только смогу ее поднять. Нет, серьезно, я может быть примерю, как только будет холодно! Ты мне прислал хорошее письмо от княгини Марцеллины[6]). Она спрашивает в Лондоне ли я еще и просит дать ей знать об этом в Остенде poste restante. Если бы я был сильнее, сейчас поехал бы, чтобы ей ответить. Другое письмо было от Христиана Островского[7]), который справляется о драме Мицкевича, которая была когда то в руках пани Санд и которую она отдала в редакцию „Revue Indépendante". Там был большой беспорядок. Один из издателей — Пернэ умер, а другой — Франсуа сваливает на Пернэ, потому что сам не знает, куда ее девал. Итак, чудак Островский спрашивает меня, когда это было, — и нет ли случайно какой-нибудь копии, и где теперь пани Санд, чтобы он мог к ней обратиться!!! Я знаю, что эту драму[8]) уже раз искали и не нашли. На такие письма, как Островского, я не отвечаю, а так как я тебе все равно сообщаю их содержание, то пожалуйста, лучше вскрывай их и посылай только нужные.

---

[1]) В письме к Гржимале от 18 августа 1848 г. (№ 277) Шопен называет его Шваб.

[2]) Кобден, Ричард (1804 — 1865), английский экономист, сторонник идей свободной торговли (libre échangiste).

[3]) Тогдашняя парижская квартира Шопена.

[4]) Вероятно портной.

[5]) Шубу.

[6]) Княгиня Марцеллина Чарторижска.

[7]) Кристин-Иосиф Островский (1810—1882), сын польского писателя Антона Яна, после 1830 г жившего за границей, и сам писавший по-французски и по-польски, как прозой, так и стихами. Он повидимому не имел понятия о разрыве, происшедшем между Жорж Санд и Шопеном.

[8]) „Барские конфедераты".

Я теперь у супругов Houston. Она—сестра моих шотландок. Замок очень красивый и богатый и содержится на широкую ногу. Я здесь пробуду с неделю и потом поеду к лэди Мюррай в край еще более красивый, где опять проведу с неделю. Может быть буду играть в Эдинбурге и для этого останусь в Шотландии до октября. Пожалуйста, адресуй теперь твои письма: à Mr. le Docteur Lishinski

Warriston Crescent

Edinbourgh Scotland.

Лыщинский — поляк, врач гомеопат в Эдинбурге, который удачно женился, сидит смирно и стал настоящим англичанином. Он будет знать, куда мне отослать письмо.

Это, вчера начатое, письмо я кончаю нынче, но погода переменилась, и на дворе мерзко, и я зол, и мне грустно, и люди надоедают мне своими чрезмерными заботами. И вздохнуть не могу, и работать не могу. Чувствую себя одиноким, одиноким, одиноким, хотя и окруженным... [1]) Но зачем надоедать тебе моими иеремиадами. У тебя у самого горя по уши. Я бы должен был развеселить тебя своим письмом. Если бы я был в настроении, то описал бы тебе одну шотландку, 13-ю кузину Марии Стюарт (sic!!—муж, которого зовут иначе, чем жену, говорил мне это совершенно серьезно). Тут только и есть, что кузены и кузины знатных фамилий и знатных имен, о которых на континенте никто не слыхал. Всегда целая генеалогическая конверсация, вроде как в евангелии:—тот то родил этого, а этот другого, а другой еще другого, и так две страницы вплоть до пана Езуса [Иисуса].

Мне устраивают тут в Глазго концерт. Не знаю, что из этого выйдет. Они тут очень милы и добры, и проявляют ко мне большую деликатность. Здесь много разных лэди, старых 70 и 80-летних лордов, а молодежи совсем нет, потому что все на охоте. Выходить нельзя, так как уже несколько дней дождь и буря. Не знаю, как будет с моей поездкой в Страхар (к леди Мюррай). Нужно переплывать Лох-Лонг (одно из красивейших здешних озер), об'езжать побережье Шотландии; но все это только в течение 4 часов.

Нынче 9-е. Посылаю тебе мое старое письмо от 4 сентября. Прости мне мои каракули. Ты знаешь, какая для меня иногда мука писать: перо жжет мне пальцы, волосы падают у меня с головы, и я не могу написать того, что хотел бы, а только тысячу ненужных вещей.

Ни Соли, ни де-Розьерке я не писал. Напишу, как только буду вести менее рассеянный образ жизни. Обнимаю тебя.

Пиши, и да сохранит тебя бог.

Твой до смерти.

[1]) Здесь следует 7 строк до такой степени перемаранных, что нет никакой возможности ничего прочитать.

Пани Этьенн [1]) скажи доброе словечко и передай, что я ее не забываю.

Я забыл тебе написать, что со времени последнего моего письма со мной произошло удивительное происшествие, которое к счастью кончилось ничем, а могло стоить мне жизни. Мы ехали к соседям вдоль моря. Экипаж, в котором я ехал, был un coupé [2]) с прекрасными двумя молодыми породистыми английскими лошадьми. Один конь начал танцовать, запутал ноги, начал бить задними ногами, другой — тоже самое. Вдруг они понесли sur une pente [3]) в парке; возжи порвались, кучер упал с козел (расшибся ужасно). Карета трещала, перебрасываемая от одного дерева к другому. Мы полетели бы в пропасть... если бы не одно дерево, которое задержало карету. Один конь вырвался и полетел, как шальной, другой упал, придавленный экипажем. Ветки от деревьев разбили окна. К счастью, со мной ничего не случилось, кроме маленьких контузий на ногах от толчков. Слуга ловко выскочил; только карета разбита и лошади ранены. Люди, которые видели это издали, кричали, что двоих убило, потому что они видели одного сброшенного, а другого падающего на землю. Прежде чем лошадь шевельнулась, я вышел из кареты, и со мной ничего не случилось, но никто из тех, кто видел это, и никто из нас, там бывших, не понимает, как мы не разбились вдребезги. Я вспомнил берлинского посла (Эмануэля) в Пиринеях, которого тоже трепали так лошади. Признаюсь тебе, что я спокойно ждал последнего часа, но мысль о поломанных руках и ногах весьма меня ужасала. Недоставало мне только стать калекой.

(580)

280. Шопен гр. Альберту Гржимале.

1 октября [1848].

Keir, Perth Shire. Воскресенье. Ни почты, ни железной дороги, никакого экипажа (даже для прогулки), никакой лодки, ни даже собаки, чтобы ей свистнуть.

Моя жизнь дорогая!

В тот момент, когда я начал тебе писать на другой бумаге, мне принесли твое письмо вместе с письмом сестры. По крайней мере хоть от холеры они убереглись до сих пор. Но почему ты ни слова мне не пишешь о себе? У тебя более легкое перо, чем мое, так как я неделю после возвращения из северной Шотландии (Strachur над Loch fine) ежедневно пишу тебе. А я знаю, что у тебя какой-то больной в Версале, так как мне писала де-Розьер, что ты был у нее, и что ты спешил

[1]) Привратница (concierge) в доме, где жил Шопен.

[2]) Карета.

[3]) На спуске.

к какому-то больному в Версаль. Не к дедушке ли? Не хочу думать, что это может быть внучка или твои милые соседи из Роханска. Во всяком случае, я хотел бы, чтобы это был кто-нибудь, кто не близко тебя касается. Тут о холере еще не слыхать, но в Лондоне уже начинается. Вместе с твоим письмом в Johnston Castel (в котором ты мне писал о Соли, что вы были в „Gymnase“) [1]) пришло ко мне другое из Эдинбурга с уведомлением, что приехал князь Александр с семьей [2]), и они были бы рады меня видеть. Хотя и измученный, я сел в поезд и застал их еще в Эдинбурге. Княгиня Марцеллина также добра, как и в прошлом году. Я немного ожил под их польским кровом. Это мне придало сил играть в Глазго, куда с'ехалось несколько десятков дворян меня слушать. Погода была хорошая, и князья также приехали из Эдинбурга по железной дороге; приехал и маленький Марцелл [3]), который прекрасно растет (умеет петь мои сочинения и поправляет, если играют не так, как нужно). Это было в среду в 3 часа. Они были так добры, что приняли потом приглашение на обед в Johnston Castel (12 английских миль от Глазго). Таким образом, мы провели вместе целый день. Лорд и лэди Мюррай, старый Торпихен (они сделали 100 миль, чтобы добраться сюда), все не могли нахвалиться на княгиню Марцеллину. Княжеская чета вернулась в Глазго и, осмотрев озеро „Loch Lomone“, должна была возвратиться в Лондон и оттуда на континент. Княгиня очень мило и сердечно говорила о тебе; она понимает сколько должна вытерпеть твоя благородная душа. Ты не поверишь, как меня это оживило в тот день. А нынче я уже опять угнетен; опять туман и хотя из окна, около которого я тебе пишу, у меня под носом прекраснейший вид на Sterling Castel (замок около города Штирлинга, тот самый, что в Роберте Брусе ночью на скале, помнишь?), на горы, озера, прекрасный парк,—словом, один из известных и очень красивых шотландских видов, однако, я ничего этого не вижу; только иногда, если туману заблагоразсудится уступить несколько минут солнцу, которое не очень настаивает. Хозяина этого дома зовут Штирлинга, он двоюродный дедушка наших шотландок и владелец этого имения. Я познакомился с ним в Лондоне,—богатый холостяк, у которого тут прекрасная коллекция—Мурильо и много испанцев. Теперь он напечатал великолепное сочинение (они умеют это, как тебе известно) об испанской школе. Он много путешествовал всюду и по востоку. Умен. У него бывает все английское общество, путешествующее по Шотландии. Открытый дом, за обедом обычно 30 персон. Теперь тут находятся разные знаменитые красавицы (пани Бостон уехала несколько дней тому назад). Герцоги, лорды, а в этом году их тут больше,

[1]) „Théâtre Gymnase“ в Париже.

[2]) Князь Александр Чарторижский.

[3]) Князь Марцелл Чарторижский, впоследствии владетель Воли-Юстовой под Краковом.

чем обыкновенно, потому что в Шотландии была королева. Вчера она неожиданно проехала вблизи по железной дороге, потому что должна была быть в определенный день в Лондоне. Между тем, в день, назначенный для выезда, на море был такой туман, что она не отплыла, как приехала и как ее ждали по обыкновению матросы и процессии, а уехала совершенно прозаически ночью от Абердина по железной дороге, что, как говорят, должно было очень понравиться принцу Альберту, который хворает на море, в то время как королева, как настоящая морская владычица, совсем его (моря) не боится. Скоро я совершенно забуду по-польски; по-французски, буду говорить с английским, а по-английски с шотландским акцентом и буду, как старый Яворек [1]), который одновременно говорил на пяти языках. Если я не пишу тебе иеремиад, то не потому, что ты мне не можешь посоветовать, ведь только ты все мое знаешь, но уж если я начну, так конца не будет, а будет все одно и то же. Вздор я говорю, что все одно и то же, так как что касается будущего, то с каждым днем мне все хуже. Я чувствую себя все слабее, не могу ничего сочинять, не столько от недостатка охоты, сколько от физических причин, потому что шатаюсь, что ни неделя, по разным местам. А что же мне делать? Впрочем, это сбережет мне немножко денег на зиму. У меня множество приглашений, а я не могу поехать даже туда, куда хотелось бы, как например к герцогине Argyl или лэди Bellhaven, потому что теперь уже слишком поздно для моего здоровья. Целое утро, например, до двух часов я ничего не могу делать, а потом, когда оденусь, все меня стесняет; и так задыхаюсь до обеда, после которого надо два часа сидеть с мужчинами у стола, смотреть, что говорят и слушать, как пьют. Наскучавшись до смерти (так как я думаю совершенно о другом, чем они, несмотря на все учтивости и разговоры по-французски за этим столом), я иду в салон, где нужна вся сила душевная, чтобы немножко себя оживить, так как в это время обычно они жаждут меня слушать. Потом мой честный Даниэль [2]) относит меня по лестнице в спальню (которая, как ты знаешь, у них всегда наверху), раздевает, укладывает меня, оставляет свечу, и мне предоставляется свободно дышать и мечтать до тех пор, пока тоже самое не начнется сначала. А как только я где-нибудь привыкну немножко, так уже надо куда-нибудь ехать, потому что мои шотландки не дают мне покою, то приезжая за мной, то развозя меня по родственникам (приглашения которых очень настойчивы). Они меня из любезности задушат, а я из любезности не откажу им в этом.

[1]) Иозеф Яворек, учитель музыки, старый знакомый семьи Шопенов в Варшаве, частый гость у них во времена детства Шопена, чех, с течением времени ни на одном языке не говоривший правильно.

[2]) Слуга Шопена.

Мое [1]) письмо, начатое в Keir'e, я кончаю только нынче, 3-го октября в Эдинбурге. Нынче хорошая погода, даже тепло, и мне лучше. Завтра вечером я должен тут играть, но я еще не видел залы и не составил программы. Женни Линд и пани Грот, которых я встретил на железной дороге, были тут и поехали в Глазго участвовать в спектакле. И Гризи, и Марио, и Альбони — все тут были. Женни Линд едет отсюда в Дублин. В этом году она понравилась здесь не так, как в прошлом. Потому что она уже не новость. Роджер — тенор в „Сонамбуле", но не важный. Между нами, — это тот, что всегда как парикмахер.

Кончаю, потому что пора. От души тебя обнимаю.

Твой до смерти *Ш.*

Пиши мне. Если увидишь Делакруа, обними.
Де-Розьер тоже посылаю письмо.
Адрес мой всегда у Лыщинского.

(581)

281. Шопен М-ль де-Розьер.

Keir, 2 октября [2]) 1848.
Perth Shire.

Благодарю вас очень за ваши милые письма; мне очень жаль, что я не могу доставить вам столько же удовольствия своими. Вы знаете мою слабость, что я не могу связать одного с другим двух слов без истинного страдания. Но я рассчитываю на то, что вы помните меня, и надеюсь, что меня простили. Я только что получил словечко от Людвики, которая нежно говорит о вас. Она мне пишет, что все идет хорошо. Что касается здоровья, — холера их щадит. Другие части письма менее утешительны. Не посылал ли я вам из Лондона письма Людвики к вам? У меня было одно, я уверен в этом и (если оно не осталось с моими бумагами под крепким замком в Лондоне) мне кажется, что я его вам отослал. Не похитил ли письмо из любопытства мой итальянец, который присутствовал при его запечатании и которому я поручил снести его на почту? В конце концов это выяснится. Во всяком случае, не обвиняйте Людвику, потому что я знаю, что у меня в Лондоне есть еще словечко для вас. Я получил всего только два письма из Польши: одно из Варшавы и потом это последнее из деревни недалеко от Торна, где Людвика с детьми провела свои каникулы.

[1]) Начиная отсюда, Гёзик и Гуттри ошибочно помещают продолжение настоящего письма, как самостоятельное письмо.

[2]) Это письмо ошибочно датировано Гёзиком и Гуттри 20-м октября, что видно из его содержания (проезд королевы в Лондон, концерт в Эдинбурге). См. также конец письма к Гржимале от 1-го октября.

То, что вы мне говорите о Соланж, огорчает меня. Люс [1]) меня очень сокрушает. Если когда-нибудь Соланж поедет в Россию, с кем она будет говорить о Франции? Кому скажет она слово по-берришонски? Это как будто бы не имеет значения, между тем, в чужой стране это самое большое утешение — иметь кого-нибудь, кто вас переносит на вашу родину всякий раз, что вы на него посмотрите, что вы с ним заговорите, или его услышите. А ваши путешествия, почему бы их не совершить? если только вы не набрались достаточно сил для вашей зимы,... зимы, которую я не знаю, где провести. Я бы хотел сделать, как можно лучше, а уверен, что сделаю, как можно хуже. Но это моя участь. Никто не ускользнет от своей судьбы. Я задыхаюсь меньше с тех пор, как я—вот уже месяц—в этой прекрасной стране Вальтера Скотта. Королева только вчера уехала из Aberdeen Shire. В этом году вся Англия приехала в Шотландию, отчасти затем, чтобы поухаживать за ее величеством, а отчасти потому, что на континенте нет местечка спокойного. Местечко, где я живу в данный момент, называется Keir в Perth Shire'e вблизи Штирлинга. Завтра я еду в Эдинбург, где пробуду несколько дней; может быть даже дам себя послушать. Не воображайте себе однако, что это помимо труда дает что-либо, кроме раздражения и уныния. Здесь, между прочим, много особ, которые делают вид, что любят музыку, мучают меня, заставляя играть, а я из вежливости, каждый раз с новым неудовольствием, играю, клянясь, что больше уж меня не проведут... Если бы погода была хороша, я провел бы здесь еще октябрь, потому что я имею приглашения, которых не мог принять; а жизнь в замках у здешней знати право весьма любопытна. Ничего подобного нет на континенте. Если будет хорошая погода, я еще поеду к герцогине Argyl в Inverary на озеро „Line" и к лэди Bellhaven—в один из самых знатных домов страны. В настоящий момент она здесь, где десятка три особ, очень красивых, очень остроумных, очень оригинальных, очень глухих, и даже знаменитый слепой (sir Walpool). Туалеты, бриллианты, бородавки на носу, прекраснейшие волосы, удивительнейшие турнюры, — la beauté du diable, et du diable sans beauté [2]). Последняя категория наименее редкая повсюду. Все это общество отправляется нынче в Эдинбург на Каледонский раут. Всю неделю будут скачки, развлечения, балы и т. д. Это местный обычай, что охотничий клуб ежегодно устраивает праздники. Все дворяне страны с'езжаются туда. Вот где будет болтовня! Я уж и не знаю, когда напишу вам еще. Теперь нужно написать своим и Соланж, которой я написал 50 черновиков. Я вымарываю больше букв, чем ставлю, следовательно, это не от лени. Надеюсь скоро вас увидать (сказать это заставляет меня луч солнца,—стоит ему спрятаться, и я

[1]) Дочь служащей в Ногане, ровесница Соланж.

[2]) Дьявольская красота и дьявол без красоты.

буду убежден в противном). Ну, пожмите мне хорошенько руку и пишите мне на тот же адрес в Эдинбург. Письмо найдет меня все равно, где бы я ни был. А Франкомм! я ему не ответил; но ведь невозможно писать своим друзьям все, что хотелось бы. Все это очень глупо. Надо кончать, а то я разорву свое письмо, если мои кляксы будут продолжаться.

Прощайте, и тысячу дружеских и искренних приветствий.

Всегда вам преданный *Ш.*

Гржимале я пишу.

(583)

282. Шопен Адольфу Гутману в Гейдельберг.

Calder House, 16 октября 1848.
(12 миль от Эдинбурга).

Дорогой друг, что ты делаешь? Как поживают твои? Что слышно о твоей родине, о твоем искусстве? Ты дуешься на меня несправедливо: разве ты не знаешь моей неспособности к корреспонденции? Я много о тебе думал и когда недавно читал о беспорядках в Гейдельберге, я начал к тебе с пол-копы [1]) писем, которые в конце-концов все сжег. Этот листок наверное дойдет до тебя и застанет тебя под крылом твоей доброй мамы. С тех пор, как ты писал ко мне в последний раз, я был в Шотландии, в этом прекрасном краю Вальтера Скотта, среди всех этих воспоминаний и памятников Марии Стюарт, Карлам и т. д. Я таскаюсь от одного лорда к другому. Всюду я вижу, рядом с самым сердечным радушием и безграничным гостеприимством, великолепные фортепиано, прекрасные картины, замечательные библиотеки. Кроме того,—охоты, собаки, бесконечные обеды, винные погреба, которыми я менее всего пользуюсь. Трудно представить себе изысканную роскошь и комфорт английских замков. Так как королева провела несколько недель в Шотландии, то за ней потащилась целая Англия, отчасти вынужденная этикетом и привычкой ко двору, отчасти от невозможности отправиться в настоящий момент на метерик, так сильно потревоженный беспорядками. Все здесь удвоило блеск, кроме солнца, которое и теперь такое же, как всегда. Зима уже начинает заглядывать, и что со мной будет, этого я до сих пор не знаю. Пишу я это у лорда Торпихен. В этом замке, прямо под салоном, где я живу, шотландский реформатор J. Knox [Нокс] [2]) раздавал в первый раз причастие. Все здесь говорит воображению: парк с вековыми деревьями, пропасти, развалины старинных замков, бесконечные корридоры с бесчисленными

[1]) Копа—старинная единица счета, заключающая в себе шесть десятков.
[2]) Jean Knox (1505—1572), шотландский реформатор.

портретами предков. Говорят даже о какой-то красной шапочке, которая прогуливается там в полночь. И я также прогуливаюсь там с моими сомнениями.

Холера приближается. Туману и сплину в Лондоне достаточно, а в Париже президента нет, как нет. Но куда бы я ни отправился с моим кашлем и моим удушьем, моя любовь к тебе всегда останется той же самой. Передай твоей достойной матери мое почтение и сердечнейшие пожелания счастья всем вам. Напиши несколько слов по указанному адресу.

Всем сердцем твой *Шопен.*

Я играл в Эдинбурге; собрался весь цвет окрестной знати. Говорят, что прошло удачно. Было немного успеха и денег. В этом году в Шотландии были: Линд, Гризи, Альбони, Марио, Сальви, словом, все.

(584)

283. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Hamilton Palace], 21 октября [1848].

[Отрывок письма:]

Здешнее искусство—живопись, скульптура и архитектура. Музыка—не искусство и не называется искусством, и если скажешь—артист, то англичанин думает, что это живописец, архитектор или скульптор. А музыка профессия, а не искусство, и ни одного музыканта никто не назовет артистом и не напечатает, потому что на их языке и по их обычаям музыка нечто иное, чем искусство; это—п р о ф е с с и я. Спроси какого хочешь англичанина, он тебе это подтвердит. Меня здесь убедил в этом Нейком. Виноваты в этом наверное сами музыканты. А попробуй исправить такие вещи! Вместо хорошего играют чепуху, а учить порядочные вещи считают вздором. Лэди... одна из самых первых знатных здешних дам, в замке которой я был несколько дней, знатная лэди, считающаяся тут музыкантшей,—так вот однажды после моей игры и после пения разных других шотландских лэди она принесла род а к о р д е о н а и начала с большой серьезностью играть на нем ужаснейшие мелодии. Чего же ты хочешь? Каждому здесь не достает, как мне кажется, какой-то клёпки. Другая лэди, показывая мне свой альбом, сказала: «La reine a regardé dedans, et j'ai été à côté d'elle» [1]). Третья—что она «la 13-me cousine de Marie Stuart» [2]). А одна поет и для оригинальности всегда стоя аккомпанирует себе на фортепиано французские романсы на английский лад: «j'aie aiiemaiie» (j'ai aimé) schej ajmej!!! Герцогиня Пармская говорила мне, что одна свистела ей с аккомпанимен-

[1]) Королева рассматривала его, а я стояла рядом с ней.
[2]) 13-я кузина Марии Стюарт.

том гитары. Те, которые знают мои сочинения, просят меня: «Jouez-moi votre second soupir... J'aime beaucoup vos cloches...» [1]), и все впечатления кончаются словами: «like water» [2]),—что яко бы течет, как вода. Я еще ни одной англичанке не играл, чтобы она мне не сказала: «like water!!!» Все смотрят на руки и с большим чувством играют фальшивые ноты. Оригиналы, не приведи бог!

[Здесь нарисована каррикатура.]

Это один лорд в воротнике и штиблетах, заикается.

[Тут другая каррикатура].

Это герцог в юфтеных сапогах со шпорами, в лосинах и на нем род шлафрока..

(585)

284. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Эдинбург, 30 октября [1848].

Жизнь моя дорогая!

Неужели ты настолько меня забыл, чтобы из моих писем, в которых я тебе писал, что стал гораздо больнее, скучнее, безнадежнее, бездомнее, — из всего этого заключить, что я женюсь? В день, когда я получил от тебя твое милое и сердечное письмо, я написал и составил род распоряжения на счет своих пожитков на случай, если бы я где-нибудь издох.

Я таскался по Шотландии, но теперь уже слишком холодно, и завтра я возвращаюсь в Лондон, потому что лорд Стюарт[3]) мне написал, прося 16-го играть в концерте, который перед началом бала дается в пользу поляков. Вернувшись из «Hamilton-Palace» (в 60 милях отсюда), где я прожил несколько дней у герцогов Гамильтон, я распростудился: дней пять, как не выхожу, живу у д-ра Лыщинского, который лечит меня гомеопатией, и больше никуда не хочу ехать с визитами, потому что тут под боком холера и потом,—если уж я где шлепнусь, то уж теперь на всю зиму. Если погода улучшится, я обещал вернуться в «Hamilton-Palace», а оттуда ехать на остров Ayran (который весь им принадлежит) к баденской герцогине, которая за их сыном, маркизом Douglas. Но из этого однако ничего не выйдет. Во время моего там пребывания, кроме больших местных аристократов родных, была герцогская чета из Пармы—герцог Lucca с женой; она сестра герцога Бордо (очень веселая молодая чета). Они также приглашали меня к себе в Кингстон, куда они вернутся из Лондона, потому что теперь, с тех пор, как их выгнали из Италии, они будут жить в Англии. Все это хорошо, но я то уж никуда не гожусь и если так поспешно уехал от Гамильтонов, то также потому, что не могу сидеть за столом от 8 до 10½ без таких же болей, как это было у Гутмана (помнишь?), и хотя я и завтракал по утрам у себя и выходил поздно, и по лестницам меня носили, однако же все это мне неудобно.

Из Вишау от лэди Бельхавен, где я также был перед Гамильтонами, я написал тебе, прежде чем получил твое письмо, но такое мрачное, злое письмо, что лучше бы я его не посылал.

После 16-го ноября, если у вас станет получше, или.... [1]) если лондонские туманы выгонят меня, то я возвращусь в Париж, если не будет слишком поздно для путешествия.

Мои добродетельные шотландки, которых я уже не видал недели две, будут нынче здесь. Они хотели бы, чтобы я еще остался и таскался по шотландским замкам туда и сюда и всюду, куда меня приглашают. Славные, но такие нудные, что сохрани бог! Что ни день — получаю письма, ни на одно не отвечаю, но как только я поеду куда-нибудь, они за мной тащутся, если могут. Это может быть и подало кому-нибудь мысль, что я женюсь [2]), для этого нужно однако иметь какую-нибудь физическую attrait [3]), а та, что не замужем [4]) уж очень на меня похожа. Как же самому с собой целоваться!..[5]) Однако,—кроме шуток — дружба дружбой, но все это не дает повода ни для каких других предположений.

Если бы я даже мог влюбиться в кого-нибудь, кто меня полюбил бы так, как я бы хотел, то все-таки я не женился бы, потому что нам нечего было бы есть и негде было бы жить. А богатая ищет богатого, а уж ежели бедного, то не такого дохлого, а молодого и красивого. Одному легко мыкать горе, а вдвоем—это великое несчастье. Я могу сдохнуть в больнице, но не оставлю после себя жену без хлеба. Впрочем, я напрасно пишу тебе все это, потому что ты сам знаешь, что я так думаю... [6]) Во всяком случае, о жене я вовсе

---

[1]) Сыграйте мне ваш второй вздох... Я очень люблю ваши колокола.

[2]) Как вода.

[3]) Лорд Дудлей Стюарт, известный друг поляков.

[1]) Здесь Гёзик и Гуттри обрывают письмо и делают приписку: „Конца письма не хватает“. Продолжение этого письма со слов: „если лондонские туманы“ и т. д. они датируют: „Лондон, ноябрь 48 г.“ и начинают его рядом точек. Эти два письма очевидно являются двумя кусками одного и того же письма, что видно как из их содержания, так и из того, что разделяющая их фраза сходится не только по смыслу, но и синтаксически.

[2]) Ученик Шопена Гутман, сообщил Никсу, биографу Шопена, фразу, сказанную ему однажды Шопеном: „Меня сосватали с м-ль Штирлинг; с таким же успехом она могла бы выйти замуж за смерть“.

[3]) Привлекательность.

[4]) Мисс Штирлинг, сестра миссис Эрскин.

[5]) Несколько зачеркнутых строк.

[6]) Восемь зачеркнутых строк, которые невозможно прочесть.

не помышляю, но о доме, о матери, о сестрах... [1]) Дай бог, чтобы они не теряли бодрости духа! А куда девалось тем временем мое искусство? А мое сердце — на что я его растратил?.. [2]) Я еле могу вспомнить, как поют на родине. Этот свет проходит как-то мимо меня, я забываюсь, у меня почти нет сил [3]); если я немного увлекусь, тем глубже я падаю.

Я не жалуюсь тебе, но ты спрашиваешь, поэтому я тебе и об'ясняю, что я гораздо ближе к гробу, чем к брачному ложу. Дух мой довольно спокоен [4]). Я покорился [5]).

Напиши мне словечко. Адресуй: Шульчевскому, эсквайру — 10, Duke Street, St. James. Там польское литературное общество Стюарта [6]).

Я не отправляю уже четвертое написанное тебе письмо, а только кусочек из другого, написанного в раздражении, чтобы ты видел, какой я иногда бываю злой.

Твой до смерти *Ш.*

(586)

285. Шопен д-ру Лыщинскому.

Лондон, 3 ноября 1848.

Вчера я получил твои милые строки вместе с письмом из Гейдельберга. Я здесь такой же беспомощный, каким я был у вас, и ношу в своем сердце такую же любовь к вам. Кланяюсь твоей жене и твоим соседям. Да благословит тебя бог!

Сердечно тебя обнимаю. Я видел княгиню. [7]) Она справлялась о тебе самым сердечным образом.

Я живу теперь на St. James-Place, № 4. Если что-нибудь будет для меня, пришли мне пожалуйста по этому адресу.

Отошли, пожалуйста, прилагаемое письмецо панне Штирлинг, которая без сомнения еще в Барнтоне.

(587)

286. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Лондон, 17 и 18-го ноября [8]) [1848].

Жизнь моя!

Я болен около 18 дней, со дня приезда в Лондон. Я совершенно не выходил из дому, такие у меня были припадки насморка с голов-

[1]) Снова несколько зачеркнутых слов.
[2]) Опять помарки.
[3]) Снова зачеркнуто несколько слов.
[4]) Несколько зачеркнутых слов.
[5]) Эти слова и несколько следующих зачеркнуты.
[6]) Под председательством лорда Дудлея Стюарта.
[7]) Кн. Марцеллину Чарторижску.
[8]) И Гёзик, и Гуттри, и Шарлитт ошибочно датируют это письмо октябрем, вместо ноября. По содержанию совершенно ясно („Я болен около 18 дней со дня приезда

ной болью, удушьем и всеми моими дурными симптомами. Ежедневно навещает меня доктор (гомеопат, д-р Маллан, которого знают мои шотландки и который здесь известен; он женат на племяннице лэди Генсборо). Он починил меня настолько, что я мог вчера играть на польском концерте и балу (который был очень блестящ); однако, вернувшись сейчас же как отыграл домой, я не мог спать всю ночь. Кроме кашля и удушья страдаю сильно от головной боли. Пока здесь еще не начинались большие туманы, но по утрам, несмотря на холод, я вынужден приказывать отворять окна, чтобы глотнуть немного воздуха. Я нахожусь 4 St. James-Place, где хвораю уже 2½ недели. Видаю честного Шульч. [1]), Бродвуда, пани Эрскин (которая с панной Штирлинг вслед за мной приехала сюда, как я писал тебе из Эдинбурга) и в особенности князя Александра с семьей [2]). Кн. Марцеллина так добра, что приходит чуть не каждый день, как в больницу. Адресуй мне всегда к Шульчевскому.

Итак, я не могу теперь вернуться в Париж, но думаю, как бы сделать, чтобы быть там. Здесь в этой квартире, которая хороша для всякого другого здорового холостого члена парламента, я не могу остаться, хотя она в хорошем месте и недорога — 4½ гинеи в неделю, с отоплением, бельем и т. д., по соседству с лордом Стюартом, который сию минуту от меня вышел. Добрая душа, — пришел справиться, как я себя чувствую после вчерашней игры. Я наверное перееду в другую квартиру, близко отсюда с бо́льшими комнатами, где мне будет легче дышать. En tout cas [3]), узнай пожалуйста, нет ли где-нибудь на бульварах, начиная от Rue de la Paix или Rue Royale, в первом этаже, на юг, около Madeleine, или на Rue des Mathurins чего-нибудь. Только не Godot, или какая-нибудь другая печальная теснота. Чтобы и для слуги была комнатка. Может быть в Сквере [4]) под № 9 (где честная пани Etienne, — например квартира Франка, которая сдавалась над моей). Мою теперешнюю оставлять на зиму невозможно, потому что я знаю ее уже по опыту. Чтобы, по крайней мере на той же лестнице, была комната для слуги. Кроме него я бы оставил и пани Etienne. Но я не хотел бы отпустить моего теперешнего, который, если бы я захотел или мог вернуться в Англию, уже сведущий человек.

Зачем только я утруждаю тебя всем этим и сам не знаю, потому что мне ничего не хочется. Но так как я яко бы должен думать о себе,

в Лондон"), что оно было написано 17 и 18 ноября (см. письмо к де-Розьер от 19 ноября, где говорится о польском бале, бывшем 16-го ноября.
[1]) Шульчевский, эмигрант, постоянно живший в Лондоне.
[2]) Кн. Александр Чарторижский.
[3]) На всякий случай.
[4]) Square d'Orléans, около которого находилась старая квартира Шопена.

то помоги мне в этом деле и напиши мне свое мнение. Я не проклинал никогда никого, но теперь мне так тяжко, что мне кажется, что было бы легче, если бы я мог проклясть Лукрецию... [1])

Но и там несомненно страдают, и страдают тем больше, что несомненно стареют от злобы. Соль я вечно жалею. Мир живет теперь не по-божески. Араго с орлом [2]) на груди! Представитель Франции!!! Луи Блана здесь не уважают совсем. Caussidièr'a [3]) национальные гвардейцы выгнали из отеля „La Sablonnière" (Leicester Square) из-за table d'hôte, куда он пришел. Они сказали ему: «Vous n'êtes pas Français» [4]) и кулаками выгнали его. Хозяин отеля должен был сам проводить его через сквер, чтобы его не исколотили, потому что и лондонские бездельники начали уже сжимать кулаки. Поблагодари панну де-Розьер, так как я ей не пишу, потому что болен и не имел еще сил поискать записочку сестры (которую однако же, как мне кажется, я уже послал ей раньше). Если бы я мог иметь там наверху какую-нибудь комнату для слуги, то ты мне напиши, так как может быть будет нужно уже сейчас топить камины. Для чего только я вернусь?! Зачем бог так делает, что убивает меня не сразу, а только так, мало-по-малу и горячкой нерешительности. Кроме того, мои честные шотландки опять мне надоедают. Пани Эрскин, весьма религиозная протестантка, вероятно хотела бы сделать из меня протестанта, так как приносит мне библию, говорит о душе и читает мне псалмы. Религиозна, честна; но какое ей дело до моей души?.. Всегда мне говорит, что тот свет лучше этого, а я это знаю наизусть и отвечаю цитатами из священного писания и об'ясняю ей, что все это я знаю и ведаю. Сердечно обнимаю тебя. Пиши и прости, что я зол и нетерпелив, но я болен.

Твой до смерти *Ш.*

Если бы я был здоров, то давая ежедневно по два урока, имел бы довольно на приличную жизнь здесь, но больной я проем все, что имею, через три или самое большее через четыре месяца.

Если найдешь какую-нибудь квартиру, не нанимай, не написавши и не отказывайся от моей.

[1]) Здесь следуют две зачеркнутые, повидимому самим Шопеном, строчки. Под „Лукрецией" он подразумевал Жорж Санд. Один из ее романов называется „Лукреция Флориани".

[2]) Вероятно намек на орден. Араго был французским послом в Берлине с мая по декабрь 1848 года.

[3]) Caussidièr, Marc (1809 — 1861), политический деятель. У Гёзика и у Шарлитта здесь ошибочно—„Коссидива" (?).

[4]) Вы не француз.

287. Шопен М-ль де-Розьер.

Лондон, понедельник 19 ноября [1]) [1848] [2]).

Возможно, что я буду достаточно хорошо себя чувствовать, чтобы совершить путешествие на этой неделе и приехать в Париж в четверг, пятницу или субботу (в крайнем случае), потому что климат Англии в это время года решительно невозможен для меня. Так и по мнению доктора, который не чета вашему г. Кюри. С 1-го ноября я сижу в комнате в халате. Я выходил только 16-го играть для наших соотечественников. Будьте так добры, загляните пожалуйста в № 9 на случай, если я приеду на этих днях. Заранее благодарю.

Ш.

Я написал Гржимале, но так как возможно, что он путешествует и поздно получит мое письмо, я очень вас прошу велеть м-м Этьенн купить кубический метр дров и хорошенько протопить мои комнаты и также хорошо вычистить мебель и занавески, в особенности над моей кроватью, потому что я думаю, что мне придется часто их раздвигать. Так же заставьте хорошенько обмести углы маленьких комнат около спальни. Я немножко тороплюсь начать дышать получше, быть в состоянии понимать людей и опять увидать лица некоторых друзей.

Ш.

288. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Вторник [3]), [Лондон, 21 ноября 1848].

Жизнь моя!

Нынче лежу почти целый день, а в четверг уезжаю из этого собачьего об эту пору Лондона. Ночевать с четверга на пятницу буду в Булони, а в пятницу днем буду на Place d'Orléans, чтобы лечь. Кроме

[1]) Очевидно описка Шопена, потому что в понедельник в 1848 г. было 20, а не 19 ноября. В письме множество помарок.

[2]) Адрес: 46 или 48, rue St. Lazare, Paris (France). Почтовый штемпель: Piccadilly C. O. Boulogne, 21 nov. 1848.

[3]) На настоящем письме есть надпись, сделанная рукой кн. Марцеллины Чарторижской—„1849, март", которую Гёзик считает верной и на основании которой утверждает, что Шопен уехал из Лондона не в январе 1849 г., как это указывают биографы, а только в марте. Время от'езда Шопена из Лондона биографами не установлено точно. Между тем, он уехал оттуда повидимому в четверг 23-го ноября 1848 г., так как в настоящем письме (точно не датированном) к Гржимале от вторника (дата Шопена) Шопен пишет: „В четверг уезжаю из этого собачьего об эту пору Лондона", а в письме к Соланж Клезанже от среды 22-го ноября (дата Шопена) он пишет: „Завтра я уезжаю в Париж" (22 ноября

обычных вещей у меня невралгия и я распух. Пожалуйста распорядись, чтобы простыни и подушки были сухие. Вели купить шишек. Пусть пани Этьенн ничего не жалеет, чтобы можно было согреться, приехавши. Де-Розьерке я писал. Чтобы были ковры и гардины. Обойщику Перрише я заплачу сейчас же. Даже скажи Плейелю, чтобы прислал мне в четверг какое-нибудь фортепиано. Вечером прикажи его прикрыть. В пятницу вели купить букет фиалок, чтобы пахло в салоне. Пусть у меня будет хоть немножко поэзии, когда, вернувшись, я буду проходить через комнату в спальню, где улягусь вероятно надолго. Итак, в пятницу в середине дня я в Париже. Еще день здесь дольше, и я сойду с ума, если не издохну. Мои шотландки такие скучные, да хранит их десница господня! Как прилипли, так и не оторвешь! Одна кн. Марцеллина еще поддерживает мою жизнь, и ее родные, и милый Шульчевский. Если бы хоть где-нибудь на другой лестнице была временная комната для слуги, а если нет, то неважно. Обнимаю тебя. Вели топить, греть и обметать. Может быть я еще приду в себя.

Твой до смерти *Ш.*

(592)

289. Шопен Соланж Клезанже.

Лондон, среда 22 [ноября 1848].

Вы обвиняете меня очень несправедливо: не было дня, чтобы я не пробовал писать вам. Я даже до письма, которое только что получил, решил справиться, не найдет ли ваш муж здесь работы, и я получил сведения от людей, которые знают Лондон и его искусство, и вот какие: свет (за исключением чиновников, магистров, адвокатов) не остается зимой в городе. Тот свет, который может быть полезен вашему мужу, бывает здесь только в марте или апреле; таким образом, до начала будущего сезона здесь нечего делать. Хотя и сомнительно, но не невозможно, что с некоторыми хорошими рекомендациями за месяц пребывания здесь, который мог бы быть не очень дорогим, ваш муж узнал бы, чего держаться. Я знаю некоторых влиятельных лиц, которые искренне обещали мне быть ему полезными, но которые сейчас ничего не могут.

в 48 году действительно приходилось на среду, тогда как 22 января, если отнести это письмо на январь, приходилось в понедельник).

В письме к С. Клезанже, датированном самим Шопеном: „Париж, 30 января 1849“ (что кстати исключает всякую возможность относить его приезд в Париж на март), Шопен пишет: „С тех пор в продолжение двух месяцев я видел г. Луи, д-ра Рота... теперь г. Симон“ (лечившие Шопена—парижские врачи), из чего ясно видно, что Шопен в то время находился в Париже уже два месяца, т. е. приехал туда в ноябре. При этом становится понятным отсутствие после ноября писем к парижским друзьям, так как, вернувшись в Париж, Шопен стал общаться с ними лично.

Что же касается того, что происходит с вами в Париже, возможно, что ваша мать поступает с вами наилучшим образом, но что у нее нет денег, и она вернет вам маленькие предметы, купленные ею вероятно для этой цели, и если дом продан, то устроит ваши дела на других основаниях. [1]) Она ведь ваша мать и знает свои обязанности по отношению к вам. Она может забыться, но не может забыть вас.

Завтра я уезжаю в Париж, едва волоча ноги и более слабый, чем вы когда бы то ни было меня видели. Здешние доктора прогоняют меня. Я распух от невралгии, не дышу, не сплю, не выхожу из своей комнаты с 1 ноября (за исключением 16, чтобы вечером поиграть час в концерте в пользу поляков). С тех пор как я свалился, я не могу здесь дышать. Это невообразимый климат для таких людей, как я, но только во время этих нескольких зимних месяцев. Зажигают свет в 2 часа. Я обещаю вернуться сюда в будущем сезоне!!! Sir J. Clark, доктор королевы, приходил как-то ко мне и дал мне свое благословение. Итак, я отправляюсь охать на Place d'Orléans в ожидании лучшего. Я вам серьезно советую быть очень довольной тем, что вы имеете для своих легких прекрасный воздух Гильери и вашего мужа подле вас. Придут же в конце концов для вас лучшие дни. Что касается России, то лица очень влиятельные, давшие мне письма в Петербург для вашего мужа, сказали мне, что французу теперь очень трудно проникнуть туда без сильного покровительства. Поэтому не обвиняйте м-м Обрезкову, и если Англия может доставить ему работу, то я думаю, что он найдет там больше денег и больше успеха. Ему не нужно будет бороться с климатом, потому что у него есть легкие, и если он устроится в Лондоне, он сможет зимой приготовить работы к сезону. Немножко терпения. Возможно, что разрешение для Петербурга придет. Теперь Лондон ничто для искусства. Сейчас мертвый сезон. Все, кто свободен, живут вне города, а остающиеся проявляют мало инициативы в создании успеха талантам. Между тем, статуя вашего мужа, как бы хороша она ни была, будет нуждаться в том, чтобы ее много хвалили, для того, чтобы ее нашли красивой в первый раз. Впоследствие же скажут, что это его, и все будут восхищаться. В особенности нужно, чтобы великие герцоги и пэры Англии находили это, а они все в своих замках вне Лондона.

Простите беспорядок моего письма, но нынче я очень страдаю. Никогда не думайте плохо о моей старой испытанной дружбе.

Ш.

---

[1]) Кредиторы скульптора Клезанже, вскоре после его женитьбы на Соланж, продали с аукциона принадлежавший ей отель Нарбонн. Жорж Санд при этом купила обстановку.

(546)

290. Шопен Соланж Клезанже.

Париж, вторник, 30 января 1849.

Все эти последние дни я был слишком болен, чтобы писать вам и сказать, что я видел вашего мужа. Он приходил ко мне в пятницу. Я нашел его здоровым и собирающимся работать над статуей „Vanité“[1]). Вчера он мне написал словечко, чтобы сообщить, что он уже начал работать. Он мне сообщил хорошие вести о вас, о том, что вы бодры и здоровы, насколько возможно при теперешнем состоянии вашей талии. Здесь у нас мартовская погода, и я по-прежнему десять раз на дню в кровати. Моллэн [2]) обладал секретом меня починить. С тех пор впродолжение двух месяцев я видел г. Луи, д-ра Рота, теперь г. Симон, знаменитость среди гомеопатов. Но они бродят ощупью и мне не помогают. Они все сходятся в вопросе о климате, спокойствии, покое. Покой я и без них найду когда-нибудь... За эти дни спокойствие Парижа ни на минуту не было нарушено, хотя некоторые беспорядки ожидались по случаю регистрации национальной милиции [gardes mobiles] [3]) по случаю министерского проекта о закрытии клубов. Вчера, в понедельник, всюду были солдаты и пушки, и эта твердость очень импонировала тем, которые хотели бы затеять беспорядки.

Даже я пишу вам о политике вместо того, чтобы писать о более веселых вещах. Но я становлюсь глупее чем когда-либо, и я приписываю это к а к а о, которое я пью вместо к о ф е каждое утро. Никогда не пейте какао и не давайте его пить вашим друзьям, в особенности если вы с ними переписываетесь. Я постараюсь, чтобы мое следующее письмо содержало в себе что-нибудь очень остроумное после какой-нибудь серно-кислой соли, которую заставит меня вдыхать мой г. Симон. Пока читайте эти каракули, которые сообщают вам новости о здоровье и бодрости вашего мужа. М-м Обрезкова приходила ко мне вчера, но у меня были барон Штокгаузен, Легуве и др., при которых я не хотел говорить о Петербурге, потому что вы знаете, как она добра и как много она говорит. Если вы мне напишете словечко о своем здоровье, вы не потратите дурно свое время.

Счастья, здоровья, здоровья.

Ш.

---

[1]) Тщеславие.

[2]) Моллэн—доктор, много лет лечивший Шопена, к которому он питал совершенно особенное доверие и внезапная смерть которого отняла у него всякую надежду на улучшение, так как о других докторах он был невысокого мнения.

[3]) Garde nationale mobile была основана декретом временного правительства от 25 февраля 1848 г.

† Т. Квятковский. Шопен на смертном одре (акварель); 1849 г.

291. Шопен Соланж Клезанже.

Париж, четверг, 5 апреля 1849.

Я видел м-м Обрезкову, которой нечего вам передать. Я думаю, что политический горизонт с этой стороны затемняется все более и более, и то, что было трудно месяц тому назад, будет еще труднее теперь. Я узнал от м-ль де-Розьер, что вы хорошо себя чувствуете. Да сохранит вам бог это прекрасное здоровье. А я и не знаю, что делать. У меня уже четвертый врач; они берут у меня по 10 франков за визит, иногда приходят по два раза в день, и все это затем, чтобы облегчить меня очень немного.

Суббота.

Вот и ваш муж пришел меня навестить, прежде чем я успел окончить свое письмо. У него хороший вид, и он мне сделал большое удовольствие, сообщив хорошие известия о вашем здоровье. На этом свете нельзя все иметь: довольствуйтесь величайшим счастьем — здоровьем. Ваш муж разсчитывает ехать в Лондон, и я думаю, что он прав. Ничего нет невозможного в том, чтобы он имел там большой успех.

Я постараюсь пригодиться на что-нибудь, насколько это мне будет возможно и дать сведения относительно Англии, также как и письма. В этом не сомневайтесь.

292. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж], пятница, 13 апреля [1849].

Я вам посылаю все свои каракули, чтобы вы видели, что не лень, а слабость, или что-нибудь еще в этом роде, мешает мне писать вам. Ваш муж здоров; он только вчера приходил ко мне и сказал, что в понедельник будет представляться президенту. У него есть мужество и много его. Он был также у Делакруа (Делакруа говорил мне о бюсте, который кто-то хотел заказать вашему мужу). Шансы никогда не бывают одинаковы на этом свете, сказал бы м-r.de-la Palisse; у меня только подобного рода аксиомы на всякий случай, и простите, если я вам их сообщаю. Так, например, я надеюсь, что весеннее солнце будет моим лучшим доктором. Нужно прибавить „весеннее“, потому что в опере „Пророк“ изготовляют солнце, которое повидимому гораздо замечательнее, чем все солнца тропиков. Оно только восходит и светит очень недолго; оно однако настолько сильно, что дает тень всему, за исключением музыки. Оно состоит из снопов электрического света. Я был слишком болен, чтобы итти третьего дня на репетицию, но я собираюсь на первое представление, которое будет в будущий понедельник. Очень много говорят о новых

паконькобежцев (на роликах), рассказывают чудеса про пожар, про прекрасную постановку и про м-м Виардо, которая заставляет всех плакать в роли матери. Вот уже начинаются помарки. Пожалуйста сообщайте мне, если можете, новости о себе. Пользуйтесь вашим климатом. Париж ужасен. Тридцать шесть сортов погоды, много грязи, в комнате ветерок. В настоящую минуту все невыносимо и отвратительно.

Преданный вам *Ш.*

(601)

293. Соланж Клезанже Шопену.

Гильери, [13 мая 1849][1]).

Мой маленький Шопен, я бы хотела гораздо раньше поделиться с вами своей радостью, но я была такая усталая, что не могла этого. У меня толстая девочка, настолько же огромная, настолько первая была маленькая. Я не могла бы вам сказать, дурна она или красива. Я нахожу ее обворожительной, да это и не может быть иначе. Но что несомненно, так это то, что она не горбатая, не хромая и чувствует себя чудесно. Но все-таки она гораздо менее красива, чем первая. Та была слишком красива для того, чтобы жить.

У меня к вам просьба — поднять нравственное состояние моего мужа. Нынче утром я получила от него совершенно подавленное письмо. Он говорит о том, что приедет сюда без поездки в Лондон. Он утверждает, что теперь уже слишком поздно предпринимать это путешествие. Я же нахожу, что никогда не поздно, и я настаиваю, чтобы он ехал. Нынче утром я его очень бранила, а сейчас жалею об этом, так как это сделает его несчастным. Убедите его вы, находящийся там, ехать в Лондон, а не в Гильери. Даже если он и не получил заказов на бюсты, было бы хорошо, если бы он смог продать статую. Если же он вернется сюда охотиться и удить, не будет возможности выйти из этого трудного положения. Между тем теперь, когда есть ребенок, было бы пора подумать об этом. Я расчитываю на вас, что вы его уговорите. От вас это произведет на него впечатление, потому что к вам он очень привязан и уступает вам. Побраните его, а после этого утешьте, потому что он несчастен. Завтра, я думаю, мы пошлем ему денег.

Надеюсь, что в такую хорошую погоду вы здоровы. Здесь уже очень жарко. Прощайте, мой маленький Шопен, крепко жму вашу руку и посылаю вам всевозможные благодарности за все ваше внимание.

Соланж.

Воскресенье, 13.

[1]) Адрес: Monsieur Chopin, Cour d'Orléans, 9, rue St. Lazare, 34, Paris.
Почтовый штемпель: Lavardac, 14 mai 49. Paris, 18 mai 49.

(604)

294. Шопен Соланж Клезанже.

[Париж, май 1849.]

Очень несчастный друг благославляет вас и ваше дитя. Будем надеяться, что будущее приберегает для вас еще другие дары утешения и милостей. Молодость обязывает. Это значит, что надо быть непременно счастливой и сохранить хорошее воспоминание о том, кто вас любит.

Ш.

(606)

295. Шопен гр. Альберту Грижимале.

[Понедельник, 18 июня 1849.]

Как поживаешь? Я полагаю, что деревня поможет тебе по крайней мере физически. Я не выезжаю, только иногда в Булонский лес. Чувствую себя сильнее, потому что подкормился и отбросил лекарства, но задыхаюсь и кашляю также, как и раньше, только переношу это легче. Играть еще не начинал, сочинять не могу. Не знаю, какое вскоре буду есть сено. Все выезжают—одни из страха перед холерой, другие из страха перед революцией. Панна де-Розьер также со страху удрала в Версаль, но уже вернулась. Англичанки в Сен-Жермене, Обрезк[ова] в Сен-Жермене. Пот.[1]) давно в Версале. Я ее не видал. Я уже вторую неделю без garde malade[2]). Княг. Чар.[3]) навестила меня и, не желая, чтобы я оставался один ночью, прислала мне пани Матушевску, которая была нянькой у княгини Розы. Был и князь[4]) и спрашивал о тебе. Не знаю, велел ли ты сказать кому-нибудь, что ты на водах, но я, не зная об этом, сказал ему, что ты в деревне, а он мне возразил, что ему говорили, что ты на водах. Умер Калькбреннер[5]). В Версале умер сын старого Деларош[6]). У Франкомма умерла очень хорошая служанка. В „Cour d'Orléans“[7]) смерти не было, только смертельно хворал маленький Этьенн. Сию минуту приехали шотландки[8]). Между прочими новостями они сообщили, что герцог де-Ноайль здоров, на что я им ответил, что король Альберт в Лиссабоне умер. Они меня задушат своей нудностью. В конце месяца я оставляю свою квартиру[9]) и возвращаюсь в Сквер, так как иначе не-

[1]) Дельфина Потоцка.
[2]) Сиделка.
[3]) Марцеллина Чарторижска.
[4]) Кн. Александр Чарторижский, муж Марцеллины.
[5]) Знаменитый пианист, которому Шопен посвятил свой e-moll'ный концерт. О нем см. письмо № 67.
[6]) Знаменитый французский исторический живописец.
[7]) Там находилась квартира Шопена.
[8]) Мисс Штирлинг и миссис Эрскин.
[9]) Улица Chaillot, 74, где Шопен жил летом 1849 г.

возможно. Cochet вернулся. От моего доктора Френкеля не добьешься, ехать ли куда-нибудь на воды или на юг. Снова отменил свою тизанну, дал другое лекарство, которого я опять не хочу, а если спрошу его о гигиене, говорит, что мне регулярная жизнь не нужна. Словом, сумасброд. Шутки в сторону, может быть он очень хороший консультационный доктор, как например, Корев, но у него нет такой suite [1]) в голове, как у Корева.

Как-то вечером у меня была панна Линд и пела,—были пани Пот. [2]), Бово [3]), Ротш[ильд] [4]),—она уже поехала в Швецию через Гамбург. Пани Каталани [5]), с которой она здесь познакомилась вечером накануне ее от'езда, умерла от холеры. Циховского [6]), как я писал тебе, я видел только раз. До города далеко, поэтому меня изредка навещают только те, кто меня очень любит, как например Франкомм, или те, у кого милые близко, как например княжеская чета [7]). Нынче был также Плейель. Честная душа! Гутмана, несмотря на его сердечность, не видал 10 дней, даже испугался, не болен ли; он мне написал, что здоров, В городе болезнь уже прекращается. Делакруа с неделю в деревне. Напиши мне словечко о себе. Сердечно тебя обнимаю.

Твой *Ш.*

Понедельник, 18-го.

(667)

296. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Chaillot], пятница, 22 июня [1849].

Как поживаешь? Напиши словечко. На этих днях я тебе писал через пани Людв. Вероятно это письмо еще тебе не отослали. Нынче я видел Циховского и княгиню Сапегу. Княгиня о тебе не спрашивала. Циховский сказал мне перед уходом, что знает о твоих приключениях (о которых я ему ничего не говорил). Он ничего не рассказывал мне про тебя, также как и я ему. Только что я узнал через Залесского, что пани Плихта через 10 дней едет в Варшаву; может быть она могла бы быть тебе в чем-либо полезной. Узнай об этом. Коше, который был у меня нынче с Люмирским, не мог мне ничего рассказать о твоем сыне, потому что его не было в Варшаве. И поэтому (разумеется!!) он не видал его. Здесь все уезжают. Ни пани Потоцкой, ни княгини Бово дней 10, как не видал. Они в Версале. Нынче ночью у меня было два раза кровотечение. Но я ничего не

[1]) Последовательность.
[2]) Гр. Дельфина Потоцка и
[3]) ее сестра, кн. Бово,
[4]) Баронесса Ротшильд.
[5]) Анжелика Каталани, знаменитая певица.
[6]) Польский эмигрант.
[7]) Александр и Марцеллина Чарторижские.

делал и плюю кровью, но уже гораздо меньше. Вот это и привело ко мне княгиню Сап[егу], потому что ей об этом сказала моя полька, которая прислуживает мне по ночам. Мой еврей Френкель с неделю уж не был. Под конец уже не клал даже бумажек в урину, а только разглагольствовал об англичанине, которого он спас от холеры лекарством, и о том, что реакционное французское правительство (Фоше) [1]) даже не обратилась к нему с просьбой выписать его.

Предоставленный самому себе я может быть скорее выкарабкаюсь. Вероятно в будущем месяце вернусь в Сквер.

Вирг. [2]) была у меня, чтобы сказать, что поедет в Брет[ань] со своим депут[атом]. Спрашивала новостей о тебе; мне нечего было сказать. Не возвращайся, если можешь там сносно и здорово просидеть время жары. Наверное твой Адон [2]) и Цихоцкий хорошо наворожат тебе в твоих делах, так что когда вернешься, будешь меньше беспокоиться.

Кончаю, потому что для меня писать—мука, даже к тебе. Столько вещей ускользает из-под пера!

Твой старый.

Пани Обрезкова, которая приезжала сюда вчера из Сен-Жермена, спрашивала о генерале и сердилась, что ген[ерал] так далеко и так долго сидит в этой деревне. Я ей сказал, что ты вернулся и снова должен был уехать [3]).

(668)

297. Шопен своим родным.

[Париж], понедельник, 25 июня 1849.

Madame Louise Jędrz[ejewiez].

Жизнь моя!

Если можете, то приезжайте. Я болен, и никакие доктора не помогут мне так, как вы. Если у вас нет денег, то займите. Если мне станет лучше, то я легко заработаю и отдам тому, кто вам их даст, но сейчас я слишком гол, чтобы вам посылать. Моя квартира здесь в Chaillot достаточно большая, чтобы принять вас хотя бы и с двумя детьми. Маленькая Людка выиграла бы здесь во всех отношениях. Папаша Каласанти бегал бы здесь целый день — выставка сельскохо-

[1]) Léon Faucher (1803—1854), публицист, и политический деятель Франции.
[2]) Неизвестное лицо.
[3]) Адрес: Madame Breistroff au Château de Bel-air, chez Monsieur de Plancy à Bièvre par Bièvre. Seine et Oise. Это письмо отослано в Версаль по следующему адресу: Place d'armes, 9, Versailles, pour remettre à Monsieur le C-te Alb. de Grzymala.
Почтовый штемпель:, Paris, 23 juin 1849. Bièvres, 23 juin 49.

зяйственных продуктов рядом,—словом, он имел бы в своем распоряжении больше свободного времени, чем раньше, потому что я стал слабее и буду больше сидеть дома с Людвикой. Мои друзья и многие лица, желающие мне добра, находят, что приезд сюда Людвики будет для меня самым лучшим лекарством, что, впрочем, Людвика увидит из письма пани Об[резковой]. Постарайтесь поэтому получить паспорт. Как меня уверяли нынче два лица, которые Людвики не знают, одно с севера, другое с юга, пребывание Людвики будет полезно не только мне, но и ей самой. Поэтому мама Людвика и дочка Людвика привозите наперсток и спицы, я вам дам носовые платки для метки и чулки для вязанья, и вы проведете тут на свежем воздухе со старым братом и дядей несколько месяцев. Теперь и путешествие не так затруднительно. Не нужно брать много багажу. Мы устроимся тут по возможности дешево. Квартиру и еду вы получите здесь. Даже в случае, если Калассанти покажется слишком далеко от Елисейских полей до города, он сможет жить в моей квартире в Square d'Orléans. Омнибусы ходят от Сквера сюда вплоть до самых дверей. Сам не знаю, почему мне так хочется Людвики, совсем так, как будто бы я в интересном положении. Ручаюсь, что ей тут также будет хорошо. Надеюсь, что семейный совет пришлет ее ко мне. Кто знает, не буду ли я ее провожать потом домой, если поздоровею. Вот будут тогда об'ятия, как я уже писал когда-то, только еще без париков и с зубами. Но так как жена должна всегда слушаться мужа, то нужно просить мужа, чтобы он привез жену. Поэтому я и прошу его очень об этом, и, взвесив, он не сможет ни ей, ни мне доставить большего удовольствия и пользы, даже и детям — если он их привезет (о дочурке я не сомневаюсь). Конечно, это будет стоить денег, но право же их нельзя лучше истратить, и уж никак невозможно путешествовать дешевле. Прибывши на место, вы сейчас же найдете над собой крышу. Напишите мне словечко поскорей. Пани Обрезкова, которая была так любезна, что написала вам сама (я дал адрес Людвики), может быть скорее сможет вас убедить. Панна де-Розьер напишет также, и Коше тоже сделал бы это, потому что он нашел меня еще не совсем выздоровевшим. Его эскулап в течение десяти дней не показывается больше, так как он наконец убедился, что это выше его понимания. Но вы все-таки хвалите его перед вашей соседкой и перед всеми, кто его знает, и говорите, что он мне сделал много хорошего, и что я такая уж голова, которая довольна, как только ей хоть немножко лучше, и что все говорят, что он многих здесь вылечил от холеры. Холера почти совсем уже прекратилась. Нынче прекрасная погода. Я сижу в салоне и наслаждаюсь своим видом на весь Париж: на башню, Тюльери, Парламент, St. Germain l'Auxerrois, St. Etienne du Mont, Notre Dame, Panthéon, St. Sulpice, Val de Grâce, Invalides с 5 окнами, а между нами одни сады. И вы это увидите, когда приедете. С пас-

портом и деньгами пошевеливайтесь теперь проворно и осторожно. Напишите мне сейчас же словечко. Даже и кипарисы имеют свои капризы [1]), а мой теперь—видеть вас у себя. Может быть, бог даст, и будет хорошо, ну, а если бог не даст, то сделайте по крайней мере так, как будто бы бог дал. Я полон упований, потому что я редко многого желаю, но воздержался бы и от этого, если бы не был побуждаем всеми, кто мне желает добра. Итак, пошевеливайся пан Калассанти, за это я дам тебе великолепную большую сигару — я знаю кого-то, кто курит знаменитые, NB, в саду. Надеюсь, что мое письмо пришло к именинам мамочки, и меня не очень недоставало. Не хочется мне обо всем этом думать, а то меня схватит лихорадка, а, благодаря бога, ее у меня нет, что злит и обескураживает всех заурядных врачей.

Преданный вам, но больной брат

26 июня.

Ш.

(610)

298. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Chaillot, 74, [2 июля, понедельник 1849].

Жизнь моя!

Вчера у меня был Циховский, в другой раз после твоего от'езда (потому что я ему писал о часах). Он сказал, что отдал письмо Орде, [2]) и поторопит, насколько это будет возможно. Портной пошел на мировую. Он говорил мне также, что пани Плихта едет домой, что он тебе об этом писал, также как и о том, что сюда приезжает моя сестра, что совершенно неверно, потому что я думаю только нынче писать об этом домой. [3]) Но ты знаешь его новости. Пани Пот[оцка] все еще в Версале и поедет в Диепп, где пани Бово. Делакруа в деревне. Гутман в Лондоне (инкогнито), словно у него есть деньги, чтобы их выбрасывать. Англичанки в Сен-Жермене. Пани Обрезк[ова] тоже. Хорошо, что ты имел известия от сына, потому что Коше его не видал. Френкель не был уже две недели. Дня три уже не плюю кровью, а ноги опухли. Только еще слаб и ленив, не могу ноги передвигать — задыхаюсь. А твоя лестница!! Жаль мне, что тебя не вижу, но лучше, что ты теперь в деревне, а не тут, где так скучно и никого нет.

Пишу тебе на адрес пани Людвики в третий раз с тех пор, как я без твоей garde-malade. Не знаю, что с ней делать, как ее поблагодарить. Не хочу посылать к ней, потому что там этот опекун, или кто-то еще. Она была здесь, чтобы сказать, что уезжает, но кто-то

[1]) Польская поговорка.
[2]) Наполеон Орда, музыкант, польский эмигрант, живший в Париже.
[3]) Повидимому предыдущее письмо не было еще отправлено.

зашел, и я не успел переговорить с ней, как она ускользнула. Она прислала мне свою визитную карточку. Честная и добрая, но я не понимаю этой карточки. Я надеюсь, что она придет еще перед от'ездом в Поре. Я бы не хотел посылать к ней, потому что депут. [1]) совершенно меня не знает, и я боюсь наделать ей незаслуженных неприятностей. Будь здоров. Береги себя и не сдавайся. Я тоже оберегаю себя, как могу, но у меня кажется сил не хватит. Пани Матушевска, которая была у княгини Розы [2]) (ее мне прислала княгиня Анна [3]), чтобы я ночью не оставался один), говорит, что „когда-нибудь пан Иезус переменит это", и что может быть поможет пластырь из меду и муки.

III.

2 июля, понедельник.

(611)

299. Шопен Соланж Клезанже.

Париж, 4 июля 1849.

Благодарю за ваше милое письмо. Я получил, согласно вашим распоряжениям, несколько слов от г-на Буссинà относительно моей кареты, но недавнее кровохарканье в настоящий момент меняет мои проекты путешествия. Возможно также, что император, который сейчас в Варшаве, даст разрешение моей сестре приехать ко мне. Только тогда, после зрелого обсуждения, я буду знать, нужно ли покидать Париж, или в нем оставаться, так как я больше не в состоянии переносить длинные путешествия. Не будем больше говорить обо мне.

Я узнал с удовольствием, что вы без утомления достигли Бордо, но это однако не доказывает, чтобы вам не нужно было себя беречь. Я представляю себе вашу маленькую девочку с большой головой, смеющуюся, кричащую, буйную, слюнявую, кусающуюся, и все, что за этим следует. Вы обе должны быть очень забавны вместе. Когда вы посадите ее на лошадь? Я надеюсь, что теперь у вас есть забота каждую минуту и что вы хотели бы удвоить часы дня и ночи, несмотря на то, что гасконка часто должно быть вас будит.

Я возобновляю свою пачкотню. Мне больше нечего вам писать, кроме того, что я вам желаю всякого возможного счастья, как вы это знаете с давних пор. Холера уменьшается, но судя по тому, что мне говорят, Париж становиться все более и более пустынным. Там жарко и пыльно. Там нищета и грязь, и там встречаются фигуры словно с того света. Все стали, как Кремье [4]); говорят даже Бинья дурнеет

[1]) Кажется речь идет о некоем Воловском.

[2]) Чарторижска.

[3]) Жена кн. Адама Чарторижского.

[4]) Исаак Кремье (1796 — 1880) был с 1848 — 1870 французским министром юстиции и основал в 1860 году „Alliance israélite". Повидимому, он был очень дурен собой.

Д'Арпантиньи однако блондин, и он хорошеет. Ничего хорошего не говорят о выставке. Делакруа был несколько недель в деревне; он немного нездоров и может быть поедет в Аахен. Я очень рад, что вы находитесь в вашей прекрасной стране. Теперь не время жить в городе. Будьте добры, напишите мне два слова в тот момент, когда ваша девочка оставит вас в покое, чтобы я знал о здоровье всех вас теперь, когда семья увеличилась на такую большую единицу.

Будьте все счастливы.

III.

(616)

300. Шопен Наполеону Орде [1]).

Crande rue Chaillot, 74, [1849].

Мой милый!

Гржимала так торопится со своим часовым делом, о котором тебе говорил Циховский, что он писал мне, заклиная тебя всеми диезами и бемолями, которые только когда-либо могли существовать между нами, ускорить это дело. Стоили они, как ты знаешь, 900 франков. Он не хочет ждать, поэтому не старайся получить больше; он даже пишет, что можно и дешевле, только бы поскорей уладить это дело. Поторопись, мой милый, ради нашей старой дружбы. Господь бог вырастит тебе за это прекрасного хлопца литвина, а панне Орде даст здоровья на сто лет. А пока, передай ей пожалуйста мое почтение.

Обнимаю тебя не так крепко, как прежде, но по прежнему также сердечно.

Твой *III.*

(612)

301. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Chaillot], вторник, 10 июля 1849.

Очень я слаб, жизнь моя. У меня понос какой-то. Вчера я советовался с Cruveilhier, [2]) который мне не велит почти ничего принимать, а только спокойно сидеть. Говорил, что если гомеопатия хорошо на меня действовала во времена Моллэна, то это потому, что он не обременял меня лекарствами, а многое предоставлял природе. Я вижу однако, что он также считает меня чахоточным, потому что прописал мне кофейную ложечку чего-то с лишайником. Итак, не будучи в состоянии ехать, я написал Плихте, которая и без того будет у меня. Орде я тоже написал. Орда еще не ответил. Посылаю тебе также

[1]) Адрес: Monsieur Monsieur N. Orda. Paris 9, rue Louis-le-Grand.

[2]) Знаменитый французский врач (1791 — 1874).

письмо, которое я получил для тебя из Германии. Пани Бржозовска (рожденная Замойска) наняла квартиру надо мной. Замойские поехали в Бианкур. Таким образом, я вероятно буду видать иногда княжескую чету до их от'езда в Трувиль, куда они собираются. Княгиня Марцеллина в Лондоне, потому что ей приказали выехать из Вены, или намекнули об этом. Циховского не видал недели две. Пани Потоцка в Версале, потом кажется едет в Спа. Здесь жара. От сестры еще не имею известий. Я останусь этот месяц еще здесь, но если сестра не приедет, то удеру, потому что все это мне стоит слишком дорого. Играю все меньше и меньше. Писать ничего не могу.

Будь здоров. Работай над своей брошюрой; не поддавайся ни беде, ни скуке. Ты уже столько вытерпел. Бог даст тебе сил и на остальное.

Твой *Ш.*

(615)

302. Шопен гр. Альберту Гржимале.

Chaillot, суббота, 28 июля 1849.

После твоего ответа и ее письма руки у меня опустились, и я не знал, подозревать ли ее в галлюцинации, а ее поверенного в воровстве, или заподозрить пани Этьенн; считать ли себя ничего не помнящим, либо сумасшедшим, словом, лоб у меня трещал [1]). Она была у меня с признаниями и так глупо мне отвечала, что я должен был высказать много истин вроде той, что такие щедрые подарки понятны разве только от королевы английской или от мисс Кутти и т. д. Сестра же об этом якобы ничего не знала. А дело было так:

Человек, которому без его ведома была поручена такая сумма и который не взял от пани Этьенн никакой расписки в том, что отдал это письмо или там пакет, пошел к Алексею-медиуму. Тут-то и начинается драма.

Алексей сказал ему, что в марте, в один из четвергов (8-го) он заносил очень важные бумаги по адресу (выписал мою фамилию), что этот пакет не дошел по назначению [à sa destination], что у него его нет, а он его отдал в какой-то маленькой темной комнате, куда сходят по двум ступенькам, каким-то женщинам (там их было две), и что взяла более высокая, в руке у которой было письмо, отданное ей почтальоном и которая, взявши это письмо en question от того человека, сказала ему, что сейчас отнесет, но, прибавил Алексей, снесла

[1]) По возвращении из Англии Шопен оказался в очень трудном материальном положении, так как будучи сильно болен, он не мог ни сочинять, ни выступать публично, ни давать уроков. Об этом знали его друзья и более близкие ученики. Одна из них, шотландка миссис Эрскин, желая как-нибудь облегчить его финансовые затруднения, послала ему пакет с 25-ю тысячами франков. В этом письме рассказываются странные злоключения этого пакета с деньгами.

его вниз, мне его даже не показав, и я этого письма никогда не видал. Когда его спросили, не знает ли он, что сделалось с этим письмом, он сказал, что не знает, но что если ему принесут волосы, или носовой платок, или перчатки, принадлежащие той особе, которая взяла письмо, то он скажет. Пани Эрскин присутствовала на этом сеансе Алексея и вчера пришла рассказать мне об нем и сделать как-нибудь так, чтобы добыть что-нибудь, принадлежащее пани Этьенн, и дать его Алексею. Я велел позвать к себе пани Этьенн под предлогом принести мне Boiste'a [1]) и носовых платков. Когда она пришла, я ей сказал, что желаю отвязаться от пани Эрскин, которая будто бы хотела моих волос для какой-то сонамбулы, лечащей больных в Сен-Жермене (где эти шотландки теперь живут). И вот, говорю ей, для того яко бы, чтобы отвязаться, я пошлю ей волосы пани Этьенн, и только, если сонамбула узнает чьи это волосы, тогда я поверю и пошлю свои, но я уверен, что она примет здоровые волосы за больные. Итак, пани Этьенн отрезала по моей просьбе своих волос, завернула, и пани Эрскин их взяла.

Нынче утром приходил ко мне этот пан поверенный с пани Эрскин от Алексея. Алексей узнал волосы особы, которой отдан был пакет, и сказал, что она положила этот пакет запечетанным на какую-то мебель около кровати, что этот пакет еще у нее, не потерян, не отдан и не распечатан,— что если этот пан ловко возьмется, то она ему его отдаст, но нужна осторожность.

Итак, этот пан прямо от меня пошел около 12-ти в Square d'Orléans, застал пани Этьенн одну, напомнил ей, что был в марте, чтобы отдать ей пакет для меня, про который ей говорил, что он был очень важный.

Она узнала его и отдала ему пакет, который он ей дал столько месяцев тому назад. Он был нераспечатан и 25 тысяч в нем нетронуты. Пани Эрскин распечатала его у меня, при мне и при том пане. Что ты на это скажешь? Вот так сонамбула!!! Этот пакет так давно затерянный и нетронутый!! Голова трещит от таких странных происшествий. Нетрудно догадаться, что я дара не принял; я много мог бы об этом написать. Предпочитаю когда-нибудь рассказать тебе это.

Теперь поверишь в магнетизм!

Слава богу, что нашлось. Много еще подробностей, о которых тебе не пишу, потому что перо меня жжет.

А теперь о чем-нибудь другом. Княгиня Сапега, Изя, Владзио поехали нынче в Диепп. Герцогиня Вюртем[бергская] осталась. Плихта наверное уже в Варшаве.

[1]) Буаст (1765—1824), автор „Dictionnaire général de la langue française".

О сестре я начинаю сомневаться [1]). Мне ни хуже, ни лучше. Тебя люблю и хотел бы тебя видеть. Обнимаю тебя.

Твой.

Пиши.

Об Орде ничего не знаю.

(617)

303. Шопен гр. Альберту Гржимале.

[Chaillot], пятница, 3 августа [1849].

Ты не поверишь, как и я жажду хотя бы на часок повидать тебя, но не могу тебя просить вылезти из своей дыры, потому что, хотя и не двумстам, а только нескольким десяткам приказано выехать из демократической республики [2]) (ни одного из них я даже не знал), однако это вещь деликатная, если боишься.

Что касается моего странного происшествия, то есть много, много странных вещей, которых я не могу согласовать ни с магнетизмом, ни с ложью, ни с галлюцинацией (панны Штирлинг), ни с честностью пани Этьенн. Могло быть даже, que la chose a été faite après coup [3]). Об этом можно много рассказывать. Также,— что мне прислано еще какое-то письмо, анонимное, которое я отдал в собственные руки. С пани Этьенн я не говорил и не говорю ни слова обо всем этом, хотя завтра этому уже неделя. Письмо могло быть ей отдано на три дня раньше. Так как я не был дома, а она здесь, то можно было бы его отобрать и без сонамбулы, также как и с сонамбулой. Тем более, что разные разговоры совпадают!! Там есть сердце, но и тщеславие также! Я хотел бы тебя видеть.

Клезанже привез сюда Соланж после 10 дней путешествия по жаре, с ребенком и мамкой, без денег, и в то время, когда все удирают в деревню! Где разум, не знаю!! Без головы или, скорее, с очень гадкой головой! Де-Розьер нет; она на водах в Бельгии с пани Гриль. Сол[анж] мечется,— ищет тут квартиру. Он хочет найти что-нибудь около Chaillot; он — страшный дурак!

Кроме Франк[омма] и Гербо все в деревне. Пани Обрезк[ова] в Сен-Жермене. По понедельникам она меня тут всегда навещает. Я пью боннские воды. Сестра еще не имеет разрешения. Позже оно ни на что не будет нужно, потому что его [4]) вакации кончатся. Задыхаюсь, кашляю и вялый какой-то. Ничего не делаю. Ничего мне не хочется. Этот Алексей не выходит у меня из головы.

Твой *Ш.*

---

[1]) Очевидно в том, что она приедет.

[2]) Здесь речь идет очевидно о какой-то высылке поляков из Парижа.

[3]) „Что дело было сделано после", т. е. что мисс Штирлинг выдумала всю эту историю, чтобы подарить деньги Шопену.

[4]) Ендржеевича.

Цихоту [1]) не видал две недели. О Вирг [2]), ничего не знаю. Часов Орда не продал. Отдал Циховскому. Последние, кому он их предлагал, оспаривают подлинность. Искали у Брегета в книжках; упоминания об них нет. Другие твои дела вероятно теперь затормозились.

Старый князь [3]) и княгиня Сапега были у меня вчера вечером. Княгиня, Изя и Владзио [4]) в Диеппе и здоровы.

(619)

304. Шопен М-ль де-Розьер [5]).

[Париж, 14 августа 1849].

Моя сестра Ендрж[еевич] и моя племянница пять дней, как у меня. Я очень устал, они тоже. Я вам желаю столько же счастья, сколько у меня в данный момент, но немножко больше здоровья, так как я слаб более, чем когда-либо.

Ваш искренний друг *Ш.*

Мое почтение г-ну Гр. де-Болэн.

[Приписка Людвики Ендржеевич:]

Только одно слово, потому что пора отсылать письмо на почту. Итак, я здесь с милым Фредериком, который очень страдает; а я очень жалею, что не могу вас поцеловать, мой милый и добрый друг. Я бы непременно остановилась в Chaudfontaine, если бы поезд не проходил там ночью. Я об этом много думала, потому что видеть вас там, было бы невыразимое удовольствие. Впрочем, вы знаете, как мы вас любим. Вам не нужно также говорить о том сожалении, которое мы испытали, увидав наш проект неудавшимся. Я буду счастлива узнать, что вы скоро будете в Париже, где мы часто говорим о вас, дорогой друг. Вы не поверите, как бы я хотела, чтобы ваш приезд доставил несколько приятных минут дорогому Фредерику, который нынче очень устал, больше чем в другие дни, от бессонницы и жестоких приступов кашля. Людка [6]) доставила ему большое удовольствие. Остальное в другой раз, потому что надо запечатывать письмо. Прощайте же, милый друг! Мой муж говорит вам много хороших вещей, а я вас целую от всего сердца.

Л. Е.

---

[1]) Циховского.

[2]) Неизвестное лицо.

[3]) Адам Чарторижский.

[4]) Жена и двое детей Адама Чарторижского.

[5]) Адрес: Mademoiselle de-Rozières, Grand-Hôtel des Bains, à Chaudfontaine par Liège (Belgique).
Почтовый штемпель: Paris, 14 août 1849.

[6]) Маленькая племянница Шопена.

305. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

[Chaillot, август 1849].

Мой дорогой, пришли мне немножко твоего Бордо. Нынче я должен выпить немного вина, а у меня нет никакого. Но запакуй бутылку и запечатай ее своею печатью, потому что эти посланцы!! Я не знаю, кому доверить эту посылку. Какой я стал подозрительный!

Весь твой *Ш.*

306. Шопен Титу Войцеховскому в Карлсбад.

Париж, 20 августа 1849. Square d'Orléans, rue St. Lazare, 9.

Дорогой ты мой!

Надо же, чтобы я был так слаб, как сейчас, и чтобы я не мог двинуться из Парижа, когда ты приезжаешь в Остенде. Но я надеюсь, что бог тебе поможет добраться до меня. Доктора не позволяют мне никаких путешествий. Пью в комнате пиринейскую воду, а твое присутствие помогло бы мне больше, чем всякие лекарства.

Твой до смерти *Фредерик.*

307. Шопен Титу Войцеховскому в Остенде.

Париж, 12 сентября, 1849.

Слишком мало времени было у меня для хлопот о разрешении на твой приезд сюда [1]). Не будучи в состоянии сам ходить за этим, лежа половину дня в постели, я просил одного приятеля, имеющего влияние, чтобы он меня выручил. Только в субботу я буду знать что-нибудь наверное. Я уже хотел было отправиться по железной дороге до границы, до Валансьена, чтобы тебя обнять, но дня два назад я не мог доехать до Ville d'Avraye под Версалем к моей крестной дочери [2]), и доктора не позволяют мне выезжать из Парижа. Поэтому они даже и на зиму не отпускают меня в более теплый климат. Вина моя в том, что я болен, иначе я поехал бы, чтобы встретиться с тобой где-нибудь в Бельгии.

[1]) Как русский подданный, Войцеховский для путешествия в Париж должен был получить особое разрешение от русского правительства, которое давалось полякам не легко.

[2]) Дочка атташе саксонского посла в Париже, Т. Альбрехта.

Может быть тебе удастся добраться сюда. Я не до такой степени эгоист, чтобы желать тебя для одного себя. Так как я болен, ты мог бы иметь несколько часов скуки и разочарования, перемешанных с несколькими часами радости и приятных воспоминаний, а я хотел бы, чтобы время, которое мы проведем вместе, было бы временем только полного счастья.

Навсегда твой *Фредерик.*

308. Шопен Огюсту Франкомму в Париж.

[Париж]. Неделя после твоего от'езда, 17 сентября 1849.

Дорогой друг!

Очень жалею, что ты нехорошо себя чувствовал в Le Mans. Зато теперь ты в Touraine, небо которой неверное лучше повлияет на твое здоровье. Что касается меня, то мне скорее хуже, чем лучше. Господа Крювелье, Луи и Блаш устроили консилиум и постановили, что я не должен уезжать, а только взять квартиру с окнами на юг и оставаться в Париже. После многих поисков мне нашли наконец, правда очень дорогую, но зато отвечающую всем условиям, квартиру на Place Vendôme, № 12. В настоящее время там помещается бюро Альбрехта. Мэара была мне очень полезна в отыскании этой квартиры. Словом, в течение приближающейся зимы мы будем все видаться в хороших условиях. Сестра моя остается у меня, если только ее не вызовут внезапно домой. Я люблю тебя, и это сейчас все, что я могу сказать тебе, потому что изнемогаю от усталости и слабости. Сестра моя радуется, что скоро увидит пани Франкомм, что и мне доставляет не меньшую радость. Да будет воля неба... Нижайшие поклоны пану и пани Форест. Как охотно я провел бы несколько дней с вами! Не у моря ли также пани Lauvergeat? Не забудь передать ей при случае привет от меня, также как и ее мужу. Обними свою детвору, а мне напиши словечко.

Всегда твой *Ш.*

Сестра моя целует пани Франкомм [1]).

Письма без дат.

309. Шопен Камиллу Плейелю.

[Париж].

Cherissime!

Вот что мне пишет Mr. Онслов [2]). Я хотел пойти к вам и сам сказать вам об этом, но я чувствую себя очень слабым и ложусь.

[1]) По всей вероятности это было последнее письмо Шопена, так как он умер через месяц, 17-го октября между 3 и 4 часами утра.

[2]) Георг Онслов (1784—1852), плодовитый композитор, преимущественно в области камерной музыки.

Люблю вас все больше, если это возможно. Не забудьте пожалуйста друга Herbaut. Итак, до завтра. Я жду вас обоих.

Шопен.

(602)

310. Шопен гр. Альберту Гржимале в Париж.

Я к твоим услугам, но ты сделаешь дурно, если бросишь что-нибудь действительно нужное. Постараюсь быть у тебя в $^3/_4$ шестого, однако не удивляйся, если на пол-минуты опоздаю. Во всяком случае, буду у тебя до 6.

Твой преданнейший *Ш.*

(333)

311. Шопен Камиллу Плейелю в Париж.

Cherissime!

Я прошу, чтобы вы сами лично выбрали фортепиано для м-ль Кологривовой. Сделайте мне это удовольствие. Мне лучше, и я жму вашу руку.

Шопен.

(437)

312. Шопен Антону Контскому [1])

Мой Антоша,

Многие из тех, которым я предложил твои билеты и на которых, казалось мне, я мог рассчитывать,— отказались. Скачки в Шантильи — не удивляйся [поэтому], что сбыл только один билет и со стыдом возвращаю девять. До свидания.

Всегда твой *Фр. Шопен.*

Четверг.

(626)

313. Предсмертная записка.

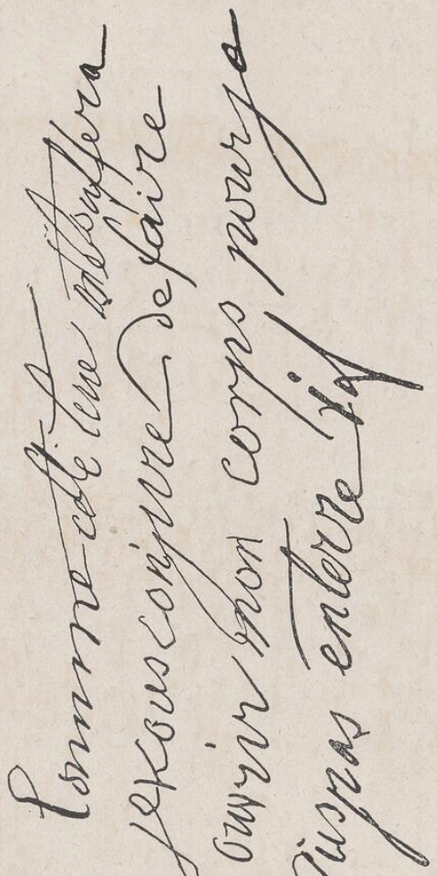
[Написана карандашем, орфография оригинала].

Comme cette toux m'étouffera je vous conjure de fair ouvrir mon corps pour je suis pas enterre vif.

[Перевод:]

[Так как этот кашель меня задушит, я заклинаю вас сделать вскрытие моего тела, чтобы я не был погребен живым].

[1]) На обороте надпись: „Monsieur A. Kontski. Paris, St. Honoré, 287". Речь идет очевидно о концерте Контского в Париже. Переведено с польского факсимиле в Р. М. Газете №№ 9/10, 1910 г.

Предсмертная записка Шопена (факсимиле); октябрь 1849 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Письмо Гржималы к Августу Лео о последних минутах Шопена.

Мой дорогой друг.

Для меня большая радость, что я еще могу назвать вас этим именем теперь, когда сердце разрывается от отчаяния и преисполнено скорби, которую вы так охотно разделите — ибо наш Шопен уже не существует. Пустота, которую он нам после себя оставил, должна была бы только укрепить нашу симпатию, потому что мы оба не забудем его до конца жизни, также как никогда не перестанем чувствовать его отсутствия. Уже несколько раз пробовал я писать вам, но когда начинал говорить о болезни Шопена, перо выпадало у меня из рук от страха, что как только я поверю бумаге свою тревогу, она получит фактическое осуществление.

Со времени вашего от'езда Шопен советовался с несколькими гомеопатами, а также и с несколькими врачами старой школы. Но это ничему не помогло. Доктора: Рот, Симон, Ольдендорф, Френкель (из Варшавы), Людвик Блаш, Крювелье и кроме того многие другие делали, что могли. Однако, болезнь слишком уже развилась, а больной был слишком слаб для того, чтобы он мог быть еще спасен. Лето он провел в Шайо. Однако, ни прекрасное местоположение, ни солнечные лучи не были в состоянии его развеселить, не дали ему забвения страданий. Только одна настоящая радость снова усилила биение слабого сердца. Приехала сестра Шопена, которую он так сильно любил; приехала, несмотря на большие трудности, которые должна была преодолеть, чтобы добиться разрешения оставить Варшаву. Чтобы приехать в Париж и исполнять возле бедного брата обязанности сиделки, она должна была расстаться с матерью, мужем и детьми. Спустя несколько дней, перемена была очевидна и благодетельна, но это была последняя улыбка жизни; жизнь не возвращалась больше, а исчезала. Наступила водянка, и все усилия науки, стремившейся

ее приостановить были напрасны. Несмотря на это, надежда больного была так сильна, что он сам руководил переездом на Place Vendôme, туда, где было некогда русское посольство, и меблировал прекрасную квартиру. Готовился даже к возобновлению своих работ. Душа его утопала в гармонии, но он не имел уже сил ни сесть за фортепиано, ни держать пера. Раздирающее душу зрелище представлял этот великий дух, обреченный на бесплодность, вследствие недостатка чисто-физических сил. И человек спрашивает себя—почему в то время, как созданья художника бессмертны, гений, который их породил, должен угаснуть на заре своей жизни? Однако, нынче я не владею собой настолько, чтобы мог рассуждать о подобных вещах, Когда душа его успокоилась, и он не мог победить своего бессилия, его охватила непоколебимая уверенность, что жить он уже не может. С этого момента до его смерти едва ли прошло дней десять. Но для его друзей эти 10 дней имеют такую же ценность, как вся его артистическая жизнь. Даже наиболее стоическая древность не оставила лучшего и красивейшего примера смерти — более христиански-чистой души. После исповеди и причастия агония продолжалась еще три дня и три ночи. Доктора не могли перестать удивляться этой неистощимой жизненной силе. В эти минуты мною овладело убеждение, что если бы он не имел несчастья узнать Жорж Санд, которая отравила все его существование, то он дожил бы до более позднего возраста.

До последнего дня, до последнего часа он сохранил всю остроту мысли. Иногда вставал, садился и, проявляя просто непостижимую память, самообладание и ясность мысли,обращался с советами, убеждениями, я сказал бы даже со словами утешения к своим почитателям, которые в числе по крайней мере двадцати 4 дня и 4 ночи непрестанно на коленях читали молитвы. При этом доброта его и снисхождение были уже не от мира сего. Он всех узнавал и припоминал особенности каждого. Потом продиктовал последнюю волю относительно своих сочинений. Во втором часу по полуночи с 17 на 18, в среду, улыбаясь до предпоследнего момента, предшествовавшего его смерти, он перешел в иную жизнь, причем поцеловал Гутмана и силился обнять пани Клезанже. Теперь, мы в этом уверены, душа его пребывает у бога, и душа эта будет много любима. За несколько часов до смерти он просил пани Потоцку спеть три мелодии Белини и Россини, которые она пропела навзрыд рыдающим голосом; он слушал — последние звуки с этого света — задумавшись.

Потребовал, чтобы тело его было вскрыто, так как был убежден, что медицина не поняла его болезни. Действительно, это не была та болезнь, которую предполагали, но тем не менее жить он больше не мог. Третьего дня тело, набальзамированное и вполне убранное, было выставлено среди цветов. Друзьям, также как и людям равнодушным, оставалось бросить последний взгляд на черты великого художника. Был исполнен «Реквием» Моцарта и его собственный «Похоронный марш» при участии Лаблаша, пани Виардо и концертного общества. В конце моего письма,

для характеристики нравов, я должен еще сообщить вам, что артисты потребовали 2000 франков за это последнее чествование Шопена, которое из уважения к самим себе должны были бы принести в дар его памяти, а не продавать.

Сердечно преданный *Войцех*.

За 10 дней до смерти он перечислил всех лиц, которые лучше всего могли бы понять и уразуметь все свойства его музыки и сказал, что ваше суждение в этом отношении имеет для него большое значение, потому что оно умеренное, глубоко-основательное и свободное от лести. Когда я буду иметь счастье вас видеть, расскажу вам факт магнетического ясновидения, наиболее изумительный из всего, о чем я до сих пор читал, нечто такое, чего однако не могу черным по белому написать на бумаге.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

О портретах и внешности Шопена.

Когда смотришь картину художника, читаешь биографию писателя или слушаешь музыку какого-нибудь композитора, всегда хочется знать — какой он был человек и какова была его внешность. Поэтому так ценны и важны все портреты, рисунки и наброски, сделанные с великих людей и конечно особенно ценны сделанные с натуры.

Иконография Шопена сравнительно невелика. Особенно мало осталось его портретов, написанных маслом. Их было всего три. Один из них— портрет Ари Шеффера, очень ценимый современниками, погибший, как известно, во время пожара в Варшаве, другой портрет, сделанный Евгением Делакруа и наконец третий, написанный приятелем юности Шопена Антоном Кольбергом. Сохранилось довольно много рисунков, пастелей, акварелей, скульптурных изображений, медальонов, но как относительно их достоинств, так и степени сходства мнения друзей и современников Шопена весьма разноречивы. Впрочем, как будет видно ниже, также разноречивы и даже противоречивы их описания наружности Шопена, — цвета его глаз и волос и пр.

Одним из лучших портретов многие (Гёзик и др.) считают очень точную и хорошую копию Станислава Штаттлера, сделанную с Шефферовского оригинала для Марцеллины Чарторижской, находящуюся теперь в Кракове в музее Чарторижских. На этом портрете Шопен изображен лет 36, худым, болезненным, с длинными, каштановыми, старательно завитыми волосами, с очень бледным выбритым лицом, с гладким изумительной красоты лбом, с карими глазами, необыкновенно живо и умно смотрящими из-под тонких темных бровей, с выдающимся, орлиным, породистым носом, с тонко-очерченными широкими ноздрями, со впалыми висками, сквозь тонкую кожу которых проглядывают голубоватые жилки, со впалыми почти прозрачными щеками, не окрашенными ни малейшим румянцем, с тонким безкровным ртом, с немного выдающейся вперед

нижней губой. Эта маленькая особенность Шопеновского рта обращает на себя внимание и на дагеротипном портрете 17-летнего Шопена и на медали Бове. В своих «Etudes et souvenirs» Henri-Blaze de-Bury пишет о портрете Ари Шеффера так: «Он изображен в тот период жизни, когда ни физический, ни духовный закат не препятствовали ни его работам, ни удовольствиям; стройный, с непринужденной осанкой, джентльмен в высшей степени: гордое чело, редкой тонкости руки, маленькие глаза, большой нос, исполненный особой прелести нежно-закрытый рот — точно он хочет задержать ускользающую мелодию».

Очень хорош портрет работы Антона Кольберга. До 90 годов прошлого столетия он был мало известен. В 92 году был на выставке в Вене и позже в Варшаве. В 1847-48 г. г. Кольберг жил в Париже и, встретившись там с Шопеном, получил от него разрешение написать с него портрет. Шопен в то время был уже тяжело болен, и ему трудно было позировать долгие часы для портрета, но он не мог в этом отказать приятелю своей юности. В 1848 году этот портрет вместе с другими этюдами и картинами художника был привезен в Варшаву, где Кольберг собирался его окончить и послать на память Шопену в Париж. Голова на этом портрете и в особенности лицо были совершенно дописаны, неоконченными оставались только руки. В октябре 1849 г. Шопен умер. Кольберг портрета не закончил, и он остался висеть в мастерской художника в том виде, как был, и как не вполне оконченный не был Кольбергом подписан. Принадлежность этого портрета Кольбергу не подлежит однако никакому сомнению, как по роду техники, которая встречается на всех его портретах, так и по свидетельству многих знатоков искусства, друзей Шопена и лиц, видевших этот портрет у самого Кольберга, умершего в 1882 году, и слышавших из его уст, что он был им написан. Это же подтверждал и известный музыкант Игнатий Кржижановский, знавший Кольберга, видавший в сороковых годах Шопена в Париже и Лондоне и утверждавший, что в смысле сходства лучшего портрета Шопена не существовало. «Когда смотрю на этот портрет, говорил Кржижановский, присягнул бы, что вижу живого Шопена!».

Портрет маслом известного французского художника Делакруа находится в Париже в Лувре. До недавнего времени его относили к последним годам жизни Шопена, но три года назад во французском журнале «Gazette des Beaux Arts» (juillet-août 1926) появилась статья Ротмалера (A. de-Rothmaler [1])), дающая интересные сведения, как о самом портрете, так и о времени его написания. По словам автора статьи портрет был написан Делакруа летом или ранней осенью 1838 г. перед отъездом Шопена и Жорж Санд на Майорку и представлял из себя их совместный портрет.

---

[1]) За указание этой статьи, а также за любезное разрешение сделать снимок с принадлежащей ему репродукции портрета Шопена работы Делакруа, приношу сердечную благодарность П. Д. Эттингеру.

До смерти Делакруа в 1863 г. он находился в мастерской художника, после чего попал в семью Dutilleux. В 1873 г. А. Моро (Adolphe Moreau) издал каталог произведений Делакруа, в котором он помещен среди портретов 1838 г., назван: «М-м Жорж Санд и Шопен» и описан следующим образом:

Картина неоконченная (высота 1 м., ширина 1.50) представляет Жорж Санд стоящей, в натуральную величину до колен и рядом с ней сидящего Шопена[1]). После смерти Делакруа из этой картины были вырезаны портреты Жорж Санд и Шопена и так как в 1873 г. их портреты уже были разделены, то очевидно эта варварская операция была произведена в семье Dutilleux. В марте 1874 г. на аукционе картин, принадлежавших Dutilleux, фигурировал только портрет Шопена (45 × 37 см.), где торговец картинами Брам купил его за 820 фр. Впоследствии его приобрел профессор парижской консерватории Мармонтель и пожертвовал в Луврский музей в Париже. Этот портрет — мастерской набросок; лицо написано широкими мазками прекрасного золотистого тона и оставляет впечатление какого-то беспокойного усилия в поисках вдохновения.

Портрет Жорж Санд (80 × 57 см.) менее закончен и представляет из себя только эскиз. С 1887 г. он несколько раз переходил из рук в руки и в настоящее время находится в Копенгагене в коллекции Hansen. Жорж Санд написана стоящей, в открытом темном платье, с прической того времени, локонами обрамляющей лицо. Голые до локтя руки сложены. В правой — белый платок, в левой — сигаретка. Голова наклонена вперед, глаза полузакрыты, рот слега приоткрыт, — она как бы прислушивается. Вся фигура полна грации и женственности. Удастся ли восстановить картину в ее первоначальном виде, сказать трудно. Легче было попытаться это сделать, когда оба фрагмента находились в Париже. Пока приходится довольствоваться снимками с обоих портретов, помещенными между прочим в вышеупомянутом номере «Gazette des Beaux Arts».

Жорж Матиас, пианист, современник Шопена, лучшим его портретом считал рисунок Виньерона 1833 г., гравированный Энгельманом и изданный М. Шлезингером в Париже. «Портрет прекрасен», пишет Матиас биографу Шопена Никсу, «так как он дает абсолютно верное представление о Шопене, о его грациозно-склоненных плечах, польском духе, очаровании рта. Также похож медальон Бове, верно передающий очертания линии волос и носа».

Пани Дюбуа, одна из учениц Шопена, очень высоко ценившая вышеупомянутый медальон, говорила, что ни бюст Шопена работы Клезанже, ни портрет маслом Ари Шеффера, который она много раз видела в Париже в квартире своего учителя, не могли удовлетворить тех, кто знал Шопена лично.

Из художников, усиленно старавшихся сделать портрет Шопена, только один, Теофил Квятковский, пользовался его благосклонностью.

[1]) По другой версии Шопен изображен сидящим за фортепиано.

Он рисовал Шопена много раз, как при жизни, так и после его смерти. Этих последних рисунков довольно много. Они были сделаны Квятковским для друзей и почитателей Шопена; все они несколько отличаются друг от друга. Сам автор особенно ценил свою акварель: «Шопен на смертном одре» (см. стр. 360), написанную спустя 8 часов после смерти Шопена, но вряд ли она вполне соответствовала действительности. Шопен изображен там прекрасным 20-летним юношей, с радостно-спокойным выражением лица, тогда как другие рисунки того же художника изображают Шопена мертвым совершенно иначе. На рисунке того же Квятковского, репродукция которого помещена в книге Лейхтентрита, мы видим совсем другого Шопена, измученного упорной и долгой болезнью, задыхающегося, с печатью тяжелых предсмертных страданий на лице. Рисунок этот очень хорош (см. стр. 378)—в нем чувствуется веяние смерти. Разница в трактовке одного и того же сюжета об'ясняется тем, что Квятковский, пользуясь для своих «голов» Шопена маской работы Клезанже, один экземпляр которой был его собственностью, писал их в разное время. Другой экземпляр маски Клезанже был подарен родным Шопена, третий находится в музее Чарторижских в Кракове. Маска эта была сделана в первый день после смерти Шопена, но к сожалению ее нельзя назвать удачной. В том же музее находится небольшая, костлявая, жилистая, с худыми длинными пальцами, отлитая неизвестным художником из бронзы рука Шопена.

Остается еще упомянуть о поэтической картине Феликса Барриаса, представляющей тот момент, когда умирающий Шопен просит Дельфину Потоцку петь, да еще о двух карандашных портретах, принадлежавших другу и ученику Шопена Гутману. Первый — рисованный 2 мая 1847 г. знаменитым Францем Винтергальтером, другой—Альбертом Грефле (Graefle); он помечен 19 октября 1849 г. и изображает Шопена на смертном одре. Оба очень похожи; второй напоминает медальон Бове. Следует упомянуть еще картину Квятковского, изображающую умирающего Шопена, окруженного своей сестрой, Марцеллиной Чарторижской, Гржималой, ксендзом Еловицким и самим художником, а также любопытный рисунок Жорж Санд, сделанный ею в 1838 г. на Майорке.

Кроме перечисленных выше, все другие портреты и репродукции Шопена по мнению Никса не обладают никакой ценностью. Помещенные в работах Шульца, Карасовского, исполненные Мориром (Maurir), Шубертом, Гофмейстером (гравированный), а также многочисленные, сделанные главным образом в Германии, фотографии все без исключения являются плодом фантазии, воспроизведены не с натуры и в большинстве случаев кроме подписи ничего общего с Шопеном не имеют.

Что касается описаний внешности Шопена, разбросанных в разных биографиях и записанных со слов близких друзей, учеников и современников, то они в достаточной степени противоречивы, также как и мнения о его портретах.

Никс пишет: «Худое телосложение, средний рост, слабые но необыкновенно гибкие члены, нежной формы руки, очень маленькие ноги, овальная, мягко-скругленная голова, бледный прозрачный цвет лица, длинные шелковистые, светло-каштановые волосы с пробором с одной стороны, тонкозагнутый орлиный нос, приятная полусдержанная улыбка, грациозные и разнообразные жесты. Такова внешность Шопена». Что касается цвета его волос и глаз, то мнения авторитетных современников значительно расходятся. Лист называет глаза Шопена голубыми, Карасовский — темнокарими, Матиас—«couleur de bière» (цвета пива). Это редкое выражение встречаетка и у Водзинского в его книге «Les trois romans de Frédéric Chopin». Он говорит: «Его большие, выразительные и кроткие глаза были цвета, который англичане называют «auburn», поляки — «piwne», а французы назвали бы «brun». Теофил Квятковский говорил, что глаза Шопена были «des yeux bruns tendres» (нежно-карие), а волосы — blonds chatains (светло-каштановые). Лист называет его блондином. М-м Дюбуа и другие считают, что у него волосы пепельного цвета — cendré, — некоторые находили его светлым, другие темным блондином. Водзинский в своей вышеупомянутой книге говорит: «Он был блондин, но такого же оттенка, как и его глаза: пепельного цвета с золотыми рефлексами на свету».

Набросанный выше портрет Шопена Лист в своей книге дополняет несколькими характерными чертами: «Звук его голоса был несколько приглушенный, иногда почти задыхающийся. Осанка и манеры носили такой аристократический отпечаток, что с ним невольно обращались, как с существом высшего порядка. Весь его облик напоминал вьюнок с чудесно-окрашенной, колеблющейся на тонком стебле чашечкой, из такой благоуханной и нежной ткани, которая рвется от малейшего прикосновения».

Анна Гольденвейзер.

Zbiory Stowarzyszenia F. Ch.

Перечень иллюстраций.

1. Портрет Шопена работы неизвестного художника (гравюра).
2. Рука Шопена (бронза).
3. Е. Делакруа. Портрет Шопена (масло), 1838.
4. Ари Шеффер. Портрет Шопена (масло), апрель 1847.
5. А. Кольберг. Портрет Шопена (масло), 1848.
6. Т. Квятковский. Шопен на смертном одре (акварель), 1849.
7. Предсмертная записка Шопена (факсимиле).
8. Т. Квятковский. Шопен на смертном одре (рисунок), 1849.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аахен 162, 182, 369.
Аббевиль 261.
Абелар 96.
Абердин (Aberdeen Shire) 347, 349.
Абиссиния 218.
Августа саксонск. принцесса, 110.
Авиньон 186.
Австрия 99, 216, 217, 240, 244, 264.
Агата 236.
„Агнеса“, оп. Паэра 83, 89, 92, 94, 105.
„Агнеса“ (Agnès de Meranie) — трагедия Понсара 288.
д'Агу, графиня 191.
Aguade 205.
Адам, астроном 281.
Адам, композитор 157, 208.
Адон 365.
Ayran 352.
Алар, Дельфин, скрипач 311.
Александр I 132.
Александрина 147.
Алексей-медиум 370, 371, 372.
Алжир 262.
Алушетти 109.
Альберт, см. Гржимала.
Альберт, король 263.
Альберт, принц 266, 319, 321, 334, 347.
Альбони, Мариэтта (певица) 320, 323, 327, 331, 341, 348, 351.
Альбрехт (умер в 1828 г.) 42.
Альбрехт (умер в 1839 г.) 193.
Альбрехт, Т. 176, 179, 217, 218, 220, 226, 268, 309, 343, 374, 375.
Альбрехт из Гавра 343.
Альбрехты 180, 206.
Алькан, Шарль Анри, композитор 212, 218, 226, 295.
„Альпийский король“ (пьеса) 106.
Альфонс, князь 111;
Амалтея (коза) 262.
Америка 80, 166, 202, 269, 293, 316, 330.
Ангальтская герцогиня 128.
Англия 4, 6, 132, 156, 180. 184, 202, 208, 238, 239, 274, 279, 286, 297, 303, 336, 340, 349, 350, 353, 355, 357, 359, 361, 370.
„Анеля“, см. „Агнеса“, оп. Паэра.
Анна, св. 265.
Анри 302.
Антверпен 262.
Антонин, имен. гр. Радзивилла 70, 72.
Антось, см. Водзинский, Антон.
д'Аппони, гр. 160.
д'Аппони, графиня 160.
Араго, Доминик Франсуа, физик, астроном 281.
Араго, Этьен, драматург и журналист 190, 192, 199, 285, 286, 288, 290, 304.
Араго, Эмануэль, адвокат 323, 345, 356.
Аранжуец 283.
Аргайль (Argyl), герцогиня 335, 347, 349.
Арман 228.
Арман, м-м 228.
„Армида“, оп. Глука 85.
Арнал (Arnal), Этьенн, актер 295.
Арнольд, пианист 40.
д'Арпантиньи 286, 369.
Арс, город 247.
Артариа (муз. издатель) 117.
Арто (Artôt), Александр-Иосиф. 265, 268.
„Аталия“, трагедия Рассина 294.
Athenäum (журнал) 333.
Atocha (церковь) 283.
Аугсбург 67.
„Африканка“, оп. Мейербера 274.
Ashdown, Edwin 178.
Ашпергер, Екатерина, певица 20, 36.
Ашперн 132.

Б.

Бабниг 109.
Бавария 133, 138, 323.
Баден 41.
Баденская герцогиня 335, 352.
Байо (Baillot). Пьер-Мари 138, 139, 142, 151, 156, 161.

Байрон 186, 336.
Байрон лэди 336.
Balgueri 205.
Балеарские острова 176.
Балтимора 261.
Бальфе Михаил-Вильям 274.
Бамберг 179.
Баранский 67.
Барбес Арман 313.
Бардэн (Bardin), аббат 161.
Барнтон 354.
du Barry, duchesse 152.
Барриас, Феликс, художник, 383.
„Барские конфедераты", драма Мицкевича 343.
Барцинска, Изабелла 12, 13, 18, 27, 38, 43, 49, 65, 72, 76, 80, 82, 85, 88, 90, 93, 96, 99, 102, 104, 106, 112, 115, 128, 132, 163, 258, 259, 263, 265, 268, 274, 279, 280, 285, 293, 305, 342.
Барцинские 265, 291.
Барцинский, Антон (Антек, Бартек) 13, 17, 19, 22, 28, 30, 35, 37, 70, 98, 148, 149, 164, 258, 259, 261, 263. 264, 267, 268, 271, 274, 279, 280, 281, 285, 305, 311, 333, 336, 340, 342.
Баскан 314.
Баскан, м-м 302, 303.
Батон 141.
Бах, Иоган-Себастьян 65, 161, 178, 193, 207, 250.
Beale, Mr. 167.
Безансон 299, 300, 301, 332, 340.
Безобразов 101, 123.
Бейер (Байер), Констанция 116, 120, 135.
Бейерле, Адольф, редакт. и критик 56.
Бейеры 116, 118, 120, 131, 132.
„Белая дама", оп. Буальдье 51, 53.
Белз 263, 281.
Белини 378.
Беллевиль, пианистка 87, 88, 103, 167.
Белосток 104.
Бельгия 194, 372, 373, 374.
Бельск 49.
Бельхавен (Belhaven), лэди 347, 349, 353.
Белявский, Иосиф, скрипач 70, 74, 90, 101.
Беляны 24, 27, 103.
Бем, генерал 320.
„Бенвенуто Челлини", увертюра Берлиоза 198.
Беник, Клементина 38.
Беник, Яков 38.
Бентковский, Феликс-Ян, проф. 34, 333.
Берг 138.
Бергер 65.
Беренд 148.
Берио (Beriot), Шарль-Огюст, скрип. 74, 154.
Берлин 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 62, 66, 68, 69, 72, 84, 102, 150, 161, 164, 178, 215, 259, 273, 281, 284, 323, 333, 356.
Берлиоз, Гектор 161, 198, 282.
Бернар 107.
Бернацка 72.
Бернацкий 155.
Бернер 130.
Берри, провинция во Франции 303, 304, 307.
Бертини, Анри 156.
Бертон 141.
Бетховен, Людвиг-ван 17, 50, 51, 52, 55, 64, 69, 85, 113, 125, 131, 133, 135, 139, 150, 151, 156, 167, 223, 244, 259, 265, 267, 319.
Бетюон, м-м 264.
Бианки, певица 15.
Бианки, скрипач 67.
Бианкур 370.
Bièvre, река 365.
Биксель, доктор 84.
Billard, м-м 260.
Billard, художник 260.
Биндер 135.
Биньоль 192.
Бинья 194, 197, 303, 368.
Бирмингэм 208, 339.
Бирнбах, скрипач 43.
Бискупец, см. Бишофсвердер.
Бишофсвердер 19, 21, 25, 26, 29.
Благетка 51, 52, 56, 58, 59, 83, 84.
Благетка, Леопольдина 57, 64, 66, 83, 112, 156.
Блан-Луи (Louis Blanc) 256, 303, 312, 356.
Бланки 267.
Бланкини 141.
Блаш, доктор 375, 377.
Блессингтон, лэди 336.
Блоня 30.
Блотницкий, Ипполит 304.
Блуа 298.
Бове 381, 382, 383.
Бово, княгиня 364, 367.
Богемия 69, 116.
Богуславский 228.
Бодио (Baudiot, Charles-Nicolas), виолончелист 328.
Бокаж, актер 134. 313.
Боклет, Карл-Мария 125.
Болонья 128.
„Большая Опера" (Grand Opéra) в Париже 131, 140, 151, 154, 170, 173, 236, 268, 274, 282.
де-Болэн, граф 373.
Бондасевич (певец) 100.
Бонжур, Казимир 289.
Бонн 259, 261, 265, 266, 267.
Bonnot 215, 217,
Bonne-Chose, m-me 288.
Bonne-Chose, m-r 312.
Бордо 157, 206, 260, 284, 294, 368.
Бордо, герцог 352.
Бордоньи, Джулио 230, 231.
Бори, Виктор 287, 309, 320, 341.
Бостон, пани 346.
Бразильский король 341.
Брам 382.
Брандус 270, 271, 277, 278.
Бранек 101.
Браницка, гр., см. Потоцка.
Брант, Альфонс 65, 82, 105, 123, 127.
Брауншвейг 99.
„Braut", оп. Риса 150.
Брегет 373.
Брейер 33.
Breistroff, m-me 365.
Брейткопф 6, 168, 178, 205, 206, 208, 220, 222, 231, 233, 238, 239, 286, 297.
Бремен 178.
Бреславль 30, 32, 33, 61, 62, 106, 107, 108, 130.
Брест 311.
Бретань 365.
Бржезина 36, 42, 67, 75, 79.
Бржовска (урожд. Замойска) 370.
Бржовский, Иосиф 166.
Бржостовские 164.
Бро, Августина 256, 264, 279, 280, 287, 293, 294, 305, 309, 323, 332, 341.
Брод, Генри, гобоист 139.
Бродвуд, фабрикант роялей 318, 320, 322, 325, 329, 332, 334, 338, 339, 340, 355.
Бродзинский, Казимир, поэт 34, 58.
Бромирский 79.
Брониковска, Мелазия 65, 68.
Брунель, инженер 269.
Бруннер 24, 33, 34, 37, 39.
Брус, Роберт 346.
Bruce, Agasta 336.
Брюссель 156, 285.
Брыкчинские 155.
Брыкчинский 142.
Буайе (Boyer), Томас 272.
Буальдье 51.
Буаст (Boiste), словарь 254, 371.
Буда, город 105.
Будапешт 116.
Буземон 299, 300.
Буке 93.
Буланже, Луи 283.
Були, см. Санд, Морис.
Булонь 157, 322, 357.
Бульвер 338.
„Бургтеатр", театр в Вене 48.
Бургундия 279.
Бурж 252.
Буржуа-Широли, певица 73.
Буссак, город 266.
Буссина (Bouscinat) 368.
Бухгольц, фабрикант роялей 41, 48, 95, 210.
Бычковский, художник 165.
Бюлоз, Франсуа, литератор 177, 197.
Burgaud des Marets 186.
de-Bury Henri-Blaze 381.
Бюффон, Жорж-Луи 284.
Бялоблоцка, Констанция 11, 15, 18, 21, 22, 23, 28, 30, 35.
Бялоблоцка, Флорентина 18.
Бялоблоцкий, Лука-Исидор 35.
Бялоблоцкий, Ян 5, 6, 9, 11, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 33, 35, 36, 37, 38, 39.

В.

В., см. Волкова.
Вагнер, Рихард 71, 110.
Ваграм 132.
Валансьен 252, 374.
Валевска, графиня 283.
Валевский, Александр, гр. 283, 305.
Валезий 272.
Валерий 80, 90, 99.
Валицкий 124.
„Val de Grace" (здание в Париже) 366.
„Vallée Noire" 279.
Валленштейн 60.
Вальдемоза 177, 178, 179.
Вальполь (Walpool) 349.
Ванда, пани 66, 69.
Вандом 272.
Варлев 57.
Варта 30.
Варшава 5, 6, 9, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 47, 52, 55, 56, 57, 61, 62, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 80, 82, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 111, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 138, 140, 141, 149, 155, 164, 165, 207, 226, 227, 230, 233, 234, 245, 249, 264, 265, 272, 273, 285, 293, 295, 296, 303, 333, 334, 347, 348, 364, 368, 371, 377, 380, 381.
Ватель 170.
Варшавский театр 21, 70.
„Варьете", театр в Париже 94, 173.
Ватсон 122.
Вашингтон 261.
Вебер, Карл-Мария 21, 29, 40, 192, 193.
Веверлей 331.
Вегелер, Франц-Гергард 150.
Вейбергейм, пани 114.
Вейбергеймы 116.
Веймарская герцогиня 325, 335.
Вейре 289.
Веллингтон 319, 321, 34, 336, 337,
Велке, Франциск 27.
Вельтхейм, Шарлотта 52, 64.
Вельц, Кароль 9, 38, 65, 66, 70, 72, 76, 79, 82, 88, 90, 105, 155, 216, 285.
Вена 23, 26, 42, 43, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 72, 81, 83, 84, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 98, 99, 100, 102, 106, 110, 111, 112, 115, 118, 119, 121, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 138, 140, 216, 217, 218, 223, 224, 225, 231, 233, 244, 247, 250, 259, 267, 370, 381.
Венгрово 192.
Венеция 66, 140.
Вениамин, ксендз 20, 25
Венская королевская опера 117, 125, 135.

„Венская театральная газета“ 56, 64, 97.
Венцель 59.
Верди, Джузеппе 273.
Верник, Казимир, пианист 296, 311.
Вернэ, Эмиль-Жан-Орас 276.
Верон, Луи-Дезире 154.
Веронезе, Паоло 334.
Версаль 170, 268, 283, 309, 312, 313, 343, 345, 346, 363, 364, 365, 367, 370, 374.
Вертхейм 54.
Веселовские 61, 69.
Веселовский 164.
Вессель (Wessel), Христиан-Рудольф 167, 178, 180, 184, 193, 196, 198, 206, 209, 215, 216, 218, 221, 223, 226, 227, 231.
„Весталка“, оп. Спонтини 89, 92.
Вестминстер 321.
Ветрово 192.
„Вечера пилигримма“, соч. С. Витвицкого 209.
Виардо, Луи 257, 258, 284, 319, 323, 332.
Виардо-Гарсиа, Полина 216, 236, 258, 259, 266, 284, 286, 318, 319, 320, 323, 324, 325, 333, 337, 362, 378,
Видаль, Луи-Антуан, виолончелист 140.
Визитация, монаш. орден 21.
Вик, Клара (Клара Шуман) 185, 189.
Вик, город 251.
Вико 281.
Виктория, королева 266, 282, 318, 319, 321, 325, 334, 335, 349, 350, 351.
Вилуцка 18.
Вильгельм I 71.
„Вильгельм Тель“, оп. Россини 102, 105, 115, 156.
Виль д'Аврэ (Ville d'Avray) 268, 374.
Вильд, Франц, тенор 115, 121, 125, 127, 132, 135.
Вильнев 272.
Вильно 26,
Вильчинский 10.
Вилюсь, см. Кольберг, Вильгельм.
Виман 74, 326.
Винтер, Петер-фон 43, 106.
Винтергальтер, Франц, художник 383.
Винценгероде 48.
Виньерон, художник 382.
Висла 27, 39, 284, 294.
Вит, св. 134.
Витвицкий, Стефан, поэт 108, 149, 173, 174, 209, 260, 267, 276, 296, 311, 316, 330.
Вишау 353.
Владзио, см. Чарторижский, Владислав.
„Владислав Локетек“, оп. Эльснера 149.
„Водевиль“, театр в Париже 295.
Водемон, княгиня 159.
Водзинска, Иозефа 171, 172.
Водзинска, Мария 73, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 171, 172, 185, 217.
Водзинска, Тереза, гр. 76, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172.
Водзинска, Тереза (дочь) 169, 171, 172.
Водзинские 155, 170, 171, 172.
Водзинский, Антон 25, 98, 142, 155, 162, 163, 165, 168, 169, 170, 171, 172, 181, 182, 183, 185, 188, 198, 206, 212, 216, 217, 219, 227, 267, 316, 330.
Водзинский, Антон (сын Феликса) 162,
Водзинский, Казимир (Казио) 163, 166, 169, 171, 172.
Водзинский, отец 166, 169, 171, 172. 384.
Водзинский, Феликс 162, 165, 166, 169, 171, 172.
Войты 114.
Войцеховский, Тит 6, 9, 12. 13, 38 39, 41, 42, 47, 62, 66, 67, 68, 70, 73, 76, 78, 80, 82, 85, 88, 91, 94, 96, 99, 102, 104, 106, 107, 111, 112, 113, 114, 117, 119, 127, 131, 135, 137, 152, 167, 169, 194, 250, 263, 275, 285, 291, 296, 330, 374.
Войцицкий 67, 100.
Вокансон, Энтерих 282.
Vollant Patureau 212.
Волицкий, архиепископ 47.
Волкова, певица 73, 83, 87, 89, 91, 92, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 121.
Воловский 368.
„Волшебная флейта“, оп. Моцарта 81.
„Волшебный стрелок“, см. Фрейшюц.
Вольска, Элеонора 148.
Вольтер, Франсуа-Мари 267, 273.
Вольф, пани 114.
Вольф, Эдуард 162, 179.
„Воля“, см. „Желязова Воля“.
Ворлитцер, пианист 83, 87.
Воронецкий, Морис 170, 172.
Врбна 55.
„La vraie république“, журнал 314.
Вуд 339.
Выбранецка, Флорентина 11, 18.
Выбранецкий, Антон 11, 24, 33, 37.
Высоцкий 26.
Вышинска 23.
Вьетан, Анри 179, 266, 293.
Вюртембергская герц. чета 291.
Вюртембергская герцогиня 371.
Вюрфель, Вильгельм 51, 52, 53, 55, 58, 59, 63, 66, 113, 115, 116, 125, 134, 136.

Г.

Г. см. Гладковска.
Г., князь 131.
Гаага 80,
Габенек, дирижер 208, 261, 282.
„Gabriel“, ром. Ж. Санд 187.
Гаванна 331.
Гавар, Шарль, писатель 273, 291, 305, 309.
Гаварни (Шевалье), гравер 274, 275.
Гавары 273.
Гавр 260, 343.
„Gazette des Beaux Arts“ 381, 382.
„Gasette musicale“ 234.
„Газета Варшавска“ 77, 78, 79, 81.
„Газета Польска“ 77,
Гайдн, Иосиф 50, 198, 281, 327, 341.
Гайяр 243.
Галеви, Жак-Фромонтель 157, 208.
Галиция 49, 84.
Галле (Halle, Karl), астроном 281.
Галле 318, 335.
Галленберг, Роберт 51, 52, 53, 55, 63.
Гамбург 44, 209, 212, 216, 218, 244, 364.
Гамильтон, герцог 352.
Гамильтон, герцогиня 335, 352.
Hamilton Palace 351, 352.
Гамильтоны 353.
Гамлет 90.
Hansen, коллекционер 382.
Ганка, Вацлав 58, 59, 289,
Гарсиа, старушка (мать певицы) 253, 284.
Гартман 42.
Гасконь 272, 280, 305, 309.
Гаслингер (муз. издатель) 50, 51, 54, 57, 62, 63, 64, 84, 112, 115, 117, 126, 129, 193, 218, 224, 226, 267.
Гашинский, Константин, поэт 73, 90, 182.
Гданск, см. Данциг.
Гёзик, Фердинанд 5, 7, 27, 167, 182, 188, 190, 195, 197, 203, 206, 207, 210, 214, 215, 218, 223, 225, 227, 229, 231, 239, 243, 252, 256, 257, 271, 278, 298, 303, 304, 348, 353, 354, 356, 357, 380.
Гейдельберг 165, 350, 354.
Гейдлер 166.
Геймюллер 114.
Гейне, Генрих 161, 216, 328.
Гейнефеттер, Клара 115.
Гейнефеттер, певица 111, 115, 121, 125, 135.
Гейнефеттер Сабина 115.
Гейсмер 42, 68, 79.
Гелгуд 153, 154.
Гельвиг 106.
„Geldhab“ („Пан Гельдгаб“), комедия А. Фредро 48.
Гемерлейн 17.
Гендель 45, 207.
Генель, певица 109.
Геннеберг 84.
Генсборо, лэди 321, 335, 355.
Генуя 188, 284.
Гербо (Herbaut) 315, 331, 372, 376.
Гервет 142.
Геркулес 262.
Германж 171.
Германия 99, 141, 150, 156, 169, 172, 180, 184, 208, 220, 242, 266, 316, 370, 383.
Гернер 105.
Герольд, Луи-Жозеф 67, 141.
Герох 90.
Гертель 6, 168, 178, 205, 206, 208, 220, 222, 231, 233, 238, 239, 242, 270, 286, 297.
Герц, Анри, пианист 52, 64, 138, 154, 156, 159.
Герц, скрипач 130.
Гершель, Джон, астроном 281.
Гессе, Адольф-Фридрих, органист 107, 130, 131.
Гессенская герцогиня 325.
Гессенский курфюрст 335.
Гете, Иоганн-Вольфганг 40, 62, 186.
Гетцель 308.
Гиде, Казимир, композитор 157.
Гиер 296.
Гизо, Франсуа 323, 338.
Гиллер, Фердинанд 138, 139, 140, 156, 157, 160, 162.
Гильери 302, 303, 304, 312, 314, 359, 362.
Гировец, Адальберт, композитор 53, 55, 56, 57, 63, 64, 130.
Гицинг 134.
Гладковска, Констанция 6, 67, 68, 73, 77, 83, 84, 85, 87, 89, 92, 94, 100, 102, 103, 104, 105, 118, 119, 121, 123, 124, 127, 132, 136, 142.
Глазго 331, 339, 340, 342, 344, 346, 348.
Глац 30.
Глинска 166.
Глюгсберг, Натан 25, 274.
Гнезно 192.
Gaubert 190.
Гоге 148.
Голицин, кн. 77.
Голицина, княгиня 255.
Голландия 172.
Гонсэ 41, 73, 79, 88.
Гораций 14.
Гордон 18.
Гордон, лэди 336.
Горецкий 221.
Горский, Владзио 103, 104.
Горский, Каэтан 19, 42, 103, 104.
Госсек, Франсуа-Жозеф, композитор 294.
Гостинский 0, 59.
Готфрид Бульонский 264.
Гофман, Карл-Александр 162.
Гофман, пани 260.
Гофман, Яков-Фредерик, проф. 24, 27.
Гофмейстер, Ф., художник 17, 147, 234, 238.
Грабовский 73, 142.
Грамон, герцогиня 336.
Гранвиль (Jean-Ignace-Gérard) 275.
Гранвиль, лэди 335.
„Граф Ори“, оп. Россини 78, 80, 96.
Графф, ф.-п. фабрикант 50, 52, 54, 60, 64, 183, 115.
Гренобль 153.
Грессер 77, 95, 123.
Грессеры 57, 83,
Грефле (Graefle), Альберт, художник 383.
Гржимала, Альберт, гр. 6, 7, 74, 167, 168, 174, 175, 176, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 225, 226, 229, 230, 231, 232, 235, 236, 239, 240, 243, 248, 249, 253, 254, 255, 256, 257, 260, 272, 286, 287, 288, 290, 291, 298, 301, 303, 304, 312, 313, 314, 316, 318, 319, 321, 324, 326, 328, 331, 342, 343, 345, 348, 350, 351, 352, 354, 357, 363, 364, 365, 367, 369, 370, 372, 376, 377, 379, 383.

Гржимала, Войцех, гр. 306, 307,
Grignon 280.
Гризи, Джулиа, певица 282, 284, 320, 321, 348, 351.
Гриль, пани 372.
Грот, пани 337, 338, 348.
Грубешов 47, 102.
Грюнберг, слепой флейтист 81.
Губе 53, 54, 58, 66, 68, 82, 84, 87, 90, 93, 104, 126, 127.
„Гугеноты“, оп. Мейербера 272.
Гуеска 170, 172.
Гульбины 18, 30.
Гумбольд, Александр 40, 43, 44, 45.
Гуммель, Непомук 17, 40, 54, 64, 69, 72, 76, 77, 115, 116, 126, 128, 139, 167.
Гуммель (сын) 116. 123.
Гуссаржевска 57.
Гуссаржевские 50.
Гуссаржевский 113, 114, 117.
Гутковский, Войцех 25, 27.
Гутман, Адольф (Игнац) 184, 198, 255, 258, 275, 294, 318, 322, 324, 350, 353, 364, 367, 378 383.
Гуттри А. 5, 50, 135, 167, 180, 203, 206, 210, 212, 215, 231, 240, 243, 256, 265, 271, 278, 298, 303, 348, 353, 354.
Гучио (Густав) 135.
Гюго, Виктор 260, 263, 264.
Гюго, м-м 260.
Гюдэн 308.

Д.

Давид, Фелисьен-Цезарь, композитор 269, 293.
Дависсон 335.
Дамзе, Иосиф, композитор 233.
Даморо-Цинти (Damoreau-Cinti), певица 141, 151, 156, 268, 269.
„Дамы и гусары“, ком. А. Фредро 48.
Данильские 163.
Даниэль, слуга Шопена 338, 339, 347.
Дантан, скульптор 212, 217.
Данциг 12, 23, 41 57, 68, 82, 83, 96, 99, 171, 244.
Дармштадт 99.
„Дворец Люцифера“, оп. Курпинского 70, 72.
„Le Devin de village“, оп. Руссо 273.
Девоншир 321.
Девриент 80.
Девриент, Карл-Август, актер 62.
Девриент, Людвиг, актер 62.
Девриент-Шредер, см. Шредер-Девриент.
Дездемона 87, 141.
Декерт, ксендз 104.
Декерт, пани 16, 17, 19, 20, 21, 22, 25, 28, 30, 35.
Делакруа, Евгений 240, 246, 248, 270, 286, 288, 290, 294, 301, 303, 304, 308, 323, 348, 361, 364, 367, 369, 380, 381, 382.
Деларош, Поль 262, 276, 363.
Делатуш 253, 313.
Делер, Теодор 130, 198.
„Daily News“, газета 336.
Деммар, режиссер 53, 63,
Деннери 274.
„Деревенский колдун“ („Le devin de village“), опера Руссо 273.
Деривис 151.
Дессауэр, Иосиф 216, 217, 218, 250, 338.
„Le Dasert“, симфония Давида 269, 293.
Дешан (Deschamps, Antoine) 261.
„Le diable à quatre“, балет 273.
„Giovani de Procida“, оп И. Понятовского 283.
Джонстон - Кэстель (Jonston Castel) 342, 346.
Джульетта, актриса 260.
Дзевановска, Людвика 11, 16, 263, 364, 367.
„Dziennik urzedowy“ 77.
Дзевановские 11, 35.
Дзевановский, Доминик 6, 10, 32, 127, 148, 158, 250, 263.
Дзевановский, Петрусь 90.
Дзевановский, Юльюш 11, 35, 37, 82, 263.
Дзеконска 104.
Дзеконский, Томаш 18, 104.
„Дзяды“ (поэма Мицкевича) 183, 186.
Дзялынский 153.
Диабелли, Антоний 26, 117.
Диепп 298, 367, 371, 373.
Диккенс, Чарльс 336.
Диллер, пани 165, 216, 250.
Дитрихштейн 54, 55, 115.
Длугош 27,
Дмушевский, Людвиг-Адам 20, 75, 80, 104, 283, 340.
Добржин 18, 23.
Добржинский, Игнатий-Феликс 76, 94, 100, 269.
Добржицка 110.
Доброноки 10.
Добрынь 24, 33, 37.
Довер, лэди 335.
Долбышев 38.
Долинский 95.
Домбровский 154.
Домерацкий 198.
Домович 17, 27, 30.
„Don-Desiderio“, оп. Понятовского 283.
„Дон-Жуан“, оп. Моцарта 63, 139, 290.
Дон-Карлос 321, 336.
„Дон-Пасквале“, оп. Доницетти 260.
Доницетти (Gaëtano Donizetti) 260.
„La donna del Lago“, оп. Россини 110.
Дорваль, актриса 134, 273, 274.
Дорибо, г-жа 254.
Дорю, певица 151.
Дотремон, портной 202.
Дотцауэр, виолончелист 109.
Дрвенца 24.
Дрезден 57, 58, 61, 62, 65, 66, 68, 69, 81, 93, 99, 108, 109, 110, 111, 116, 166, 171, 275, 296, 305, 306.
Дрезденский королевский театр 62.
Дрекслер, Иосиф, композитор 73.
Дрекслер Карл, виолончелист 328.
Дрекслер Луи, виолончелист 328.
„Друзья“, ком. А. Фредро 78.
Дублин 348.
Дубоз 324.
Дуглас, маркиз 335, 352.
Дукс 60.
Дунай 119, 132.
Дунст 79.
де Дуро, маркиза 336.
Душники, см. Рейнерц.
Дыбек, Андрей-Франциск, хирург 24.
Дьяков, генерал 74, 76
Дэлькен (Dulcken), Луиза, пианистка 235.
Дюбуа, ученица Шопена 382, 384.
Дюваль 47.
Дюве 244.
Дювер 295.
Дюверне 301, 302, 305.
Дюверне, м-м 301.
Дюдеван (муж Ж. Санд) 303, 305, 309, 310, 315.
Дюдеван, Морис 176, 227, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 253, 263, 272, 277, 279, 280, 285, 290, 294, 296, 302, 305, 07, 309, 310, 312, 313, 323, 341.
Дюдеван, Соланж, см. Клезанже.
Дюдеван де-Франкейль, см. Ж. Санд.
Дюма 283.
Дюма-сын 283.
Дюнуа, барон 113.
Дюпен, м-м 272, 273.
Дюпен де-Франкейль 272.
Duperré, Laura 231.
Дюпон, м-м 267.
Дюпон, панна 84.
Дюпон (Dupont) 202, 204, 228, 267.
Дюпор, Антон 116, 125.
Дюран 254, 292, 294.
Дюран, м-м 252.
Дюран, франц. консул 100.
Дюрие 292.
Дюссек, Иоган-Людвиг 69.
Дюссельдорф 208.
Dutilleux 382.

Е.

Европа 37, 39, 116, 136, 151, 156, 166, 282, 320, 330.
„L'Eclaireur“, журнал 266.
„Елена и Мальвина“, опера Соливы 75.
Еловицкий 174, 383.
Ельский 67.
Emilie 231,
Ендржеевич, Генрих 265.
Ендржеевич, Каласанти 10, 38, 41, 47, 67, 70, 72, 149, 157, 239, 247, 258, 259, 262, 263, 265, 267, 273, 275, 305, 342, 365, 366, 367, 372, 373, 377.
Ендржеевич, Людвика 10, 11, 13, 16, 18, 21, 22, 23, 30, 35, 41, 43, 49, 65, 72, 76, 80, 82, 85, 88, 90, 93, 96, 98, 99, 102, 104, 106, 112, 115, 116, 128, 134, 143, 157, 163, 239, 243, 245, 246, 250, 252, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 272, 273, 274, 277, 278, 279, 280, 285, 294, 295, 303, 304, 305, 309, 342, 348, 365, 366, 367, 368, 370, 372, 373, 375, 377, 383.
Ендржеевич, Людвика (Людка)—дочь 259, 305, 365, 366, 373,
Ендржеевичи 261, 262, 279, 284, 291, 294.
Erard, mr., см. Эрар.
„Ессонда“, оп. Шпора 150.
St. Etienne du Mont (церковь в Париже) 366.

Ж.

Жак, пан 23.
Жанен. Жюль 291, 292.
Желязова-Воля 22. 30, 41, 88, 116.
Желязовский 95.
Жандр 79.
Женева 67, 70, 161, 162, 172.
Живный, Адальберт-Войцех 16, 17, 19, 20, 22, 25, 28, 30, 35, 42, 48, 56, 67, 72, 76, 80, 82, 85, 88, 90, 93, 96, 104, 108, 112, 149, 164.
Жилинский 42, 73, 81, 89.
„Gymnase“, театр в Париже 346.
Жозеф, чета 285.
Жозефина, пани 279.
Жоли, Антенор, издатель 248.
Жолковский 89.
Жорж, см. Санд, Жорж.
Jocelyn, лэди 335.
Жох 42.
Жоховский, Феликс 25.
Жуанвиль, бразильская принцесса 283,
„Journal des Débats“ 307, 308, 310.

З.

Забелевич, пан 9.
Забелло, Франциск 26.
Завадский 163.
Заионичковска, княжна 171.
Закржевский 27, 95.
Залесский 320, 364.
Зальцбург 133.
Замойские 27, 370.
Замойский, Станислав 27.
Замойский, граф 293.
Зарзай 265.
Захаркевич 134.
Збоинска, Камилка 13.
Збоинский 12, 13.
Зданович, Иосиф, певец 20, 40, 89.
Зевксиппа 26.
Зевс 262.
Зези 109.
Зейдлер 95.
Зейфрид, Игнац-Ксавер, капельмейстер 52. 53, 57, 130.
„Зеленый свод“ („Grüne Gewölbe“) музей в Дрездене 109.
Зелинский, певец 105.
Зелонкова 159.

Зельтер 40.
Зеневальд 75, 147.
Singakademie", концертный зал в Берлине 45.
„Золушка", оп. Россини 51, 67.
Зонтаг, Генриэтта 80, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 130, 230.
Зубелевич, Адам, проф. 27.
Зузя 18, 25, 112, 265, 268.
Зусс 212.

И.

Изабелька, см. Шопен, Изабелла.
„Изидора", ром. Ж. Санд 270.
Изя, см. Чарторижска.
„Иисус на Масличной горе", оратория Бетховена 207.
Илленау 115.
Иллиада 14.
„Invalides", (здание в Париже) 366.
Inverary, город 349.
Индик 49.
Индик, пани 49, 50.
Jndre, см. Эндра.
Иоанн-Непомук, св. 59.
Иозефа, панна 171, 172.
Иозефовна, кухарка 38.
„Иосиф в Египте", оп. Мегюля 51.
„Иосиф", оферторий Эльснера 208.
„Искушение", оп. Галеви и Гиде 157.
Испания 165, 170, 177.
Испанский герцог 321.
Италия 59, 67, 68, 69, 81, 84, 93, 94, 95, 99, 104, 110, 114, 117, 274, 275, 283, 285, 323, 353.
„Итальянская опера на пути", оп. Фиораванти 103.
„Итальянцы в Алжире", оп. Россини 36, 140.
„Иуда Маккавей", оратория Генделя 207.

К.

Каве 299.
Кадоган, лэди 335.
Казадори 154.
Казимир (Казио), см. Водзинский.
Казимир-Прево, м-ль, певица, 151.
Каленберг 132.
Калергис-Муханова, Мария 275, 305.
Калиш 10, 30, 69, 72, 87, 106.
Кальдерон 274.
„Calder House" 327, 329, 331, 339, 350.
Калькбреннер, Фридрих-Вильгельм 17, 52, 57, 138, 139, 140, 143, 144, 145, 146, 147, 150, 151, 156, 157, 159, 194, 335, 363.
Каменка 60.
Каменский 97.
„Каменщик и слесарь", оп. Обера 48, 106,
Кандлер, Франц-Ксавер, муз. писатель 128, 130, 132,
Canut, Ernest 176, 187.
Кап 329.
Карасовский, Маврикий 5, 131, 135, 188, 383, 384.
Карафа - де-Колобрано, Микеле-Энрико, композитор 141.
Карвовский 10.
Каренин, Владимир 5, 186, 298.
„Caricature", юмор. журнал 275.
Карл III, 283.
Карл (пан), Король, см. Вельц.
Карл, принц 45.
Карл, слуга Шопена 209, 216, 218, 226.
Карлейль, город 339.
Карлейль, Томас 336.
Карлович, М. 5, 265.
Карлсбад 54, 163, 374.
Карский, А. 35.
Картезианский монастырь (на Майорке) 175, 176.
Кассель 99, 139.
Кастель 42.
Кастнер, Иоган-Георг, композитор и муз. ученый, 213.
Каталани, Анжелика, певица 364.
Качинский 90, 100.
Качковский, Иозеф, композит. 26,
Кашинский, виолончелист 76, 77.
Квятковский, Теофил, художн. 382, 383 384.
Кеир (Keir) 331, 340, 345, 348, 349.
Келер, Иосиф 60.
Келецкая губерния 49.
Келлер, органист 107, 130.
Кельн 208.
Кембль, Фанни, см. Сартори, пани.
Кембриджская герцогиня 335, 336.
Кембриджская герцогская чета 336.
Кембриджские князья 325.
Кент, герцогиня 336.
Кертнертортеатр в Вене 51, 63, 116.
Керубини, Мария-Луиджи 90, 130, 138, 141, 150, 151, 207, 213, 259, 261.
Кесслер, Иосиф-Кристоф 52, 67, 69, 72, 100, 118, 182.
Киавинья, скрипач 67.
Киевский 126.
Кизеветтер, Рафаил-Георг, историк музыки 117, 130.
Кика 48.
Кикола 12.
Кимель 93.
Кингстон 353.
Кинель 105.
Кинкель 90.
Kinlogh, лэди 322.
Кистинг, фабрикант роялей 44.
Клари, графы и князья 60, 61, 65.
Clark J., доктор 359.
Клезанже, скульптор 279, 293, 297, 300. 301, 308, 309, 310, 311, 313, 314, 323, 324, 333, 359, 360, 361, 362, 272, 382, 383.
Клезанже, Соланж 6, 231, 232, 235, 237, 238, 241, 244, 245, 247, 249, 250, 251, 253, 261, 264, 268, 270, 272, 277, 279, 285, 291, 293, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 320, 323, 324, 326, 332, 333, 340, 341, 344, 346, 349, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 263, 368, 372, 378
Кленгель, Александр-Август 58, 59, 61, 65, 68, 109, 110, 111, 115, 275.
Клодава 30.
Clot (Клот-бей), доктор 206.
„La Clochette", оп. Герольда 141.
Княжевич, Карл, генерал 109, 111.
Кобден (Cobden), Ричард 343.
Кобленц 162, 266.
Ковалево 12.
Ковен-Гарденский театр в Лондоне 282, 319, 320.
Козелух, Леопольд 114.
„Cosima", драма Ж. Санд 197, 201, 206.
Козицкий 29.
Козлов 12.
Козмиан, Станислав 172, 320.
Козубовска 263.
Коллетти, баритон 282.
Колли, певец 40.
Коло 30.
Кологривова-Рубио, Вера 279, 376.
„Kolporteur", оп. Онслова 45.
Колумб, Христофор 284.
Кольберг (фон-Колобржег), Антон 380, 381.
Кольберг (фон-Колобржег), Вильгельм (Вилюсь) 10, 11, 30, 108, 127, 136, 149.
Кольберг (фон Колобржег), Оскар 292, 295.
Колюбакин 82.
Колюбакина, панна 99.
Комàры 111.
Комб 313.
Комбермеер, лэди 325 336.
„Comédie-Francaise", театр в Париже 197.
Комминг-Брюсе 338.
Конго 218.
Конде, принц 170.
Константин, велик. князь 75, 76.
Константинополь 177.
Констанция (Костуся),см. Бяловлоцка.
Конст., см. Гладковска.
„Consuello", ром. Ж. Санд 266.
Конти 90.
Контский, Антон 328, 376.
„Confessions" (Руссо) 273.
Концевич, Людвик 18.
Копенгаген 382.
Коперник, Николай 13, 14, 101.
„Копцюшка", варшав. кафе 74.
Копытовский 57.
Корвин 256.
Корев, доктор 364.
Корнель, Пьер 274.
Королевский оперный театр в Вене 52, 62.
Королевский театр в Лондоне („Hay-Market"; Queens Theater) 320, 337.
Королевский театр в Дрездене 110.
Corret 211.
„Кортец", оп. Спонтини, см. „Фердинанд Кортец".
осинский 27.
Коссецкий, генерал 35.
Коссидьер (Caussidière, Marc) 314, 356.
Костюшко, Тадеуш 46.
Кост., см. Прушак, Костусь.
Кото 161.
Коше (Cochet) 364, 366, 367.
Краков 41, 42, 47, 49, 62 100, 104, 105, 134, 147, 190, 247, 250, 293, 311, 316, 346, 380, 383.
Крамер, Иоганн-Баптист 81, 138.
Крапфенвальд 133.
Красицкий, Игнатий 284.
Кратцер 90, 103.
Краузе, панна 225.
Крашевский, Богуслав 111, 116.
Креза (Creuse), река 236, 266.
Крейссиг 108.
Крейцер, Конрад, композитор 53, 57, 63.
Кремье, Исаак 368.
Креснер, флейтист 15.
„Крестоносцы", оп. Мейербера 51, 121.
„Крестьянин-миллионер", комич. оп. Дрекслера 73.
Кретковский 60.
Крживицкий 10.
Кржижановский, Игнатий 323, 381.
Крогульский, пианист 15, 78.
„Crociato in Egitto", оп. Мейербера 65, 141.
Крювелье (Cruveilhier) 369, 375, 377.
Кудлич, Бонавентура, драм. артист 20.
Куликовский 10.
Кумельский 130. 132, 133, 134.
Куммер, виолончелист 109.
Кунацик 142. 155.
Купинска, певица 36.
„Courier français", журнал 248.
Курнатовский, Альфред 32, 65.
Курпинский, Карл 15, 42, 70, 72, 73, 74, 78, 81, 85, 87, 93, 94, 100, 102, 141,
„Курьер", газета 27, 38, 64, 80, 85, 292.
„Курьер варшавский", газета 20, 65, 75, 79, 80, 95.
„Курьер польский", газета 65, 79, 74, 77.
Кутно 30.
Кутти, мисс 370.
Кутюр, художник 293.
Кухарский 90.
Куявия 163.
Кшиштофович 228.
Кюри, доктор 357.
де-Кюстин, маркграф 171.

Л.

Лабарр, Теодор 234.
Лаблаш, Луиджи, певец 140, 151, 154, 156, 231, 282, 291, 320, 334, 378.
Лавардак 362.
Ламартин 260.
Ламбер, отель 256, 257, 288, 304, 308.
Ламбер 302, 309, 313, 341.
Лампи 116.
Лангерман 155.
Landständisches Saal, концертный зал в Вене 115.
Ланн, маршал 152.

Ланнер 118, 125.
Лансдаун, лорд 336.
Ларак 307, 312, 332, 343.
Ласки 275.
Ласконогий (Laskonogi), король 149,
Ласоцкий 106.
Лассерв, пани 329.
Лассю, архитектор 261.
Латуш 308.
Латцель 33.
Лаубер 42.
Lafitte et Cayard 213, 252, 299.
Лафон, Шарль-Филипп, скрипач 115.
Лафонтен 275.
Лафор 42.
Лахманович, баронесса 117.
Лахнер, Винцент 114.
Лахнер, Франц 53, 56, 57, 63, 64.
Леба 262.
Лебенье 98.
Левассер, певец 151, 156.
Леверрье, астроном 281.
Леви, валторнист 63, 127.
Левинский, кастеллян 61, 82.
Левицкий 77.
Легуве, Эрнест 291, 360.
Ледрю-Роллен, Александр 321.
Леду 100.
Лейденфрост 118. 121, 123.
Лейзер, генерал 60, 61.
Лейпциг 5, 41, 84, 178, 208, 220, 222, 228, 235, 238, 239, 273, 286, 297.
Лейхтентрит 383.
Лелевель, Иоахим 75, 142.
Леман, художник 308.
Леман, проф. ботаники 44.
Лемлей 282, 337.
Лемпицкий, Людвиг 60, 61.
Лемуан, Анри 241, 242.
Ленц, Генрих, органист 228.
Лео, Август, банкир 7, 160, 172, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 198, 209, 210, 215, 218, 223, 224, 226, 229, 248, 249, 257, 273, 293, 295, 309, 331, 343, 377,
Лео (брат), купец в Манчестере 343.
Лео, пани 202.
Леонтина 302.
Леопольдсберг 132.
Леопольдштадт, улица в Вене 114, 233, 234,
Леопольдштадский театр в Вене 150.
Леось 171.
Лепорелло 139.
Леру, Ашиль 253.
Леру, Пьер 236, 244, 253, 266, 272, 312.
Лескевич, см. Туровска.
Лесюер (Lesuer), Жан-Франсуа 147, 150, 151, 261.
Лета, станция 12.
Летрон 262.
Лешкевич 78.
Лешно, улица в Варшаве 44.
Лешинска 17.
Лешинский, Павел 22, 25, 48.
Ливерпуль 325.
Лигнитц-фон, княгиня 45.
Ликт 116, 117.
Лиммер, композитор 131.
„Line“, озеро 349.
Линд, Женни, певица 282, 318, 319, 320, 322, 337, 338, 343, 348, 351, 364.
Линде, пани 96.
Линде, Самуил-Богумил 29, 65.
Линдпентнер 138
Линкольн, лэди 335.
Линовский 90, 91, 112.
Лион, город 153, 234.
Лион, м-ль 157.
Липинский, Карл, скрипач 83, 308, 339.
Липинский, Феликс 308.
Лиссабон 283, 363.
Лист, Франц 51, 102, 138, 156, 157, 160, 161, 166, 173, 206, 215, 218, 261, 266, 273, 275, 323 338, 384.
Литва 94.
Лихновска, графиня 55.
Лихновский, граф 55, 64.
Лихтенштейн 40, 43, 44, 45.
Ловеласс, лэди 3 6.
Lauvergeat 375.
Лович 30, 87.
Логранио 172.
Локетек, король польский 50.
„Локетек“, оп. Эльснера, см. „Владислав Локетек“.
Ломонд 176.
Лондон 7, 67, 85, 98, 133, 140, 156, 157, 161, 166, 172, 178, 206, 216, 221, 2 3, 224, 236, 278, 281, 282, 284, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 331, 333, 334, 335, 338, 339, 341, 332, 343, 346, 347, 348, 351, 352, 354, 354, 355, 357, 358, 359, 361, 362, 367, 370, 381.
Лончинска 72,
Лончинский, Павел 68, 76, 79, 90, 93.
Лорка, см. Чосновска.
Loch-Lomone 346.
Лох-Лонг 344.
Loch-fine 345.
Лувр 261, 270, 274. 381, 382.
Луи, доктор 358, 360, 375.
Луи, слуга, см. Карл.
Луи-Филипп, 100, 152, 159, 170, 199, 239, 276, 281, 283, 308, 309, 317.
Lucas 256.
Лука, Ипполит, фельетонист 274.
фон-Лукка, герцогиня 111.
Лукреция, см. Жорж Санд.
„Лукреция“, траг. Понсара 288.
„Лукреция Флориани“, ром. Ж. Санд 248, 295, 356.
Лурс 94.
Лутцер 132.
Лущевский 47.
Лыщинский 344, 348, 352, 354.
Львов 5, 85, 155, 308.
Льеж 373.
Люблин 23, 105.
Любомирские-Ржевусские, кн. 23.
Людвигсбург 170,

Людвиг-Фердинанд Прусский 69.
Людвика, Людвися, см. Ендржеевич Людвика.
Людвика, панна, см. Дзевановска, Людвика,
Людка, см. Ендржеевич, Людвика (младшая).
St. Louis, остров 256.
Людовик I, баварский король 323.
Людовик XIV 141, 170.
Людовик XV 141, 272.
Люксембург 286, 299, 313.
Люмирский 364
Люс 272, 274, 279, 293, 294, 315, 349.
„Lutezia“, соч. Гейне 216.
Лютынска 164, 263, 268.
Лютихау, барон 110.
„Лючия“, оп. Донцетти 260, 322.

М.

Мабли 273.
Магнус, издатель 81, 84.
Магнушевский, Доминик 95, 123, 127.
„Магомет“, оп. Россини 103.
Магомет -Али 206.
„Маделен“ (церковь в Париже) 261, 335.
Мадрид 267, 283, 338.
Мазетто 139.
Майер, певица 40, 74, 81, 85, 103.
Майнц 208.
Майорка 6, 175, 176, 179, 187, 194, 381, 383.
Маке 183.
Макс 47, 65, 73, 76, 93.
Маллан, доктор 355.
Малле, панна 171.
Малибран-Гарсиа, Мария-Фелисита 140, 141, 151, 154, 156, 268, 337
Мальсдорф, виолончелист 81, 100
Мальфатти, доктор 113, 115. 117, 121, 122, 124, 125, 128, 129, 132, 138.
Мальфиль 312, 313.
Мальц, Вильгельм, врач 34, 38.
„Le Mans“ 375.
Манчестер 327, 328, 331, 332, 341, 342.
„La mâre au diable“ („Чортова лужа“) ром. Ж. Санд, 248, 258, 286, 307.
Маргарита 71.
Мардель (Mardelle) 199, 200, 202, 203.
Марешаль, м-м 303, 304.
„Marie-Jeanne“, драма 273, 274.
Марианна 76.
Мариенбад 66, 90, 168.
Марильские 10.
Марильский, Евстафий 9, 25, 45, 108.
Марио, Джузеппе, певец 282, 320, 333, 334, 348, 351.
Мариолин, врач 258, 267.
Марионе 301.
Мария, см. Водзинска.
„Marquise de-Brinvilière“, опера 141.
Марле 160.
Марлиани, испанск. консул 168, 176, 205, 253.
Марлиани, Шарлотта 174, 187, 188, 190, 204, 205, 235, 236, 237, 253, 254, 255, 286, 288, 301, 303, 304, 307, 308, 312, 313, 315, 337.
Марлиани, Энрико 301, 304.
Мармонтель 382.
Марокетти 261.
Марокко 313.
Марра, Арманд 314.
Марсель 6, 177, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 217.
Мартен 253.
Марцель 111, 127, 130, 136, 147.
Марцинковский, Якс 72.
Маршанд, лакей 229.
Масловский 70.
Массильон, Жан-Баптист 273.
Массэ, издатель 216, 221, 223, 229.
Массэ, пани 229.
Матиас, Жорж, пианист 382, 384.
Матушевска, пани 363, 368.
Матушевский, Михаил 18.
Матушинский, Ян 6, 13, 14, 39, 90, 108, 111, 112, 118, 119, 120, 122, 124, 126, 127, 130, 135, 136, 164, 169, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 188. 189, 190, 191, 193, 195, 196, 197, 198, 200, 202. 203, 204, 210, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 260. 280, 281, 330.
«Maurer und Schlosser», см. „Каменьщик и слесарь“.
Махо 238, 241, 242, 270, 271, 278.
Мацийовский, Вацлав-Александр (Мацек) 17, 18, 20, 55, 57, 58.
Мегюль 51.
Медар, св. 210.
Медзибуж 30.
Медичи, Екатерина 272.
Медон 157.
Мезон 133.
Мейербер, Джакомо 51, 141, 143, 150, 156, 266, 269, 273, 274.
Мейзедер, Иосиф, скрипач 51, 53, 63.
Мейндорф 114.
Мейсонье, муз. издатель 241, 242, 277.
Мекетти, муз. издатель 117, 125, 126, 134, 216, 217, 218, 220, 221, 223, 224, 226, 231.
Мексика 80.
„Мемуары“ Жорж Санд 308.
Мендельсон, Феликс 40, 45, 131, 156, 162, 207, 208, 218, 266, 318, 319, 321, 335.
Мендизабель 175.
„Мери“, см. Витвицкий, Стефан.
Мерк, Иосиф, виолончелист 63, 117, 125, 127, 131.
Меркаданте, композитор 86.
Мефистофель 71.
Мечельский, генерал 72.
Микули, Карл 264.
Милан 90, 94, 109, 140, 316.
Миланская опера 109.
Мильдер - Гауптман, Полина - Анна, певица 85.
Мильнер - Гибсон, м-м 336.

Мильтиц, барон 109.
Минасович 78, 81.
Миньерон, пани 184.
Мирошевский, художник 67, 72.
Миртиле 271,
Миссури 261.
Миттаг 113.
Михаил, князь 305.
Мицкевич, Адам 36, 37, 38, 173, 176, 177, 183, 186, 220, 221, 343.
Мицкевич, Целина 37, 176, 221.
Млечки 82, 90.
Млечко, пан 78, 79.
Млокосевич, панна 226.
Мневский 27.
Мнишек 95.
Мозель, Игнатий-Франц, музык. писатель 130.
„Моисей“, оп. Россини 61, 132, 156.
Молесворт, лэди 336.
Моллэн, доктор 238, 301, 360, 369.
Мольер 48.
Монетон-Мильнер 338.
Монмартр 260.
Монморанси 159.
Монпансье, герцог 283, 309.
Монтебелло 142, 148.
Монтемолэн, граф 336.
Монтескье 273.
Монтец, Лола 323.
Montgioray 258.
Моос, сапожник 330.
Моравия 49.
Моравский, поэт 58, 142.
де-Мориоль, Александра 75, 76, 77, 84, 85, 94, 95, 99, 147.
Морир 383.
Морис, см. Дюдеван.
Морлакки, капельмейстер 59, 61, 62, 65, 109, 110.
Моро (Moreau), Адольф 382.
Моро, служащий Ж. Санд 227, 228.
Моро (жена) 227, 228.
Москва 6, 136, 138.
Мостовский, Тадеуш 35, 83, 102.
Мохнацкий, критик 74.
Моцарт, Вольфганг-Амедей 17, 50, 51, 53, 77, 125, 131, 144, 145, 167, 227, 270, 277, 311, 319, 378.
Мошелес, Игнатий 52, 57, 64, 83. 106, 114, 122; 157, 159, 198, 234.
Мощенский, Александр 192.
Мурильо 346.
Мэара 375.
Мэкинтош 341.
Мюзар, Филипп, дирижер 173.
Мюллер, Фредерика 218, 220, 222, 250,
Мюнхен 5, 39, 70, 133.
Mugnesot 176.
Мюррай, лорд 340, 346.
Мюррай (Murray), лэди 327, 328, 331, 340, 342, 344, 346.

Н.

Навроцка 89,
Накваска, пани 76, 165, 168, 171, 198, 219.
Нант 311.
Наполеон 152, 261, 283.
Нарбон (отель) 314.
Nat. Komar 174.
Национальный театр в Варшаве 89.
Неаполь 81, 110, 186, 283.
„Невеста“ („Braut“) оп. Рисса 141, 150.
Негри, см. Паста.
Незабытовский 42.
Нейбург 132.
Нейком, Сигизмунд 198, 207, 208, 327, 328, 331, 341, 351.
Нейсе (Нессе) 107.
„Немая из Портичи“ („Фенелла“), оп. Обера 92, 107, 108, 109, 115, 122, 141.
Немой[евский] 142.
Немур, гр. 260.
Немцевич 24.
Нептун, планета 281.
Нери, курорт 260, 269.
Неселовска 110, 111, 275.
Нессе, скрипач, см. Нейсе.
Нессельроде, гр., канцлер 275.
Нешковска, Паулина 72.
Нивинский 90.
Ниголевский 57.
Нидецка, пани 208.
Нидецкий, Фома (Томаш) 6, 54, 57, 115,
Николай I (царь) 316, 368.
117. 121, 123. 126, 150, 233. 234.
Никс 216, 227, 353, 382, 383, 384.
Нимцевич 199.
Нимш 30.
Ницца 291.
де-Ноайль, герцог 363.
Новаковский, актер 104.
Новаковский (Новак), Иосиф 69, 74, 78, 104, 147, 155, 156, 226, 251, 263, 267, 280, 285, 288, 289, 291, 292, 295, 311.
Новый Орлеан 295.
Ноган 6, 186, 189, 190, 191, 192, 194, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 206, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 220, 221, 223, 224, 225, 227, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 250, 252, 256, 257, 258, 264, 265, 270, 271 272, 277, 279, 286, 287, 289, 291, 294, 295, 298, 301, 302, 303, 304 305, 309, 312, 313, 315, 340, 349.
Норблин, Петер, виолончелист 94, 131, 140, 150, 308.
Норблин, художник 330.
„Норма“, оп. Беллини 186.
Норман 57.
Нортон, лэди 336.
Nossarz 343.
„Notre Dame“ 221, 366.
„Notre Dame de Victoire“ 278.
Нокс (Knox, Jean) 350.
Нужи 179, 180.
Нурри, Адольф, певец 141, 151, 156, 166, 186, 188, 189.

Нью-Йорк 330, 331.
Нюренберг 179.

О.

Обер, Даниэль-Франсуа 48, 106, 110, 141, 150.
Обертен (Aubertin) 286.
Обницкий 41, 68, 70, 79.
Оборский 40, 41, 67, 70, 90.
Обрезкова, кн. 259, 267. 307, 359, 360, 361, 363, 365, 366, 367, 372.
„Одеон“, муз. сборн. 50, 64.
„Одеон“, театр в Париже 288.
Oddruk z Biblioteki Warszawskiéj 5.
Одесса 116.
Озаровска 198.
Ойцов 49, 50, 62.
Околович 269.
L'Auxerrois (здание в Париже) 366.
Окунь 17.
Олесница 30.
Олещинский 142.
Олизар, гр. 306.
„Олимпия“, оп. Спонтини 40.
Ольдендорф, доктор 377.
Онслов, Жорж, композитор 45, 375.
Опенский, Г. (Opienski H) 5.
«Opéra Comique» (Комическая опера в Париже) 141, 151, 173, 175, 274.
Опиц 19.
Орда, Наполеон 199, 367, 369, 372, 373.
Орда, пани 369.
Орлеан 232, 243, 295.
Орлеанский герцог 170, 261.
Орлеанская, герцогиня 170, 171, 309.
Орловский, Антон 75, 80, 93, 94, 98, 101, 115, 151, 204, 208.
Орнувек 30.
д'Орсай, граф 318, 336.
„Осада Коринфа“, оп. Россини 135.
Осборн, Георг-Александр, пианист, композитор 140, 157, 328.
Осинский 95.
Ославский 199.
Оссолинска, Софья 165, 171, 172.
Остенде 343, 374.
Остров 30.
Островский, Антон-Ян, писатель (отец Христиана) 343.
Островский, Владислав 113.
Островский, Христиан-Иосиф 289, 343.
Отелло 141.
„Отелло“, оп. Россини 40, 87, 111, 121, 140.

П.

„Павел“, оратория Мендельсона 207.
Павловский 96, 97, 100.
Паганини, Николо 43, 58, 87, 116, 119, 131, 138, 139, 339.
Paessin 206.
Паларецци, певица 108.
„Palais des Beaux Arts“ 262, 276.
„Palais Royal“ 212, 219.
de la Palisse M-r. 361.
Пальма 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 187.
Пальстет 95.
Пальстет, пани 95.
Пальчевские 90.
Пампелуна 165.
Пандион 26.
Пантеон 153, 366.
Париж 5, 6, 20, 35, 40, 41, 45, 47, 55, 57, 68, 81, 84, 85, 94, 106, 121, 124, 125, 130, 132, 137, 138, 140, 141, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 195, 197, 198, 201, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 220, 222, 223, 225, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 260, 261, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 320, 322, 323, 326, 327, 328, 332, 333, 335, 337, 340, 342, 351, 353, 355, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 381, 382.
Парис, доктор 101.
Парк, лэди 336.
Парламент, здание в Париже 366.
Парма 352.
Пармская герцогиня 351, 352.
Пармский герцог (Lucca) 352.
Parnas, Kornelia 168.
Parry, Henry 178.
Паскевич, граф 136.
Паста, Джудитта, певица 85, 87, 121, 140, 141, 151.
Пачини, Антонио-Франческо, муз. издатель 208, 209, 221.
Паэр, Фердинанд, композитор 83, 89, 92, 130, 132, 138, 141, 150, 162, 261.
„Певцы и разбойники“, оп. Леопольдины Благетка 57.
st. Pélagie (тюрьма в Париже) 151.
Пеллетан 221, 225, 226, 227, 228.
де-Пентьевр, Мария-Аделаида 308.
Перголезе 264.
Пересвет-Салтан 5.
Перише 250, 358.
Пернэ, издатель 343.
Персиани Фанни, певица 282, 284, 320.
Perth Shire 345, 348, 349.
де-Пертуис, граф 173, 199, 276, 295, 309, 317.
Пертуис, графиня (дочь) 276.
Пертуисы 206.

Петер, банкир 135.
Петербург 70, 79, 85, 87, 100, 208, 274, 296, 327, 333, 359, 360.
„Petit Journal“ 308.
Петр, апостол 330.
Петр, садовник 279.
Пехвель, пианистка 59, 62, 65, 108, 109,
Пецольд, м-м 161.
„Пещера преступления“ („Auberge du crime“), пьеса Ж. Санд, 289, 290.
Пикард 103.
Пиксис, Иоганн-Петер. пианист 67, 142, 143, 156, 157, 159,
Пиксис, Фридрих-Вильгельм, скрипач, дирижер 58, 59, 65, 116.
Пиллэ (Pillet) 233, 256, 282, 283.
Пиль. лэди 325, 336.
„Пират“, опера 141.
Пиринеи 177, 345.
Писсаржевский 123.
„Пиччинино“, ром. Ж. Санд 295.
Пишек, Иоганн-Баптист, певец 282.
de-Plancy 365.
Платер, Владислав, граф 257.
Платер, Людвиг, граф 173, 188, 198, 206.
Платер, пани 96, 160, 168.
Платер, Паулина, графиня 198.
Платер, Эмилия, гр. 153, 154.
Платеры, 160, 171, 316.
Плейель, Игнац 17.
Плейель, Камилл 6, 171, 172, 174, 175, 177, 179, 180, 181, 183, 184, 185. 186, 187, 189, 193, 194, 210, 211, 212, 215, 225, 252, 287, 295, 309, 311, 318, 320, 329, 334, 338, 340, 358, 364, 375, 376.
Плиний младший 29.
Плихта, Андрей 142, 256.
Плихта, пани 256, 257, 364, 367, 369, 371.
Плонное 18, 30.
Плоцк 12.
Повонзки 136.
Подбельский, Георгий 25, 26, 29.
Подвал 97.
Подол 27.
Подчаский 198.
Позен 292.
Познань 40, 44, 47, 69, 71, 217, 316.
Полит, дядя, см. Шатирон, Ипполит.
Полонецка 159.
„Поль и Виргиния“ 305.
Польди 269.
Польковский, певец 20, 40, 85, 127.
Польша 3, 41, 78, 113, 122, 126, 129, 164, 188, 216, 227, 316, 322, 323, 324, 333, 348.
Понговска 103, 104.
Понговский 103.
Понсар, Франсис 288.
Понси, Шарль 231.
Понт 301.
Понятовский, Иосиф, кн. 142, 283, 334.
Поре 368.
Пормик 161.
Порталес 215.
Португалия 283.
Потоцка, Дельфина (урожд. Браницка), граф. 6, 291, 311, 363, 364, 367, 370, 378, 383.
Потоцка, пани 76, 174.
Потоцкий 1 4.
Потуржин 39, 47, 62, 66, 68, 70, 73, 76, 80, 82, 85, 88, 91, 93, 94, 96, 98, 99, 102, 104, 137, 152.
Потье 142.
Прага 57, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 68, 110, 111, 216, 275.
Прадник 49.
Пражский городской театр 58.
Пратер 1 7.
де-Прео, м-м 289.
де-Прео, Фердинанд 279.
„Прерванное жертвоприношение“, оп. Винтера 43, 46, 106,
Пресбург 132.
„Presse“, венская газета 216.
„La Presse“ (парижский журнал) 279, 295.
„Прециоза“, оп. 48, 103
Присниц 260.
„Прихожая врача“, комедия Гашинского 73.
Про, скульптор 261.
Пробст, Генрих-Альберт, муз. издатель 178, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 189, 193, 196, 198, 205.
„Продажа невест“, оп. Герольда 67.
„Пророк“, оп Мейербера 274, 361.
Пруска, Юстина 27.
Пруссия 19, 99, 253.
Прусский король 86.
Прушак, Александра 78, 79.
Прушак, Костусь (Костя) 12, 13, 40, 41, 48, 62, 65, 66, 68, 69, 72, 78, 79, 81, 84, 87, 90, 93, 99, 105, 137.
Прушак. Олеся 65, 87, 90, 93, 148.
Прушак (отец) 60, 65, 68, 93, 104.
Прушак, пани 41, 47, 48, 65, 68, 69, 78, 81, 82. 84, 87, 90, 104, 109, 148.
Прушаки 12. 39, 48, 57, 76, 82, 69.
Прюдан, Эмиль, пианист, композитор 318, 319.
Пулавы 13, 14.
Пуссен, художник 274.
Пшениш 162.
Пьер, доктор 230.
Пьер, слуга Шопена 272, 278, 287,
Пэнсон (ресторан) 313.

Р.

Радзивилл, кн. Антон 40, 43, 45, 66, 69, 70, 71, 86, 87.
Радзивилл, Валентин 151.
Радзивилл, Ванда 71.
Радзивилл, княгиня 66, 72.
Радзивилл, Элиза 71, 72.
Радом 23, 111. 124
Радомин 11, 30, 35.
Райтер 134.
Раморино, генерал 152, 153, 155.
Раставецка 95.
Растрелли, дирижер 109.
„Рататплан“ 48.
Рафаэль 274.
Рациборский, доктор 189, 230.
Рашек, пани 114.
Рашель, Элиза, актриса 243, 283, 294.
„Revue des Deux Mondes“ 177, 186.
„Revue indépendante“ 266, 343.
„Revue musicale“ 41, 139, 151.
„Revue et gazette musicale“ 234.
„Revue sociale 266.“
Redoutensaal, зал в Вене 116.
Рейн 162, 208, 257, 259, 266.
Рейнерц 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 90.
Рейншмит 123, 127.
Рейха, Антон 145, 151.
„Реквием“ Моцарта 378.
Рембелинска 113.
Рембелинский, Александр, пианист 20, 26, 27, 29, 140.
Рембелинский, Людвиг 94.
Рембо, певица 140. 154.
Ремер, Фредерик-Адольф, доктор 24.
Реньо 266.
Рецлер 42.
Ржевусска, Розалия-Александра (княгиня Любомирска-Ржевусска) 23, 113, 114.
Риволи, пани 90.
Рим 90, 110, 283, 293, 296, 330.
Ринальди 38, 73, 93, 96, 101,
Riotord 179.
Рис, Фердинанд 17, 69, 150.
Ричард Львиное Сердце 132.
Рич 331, 341, 343.
Ричи 283.
Роберт 140.
„Роберт Брус“ 346.
„Роберт-Дьявол“, оп. Мейербера 141, 143, 156, 157.
Рогозинский, Антоний 26.
Роде, скрипач, композитор 77, 86, 92.
Роджер, Самуэль, поэт 336.
Роджер, тенор 348.
Роза, княгиня, см. Чарторижска.
Роза 131.
Розенгартен, Софи 296.
Розичев 12.
де-Розьер, Мари 6, 216, 217, 232, 243, 244, 245, 248, 249, 251, 252, 254, 255, 261, 263, 264, 265, 271, 277, 278, 280, 285, 287, 294, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 308, 310, 312, 313, 324, 325, 326, 328, 332, 333, 340, 344, 345, 348, 355, 356, 357, 358, 361, 363, 366, 372, 373.
Ролла, скрипач 109, 111.
Ролинна, Франсуа 197.
Ролинна, Шарль 197.
Ромберг, Киприан, виолончелист 85.
Росси, граф 80.
Россини, Джоакино-Антонио 20, 26, 29, 36, 40, 51, 61, 67, 77, 78, 80, 83, 86, 92. 100, 102, 110, 138, 140, 144, 151, 156, 157, 209, 282, 320, 378.
Россия 4, 286, 349, 359.
Ростковский 126.
Ростовский 119.
Рот, доктор 217, 218, 358, 360, 377.
Ротмалер 381.
Ротшильд (венск.) 114.
Ротшильд (парижск.) 40, 170, 172, 301.
Ротшильд, м-м 273, 295, 364.
Ротшильд, м-м (лондонск.) 322.
Ротшильды 237.
Роханск 346.
Руан 75, 208.
Рубенс 274.
Рубини, брат певца 109.
Рубини, Джиовани-Баттиста, певец 140, 151, 154, 156.
Рубио, см. Вера Кологривова.
Рубио, художник 279.
Рудницкий 120.
Ружнецкий 89, 95.
„Русская Музыкальная Газета“ 5, 6, 376.
Руссо, Жан-Жак 272, 273.
Руссо, Теодор, художник 323.
Рыщевска 291, 306.

С.

де-Сабран, гр. 284.
Садовский 173.
Саккети, художник 73.
Саксония 99.
Саксонская Швейцария 61, 65.
Саксонский король 61, 64.
Саламанка 282, 284.
Salandroure, фабрикант 267.
Саллиатр 266.
Саломонович, певица 89.
Salvandy 283.
Сальви 351.
Saluces 205.
«Sammler», журнал 66.
Санд, Жорж 4, 5, 6, 73, 166, 168, 169, 176, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 194, 195, 197, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 211, 212, 213, 216, 219, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 251, 252, 253, 255, 256, 258, 263, 264, 265, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 320, 321, 323, 324, 325, 326, 332, 340, 341, 343, 356, 359, 378, 381, 382, 383.
Санд, Морис, см. Дюдеван.
Санд, Соланж, см. Клезанже.
Санники 39, 40, 41, 47, 48, 78.
Сантини 151, 154.
Сапега, княгиня 364, 365, 371, 373.
Сарагосса 170.
Саразате, Пабло 311.
Сартори, пан 333.
Сартори, пани 333, 338.
Сассароли 109.

Свешевские 118.
Северин 105.
„Севильский Цирульник“, оп. Россини 20, 21, 40, 86, 100, 103, 105, 108, 121, 140.
де-Севинье, м-м 13, 170.
„Семирамида“, оп. Россини 76, 88, 282.
Сена 227, 262, 275, 311, 365.
Сен-Жермен (St. Germain) 270, 295, 363, 365, 366, 367, 371, 372.
„St. Germain l'Auxerrois“ 366.
Сераковские 57.
Сервашинский, Станислав 70, 72.
Сибилла 13.
Сигизмунд, король польск. 101, 119.
„Сид“, опера Бальфе 274.
«Siècle», журнал 303, 314.
Силезия 31, 33, 49, 131.
Сильвен 301.
Симон, доктор 358, 360, 377.
Симоне 398, 302.
Сицилия 110, 295.
Скалистые горы 261.
Скарбек, Людвика, гр. 30, 247, 250.
Скарбек, Михаил, гр. 149.
Скарбек, Фредерик, гр. 12, 24, 41, 55, 58, 59, 73, 149, 164, 269, 280, 285, 305.
Скаржинска, пани (из Кракова) 47.
Скаржинска, старшая (из Студенца) 47.
Скаржинские 113.
Скаржинский, Валериан 79.
Скаржинский, Винцент 62, 67, 90, 93, 95, 99, 103, 104, 105, 165, 168, 170.
Скаржинский, генерал 173.
Скотт, Вальтер 331, 336, 340, 349, 350.
Скржинецкий 136.
Скродска 84.
Скродский 149.
Славик, Иосиф, скрипач 116, 118, 119, 120, 125, 127, 131.
Служево 166, 168, 169, 170, 171.
Смитковский 162.
Смоховский, актер 85.
Собаньский 220, 221, 316, 330.
Собесский, Яков 133.
Собесский, Ян 119, 132.
Сована 67.
Сован, пани 76.
Сованы 83.
Совинска 78, 148.
Совинский, Альберт, композитор 41, 106, 136, 140, 154, 328, 330.
Соколово 11, 17, 18, 19, 26, 34, 35.
Соколовска, пани 66, 99.
Соланж, Соль (Соля), см. Клезанже.
Солива, Кароль 67, 73, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 83, 87, 89, 91, 92, 93, 94, 96, 100, 102, 103, 104, 105, 109, 142, 230, 231.
Солива, пани 69.
Солонья 252.
Солтык 100.
Сомерсет, герцог 321.
Сомерсет, герцогиня 321, 336.
„Сонамбула“, оп. Беллини 141, 318, 319, 320, 337, 348.
„Сорока воровка“, оп. Россини 86, 92, 100, 103, 121, 123.
„Сотворение мира“, оратория Гайдна 294.
Сохачев 15, 30, 92.
Спа 370.
„Spiridion“, роман Жорж Санд 177.
Спонтини 39, 40, 43, 45.
Средиземное море 180.
Стадион 316.
Стамати, Камилл-Мария, пианист, композитор 140.
Стамец 114.
Станислав-Август, король 29, 283.
Сташиц 24.
Стефани, Иозеф, композитор 295.
Стокгольм 194, 299.
Страдивари 330.
Страсбург 152, 248.
Страхар 344, 345.
Студенец 47.
Стэнлей, лэди 336.
Стэнлей (дочь) 336.
Стюарт, Дудлей, лорд 332, 338, 352, 354, 355.
Стюарт, Мария 344, 350, 351.
Сузанна, служанка 245, 257, 262, 263, 272.
Сулиславицы 72.
Сутерлэндский герцог 321.
Сутерлэнд, герцогиня 319, 321, 322, 325, 334, 335.
Сутцо, кн. 259.
St. Sulpice (церковь в Париже) 366.

Т.

Табецкий 61.
„Times“, лондонская газета 323, 335.
„Тайный брак“, оп. Чимарозы 45.
Тальберг, Сигизмунд 122, 130, 318.
Тальма, актер 89.
Тамбурини, певец 220, 334.
„Танкред“, оп. Россини 109.
Танска-Гофманова, Клементина 49, 62, 162.
Тарквинио 109.
Тарновский, Станислав 134.
Тарчинский, Тадеуш 36.
Татищев 114.
Татищева 113.
„Théâtre de la Porte St. Martin“ (в Париже) 260, 274, 289.
„Théâtre Français“ (в Париже) 283.
„Théâtre Italien“ (в Париже) 230.
„Теверино“, ром. Ж. Санд 270.
Тейхман 73, 85.
„Телемак“ оп. 40.
Телятин 95.
Темза 269.
Теплиц 57, 60, 61, 65, 66, 163.
„Тереза, сирота из Женевы“, пьеса 85.
Тибальди, певица 45.
Тиволи 134.
Тикс 62.
Тино, лакей 204.
Тироль 99.
Tygocinium 28.
Тит, Титусь, см. Войцеховский.
„Тит“, оп. Моцарта 115, 121.
Товянский, Андрей, 177, 221.
Thoré Théophile, писатель 314, 323.
Торн 12, 13, 14, 244, 348.
Торпихен, лорд 327, 331, 339, 346, 350.
Тосканский герцог 283.
„Трибуна“, парижская газета 314.
Триест 57, 66, 90.
Трувилль 370.
Трупена, муз. издатель 206, 209, 212, 213, 214, 215, 216, 223, 226.
Тужин 212.
Тулон, флейтист 141.
Тулуза 211.
Туны 338.
Тур 272, 332, 341.
Турек 30.
Турень (Touraine) 161, 375.
Туровска-Лескевич, Жозефина 230.
„Турок“, оп. Россини 77, 83, 89, 92, 94, 100.
Турчинович 295.
Турчиновичи 233.
„Tygodnik Muzyczny“ 70.
Тышкевич, пани 142.
Тьер 259.
Тьерри 142.
Тюлль, город 309.
Тюльери 239, 262, 303, 336.
Tusaint 40.

У.

Уаза, река 365.
Угоща 18.
Украина 154.
Улазино, княгиня 110.
Уран, планета 281.
Урбан, альтист 140.
Ури, пан 167.
Ури, пани, см. Беллевиль.
Ушакова 117.

Ф.

Фабер 281.
„Фаворитка“, оп. Доницетти 260.
Фалампен 304.
Фалькенштейн 46.
Фальмут, лорд 324, 325, 333, 338.
Фанш 162.
„Фауст“, Гете 40, 61, 62.
„Фауст“ (муз. Радзивилла) 40, 71.
Федо (Fédau) 151.
„Фенелла“, см. „Немая из Портичи“, оп. Обера.
„Фердинанд Кортец“, оп. Спонтини 40, 43, 45.
Ферней 267.
Ферьер (Ferrières) 170, 301.
Фетис 41, 139, 151.
„Фиделио“, оп. Бетховена 85.
„Филармония“ (в Лондоне) 318, 319, 321, 325, 334, 335.
Филес 142.
Филиппеус, генерал 76.
Филипп 69.
Филипп, см. Луи-Филипп.
Филиппина, панна 65.
Филомела 26.
Фильд, Джон 79, 110, 138, 159.
Фиораванти 103.
Фишбах (город) 86.
Фишер 135.
Флавио, певец 320.
де-Флао, мадемуазель, см. Шелбэр.
Флорентина, пани, см. Бялоблоцка.
Флоренция 279.
Фолькстон 317.
Фонтана, Юлиан 6, 32, 41, 48, 118, 147, 166, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 184, 185, 186, 188, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 220, 221, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 315, 316, 329, 330, 331.
Форе 162.
Форест, пан 375.
Форест, пани 375.
Форти 135.
Фоше (Faucher, Léon) 365.
„Фра-Дьяволо“, оп. Обера 109, 110, 115, 141.
Франк 161, 243, 244, 309, 355.
Франкейль, см. Дюдеван.
Франкенштейн 30.
Франкомм, Огюст, виолончелист 140, 160, 161, 229, 241, 242, 247, 248, 249, 251, 253, 254, 261, 264, 269, 270, 271, 275, 277, 278, 290, 291, 293, 300, 311, 317, 327, 328, 350, 363, 364, 372, 374, 375.
Франкомм, пани 241, 242, 248, 251, 271, 277, 317, 329, 375.
Франкомм, Рене 248, 277, 329.
Франкомм, Цецилия 248, 277, 329.
Франкоммы 273.
„Francon“ (театр в Париже) 153.
Франкфурт (на Майне) 44, 90, 122, 126, 150, 156, 160, 285, 339.
„La France musicale“, журнал 215.
Франсуа, издатель 343.
„François le Champi“, ром. Ж. Санд 307, 308.
Франсуаза (Франциска), служанка Ж. Санд 258, 272, 279, 294.
Франц I 272.
Франция 70, 81, 99, 100, 115, 177, 180, 205, 238, 239, 260. 273, 274, 286, 297, 311, 316, 324, 349, 356, 357, 365.
Франш-Конте 299.
Фредро, Александр, гр., драматург 48, 78, 133.
Фрейер 119, 124, 126.
„Фрейшюц“, оп. Вебера 21, 28, 29, 36, 42, 46, 87.
Френкель, доктор 364, 365, 367, 377.
Фреппа, певец 173.
Фридрих 263, 276.
Фридрихштрассе, ул. в Берлине 44.
Фризен, барон 61.

Фриче 61.
Фукс, Алиоз 131, 133.
Фурье, Шарль 286.

Х.

Hamberg et Levistal 211.
Ханк, пианист 40.
Хельцель 134.
Хинд 281.
Хлопицкий 124.
Хоггард 336.
Хоецкий 323.
Хоментовский 116.
Хорсфорд, Лаура 272.
Хорсфорды 272.
Хотек 60.
Хоткевич 67, 94.
Христина, королева испанская 294.
„Христофор Колумб", симфония Давида 293.
Houbigand Chardin 212.
Houston 344.
L' „Humanité", газета 243, 244.

Ц.

„Цампа", оп. Герольда 141.
„Царство польское" 49.
„Zeitschrift für Literatur" 66.
Цежинска 21.
Целинский 92, 112.
Цельтер, композитор 45, 46.
Церлина 139.
Цехомские 279.
„Caecilienfest", оратория Генделя 45.
„Цецилия Пясешинска", оп. Курпинского 78.
Циммерман, певец 40, 69, 85, 204.
Цинти-Даморо, Лаура, см. Даморо-Цинти.
„Цирульник", см. „Севильский цирульник".
Циссовские 35.
Циховский 364, 367, 369, 370, 373.
Цихоцка, пани 149.
Цихоцкий, Иосиф 98, 165, 292, 324, 365.

Ч.

Чайковска, панна 92, 269.
Чайковский, ад'ютант 92.
Чапек 23, 52, 100, 132, 134, 135.
Чарторижска, Анна, кн. 249, 255, 257, 332, 368, 373.
Чарторижска, Изя 371, 373.
Чарторижска, княгиня 14.
Чарторижска, Марцеллина, кн. 134, 255, 298, 318, 324, 343, 346, 354, 355, 357, 358, 363, 364, 370, 380, 383.
Чарторижска, Роза 363, 368.
Чарторижские 6, 258, 291, 293, 298, 380, 383.
Чарторижский, Адам, кн. 230, 249, 256, 258, 288, 304, 316, 368, 373.
Чарторижский, Александр, кн. 288, 346, 355, 363, 364, 370.
Чарторижский, Витольд 332.
Чарторижский, Владислав 371, 373.
Чарторижский, Марцел 190, 192, 346.
Чаховска, Текла 18.
Чаховский, Юльюш 18.
Челинский, Юлиан 53, 55, 56, 79.
Ченстохов 84.
Черни, Иосиф, муз. издатель 125.
Черни, Карл 51, 55, 57, 60, 65, 113, 117, 130, 138, 198.
Чернышева (дочь) 225.
Чернышева, Елизавета, гр. 224.
Четвертинска, Людвика 21.
Четвертинские 21.
Чехия 338.
Чеховский 84.
Чибини, пианистка 114.
Чимароза 45.
Чимборассо 45.
Чичимара 132.
„Чортова лужа", см. „La mare au diable".
Чосновска, Лаура 148, 267, 280, 284, 296, 305, 306.

Ш.

Шабкевич, кларнетист 81.
Шайо (Chaillot) 3 1, 364, 365, 367, 369, 370, 372, 374, 377.
Шампен 129.
Шантильи 170, 376.
Шанявский 121, 123.
„Charivari", юмор. журнал 212, 220, 275, 326.
„Шарлатан", оп. Курпинского 141.
Шарлитт, Бернар 5, 123, 135, 180, 182, 188, 203, 206, 215, 265, 278, 354, 356.
Шартр 161.
Шарф, купец 107, 108.
Шатирон, Ипполит 245, 247, 250, 258.
Шатору 191, 211, 212, 213, 223, 251, 254, 258, 260, 289.
Шатр (La Châtre) 191, 194, 195, 197, 199, 202, 205, 211, 218, 220, 224, 227, 231, 232, 240, 241, 244, 249, 252, 277, 278, 237, 289, 298, 301.
Шафарня 10, 11, 13, 16, 17, 18, 30, 35, 158.
Шафгаузен 70.
Шашек (Шашкова), пани 117, 134, 250.
Шашеки 134, 135.
Швабе, фабрикант 331, 343.
Шварценберги 55.
Швейковский 58.
Швейцария 39, 67, 84, 156, 161.
Швец 12.
Швеция 338, 364.
Шевалье, Ипполит-Гильом (см. Гаварни).
Chevet 219.
Шельберн, лэди (урож. де-Флао) 336.
Шембек, генерал 92.
Шёнбейн 281.
Шенбрунн 128.
Шеноисо 271, 272, 273.
Шень 261.
Шеппар, м-м 286.
Шер, река 272.

Шеридан 336.
Шетцель-фон, 45, 46.
Шеффер, Ари, художн. 293, 294, 380, 381, 382.
Шидловский, Адольф 17.
Шиллер 13, 78.
Шимановска, Мария, пианистка 36, 37.
Шимановска, Целина, см. Мицкевич, Целина.
Шимановский 90.
Шиманска 144, 148.
Шиманский 148.
Shin-ta ji-ga (Oke-wi-mi) 260, 261.
Шлезингер, Адольф-Мартин 44, 178.
Шлезингер Морис-Адольф 143, 157, 161, 162, 178, 183, 184, 185, 194, 207, 209, 212, 213, 216, 218, 222, 223, 224, 225, 229, 231, 234, 235, 241, 242, 247, 248, 270, 382.
Шлезингер, пани 235.
Шмидт, Алоиз, пианист 122, 126.
Шнабель 33, 106, 107.
Шнейдер 207.
Шоле, Жан-Баптист, певец 141, 151.
Шольц 107, 108.
Шоненбергеры 185.
Шопен, Изабелла, см. Барцинска.
Шопен, Людвика, см. Ендржеевич.
Шопен, Николай (отец композитора) 9, 13, 19, 24, 35, 43, 49, 51, 52, 65, 72, 76, 80, 82, 85, 88, 90, 93, 96, 99, 102, 104, 106, 115, 127, 128, 136, 163, 175, 176, 179, 215, 239.
Шопен, Эмилия 13, 18, 30, 37, 38, 43, 76, 136.
Шопен, Юстина (мать Шопена) 13, 30, 33, 37, 38, 43, 49, 52, 65, 72, 76, 80, 82, 85, 88, 90, 93, 96, 99, 102, 104, 106, 115, 127, 128, 136, 148, 163, 175, 176, 179, 215, 245, 259, 263, 265, 268, 271, 277, 279, 285, 296, 307, 333, 342, 367.
Шопены 12. 16, 22. 23, 34, 38, 43, 55, 263, 277, 310, 347.
Шотландия 4, 324, 326, 327, 328, 329, 331, 339, 340, 341, 344, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 352.
Шофонтэн (Chaudfontaine) 373.
Шперл 125.
Шпис 309.
Шпор, Людвиг 62, 67, 98, 107, 150, 207, 261.
Шрёдер-Левриент, Вильгельмина 140, 151, 154, 156.
Штадлер, аббат, композитор 125, 130.
Штандт, пианист 83.
Штапельтон 221, 227.
Штаттлер, Станислав 293, 380.
Штейн, фортеп. фабрикант, 50, 51, 52, 57.
Штейнкеллер 95, 121, 124, 126.
Штерн 259, 273.
Штетин 244.
Штирлинг 331, 340, 342, 346.
Штирлинг (местность, город) 331, 340, 346, 349.
Sterling Castel 346.
Штирлинг, мисс 279, 305, 317, 322, 324, 326, 327, 328, 329, 331, 339, 340, 342, 343, 344, 346, 347, 353, 354, 355, 356, 358, 363, 367, 370, 371, 372.
Штокгаузен, барон 237, 360.
Штокгаузен, баронесса 237, 276.
Штокгаузены 237.
Штольц, Розина, певица 274.
Штольценфельс, замок 266.
Штраус, Иоганн 118, 125, 126.
Штрейхер, фабрикант роялей 95, 250.
Штрейхер, см. Мюллер, Фредерика.
Штунц 138.
Штутгарт 112, 133, 136, 137, 138, 142.
Schubert, гамбургский издатель 209, 215, 216.
Шуберт, Франц, композитор 53, 125.
Шуберт, художник 383.
Шульчевский, Карл-Франц 320, 354, 355, 358.
Шульц 383.
Шуман, Клара, см. Вик.
Шуман, Роберт 180, 182.
Шунке, Карл, пианист 138, 156, 173.
Шупанциг, Игнац 50, 51, 55, 56, 57, 63.
Шустер 126.
Шух 119, 124, 126.

Щ.

Щербинина 110.
Щуровский, Ян-Непомук, певец 20, 100.

Э.

Эвра 142.
Эвтерпа, муза 26.
Эвфония 281.
Эдинбург 327, 328, 329, 331, 332, 338, 339, 340, 342, 344, 346, 348, 349, 350, 351, 352, 355.
Эйхталь, м-м 160, 193.
Элерт 15.
Эльгин, лэди 336, 338.
Элькан, пани 114, 121.
Эльсбюри, лэди 336.
Эльснер, Иосиф 15, 32, 33, 34, 41, 50, 52, 54, 55, 56, 63, 70, 74, 77, 78, 81, 90, 91, 93, 100, 101, 102, 106, 108, 117, 124, 126, 134, 139, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 151, 152, 166, 179, 207, 233, 261, 263, 267, 269.
Эльснер, пани 208, 243.
„Эльстер", см. „Сорока-воровка".
Эмануэль, посол, см. Араго.
Эмилька, см. Шопен, Эмилия.
Эммеринг, пана 132.
Эммерсон, философ 331.
Эмс 169, 171.
Энгельман, гравер 382.
Энгиен 240.
Эндра (Indre), река 241, 258, 287, 289.
Эннике, настройщик 330.
Энрико 301, 303, 304.
„Эпоха", журнал 248.
Эрар, фортеп. фабрикант 167, 211, 318, 320, 334.

Эрнеман, пианист 41, 52, 57, 69, 74, 81, 89, 90, 92, 93, 94, 100, 103, 104, 106.
Эрскин, м-м 279, 322, 324, 326, 327, 328, 329, 331, 339, 340, 342, 344, 346, 347, 353, 355, 356, 358, 363, 367, 370, 371.
Эрскин (муж) 317.
Эрскины 317.
Эскюдье, Мари и Леон 215.
Эттингер, П. Д. 381.
Этьенн, м-м 245, 246, 332, 345, 355, 357, 358, 370, 371. 372.
Этьенн, мальчик 363.

Ю.

Юлиан, см. Фонтана.
Юнто 179.
Юстова Воля 6, 190, 346.

Я.

Яворек, Иозеф (Явурек) 22, 23, 57, 347.
Яворек, пани 142.
Яль, Яльку, см. Бялоблоцкий.
Ян, Антон, писатель 343.
Ян, слуга Шопена 251, 253, 254, 262, 263, 269, 272, 280.
Янус 281.
Ярачевска 111.
Яроцка 130.
Яроцкий, Феликс, проф. 27, 40, 43, 44, 45, 46.
Ясинский, Францишек 17, 18, 90.
Ясь, см. Матушинский.
Ясь, (неизв. лицо) 280, 296, 311.

Перечень писем Шопена по адресатам.

(Цифрами обозначены номера писем).

Барцинскому, Антону 78.
Блотницкому, Ипполиту 253.
Брейткопфу и Гертелю 133. 138. 140. 166. 172. 180. 181. 182. 225. 241.
Бржовскому, Иосифу 82, 83.
Бялобоцкому, Яну 4. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 18. 19. 20.
гр. Водзинскому, Антону 92.
гр. Водзинской, Терезе 79. 90. 91. 93. 94.
гр. Водзинскому, Феликсу 76.
Войцеховскому, Титу 22. 26. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 66. 69. 306. 307.
Гиллеру, Фердинанду 71. 74.
Гржимале, Альберту 85. 86. 87. 88. 89. 103. 112. 114. 116. 117. 118. 119. 121. 125. 132. 135. 163. 164. 167. 169. 176. 177. 183. 184. 188. 204, 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 234. 244. 266. 269. 270. 271. 273. 274. 277. 279. 280. 283. 284. 286. 288. 295. 296, 298. 301. 302. 303. 310.
Гутману, Адольфу 268. 282.
Дзевановскому, Доминику 73.
Дневники 60. 65.
Ендржеевичу, Каласанти. 72.
Каню, Эрнесту 113.
Клезанже, Соланж 240. 243. 245. 248. 249. 251. 252. 255. 259, 260. 261. 263. 264. 289. 290. 291. 292. 294. 299.
Колобржег-Кольбергу 3. 16.
Контскому, Антону 312.
Кржижановскому, Игнатию 272.
Лыщинскому 285.
Марильскому, Евстафию 2.
Матушинскому, Яну 6. 21. 53. 56. 57. 59.
Неизвестному 100.
Нидецкому, Томашу 171. 173.
Новаковскому, Иосифу 70. 230.
Норблину, Людовику-Петру 256.
Орде, Наполеону 300.
Островскому, Христиану 231.

Платеру, Людвигу 137.
Плейелю, Камиллу 168. 309. 311.
Предсмертная записка 313.
Родным 1. 5. 23. 24. 25. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 50. 51. 52. 54. 55. 61. 62. 63. 64. 77. 193. 198. 213. 215. 219. 224. 236. 254. 257. 258. 278. 297.
де-Розьер, Марии 189. 190. 191. 192. 196. 197. 199. 200. 203. 214. 218. 220. 222. 281. 287. 304.
Санд, Жорж 156. 175. 178. 179. 195. 201. 202. 226. 227. 228. 229. 232. 233. 235. 237. 238. 239.
Туровской, Жозефине 165.
Ури 84.
Фонтане, Юлиану 80. 81. 95. 96. 97. 98. 99. 101. 102. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 115. 120. 122. 123. 124. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 134. 136. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 265. 276.
Франкомму, Огюсту 75. 185. 186. 187. 194. 216. 217. 221. 223. 247. 267. 275. 305. 308.
Шлезингеру, Морису 174.
Шопену—Соланж Клезанже 242. 246. 250. 262. 293.
Шопену—Людвика Шопен 67.
Эльснеру, Иосифу 17. 58. 68. 139. 170.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От редактора 3
От переводчика 5

Письма.

1818.

1. Отцу, 6 декабря (*нем.*) 9

1823.

2. Евстафию Марильскому, сентябрь (*польск.*) 9

1824.

3. Вильгельму Колоджег-Кольбергу, Шафарня, 19 августа (*н.*) 10
4. Яну Бялоблоцкому, Соколово, конец лета (*п*) 11

1825.

5. Родным, Ковалево, пятница (*п.*) 12
6. Яну Матушинскому, Шафарня (*п.*) 13
7. Яну Бялоблоцкому, Варшава, 8 июля (*п.*) 15
8. Яну Бялоблоцкому, „ 27 июля (*п.*) 16
9. Яну Бялоблоцкому, „ 8 сентября (*п.*) 17
10. Яну Бялоблоцкому, „ 30 октября (*п.*) 19
11. Яну Бялоблоцкому, „ ноябрь (*п.*) 21
12. Яну Бялоблоцкому, Желязова Воля, 24 декабря (*п.*) 22

1826.

13. Яну Бялоблоцкому, Варшава, 12 февраля (*п.*) 23
14. Яну Бялоблоцкому, „ 15 мая (*п.*) 25
15. Яну Бялоблоцкому, „ июнь (*п*) 28
16. Вильгельму Кольбергу, Рейнерц, 18 августа (*п.*) 30
17. Иосифу Эльснеру, Рейнерц, август (*фр.*) 32
18. Яну Бялоблоцкому, Варшава, 2 ноября (*п.*) 33

1827.

19. Яну Бялоблоцкому, Варшава, 8 января (*п.*) 36
20. Яну Бялоблоцкому, „ 14 марта (*п.*) 37
21. Яну Матушинскому, „ (*п.*) 39

Стр.

1828.

22. Титу Войцеховскому, Варшава, 9 сентября (*п.*) 39
23. Родным, Берлин, 16 сентября (*н.*) 43
24. Родным, „ 20 сентября (*н.*) 45
25. Родным, „ 27 сентября (*н.*) 46
26. Титу Войцеховскому, Варшава, 27 декабря (*п.*) 47

1829.

27. Родным, Вена, 1 августа (*н.*) 49
28. Родным, „ 8 „ „ 50
29. Родным, „ 12 „ „ 52
30. Родным, „ 13 „ „ 55
31. Родным, „ 19 „ „ 56
32. Родным, Прага, 22 „ „ 57
33. Родным, Дрезден, 26 „ „ 58
34. Титу Войцеховскому, Варшава, 12 сентября (*п.*) 62
35. Титу Войцеховскому, „ 3 октября „ 66
36. Титу Войцеховскому, „ 20 октября „ 68
37. Титу Войцеховскому, „ 14 ноября „ 70

1830.

38. Титу Войцеховскому, Варшава, 27 марта (*п.*) 73
39. Титу Войцеховскому, „ 10 апреля „ 76
40. Титу Войцеховскому, „ 17 апреля „ 80
41. Титу Войцеховскому, „ 15 мая „ 82
42. Титу Войцеховскому, „ 5 июня „ 85
43. Титу Войцеховскому, „ 21 августа „ 88
44. Титу Войцеховскому, „ 31 августа „ 91
45. Титу Войцеховскому, „ 4 сентября „ 94
46. Титу Войцеховскому, „ 18 сентября „ 96
47. Титу Войцеховскому, „ 22 сентября „ 99
48. Титу Войцеховскому, „ 5 октября „ 102
49. Титу Войцеховскому, „ 12 октября „ 104
50. Родным, Бреславль, 9 ноября (*н.*) 106
51. Родным, Дрезден, 14 „ „ 108
52. Родным, Прага, 21 „ „ 110
53. Яну Матушинскому, Вена, 22 ноября (*п.*) 111
54. Родным, Вена, 1 декабря (*н.*) 112
55. Родным, „ 22 „ „ 115
56. Яну Матушинскому, Вена, 25 декабря (*п.*) 118

1831.

57. Яну Матушинскому, Вена, 1 января (*п.*) 124
58. Иосифу Эльснеру, „ 26 января „ 124
59. Яну Матушинскому, „ весна „ 126
60. Из дневника Шопена, „ весна (*н.*) 127
61. Родным, Вена, 14 мая (*н.*) 128
62. Родным, „ 28 мая „ 130
63. Родным, „ 25 июня „ 131
64. Родным, „ 16 июля „ 133
65. Из дневника Шопена, Штутгарт, 8 сентября (*п.*) 136
66. Титу Войцеховскому, Париж, 12 декабря (*п.*) 137
67. Шопену Людвика Шопен, Варшава, 27 ноября (*п.*) 143
68. Иосифу Эльснеру, Париж, 14 декабря (*п.*) 149
69. Титу Войцеховскому, Париж, 25 декабря (*п.*) 152

1832.

70. Иосифу Новаковскому, Париж, 15 апреля (*р.*) 156
71. Фердинанду Гиллеру, Париж, 2 августа (*н.*) 157

Стр.

72. Каласанти Ендржеевичу, Париж, 10 сентября (*п.*) 157
73. Доминику Дзевановскому, Париж (*н.*) 158

1833.

74. Фердинанду Гиллеру, Париж, 20 июня (*фр.*) 160
75. Огюсту Франкомму, Париж, сентябрь (*фр.*) 161

1834.

76. гр. Феликсу Водзинскому, Париж, 18 июля (*н.*) 162

1835.

77. Родным, Карлсбад, 16 августа (*п.*) 163

1836.

78. Антону Барцинскому, Париж, 14 марта (*п.*) 164
79. гр. Водзинской, „ 1 ноября (*п.*) 165
80. Юлиану Фонтане, „ без даты (*н.*) 165
81. Юлиану Фонтане, „ без даты „ 166
82. Иосифу Бржовскому, „ 13 декабря „ 166
83. Иосифу Бржовскому, „ декабрь (*п*) 166
84. Пани Ури, „ без даты (*фр.*) 167

1837.

85. гр. Альберту Гржимале, Париж (*п.*) 167
86. гр. Альберту Гржимале, „ вторник утром (*п.*) 167
87. гр. Альберту Гржимале, „ (*п.*) 168
88. гр. Альберту Гржимале, „ „ 168
89. гр. Альберту Гржимале, „ „ 168
90. гр. Терезе Водзинской, „ 2 апреля (*н.*) 168
91. гр. Терезе Водзинской, „ 14 мая (*н.*) 169
92. гр. Антону Водзинскому, „ май-июнь (*н.*) 169
93. гр. Терезе Водзинской, „ 18 июня (*п.*) 170
94. гр. Терезе Водзинской, „ 14 августа (*п.*) 171
95. Юлиану Фонтане, „ (*п.*) 173
96. Юлиану Фонтане, „ „ 173
97. Юлиану Фонтане, „ „ 173
98. Юлиану Фонтане, „ „ 173
99. Юлиану Фонтане, „ без даты (*п.*) 174
100. Неизвестному адресату, „ без даты (*н.*) 174

1838.

101. Юлиану Фонтане, Пальма, 14 ноября (*п.*) 174
102. Юлиану Фонтане, „ 3 декабря „ 175
103. Альберту Гржимале, „ 3 декабря (*п.*) 176
104. Юлиану Фонтане, „ 14 декабря „ 177
105. Юлиану Фонтане, Пальма-Вальдемоза, 28 декабря (*п.*) 178

1839.

106. Юлиану Фонтане, Вальдемоза, 12 января (*п*) 179
107. Юлиану Фонтане, Марсель, 7 марта (*н.*) 180
108. Юлиану Фонтане, „ март—апрель (*п.*) 182
109. Юлиану Фонтане, „ 13 марта (*п.*) 182
110. Юлиану Фонтане, „ 17 марта (*п.*) 184
111. Юлиану Фонтане, „ март (*н.*) 185
112. Альберту Гржимале, „ 27 марта (*п.*) 186
113. Эрнесту Каню, „ 28 марта (*фр.*) 187
114. Альберту Гржимале, „ 12 апреля (*п.*) 187

Стр.

115. Юлиану Фонтане, „ 25 апреля „ 188
116. Альберту Гржимале, Ноган, 2 июня (*п.*) 189
117. Альберту Гржимале, „ июнь „ 190
118. Альберту Гржимале, „ 8 июля „ 191
119. Альберту Гржимале, „ июль „ 192
120. Юлиану Фонтане, „ 10 августа „ 192
121. Альберту Гржимале, „ 20 сентября „ 194
122. Юлиану Фонтане, „ 21 сентября „ 195
123. Юлиану Фонтане, „ 25 сентября „ 196
124. Юлиану Фонтане, „ без даты „ 197
125. Альберту Гржимале, „ 29 сентября „ 197
126. Юлиану Фонтане, „ 29 сентября „ 198
127. Юлиану Фонтане, „ 1 октября „ 199
128. Юлиану Фонтане, „ 3 октября „ 201
129. Юлиану Фонтане, „ 4 октября „ 202
130. Юлиану Фонтане, „ 7 октября „ 203
131. Юлиану Фонтане, „ 8 октября „ 203
132. Альберту Гржимале, „ 8 октября „ 204
133. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 14 декабря (*н.*) 205
134. Юлиану Фонтане, „ конец года (*п.*) 205
135. Альберту Гржимале (*п.*) 206

1840.

136. Юлиану Фонтане, Париж, 23 апреля (*п.*) 206
137. Людвигу Платеру, Париж, май (*п.*) 206
138. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 18 июня (*н.*) 206
139. Иосифу Эльснеру, Париж, 24 июля (*п.*) 207

1841.

140. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 4 мая (*фр.*) 208
141. Юлиану Фонтане, Ноган, 11 июля (*п.*) 209
142. Юлиану Фонтане, „ 18 „ „ 210
143. Юлиану Фонтане, „ 21 „ „ 210
144. Юлиану Фонтане, „ (*п.*) 211
145. Юлиану Фонтане, „ начало августа (*п.*) 212
146. Юлиану Фонтане, „ ночь с 9-го на 10-е августа (*п.*) 213
147. Юлиану Фонтане, „ 10 августа (*п.*) 214
148. Юлиану Фонтане, „ 18 „ „ 214
149. Юлиану Фонтане, „ 20 „ „ 215
150. Юлиану Фонтане, „ 24 „ „ 216
151. Юлиану Фонтане, „ август—сентябрь (*п.*) 218
152. Юлиану Фонтане, „ 12 сентября (*п.*) 218
153. Юлиану Фонтане, „ 13 „ „ 220
154. Юлиану Фонтане, „ 18 „ „ 221
155. Юлиану Фонтане, „ 20 „ „ 221
156. Жорж Санд, Париж, 25 сентября (*фр.*) 223
157. Юлиану Фонтане, Ноган, 30 сентября (*п.*) 223
158. Юлиану Фонтане, „ 7 октября „ 224
159. Юлиану Фонтане, „ 7 октября „ 225
160. Юлиану Фонтане, „ 9 октября „ 225
161. Юлиану Фонтане, „ 27 октября „ 227
162. Юлиану Фонтане, „ начало ноября (*п.*) 229
163. Альберту Гржимале, Париж, начало ноября (*п.*) 229
164. Альберту Гржимале, „ (*п.*) 230
165. Жозефине Туровской, Париж (*п.*) 230
166. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 3 декабря (*н.*) 231

1842.

167. Альберту Гржимале, Ноган, 25 мая (*п.*) 231
168. Камиллу Плейелю, „ без даты (*н.*) 232
169. Альберту Гржимале, „ 27 июля (*п.*) 232

Стр.

170. Иосифу Эльснеру, Париж, 8 ноября „ 233
171. Томашу Нидецкому, „ 30 ноября „ 233
172. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 15 декабря (*н.*) 233

1843.

173. Томашу Нидецкому, Париж, 25 января (*п.*) 234
174. Морису Шлезингеру, Ноган, 22 июля (*п.*) 234
175. Жорж Санд, Париж, 14 августа (*фр.*) 235
176. Альберту Гржимале, Ноган, начало октября (*п.*) 235
177. Альберту Гржимале, Ноган (*п.*) 236
178. Жорж Санд, Париж, осень (*фр.*) 237
179. Жорж Санд, Париж, 26 ноября (*фр.*) 237
180. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 10 декабря (*фр.*) 238

1844.

181. Брейткопфу и Гертелю, Париж, январь (*н.*) 238
182. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 16 июля (*фр.*) 239
183. Альберту Гржимале, Ноган, 26 июля (*п.*) 240
184. Альберту Гржимале, „ вторник „ 241
185. Огюсту Франкомму, „ 1 августа „ 241
186. Огюсту Франкомму, „ 2 „ „ 242
187. Огюсту Франкомму, „ 4 „ „ 243
188. Альберту Гржимале, Париж, август—сентябрь (*п.*) 243
189. Марии де-Розьер, Орлеан, 3 сентября (*фр.*) 244
190. Марии де-Розьер, Ноган, 7 „ „ 244
191. Марии де-Розьер, „ 11 „ „ 245
192. Марии де-Розьер, „ вторник „ 246
193. Родным, „ 18 сентября (*п.*) 247
194. Огюсту Франкомму, „ 20 „ „ 248
195. Жорж Санд, Париж, 23 „ (*фр.*) 249
196. Марии де-Розьер, Ноган, 22 октября „ 249
197. Марии де-Розьер, „ 31 „ „ 250
198. Родным, „ 31 „ (*п.*) 252
199. Марии де-Розьер, „ 14 ноября (*фр.*) 252
200. Марии де-Розьер, „ 21 „ „ 252
201. Жорж Санд, Париж, 2 декабря (*фр.*) 253
202. Жорж Санд, „ 5 „ „ 255
203. Марии де-Розьер, Париж, (*фр.*) 255
204. Альберту Гржимале, Париж, среда утром (*п.*) 255
205. Альберту Гржимале, „ без даты „ 255
206. Альберту Гржимале, „ пятница „ 256
207. Альберту Гржимале, „ без даты „ 256
208. Альберту Гржимале, „ четверг вечером (*п.*) 256
209. Альберту Гржимале, „ (*п.*) 256
210. Альберту Гржимале, „ „ 256
211. Альберту Гржимале, „ „ 256

1845.

212. Альберту Гржимале, Ноган, 8 июля (*п.*) 257
213. Родным, „ 20 „ „ 258
214. Марии де-Розьер, „ 21 „ (*фр.*) 264
215. Родным, „ начало августа (*п.*) 265
216. Огюсту Франкомму, „ 30 августа „ 270
217. Огюсту Франкомму, „ 22 сентября „ 271
218. Марии де-Розьер, Париж, 7 декабря (*фр.*) 271
219. Родным, Париж, 12 декабря (*п.*) 271

1846.

220. Марии де-Розьер, Ноган, 1 июня (*фр.*) 277
221. Огюсту Франкомму, „ 8 июля (*п.*) 277
222. Марии де-Розьер, „ 2 сентября (*фр.*) 278

Стр.

223. Огюсту Франкомму „ 17 сентября (*п.*) . . . 278
224. Родным, „ 11 октября „ . . . 279
225. Брейткопфу и Гертелю, Париж, 19 ноября (*фр.*) . . . 286
226. Жорж Санд, Париж, 25 ноября (*фр.*) . . . 286
227. Жорж Санд, „ 12 декабря „ . . . 287
228. Жорж Санд, „ 15 декабря „ . . . 287
229. Жорж Санд, „ 30 декабря „ . . . 288
230. Иосифу Новаковскому, Париж, зима 46/47 гг. (*п.*) . . . 288
231. Христиану Островскому, Париж, без даты, 1846 (год поставлен чужой рукой) (*н.*) . 289

1847.

232. Жорж Санд, Париж, 12 января (*фр.*) . . . 289
233. Жорж Санд, „ 17 января (*фр.*) . . . 289
234. Альберту Гржимале, „ 17 февраля (*п.*) . . . 290
235. Жорж Санд, „ 10 апреля (*фр.*) . . . 290
236. Родным, „ 28 марта—19 апреля (*п.*) . . . 290
237. Жорж Санд, „ среда (*фр.*) . . . 296
238. Жорж Санд, „ 29 апреля (*фр.*) . . . 296
239. Жорж Санд, „ 15 мая (*фр.*) . . . 297
240. Соланж Клезанже, „ май (*фр.*) . . . 297
241. Брейткопфу и Гертелю „ 30 июня (*фр.*) . . . 297
242. Шопену-Соланж Клезанже, Ла-Шатр, 18 июля (*фр.*) . . . 298
243. Соланж Клезанже, Париж, 21 июля (*фр.*) . . . 298
244. Альберту Гржимале, „ 15 сентября (*п*) . . . 298
245. Соланж Клезанже, „ 18 сентября (*фр.*) . . . 298
246. Шопену Соланж Клезанже, Безансон, 30 сентября (*фр.*) . . . 299
247. Огюсту Франкомму, Париж, 1 октября (*п.*) . . . 299
248. Соланж Клезанже, „ 2 октября (*фр.*) . . . 300
249. Соланж Клезанже, „ вторник „ . . . 300
250. Шопену Соланж Клезанже, Ла-Шатр, 9 ноября (*фр.*) . . . 301
251. Соланж Клезанже, Париж, 24 ноября (*фр.*) . . . 301
252. Соланж Клезанже, „ 14 декабря „ . . . 302
253. Ипполиту Блотницкому „ 15 декабря (*п.*) . . . 303
254. Родным, „ Рождество „ . . . 304
255. Соланж Клезанже, „ 31 декабря (*фр.*) . . . 304

1848.

256. Людовику-Петру Норблину, Париж, январь (*п.*) . . . 307
257. Родным, Париж, 10 февраля (*п.*) . . . 308
258. Родным, Париж, 11 февраля „ . . . 309
259. Соланж Клезанже, Париж, 17 февраля (*фр.*) . . . 310
260. Соланж Клезанже, „ 3 марта „ . . . 311
261. Соланж Клезанже, „ 5 „ „ . . . 312
262. Шопену Соланж Клезанже, Гильери, 8 марта (*фр.*) . . . 313
263. Соланж Клезанже, Париж, 11 марта (*фр.*) . . . 314
264. Соланж Клезанже, „ 22 „ „ . . . 314
265. Юлиану Фонтане, „ 4 апреля (*п.*) . . . 315
266. Альберту Гржимале, Лондон, 21 апреля (*п.*) . . . 315
267. Огюсту Франкомму, „ 1 мая „ . . . 316
268. Адольфу Гутману, „ 6 „ „ . . . 317
269. Альберту Гржимале, „ 11 „ „ . . . 318
270. Альберту Гржимале, „ 13 „ „ . . . 318
271. Альберту Гржимале, „ 2 июня „ . . . 319
272. Игнатию Кржижановскому Лондон, 6 июля (*п.*) . . . 321
273. Альберту Гржимале, Лондон, 17 июля (*п*) . . . 323
274. Альберту Гржимале, Лондон, 18 июля (*п.*) . . . 324
275. Огюсту Франкомму, Эдинбург, Calder House, 11 августа (*п.*) . . . 326
276. Юлиану Фонтане, Calder House, Mid Calder, 18 августа (*п.*) . . . 327
277. Альберту Гржимале, Calder House, 19 августа (*п.*) . . . 329
278. Родным, Calder House, 19 августа (*п.*) . . . 331
279. Альберту Гржимале, Джонстон Кэстель, 4 сентября (*п.*) . . . 333
280. Альберту Гржимале, Keir, Perth Shire, 1 октября (*п.*) . . . 342

Стр.

281. Марии де-Розьер, Keir, 2 октября (*фр.*) . . . 348
282. Адольфу Гутману, Calder House, 16 октября (*п.*) . . . 350
283. Альберту Гржимале, Hamilton Pallace, 21 октября (*п.*) . . . 351
284. Альберту Гржимале, Эдинбург, 30 октября (*п.*) . . . 352
285. Лыщинскому, Лондон, 3 ноября (*н.*) . . . 354
286. Альберту Гржимале, Лондон, 17—18 ноября (*п.*) . . . 354
287. Марии де-Розьер, Лондон, 19 ноября (*фр.*) . . . 357
288. Альберту Гржимале, Лондон, 21 ноября (*п.*) . . . 357
289. Соланж Клезанже, Лондон, 22 ноября (*фр.*) . . . 358

1849.

290. Соланж Клезанже, Париж, 30 января (*фр.*) . . . 360
291. Соланж Клезанже, „ 5 апреля „ . . . 361
292. Соланж Клезанже, „ 13 апреля „ . . . 361
293. Шопену Соланж Клезанже, Гильери, 13 мая (*фр.*) . . . 362
294. Соланж Клезанже, Париж, май (*фр.*) . . . 363
295. Альберту Гржимале, Chaillot, 18 июня (*п.*) . . . 363
296. Альберту Гржимале, „ 22 „ „ . . . 364
297. Родным, Париж, „ 25 „ „ . . . 365
298. Альберту Гржимале, „ 2 июля „ . . . 367
299. Соланж Клезанже, Париж, Chaillot, 4 июля (*фр.*) . . . 368
300. Наполеону Орде, Chaillot, без даты (*п.*) . . . 369
301. Альберту Гржимале, „ 10 июля „ . . . 369
302. Альберту Гржимале, „ 28 „ „ . . . 370
303. Альберту Гржимале, „ 3 августа „ . . . 372
304. Марии де-Розьер, „ 14 августа (*фр.*) . . . 373
305. Огюсту Франкомму, „ август (*п.*) . . . 374
306. Титу Войцеховскому, Париж, 20 августа (*п.*) . . . 374
307. Титу Войцеховскому, „ 12 сентября (*п.*) . . . 374
308. Огюсту Франкомму, „ 17 сентября (*п.*) . . . 375

Письма без дат.

309. Камиллу Плейелю (*фр.*) . . . 375
310. Альберту Гржимале (*п.*) . . . 376
311. Камиллу Плейелю (*фр.*) . . . 376
312. Антону Контскому (*р.*) . . . 376
313. Предсмертная записка (*фр.*) . . . 376

Приложение.

Письмо Гржималы к Августу Лео . . . 377
Заметка о портретах и внешности Шопена . . . 380
Перечень иллюстраций . . . 401
Указатель имен . . . 403
Перечень писем Шопена по адресатам . . . 407
Оглавление . . . 409

ВАЖНЕЙШИЕ ПОГРЕШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Следует:
10	5 снизу	Едржеевич	Ендржеевич
19	16 сверху	Гурским	Горским
—	3 снизу	Гурский	Горский
26	3 „	тогоже	того же
—	9 „	короля	царя
32	16 сверху	уж я	я уж
36	18 „	Купинская	Купинска
37	„ „	Шимановская	Шимановска
—	7 снизу	то же	то же
38	1 сверху	Едржеевич	Ендржеевич
—	12 „	то же	то же
41	3 снизу	то же	то же
–	16 „	то же	то же
42	7 „	Гурский	Горский
47	10 „	Едржеевич	Ендржеевич
53	15 сверху	Демар	Деммар
61	18 снизу	Везиоловским	Веселовским
63	13 сверху	дам	дал
65	10 снизу	Линда	Линде
66	13 сверху	Соколовская	Соколовска
67	24 „	Едржеевич	Ендржеевич
70	21 „	то же	то же
72	2 „	Лончинская	Лончинска
—	— —	Бернацкая	Бернацка
—	6 сверху	то же	то же
–	4 снизу	Едржеевич	Ендржеевич
73	4 сверху	Гладковская	Гладковска
—	4 снизу	то же	то же
—	5 „	Водзинская	Водзинска
—	8 „	Гладковская	Гладковска
—	10 „	то же	то же
—	— —	Водзинская	Водзинска
76	9 сверху	то же	то же
—	10 „	то же	то же
77	3 „	Гладковская	Гладковска
83	2 „	Мостковский	Мостовский
87	2 снизу	Гладковская	Гладковска
89	13 „	Навроцкая	Навроцка
90	3 сверху	месяца	месяца;
94	19 „	Ходкевичу	Хоткевичу
95	3 „	Раставецкую	Раставецку
97	18 снизу	Каминском	Каменском

Страница.	Строка.	Напечатано.	Следует.
99	21 сверху	Соколовская	Соколовска
101	19 снизу	одинадцатого	одиннадцатого
103	6 „	Гурский	Горский
—	16 „	тоже	то же
104	11 сверху	Гурским	Горским
105	18 снизу	Бранд	Брант
110	5 „	Уласимо	Улазино
112	11 сверху	Сузю	Зузю
113	5/6 „	Рембелинскую	Рембелинску
115	2 „	Гейнефетер	Гейнефеттер
—	5 снизу	то же	то же
116	2 сверху	Вейберхеймов	Вейбергеймов
123	2 снизу	Брандта	Бранта
127	15 сверху	то же	то же
134	7 снизу	Марцелина Чарторижская	Марцеллина Чарторижска
137	8 „	Кот	Кост.
141	6 „	Шолле	Шоле́
—	19 „	то же	то же
150	1 „	Вегенером	Вегелером
—	5 снизу	програмной	программной
—	13 „	так же	также
154	16 сверху	1)	4)
—	4 снизу	Jeszjce	Jeszcje
156	20 сверху	Сенти	Центи
165	16 снизу	врмя	время
168	2 „	Liebesidyllin	Liebesidyll in
174	13 сверху	Потоцкая	Потоцка
184	2 „	передней	прихожей
188	4 снизу	Карасковского	Карасовского
219	6 „	входя	входя,
231	13 „	май	мая
—	3 „	на среду 42 года;	в 42 году на среду;
239	11 „	Тюлльери	Тюльери
247	18 сверху	веруться	вернуться
249	4 снизу	Чарторижская	Чарторижска
257	1 сверху	рассчитывать	расчитывать
272	12 снизу	декарация	декорация
286	17 сверху	рассчитываю	расчитываю
288	11 „	Агнессу	Агнесу
296	17 „	погоду	погоду.
298	14 снизу	княжна	княгиня
313	13 сверху	Морокко	Марокко
—	24 „	спросился	спросила
318	8 сверху	княжну	княгиню
—	3 снизу	Дженни	Женни
322	5 „	поднимуть	поднимут
350	10 снизу	метерик	материк
359	10 „	впоследствие	впоследствии
384	9/10 сверху	встречаеткя	встречается

NARODOWY INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA BIBLIOTEKA

5 р. 50 к. М. 1. Гр. 7.

1052
Narodowy
Instytut
Fryderyka
Chopina
B/50

ПИСЬМА ШОПЕНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДА
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕ
МОСКВА 1929

150